

Академия наук Республики Татарстан
Институт археологии им. А.Х.Халикова АН РТ
Институт археологии РАН

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

ЭПОХА БРОНЗЫ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

**Материалы III международной научной конференции
«Ананьинский мир: культурное пространство, связи,
традиции и новации»**

**№ 3
2017**

ISSN 2587-6112

АРХЕОЛОГИЯ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ

№ 3 2017

Главный редактор:

чл.-корр. АН РТ, докт. ист. наук **А.Г. Ситдиков**

Ответственные редакторы:

канд. ист. наук **С.В. Кузьминых**, канд. ист. наук **А.А. Чижевский**

Ответственный секретарь: **А.С. Беспалова**

Редакционный совет:

Атанасов Г., д.и.н., проф. (Силистра, Болгария); **Авербух А.**, д-р, (Париж, Франция); **Афонсо Марреро Х.А.**, проф. (Гранада, Испания); **Бороффка Н.**, д-р, проф. (Берлин, Германия); **Виноградов Н.Б.**, д.и.н., проф. (Челябинск); **Канторович А.Р.**, д.и.н., проф., (Москва); **Кожокару В.**, д-р хабилитат (Яссы, Румыния); **Напольских В.В.**, д.и.н., чл.-корр. РАН (Ижевск); **Скакун Н.Н.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Франсуа В.**, д-р хабилитат (Экс-ан-Прованс, Франция); **Хайрутдинов Р.Р.**, к.и.н. (Казань); **Черных Е.Н.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Москва); **Шуныков М.В.**, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (Новосибирск); **Янхунен Юха**, проф. (Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия:

Васкул И.О., к.и.н. (Сыктывкар); **Дегтярева А.Д.**, к.и.н. (Тюмень); **Корякова Л.Н.**, д.и.н. (Екатеринбург); **Кузьминых С.В.**, к.и.н. (Москва); **Моргунова Н.Л.**, д.и.н. (Оренбург); **Обыденнов М.Ф.**, д.и.н. (Уфа); **Очир-Горяева М.А.**, д.и.н. (Казань); **Смирнов Н.Ю.**, к.и.н. (Санкт-Петербург); **Усачук А.Н.**, к.и.н. (Донецк); **Черных Е.М.**, к.и.н. (Ижевск); **Чижевский А.А.**, к.и.н. (Казань).

Адрес редакции:

420012, г.Казань, ул. Бутлерова, 30

Телефон: (843) 236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

E-mail: <https://journal3sites.wixsite.com/archaeology>

© Академия наук Республики Татарстан, 2017

© Журнал «Археология евразийских степей», 2017

© ЗАО «Издательский дом» «Казанская недвижимость», 2017

Editor-in-Chief:

Corresponding Member of the Tatarstan Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences **Ayrat G. Sitdikov**

Executive Editors:

Candidate of Historical Sciences **Sergej V. Kuzminykh**, candidate of Historical Sciences
Andrei A. Chizhevsky

Executive Secretary: **Antonina S. Beshpalova**

Editorial Council:

Atanasov Georgy, Dr. Hab., Prof. (Silistra, Bulgaria); **Afonso Marrero José Andrés**, PhD, Prof. (Granada, Spain); **Averbouh Aline**, Dr. (Paris, France); **Boroffka Nikolaus**, PhD, Prof. (Berlin, Germany); **Chernykh Evgenii N.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Cojocar Victor**, Dr. Hab. (Yassy, Romania); **Janhunen Juha**, PhD, Prof. (Helsinki, Finland); **Kantorovich Anatolii R.**, Doktor of Historical Sciences, Prof. (Moscow); **Khayrutdinov Ramil R.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan); **Napolskikh Vladimir V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk); **François Victoria**, Dr. Hab. (D'aix-en-provence, France); **Shunkov Michael V.**, Doctor of Historical Sciences, Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); **Skakun Natalia N.**, Candidate of Historical Sciences (Saint-Petersburg); **Vinogradov Nikolay B.**, Doctor of Historical Sciences, Prof. (Chelyabinsk).

Editorial Board:

Vaskul Igor.O., Candidate of Historical Sciences, (Syktyvkar); **Degtyareva Anna D.**, Candidate of Historical Sciences (Tyumen); **Koryakova Ludmila N.**, Doctor of Historical Sciences (Yekaterinburg); **Kuz'minykh Sergei V.**, Candidate of Historical Sciences, (Moscow); **Morgunova Nina L.**, Doctor of Historical Sciences (Orenburg); **Obydenov Michael F.**, Doctor of Historical Sciences (Ufa); **Ochir-Goryaeva Maria A.**, Doctor of Historical Sciences, (Kazan); **Smirnov Nikolai Yu.**, Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg); **Usachuk Anatolii N.**, Candidate of Historical Sciences, (Donetsk); **Chernykh Elizaveta M.**, Candidate of Historical Sciences (Izhevsk); **Chizhevsky Andrei A.**, Candidate of Historical Sciences (Kazan).

Editorial Office Address:

Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation
Telephone: (843) 236-55-42

E-mail: archeostepps@gmail.com

E-mail: <https://journal3sites.wixsite.com/archaeology>

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Чижевский А.А. (Казань, Россия) In memoriam: Светлой памяти ушедших друзей и коллег.....	11
Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Чижевский А.А. (Казань, Россия) Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: Северо-Восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках.....	22
История археологии	
Кузьминых С.В. (Москва, Россия), Детлова Е.В. (Красноярск, Россия) Проблемы бронзового и раннего железного веков Северной Евразии в трудах и переписке А.М. Тальгрена и Г. Мергарта.....	37
Древности эпохи поздней бронзы Восточной Европы	
Азаров Е.С. (Москва, Россия) К планиграфии поселений культуры «текстильной» керамики позднего бронзового века Поочья. Жилые постройки.....	63
Казаков Е.П. (Казань, Россия) XVI Измерский могильник маклашеевской культуры.....	80
Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. (Донецк, Украина) Конская узда маклашеевской культуры: проблема происхождения.....	89
Шалахов Е.Г. (Юрино, Россия) Коллекция керамики эпохи финальной бронзы с дюны «Красный Выселок» в Приветлужье.....	108
Шипилов А.В. (Казань, Россия) Материалы эпох поздней бронзы и раннего железа Игимской стоянки (Нижнее Прикамье).....	111
Общие проблемы изучения раннего железного века и ананьинский мир	
Гуляев В.И. (Москва, Россия) Образ медведя в скифо-сибирском зверином стиле.....	119
Дараган М.Н. (Киев, Украина) О находках глиняных конусов на городищах скифского времени украинской левобережной лесостепи (археологические контексты и пространственный анализ).....	141
Завьялов В.И., Терехова Н.Н. (Москва, Россия) Формирование технологической модели в сфере железообработки у племён ананьинской культурно- исторической области.....	170
Иванов В.А. (Уфа, Россия) О локальных вариантах ананьинской культурно- исторической области (АКИО) (или сколько «ананьинских культур» мы изучаем?).....	175
Махортых С.В. (Киев, Украина) О скифо-кавказском направлении контактов населения ананьинской культуры в VII–VI вв. до н.э.....	183
Ольговский С. Я. (Киев, Украина) О караванном пути из Ольвии на Урал и в Поволжье и вопросы происхождения зеркал и крестовидных блях.....	209
Полин С.В. (Киев, Украина) Сарматское завоевание Северного Причерноморья (современное состояние проблемы).....	224
Рябкова Т.В. (Санкт-Петербург, Россия) Изваяния новомордовского типа в Волго-Камье.....	244
Скаков А.Ю. (Москва, Россия) Ананьинский мир и Кавказ: контакты и импорт.....	274
Топал Д. А. (Кишинев, Молдова) Антенны скифских акинаков. Истоки и эволюция.....	299
Список сокращений	354

CONTENTS

Foreword	6
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Chizhevsky A.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) In memoriam: In hallowed memory of departed friends and colleagues.....	11
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Chizhevsky A.A. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Introduction to the Archaeology of Ananyino Cultural and Historical Region: Northeastern Europe in the Final Bronze and Early Iron Ages	22
History of Archaeology	
Kuzminykh S.V. (<i>Moscow, Russian Federation</i>), Detlova E.V. (<i>Krasnoyarsk, Russian Federation</i>) Issues of the Bronze and Early Iron Ages of Northern Eurasia in Works and Correspondence by A.M. Talgren and G. Mergart.....	37
Antiquities from Eastern Europe of the Late Bronze Age	
Azarov E.S. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The planigraphy of Settlements belonging to the 'Textile' Ceramics Culture in the Oka Region of the Late Bronze Age. Residential Buildings.....	63
Kazakov E.P. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Izmeri Burial Ground 16 of the Maklashevo Culture	80
Podobed V.A., Usachuk A.N., Tsimidanov V.V. (<i>Donetsk, Ukraine</i>) Horse Bridle of the Maklashevo Culture: the Issue of Origin.....	89
Shalakhov E.G. (<i>Yurino, Russian Federation</i>) A Collection of Ceramics of the Final Bronze Age from Krasny Vyselok Dune in the Vetluga Region.....	108
Shipilov A.V. (<i>Kazan, Russian Federation</i>) Materials of the Late Bronze and Early Iron Ages from Igim Site (Lower Kama Region).....	111
General Issues of Early Iron Age Studies and the Ananyino World	
Gulyaev V.I. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The Image of a Bear in the Scythian-Siberian Animal Style.....	119
Daragan M.N. (<i>Kiev, Ukraine</i>) The Discovery of Clay Cones at the Settlements of the Scythian Period from Ukrainian Left-Bank Forrest-Steppe Region (Archaeological Contexts and Spatial Analysis).....	141
Zavyalov V.I., Terekhova N.N. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The Establishment of an Engineering Model in the Field of Iron Working of Tribes from the Ananyino Cultural and Historical Region	170
Ivanov V.A. (<i>Ufa, Russian Federation</i>) Local Variants of the Ananyino Cultural and Historical Region (AKIO) (or How Many Ananyino Cultures are Studied?)	175
Makhortykh S.V. (<i>Kiev, Ukraine</i>) The Scythian-Caucasian Direction of Contacts of the Population of the Ananyino Culture in 7th-6th Centuries B.C.....	183
Olgovsky S.Ya. (<i>Kiev, Ukraine</i>) The Caravan Route from Olbia to the Urals and the Volga Region and the Issues of the Origion of Mirrors and Cruciform Plaques	209
Polin S.V. (<i>Kiev, Ukraine</i>) Sarmatian Conquest of the Northern Black Sea Region (Current State of the Issue)	224
Ryabkova T.V. (<i>Saint Petersburg, Russian Federation</i>) Sculptures of the New Mordovian Type in the Volga-Kama Region.....	244
Skakov A.Yu. (<i>Moscow, Russian Federation</i>) The Ananyino World and the Caucasus: Contacts and Imports	274
Topal D. A. (<i>Kishinev, Republic of Moldova</i>)Antennas of Scythian Acenaces. Origins and Evolution.....	299
List of abbreviations	354

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце ноября 2016 г. в г. Болгар (Республика Татарстан) проходила 3-я международная научная конференция «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации», организованная Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, Институтом археологии РАН, Болгарским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником.

В работе 3-й ананьинской конференции приняли участие ученые Воронежа, Донецка, Йошкар-Олы, Ижевска, Казани, Киева, Кишинева, Коломны, Костромы, Красноярска, Москвы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Ульяновска, Уфы, Хельсинки. На обсуждение было вынесено 45 докладов, которые охватывали широкий диапазон проблем, связанных с изучением позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии. Особое внимание было уделено археологии ананьинской культурно-исторической области (АКИО), ее хронологии, развитию комплекса материальной культуры, взаимодействию с археологическими культурами леса, лесостепи и степи Восточной Европы и Западной Сибири.

В журнале «Археология евразийских степей» (№№ 3–4. 2017) публикуется большая часть докладов, заслушанных на конференции. По тематике статьи распределяются на семь разделов.

Две статьи предваряют содержание основных частей. В первой **С.В. Кузьминых** и **А.А. Чижевский** рассказывают об археологах, работавших в области ананьинской археологии и в смежной проблематике и недавно ушедших из жизни. Это Г.В. Бельтикова, А.Н. Башенькин, Е.А. Беговатов, В.П. Денисов, Н.А. Мажитов А.Х. Пшеничнюк. В сообщении также говорится об участниках прошлых ананьинских конференций, которые не дожили до 3-й конференции (Л.Т. Яблонский, В.А. Кореняко). Вторая статья **С.В. Кузьминых** и **А.А. Чижевского** посвящена общим проблемам изучения предананьинского и ананьинского времени на северо-востоке Европы. Не случайно она называется «Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области» – в ней дана развернутая характеристика материальной культуры, показан процесс перехода от финала бронзового к раннему железному веку, определены границы и контакты археологических культур, входящих в ананьинский мир – ананьинскую культурно-историческую область.

Первый тематический раздел связан с историей науки и представлен статьей **С.В. Кузьминых** и **Е.В. Детловой**, в которой авторы обратились к исследованию переписки классика ананьинской археологии А.М. Тальгрена с австрийским (а затем немецким) археологом Г. Мергартом, внесшим заметный вклад в сибирскую археологию. Основное внимание в работе обращено на полемику между учеными по проблемам хронологии и культурной принадлежности Сеймы, Турбино, Галича, фатьяновских, ананьинских и енисейских древностей.

Во второй части рассматриваются древности эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Этот раздел открывается статьей **Е.С. Азарова** о планиграфии поселений культуры «текстильной» керамики (КТК) позднего бронзового века Окского бассейна. На основании сопоставления с синхронными памятниками поздняяковской культуры были выделены характерные черты планировки поселков и определены особенности жилищ КТК. Полевым исследованиям на Измерском XVI могильнике посвящена статья старейшего казанского археолога **Е.П. Казакова**. Этот памятник, также как и Измерский XVII могильник, по всей вероятности, относится к единому Измерскому VII могильнику финала бронзового и начала раннего железного веков и представляет собой отдельный ряд данного некрополя. В работе публикуются погребения маклашеевской культуры, в том числе с интересным набором конской упряжи из кости. Проблему происхождения конской упряжи маклашеевской культуры рассмотрели в своей статье **В.А. Подобед**, **А.Н. Усачук** и **В.В. Цимиданов**. Разнообразие форм стержневых трехдырчатых костяных псалиев и многочисленность этих изделий в Северном Причерноморье и, напротив, унификация и относительная малочисленность их в Волго-Камье свидетельствуют, по их мнению, о появлении данного типа псалиев у носителей маклашеевской культуры в результате влияния степных культур Северного Причерноморья и, возможно, карасукского мира. Завершают раздел две заметки, посвященные исследованию коллекций позднего бронзового века Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья. **Е.Г. Шалахов** представил анализ находок, происходящих с дюны «Красный Выселок» в Поветлужье. Керамический комплекс памятника находит аналогии в коллекциях КТК эпохи финальной бронзы. **А.В. Шипилов** дал обзор

коллекций эпох поздней бронзы и раннего железа из фондов Музея археологии Республики Татарстан, полученных в ходе исследования Игимской стоянки в 1970–1971 гг.

В третью часть вошли статьи, рассматривающие общие проблемы изучения раннего железного века. **В.И. Гуляев** представил исследование мотива медведя в скифо-сибирском искусстве Евразии. Он дал подробную характеристику находок с изображением медведя и амулетов из его когтей, происходящих с территории лесостепной и степной Скифии, Южного Урала и Волго-Камья. Автор пришел к выводу о появлении украшений конской упряжи и поясных крючков с мотивом медведя в АКИО в результате культурного влияния населения лесостепного Подонья. В статье высказано предположение о том, что эти предметы являются отражением культа медведя, существовавшего на Среднем Дону и в Волго-Камье в V–IV вв. до н.э. **М.Н. Дараган** обратилась к пространственному анализу глиняных конусов на Кнышовском и Восточном Бельском городищах в Днепровской Левобережной лесостепи и предположила их использование в ткацком деле и рыбной ловле в качестве грузил. Кроме того, она отметила их вторичное использование в культовых практиках. **В.И. Завьялов** и **Н.Н. Терехова** рассмотрели проблему появления железообработки у носителей ананьинской культурно-исторической области. Они установили, что эта технология пришла в Волго-Камье в начале I тыс. до н.э. с Кавказа. Кавказские кузнецы передали местным мастерам способы выплавки железа и простейшие приемы его обработки. Высокие технологии, такие как цементация и мягкая закалка, применявшиеся на Кавказе, остались неизвестны носителям АКИО. Собственный технико-технологический стереотип сложился в Волго-Камье лишь к VII–VI вв. до н.э. **В.А. Иванов** в своей статье на основании сравнительно-статистических исследований погребального обряда приходит к выводу о наличии в составе АКИО нескольких этнокультурных групп. **С.В. Махортых**, проанализировав импорты с Северного Кавказа и лесостепного Поднепровья в Волго-Камье, пришел к выводу о том, что пик связей между этими регионами приходится на вторую половину VII – первую половину VI в. до н.э. **С.Я. Ольговский** обратился к изучению происхождения двух известнейших категорий предметов скифского времени – «ольвийских» зеркал и крестовидных блях с элементами скифского звериного стиля. На основании всестороннего анализа археологических данных он установил, что эти вещи не имеют отношения к Ольвии, так как изготавливались в скифских ремесленных центрах, и скифы сами распространяли свою продукцию вплоть до Урала и Поволжья. В работе **С.В. Полина** исследуются проблемы упадка Великой Скифии и последующего завоевания сарматами Северного Причерноморья. Осветив данные археологии, автор пришел к выводу об отсутствии связи между этими событиями, так как они разделены более чем столетним промежутком. **Т.В. Рябкова** провела скрупулезный анализ изображений оружия на стелах ананьинской культурно-исторической области и предположила, что на формирование данного изобразительного канона большое влияние оказала переднеазиатская иконографическая традиция. **А.Ю. Скаков** обратился к фактам взаимодействия между культурами Кавказа и ананьинского мира. Он предположил, что наличие статусных предметов импорта в Волго-Камье свидетельствует о вероятности перемещения в данный регион с Кавказа некоторых групп населения. В обширной статье **Д.А. Топала** прослежена эволюция антенных наверший скифских акинаков с VII до IV в. до н.э. Автор определил территорию распространения этого типа мечей, выделил ранние и поздние их варианты, сделав основной упор на изделия с орнитоморфными навершиями.

Четвертый раздел объединяет статьи, связанные с публикацией материалов памятников из разных регионов ананьинской культурно-исторической области. В статье **Е.В. Волковой** вводятся в научный оборот результаты раскопок городища Манчиха, проведенных в 2014 и 2016 годах. На основании этих данных выделено три этапа заселения памятника. В работе **Е.М. Черных** и **А.Е. Митрякова** затронута проблема верификации методов относительной датировки многослойных объектов с помощью естественнонаучных методов. Расхождения этих двух систем значительны и составляют от 100 до 1000 лет. Авторы отмечают большую точность системы хронологии, выработанную с помощью традиционных археологических методов, но подчеркивают, что в ряде случаев радиоуглеродные даты ее существенно дополняют. **А.В. Михеев** знакомит читателя с материалами раскопок Ардинского городища в 2013 г. Исследователь отмечает наличие догородищенского слоя с керамикой АКИО под валом, но отрицает существование оборонительных сооружений ананьинского времени. Вал Ардинского городища был насыпан, по его мнению, только в раннем средневековье. Обзор новых случайных находок ананьинского времени из Чувашии дал в своей заметке **Н.С. Мясни-**

ков. Поселения с керамикой АКИО Костромского Поволжья представлены в исследовании **А.В. Новикова**. Выделены три локальных группы этих памятников. Время проникновения носителей ананьинских традиций в пределы Костромского Поволжья отнесено к VI в. до н.э. Выявив ареал гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики в лесном Заволжье, автор предпринял попытку определения западной границы распространения памятников АКИО. Историко-графическое исследование **В.В. Овсянникова** посвящено изучению древностей финала бронзового и раннего железного веков – памятников культуры курмантау и ананьинской культуры шнуровой керамики. Автор прослеживает эволюцию представлений исследователей на хронологию, культурную принадлежность и последующие судьбы населения, оставившего данные памятники. **Э.И. Оруджов** представил аналитический обзор керамического комплекса Кривоборского городища из фондов Кировского областного краеведческого музея. В итоге им выделено четыре этапа функционирования памятника. К ананьинскому этапу (VI–III вв. до н.э.) отнесена керамика культуры гребенчато-шнуровой керамики. В статье **В.С. Патрушева** дана характеристика поселенческих древностей АКИО IX/VIII–VI вв. до н.э. Марийско-Чувашского Поволжья (Ардинское, Малахайские, Копаньское, Сиухинское, Токаревское, Васильсурское, Сиухинское, Ивановгорское, Мари-Луговское). **А.С. Проценко** вводит в научный оборот материалы рекогносцировочного обследования Кара-Абызского городища в 2015 г. В результате этих работ установлено, что с IV–III вв. до н.э. до II – середины III в. н.э. городище было окружено селищами.

В пятый раздел вошли статьи, рассматривающие проблемы финала АКИО и постананьинского времени. **И.Р. Газимзянов и Е.В. Волкова** представили данные краниологического изучения черепов из Гулюковского могильника. В составе коллекции памятника выделены две серии черепов. Первая, принадлежащая поздним сарматам, относится к европеоидной группе населения, вторая серия, относящаяся к домонгольскому времени, – неоднородна. Женские черепа в ней имеют монголоидные (уралоидные) черты, а мужские – европеоидные. В статье **С.Н. Коренюка, А.Ф. Мельничука и Е.М. Черных** анализируются человеческие погребения на памятниках АКИО конца VI–III вв. до н.э. в Среднем и Нижнем Прикамье. Большая часть из них – детские, но есть и захоронения взрослых людей. Погребения были как полными, так и частичными, встречаются также захоронения отдельных черепов. Погребения совершались на поселениях, часто рядом с культовыми постройками или внутри них. Авторы подчеркивают ритуальный характер этих погребений и связывают их с человеческими жертвоприношениями. **А.А. Красноперов** продолжает цикл статей о времени образования пьяноборской культуры, стремясь выделить наиболее ранние погребальные и вещевые комплексы. Другая проблема, обсуждаемая в статье, – погребальный обряд пьяноборской культуры в его сопоставлении с позднеананьинским. Анализ отдельных категорий предметов (мечей) привел автора к выводу о том, что начало пьяноборской культуры нельзя датировать ранее II в. до н.э., а наиболее ранние погребальные комплексы датируются в промежутке между I в. до н.э. – I в. н.э. В статье **А.А. Чижевского** на основании данных радиоуглеродного анализа, предметохроноиндикаторов и керамических комплексов определены границы позднего периода АКИО в рамках конца V–III/II вв. до н.э. Наличие в разных регионах ананьинского мира одинаковых украшений, выполненных в зверином стиле, предметов вооружения и импортных изделий из одних и тех же территорий свидетельствует о наличии внутренних связей между культурами и регионами позднего периода АКИО и сохранении единого культурного пространства вплоть до конца существования ананьинского мира.

Шестой раздел объединяет статьи, посвященные памятникам с «текстильной» керамикой. **А.Г. Векслер и М.Г. Гусаков** затронули проблему поздней стадии дьяковской культуры. По материалам памятников Москворечья, раскопанных А.Г. Векслером, они пришли к выводу о непрерывности существования дьяковской культуры с рубежа IX/VIII в. до н.э. по VI–VII вв. н.э. С I по IV вв. н.э. начинается постепенное угасание дьяковской культуры, которая окончательно исчезает к VI/VII в. В статье **О.А. Лопатиной** анализируются результаты трасологического изучения приемов нанесения «текстильных» отпечатков на поверхность керамики дьяковской культуры. На основе экспериментальных исследований реконструируются инструменты, которыми наносились эти отпечатки. Разнообразие используемых инструментов объясняется разными культурными традициями в гончарстве древнего населения. **М.М. Савенкова** также обратилась к экспериментальному изучению и анализу ряда категорий предметов эпохи раннего железа, таких как грузила для ткацкого станка, грузики «дьякова типа» и «рогатые

кирпичи». В итоге автор пришла к заключению о возможности их использования в качестве составляющих частей орудий текстильного производства. **В.В. Сидоров** представил обзор памятников с «сетчатой» керамикой лесной зоны Восточной Европы. В общем массиве выборки этой керамики он выделил разные способы оформления поверхности и представил свое видение происхождения данной технологии. В заметке **А.С. Сыроватко** речь идет о возможности нанесения «текстильных» отпечатков на керамику с помощью еловой шишки. Показано, что в период возникновения керамики в этой традиции ареал еловых лесов в центре Русской равнины достиг зоны формирования «текстильной» керамики. Статья **Б.А. Фоломеева**, оставившего заметный след в изучении древностей позднего бронзового века Окского бассейна, подготовлена к печати по его черновикам **Е.С. Азаровым**. Она посвящена классификации и выявлению хронологических особенностей «текстильных» отпечатков. На основании исследования была построена периодизация развития «текстильных» («сетчатых») фактур: «рябчатой», «ниточно-шнуровой» и «ниточно-жгутиковой», которая стала теперь достоянием науки.

В заключительном – седьмом – разделе, отражающем взаимодействие ананьинского мира с Уралом и Сибирью, представлена лишь статья **Ю.П. Чемякина**. В ней характеризуются памятники, расположенные в бассейнах рек Тавда, Конда и в Нижнем Приобье, с керамикой кульминского типа. Автором исследованы орнаментальные традиции данной керамики, определено время её существования – VIII/VII–IV вв. до н.э. Истоки керамики кульминского типа основные исследователи связывают с лозьвинской культурой.

Редакторы и составители материалов 3-й ананьинской конференции надеются, что опубликованные в журнале «Археология евразийских степей» статьи вызовут интерес у широкого круга специалистов по археологии позднего бронзового и раннего железного веков Северной Евразии и придадут новый импульс к разработке ананьинской проблематики, особенно в преддверие столетнего юбилея со дня выхода книги А.М. Тальгрена «Ананьинская эпоха в Восточной России» (1919), положившей начало подлинно научному изучению ананьинского мира.

С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский



Вид с дельтаплана на Ананьинский могильник, съемка Р.Х. Бекмансурова, 2016 г.



Вид с дельтаплана на пойму р. Тойма в окрестностях Ананьинского могильника, съемка Р.Х. Бекмансурова, 2016 г.

УДК 902.6

IN MEMORIAM: СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ УШЕДШИХ ДРУЗЕЙ И КОЛЛЕГ

© 2017 г. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

Статья посвящена памяти ушедших из жизни археологов, участвовавших в ананьинских конференциях или тесно связанных своими научными интересами с проблематикой эпохи раннего железа Волго-Камья. Авторы статьи отмечают основные вехи творческого пути этих исследователей и раскрывают их вклад в изучение ананьинской археологии и археологии раннего железного века в целом.

Ключевые слова: археология, история науки, Волго-Уралье, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область, конференция «Ананьинский мир»

Археология, и ананьинская не исключение, – это не только памятники, их раскопки, изучение разнообразных материалов и исследование связанных с ними проблем. Археология, как любая наука, немислима без ее творцов, исследователей, их интеллектуального потенциала – это известная аксиома научной жизни.

Каждый ученый, прошел ли он короткий либо долгий путь в науке, оставляет свой след – яркий, звездный, или едва приметный. Таковы на этом пути и герои данного очерка – наши друзья и коллеги, каждый из которых, и в самом разном качестве, внес свою посильную лепту в ананьинскую археологию. Это недавно ушедшие из жизни А.Н. Башенькин, Е.А. Беговатов, Г.В. Бельтикова, В.П. Денисов, В.А. Кореняко, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк, Л.Т. Яблонский, участвовавшие в ананьинских конференциях или тесно связанные своими научными разысканиями с проблематикой эпохи раннего железа Волго-Камья. Не нам определять их место в той незримой профессиональной табели о рангах, что существует в археологической среде: история науки сама всё расставит по своим местам. Но мы обязаны вспомнить наших друзей и коллег, отдать им долг памяти и поблагодарить за то, что они были с нами.

Башенькин Александр Николаевич (1957–2013) – выпускник исторического факультета Ленинградского университета, с 1980 г. более трех десятилетий работал на Вологодчине, преподавал на историческом факультете ВГПИ, был автором большого количества трудов по археологии севера и северо-запада России (рис. 1, 2). Для ананьинской проблематики особенно важны работы А.Н. Башенькина, связанные с освоением Русского Севера в раннем железном веке и Средневековье. Изученная на Вологодчине серия уникальных археологических объектов – деревянных «домов мертвых» с остатками

трупосожжений перебросила мостик от аналогичных объектов в могильниках ананьинского мира (Тетюшский, Ст. Ахмыловский, Першинский и др.) к каменным могильникам (Kivikalme, Tarandkalme) прибалтийских финнов. Столь же важное значение имеет выявленная им в этих памятниках оригинальная группа орнитоморфных фигурок конца эпохи раннего железа, соединившая в единую цепь подобные изображения в культурах лесной зоны от Урала до Карелии и Финляндии.

Беговатов Евгений Александрович (1937–2015) – математик, доцент кафедры математической статистики, ведущий научный сотрудник Института вычислительной математики и информационных технологий Казанского федерального университета, автор более ста научных публикаций по археологии и нумизматике, человек удивительного обаяния, жизнелюбия и душевной щедрости (рис. 3, 4). Один из нас был в конце 1970-х годов участником первых семинаров Евгения Александровича в Институте языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, когда он знакомил казанских археологов с методами теории вероятности, математической статистики и моделирования. Его задор и увлеченность были сродни вирусной инфекции. Наверное, и поэтому методы математической статистики прочно укоренились в археологической среде Казани. Сам же Евгений Александрович оставил ряд блестящих работ, в которых на практике применил эти методы к решению исторических и археологических проблем и особенно результативно в области нумизматики и археозоологии.

В нашей памяти Е.А. Беговатов останется также удивительно удачливым полевиком-разведчиком. С его именем связано открытие и обследование в пределах Куйбышевского водохранилища уникальных археологических

памятников, комплексов и находок самых разных эпох, в том числе и ананьинской. Евгений Александрович был начисто лишен синдрома, не столь уж редкого в профессиональной археологической среде, – держать всё найденное под собственной кроватью. Он щедро делился с коллегами выявленными материалами, в частности, бескорыстно передал нам для исследования и публикации многие комплексы и находки эпох поздней бронзы и раннего железа (сборы с Красного Яра, Девичьего Городка, Комаровки, Ново-Мордово, Семеновского острова, Мурзихи и др.). Благодаря его подвижнической охранно-спасательной деятельности удалось сохранить для науки уникальные археологические материалы. Общение с Е.А. Беговатовым всегда было праздником. Нам очень будет не хватать его доброжелательной улыбки и заинтересованного общения.

Бельтикова Галина Викторовна (1945–2015) – известный уральский археолог, нас связывали годы дружбы и сотрудничества (Рис. 5, 6). В памяти одного из авторов незабываемые экспедиции на Думной, в Палкино, на Большой Горе и Иткуле, совместная работа с коллекциями иткульского металла. Галина Викторовна была по жизни неисправимым романтиком, человеком с искрометным умом и юмором, неиссякаемой энергией и оптимизмом. Всё это сказалось в выборе профессии и научного пути. С 1966 г. она проводила полевые исследования в Зауралье, Западной Сибири и Прикамье (участвуя, в частности, в раскопках ананьинских городищ Зуевы Ключи I, Каменный Лог, Ныргында II и Баш-Култаево). Большинство сотрудников хоздоговорной лаборатории Уральского университета, в которой она проработала более 40 лет, связали свою научную судьбу в основном с материалами экспедиций на новостройках Западной Сибири. Галина Викторовна, раскопав здесь самостоятельно или совместно с коллегами несколько десятков поселений, прямо скажем, осталась равнодушна к материалам этих памятников и с легкостью уступила их другим исследователям. Начиная с курсовых и дипломной работы, она начала изучать материалы городищ и селищ Среднего Зауралья раннего железного века, раскопанных П.А. Дмитриевым, Е.М. Берс и К.В. Сальниковым. Научным руководителем и консультантом Г.В. Бельтиковой стал В.Е. Стоянов, который был ей ближе по духу и человеческим качествам в отличие от В.Ф. Генинга, волевого и жесткого в общении, руководившего большинством дипломников. Не

быстро (в 1997 г.), порою в муках и сомнениях, рождался главный труд ее жизни – диссертационное исследование, в котором была разработана концепция зауральского (иткульского) очага металлургии VII–III вв. до н.э. Он функционировал в зоне высокой активности своих соседей – савромато-сарматских и сакских объединений на юге, гороховско-саргатских – на востоке и юго-востоке, ананьинских – на северо-западе. Труд Галины Викторовны дал возможность раскрыть конкретное содержание связей оседлого и кочевого населения Волго-Камья, Урала, Казахстана и Западной Сибири, оценить степень их взаимовлияния, наметить уральский след в трансевразийской торговле и обмену металлом, развернуть социально-экономическую структуру металлоносных обществ (на примере иткульского очага металлургии). Тяжелая болезнь не позволила Г.В. Бельтиковой завершить подготовку к изданию сводного монографического труда об уральской металлургии раннего железного века. Эта задача ложится на плечи ее друзей и коллег. Это и наш долг памяти светлomu человеку и уникальному исследователю.

Денисов Владимир Петрович (1927–2012) – ветеран уральской археологии, из первой плеяды учеников О.Н. Бадера, составивших костяк коллектива Камской и Воткинской археологических экспедиций (Рис. 7, 8). В 1947 г. Владимир Петрович поступил в Пермский университет и с той поры на протяжении более 60 лет ежегодно проводил археологические разведки и раскопки, руководил работой экспедиций Пермского краеведческого музея. Здесь он проработал более полувека (1954–2010), сформировал базовые коллекции по неолиту и бронзовому веку. Именно эти археологические эпохи влекли его со студенческих лет. Им изучены и сделаны достоянием науки материалы Хуторской стоянки, являющейся эталонным памятником камской неолитической культуры. В.П. Денисову принадлежит заслуга выделения в Верхнем и Среднем Прикамье своеобразной ерзовской культуры эпохи поздней бронзы. Владимир Петрович раскопал и частично ввел в научный оборот серию интереснейших ананьинских поселенческих памятников, территориально разбросанных от устья Белой до верховьев Камы. Многие его материалы, прежде всего находки медных и бронзовых изделий, стали частью наших исследований. Для нас было большой честью и удовольствием общаться с Петровичем (как величали его любовно наши пермские коллеги) в Перми, Казани и

Москве. Было ли это дружеское чаепитие или обсуждение интересовавших нас проблем, В.П. Денисов в любом обществе – академическом или студенческом – оставался самим собой. Ровный в общении, без грани позерства и самолюбования, он привлекал к себе своей природной простотой, не бросался попусту беспочвенными идеями и гипотезами. Не обижался на тех, кто когда-либо нанес ему обиду. Не настаивал на правоте своих взглядов, преподносил их как один из возможных вариантов развития той или иной археологической ситуации и всегда с уважением относился к мнению собеседника. Это влекло к нему молодежь. В традиционном понимании Петрович не был педагогом, но большинство современных пермских археологов проши его «музейные университеты» в самых разных археологических фондах музея, с которыми он вынужденно перемещался по городу из одного помещения в другое. Благотворное влияние В.П. Денисова испытали на себе все, кому посчастливилось общаться с ним. Это мы можем сказать и о себе, вспоминая о душевной щедрости, мудрости и человечности патриарха пермской археологии.

Кореньяко Владимир Александрович (1952–2016) – археолог, этнолог, искусствовед, дорогой и близкий для нас человек (Рис. 9, 10). Научные интересы Владимира Александровича не касались напрямую ананьинской археологии, но так случилось, что он стал «вариться» в этой проблематике с аспирантских лет, поскольку в нее были погружены его друзья и коллеги В.А. Иванов и один из авторов этой статьи, выплескивавшие на него свои эмоции в ходе подготовки диссертационных исследований. Вовсе не случайно В.А. Кореньяко стал официальным оппонентом при защите кандидатской диссертации А.А. Чижевского, посвященной погребальной обрядности населения Волго-Камья предананьинской и ананьинской эпох. Выбор был, что называется, «в яблочко», поскольку кандидатская работа оппонента была связана с изучением так называемых «переходников» в степных курганах Восточной Европы и их погребальной обрядности.

Светлой памяти В.А. Кореньяко посвящен сборник статей и воспоминаний, изданный в Азове, на родной донской земле, где шло его профессиональное становление. Своими главными учителями в археологии Владимир Александрович называл В.Е. Максименко и К.Ф. Смирнова. Высоко оценивая их вклад в сарматскую археологию, В.А. Кореньяко обращал особое внимание на научную добросо-

вестность обоих исследователей. Этика – и в археологии в особенности – начиналась для него с этого понятия. И, наверное, символично, что его последними трудами стали очерки и воспоминания о В.Е. Максименко и К.Ф. Смирнове.

Всем, кто близко знал Владимира Александровича Кореньяко, осознавали, какая это редкая и незаурядная личность. В нем чувствовался нравственный стержень – он определял его шаги и поступки и в жизни, и в науке, помог превозмочь тяжелейшие личные утраты. В.А. Кореньяко обладал энциклопедическими знаниями в самых разных областях гуманитарного знания и профессионально проявил себя в них. Его исследования о погребальной обрядности в древности, хронологии раннескифских памятников, искусстве ранних и средневековых кочевников, современных тюрко-монгольских народов, проблемах этнонационализма, квазиисториографии, этики и этического кодекса в археологии были и остаются востребованными в профессиональной среде. Огромная, уникальная научная библиотека ученого стала ныне частью библиотеки Института археологии им. А.Х. Халикова – эстафета знаний продолжается. Беззаветное служение науке и культуре было главным делом жизни В.А. Кореньяко – и это уже нравственный ориентир для молодого поколения исследователей.

Мажитов Нияз Абдулхакович (1933–2015) – самобытный, неординарный исследователь, выпускник Пермского государственного университета (1956 г.), ученик О.Н. Бадера, под руководством которого постигал азы археологии, один из основоположников археологической науки в Башкортостане (Рис. 11, 12). С 1956 г. работал в Институте истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, а с 1979 г. и до последних дней жизни – в Башкирском государственном университете. За плечами ученого почти шесть десятилетий неутомимых полевых разысканий, сотни открытых и раскопанных археологических памятников. Древности раннего железного века не были приоритетными в исследованиях Нияза Абдулхаковича – его в первую очередь интересовали памятники Средневековья. В то же время им раскопаны могильники Таш-Елга ананьинской культуры, Чиатавский и Камышлы-Тамакский – пьяноборской. Материалы этих памятников активно востребованы в самых разных трудах по археологии раннего железного века Волго-Камья. Ученый не держал их за семью замками, охотно предоставлял молодым археологам

для исследования. Судим об этом по собственному опыту и вспоминаем с благодарностью Н.А. Мажитова.

Пшеничнюк Анатолий Харитонович (1936–2016) – известный уфимский археолог, с именем которого связано начало планомерного и систематического изучения эпохи раннего железа Южного Урала (Рис. 13, 14). Ученик К.В. Сальникова, стоявшего у истоков современной археологии Башкортостана, Анатолий Харитонович и сам вошел в когорту первопроходцев и основателей уральской археологической науки. Итогом его многолетних исследований стало новое видение истории лесостепного населения Южного Приуралья раннего железного века (карабызская культура). Неоценим вклад ученого в изучение степных кочевников скифо-сарматского времени. Одно только открытие уникальных по богатству погребений в Филипповских курганах навсегда вписало имя А.Х. Пшеничнюка в историю отечественной археологической науки. Не менее значим вклад ученого и в изучение археологических микрорайонов Приуралья – Охлебининского и Шиповского. С его именем связано исследование ананьинских могильников – Таш-Елги и Старшего Шиповского, сотен поселенческих и погребальных памятников самых разных археологических культур.

Более 40 лет Анатолий Харитонович возглавлял отдел археологии в Институте языка, литературы и истории БФАН СССР и БНЦ РАН, приложив немало усилий для того, чтобы в Башкортостане сформировался археологический центр, продолжающий программу систематических и комплексных исследований, заложенную отцами-основателями башкирской археологии. В Башкортостане работает в настоящее время целая плеяда специалистов по раннему железному веку, и в этом, безусловно, немалая заслуга А.Х. Пшеничнюка, хотя он зачастую и не был непосредственным руководителем их диссертационных исследований. Но без его отеческой помощи и добытых им материалов, щедро предоставленных молодым коллегам (и нам в свое время), не было бы того рывка в разработке проблематики, связанной с историей оседлого и кочевого населения эпохи раннего железа в Южном Приуралье, который мы наблюдаем в настоящее время.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Яблонский Леонид Теодорович (1950–2016) – редкий в наши дни исследователь (Рис. 15, 16). Его учителями были Г.А. Федоров-Давыдов, М.М. Герасимов, М.М. Герасимова, В.П. Алексеев. Все они внесли лепту в профессиональное становление Л.Т. Яблонского, хотя начало этому было положено еще в археологическом кружке Московского дворца пионеров на Ленинских горах под началом Р.Л. Розенфельдта. В археологической среде Леонид Теодорович известен как специалист в области археологии Золотой Орды, древнего и средневекового Хорезма, ранних кочевников Волго-Уралья. В полевых исследованиях ему – на редкость – сопутствовала удача. Это касается, прежде всего, раскопок «царских» сарматских курганов и, прежде всего, знаменитого Филипповского некрополя. Но им предшествовало изучение десятков степных рядовых сакских и сарматских курганов в Приаралье и на Южном Урале и введение в научный оборот материалов этих раскопок. Удача не приходит без тяжелого, планомерного труда, умноженного на чувство долга и огромное стремление к раскрытию непознанного. Леонид Теодорович испытал это в полной мере. Начинать же он свою научную деятельность как антрополог. В 1969 г. ему повезло – пришло приглашение в лабораторию пластической реконструкции Института этнографии АН СССР и поработать, к сожалению, недолго, под руководством М.М. Герасимова. Многие труды Л.Т. Яблонского являются полноценными археолого-палеоантропологическими исследованиями, хотя, безусловно, его антропологическая деятельность во второй половине жизни оказалась в тени археологической.

Леонид Теодорович участвовал в работе двух первых ананьинских конференций в Елабуге и Болгаре. Участвовал заинтересованно в большинстве дискуссий, остро реагировал на методически неверные, с его точки зрения, взгляды о процессах этно- и культурогенеза, призывал к корректному использованию научной лексики. Сессии, которые он вел, были примером организованной и четкой работы. Для ананьинской конференции уход Л.Т. Яблонского стал большой и невосполнимой потерей.

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

IN MEMORIAM: IN HALLOWED MEMORY OF DEPARTED FRIENDS AND COLLEAGUES

S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky

The article is dedicated to the memory of departed archaeologists who participated in Ananyino conferences and whose academic interests were closely related to the issues of the Early Iron Age in the Volga-Kama region. The authors outline the key milestones of the researchers' creative careers and describe their contribution to the study of the archaeology of Ananyino world and the Early Iron Age as a whole.

Keywords: archaeology, history of science, Volga-Urals, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Region, Ananyino world conference

About the Authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru



Рис. 1. А.Н. Башенькин на Соловецких островах, 2006 г.



Рис. 2. А.Н. Башенькин на раскопках в Устюженском районе Вологодской области, 2008 г.



Рис. 3. Е.А. Беговатов: математик это, прежде всего, мыслитель, конец 1990-х гг..



Рис. 4. Там, где начинался путь «из варяг в греки»: Е.А. Беговатов в Старой Ладоге, 2015 г.

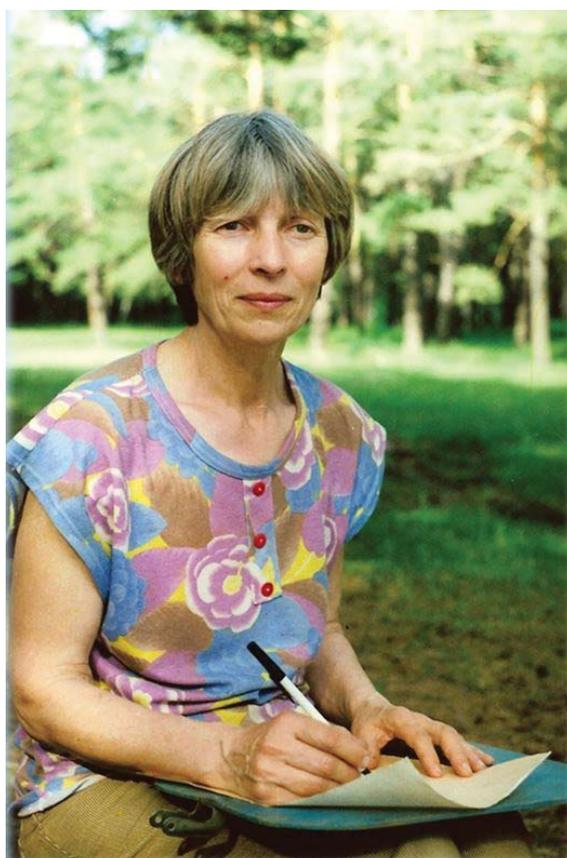


Рис. 5. Г.В. Бельтикова на любимом Иткульском I городище в начале 2000-х гг.



Рис. 6. Г.В. Бельтикова на Уральской региональной школьной археологической конференции, 2011 г.

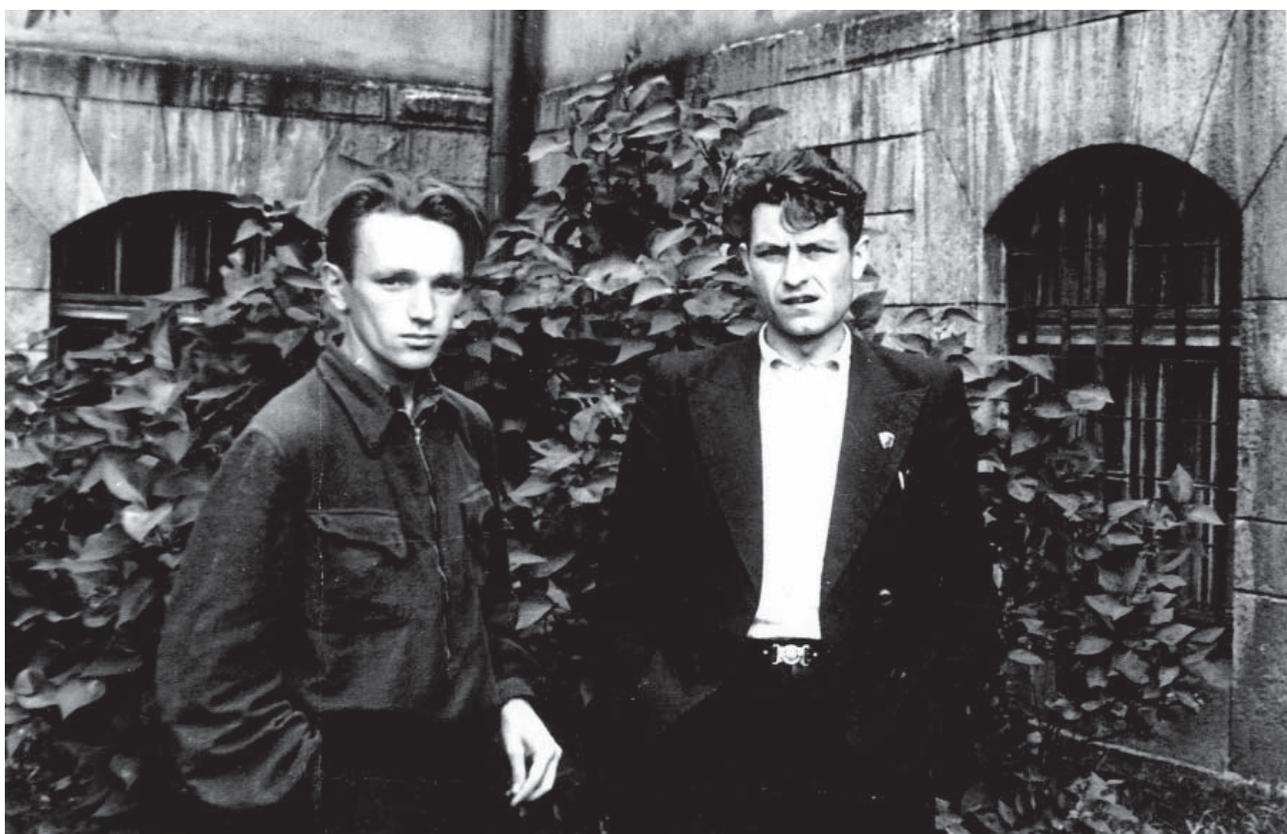


Рис. 7. Будущие корифеи уральской археологии: В.П. Денисов и В.Ф. Генинг во время учебы в Пермском университете, конец 1940-х гг.



Рис. 8. Бойцы вспоминают минувшие дни: В.П. Денисов на открытии выставки в Пермском областном краеведческом музее, май 2006 г.



Рис. 9. Джигит я или нет: В.А. Кореняко в гостях у Н.А. Охонько в Ставрополе, начало 1990-х гг.



Рис. 10. В.А. Кореняко на Уральском археологическом совещании в Уфе, 2010 г.

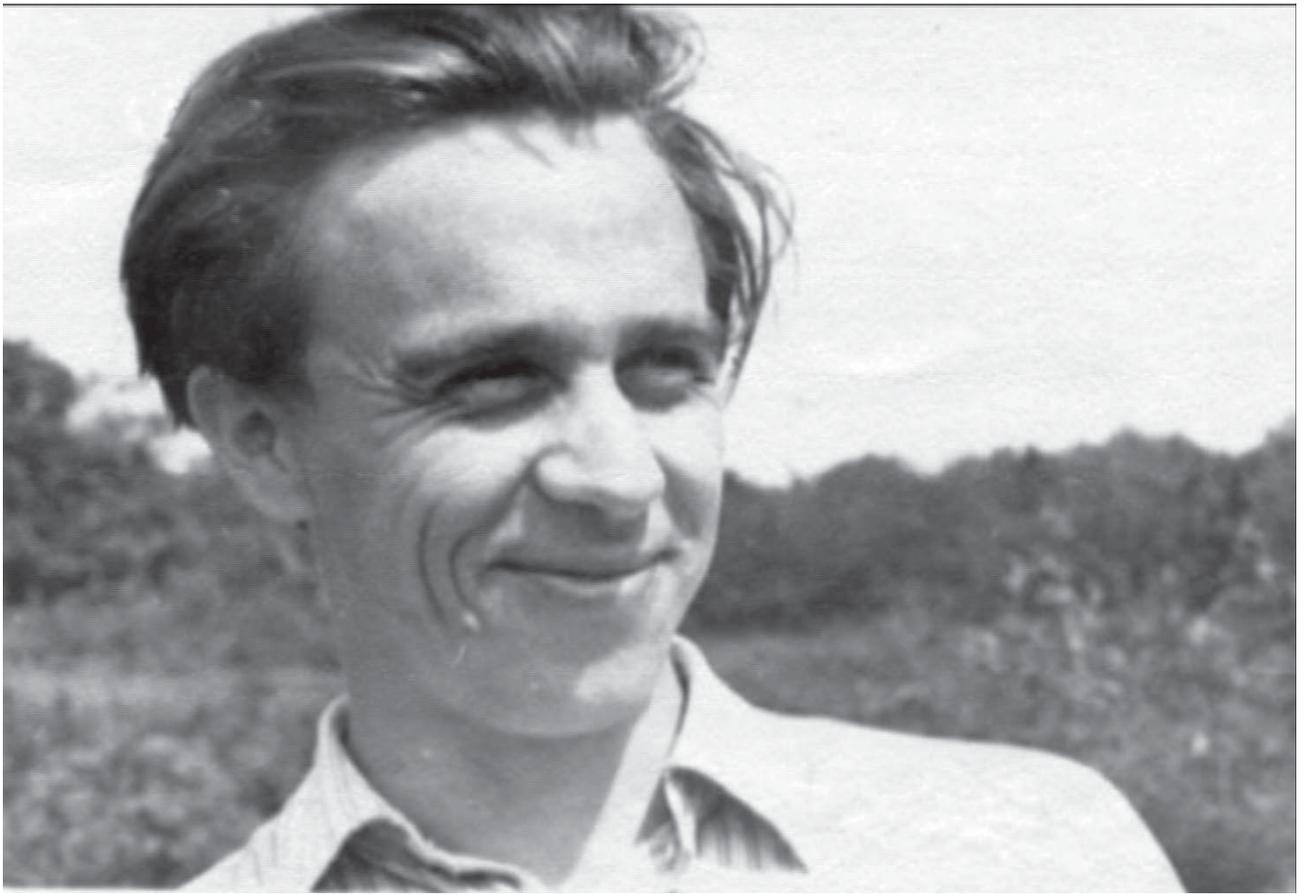


Рис. 11. Вся жизнь впереди: Н.А. Мажитов в молодости, 1960-е гг.



Рис. 12. Н.А. Мажитов – аксакал башкирской археологии, 2000-е гг.



Рис. 13. А.Х. Пшеничнюк и Ю.А. Морозов на раскопках Биктимировского могильника, 1964 г.

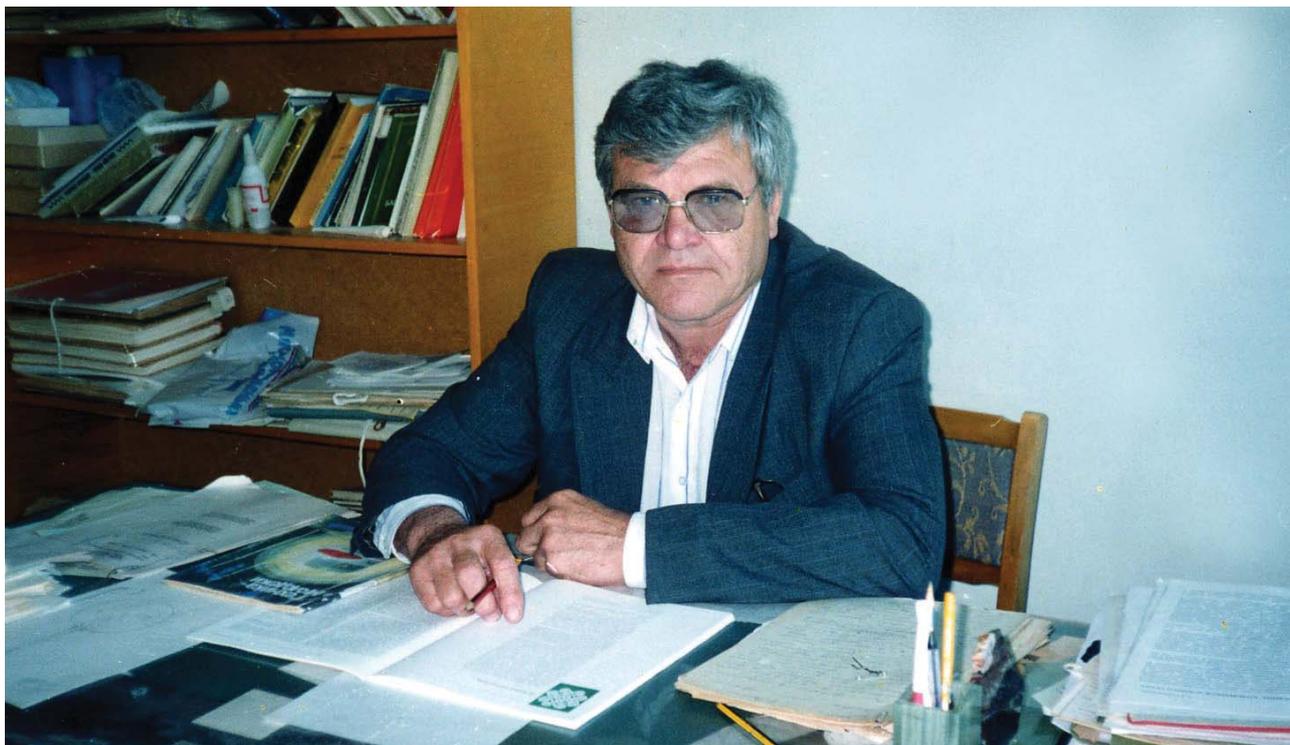


Рис. 14. У руля археологии Башкортостана: А.Х. Пшеничнюк в рабочем кабинете, 1980-е гг.



Рис. 15. Конечно, это не золото Маккены, но стоит подумать: Л.Т. Яблонский на раскопках в Филипповке, 2000-е гг.



Рис. 16. Л.Т. Яблонский в Оренбурге на конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвященной 100-летию со дня рождения К.Ф. Смирнова, 2016 г.

УДК 902/904

ВВЕДЕНИЕ В АРХЕОЛОГИЮ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ: СЕВЕРО-ВОСТОК ЕВРОПЫ В ФИНАЛЕ БРОНЗОВОГО И РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКАХ

© 2017 г. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский

В конце бронзового и раннем железном веках на севере Европейской России шли сложные этно- и культурогенетические процессы. В финале бронзового века на основе постандроновских и текстильных групп населения в Волго-Камье складывается маклашеевская (предананьинская) область. Региональная специфика в маклашеевском керамическом комплексе позволяет рассматривать данное культурное образование как многокомпонентное. В начале раннего железного века на основе местных археологических культур сформировалась ананьинская культурно-историческая область (ананьинский мир), основным костяком которой были четыре культуры: акозинско-ахмыловская, постмаклашеевская, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики. На западной и северной периферии ананьинского мира сформировалась обширная «вуаль» культур, входящих в зону культурного воздействия этого образования. В финале АКЮ усиливается проникновение в лесостепные районы Волго-Уралья населения с керамикой раннесарматского облика. Распад АКЮ в конце III или на рубеже III/II вв. до н.э. помимо причин внутреннего характера был вызван давлением ранних кочевников.

Ключевые слова: археология, Северо-Восток Европы, финал бронзового века, ранний железный век, предананьинская область, ананьинская культурно-историческая область, ананьинский мир

На заключительной стадии позднего бронзового века (XII/XI–X вв. до н.э.) этнокультурная ситуация на севере Европейской России существенно изменяется. Усиливаются процессы интеграции, формируются огромные культурно-исторические области (рис. 1). В Карелии, на северо-западе и в центре Русской равнины, а также в Среднем Поволжье распространяются памятники культуры “текстильной” керамики (КТК) (Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Косменко, 1991а; 1993; Большов и др., 1995; Соловьев, 2000; Жульников, 2005; Азаров, 2015). В Волго-Камье складывается маклашеевская (предананьинская) область (Кузьминых, 1983; 2002; Обыденнов, 1998; Чижевский, 2008). На севере Восточной Европы происходит трансформация ранее по сути нерасчленимого культурного пространства, характерным индикатором которого являлась “пористая” и гребенчатая керамика воловской, гаринской, чойновтинской и других культур (Фосс, 1952; Стоколос, 1988; Никитин, 1991; Жульников, 2005; и др.). От Белого моря и до Печоры формируется область культур (лебяжская, позднекаргопольская и позднебеломорская на раннем этапе и др.), которые сохраняют гребенчатую орнаментальную традицию (Фосс, 1952; Стоколос, 1988; Манюхин, 1991; Косменко, 1991а; 1993; Ашихмина, Васкул, 1997; Новиков, 2015; 2017). В Северное Приуралье из Зауралья мигрируют группы населения коршаковской и атлымской

культур со специфической керамикой с фигурно-штампованным и змейчатым орнаментом (Стоколос, 1988; Борзунов, 1992; Ашихмина, Васкул, 1997). В горно-лесной Башкирии, на Белой и в среднем течении Камы памятники маклашеевской и межовской культуры приходят на смену “андроноидным” – луговским, черкаскульским и сусканским (Иванов, 1982; Ашихмина, 1985; 2014; Обыденнов, 1998).

На этих огромных пространствах происходит своеобразный “ренессанс” аборигенных культур, выразившийся в заметном росте народонаселения, коренной переработке и даже отказе от некоторых привнесенных в предшествующие эпохи стереотипов культур срубно-андроновского мира. Особенно ярко это проявляется в повсеместном распространении круглодонной керамики, ее орнаментальном декоре, постепенном отказе от курганного обряда захоронения, этнографическом своеобразии женских украшений. Поселенческие памятники этих культур представлены в основном селищами. Некоторые из них укреплены валами и рвами. В южных районах Волго-Камья и изредка в Волго-Окском междуречье известны могильники – грунтовые или курганные с невысокими насыпями (Чижевский, 2008; Азаров, 2014). На севере обычные грунтовые захоронения не выявлены.

В финале ПБВ северная лесостепь и юг лесной зоны входят в ареал многоотраслевой

экономики с динамичным сочетанием производящих и присваивающих занятий. Основной жизнеобеспечения культур этой зоны являлось придомное скотоводство, но отнюдь не земледелие. В эту эпоху агрикультура только начинает укореняться в северной лесостепи, причем в очень ограниченных масштабах, оставаясь в условиях сурового континентального климата рискованным занятием (Черных и др., 1997; Лебедева, 2005). Охота и рыболовство остаются основой жизнеобеспечения населения глубинных лесных и таежных районов Восточной Европы, различаясь лишь подвижным или оседлым образом жизни обществ охотников и рыболовов.

С финалом ПБВ связаны важные изменения в локализации очагов металлообработки. Почти полностью прекращается деятельность степных и лесостепных центров Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции (Черных, 1978; 2007). Ведущие очаги металлообработки – маклашеевский и “текстильный” – передислоцируются в южные районы лесной полосы (Кузьминых, 1993б). Основная часть меди и бронз поступает сюда из горно-металлургических центров Саяно-Алтая и Казахстана. Заметно сокращается производство меди в Уральской горно-металлургической области (Кузьминых, Агапов, 1989; Черных, 2007). Набор металлического инвентаря кардинально не меняется. Это по-прежнему втульчатые кельты, наконечники копий и стрел, тесла, двулезвийные ножи, разнообразные украшения. Модификации орудий и оружия определяются так называемыми евразийскими (абашевская – срубно-алакульская – “валиковая” линия развития) и в меньшей степени сейминско-турбинскими и самусьско-кижировскими стереотипами Евразийской провинции (Кузьминых, 1991).

Базовой культурой финала ПБВ на северо-востоке Европы является маклашеевская культура. Ее ареал приурочен к обширным поймам среднего течения Волги (от рек Цивиль и Бол. Кокшага до Самарской Луки), нижнего и среднего течения Камы и их притокам Вятке, Белой, Свияге и Соку. В развитии культуры прослеживается два этапа: атабаевский – ранний и маклашеевский – поздний. Они выделены на основании изменения таких признаков, как погребальный обряд, форма и орнаментация керамики, морфология металлических изделий и т.п. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32). Однако, несмотря на некоторые различия, атабаевская и маклашеевская керамика имеют несомненные черты

преимущества в орнаментации, способах подготовки глиняного теста, формовке самих сосудов. Кроме того, имеется немало переходных – атабаевско–маклашеевских – форм. Значительная часть поселений маклашеевского этапа продолжает существовать на месте атабаевских. Известны и могильники переходного типа, например, Луговской курганный (Халиков, 1980, табл. 10), которые, возникнув в атабаевское время, продолжают существовать и позже, на маклашеевском этапе.

Сложение маклашеевской культуры на атабаевском этапе связано с распадом луговской культуры (Обыденнов, 1998; Колев, 2000) – одной из самых западных культур «андроноидного» мира. Хотя в орнаменте керамики еще сильны луговские элементы, а сами сосуды имеют плоское или уплощенное дно, заметна трансформация, изживание андроноидных традиций. Судя по комплексам Балымского могильника (Халиков, 1980, табл. 7, 8), начало этого процесса относится к XIV–XIII вв. до н.э. С этого времени начинает активно функционировать маклашеевский очаг металлообработки – крупнейший в лесной полосе Восточной Европы в поздне-бронзовую эпоху (Кузьминых, 1983б; Лыганов, 2013).

Изменение керамического комплекса на следующем – маклашеевском – этапе (XII/XI–X вв. до н.э.) обусловлено миграцией носителей КТК с запада – из Нижегородско-Марийского Поволжья (Марков, 1994; Кузьминых, 2002, с. 19, 20). Взаимодействие КТК с носителями атабаевского керамического комплекса привело к оформлению классического стереотипа маклашеевской керамики: круглодонной, с цилиндрической или блоковидной горловиной, орнаментированной по шейке ямками, размещенными группами от двух до пяти, а также оттисками гребенчатого штампа и резными линиями.

Инициированный миграцией КТК культурогенез шел в разных регионах Волго-Камья по-разному. Самые значительные изменения произошли в материальной культуре атабаевского населения Марийско-Чувашско-Казанского Поволжья, приустьевых районов Камы и прилегающих участков Волги. Значительно меньшему влиянию подверглись обитатели Нижнего и Среднего Прикамья, бассейнов Вятки и Белой. Архаичные атабаевские черты в декоре посуды здесь сохранялись вплоть до финала ПБВ. Региональная специфика в маклашеевском керамическом комплексе позволяет рассматривать данное культур-

ное образование как многокомпонентное, но имеющее, по всей вероятности, единую атабаевско-«текстильную» основу.

Хронология позднего этапа маклашеевской культуры (XII/XI–X вв. до н.э.) определяется по данным радиоуглеродных датировок и комплексами могильников Нижнего Прикамья (Маклашеевский III, Полянский II, Ново-Мордовский V, Мурзихинский II и др.) (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32; 2014, с. 102).

Интеграционные и миграционные процессы на рубеже позднего и раннего железного веков (РЖВ) существенным образом изменили этнокультурный ландшафт северной лесостепи и зоны широколиственных и хвойных лесов Европейской России. В начале РЖВ (IX/VIII–VI вв. до н.э.) здесь формируются три обширнейших культурно-исторических области или ареала – культур «штрихованной» керамики (КШК), КТК и ананьинская (рис. 2). На западе и северо-западе Русской равнины распространяются городища и селища КШК (верхнеокская, днепро-двинская и др.) (Третьяков, 1966; Васк, 1991; Егорейченко, 2006 и др.). В Карелии, на северо-западе и в центре Русской равнины, а также в Среднем Поволжье продолжается развитие КТК (Гурина, 1963; Косменко, 1991а; 1993; Марков, 2007; Гусаков, Кузьминых, 2008 и др.). Средневожские памятники КТК представлены не только городищами и селищами, но и могильниками (Акозинский, Ст. Ахмыловский, Козьмодемьянский, Убеевский и др.) (Чижевский, 2008). Важнейшей диагностирующей чертой этих погребений является вовсе не «текстильная» керамика, а бронзовые кельты акозинско-меларского типа (Кузьминых, 1983, рис. 54; 1993а; Kuzminych, 1996). В остальной части ареала КТК могильники неизвестны, за исключением Мл. Волосовского на Средней Оке, но он по погребальному обряду и инвентарю близок акозинско-ахмыловским древностям (Кузьминых, Чижевский, 2006).

В Волго-Камье и на севере Восточной Европы в IX–VIII вв. до н.э. происходит формирование ананьинской культурно-исторической области (АКИО) (Кузьминых, 2000). Археологические памятники ананьинского мира представлены могильниками и стационарными поселениями (прежде всего в зонах южной тайги и широколиственных лесов, на Средней Волге, Каме, Ветлуге, Вятке и Белой) (Бадер, 1951; Воеводский, 1951; Збруева, 1952; Вечтомов, 1967; Халиков, 1977; Патрушев, 1984; Ванчиков, 1992; Черных и др., 2002; Марков, 2007; Чижевский, 2008; Аших-

мина, 2014; Митряков, Черных, 2014; Коренюк и др., 2014; Новиков, 2017), сезонными поселениями, «поселениями-мастерскими» и святилищами (по преимуществу в зоне темнохвойной тайги, в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени и Северной Двины) (Ашихмина, Васкул, 1997; Жульников, 2005).

Процесс формирования АКИО связан с внутренней интеграцией и миграциями маклашеевских, «текстильных», лебяжских (и других постгаринских) популяций в финале ПБВ, а его стержнем и движущей силой стало взаимодействие носителей четырех культур: акозинской или акозинско-ахмыловской (с включением в нее и верхневожских городищ типа Ватажки и Минского), постмаклашеевской, шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики. Формирование культур ананьинского мира было обусловлено также активными миграциями в начале РЖВ. Все эти процессы и определили подвижные территориальные рамки АКИО в пределах лесной зоны Восточной Европы в различные хронологические периоды (Кузьминых, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009).

Четко очерченных границ не имеют не только четыре упомянутые стержневые культуры АКИО, но и культурные образования на периферии ананьинского мира. На северо-западе Европейской России, в Карелии, Заонежье, Беломорье и Верхневожье формируются культуры гибридного типа (лууконсари-кудома, позднекаргопольская, позднебеломорская и др.) (Фосс, 1952; Манюхин, 1991; Косменко, 1991б; 1993; Новиков, 2017), в которых ананьинские (постмаклашеевский и гребенчато-шнуровой) и «текстильный» компоненты переплетаются в причудливом сочетании с местными. При этом замечено, что ананьинская «вуаль» в этих культурах постепенно ослабевает в западном направлении. На севере и северо-востоке, в бассейнах Печоры, Вычегды, Мезени и Северной Двины, появляются памятники типа Ластва, в керамике которых продолжается развитие лебяжской (гребенчатой) орнаментальной традиции, а появление шнуровых и змеевидных отпечатков рассматривается в контексте взаимодействия с прикамскими и зауральскими группами населения (Ашихмина, Васкул, 1997). Трансформация культурного комплекса населения Волго-Камья на рубеже X–IX вв. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 36; 2014, с. 102–107; Коренюк, 2009, с. 265–270) связана, прежде всего, с внутренним развитием маклашеевской культуры и при явном воздействии

импульсов из предскифских раннеочевнических образований юга Восточной Европы и Северного Кавказа.

Уже на этапе формирования АКИО (IX – 1 четв./1 пол. VII вв. до н.э.) (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 102) в Волго-Камье проникает с Кавказа высокоразвитая технология железообработки и укореняется в постмаклашеевской и аозинско-ахмыловской культурах (Терехова, 1997, с. 30–78; Терехова, Розанова, 2009, с. 200; Чижевский, 2012, с. 387). В АКИО – при несомненной преемственности основных черт материальной культуры – меняется погребальный обряд (на тех могильниках, на которых хоронили умерших ногами к реке, начинают хоронить головой к реке и наоборот), исчезают подкурганые захоронения и постепенно – вторичные, распространяются частичные захоронения, «дома мертвых» (Чижевский, 2008), в южной части Волго-Камья начинают сооружаться городища (Халиков, 1977; Марков, 1994). Различия в погребальной обрядности, формах и декоре керамики и бронзовых кельтов, характере цветной и черной металлообработки отражают не просто региональную специфику, но этнокультурную.

Ранний железный век Волго-Камья подразделяется на две фазы, материальная культура которых резко отлична. Первая фаза связана с существованием ананьинской культурно-исторической области, вторая – с пьяноборским и постпьяноборским миром (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 101). Для первой фазы РЖВ нами было введено специальное понятие – ананьинская культурно-историческая область, так как материальная культура, происхождение и, вероятно, этническая принадлежность культур, входящих в состав ананьинского мира, различны (Кузьминых, 2000, с. 107, 108; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33). Отличие этого понятия от терминов «культурно-историческая» или «археологическая общность» в том, что последние объединяют культуры с близкой материальной культурой и, видимо, этнически родственные.

В границах АКИО выделены четыре археологических культуры. Аозинская или аозинско-ахмыловская культура в Среднем Поволжье и в приустьевых районах Камы представляет собой симбиоз компонентов позднебронзовых культур – КТК и маклашеевской с доминантой первой из них. Этническим, племенным маркером культуры являются бронзовые кельты меларского или аозинско-меларского типа в Младшем Волосовском,

Ст. Ахмыловском, Аозинском, Убеевском и в других средневожских могильниках (Кузьминых, 1983, рис. 54, табл. XXV–XXXIV; Чижевский, 2008, с. 33–43, рис. 24–29; Чижевский, Кузьминых, 2009, рис. 11: 7, 10).

Постмаклашеевская культура в Среднем Поволжье, Нижнем Прикамье и в среднем течении р. Белой – прямая наследница маклашеевской культуры. Для нее характерны бронзовые кельты с овальным сечением по венчику втулки и треугольной, трапециевидной и арковидной фасками (Кузьминых, 1983, табл. II: 3, 9–15, III: 1, 5, 6, 8, 9, 12–15, 17–20, IV: 1–6, 8–15, 17–24, V: 1–22, VI, VII: 1–14, VIII–XI; XII: 1–21, 24, 25, XIII: 1–4, 10, 19–21 и др.; Марков, 1994; 2007; Чижевский, 2008, с. 44–61, рис. 30–40; Чижевский, Кузьминых, 2009, рис. 9: 12).

Ананьинская культура шнуровой керамики распространена в Среднем и Нижнем Прикамье (Чижевский, 2008, с. 62–70, рис. 41–45; Ашихмина, 2014, с. 63–74, рис. 38); ее истоки – в культурах конца эпохи бронзы этого региона. Для нее характерны специфические группы бронзовых кельтов с шестигранным сечением по венчику и тулову и прямоугольной фаской (КАН – 64, 72, 86, 88, 98, 104, 106, 108 и др.) (Кузьминых, 1983, табл. I, XIII: 12–17, XVI: 8, 10–14, XX: 9–12, XXI, XXII).

Памятники ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики локализуются в бассейнах Ветлуги и Вятки (с выходом в устья этих рек на Волгу и Каму) и в Верхнем Прикамье (Бадер, 1951; Воеводский, 1951; Ванчиков, 1992; Черных и др., 2002; Марков, 2007; Чижевский, 2008, с. 71–77, рис. 46–48; Митряков, Черных, 2014, с. 147–186). Корни ее связаны с более ранними комплексами с гребенчатой керамикой на Печоре, Вычегде и в верховьях Камы, восходящими к гаринской и другим энеолитическим культурам северо-востока Европы (Марков, 2007, с. 56; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–35). Для этой культуры характерны своеобразные группы бронзовых шестигранных кельтов с рельефным пояском в виде шестиугольника под устьем втулки и арковидным орнаментом на фаске (КАН – 90, 94, 98, 100, 104, 106, 108) (Кузьминых, 1983, табл. I, XVII–XIX, XX: 1–7, 9–12, XXI, XXII).

Кельты таежных культур АКИО – шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики – в морфологическом отношении являются продолжением сейминско-турбинской и самусьско-кижировской традиции изготовления этих орудий (Кузьминых, 1991, с. 96–98).

Подвижки населения в пределах ананьинского мира были вызваны, судя по палинологическим данным, заметными палеоклиматическими и палеоландшафтными изменениями в бореальной зоне Северной Евразии в конце II – начале I тыс. до н.э. (Спиридонова, Алешинская, 2000; Алешинская и др., 2008, с. 320, 321). В отдельные интервалы времени эти изменения (повышенная увлажненность и заболачивание лесов) носили для таежных популяций катастрофический характер (Косарев, 1991). Миграционный поток этих групп (культуры гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики) был связан, прежде всего, с речными системами и выплеснулся не только на Каму, но и на Вятку и Ветлугу, а по Вычегодско-Двинскому пути – и на запад (Марков, 1994; Новиков, 2015; 2017). Он совпал с проникновением из-за Урала в бассейны Печоры, Верхней и Средней Камы (по Чусовой и Сылве), Белой (по Уфе и ее притокам) населения гамаюнской и иткульской культур (Генинг, Совцова, 1967; Генинг, 1988; Борзунов, 1992; 2014; Савельев, 2010).

В конце среднего периода (2 четв./2 пол. VII – V вв. до н.э.), на рубеже VI/V – начале V в. до н.э. усилилось продвижение культур АКЮ: акозинско-ахмыловской, постмаклашеевской и в особенности гребенчато-шнуровой керамики на северо-запад Восточной Европы. Возможно, это связано с усилением давления кочевников на население Среднего Поволжья и Усть-Камья или какими-то иными, не вполне ясными для нас причинами.

Благодаря импульсу с востока на северо-западной периферии АКЮ – в Верхневолжье, Двинско-Сухонском междуречье, Заонежье и Карелии заметно активизировались процессы интеграции и взаимоассимиляции (Фосс, 1952; Гурина, 1963; Манюхин, 1991; Косменко, 1991а; 1991б; 1993; Гусаков, Кузьминых, 2008; Новиков, 2017 и др.). Именно в связи с восточными влияниями следует рассматривать появление на севере и северо-западе Восточной Европы и в Фенноскандии кельтов ананьинского и акозинско-меларского типов (Кузьминых, 1983а, рис. 91, 92; 1993а, рис. 2, 12), формирование которых происходило в рамках ананьинского и “текстильного” миров.

На севере и северо-востоке, от Онеги и до полярного Урала, появляются памятники типа Перный, Чаркобож, Ямашор и др. (Ашихмина, Васкул, 1997). Памятники типа Перный в бассейне Вычегды и Печоры (с характерной для них “воротничковой” керамикой с гребенчатыми и шнуровыми узорами), судя по всему,

оставлены мигрантами из Прикамья. В памятниках типа Чаркобож и Ямашор в Северном Приуралье, в керамике которых своеобразно сочетаются шнуровые, “крестовые”, ямочные, гребенчатые, волнистые и фигурные отпечатки, отразились процессы взаимодействия и взаимоассимиляции местных, прикамских и зауральских групп населения.

Погребальные обряды, связанные с захоронением в землю, по-прежнему распространены в южном ареале АКЮ. Под влиянием постмаклашеевского населения эта обрядность была воспринята наиболее южными группами гребенчато-шнуровой и шнуровой культур. “Этническим” знаком этих захоронений является не только керамика с гребенчато-шнуровыми и шнуровыми отпечатками, но и кельты с шестигранным устьем втулки, прямоугольной фаской и рельефным пояском в виде горизонтальных линий или шестиугольника под устьем втулки (Кузьминых, 1983, табл. I). На Средней Волге они сконцентрированы в Акозинском, Старшем Ахмыловском и Козьмодемьянском могильниках, тяготеющих к устью Ветлуги, на Каме – в Мурзихинском I (небольшая часть), Котловском, Ананьинском, Луговском, Релке, Зуевском, Першинском, Скородум и др., на Вятке – вероятно, в разрушенном могильнике Тюм-Тюм. Именно с этой культурной средой связано появление в Прикамье специфического низколицевого монголоидного антропологического типа, хорошо известного по материалам Луговского могильника. Для постмаклашеевских (равно как и маклашеевских) популяций характерен, прежде всего, европеоидный антропологический тип (Алексеев, 1981; Газимзянов, Хохлов, 2012). В северной части ананьинского мира, а также в культурах “штрихованной” и “текстильной” керамики (включая дяковскую и городецкую) обычные захоронения в землю не известны, за исключением Шиховского могильника на крайнем Северо-Востоке Европы (с керамикой типов Перный и Ямашор) (Васкул, 2002). В этих культурах были распространены иные формы погребальных обрядов. Одной из них являлись, в частности, деревянные “дома мертвых”, выявленные в дяковской культуре (Третьяков, 1966; Краснов Ю., Краснов Н., 1978). Вероятнее всего, именно к этим сооружениям восходят своими истоками “дома мертвых” конца РЖВ – начала Средневековья на Вологодчине (Башенькин, 1995, с. 3–29; 1996, с. 141–150), каменные могильники с ящиками и оградками (Kivikalme и Tarandkalme в Эстонии и Финляндии), распространенные у запад-

ных финнов (Шмидехельм, 1955; Лыугас, 1970; Edgren, Törnblom, 1992; Lang, 2007).

В IV–III вв. до н.э. на позднем этапе существования АКИО на севере Европейской России продолжились процессы культурогенеза в рамках трех уже упоминавшихся культурно-исторических областей или ареалов. Ареал культур “штрихованной” керамики заметно расширился в восточном и северо-восточном направлениях. Это привело к трансформации всего облика КТК: “штрихованная” и заглаженная керамика становится неотъемлемой частью их керамического комплекса, круглодонные формы вытесняются плоскодонными. На южной и юго-западной периферии КТК обособляются культуры гибридного типа: дьяковская и городецкая в центре Русской равнины (Горюнова, 1961; Гурина, 1963; Смирнов, Трубникова, 1965; Третьяков, 1966; Миронов, 1995; Вишневский, 1991; Сарапулкина, 2006; Сыроватко, 2009; Кренке, 2011), асваская – в Эстонии (Лыугас, 1970; Lang, 2007) и др. Причем в западных памятниках дьяковской культуры “текстильная” керамика постепенно выходит из употребления. В Верхневолжье, Двинско-Сухонском междуречье, Заонежье и Карелии под влиянием восточных импульсов продолжился процесс трансформации “текстильных” этнокультурных образований и обособления культур гибридного типа. При этом, пожалуй, только в Костромском и Ярославском Поволжье “текстильное” начало в керамическом комплексе – при явной ананьинской “вуали” и ярко выраженных гибридных формах ананьинско-“текстильной” посуды – сохраняется дольше всего (Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Косменко, 1993; Новиков, 2014; 2015; 2017). В остальной части прежнего ареала КТК доминируют гибридные формы керамики. Симбиоз ананьинских и “текстильных” традиций зашел здесь настолько далеко, что провести четкие рубежи тех или иных этнокультурных образований на северо-западе Европейской России не представляется возможным. С этого времени эти культуры (лууконсари-кудома, позднекаргопольская, позднебеломорская и др.) с полным правом можно рассматривать в рамках АКИО.

На юге АКИО на территории постмаклашевской культуры в Усть-Камье, Самарском и Ульяновском Поволжье распространяется белогорский тип керамики с характерным орнаментом из подтреугольных и овальных вдавлений (Матвеева, 1975; Чижевский, 2014). Продолжают функционировать и могильни-

ки, но в целом количество известных памятников этого времени существенно меньше, чем на предшествующем этапе. В Чувашском и Марийском Поволжье также фиксируются поселения и могильники АКИО, но и здесь они немногочисленны. Сужение ареала АКИО на юге, по всей видимости, связано с воздействием кочевого мира. Свидетельством тому являются находки керамики прохоровской культуры на памятниках постмаклашевской культуры Усть-Камья и культуры шнуровой керамики Нижнего Прикамья, а также гафуринская (раннесарматская) керамика, которая в значительном количестве выявлена на постмаклашевских поселениях р. Белой (Чижевский, 2013).

В Среднем и Верхнем Прикамье (включая Вятку) продолжили свое развитие без внешнего воздействия гребенчато-шнуровая и шнуровая культуры (Вечтомов 1967; Ашихмина, 1985; 2014; Ванчиков, 1992; Марков, 1994; 2007; Черных и др., 2002; Митряков, Черных, 2014; Коренюк и др., 2014 и др.).

Начальные фазы РЖВ на севере Европейской России характеризуются распространением весьма контрастных экологических, хозяйственных и социальных доминант. В северной лесостепи и на юге лесной зоны у населения культур “штрихованной” керамики, “текстильной” (прежде всего, аозинско-ахмыловской) и постмаклашевской утвердился комплексный характер производящей экономики. Это высокотехнологичные и передовые для своего времени бронзолитейное дело и железообработка, животноводство и земледелие (впрочем, роль последнего в производстве пищи – при ограниченных прямых свидетельствах земледелия – явно преувеличивается). Железообработка постмаклашевской и аозинской культур сложилась при явном кавказском импульсе (Терехова и др., 1997; Терехова, Розанова, 2009; Завьялов и др., 2009), а дьяковской – под влиянием юго-западного и западного импульсов (культуры скифского круга и “штрихованной” керамики). Дьяковская цветная металлообработка – в отличие от предшествующих культур КТК (к примеру, аозинско-ахмыловской) – нацелена по преимуществу на производство украшений (Сапрыкина, 2006, с. 3–25).

В южнотаежном и таежном Прикамье, на Вятке, Ветлуге и Белой главенствующая роль в хозяйственной деятельности по-прежнему принадлежит придомному животноводству. Здесь нет прямых свидетельств земледелия. Явно заметней становится роль пушной

охоты. На фоне доминирующей цветной металлургии и металлообработки наблюдается достаточно вялое развитие железообработки. Количество и ассортимент железных изделий на порядок уступают, к примеру, постмаклашеевскому производству (Терехова, 1997; 2009). В цветной металлообработке, несмотря на ее видимый расцвет, происходит заметный регресс технологии: возврат к широкому использованию “чистой” меди (Кузьминых, 1983; 1993б). Резко уменьшается доля изделий, изготовленных из оловянных, оловянно-мышьяковых и других сплавов, характерных для постмаклашеевского и акозинского очагов металлообработки. Сама техника литья в восточных ананьинских очагах, как и в иткульском на Урале, становится более грубой, как бы “варваризированной”. С позднебронзовой эпохи сохраняются типы изделий (втульчатые тесла, наконечники копий и кельты), причем медные и бронзовые кельты отливаются в самусьско-кижировской традиции, которая укоренилась в РЖВ в большинстве таежных культур Северной Евразии (Кузьминых, 1991).

Гребенчато-шнуровая и шнуровая культуры АКЮ (равно как и иткульская культура Урала с ее опорой на собственные источники меди) демонстрируют нам феномен “запоздалого” бронзового века. В еще большей степени эта характеристика присуща популяциям зоны темнохвойной тайги северных широт – от Карелии до полярного Урала. Основу хозяйства здесь составляют охота и рыболовство. Это обусловило мобильность и подвижный характер сравнительно малочисленных коллективов. Этому были подчинены все остальные виды жизнедеятельности. Железные орудия появляются здесь, вероятно, не ранее середины I тыс. до н.э., причем на западе в формах, характерных для культур Восточной Балтики и Волго-Камья. Обработка меди и бронз фиксируется, но в весьма ограниченных масштабах. В формах изделий отчетливо улавливаются ананьинские стереотипы. На севере достаточно долго сохраняются и широко используются кремневые, кварцевые и сланцевые орудия (Ашихмина, Васкул, 1997, с. 326, 327, рис. 12: 1–22).

На второй – заключительной – фазе РЖВ (III/II в. до н.э. – IV/V в. н.э.) процессы культурогенеза на севере Европейской России развивались в русле дифференциации и перегруппировки сложившихся в предшествующую эпоху этнокультурных образований (рис. 3). В результате этих процессов в лесной

полосе Восточной Европы произошел разрыв прежнего единого культурного пространства от Камы и Печоры на востоке до Финляндии и Карелии на западе. Многими исследователями ананьинская культурно-историческая область (в широком понимании этого термина) рассматривается как колыбель предков прибалтийских и поволжских финнов и пермских народов. В постананьинскую эпоху восточные импульсы теряют былую роль катализатора культурных и этнических процессов в северо-западных областях Европейской России, как то было в рамках АКЮ. Для предковых культур западных финнов доминирующим вновь становится балтийский вектор культурных связей.

Происходит размежевание в развитии культур Волго-Камья (худяковская, чегандинская, осинская, кара-абызская, гафурийско-убаларская, гляденовская) (Поляков, 1967; Пшеничнюк, 1973; Генинг, 1988; Голдина, 2004; Перескоков, 2013; Лещинская, 2014; Коренюк и др., 2014; Мельничук и др., 2014 и др.) и крайнего Северо-Востока Европы (пиджская, джудждыдьягская) (Ашихмина, Васкул, 1997; Васкул, 1997), с одной стороны, и Волго-Окского междуречья (дьяковская, городецкая), Верхневолжья, Заонежья, Белозерья, Карелии и Финляндии (позднекаргопольская, позднебеломорская, лууконсаари-кудома, с керамикой “арктического” типа или кьельмо) – с другой (Косменко, 1991б; 1993; Манюхин, 1991). В пьяноборскую и последующие эпохи на севере и северо-западе Восточной Европы и в Финляндии все еще сохраняется мода на изготовление украшений в стиле, характерном для прикамских культур (Косменко, 1993, с. 123–129), но связано ли это с этнокультурными связями или торговлей, еще предстоит выяснить.

В дьяковской культуре западных и центральных районах Волго-Окского междуречья становится еще более заметным влияние западных культур “штрихованной керамики” (верхнеокской, днепро-двинской, юхновской и др.) (Горюнова, 1961; Вишневский, 1991; Кренке, 2011; Сыроватко, 2009 и др.). Вполне вероятно, что дьяковская культура на этом этапе является уже частью не финно-угорского, а балтского мира. “Текстильное” наследие сохраняется только на восточной и северо-восточной периферии этой культуры, в Ярославском и Костромском Предволжье и Заволжье (Гурина, 1963; Третьяков, 1966; Гусаков, Кузьминых, 2008; Новиков, 2017). В этих районах, особенно на Вологодчине,

выявлен целый пласт погребальных памятников (трупосожжения, помещенные в “дома мертвых”) (Башенькин 1995, с. 3–29; 1996, с. 141–150), которые получают широкое распространение в раннесредневековых культурах западных и поволжских финнов. Вероятно, именно в этих районах сформировалось в раннем средневековье ядро археологических культур, с которыми связаны своими истоками предки поволжских финнов – меря и мари.

“Текстильное” наследие сохранилось также в среднем и нижнем течении Оки, в ареале ранней городецкой культуры (Халиков, 1962; Сыроватко, 2009). Этой культуре отводится, как известно, ключевая роль в формировании тех этнокультурных образований раннего средневековья, с которыми связаны истоки других поволжско-финских народов – муромы и мордвы (Смирнов, Трубникова, 1965). В это время происходит существенное расширение ареала городецкой культуры в юго-восточном и южном направлениях. Миграция направлена в правобережные и даже таежные (Ветлуга) районы Среднего Поволжья, в бассейны Суры и Свияги, в верховья Дона. Племена городецкой культуры занимают благоприятные для их жизнеобеспечения (прежде всего, придомного животноводства) лесные анклав в глубине поволжской и донской лесостепи вплоть до Самарской Луки, Хвалынских гор и ленточных боров в районе Саратова и Воронежа (Халиков, 1962; Матвеева, 1975; Миронов, 1995; Медведев, 1999; Сарапулкина, 2006).

Этнокультурные образования Прикамья (за исключение гафурийско-убаларской культуры) и Европейского Северо-Востока образуют ареал предковых культур пермских народов, объединенных в пьяноборскую культурно-историческую область. Развитие камских культур пошло по пути концентрации племенных групп на крупнейших водных артериях в местах с наиболее обширными пойменно-луговыми угодьями. Освоение малых рек и водораздельных пространств происходит в Прикамье только в мазунинское время, когда важную роль в системе жизнеобеспечения стало играть подсечно-огневое

земледелие (Останина, 1997, с. 151). В конце эпохи наметился сдвиг камских групп населения на запад. Племена азелинской культуры, которые отождествляются с прапермянами, дисперсными группами осваивают Вятско-Ветлужское междуречье (Никитина, 1999).

Северные группы прапермян связаны с культурами гляденовской общности Верхнего Прикамья и северо-востока Европы (Васкул, 1997; Перескоков, 2013; Мельничук и др., 2013), которые сформировались на базе шнурового и гребенчато-шнурового ананьина и при участии зауральских импульсов. В Северном Приуралье сохраняется дисперсное расселение гляденовских групп, унаследовавших от своих предков охотничье-рыболовческий уклад хозяйства (Васкул, 1997, с. 349–399).

Подводя итог, отметим, что в финале бронзового и раннем железном веках, т.е. на протяжении примерно полутора тысяч лет, на севере Европейской России шли сложные этно- и культурогенетические процессы. Они отличались динамизмом и на севере, и на юге, но интеграционные и миграционные процессы в северных – таежных – широтах шли более плавно, скорее всего, в рамках трансформации и адаптации мигрантов к определенным экологическим, хозяйственным и социальным доминантам, укоренившимся в аборигенной среде. Эти же процессы шли и на юге, в северной лесостепи и в южнотаежной зоне, но роль миграций проявилась здесь более явно. В финале АКЮ усиливается проникновение в лесостепные районы Волго-Уралья населения с керамикой раннесарматского облика (Ашихмина, 2014, с. 66; Савельев, Яблонский, 2014, с. 484–495).

Можно предполагать, что распад АКЮ в конце III или на рубеже III/II вв. до н.э. – помимо причин внутреннего характера – был вызван давлением ранних кочевников, особенно в бассейне р. Белой (Чижевский, 2013, с. 80–81), где сформировалась своеобразная группа синкретичных памятников с постмаклашеевскими и кочевническими элементами материальной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

Азаров Е.С. Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014 С. 352–373

Азаров Е.С. Карта археологических памятников с “текстильной” керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015а. С. 204–212.

- Алексеев В.П.* К палеоантропологии населения ананьинской культуры // СЭ. 1981. № 4. С. 53–62.
- Алешинская А.С., Кочанова М.Д., Мельников Л.В., Петренко А.Г., Спиридонова Е.А., Хисьяметдинова А.А., Чижевский А.А.* Палеоландшафт и хозяйственная деятельность населения Волго-Камья в финале бронзового века (по материалам Гулюковской III стоянки) // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале / Отв. ред. Н.А. Макаров. Т. III. М.: ИА РАН, 2008. С. 317–321.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье / Серия препринтов «Научные доклады». Вып. 119. Сыктывкар: Коми филиал АН СССР, 1985. 28 с.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурно-исторической общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.
- Ашихмина Л.И.* Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: ИА АН РТ, 2014. 300 с.
- Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.
- Бадер О.Н.* Городища Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 110–158.
- Башенькин А.Н.* Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н.э. // Славяно-русские древности. Проблемы истории Северо-Запада Руси. Вып. 3 / Ред. И.В. Дубов, И.Я. Фроянов. СПб.: Изд. СПбГУ, 1995. С. 3–29.
- Башенькин А.Н.* «Домик мертвых» Куреваниха-XX на р. Мологе // Древности Русского Севера. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Башенькин, В.Я. Шумкин. Вологда: Ардвисура, 1996. С. 141–150.
- Большов С.В., Кузьминых С.В., Соловьев Б.С.* К вопросу о поселениях культуры “текстильной” керамики в Среднем Поволжье // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. В.В. Никитин. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1995. С. 89–99 (АЭМК. Вып. 24).
- Борзунов В.А.* Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). Екатеринбург: УрГУ, 1992. 188 с.
- Борзунов В.А.* Гамаюнские, иткульские и «гамаюно-иткульские» древности: история изучения и проблема интерпретации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований: Материалы VII научно-практической конференции «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», посвященной 90-летию со дня рождения В.Ф. Генинга (Нефтеюганск, 14–16 мая 2014 г.) / Науч. ред. В.А. Борзунов. Екатеринбург: Магеллан, 2014. С. 212–245.
- Ванчиков В.В.* Памятники ананьинского времени бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / Отв. ред. В.А. Кананин. Ижевск: УдмГУ, 1992. С. 72–94.
- Васк А.В.* Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии. Рига: Зинатне, 1991. 198 с.
- Васкул И.О.* Памятники гляденовской культурной общности // Археология Республики Коми / Отв. ред. Э.А. Савельева. М.: ДиК, 1997. С. 349–399.
- Васкул И.О.* Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований) / Научные доклады КНЦ УрО РАН. Вып. 451. Сыктывкар, 2002. 52 с.
- Вечтомов А.Д.* Периодизация и локальные группы памятников ананьинской культуры Среднего Прикамья // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 133–155.
- Вишневский В.И.* Дьяковская культура в Верхнем Поволжье (VIII–VII вв. до н.э. – VII–VIII вв. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1991. 22 с.
- Воеводский М.В.* Краткая характеристика керамики городищ Ветлуги и Унжи // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. III / МИА. № 22 / Отв. ред. В.Н. Чернецов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 159–180.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.* Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннежелезному веку // Филология и культура. Philology and culture. № 2 (28). Казань: КФУ, 2012. С. 204–216.
- Генинг В.Ф.* Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н.э. – II в. н.э.). М.: Наука, 1988. 240 с.
- Голдина Р.Д.* Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск: УдГУ, 2004. 422 с.
- Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья / МИА. № 94. М.: АН СССР, 1961. 265 с.
- Гурина Н.Н.* Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Костромском Поволжье: (По материалам Горьковской экспедиции) // Тр. Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 85–204.

Гусаков М.Г., Кузьминых С.В. К вопросу о роли носителей “сетчатой” и “штрихованной” керамики в формировании культур лесной полосы Восточной Европы в раннем железном веке // КСИА. 2008. Вып. 222. С. 105–117.

Егорейченко А.А. Культура штрихованной керамики. Минск: БГУ, 2006. 207 с.

Жульников А.М. Поселения эпохи раннего металла Юго-Западного Прибеломорья. Петрозаводск: Паритет, 2005. 310 с.

Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Иванов В.А. Проблема культуры курмантау // Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа / Отв. ред. В.А. Иванов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. С. 52–77.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 152–208.

Кореньюк С.Н. К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Изв. Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, вып. 2. С. 265–270.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116–131.

Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

Косменко М.Г. Происхождение культуры и хронология памятников периода бронзы в Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1991а. С. 147–167.

Косменко М.Г. Генезис и хронология культурных образований эпохи железа в юго-западной и северной Карелии // Хронология и периодизация археологических памятников Карелии / Науч. ред. С.И. Кочкуркина. Петрозаводск: ИЯЛИ КНЦ РАН, 1991б. С. 196–215.

Косменко М.Г. Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.

Краснов Ю.А., Краснов Н.А. Погребальное сооружение на городище «дьякова типа» // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы / Отв. ред. В.И. Козенкова и др. М.: Наука, 1978. С. 140–153.

Кренке Н.А. Дьяково городище: Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М.: ИА РАН, 2011. 546 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В. Предананьинская металлообработка Волго-Камья // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ–ЧГУ, 1983б. С. 126–133.

Кузьминых С.В. Кельты Северной Евразии раннего железного века: сейминско-турбинская линия развития // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: ТДНК / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АГУ, 1991. С. 96–98.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной исторической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: НПЦ, 1993а. С. 61–109.

Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция и цветная металлообработка раннего железного века: проблема соотношения // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала: ТД XII Урал. арх. совещания / Отв. ред. И.Б. Васильев. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, УрГУ, 1993б. С. 119–122.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI веков: ММНК «75 лет со дня рождения В.Ф. Генинга» / Гл. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдМГУ, 2000. С. 104–113.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70–90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань, 2002. С. 14–29.

Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале / Отв. ред. В.Д. Викторова. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.

Кузьминых С.В., Марков В.Н., Соловьев Б.С. Некоторые дискуссионные проблемы археологии позднего бронзового и раннего железного веков Среднего Поволжья // Проблемы взаимодействия населения лесной и лесо-

степной зон Восточноевропейского региона в эпоху бронзы и раннего железа: ТД / Отв. ред. Ю.Г. Екимов. Тула: ТОКМ, 1993. С. 39–43.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время: сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничнюка / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа. 2006. с. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29–55.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.

Лебедева Е.Ю. Археоботаника и изучение земледелия эпохи бронзы в Восточной Европе // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 4 / Отв. ред. М.В. Добровольская. М.: ИА РАН, 2005. С. 50–68.

Лецинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.) / МИКВАЭ; Т. 27 / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: УдмГУ, 2014. 472 с.

Лыганов А.В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань: ИИ АН РТ, 2013. 27 с.

Льугас В.А. Период раннего металла в Эстонии (с середины II тыс. до н.э. до начала н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Таллин: ИИ АН ЭССР, 1970. 51 с.

Манюхин И.С. Позднекаргепопольская культура: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1989. 23 с.

Марков В.Н. Ананьинская проблема: (Некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Вопросы археологии Татарстана; Вып. 1 / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 48–88.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Матвеева Г.И. Поселения раннего железного века на Самарской Луке // Самарская Лука в древности / Краевед. записки [КОМК]; Вып. III / Отв. ред. О.Н. Бадер. Куйбышев: Куйб. кн. изд-во, 1975. С. 93–104.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н., Майстренко Д.А., Перескоков М.Л. Верхнее Прикамье в гляденовское время // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2013. С. 80–82.

Мионов В.Г. Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 4 / Отв. ред. В.П. Челябин. Рязань: НПЦ, 1995. С. 68–89.

Митряков А.Е., Черных Е.М. Вятские древности начала железного века: полтора столетия после открытия культуры «костеносных городищ» // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых. А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 147–186.

Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середины III – начала II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: МарНИИ, 1991. 152 с.

Никитина Т.Б. История Марийского края в I тыс. н.э. (по материалам могильников / Труды Марийской археологической экспедиции. Т. V. Йошкар-Ола: МарГУ, 1999. 160 с.

Новиков А.В. Комплексы гребенчато-шнуровой и шнуровой керамики РЖВ поселения Ватажка // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 374–387.

Новиков А.В. Историческая интерпретация материалов с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 87–94.

Новиков А.В. Поселения с гребенчато-шнуровой и шнуровой керамикой раннего железного века Костромского Поволжья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань: КФУ, 2017. 21 с.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. Ижевск: УдмИИЯЛ, 1997. 327 с.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 230 с.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 278 с.

Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань: ИИ АН РТ, 2013. 28 с.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // Археология и этнография Башкирии. Т. V / Ред. Р.Г. Кузеев и др. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Поляков Ю.А. Итоги изучения памятников гляденовской культуры в Верхнем и Среднем Прикамье // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ. № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 197–215.

Савельев Н.С. Этнокультурные компоненты лесостепи Южного Приуралья на стадии сложения кара-абызской культуры // XVIII Уральское археологическое совещание: культурные области, археологические культуры, хронология: Материалы XVIII УАС / Ред. Г.Т. Обыденнова и др. Уфа: БГПУ, 2010. С. 235–240.

Савельев Н.С., Яблонский Л.Т. Степь и лесостепь на начальном этапе раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 478–504.

Сапрыкина И.А. Ювелирные украшения дьяковской культуры по материалам памятников бассейна Москвы-реки : Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2006. 26 с.

Сарапулкина Т.В. Городища городецкой культуры в Подонье // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 148–56.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура / САИ Вып. Д1-14. М.: Наука, 1965. 40 с. + 21 л. табл.

Соловьев Б.С. Бронзовый век Марийского Поволжья / ТМАЭ. Т. VI. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2000. 264 с.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация эпохи бронзы лесной зоны Европейской России (по палинологическим данным) // Тверской археологический сборник. Вып. 4. Т. 1 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: ТГОМ, 2000. С. 352–358.

Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М.: Наука, 1988. 256 с.

Сыроватко А.С. Юго-восточное Подмосковье в железном веке: к характеристике локальных вариантов дьяковской культуры. М.: ЧеБуК, 2009. 352 с.

Терехова Н.Н. Ранние этапы развития железообработки в Восточной Европе // Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. С. 30–78.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 196–203.

Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966. 308 с.

Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР / МИА. № 29. М.: АН СССР, 1952. 278 с.

Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // ТМАЭ. Т. 2 / Отв. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1962. С. 7–187.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1–24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Черных Е.М., Ванчиков В.В., Шаталов В.А. Аргыжское городище на реке Вятке. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. 188 с.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4. С. 53–82.

Черных Е.Н. Каргалы: феномен и парадоксы развития: (Каргалы в системе металлургических провинций. Потаенная жизнь (сакральная) жизнь архаичных горняков и металлургов) / Каргалы. Т. V. М.: Языки славянской культуры, 2007. 200 с.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Кузьминых С.В. К проблеме истоков земледелия в Восточной Европе // Сабатиновская и срубная культуры: (Проблемы взаимосвязей Востока и Запада в эпоху поздней бронзы): ТДНК. Киев–Николаев–Южноукраинск, 1997. С. 27–28.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / Археологи евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. № 2 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 383–400.

Чижевский А.А. Проблема распада ананьинской культурно-исторической области // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всероссийской археологической конференции с международным участием «XIX Уральское археологическое совещание» / Науч. ред. И.О. Васкул. Сыктывкар: ИЯЛИ КНЦ РАН, 2013. С. 80–82.

Чижевский А.А. Керамика белогорского типа в Самарском Поволжье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 211–224.

Шмидехельм М.Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э. – V в. н. э.). Таллин: Эстгосиздат, 1955. 271 с.

Edgren T., Törnblom L. Finlands historia. Vol. 1. Esbo: Schildt, 1992.

Kuzminykh S.V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica. 1996. Т. XIII. S. 3–27.

Lang V. The Bronze and Early Iron Ages in Estonia / Estonian Archaeology. Vol. 3. Tartu: Tartu University Press, 2007. 298 p.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Чижевский Андрей Алексеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); chijevski@mail.ru

INTRODUCTION TO THE ARCHAEOLOGY OF ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION: NORTHEASTERN EUROPE IN THE FINAL BRONZE AND EARLY IRON AGES

S.V. Kuzminykh, A.A. Chizhevsky

At the end of the Bronze Age and in the Early Iron Age the northern part of European Russia was undergoing complex ethno- and culturogenetic processes. Maklasheevo (Pre-Ananyino) area formed in the Volga-Kama region on the basis of the Post-Andronovo and textile population groups. The regional specificity of the Maklasheevo ceramic complex allows to consider it a multicomponent cultural phenomenon. Ananyino Cultural and Historical Region (the Ananyino world) formed on the basis of local archaeological cultures in the Early Iron Age. It consisted of four primary cultures: Akozino-Akhmylovo, Post-Maklasheevo, cord and comb-cord ceramics. A large 'veil' of cultures experiencing the cultural influence of this formation established on the western and northern outskirts of the Ananyino world. The penetration of population characterized by ceramics with an Early Sarmatian appearance intensified in the final period of the ACHR. Apart from internal reasons, the disintegration of the ACHR in the late 3rd century or at the turn of the 2nd century B.C. was caused by the pressure on the part of the early nomads.

Keywords: archaeology, Northeastern Europe, Final Bronze Age, Early Iron Age, Pre-Ananyino area, Ananyino cultural and historical region, Ananyino world

About the authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Chizhevsky Andrei A. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; chijevski@mail.ru

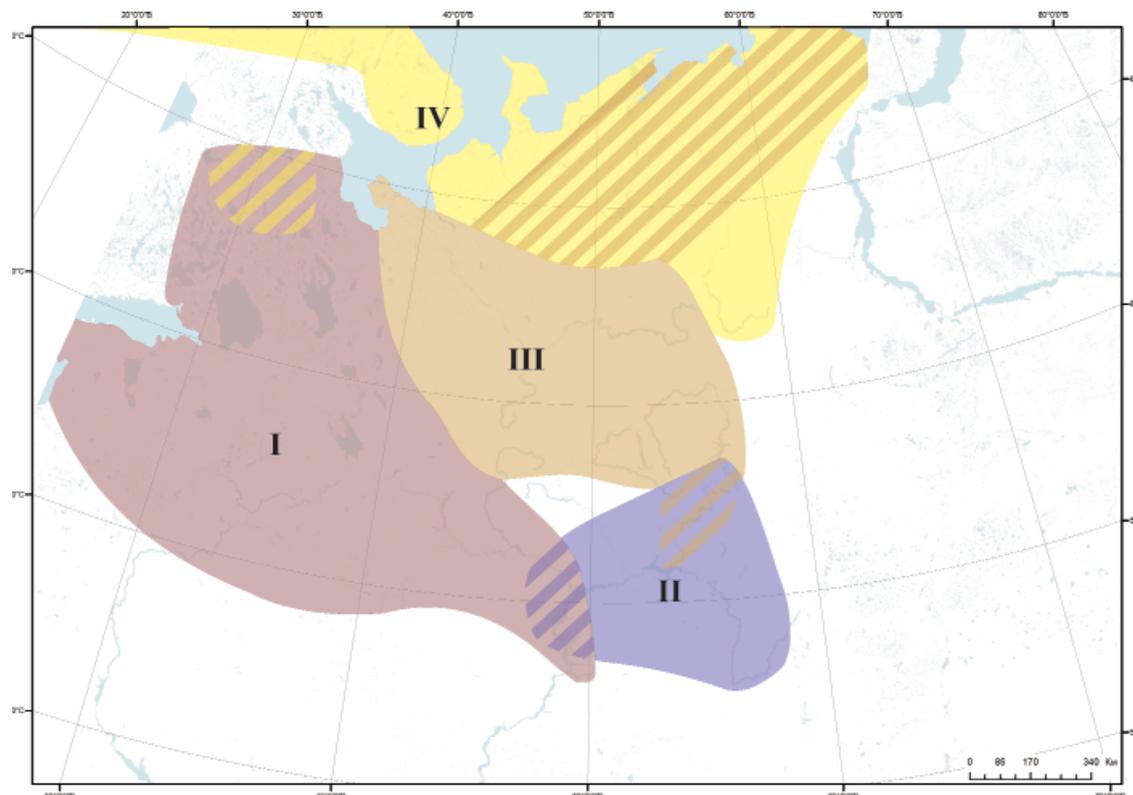


Рис. 1. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в финале бронзового века: I – культурно-историческая область «текстильной» керамики; II – предананьинская (маклашеевская) культурно-историческая область и межовская культура; III – ареал постэнеолитических культур с гребенчатой керамикой (лебяжская, атаманнюрская, позднекаргопольская и позднебеломорская на раннем этапе и др.); IV – ареал культур циркумполярной зоны с «вафельной» керамикой (культура асбестовой керамики, коршаковская и др.).

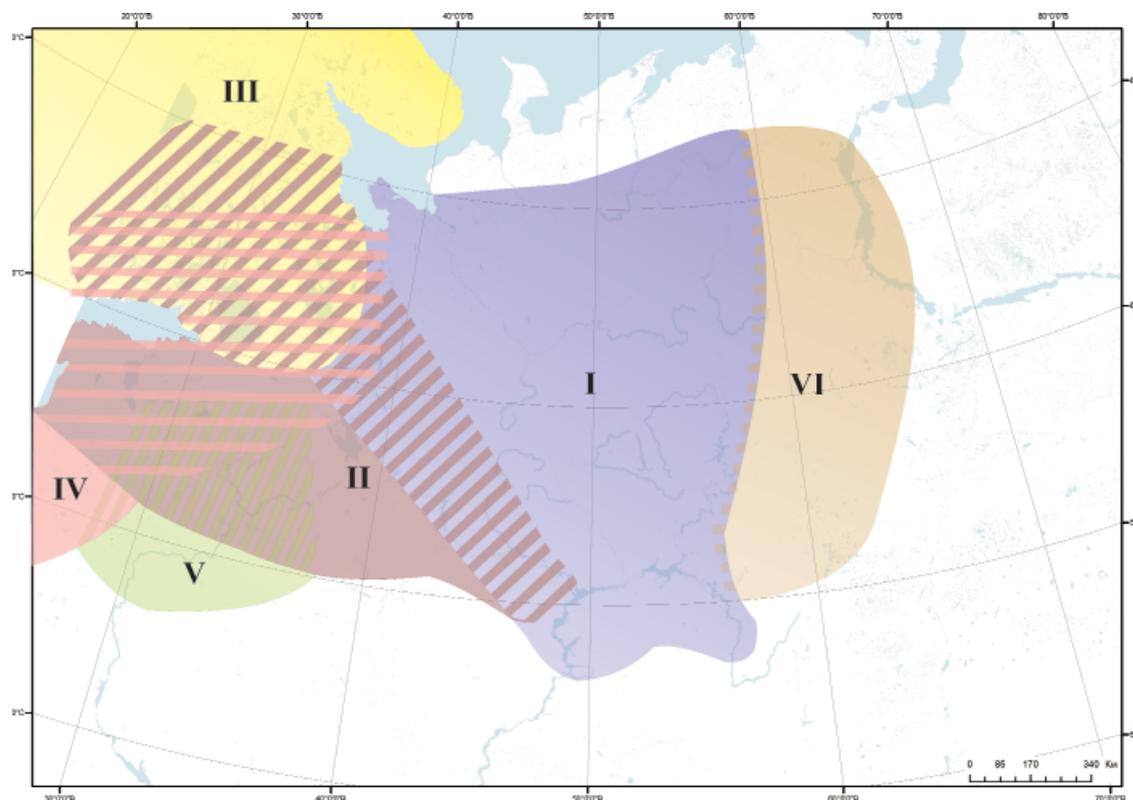


Рис. 2. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в начале раннего железного века: I – ананьинская культурно-историческая область; II – культурно-историческая область «текстильной» керамики; III – культура асбестовой керамики; IV – культура штрихованной керамики; V – днепро-двинская и верхнеокская культуры; VI – культуры с «крестовой» керамикой и иткульская.

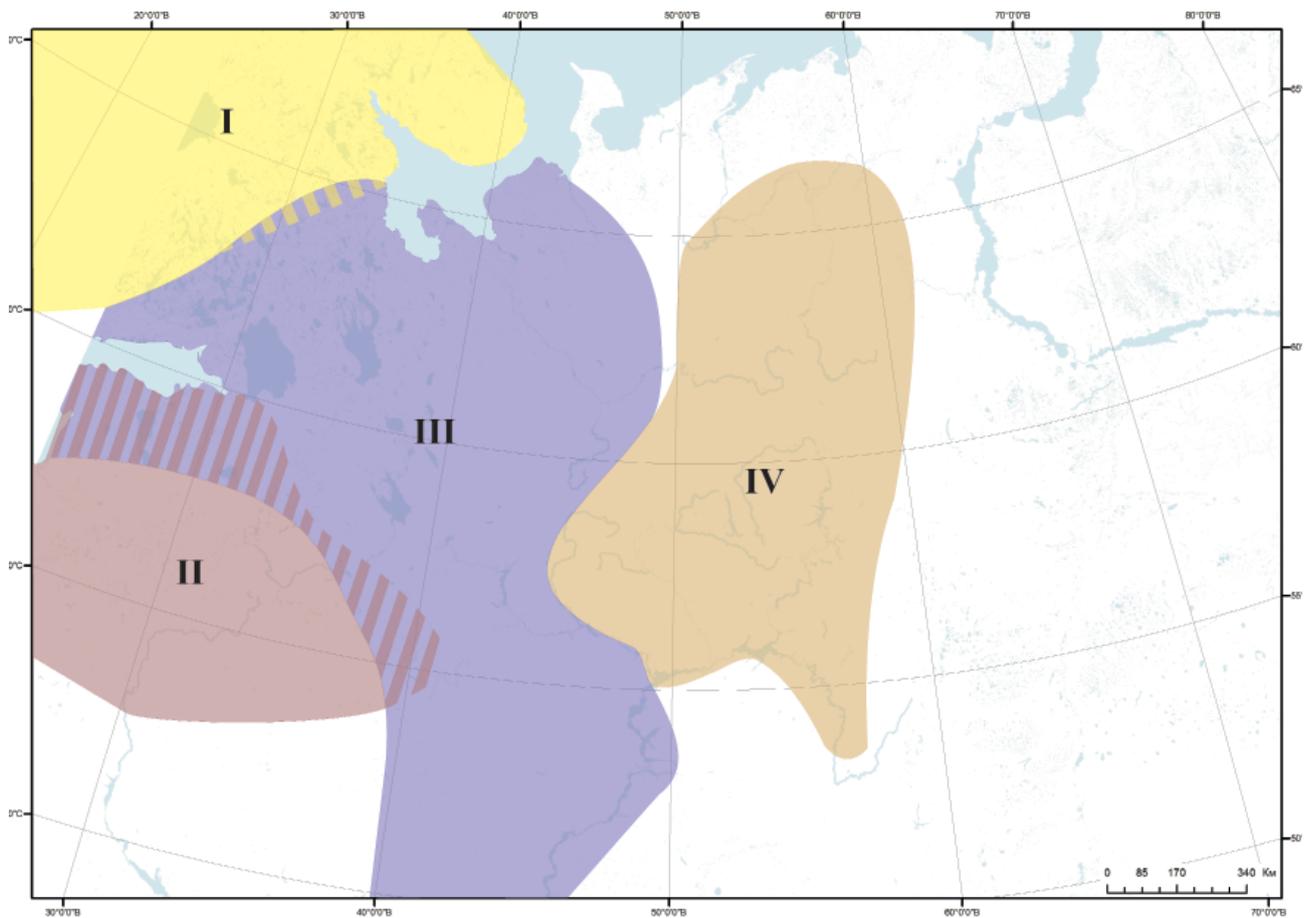


Рис. 3. Этнокультурные ареалы на севере Европейской России в конце раннего железного века: I – культура с керамикой «арктического» типа (по М.Г. Косменко); II – ареал протобалтских культур (верхнеокская, днепродвинская, юхновская, милоградская, штрихованной керамики и др.); III – ареал предковых культур поволжско-финских и западно-финских народов (городецкая, дяковская, асваская, позднекаргопольская, лууконсаари и др.); IV – ареал предковых культур пермских народов (пьяноборская и гляденовская общности).

ИСТОРИЯ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.6/929

ПРОБЛЕМЫ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ТРУДАХ И ПЕРЕПИСКЕ А.М. ТАЛЬГРЕНА И Г. МЕРГАРТА

© 2017 С.В. Кузьминых, Е.В. Детлова

В трудах и переписке А.М. Тальгрена и Г. Мергарта намечены основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, также указаны направления дальнейших поисков, причем не узколокальные, а в широком евразийском контексте. Финский и австрийский ученые обращались к проблемам, к той же сейминской, ананьинской или происхождения кельтов красноярско-ангарских типов, которые и в современной науке остаются наиболее дискуссионными и далекими от своего окончательного разрешения. Их переписка и диалог не менее ценны и тем, что подкупают нас научной смелостью, остротой мысли, полемическим задором, которых лишены строгие академические труды.

Ключевые слова: А.М. Тальгрэн, Г. Мергарт, Северная Евразия, археология Сибири, Сейма, фатьяновская культура, Галичский клад, Младший Волосовский могильник, ананьинская культура, Томский могильник, кельты бронзового и раннего железного веков

Переписка выдающихся европейских археологов Арне Микаэля Тальгрена и Геро фон Мергарта, продолжавшаяся больше двух десятилетий (1921–1944 гг.) и насчитывающая более 80 корреспонденций, безусловно, важна для истории российской археологии первых десятилетий XX века – и прежде всего потому, что значительное место в ней занимает обсуждение дискуссионных проблем эпох бронзы и раннего железа Северной Евразии. Полемика, развернувшаяся в переписке, гораздо шире и полнее раскрывает научные взгляды ученых, нежели их опубликованные работы.

Эта тема отчасти раскрыта в трудах российских и финских исследователей (Кузьминых, Детлова, 2010; Кузьминых и др., 2014; Kuzminykh, Detlova, 2010; Salminen, 2010; 2014; Детлова и др., 2014). В них проанализированы основные направления дискуссии, которую вели в 1920–30-е годы Тальгрэн и Мергарт. Задача данной статьи – показать, как шла полемика вокруг проблем евразийской археологии II–I тыс. до н.э., так интересовавших обоих ученых, в чем сходились и расходились их взгляды, какую роль в этом диспуте играли концепции российских археологов и какое отражение дискуссия нашла в трудах героев нашего очерка.

I. А.М. ТАЛЬГРЕН И Г. МЕРГАРТ – НА ПУТИ К ЗНАКОМСТВУ.

Начало заочного знакомства А.М. Тальгрена и Г. Мергарта относится к 1921 году. К этому времени Тальгрэн, почти ровесник Мергарта, уже был известным в Европе знатоком евразийских древностей и авторитетным специалистом в области бронзового и раннего железного веков. (Рис. 1) Интерес к русской археологии проявился у него еще в годы учебы в Александровском университете в Гельсингфорсе (1903–1905) и нашел поддержку у корифеев европейской археологии О. Монтелиуса и О. Альмгрена, когда позднее он слушал их лекции в университетах Стокгольма и Уппсалы. В эти годы определилось и базовое направление его научных исследований – бронзовый век. Этому способствовало общение с известным финским историком и археологом Й.Р. Аспелиным (Kivikoski, 1954, p. 88). Тальгрэн планировал продолжить археологические разыскания в России, начатые его учителем в 1870-е годы, тем более что к началу XX века традиция научных экспедиций и путешествий на восток, заложенная Аспелиным, в Финляндии практически угазла.

Тальгрэн знал о российской археологии не понаслышке. Он неоднократно бывал

в России. Первые два путешествия (в 1908 и 1909 гг.) позволили собрать материал для диссертационного исследования о бронзовом веке центра, севера и северо-востока Европейской России (Tallgren, 1911; 1919). Они же дали возможность познакомиться и оценить высокую научную значимость богатейшего частного собрания казанского купца, собирателя и мецената В.И. Заусайлова¹. Михаил Маркович (так величали его в России) рекомендовал приобрести ее для Исторического (ныне Национального) музея Финляндии. Для его диссертационного исследования приобретение этой коллекции имело ключевое значение. В руках ученого оказался богатейший фактический материал – мечта любого начинающего археолога². Фортуна, безусловно, благоволила исследователю, и он использовал этот шанс в трудах о бронзовом веке центральных и северо-восточных областей Европейской России (Tallgren, 1911; 1916).

Поездка 1915 г. на юг Енисейской губернии, помимо желания поработать в музеях Урала и Сибири и осуществить раскопки в минусинских степях, ставила своей целью дать ответы на вопросы: что являл из себя урало-алтайский бронзовый век, характерна ли для него единая археологическая культура и в чем была его специфика? Финскому ученому предстояло прояснить и разрешить все сомнения, касавшиеся гипотезы Аспелина об урало-алтайском бронзовом веке. Другой целью Тальгрена являлось личное знакомство в Минусинске с богатейшей коллекцией древностей торговца и владельца «мастерской инородческих серебряных изделий»³ И.П. Товостина, которая собиралась им с конца 1870-х годов. Иван Петрович в начале 1915 г. предложил купить свое собрание (1056 предметов) Историческому музею Гельсингфорса, и Аспелин как государственный археолог Финляндии поручил своему ученику оценить научную значимость этой частной

коллекции. Тальгрэн подробно описал ее, дал положительное заключение в Археологическую комиссию Исторического музея о необходимости приобретения данного собрания и даже познакомил с ним финскую общественность (Tallgren, 1915). Несмотря на сложности военного времени, сделка о покупке состоялась, и в конце 1916 г. все предметы были доставлены в Петроград, а затем в Гельсингфорс⁴. На другой год Михаил Маркович оперативно опубликовал материалы этой уникальной коллекции, включив в книгу и результаты собственных раскопок кургана тагарской культуры под Абаканом (Tallgren, 1917, p. 14–17).

Поездка в Сибирь в 1915 г. и изучение археологических материалов в музеях Минусинска, Красноярска, Томска, Барнаула, Омска и Екатеринбурга⁵ подтвердила более ранние выводы финского исследователя: единого урало-алтайского бронзового века не существовало, не могло быть и речи о том, что появление предков пермских народов, поволжских и прибалтийских финнов в исторических местах их проживания связано с миграцией в бронзовом веке из Сибири. Тальгрэн показал, что ключевое звено гипотезы Аспелина – Ананьинский могильник – был связан более прочными нитями не с Алтаем, а с Кавказом и Северным Причерноморьем.

При поездках в Россию Тальгрэн досконально изучил археологические коллекции в столичных и региональных музеях, а также провел раскопки памятников и сборы материалов разных эпох в Казанской, Вятской, Костромской, Архангельской, Пермской и Енисейской губерниях⁶. Осенью 1911 г. он защитил диссертацию и опубликовал в том же году ее первую часть (Tallgren, 1911). Отказ от гипотезы И.Р. Аспелина о едином урало-алтайском бронзовом веке был, безусловно, шагом вперед в осмыслении евразийских древностей эпохи раннего металла. Сходство материальной культуры Волго-Уралья и Саяно-Алтая виделось Тальгрэну в общих скифских корнях

¹ Коллекция насчитывала 10935 предметов самых разных эпох и была собрана в основном в б. Казанской губернии; см. подробнее о самой коллекции, ее покупке и личности В.И. Заусайлова: (Кузьминых, 2012а; Кузьминых и др., 2014, с. 31; Руденко, 2014, с. 338, 349).

² По подсчетам А.М. Тальгрена и А.О. Хейкеля количество предметов, относящихся к бронзовому веку Волго-Камья, в коллекции В.И. Заусайлова к 1907 г. равнялось числу таких же предметов во всех остальных российских музеях (Катанов, 1920, с. 39, 40).

³ Так указано на штампе почтовых отправлений И.П. Товостина 1905 и 1908 гг., адресованных Й.Р. Аспелину (Архив АО-МВ).

⁴ См. подробнее о покупке коллекции И.П. Товостина: (Кузьминых, Вдовин, 2007; Кузьминых и др., 2016а).

⁵ См. подробнее об этой поездке: (Salminen, 2003, p. 133–137, 142–145; Вдовин, Кузьминых, 2006; Салминен, 2007; Кузьминых, Вдовин, 2007; Кузьминых, Тишкина, 2009; Вдовин и др., 2010; Кузьминых, 2014; Кузьминых и др., 2014, с. 29, 31).

⁶ См. подробнее: (Кузьминых и др., 2007, с. 99, 111; Кузьминых и др., 2014, с. 29, 31; Кузьминых и др., 2016б).

древних культур этих географически удаленных регионов и, соответственно, послужило основанием для объединения их в рамках урало-алтайской общности (Ibid, S. 94, 95).

Через пять лет вышел первый том каталога коллекции Заусайлова (Tallgren, 1916), в котором систематизировались материалы бронзового века Волго-Камья. В этой книге, опираясь на широкую систему аналогий с культурами юга России, Восточного Средиземноморья и Скандинавии, Тальгрэн датировал ранний период 2500–1500 гг. до н.э., средний 1500–1000 гг. до н.э., а поздний (ананьинский) 1000–500 гг. до н.э. (Ibid, p. 12–14). Хронология ананьинского периода была основана не только на аналогиях со скифскими древностями, но и на датировке меларских кельтов (выявленных наряду с ананьинскими в комплексах Младшего Волосовского могильника) IV периодом скандинавского бронзового века, по О. Монтелиусу (Montelius, 1912). В вышедшей спустя три года второй части диссертационного исследования (Tallgren, 1919) Михаил Маркович скорректировал хронологию ананьинских древностей. Младшее Волосово было выведено из цепочки взаимосвязей с Ананьинским и другими камскими могильниками этого круга. И теперь, уже базируясь на отсутствии меларских кельтов на этих памятниках, начало ананьинской культуры финский ученый отнес к 600 г. до н.э. (Ibid, p. 180, 182).

В монографиях 1911, 1916 и 1917 гг., давая общую характеристику евразийскому бронзовому веку, Тальгрэн идет значительно дальше своих европейских предшественников. Он противопоставил его европейскому бронзовому веку и разделил на две большие, не зависящие друг от друга культурные провинции: восточноевропейско-уральскую и минусинско-алтайскую. Вместе с В.А. Городцовым (1910; 1915), но с иных концептуальных позиций, опираясь на сравнительно-типологический и географо-хронологический методы, Михаил Маркович дал первые общие характеристики бронзового века центра, севера и северо-востока Европейской России и Южной Сибири, наметил его территориальные границы и выделил внутри него три хронологических периода.

В книге «Ананьинская эпоха в Восточной России» (Tallgren, 1919) финский археолог с исчерпывающей для того времени полнотой обосновал выделение и этапы развития ананьинской культуры, дал характеристику предметного мира, поселений и могильников,

наметил ареал, реконструировал направления культурных и торговых связей. В самом названии монографии «L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale» звучит отказ от ранее предложенного им термина «скифо-ананьинская культура» (Чижевский, 2013, с. 86). Сравнительно-типологический анализ материальной культуры скифской и ананьинской культур привел его к выводу о местных, еще неолитических корнях ананьинской культуры и ее самостоятельном развитии, равно как и скифской (Tallgren, 1919, p. 104–107). При этом Тальгрэн наметил вторую линию генетических связей ананьина – с кобанской культурой Центрального Кавказа (Ibid, p. 164–167). И напротив, аналоги ряду категорий ананьинского оружия и украшений в алтайских и минусинских древностях он рассматривал в системе торговых связей (Ibid, p. 170).

Исторические судьбы ананьинской культуры Тальгрэн – в отличие от гипотезы Аспелина о распространении «финской культуры» на запад – видел в ее постепенной трансформации в пьяноборскую культуру под влиянием импульсов, исходящих из провинциальных центров римской цивилизации (Ibid, p. 182–184). Анализ письменных источников и изучение ананьинского звериного стиля привели его к заключению о справедливости гипотезы, отождествляющей население ананьинской культуры с исторически известными будинами и фиссагетами (Ibid, p. 179, 180).

Точкой соприкосновения интересов и началом отношений Тальгрэна и Мергарта послужила, в первую очередь, сибирская археология. Австрийский ученый, будучи всего на год младше своего финского коллеги, в русскую археологию пришел довольно поздно, в 30 лет. Его единственная «поездка» в Сибирь затянулась на семь лет, и, в отличие от экспедиции Тальгрэна в Минусинскую котловину, Мергарт совершил ее не по своей воле. За эти годы (1914–1921) он прошел долгий путь от военнопленного офицера австро-венгерской армии до заведующего отделом археологии красноярского Музея Приенисейского края (Детлова, 2006; 2011; Кузьминых, Детлова, 2010; Parzinger, 2010). (Рис. 2, 3)

В отличие от Тальгрэна, изучавшего сибирские древности в российских и европейских музеях еще до поездки 1915 г., для Мергарта они изначально являлись terra incognita. Геолог по образованию, выпускник Мюнхенского университета, обладающий некоторыми познаниями в европейской архе-

ологии – о сибирской он располагал в лучшем случае обрывочными сведениями о «чудских шурфах» Минусинской котловины и находках на Афонтовой горе. Однако разведки в окрестностях Канска и Красноярска, экспедиционные маршруты по Енисею и глубокое погружение в музейный материал⁷ сформировали представление Мергарта о богатстве и слабой изученности археологических древностей Приенисейского края и на десятилетие вперед определили направление его поисков и исследований. Однако в отношении специальной литературы Сибирь всегда находилась на голодном пайке, и немногочисленные отчеты, рефераты и статьи его русских предшественников – это всё, чем пришлось довольствоваться австрийскому ученому при первоначальном погружении в сибирскую археологию.

Тальгрэн на долгие годы стал для него основным источником сведений по российской археологии. Заочное знакомство ученых началось в 1921 г., с письма Мергарта (4.05.1921⁸) финскому археологу. Оно скорее личного характера, без обсуждения фактического материала – Геро Вальтерович (как обращались к нему сотрудники Музея Приенисейского края и Тальгрэн) представляется и пытается установить контакт со своим более опытным коллегой, подчеркивает огромное уважение к личности финского ученого, пишет о дальнейших планах, в том числе о желании посетить Гельсингфорс.

Мергарт еще раньше знал о трудах и работе в Сибири своего финского коллеги и сожалел, что судьба не свела их в 1915 году, когда австрийский военнопленный – при благоприятном стечении обстоятельств – мог бы быть участником раскопок Тальгрэна в абаканской степи. В его глазах Михаил Маркович уже в то время был признанным корифеем в евразийской археологии. К этому времени были изданы обе части диссертационного труда,

⁷ Наиболее крупным собранием в фондах Красноярского музея была в то время коллекция фабриканта В.А. Данилова, насчитывающая 1024 предмета различных эпох и охватывающая практически всю территорию Енисейской губернии; см. подробнее: (Вдовин, Кузьминых, 2011).

⁸ Здесь и далее при ссылках на письма Г. Мергарта А.М. Тальгрэну речь идет об эпистолярном архиве финского ученого в Рукописном отделе Национальной библиотеки Финляндии (PAT. Coll. 230.7), а при ссылках на письма А.М. Тальгрэна Г. Мергарту – об архиве Марбургского университета Филиппа (АМУ. Архив Г. Мергарта).

каталоги коллекций Заусайлова и Товостина (Tallgren, 1911; 1916; 1917; 1919). Книгу об ананьинской культуре современники считали лучшим исследованием финского археолога (Kivikoski, 1954, p. 96); высоко ценил ее и Мергарт⁹. Неудивительно поэтому стремление австрийского ученого познакомиться и получить консультацию у «бога русской археологии» – обращаясь так в письмах к Тальгрэну, он был совершенно искренен, испытывая большое уважение к познаниям и компетентности своего старшего собрата по цеху.

II. СИБИРСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ В ТРУДАХ Г. МЕРГАРТА. ОБСУЖДЕНИЕ ДИСКУССИОННЫХ ПРОБЛЕМ В ПЕРЕПИСКЕ.

Изначально круг интересов Мергарта не ограничивался бронзовым и ранним железным веками (БВ–РЖВ), а включал в себя все археологические эпохи. Первые его «сибирские» работы посвящены палеолиту (Merhart, 1923; 1924b), который более органично смыкался с ранней университетской специализацией. Большое внимание эпохам бронзы и раннего железа австрийский археолог стал уделять позже, в 1923–1926 гг. Однако уже в одной из первых красноярских работ (Мергарт, 1923) он вкратце сформулировал ключевые положения своей теории о распространении культур на территории Приенисейского края. Во многих вопросах Мергарт следует за своим финским коллегой, который в своем диссертационном труде «Медный и бронзовый век в Северной и Восточной России» (Tallgren, 1911) отказался от гипотезы Аспелина о существовании единой урало-алтайской культуры бронзового века в Сибири. В одном из писем Тальгрэну (20.12.1922) Геро Вальтерович справедливо замечает: «*Сибирь у Вас благополучно отделена от Урала, нам нужно разделить это дальше*», что и было им сделано в дальнейших работах.

Археологические культуры БВ–РЖВ в Приенисейском крае развивались, согласно взглядам Мергарта, в системах двух культурно-исторических провинций: северной и

⁹ В одном из писем в Красноярский музей летом 1921 г. Мергарт среди прочих тем и новостей упоминает также, что Тальгрэн издал «работу об Ананьино» (АКККМ. Ф. 1615. Оп. 1. Д. 372. Л. 40 об.). То, что именно этот факт он упоминает в не слишком пространном послании, говорит о том, насколько для него это было важно и какое значение он придает этой книге.

южной, для каждой из которых были характерны свои оригинальные типы бронзовых орудий и оружия. Южная (минусинская) культура, по его мнению, не имела местных корней. В поисках ее возможной исходной области австрийский археолог, вслед за Тальгреном и рядом западных ученых, обратил внимание на Согдиану, Бактрию и Иран. Однако истоки в указанных областях намечались им по весьма косвенным признакам¹⁰.

Очаг формирования этой южной культуры – Минусинская котловина. В своем распространении в лесостепные районы края она достигла средних частей Красноярского, Ачинского и Канского уездов, но не проникла дальше на север. На это указывает, по Мергарту, ареал кельтов с геометрическим орнаментом¹¹ и некоторых типов ножей. Спорадически появляющиеся на севере бронзовые изделия характерных минусинских форм¹² рассматривались им как импорты, но какие-то их элементы на севере заимствовались. Минусинская культура доживала, по его мнению, до железного века, и носители традиций БВ–РЖВ длительное время вынужденно сосуществовали на Енисее с вторгшимися с юга завоевателями – носителями культуры железного века (ЖВ)¹³. Свидетельством тому, по Мергарту, являлось залегание находок БВ–РЖВ и ЖВ в стратиграфически не расчлененных культурных слоях.

Типы бронзовых изделий северной провинции Мергарт связывал с местной металлообработкой, основные центры которой находились в Красноярском уезде. На востоке ареал этой провинции простирался до Иркутска и Якутии. В хронологическом отно-

¹⁰ Данные регионы традиционно рассматривались в историографии в качестве одного из важнейших направлений культурных влияний на северные и восточные территории, и Мергарт скорее всего по этой причине склонялся в пользу истоков минусинских культур именно отсюда. Он не рассматривал юго-восточный и южный вектор связей (Корея, Маньчжурия, Ордос, Великая Китайская равнина и др.) как исходный для минусинских культур БВ–РЖВ. Эта идея станет активно обсуждаться только во второй половине XX и в начале XXI века, прежде всего в работах Н.Л. Членовой (1967; 1972; 2000), П.И. Шульги (2010) и др.

¹¹ В дальнейшем они получают наименование «красноярско-ангарские» (Максименков, 1960).

¹² Под минусинскими формами подразумеваются орудия и оружие карасукских и тагарских типов.

¹³ По современной периодизации минусинских культур носителей культуры ЖВ Мергарта следует отождествлять с таштыкской культурой.

шении она «параллельна курганному бронзовому веку до коллективных захоронений, который доживает до коллективной эпохи» (Мергарт – Тальгреноу, 3.11.1923)¹⁴. Типы бронзовых орудий северной провинции, по мнению австрийского ученого, каким-то образом связаны с Европейской Россией.

Мнение относительно существования самостоятельных провинций бронзового века в Енисейской губернии Мергарт высказывал еще в музейном отчете 1921 г. (Мергарт, 1923) и повторил в последующих письмах и трудах (Merhart, 1926). Это суждение было справедливым, вытекавшим из проработки публикаций и музейных коллекций. Минусинские карасукские, лугавские и тагарские древности ПБ–РЖВ, которыми в 1920-е годы Геро Вальтерович оперировал, составляли иной вещевой мир, нежели бронзы северной енисейской лесостепи и южной кромки тайги. Однако при этом он неоднократно подчеркивал запаздывание наступления бронзового века в Сибири и значительную протяженность во времени и в пространстве сибирских культур (так, неолит «доживал» у него до железного века). Это мнение, основанное, прежде всего, на сборах и редких памятниках таежной зоны между Енисеем и Байкалом, с отсутствием здесь четких комплексов бронзового века с развитыми формами, ныне следует признать ошибочным.

Как в работах сибирского цикла (Мергарт, 1923; Merhart, 1926), так и в письмах, Мергарт обращал особое внимание на ряд явлений, не вписывающихся в общую культурно-хронологическую схему. К таковым он, например, причислял андроновскую культуру¹⁵, предвидя ее особую роль в истории бронзового века азиатской степи и лесостепи. Ее изучению австрийский ученый справедливо придавал большое значение, считая, что «это одна из важнейших статей для европейско-

¹⁴ Курганный бронзовый век в современном понимании – это ранняя и развитая тагарская культуры, коллективные захоронения – это то, что теперь называют тесинским этапом или культурой. Мергарт справедливо синхронизировал свою северную провинцию с «курганном БВ» – РЖВ в современном понимании.

¹⁵ В письме-воспоминании японскому коллеге Бунэю Цуноде Г. Мергарт упоминает о том, что тот факт, что «андоновская культура была чем-то ранним и особенным для Сибири», он подметил первым, так как реставрировал керамику Андроновского могильника, раскопанного в 1914 г. тогдашним директором Красноярского музея А.Я. Тугариновым (Merhart, 1958, S. 227).

сибирского культурного движения, еще более полного и богатого, чем сейминские кельты» (31.12.1924). В одном из писем Тальгрёну (7.05.1926) он обратил внимание на сходные типы ножей в андроновских могильниках и в Сейме, что послужило для него основанием хронологически (но не культурно) сблизить эти древности: «Идею с заимствованием орнамента для Сеймы из андроновской керамики мы все еще не заменили <...>. Она очень¹⁶ заманчива. Ведь андроновская проблема уже давно вползла в меня. Но сейчас у Вас есть интересы в Андронове, я берусь послать Вам также что-то из моей папки и могу оттуда выудить: Андронов, Батени, Новоселово, наряду с оригиналами (и не списанными) лоскутьев бумаги из красноярского гербария с текстом... Это (мне кажется) ведь также там так ясно, что сибирские (материалы – авт.) позднее, совершеннее, чем восточнорусские, и также мне кажется, что они не скрещиваются с гребенчатой керамикой <...>».

Аналоги андроновской керамике Енисея, по мнению Мергарта, можно найти в Оренбургской и Пермской губерниях, на Ишиме и под Семипалатинском, а побочную ветвь этой культуры – в приазовской степи и лесостепи (Merhart, 1926, S. 26). Ученый обратил внимание на керамику с геометрическим орнаментом (меандры) в погребениях в «срубках» в Бахмутском и Изюмском уездах, раскопанных В.А. Городцовым (1905; 1907). Наблюдение Мергарта о близости мотивов орнамента на керамике андроновской и срубной культур представляется важным и в свете современных исследований керамики андроновского мира (см. обзор темы: Ковтун, 2016). Проблема андроновской культуры продолжала интересовать австрийского ученого и после отъезда из России (Детлова, Кузьминых, 2014). Однако из-за дефицита фактических данных он не смог продолжить исследования в данном направлении.

Из других явлений, которые не вписывались в его общую культурно-хронологическую схему древностей Енисейского края, но обсуждались в переписке с Тальгрёном, фигурирует знаменитый Ишимский клад (Ермолаев, 1914). В то время Мергарт из-за отсутствия более полных сопоставительных данных не смог определить его культурную принадлежность, однако еще до выделения И.М. Мягковым (1929) кулайской культуры обратил внимание на уникальность и «инте-

ресный состав находки» из таежного Причудья. (Рис. 4) Не менее своеобразным этот комплекс, подлинно научное значение которого открылось только после появления большой серии кулайских кладов в таежном Приобье¹⁷, представлялся и Тальгрёну, который просил австрийского коллегу написать (14.06.1927) статью об Ишимском кладе для журнала «Eurasia Septentrionalis Antiqua»: «Ведь эта находка – сокровище, с интересными культурными типами, вырождающимися формами и тому подобным. Я уверен, что Вы единственный подходящий человек, который мог бы подлинно научно охватить материал». Предложение Мергарта отклонил, тем более что в 1928 г. редактор ESA наладил прямой диалог с И.М. Мягковым – первооткрывателем кулайских древностей¹⁸.

Всерьез к обсуждению проблем БВ–РЖВ Мергарт и Тальгрён подошли в 1922 году. Сибирские древности продолжали оставаться доминирующим направлением исследований австрийского археолога. Наиболее важной темой в его письмах этих лет по-прежнему является вопрос о происхождении не-минусинского – северного – бронзового века. Кроме того, он снова и снова пытается заполучить книгу об ананьинской культуре (Tallgren, 1919), а также каталоги заусайловской и товостинской коллекций (Tallgren, 1916; 1917). Они нужны ему, в первую очередь, для определения истоков и генетических связей енисейских культур. По мере понимания того, что изолировано, в отдельно взятой области проследить данные процессы невозможно, что необходимо охватить и проработать обширный территориально и содержательно материал, Мергарт все глубже погружается в проблематику БВ–РЖВ Восточной Европы.

В письмах он буквально забрасывает Тальгрёна вопросами о находках из различных памятников (упоминая клады из Ямполья, Подуховной Калиновки и др.), постоянно обращается за информацией о древностях из фондов российских музеев (22.04., 26.10., 20.12.1922; 26.03., 5.04., 31.10.1923; 13.08., 19.10., 31.12.1924). Практически в каждом письме следуют просьбы о содействии в получении тех или иных изданий, о консультациях

¹⁷ Первый из них, давший название археологической культуре, был открыт на горе Кулайка и описан впервые И.М. Мягковым (1927).

¹⁸ А.М. Тальгрён написал письмо И.М. Мягкову (12.09.1928), когда познакомился в библиотеке ГАИМК со статьями томского исследователя о кладе на горе Кулайка; см.: (Мягков, 1927).

¹⁶ Здесь и далее подчеркивания принадлежат авторам переписки.

по интересовавшим его вопросам. Австрийский ученый отчетливо понимал, что для создания целостной картины бронзового века на Енисее ему нужны полноценные данные из самых разных источников. Не случайно он постоянно ссылается на отчеты и труды А.В. Адрианова, Ф. Мартина, П.С. Уваровой, Н.И. Булычева, активно привлекает сведения из иностранной литературы (упоминает работы С. Линдквиста, Г. Экхольма). Когда на рубеже 1920–30-х гг. все связи Мергарта с Россией и русскими коллегами оборвались, его финский друг и корреспондент оставался для него, по сути, единственным источником всей информации о российской археологии.

По возвращении в 1921 г. в Австрию Геро Мергарт активно продолжил работу в русле сибирской археологии, опубликовал ряд статей в европейских и американских изданиях (Merhart, 1923; 1924b), том числе (не без участия Тальгрена) в Хельсинки (Merhart, 1923; 1924a). Но основные его усилия были направлены на подготовку рукописи монографии «Бронзовый век на Енисее», которая была завершена к 1924 г. Через два года это «первое в сибирской археологии крупное исследование, целиком посвященное бронзе среднего Енисея» (Белокобыльский, 1986, с. 130), было опубликовано (Merhart, 1926). (Рис. 5)

Геро Вальтерович, размышляя над проблемами енисейских древностей II–I тыс. до н.э., естественно, стремился вписать их в контекст евразийских материалов того времени и, конечно, не мог оставить без внимания основные труды финского исследователя. В итоге в их переписке в 1920-е годы шла активная полемика вокруг спорных, с точки зрения Мергарта, вопросов археологии Западной Сибири, Алтая, Казахстана, Урала, Восточной и Средней Европы, так или иначе связанных с проблематикой диссертационного исследования австрийского ученого.

Книга «Бронзовый век на Енисее», безусловно, главный труд Мергарта 1920-х годов. Она принесла автору мировую известность и на долгие годы стала настольной для большинства западных, японских, китайских и советских археологов 1920–30-х годов, интересовавшихся древностями бронзового и раннего железного веков срединных районов Азии. Книгу положительно восприняли его коллеги в России А.В. Шмидт, С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов и др.¹⁹ Столь же высоко

оценил ее, причем публично (рецензия в ESA), А.М. Тальгрэн (Tallgren, 1927), а в письме австрийскому ученому, он охарактеризовал этот труд как «пластичное, всестороннее изложение сибирской бронзы», а его автора как «скрупулезного, добросовестного, очень эрудированного исследователя» (3.07.1926).

В рецензии Тальгрэн познакомил читателей не только с содержанием книги, ее структурой, но и высказал свое мнение относительно многих затронутых в ней тем. Так, он подчеркнул важность представления об отличии культуры бронзового века енисейского севера (красноярско-канская лесостепь и южная кромка тайги) и юга (степи Минусинской котловины), обратил внимание на сравнительный анализ восточноевропейских и сибирских форм различных категорий орудий, оружия и украшений. Михаил Маркович не во всем согласился с австрийским коллегой: с сомнением отнесся к датировке двушковых минусинских кельтов, считая их, в отличие от Мергарта, более ранними; отверг идею о заимствовании геометрического орнамента сейминских кельтов от прототипов в культурах Балкано-Карпатского региона; проблему происхождения скифо-сибирского звериного стиля в свете имеющихся данных Тальгрэн посчитал наиболее сложной, значимой и далекой от разрешения.

Не секрет, что при написании книги «Бронзовый век на Енисее» Мергарт постоянно обращался к своему финскому другу за помощью и консультациями, использовал его публикации и материалы. Доказательством тому – многочисленные ссылки на работы Тальгрена. Кроме того, подготовка книги – лейтмотив практически всей их переписки 1920-х гг., которая в эти годы была наиболее регулярной и содержательной. Сам Геро Вальтерович участие и роль «бога русской археологии» в создании книги считал исключительным и даже пошутил по этому поводу (2.08.1925): «и вообще, если бы я “Тальгрэн” заменял одним значком, что-то вроде “Т”, то моя книга была бы на лист корочке». Взяв за образец сравнительно-хронологическую схему финского археолога, сопоставившего культуры бронзового века Восточной Европы с анатолийскими, эгейскими, кавказскими, центрально- и североевропейскими (Tallgren, 1926, p. 142), Мергарт «привязал» к ней свою схему енисейских и восточноевропейских культур (Merhart, 1926, S. 15, 16). (Табл. 1)

¹⁹ Судим об этом по их письмам Мергарту, хранящимся в архиве Марбургского университета Филиппа; см. также: (Детлова, Кузьминых, 2014).

III. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ПРОБЛЕМ БРОНЗОВОГО И РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКОВ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.

Уже в ранних работах сформировался подход Мергарта к анализу и характеристике археологических культур. На примере ведущих форм инвентаря он попытался определить исходный очаг, примерные хронологические и территориальные рамки, очаги трансформации, проследить пути распространения и проявления культуры. Но если ранние письма 1921–1923 гг. практически полностью посвящены «сибирской» тематике, то постепенно в переписке все меньше внимания уделяется енисейским материалам. Несмотря на заверения, что «наши сферы интересов претерпят разграничения» (22.04.1922), научные аппетиты Мергарта возрастают, и он «вторгается» в область интересов финского ученого. Наиболее интенсивная полемика по вопросам бронзового и раннего железного веков Восточной Европы развернулась в 1922–1928 гг.

1. Проблемы Сеймы, Турбина, Галичского клада, фатьяновской культуры и Майкопа и их соотношения друг с другом.

Особенно заметное место отведено в письмах обсуждению т.н. сейминской проблемы. К ее осмыслению Мергарт пришел, как уже отмечалось, при изучении территориального распределения бронзовых кельтов в Енисейском крае, выделив южную (минусинскую) и северную (красноярскую) провинции их распространения. Северные орудия с ярко выраженной геометрической орнаментацией австрийский археолог рассматривал как более позднюю – енисейскую – ветвь развития сейминских кельтов. Именно в связи с проблемой происхождения «топоров красноярского типа» он размышлял и в переписке с Тальгреном, и в своей книге (Merhart, 1926) над, казалось бы, далекой для него сейминской проблемой.

Уже в письме от 26.10.1922 г. Мергарт затрагивает проблему Сеймы, а в 1924 г. уже на равных ведет диалог с Тальгреном. Проблеме Сеймы Геро Вальтерович придает исключительное значение: «Проявления Сеймы я ощущаю повсюду и думаю, что из этого что-то выйдет» (20.12.1922), однако «загадка происхождения сейминской культуры» остается до поры до времени для него неразрешимой (10.09.1924). Истоки этого феномена, по его мнению, следует искать на западе. В отличие от Тальгрена, который назы-

вал Венгрию²⁰ в качестве исходной области геометрического орнамента кельтов Сеймы, для Мергарта, хотя он и указывал на некоторые схожие черты в декоре кельтов Сеймы и Венгрии, морфологическая связь сейминских и западных орудий не бесспорна: «Сейминские топоры не выводятся из Венгрии! И обратно не влияют» (4.01.1924).

Основная идея концепции австрийского ученого: «Сейма мигрировала с Запада на Восток и оказывала влияние на Сибирь» (20.12.1922). Ее «ответвления» в Сибири не скрещиваются с местными формами, однако здесь они вырождаются и «уже на Урале они не просты и свободны от примесей» (26.03.1923). Производные от сейминских форм, согласно его представлениям, нередко встречаются в Минусинской котловине, куда отголоски Сеймы проникают с севера через Ачинские ворота. Подтвердить свое мнение и проследить путь распространения сейминской культуры на восток он пытался на основе анализа самой массовой категории инвентаря – кельтов.

Мергарту было трудно принять гипотезу В.А. Городцова (1915) о сибирских истоках Сеймы. Но в отличие от Тальгрена, который обосновывал эту идею в отрыве от хронологии западных и восточных орудий и был заложником представления о том, что все передовое и более раннее возникло на западе, его австрийский коллега временами сомневался в такой посылке. Однако не до такой степени, чтобы быть готовым отказаться от своих убеждений. С городцовой точкой зрения он был категорически не согласен: «Городцов поет свою старую песню <...> о мировом источнике бронзового века в Сибири. Над этим мы можем посмеяться между собой» (19.09.1925). В итоге же «старая песня» Городцова, несмотря на кажущуюся парадоксальность (Черных, Кузьминых, 1991), оказалась более живучей и получила весомые доказательства в конце XX века (Черных, Кузьминых, 1989).

Во взглядах на датировку, культурную и хронологическую взаимосвязь Сеймы, фатьяновской культуры и Галичского клада финский и австрийский археологи полемизируют не только с Городцовым, но и друг с другом – здесь их представления существенно разошлись. Мергарт не считал себя специалистом по археологии эпох бронзы и раннего железа Восточной Европы, но в диалоге с

²⁰ Так в научной традиции того времени назывался Балкано-Карпатский регион.

Тальгреном его острый и пытливый ум подметил некоторые нестыковки в аргументации финского коллеги.

Михаил Маркович отстаивал идею о культурной и хронологической взаимосвязи Сеймы и фатьяновской культуры и изначально датировал Сейму 2000–1700 гг. до н.э. Мергарт, напротив, настаивал на разграничении Сеймы и Галичского клада с фатьяновскими древностями. Австрийский археолог верно подметил большую древность (около 2000 г. до н.э.) и длительность существования фатьяновской культуры. Ее истоки коренились, по его мнению, в неолите, а финал приходился на время Сеймы; основанием для этого вывода послужили находки фатьяновской керамики на Туровском (Галичском) и Сейминском поселениях. Геро Вальтерович рассматривал Сейму как гораздо более поздний памятник, одновременный Галичскому кладу. При этом он опирался на находки в Сейме и Галичском кладе морфологически близких кинжалов с пластинчатыми клинками и металлическими рукоятями с фигурками животных²¹. Первоначально оба памятника Мергарт синхронизировал со временем раннего гальштата (1200–1000 гг. до н.э.), но позднее отнес их к более развитой стадии бронзового века, нежели фатьяновские древности, и датировал 1400–1300 гг. до н.э. От фатьяновской культуры он отделял не только Сейму и Галичский клад, но и Турбинский могильник, ставший известным после исследований А.В. Шмидта в 1924–1927 гг. (Schmidt, 1927). Австрийский археолог вслед за автором раскопок (Ibid, S. 7–10) подчеркивал, что керамика, найденная на площади этого могильника²², не имеет ничего общего с фатьяновской.

В настоящее время относительная хронология и соотношение фатьяновской культуры, Галичского клада и сейминско-турбинских древностей друг с другом, конечно, изменились, но австрийский ученый, в отличие от своего финского коллеги, уже в самом начале их дискуссии был гораздо ближе к современным представлениям по этим по-прежнему актуальным вопросам бронзового века.

На ошибочность датировки фатьяновской культуры и Сеймы Мергарт указы-

²¹ См. подробнее о них: (Черных, Кузьминых, 1989, с. 108–110).

²² В реальности могильник перекрыт культурным слоем с остатками ананьинской и гляденовской культур эпохи раннего железа (Schmidt, 1927, taf. III–V), которые не имеют отношения к погребальным и жертвенным комплексам бронзового века.

вает Тальгреноу в ряде писем (22/23.08.; 10.09.1924). Он был готов пойти на компромисс относительно хронологических рамок этих культур и признать: «*Фа – 1700, Сейма – 1400*» (10.09.1924), но по-прежнему настаивает на их культурном разграничении. И хотя Геро Вальтерович признавался в своей нелюбви к полемике и ставил «*добрые личные отношения*» гораздо выше научной истины (26.03.1923), но всё же продолжал убеждать Тальгрена в его неправоте. (Рис. 6) Для финского археолога доводы австрийского коллеги – не сразу! – оказались более действенными, нежели более ранняя критика А.А. Спицына и В.А. Городцова²³. Справедливость замечаний и предложений Мергарта стали для Тальгрена очевидными к 1925–1926 гг. – и в немалой степени благодаря погружению в материалы бронзового века юга России и Украины (Tallgren, 1925; 1926), а также публикации материалов Турбинского могильника (Schmidt, 1927), расположенного далеко на востоке – за многие сотни километров от Оки и Сеймы – на Западном Урале.

Именно в эти годы наметился перелом в представлениях финского ученого о происхождении, хронологии и верификации фатьяновской культуры, Галичского клада и Сеймы (Tallgren, 1926, p. 142). Очевидная связь Сеймы и Турбина заставила Тальгрена отказаться от связи Сеймы с фатьяновской культурой; скорректирована была и датировка Сеймы (1300–1200 или 1300–1100 гг. до н.э.), но при этом Галичский клад он по-прежнему считал не намного (1400–1100 гг. до н.э.), но древнее Сеймы. Мергарт не замедлил отметить для себя изменения во взглядах коллеги: «*Сейма теперь 1300–1200, что так близко к моему (представлению – авт.), что я хотел бы углубиться самое большее на 200–300 лет. Но, может быть, я в этом когда-нибудь уступлю, и мы полностью сойдемся*» (13.04.1926).

В переписке Мергарта и Тальгрена Турбинскому могильнику и Бородинскому кладу уделяется меньшее внимание, нежели Сейме, Галичскому кладу и фатьяновской культуре, но они встроены в общие культурно-хронологические схемы (Tallgren, 1926, p. 142; Merhart, 1926, S. 15, 16). В их письмах ставится явно больше вопросов, чем дается ответов. Многие проблемы – и это признается обоими исследователями – остаются нерешенными. В их числе – истоки фатьяновской культуры и ее взаимосвязи с окружающим миром;

²³ См. об этом подробнее: (Кузьминых, Сафонов, 2003; Кузьминых, 2011; Кузьминых и др., 2014).

хронология и место Майкопского кургана среди других культур и памятников эпохи раннего металла; проблема хронологического соотношения Галичского клада и Майкопского кургана по материалам антропоморфного литья этих памятников (о косвенном влиянии Майкопа Мергарт пишет 4.10.1924 г.) и др. Сравнение фатьяновской культуры с Майкопским курганом шло, прежде всего, по линии керамики (круглодонные формы с выделенной вертикальной шейкой)²⁴ и медных топоров. Эту линию развития фатьянова активно отстаивал в переписке с Тальгреном Городцов (Кузьминых, Сафонов, 2003). Мергарт в итоге был ближе к городцовскому пониманию истоков фатьяновской культуры, нежели финский ученый, который связывал ее происхождение с северо-западными областями Европы (Tallgren, 1924). Тальгрэн в ряде статей обращался к морфологическому сходству антропоморфной скульптуры Майкопа, Казбекского (кобанская культура) и Галичского кладов²⁵, но в приводимых аналогиях не всегда был безупречен и точен.

2. Диалог о кельтах бронзового века Северной Евразии.

Мергарт пытался проследить динамику культурного взаимодействия между Восточной Европой и Сибирью в БВ–РЖВ на основе анализа различных групп кельтов. Этому посвящена значительная часть его книги о бронзовом веке на Енисее (Merhart, 1926, S. 40–119). Причем в ней характеризуются орудия, известные как по коллекциям сибирских бронз, так и с территории Восточной, Центральной и Северной Европы. Последние были изучены им в музеях Казани, Москвы и Петрограда, а также учтены по «корочкам» Спицына и публикациям А.А. Штукенберга, В.А. Городцова, А.М. Тальгрена и др.

Среди различных групп кельтов, известных на Енисее, Мергарт выделяет «кельты сейминского типа» по аналогии с орудиями Сеймы, отмечая при этом, что ранее они были отнесены Тальгреном к «*tny Pielavesi*»²⁶. Если следовать строго характеристике финского ученого, то в рамках типа Pielavesi Михаил Маркович объединял все известные ему в начале XX века кельты сейминско-турбинско-

го (СТ) типа, включая группы неорнаментированных (и среди них кельт из Pielavesi), т.н. поясковых и орнаментированных орудий без ушек и с ушками²⁷, а также тяжелые одноушковые кельты с зауженным туловом и массивным валиком-ободком по устью втулки (Tallgren, 1916, pl. XI: 2, 5–7)²⁸. В книге 1911 г. Тальгрэн, подводя итог обзора кельтов типа Pielavesi в Финляндии и России, отмечал, что это «*восточный тип, который распространился в Финляндию из восточной части Камско-Волжской области бронзового века. Там, в России, кажется, он связан с сибирскими кельтами*» (Tallgren, 1911, S. 189, 190). Мергарт же воспринял тип Pielavesi как неорнаментированную форму СТ-кельтов «*неопределенного возраста*», которая «*в Сибирь не проникла*»²⁹. В то же время «*истинный сейминский тип*» (то есть орнаментированные СТ-кельты – авт.), по мнению австрийского археолога, широко распространен в Северной Евразии – от Сеймы на западе до Минусинска на востоке. Его «*родиной*» Мергарт считал, помимо самой Сеймы, «*восточную центрально-русскую область*» (Волго-Камье – авт.), т.е. присоединялся к точке зрения Тальгрена об истоках типа Pielavesi.

Мергарт вслед за Тальгреном верно подметил сходство ушковых кельтов Сеймы и морфологически близких сибирских орудий, опубликованных В.В. Радловым (1902)³⁰. При этом он обратил внимание на то, что енисейская подгруппа кельтов сейминского типа – более коротких и с менее пышным орнаментальным декором – демонстрирует «*вырождающиеся формы*». Признаки вырождения, по его мнению, «*становятся более многочисленными с запада на восток и нужно констати-*

²⁷ См. подробнее обо всех группах СТ-кельтов: (Черных, Кузьминых, 1989, с. 38–63).

²⁸ В отечественной археологической литературе они получили наименование «кельты дербеденевского типа» (Тихонов, 1960, с. 44–46); см. о комплексе Дербеденевского клада и истории его изучения: (Булычев, 1902, табл. VII; Кузьминых, 1981, рис. 7, 8; Археологические... 1989, с. 17).

²⁹ Действительно, долгое время неорнаментированные СТ-кельты (тип К-4 по классификации Е.Н. Черных и С.В. Кузьминых) не были известны в Сибири, но в последние годы два экземпляра орудий этого типа найдены в могильнике Преображенка-6 в Барабинской лесостепи (Молодин и др., 2004, рис. 1: 1, 2).

³⁰ Позднее все кельты Минусинской котловины ПБ-РЖВ, в том числе вошедшие в сводку Мергарта, были блистательно проанализированы М.П. Грязновым (1941).

²⁴ Эта линия сопоставлений была намечена еще в начале XX века А.А. Спицыным; см. подробнее: (Кузьминых, 2011, с. 8).

²⁵ См. подробнее об этой проблеме: (Студзицкая, Кузьминых, 2001, с. 147–150).

²⁶ См. их характеристику в трудах А.М. Тальгрена: (Tallgren, 1911, S. 184–190; 1916, p. 32–34).

ровать, что дополнение ушками сейминских кельтов последовало, по-видимому, на Западе, возможно, в Уральской области или в Восточной России» (Merhart, 1926, S. 70).

Первую часть этого заключения следует принять: именно в Сибири, между Обью и Енисеем, распространены морфологически наиболее поздние типы кельтов кижировского типа – укороченные, с обедненным орнаментом и «ложными» ушками (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 79, 80; Кузьминых, 2011б, с. 256), которые Мергарт справедливо воспринимал как «вырождающиеся формы» кельтов сейминского типа. Вторая часть заключения – о дополнении ушками СТ-кельтов только к западу от Урала – не подтвердилась в ходе новейших исследований. Одно- и двуушковые кельты доминируют как раз в азиатской зоне СТ-ареала (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 17–20; Кузьминых, 2011б, с. 244–247).

Анализируя «вырождающиеся формы» кельтов сейминского типа на Енисее, австрийский ученый указал на их «неопределенное отношение к красноярским топорам»³¹ и отсутствие каких-либо смешанных или переходных форм между ними (Merhart, 1926, S. 70). В начале 1920-х гг. обсуждение этого вопроса казалось правомерным, поскольку датировка красноярско-ангарских (КА) кельтов оставалась неясной – они воспринимались как орудия бронзового века. Сейчас мы знаем, что СТ- и КА-кельты не могли непосредственно «скрещиваться»: это орудия разных исторических эпох – поздней бронзы и раннего железа, но истоки красноярско-ангарских кельтов, безусловно, связаны с таежной линией развития сейминских и кижировских орудий позднего бронзового века (Кузьминых, 1991), а не со степной евразийской, представленной в Минусинской котловине массивными ушковыми кельтами лугавской и карасукской культур (Грязнов, 1941).

Среди волго-камских орудий, «непосредственно контактировавших с сейминскими топорами», Мергарт указывает на «тяжелые шестигранные топоры», соотнося их с группой В типа Pielavesi (см. ее характеристику: Tallgren, 1916, p. 32)³². Экземпляр из коллекции Заусайлова (Ibid, pl. XI: 5) он приводит в качестве типичного образца таких кельтов, который, на его взгляд, обнаруживает

³¹ В отечественной археологической литературе за ними закрепится наименование «кельты красноярско-ангарского типа» (Максименков, 1960).

³² Выше мы говорили о них как о кельтах дербеденевского типа.

бесспорное родство с сибирскими орудиями (Merhart, 1926, S. 81). Мергарт верно подметил основное отличие дербеденевских кельтов от минусинских: последние снабжены двумя ушками, волго-камские – одним (Ibid, Abb. 61). Примечательно обращение австрийского археолога к материалам Дербеденевского и Сосновомазинского кладов³³ в контексте хронологии бронзового века Восточной Европы. Он справедливо считал клад из Дербедени более поздним по сравнению с СТ-древностями, учитывая находку в нем кельта с лобным ушком (Черных, 1970, рис. 48: 30; Кузьминых, 1981, рис. 8: 3), аналогичного орудиям Сосновой Мазы (Черных, 1970, рис. 48: 19–21). Отсутствие в последнем клade и в ананьинских могильниках кельтов дербеденевского типа привело его к заключению о том, что кельты с лобным ушком из Дербедени и Сосновой Мазы в хронологическом отношении занимают «среднее положение между Сеймой и началом железного века» (Merhart, 1926, S. 83).

Верно поместив дербеденевские кельты между сейминскими и ананьинскими в рамках относительной хронологии, Мергарт задался вопросом о хронологическом диапазоне между Сеймой и ананьинской культурой. Во всяком случае, он сомневался в утверждении, что данные культуры разделяет 1000 или 800 лет (Ibid, S. 82, 83). Конечно, эти рассуждения от лукавого: дата начала ананьинской культуры 7 в. до н.э. была обоснована Таллгреном по скифским и кавказским аналогиям (Tallgren, 1926, p. 142), но о хронологии Сеймы и СТ-древностей в целом в начале XX века можно было только гадать³⁴.

В полемике с финским ученым Мергарт затронул проблему происхождения еще одной группы кельтов позднего бронзового века Восточной Европы, а именно: орудий с лобным ушком на фаске. Он приводит мнение Таллгрена о том, что в декоре этих кельтов прослеживается определенное подражание образцам из Балкано-Карпатского региона, «но не в форме, которая в восточно-русском (волго-камском – авт.) выражении в Венгрии неизвестна, а в Сибири популярна...» (Merhart, 1926, S. 88). Орнамент в виде треугольников на кельтах с лобным ушком (Ibid, Abb.

³³ См. об истории его открытия и изучения: (Малов, 2013).

³⁴ Только в последнее десятилетие появилась серия радиоуглеродных датировок, позволяющая решить проблему хронологии сейминско-турбинского феномена (Черных и др., 2017).

62), равно как и на орудиях дербеденевского типа из Волго-Камья Мергарт рассматривал в контексте влияния Сеймы. При этом необходимо отметить, что кельты с лобным ушком широко распространены в финале БВ от Западной Европы до Минусинской котловины. Морфологически ни они, ни орудия дербеденевского типа напрямую с СТ-орудиями не связаны. А геометрический орнамент на бронзовых орудиях и оружии, начиная с сейминско-турбинских образцов (которому Мергарт придавал столь важное значение), чрезвычайно быстро и повсеместно распространился в БВ–РЖВ по всей Евразии.

3. Хронология ананьинской культуры и ее памятников.

В диалоге Мергарта и Тальгрена речь шла, конечно, и об ананьинской культуре, и ее хронологии. Иначе и быть не могло. Для финского археолога ананьинские древности оставались любимым детищем, а книгу об этой культуре (Tallgren, 1919) Элла Кивикоски считала лучшей среди его трудов (Kivikoski, 1954, p. 96).

Основные итоги изучения ананьинских древностей Тальгрэн обнародовал в 1919 году. В дальнейшем Михаил Маркович не раз возвращался к обсуждению различных аспектов данной проблематики (Tallgren, 1936; 1937), и его диалог в письмах с Мергартом был для этого важным стимулом.

Проблема хронологии ананьинской культуры и ее отдельных памятников оставалась в центре внимания австрийского и финского ученых в переписке 1920-х годов. Причем часто косвенно, при обсуждении, например, хронологии Дербеденевского и Сосновомазинского кладов и находок с озера Сосновское на Урале. В принципиальном плане для Геро Вальтеровича «Ананьино синхронно с Минусинским основным бронзовым веком» (5.09.1923), а иначе говоря – с тагарской культурой. Ананьинская культура, по Мергарту, «по-европейски выражает еще фацию раннего гальштата, на самом деле, скифского времени» (19.09.1925). При этом австрийский археолог заметил у Тальгрена несоответствие в хронологии ряда позднебронзовых комплексов, в частности, с озера Сосновское на Урале и из Дербеденевского клада в Приуралье, которые Михаил Маркович датировал 900 г. до н.э. Мергарт совершенно справедливо разглядел в этих комплексах – наряду с формами орудий эпохи поздней бронзы – кельты ананьинского типа³⁵ и поставил перед Михаилом Маркови-

³⁵ В Дербеденевский клад этот кельт попал, скорее всего, по ошибке при инвентаризации в Уфимском

чем вопрос: «Если Сосновое и Дербедень 900 (г. до н.э. – авт.), тогда Ананьино начинается 900 (г. до н.э. – авт.)» (7.05.1926). Финский ученый в ответ заметил: «Я не совсем согласен с Вами в том, что эти находки одновременны с ананьинской культурой. Мне кажется, серпы, кинжалы и односторонние втульчатые топоры все же немного более древние, в любом случае, доскифские, из времени до 700 (г. до н.э. – авт.), а Ананьино идет, вероятно, параллельно скифским находкам 5 в. (г. до н.э. – авт.) <...>. Я бы хотел датировать Дербедень и Сосновое 900 (г. до н.э. – авт.), но, конечно, считаю Ананьино более поздним. Но очень возможно, что я ошибаюсь...» (16.05.1925). Но и далее в полемике финский коллега стоял на том, что ранняя фаза ананьинской культуры датируется 6–5 вв. до н.э. Лишь в 1926 г. он согласился удревнить ее на один век (Tallgren, 1926, p. 142).

Мергарт не мог принять аргументы Тальгрена и писал ему (16.05.1926), что Дербеденевский клад, если не синхронен ананьинской культуре, то, по меньшей мере, недалеко отстоит от нее. Но даты клада и ананьино, установленные финским археологом (несколько устаревшие в свете современных разработок), всё же оказались более верными по сравнению с теми, что предлагал австрийский ученый. Не вполне корректен был Мергарт и тогда, когда указывал на хронологическое тождество Сосновой Мазы и Дербедени: последний клад не намного, но старше Сосновомазинского (Черных, 1970, табл. Г; Бочкарёв, 2017, табл. 1). Ананьинская культура – при разных вариантах ее начального этапа (Кузьминых, Чижевский, 2014) – моложе Сосновой Мазы более чем на 500 лет.

В хронологическом сближении Дербеденевского клада и ананьино Мергарт исходил из морфологической близости кельтов этих памятников (Merhart, 1926, S. 102), в частности, орудий из клада (Черных, 1970, рис. 48: 5; Кузьминых, 1981, рис. 8: 4) и находок с Камы и Вятки (Merhart, 1926, Abb. 60–62)³⁶.

музее, или его намеренно подложили находчики на этапе продажи. Такие коллизии в дореволюционных собраниях – не редкость. В том же Уфимском музее, где хранится часть Дербеденевского клада, в коллекцию Куганакского клада эпохи раннего железа попали явно случайно не имеющие к нему отношения позднебронзовый прорезной наконечник копья и средневековое зеркало (Кузьминых, Трейстер, 2012, с. 166). Кельт с оз. Сосновское принадлежит к орудиям иткульской культуры (Берс, 1951, рис. 1: 26, с. 235).

³⁶ Наиболее яркая серия кельтов, аналогичных

Но при этом австрийский ученый отмечал, что безушковый кельт явно ананьинского типа не «вписывается» в основной комплекс предметов Дербеденевского клада – и его сомнения были вполне обоснованными. Одним из авторов этот кельт, морфологически близкий орудиям иткульской культуры (Бельтикова, 1993), был исключен из состава поздне-бронзового клада (Археологические... 1989, с. 17). В коллекцию, как уже отмечалось, он мог попасть случайно. Но в итоге, несмотря на сомнения Мергарта в позднебронзовом «возрасте» кельта ананьинского типа в Дербедени, это орудие довольно долгое время порождало ошибочные представления о хронологическом сближении клада и ананьинской культуры.

К проблеме ананьина Геро Вальтерович обращался и при анализе сейминского наследия в последующих культурах Волго-Камья и Енисейского края. *«Влияние сейминского стиля в Восточной России, – отмечал Мергарт, – простирается на все предшествующие ананьинским и частично синхронные формы кельтов, в Сибири выражается лишь у одной группы, которую можно признать одновременной с (орудиями – авт.) Ананьина»* (Merhart, 1926, S. 96). А одновременными ананьинским кельтам на Енисее он признает орудия красноярского или красноярско-ангарского типа. По мнению австрийского ученого, ананьинские кельты являются единственной группой орудий в восточной половине Европейской России, в которой заметно наследие Сеймы.

Однако в этом вопросе Мергарт был прав лишь отчасти. Ананьинские кельты подразделяются морфологически на два класса – с овальным и шестигранным сечением устья втулки. Орудия первого класса – с треугольной, трапециевидной и арковидной фасками и, как правило, без геометрического орнамента – сложились на базе позднебронзовых кельтов с лобным ушком (Кузьминых, 1983, с. 76). В пределах ананьинской культурно-исторической области (АКИО) они характерны, прежде всего, для постмаклашеевской культуры (Там же, табл. 9). С СТ-линией развития связаны в АКИО орудия второго класса – с прямоугольной фаской и разнообразным орнаментальным декором, по преимуществу

орудию из Сарапульского у. (Merhart, 1926, Abb. 60), который был привлечен Мергартом при анализе ананьинского по своему морфологическому облику кельта из Дербедени, представлена в Зуевском могильнике (Кузьминых, 1983, табл. XIV–XVI).

геометрическим (Там же, с. 77). В АКИО ареал шестигранных кельтов захватывает в основном таежные районы Волго-Камья, где распространены памятники ананьинских культур со шнуровой и гребенчато-шнуровой керамикой (Там же, табл. 9). Именно в отношении этих кельтов австрийский ученый был прав, отмечая их морфологическое родство с орудиями Сеймы.

Еще одно наблюдение Мергарта касалось инвентаря ананьинской культуры, а именно: присутствие в нем элементов, восходящих к доскифским формам и образцам орудий, оружия и украшений бронзового века Южной России и заимствованных населением Волго-Камья эпохи раннего железа. Австрийский ученый полагал, что ананьинская среда является единственной, в которой эти элементы появляются на востоке. К этому вполне здравому суждению Мергарт пришел только на основании материалов Ананьинского могильника и случайных находок. Исследованиями второй половины XX и начала XXI века в могильниках постмаклашеевской культуры АКИО был выявлен заметный пласт орудий, оружия, конской узды и украшений доскифских форм (Кузьминых, 1983, с. 174–176; Чижевский, 2008). Но Мергарт не мог и предположить, что в культурах ранних кочевников Азии предскифский пласт древностей (горизонт Аржана-1 и синхронных ему памятников) будет выделен повсеместно.

4. Младшее Волосово, меларские кельты, Томский могильник в системе взаимосвязей востока и запада.

В хронологической схеме культур БВ–РЖВ Восточной Европы Младший Волосовский могильник³⁷ являлся для Мергарта ключевым памятником в его полемике с Тальгреном. Один из обсуждавшихся ими

³⁷ Памятник, расположенный в Навашином районе Нижегородской области, был раскопан в 1910 г. В.А. Городцовым (1914). В Волосовском археологическом микрорайоне выявлен ряд памятников. Старший и Младший Волосовские могильники локализуются на высоком правом берегу р. Велетьмы недалеко от места впадения ее в Оку. Первый из них Городцов располагает на холме “А”, второй – на холме “В”, а Волосовскую стоянку (давшему название известной археологической культуре неолита-энеолита) – на холме “С”, т.е. территориально разграничивает эти памятники. На холме “В” погребения Младшего Волосовского могильника прорезали культурный слой поселения с керамикой двух типов: “текстильной” эпохи поздней бронзы и ямочно-гребенчатой эпохи неолита (Попова, 1966, с. 45, 46; Кузьминых, Чижевский, 2006).

аспектов касался генетической взаимосвязи меларских и ананьинских кельтов и их хронологии. Для финского ученого «шведские» или меларские кельты лежали в основе развития всех позднейших форм бронзовых кельтов Восточной Европы, включая и ананьинские. Через все его работы проводилась мысль о проникновении меларских кельтов из Средней Швеции в центр Европейской России благодаря шведским колонистам (Tallgren, 1916a, p. 368–371)³⁸ или оживленным торговым связям (Tallgren, 1911, s. 178; 1937, p. 40). Из-за отсутствия этих кельтов в погребальных комплексах ананьинских могильников само начало данной культуры Тальгрэн относил ко времени появления скифских и античных импортов на Каме, т.е. не ранее 600 (Tallgren, 1919, p. 180, 182), а затем 700 г. до н.э. (Tallgren, 1926, p. 142).

Мергарт в диссертационном исследовании поддержал идею финского коллеги о генезисе ананьинских кельтов от меларских (Merhart, 1926, S. 97), но, судя по переписке, его смущало присутствие обеих форм кельтов в Младшем Волосовском могильнике. Среди инвентаря вскрытых В.А. Городцовым могил австрийский археолог обратил внимание на массивный кельт с остатками деревянного вкладыша во втулке, который определил как «несколько вырождающийся меларский топор», а также на орудие «несомненно ананьинской формы» (Ibid, S. 94). Это дало ему основание наметить связь Младшего Волосова, с одной стороны, с камскими ананьинскими древностями, с другой – с памятниками северо-запада Восточной Европы и Фенноскандии с меларскими кельтами³⁹. По поводу другого орудия из этого могильника⁴⁰ австрийский ученый задался в 1922 г. вопросом: «Нужно ли рассматривать его как переход от Мелара к Ананьину»⁴¹. Через пару

³⁸ Младший Волосовский могильник рассматривался Тальгреном как «шведский объект» среди аборигенных окских памятников конца бронзового века (Tallgren, 1937, p. 40).

³⁹ В те годы еще не было понимания того, что меларские кельты являются характерным оружием культуры текстильной керамики (КТК) и соседствующих с нею культур; см. об истории проблемы (Кузьминых, 1989, с. 88, 90; 1993; Kuzminych, 1996).

⁴⁰ См. его изображение: (Кузьминых, Чижевский, 2006, рис. 5: 3).

⁴¹ Такая постановка вопроса, как показали дальнейшие исследования (Кузьминых, 1993; Kuzminych, 1996), была вполне правомерной. Серия орудий с чертами кельтов ананьинского и меларского

лет (4.10.1924) Мергарт попытался выстроить другую хронологическую цепочку, объединив в нее сейминские, меларские, ананьинские и красноярские кельты. Он исходил из того, что «если *Ме* (Мелар – авт.) *возраста Ананьина*, а *Ананьино* одновременно моим красноярским топорам, тогда *Се* (Сейма – авт.) *не должна быть намного старше, чем Ме, т.к. ответвления Сеймы передают орнамент к Кра* (красноярским кельтам – авт.) <...>. Но я, со своей стороны, тоже охотно или не охотно признаю, что здесь еще много неясного». Но если в отношении хронологического сближения орудий меларского, ананьинского и красноярско-ангарского типов австрийский археолог был близок к истине, то ошибался, когда хронологически сближал сейминские и меларские кельты.

Мергарт обратил внимание на то, что в «могилах Волосова также встречается и железо», что в этой связи «нужно допустить большую длительность существования меларских кельтов» (Ibid, S. 94, 95), т.е. не ограничивать их бытование V–VI периодами скандинавского бронзового века (по периодизации О. Монтелиуса, XI–VIII до н.э.). Сомнения Геро Вальтеровича по поводу хронологии Младшего Волосова, которую отстаивал его финский коллега, были не беспочвенны. Тальгрэн «закрывал» глаза на то, что в могильнике невозможно хронологически разделить комплексы с меларскими и ананьинскими кельтами, что в погребениях встречаются железные предметы, – и он попросту вывел памятник за скобки обсуждения проблемы хронологии ананьина. Мергарт же – в отличие от Михаила Марковича – сделал шаг вперед и не стал игнорировать факты, которые не укладывались в хронологическую схему финского археолога. Австрийский археолог, тем не менее, продолжал поддерживать ошибочный вывод Тальгрена о генетической связи меларских кельтов с ананьинскими, рассматривая последние «как конечный продукт серии» развития скандинавских орудий в центре Русской равнины (Ibid, S. 18, 19). Вслед за финским коллегой Мергарт ограничил ареал меларских кельтов на востоке устьем Камы, подтверждая, что «до Сибири производные Мелара не дошли» (19.10.1924).

Для австрийского ученого ананьинская культура являлась финалом т.н. «восточнорус-

типов стала рассматриваться одним из авторов данной статьи как смешанная, симбиозная форма, отражающая взаимодействие ананьинских и «текстильных» традиций металлообработки.

ского» бронзового века и хронологическим аналогом его «минусинской», «красноярской» и «томской» культур, и, естественно, он перебрасывал между ними «мостики».

Хронологически с ананьино Мергарт связывал минусинский поздний бронзовый век или, в современном представлении, тагарскую культуру (см. о ней: Членова, 1967; Субботин, 2014). Однако каких-либо ананьинских форм изделий в минусинских древностях он не выявил. Пришедшие в ананьинскую эпоху на Енисей западные влияния, по мнению австрийского ученого, почти полностью остаются в северной лесостепи и на юге таежной зоне⁴². Проникнуть в «северную провинцию бронзы» на Енисее или в лесостепные районы среднесибирской общности они могли благодаря связям с ананьинской культурой при посредничестве культур Среднего Приобья. Зримое отражение этих связей Мергарт видел в материалах Томского могильника⁴³, который «представляет <...> особую провинцию с местным отпечатком и с ананьинским элементом» (26.03.1923).

Временной и фактический контакт культур красноярской лесостепи и ананьинской культуры, по его мнению, подтверждается кельтами из д. Бурундуковой Томской губернии (Merhart, 1926, Abb. 55) и с р. Курейки Енисейского уезда и губернии (Ibid, Abb. 59), в которых якобы сочетаются признаки орудий этих отдаленных регионов. Гибридную форму орудия с Курейки он усматривал в том, что «его форма и тонкостенность допускают сравнение лишь с ананьинскими кельтами» (Ibid, S. 100). Но это утверждение нельзя признать верным: Мергарт в то время не был знаком с большой серией западносибирских кельтов кулайской культуры (Чиндина, 1984, с. 26–28), с которыми более всего близки экземпляры из Бурундуковой и Курейки. В то же время кулайские кельты (в том числе и упомянутые выше) – шестигранные и тонкостенные – морфологически родственны с серией ананьинских, иткульских и усть-полуйских орудий таежных районов Волго-Камья, Урала и Нижнего Приобья; у них общие истоки – кельты сейминско-турбинского и самусьско-кижировского типов позднего бронзового века (Кузьминых, 1991).

⁴² Здесь выделяют в настоящее время памятники лесостепной тагарской культуры и среднесибирской археологической общности (Макаров, 2014, с. 451, 452).

⁴³ См. подробнее о памятнике и его культуре: (Комарова, 1952).

5. О кельтах красноярско-ангарского типа.

Свои выводы и наблюдения относительно культур БВ–РЖВ Восточной Европы Мергарт проецировал на енисейские материалы и, прежде всего, на «красноярские топоры». (Рис. 7) Австрийский ученый рассматривал их как явление, объединяющее черты орудий Сеймы и ананьино: «Красноярские кельты содержат резонанс Сеймы и отчетливые признаки ананьинской культуры» (22.06.1923). Морфологически он описывал их как «довольно узкий симметричный клин с прямоугольным туловом, прямоугольным устьем втулки, глубокой внутренней втулкой и слабыми, но не тонкими стенками» (Merhart, 1926, S. 41). Мергарт отмечал, что безушковые красноярские кельты с геометрическим орнаментом «известны издавна (их изображения содержатся в аспелинских «Древностях»⁴⁴, атласе Радлова⁴⁵)» (Ibid, S. 40). Выделение их в особую группу кельтов, получивших в дальнейшем название красноярско-ангарских (Максименков, 1960), является бесспорной заслугой австрийского ученого.

В книге «Бронзовый век на Енисее» Мергарт учел около 70 кельтов и две литейных формы (Merhart, 1926, S. 42–45). Наибольшее количество КА-орудий (43 экз.) и литейная форма, как демонстрирует составленная им карта (Ibid, Taf. I), происходит из средней и северной частей Енисейской губернии и западных пределов Иркутской губернии; лишь два кельта и литейная форма найдены в Минусинском округе. Центры производства КА-орудий локализуются в Красноярско-Канской лесостепи. На запад и восток от этого региона формы красноярских кельтов, по мнению австрийского археолога, вырождаются. Северные, восточные и южные рубежи ареала КА-кельтов намечены им в пределах Балаганской волости Иркутской губернии, Тункинской котловины, Якутской области вдоль Лены; связующей линией ареала являлась Ангара.

Генезис красноярско-ангарских кельтов Мергарт связывал с массивными двуушковыми минусинскими орудиями с валиком-ободком по венчику втулки, прямоугольной фаской и шестигранным сечением тулова (Ibid, Abb. 46–48, 52). Геро Вальтерович предполагал, что цепь трансформаций привела к формирова-

⁴⁴ Речь идет о следующих изображениях: (Aspelin, 1877, pl. 147, 149, 151).

⁴⁵ Речь идет о кельте из Яновой (Радлов, 1902, табл. II: 9).

нию красноярских кельтов с геометрическим орнаментом (Ibid, Abb. 2–29), морфологически далеких от хронологически синхронных с ними минусинских орудий (Ibid, Abb. 30, 31, Taf. IX: 5). Последние сохранили валик-ободок по венчику втулки, боковые ушки и, по сути, приобрели подпрямоугольное сечение тулова. Важнейшим отличием КА-кельтов от минусинских являлись, по мнению Мергарта, существенно меньший вес и геометрический декор, который, как он полагал, появился благодаря связям с Сеймой (Ibid, S. 52). Эти наблюдения австрийского ученого недалеки от истины, а именно: верно намечена линия развития красноярско-ангарских кельтов от «материнских» сейминских форм, как и суждение об их хронологии – не старше Томского могильника и ананьина (Грязнов, 1941). Однако в свете современных данных не нашло подтверждения мнение о влиянии на КА-топоры орнаментального стиля западных (балкано-карпатских) и волго-камских кельтов позднего бронзового века (Merhart, 1926, S. 88–93, 100–105). У красноярско-ангарских кельтов были свои предшественники в Сибири – кельты самусьско-кижировского типа (Черных, Кузьминых, 1989, рис. 75–80).

IV. О СКИФСКОЙ «ВУАЛИ» В КУЛЬТУРАХ РЖВ ВОЛГО-КАМЬЯ И СИБИРИ.

Важной темой эпистолярного общения Мергарта и Тальгрена были вопросы о скифском влиянии на волго-камские и енисейские культуры, а также о происхождении звериного стиля, его очагов и путей распространения. Еще в рассуждениях о минусинской культуре БВ–РЖВ (20.12.1922) австрийский археолог высказывался в пользу того, что Минусинская котловина испытала и «восточнорусское»⁴⁶, и «скифское» влияние и что вообще там «ощущается влияние с разных сторон». Звериный стиль, по мнению Мергарта, пришел в Сибирь с запаздыванием с Древнего Востока, и в этом он следует за М.И. Ростовцевым (1918). В формировании минусинского звериного стиля участвовало искусство Ирана и Передней Азии (22/23.08.1924), и в стилевом отношении его образы были неоднородны. В

⁴⁶ «Восточнорусское» влияние – это параллели в зверином стиле Ананьинского могильника, а также некоторым формам орудий и оружия ПБВ (так называемые евразийские типы в минусинских древностях), которые проникли в Минусинскую котловину через посредство андроновской (федоровской) и андронидных культур или непосредственно с ними были связаны.

Азии существовали две их ветви: более древняя – праскифская и более молодая – времени звериных пластин (тесинского и таштыкского времени – *авт.*). В отличие от Г.И. Боровки, чьи взгляды на истоки скифского звериного стиля кардинально расходились с представлениями австрийского коллеги (Borovka, 1928) и, как выяснилось позднее, были гораздо ближе к истине, Мергарт отрицал какое-либо китайское влияние на формирование его образов. Тальгрэн и публично (Tallgren, 1933), и в переписке (2.10.1926) признавал решающую роль Бактрии в формировании «сарматского» звериного стиля, локальные варианты которого могут встречаться во многих периферийных культурах Евразии, при этом Михаил Маркович призывал «проверить Туркестан, Кавказ, Малую Азию» на предмет его истоков (2.10.1926).

В ананьинскую культуру образы скифского звериного стиля, по мнению Мергарта, проникли не с востока, юга или юго-востока. Доказательство тому – бляха со сценой борьбы в Пьяноборском могильнике (Tallgren, 1919, fig. 120: 8). Типичные для сибирского стиля смотрящий вперед олень или горный козел здесь не имели значения. Тальгрэн, в свою очередь, указывал на наличие в ананьинской культуре архаических форм звериного стиля, восходящих к образцам аборигенных культур эпох неолита и бронзы, которые не встречаются в развитых культурах скифского мира (2.10.1926), но при этом основной пантеон образов ананьинского звериного стиля сложился, по его мнению, под влиянием Скифии и Центральной Азии (Ibid, p. 172–181).

В книге «Бронзовый век на Енисее» Мергарт подробно анализирует образы и сюжеты, характерные для звериного стиля енисейских культур, и на основе диагностических форм инвентаря пытается выделить внутри него различные культурно-хронологические горизонты («культура звериных пластин», «культура золотых пластин») (Merhart, 1926, S. 120–134). Однако в его переписке с Тальгреном обсуждение различных аспектов звериного стиля на Енисее оставалось в тени более актуальных для них тем (относительная хронология БВ–РЖВ Восточной Европы и Сибири, взаимосвязи археологических культур этих регионов, кельты красноярского типа и их происхождение и др.). Австрийский ученый признавал шаткость и спорность многих выдвигаемых ими предположений, объясняемых, в первую очередь, нехваткой фактических данных. В одном из

писем (4.10.1924) он даже шутливо негодует по этому поводу: «*Это определенно сказочный беспорядок, что пращурь не собирали старые формы при каждом прогрессе в стиле и не зарывали это где-то с документом о времени создания*».

V. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ.

В 1930-е годы содержание полемики в переписке изменилось – теперь это проблемы западноевропейских культур, и прежде всего приальпийских областей, которые в те годы активно разрабатывались Мергартом и его учениками в Марбурге. (Рис. 8) Постепенно объем переписки и ее интенсивность угасают. К концу 1930-х гг. она приобретает почти исключительно бытовой характер. Несколько раз ученые встречались лично. В 1931 г. Мергарт наконец-то побывал в Финляндии и познакомился с сокровищами Национального музея, в том числе со знаменитыми коллекциями В.И. Заусайлова и И.П. Товостина. В 1932 г. Тальгрэн посещал Германию и, конечно, университет Филиппа в Марбурге-на-Ланне, где Мергарт с 1 мая 1928 г. возглавлял кафедру доисторической археологии, став основателем известной «марбургской» научной школы. В 1934 г. они вновь встретились – на этот раз в Швейцарии, в Берне. Долгие годы Михаил Маркович оставался для своего коллеги (которому так больше и не удалось побывать в России) единственным источником информации и получения русской и советской археологической литературы и единствен-

ным звеном, связывающим австрийского (а с 1928 г. немецкого) ученого с коллегами из СССР. (Рис. 9, 10)

Многое в диалоге, с которым мы кратко познакомили читателей, ставило Мергарта и Тальгрэна в тупик и не укладывалось в цепь предложенных ими логических рассуждений. К сожалению, той полнотой знаний и информации, которая известна нам в начале XXI века, Михаил Маркович и Геро Вальтерович в 1920-е годы не располагали. Но при этом можно только удивляться, насколько верно они наметили основные вехи происхождения, распространения и взаимодействия культур бронзового и раннего железного веков Северной Евразии, а также указали направления дальнейших поисков, причем не узколокальные, а в широком евразийском контексте. Они обращались к проблемам, к той же сейминский, ананьинской или происхождения кельтов красноярско-ангарского типа, которые и в современной науке остаются дискуссионными и далекими от своего окончательного разрешения. Переписка и диалог Мергарта и Тальгрэна не менее ценны и тем, что подкупают нас научной смелостью, остротой мысли, полемическим задором, которого обычно лишены строгие академические труды (включая и героев нашего очерка). В этом отношении полемика между австрийским и финским археологами является для нас своеобразным камертоном, по которому мы должны сверять свой путь в науке, а их переписка, безусловно, должна стать достоянием археологической науки.

ЛИТЕРАТУРА

- Археологические памятники Восточного Закамья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: ИЯЛИ, 1989. 100 с.
- Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // Вопросы археологии Урала / Отв. ред. В.Т. Ковалева. Екатеринбург: УрГУ, 1993. Вып. 21. С. 93–106.
- Белокобыльский Ю.Г. Бронзовый и ранний железный век Южной Сибири: История идей и исследований XVIII – первой трети XX вв. Новосибирск: Наука, 1986. 165 с.
- Берс Е.М. Археологическая карта г. Свердловска и его окрестностей // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. II / Отв. ред. А.Я. Брюсов. М.: АН СССР, 1951. С. 182–143. (МИА; № 21)
- Бочкарёв В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // Stratum plus. 2017. № 2. С. 159–204.
- Булычев Н.И. Древности из Восточной России. Вып. I. М.: Тип. Т-ва художественной печати, 1902. 33 с.+12 л. ил.
- Вдовин А.С., Детлова Е.В., Кузьминых С.В., Макаров Н.П. К истории красноярской археологии: международные связи // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Вдовин, К.В. Карпухин. Красноярск: Литера-Принт, 2010. С. 106–119.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947): начало научной деятельности // Археология Южной Сибири. Вып. 24 / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Летопись, 2006. С. 168–174.
- Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский Север: история и современность: Сб. науч. статей / Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КГПУ, 2011. Вып. 1. С. 96–108.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде, Харьковской губернии, 1901 г. // Труды XII АС. Т. I / Под ред. П.С. Уваровой. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1905. С. 174–225.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 г. // Труды XIII АС. Т. I / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1907. С. 210–285.

Городцов В.А. Бытовая археология. Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте. М.: Печ. А.И. Снегиревой, 1910. 474 с.

Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 г. // ДТМАО. 1914. Т. 24. С. 40–216.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // ОИРИМ за 1914 год. М., 1915. С. 121–226.

Грязнов М.П. Древняя бронза Минусинских степей. I. Бронзовые кельты // Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа. Т. 1. Л.: Гос. Эрмитаж, 1941. С. 237–271.

Детлова Е.В. Геро Мергарт и российская археология: новое в исследованиях // Современные проблемы археологии России: Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 414–416.

Детлова Е.В. «Я часто вспоминаю о Красноярске и о дружбе, которую я там встретил...»: (По страницам писем и мемуаров Геро фон Мергарта) // Второй век подвижничества / Сост. Л.Л. Карнаухова, Н.И. Сичкарь. Красноярск: КККМ, 2011. С. 88–105.

Детлова Е.В., Буровский А.М., Кузьминых С.В. Конфликт В.А. Городцова и Г. Мергарта в контексте истории науки // STRATUM plus. 2014. № 1. С. 211–227.

Детлова Е.В., Кузьминых С.В. «Я очень интересуюсь Вашими работами»: к истории взаимоотношений М.П. Грязнова и Г. Мергарта // Теория и практика археологических исследований. № 2 (10). Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 112–121.

Ермолаев А.П. Ишимская коллекция. Красноярск: Тип. Абалакова, 1914. 19 с., 8 л. ил. (Серия «Описание коллекции Красноярского музея. Отд. археол.»; Вып. 1)

Катанов Н.Ф. Несколько слов о казанских коллекционерах // Казанский музейный вестник. 1920. № 7–8. С. 35–46.

Ковтун И.В. Андроновский орнамент (морфология и мифология). Казань: Казан. недвижимость, 2016. 547 с.

Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // Материалы и исследования по археологии Сибири. Т. I / Отв. ред. С.В. Киселев. М.: АН СССР, 1952. С. 7–50. (МИА; № 24)

Кузьминых С.В. Металлообработка срубных племен Закамья // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой / Отв. ред. А.Х. Халиков. Казань: КФАН, 1981. С. 41–70.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 256 с.

Кузьминых С.В. Кельты Северной Евразии раннего железного века: сейминско-турбинская линия развития // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири: ТДНК / Отв. ред. Ю.Ф. Кирюшин. Барнаул: АлтГУ, 1991. С. 96–98.

Кузьминых С.В. Меларские кельты Восточной Европы и Фенноскандии (к проблеме одной археологической загадки) // Археологические памятники Среднего Поочья. Вып. 3 / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ, 1993. С. 61–109.

Кузьминых С.В. А.А. Спицын и А.М. Тальгрэн: из истории отечественной археологии начала XX века // Тверской археологический сборник. Вып. 8, том II: Материалы IV Тверской археологической конференции и 12-го заседания научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности» / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2011а. С. 5–27.

Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. 2011б. Вып. 225. С. 240–262.

Кузьминых С.В. Материалы к биографии Василия Ивановича Заусайлова (по материалам писем М.Г. Худякова, А.В. и В.А. Геркен) // Актуальные вопросы археологии Поволжья. К 65-летию студенческого научного археологического кружка Казанского университета / Отв. ред. Д.А. Сташенков. Казань: ЯЗ, 2012а. С. 180–185.

Кузьминых С.В. «Монтелиус» туркестанских степей: переписка М.П. Грязнова и А.М. Тальгрена (1926–1930 гг.) // Теория и практика археологических исследований. № 2 (10). Барнаул: АлтГУ, 2014. С. 122–141.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С. К истории археологической коллекции И.П. Товостина // Енисейская провинция: Альманах. Вып. 3 / Отв. ред. А.С. Вдовин. Красноярск: КГПУ, 2007. С. 88–91.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Гален Г. Из истории российских археологических коллекций за рубежом: собрание И.П. Товостина в Музейном ведомстве Финляндии // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): ММНК / Отв. ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016а. С. 36–39.

Кузьминых С.В., Вдовин А.С., Кочкина Е.И. К 100-летию экспедиции А.М. Тальгрена в Енисейскую губернию // Сборник материалов V межрегиональных краеведческих чтений, посвященных Леониду Романовичу Кызласову (19–20 ноября 2015 года) / Отв. ред. В.Н. Тугужекова. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2016б. С. 163–170.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В. Из истории российской археологии 1920-х годов: Геро фон Мергарт и Сибирь // Вестник РГНФ. 2010. № 1(58). С. 42–51.

Кузьминых С.В., Детлова Е.В., Салминен Т., Сафонов И.Е. А.М. Тальгрена в истории российской археологии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 7–41. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20)

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е. В.А. Городцов и А.М. Тальгрена: диалог в переписке // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном Историческом музее, часть 1 / Отв. ред. Н.И. Шишлина. М.: ГИМ, 2003. С. 6–8.

Кузьминых С.В., Сафонов И.Е., Сташенков Д.А. Вера Владимировна Гольмстен. Материалы к биографии. Самара: Офорт, 2007. 168 с.

Кузьминых С.В., Тишкина Т.В. «Вам надо повторить поездку на Алтай» (письмо Н.С. Гуляева А.М. Тальгрена) // Теория и практика археологических исследований. Вып. 5. Барнаул: Азбука, 2009. С. 178–190.

Кузьминых С.В., Трейстер М.Ю. Основной каталог: В2. Клад на р. Куганак. Случайная находка 1860-х гг. // Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). Т. 2 / Отв. ред. М.Ю. Трейстер, Л.Т. Яблонский. М.: Таус, 2012. С. 166–169, 420–422, карта 1. (Серия «Древняя торевтика и ювелирное дело в Восточной Европе»; Вып. 5)

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. К проблеме культурной принадлежности Младшего Волосовского могильника // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время. Сборник статей к 70-летию Анатолия Харитоновича Пшеничникова / Отв. ред. Г.Т. Обыденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 162–170.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // ПА. 2014. № 3(9). С. 101–137.

Макаров Н.П. Ранний железный век Средней Сибири // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 437–454. (Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20)

Максименков Г.А. Бронзовые кельты красноярско-ангарских типов // СА. 1960. № 1. С. 148–162.

Малов Н.М. Изучение памятников позднего бронзового века Нижнего Поволжья: 1900–1917 годы // Известия Саратов. ун-та. Нов. серия. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 89–92.

Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (автореферат) // Известия Красноярского отдела Русского Географического общества. Т. III, вып. 1. Красноярск, 1923. С. 29–36.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Дядьков П.Г., Софеев О.В., Михеев О.А., Позднякова О.А. Археолого-геофизические исследования памятника Преображенка-6 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии ИАЭ СО РАН 2004 г. Т. X, ч. 1 / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2004. С. 378–383.

Мяжков И.М. Находка на горе Кулайка // Труды Томского краеведческого музея. Т. 1 / Отв. ред. М.А. Слободский, М.Б. Шатилов. Томск: Красное знамя, 1927. С. 65–69.

Мяжков И.М. Древности Нарымского края: (В собрании Томского краевого музея) // Труды Томского краеведческого музея. Т. 2. Томск: Красное знамя, 1929. С. 51–86.

Попова Т.Б. Датировка и культурная принадлежность Старшего и Младшего Волосовских могильников // Археологический сборник / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Советская Россия, 1966. С. 42–48. (ТГИМ; Вып. 40.)

Радлов В.В. Сибирские древности. Т. 2, вып. 1. СПб.: Тип. Акад. наук, 1902. 38 с. + 5 л. ил. (МАР; № 27)

Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг.: Огни, 1918. VII + 190 с.

Руденко К.А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII вв.). Казань: Школа, 2014. 768 с.

Салминен Т. Финские археологи в России и Сибири в 1870 – 1935 годы // АЭАЕ. 2007. № 1 (29). С. 100–110.

Студзицкая С.В., Кузьминых С.В. Галичский клад: (К проблеме становления шаманизма в бронзовом веке Северной Евразии) // Мировоззрение древнего населения Евразии / Отв. ред. М.А. Дэвлет. М.: Старый сад, 2001. С. 123–165.

Субботин А.В. Нелинейный характер развития тагарской культуры (по материалам монографически распланированных могильников). СПб.: ИИМК РАН, 2014. 153 с.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье // МИА. 1960. № 90. С. 5–115.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.: Наука, 1970. 180 с. (МИА; № 172)

Черных Е.Н., Корочкова О.Н., Орловская Л.Б. Проблемы календарной хронологии сейминско-турбинского транскультурного феномена // АЭАЕ. 2017. Т. 45, № 2. С. 37–47.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Сейминско-турбинская проблема в трудах В.А. Городцова // Проблемы изучения древних культур Евразии / Отв. ред. Д.А. Крайнов. М.: Наука, 1991. С. 94–101.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области). Казань: Школа, 2008. 172 с. (Серия «Археология евразийских степей»; Вып. 5).

Чижевский А.А. Начальный период изучения археологии эпохи бронзы и раннего железного века в Волго-Камье. Кабинетно-аналитические исследования // ПА. 2013. № 2. С. 64–103.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа: Кулайская культура. Томск: ТГУ, 1984. 256 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Членова Н.Л. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с. (МИА; № 182).

Членова Н.Л. Олени, кони и копыта: (О связях Монголии, Казахстана и Средней Азии в скифскую эпоху) // РА. 2000. № 1. С. 90–106.

Шульга П.И. Синьцзян в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГТУ, 2010. 238 с.

Aspelin J.R. Muinaisjäänöksiä Suomen suvun asumus-aloita – Antiquités du Nord Finno-Ougrien. T. I. Ages de la pierre et du bronze. Helsingfors: Imprimerie de la Société Littéraire Finlandaise, 1877. X + 94 p.

Borovka G. Scythian Art. Kai Khosru Monographs on Eastern Art. London: Ernest Benn, 1928. 112 p. + 74 pl.

Kuzminykh S.V., Detlova E. Die Beziehungen Gero von Merharts zu den Kollegen in Russland // Gero von Merhart. Ein deutscher Archäologie in Sibirien 1914–1921. Marburg, 2010. S. 73–84.

Kivikoski Ella. A. M. Tallgren // ESA, Supplementary Volume. 1954. Pp. 77–121.

Kuzminykh S.V. Osteuropäische und fennoskandische Tüllenbeile des Mälartyps: ein Rätsel der Archäologie // Fennoscandia archaeologica. Helsinki, 1996. Vol. XIII. S. 3–27.

Kuzminykh S., Detlova E. Gero von Merhart und Sibirien. Seine letzte Erinnerung an Land und Leute // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 85–99 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Merhart G. Beiträge zur Urgeschichte der Jenissei-Gubernie. Bericht über die Öffnung zweier Kurgane in der Abakansteppe // SMYA. 1923. T. 34: 1. S. 2–46.

Merhart G. Beiträge II. Die Gruppe der Kurgane mit Platten-Einzelgrab // SMYA. 1924a. T. 35: 2. S. 3–19.

Merhart G. Neuere Literatur über die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähistorische Zeitschrift. Bd. XI. Wien, 1924b. S. 139–148.

Merhart G. Bronzezeit am Jenissei. Ein Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens. Wien: A. Schroll & Company, 1926. 189 s.

Merhart G. Einige Erinnerungen an Sibirien // Palaeologia. №7. Osaka, 1958. S. 227–229.

Montelius O. Die Chronologie der ältesten Bronzezeit in Nord-Deutschland und Skandinavien // Archiv für Anthropologie. 1912. Bd. XXV–XXVI.

Parzinger H. Archäologisches in Daljoko // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 49–61 (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Salminen T. Suomen tieteiliset voittomaat. Venäjä ja Siperia suomalaisessa arkeologiassa 1870–1935. Helsinki, 2003. 278 p. (SMYA. Vol. 110)

Salminen T. Die ostrussische Bronzezeit in der Korrespondenz von Aarne Michaël Tallgren und Gero von Merhart // Gero von Merhart: Ein deutscher Archäologe in Sibirien 1914–1921 / Deutsch-Russisches Symposium 4.–7. Juni 2009, Marburg / A. Müller-Karpe, C. Dobiak, S. Hansen und H. Parzinger (Hrsg.). Marburg, 2010. S. 113–127. (Kleine Schriften aus dem Vorgeschichtlichen Seminar Marburg. Heft 59).

Salminen, T. Colleagues, Friends and Opponents. The International Contacts of Finnish Archaeologists 1870–1950. Helsinki, 2014. 424 p. (SMYA. Vol. 122)

Schmidt A.V. Die Ausgrabungen bei dem Dorf Turbina an der Kama // FUF, Anzeiger. 1927. Bd. XVIII: 1–3. S. 1–14.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. I. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nordwestrussland. Die ältere Metallzeit in Ostrussland. Helsinki, 1911. IX + 229 s. (SMYA. T. XXV: 1)

Tallgren A.M. Tovostinin muinaisainekokoelma // Nuori Suomi. Helsinki, 1915. Pp. 247–255.

Tallgren A.M. Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande a Helsingfors. I. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors, 1916. 47 p. + XVI pl.

Tallgren A.M. Sveriges förbindelser med Ryssland under bronsåldern // Finsk Tidskrift. T. LXXX. Helsingfors, 1916a. S. 362–374.

Tallgren A.M. Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le Dr Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors, 1917. 93 p. + XII pl.

Tallgren A.M. Die Kupfer- und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. II. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. Helsinki, 1919. 203 p. (SMYA; T. XXXI: 1)

Tallgren A.M. Fatjanovokulturen i Centralryssland // FM. 1924. S. 1–30.

Tallgren A.M. Neues über russische Archäologie // FUF, Anzeiger. 1925. Bd. XVII. S. 1–40.

Tallgren A.M. La Pontide préscythique après l'introduction des métaux. Helsinki, 1926. 248 p. (ESA ; T. II)

Tallgren A.M. Рец.: Gero v. Merhart. Bronzezeit am Jenissei. Wien: Anton Schroll, 1926. 192 s.+XII taf. // ESA. 1927. T. I. S. 189–192.

Tallgren A.M. Zum Ursprungsgebiet des sog. skythischen Tierstils // Acta Archaeologica. T. IV. København, 1933. S. 258–264.

Tallgren A.M. Problems concerning the Central-Russian Gorodishche Civilisation // ESA. 1936. T. X. P. 171–185.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze Age in Europe // ESA. 1937. T. XI. P. 1–46.

Информация об авторах:

Кузьминых Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); kuzminykhsv@yandex.ru

Детлова Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник методологического отдела, Красноярский краевой музей, (Красноярск, Россия); detlova2012@yandex.ru

ISSUES OF THE BRONZE AND EARLY IRON AGES OF NORTHERN EURASIA IN WORKS AND CORRESPONDENCE BY A.M. TALGREN AND G. MEGART

S.V. Kuzminykh, E.V. Detlova

The publications and correspondence by A.M. Talgren and G. Mergart outlined the key milestones of the origination, distribution and interaction of the Bronze and Early Iron Age cultures of Northern Eurasia, as well as the directions of further searching, not in a narrow local sense, but in a broad Eurasian context. Finnish and Austrian researchers have addressed the corresponding issues related to the Seymin and Ananyino cultures, and the origin of the Celts of the Krasnoyarsk-Angara types, which in modern science remain the most controversial topics which are far from being resolved. Their correspondence and dialogue are also valuable due to their scientific boldness, sharpness of thought and controversial ardour, which are not characteristic of strict academic works.

Keywords: A.M. Talgren, G. Mergart, Northern Eurasia, archaeology of Siberia, Seima, Fatyanovo culture, Galichsky hoard, Mladshy Volosovsky burial mound, Ananyino culture, Tomsky burial mound, Celts of the Bronze and Early Iron Ages

About the authors:

Kuzminykh Sergei V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. Dmitry Ul'yanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; kuzminykhsv@yandex.ru

Detlova Ekaterina V. Regional Museum of Krasnoyarsk. Dubrovinsky St., 84, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation; detlova2012@yandex.ru

Таблица 1.

Восток Европейской России	Минусинская котловина
<p>Палеометалл: ок. 2500–1500 до н.э.. Бытование каменных и бронзовых орудий; истоки в местном неолите под воздействием влияний со стороны (Балкано-Карпатский регион, Кавказ, южнорусская степь). Соприкасается с фатьяновской культурой центра Русской равнины.</p>	
<p>Средний БВ: 1500–1000 до н.э. Бронза, южные влияния (Балкано-Карпатский регион, Поднепровье) остаются в силе; распознается сибирское, но по виду и направлению пока неясных истоков; скандинавское влияние можно доказать по кельтам меларского типа. Находка Сеймы.</p>	<p>I период: до 1000 г. до н.э. Возможны лишь чужеродные типы (Сейма), не местные. Только геометрический орнамент на орудиях и оружии.</p>
<p>Неометалл: ок. 1000-400 до н.э. Железо в финале многочисленно. Ананьинская культура. Связи с Финляндией и Скандинавией к концу периода убывают. Отчетливо скифское влияние.</p>	<p>II период: после 1000 г. до н.э.. Двуушковые кельты. Могут быть архаичные формы кинжалов и ножей. Геометрический орнамент на орудиях и оружии. Натуралистичные звериные фигуры в качестве наверший предметов?</p> <p>III период: после 500 г. до н.э. Основная масса минусинской бронзы. Сильное скифское влияние. Зооморфный орнамент, в финале – растительные мотивы. Допустимо сравнение с проявлениями латенской культуры.</p>



Рис. 1. А.М. Тальгрэн в рабочем кабинете в Национальном музее Финляндии. 1920-е годы. Фото. Архив МВФ.



Рис. 2. Геро фон Мергарт в начале Первой мировой войны. Фото.



Рис. 3. Геро Мергарт с коллегами из Музея Приенисейского края (24.03.1920). Фото. Мергарт – третий справа во втором ряду; крайний справа в первом ряду – директор А.Я. Тугаринов, рядом – Г.П. Сосновский.



Рис. 4. Бронзовые изделия из Ишимского клада. Фото. КККМ.

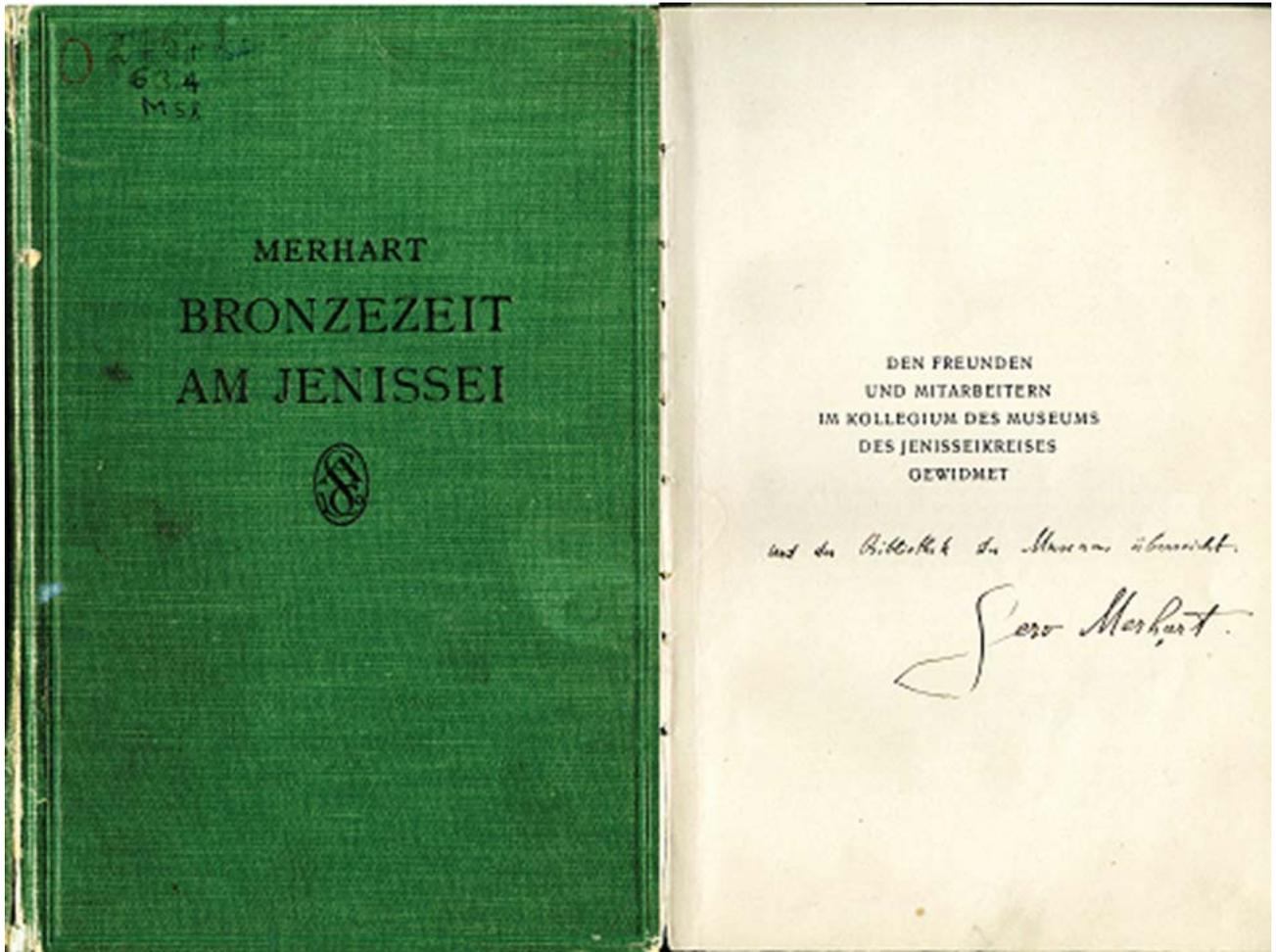


Рис. 5. Титул книги Г. Мергарта «Бронзовый век на Енисее» с его автографом.

Lieber Michail Markowitsch!

Geben Sie doch den künftigen Gedanken auf, ich könnte beim Erhalt Ihrer Briefe was anderes als immer neu interessierte Freunde haben. Richtig ist ganz allein die Vorstellung, dass ich Ihre Briefe als ein ganz besonderes Vergnügen ansah. Und sehr dankbar bin ich für alle Bilder. Sie bekommen sie alle zur Zeit zurück, früher oder später, den braven Sonnengott schon heute, damit sie seine befruchtende Nähe nicht zu lange entbehren müssen.

Ich muss sagen, dass ich Ihren letzten Brief mit viel Genugtuung gelesen habe. Mir scheint eben beides zwingend, einmal die Se-Ga - Einheit, zum anderen die Unmöglichkeit, mit Tüllenpunkten sehr weit hinauf zu gehen. Und ich denke, dass wir bei dieser Arbeitshypothese einatmen wohl oder übel bleiben müssen.

Ferner muss ich sagen, dass ich wohl nicht deutlich genug geschrieben habe, denn unsere Wege gehen keineswegs schon an diesem Punkte auseinander!! Ich bin nämlich so wenig wie Sie sicher, dass die Seimärke von Ungarn herzuweisen sind. Au contraire! Ich glaube das gar nicht. Ich behaupte nur, dass alle ost-russischen Formen, die noch einen nachweislich nahen Einfluss von der Ornamentik Seimas zeigen zeitlich durch Mischformen mit ungarischen Merkmalen bestimmbar sind. DIESE können nicht wohl älter sein, als etwa um 1000. Seims selbst scheint auch mir etwas älter und vor allem isolierter und wenn die Kleinasien wahrscheinlich machen können, so habe ich gar nichts dagegen. Der irthypallische Herraphrodit (hat dieser Samalpleonast nicht auch noch Erüste?) von Stepan Zminda (so ähnlich ist doch der Fundort) scheint mir gewiss, die von Ihnen signalisierten Analogien oder Ähnlichkeiten zu haben, die ihn mit dem Ga-Gott zusammenhängen. Die kaukasisch-vorderasiatische Orientierung mag somit gerne richtig sein. Und was Tüllenbeile betrifft, können da die merkwürdigsten Dinge zum Vorschein kommen, die der Schulprähistorie gar nicht ansehnlich sein müssen.

Es ist störend, wenn die Stiefel des Ga-Gottes Rudimente kaukasischer Stiefel sein sollten, denn ich kann mich nicht damit befremden, dass die Männerlein von Stepan Zminda älter sein sollen und zwischen 2000 und 1500. Da wollte ich eher suchen, etwa so zu konstruieren: Maikop wirkt auf Gelitsch noch reiner, auf Koban nur mehr indirekt. Oder Koban mit seinen eigötterlichen Göttern ist überhaupt ein anderer Zweig aus der Wurzel, die nach Maikop und folgend nach Gelitsch wirkte. Können die Va-Gräber nicht doch etwas älter sein als Ga, etwa parallel Maikop, Ga, dann eine jüngere Wirkung von Süden? Ich sehe keinen Beweis einer direkten Einwirkung von Ungarn auf Se und ebensowenig von Se auf Ungarn. Erst bei den Ossenschildbeilen ist die Wirkung von Ungarn bei dem Chanenko-Exemplaren erkennbar, aber Ossenschildbeile stehen zwar Se nahe, sind jedoch kein reines Se mehr.

Mälarderivate sind nicht bis Sibirien gekommen. Mir stellt sich die Sache so dar, dass Se-derivate in Sibirien nicht selten sind, echte Se-Beile aber eher spärlich. Ganz einwandfrei als Typus ist nur das Martinsche, ob aber auch ganz einwandfrei als Fund? Wenn #2 Ma für Jhne von Ananino ist und Ananino gleichzeitig meinen Kraanoparak-Beilen, dann muss Se nicht viel älter sein als Ma, denn die Ausläufer von Se geben Ornamente an Kra ab, das heisst also, die Ausläufer zweier Gruppen stehen in Sibirien nicht sehr weit auseinander. Aber ich gebe auch meinerseits gerne oder ungerne zu, dass da noch manches dunkel ist.

Die Adrianov-Berichte erhielt ich von braven alten Herrn Koshantschikoff, dem Museumsleiter in Minussinsk. Ich bin sehr erfreut, wenn Sie allmählich alle Materialien der Finnschen Expedition durcharbeiten und publizieren. Das Inschriftmaterial hat leider die Aufmerksamkeit und die Publikations-tätigkeit seinerzeit zu sehr absorbiert.

Den "etruskischen" Fund kenne ich und kann Ihnen von Innsbruck Skizzen schicken. Aber Sie werden nicht viel Freude daran erleben, weil keine Mischung von lokalen und importierten Dingen vorliegt, die dätierend wäre. Wenigstens ich sah keine. Falls Sie also die Bilder aus Moskau nicht erhalten sollten, bekommen Sie sie von mir, doch musste ich versprechen, sie nicht zu publizieren, was sich die Dame vorbehalten, die bei Gorodov arbeitete.

Die Goldplatten würden mich sehr interessieren!! Das ist ja gewiss eine fabelhafte Unordentlichkeit, dass die alten Kerle nicht bei jedem stilistischen Fortschritt die alten Formen einsammelten und mit einem Dokument über die Zeit der Abschaffung irgendwo vergruben. Allein ich habe auch in Sibirien noch bemerkt, dass sie das nicht taten und dass ganz naturtreue Formen friedlich weiterleben, derweilen schon hochstilisierte im Umlauf sind. Ich bin darum mit typologischen Reihen als Batteringrennhalt etwas vorsichtig und selbst die blendend geschriebenen Aufsätze Appellgrens sind, glaube ich, nur ein grano salis zu nehmen.

Der Tonsker Fund könnte mir sehr willkommen sein, aber ich bin immer ein wenig misstrauisch gegen diese älteren sibirischen Museumsdinge. Ich schicke ihn indes erst später zurück, da mich das eine kleine Beil sehr interessiert. Ebenso bekommen Sie, falls Sie sie nicht eher brauchen, die skythischen Sachen erst von Innsbruck, da ich sie noch mit meinem Material vergleichen möchte. Ich glaube persönlich, dass die Stillisierung der skythischen Formen gar nicht in Südrussland erfolgte, sondern in Asien und dass zwei Stilströme bestehen, die aber Herr Boroffka analysieren mag. Gerade die Bilder, die Sie mir sandten passen aber nur bedingt zu meiner Auffassung, denn sie haben mimusinskische Augen und sollten eigentlich zum Nordstrom, d.h. zu Asien und Nordskythien gehören, zu Chutor Shumeiko und den Knochenplatten bei Chanenko. Hoffentlich kommt Boroffka gut zurück.

Hoffentlich bekommen aber auch Sie Ihre Bücher und Bilder aus Bessaragien!! Nun habe ich für heute noch eine Bitte. Ich bekomme, so viel ich mich erinnere von der Gesellschaft 25 Separata meiner Arbeit, deren Korrektur hoffentlich gehörig an Sie zurück kam. Ich möchte bitten, mir 50 abzählen zu lassen und mir die Uberschall zu verrechnen, jedenfalls kein Honorar zu senden, da ich mir sowieso noch ein paar Sachen kaufen muss, die mir fehlen, so dass ich auf jeden Fall noch Geld hinaufsenden muss. Also bitte lassen Sie mir im Ganzen 50 (einschliesslich der Freitextemplare) drucken. Ich habe so viel Separatenschulden!

Sonstige bitte nach Innsbruck, Universität und in Druckssachenpaketen, weil andere Pakete Zoll kosten. Ich bin etwa ab 15.X. wieder in Innsbruck und komme wohl erst zu Weihnachten wieder nach Zürich.

Mir heute leben Sie wohl. Kleben Sie bitte nicht immer über Marken auf Ihre Briefe, die hat meine Frau schon zahlreich. Es gibt sicher noch andere Werte, aus denen man das Porto kombinieren kann. Frech, nicht wahr, so ein Verlangen. Aber meine Frau hat nun mal das Vertrauen, dass man Ihnen solche Bitten stellen darf. Mit den herzlichsten Grüßen

G. Merhart

Рис. 6. Письмо Г. Мергарта А.М. Тальгрену (4.10.1924). Машинопись. РОНБФ.



Рис. 7. Кельт красноярского типа. Фото. КККМ.

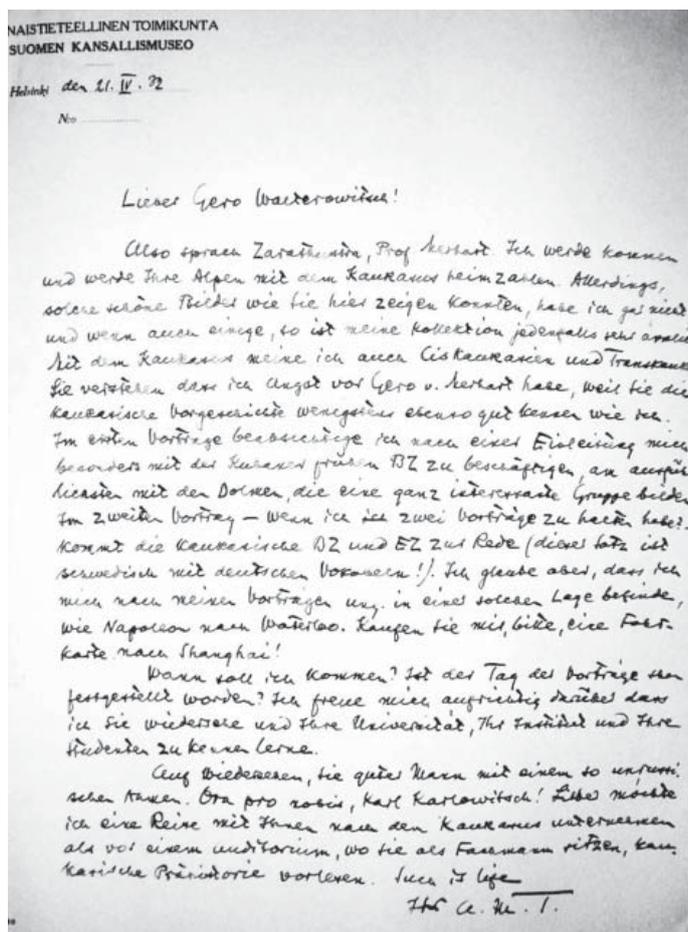


Рис. 8. Письмо А.М. Тальгрена Г. Мергарту (21.04.1932). Автограф (на бланке НМФ). АМУ.



Рис. 9. А.М. Тальгрэн в 1930-е годы. Фото. Архив МВФ.



Рис. 10. Геро фон Мергарт в 1930-е годы. Марбург. Фото.

ДРЕВНОСТИ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

УДК 903.02

К ПЛАНИГРАФИИ ПОСЕЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ «ТЕКСТИЛЬНОЙ» КЕРАМИКИ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ПООЧЬЯ. ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ

© 2017 г. Е.С. Азаров

Статья представляет собой обзор имеющихся сведений о поселенческих жилых постройках на памятниках культуры «текстильной» керамики позднего бронзового века на территории Окского бассейна. Остатки жилищных построек обнаружены лишь на четырёх поселениях. Наиболее полно они изучены на поселении Фёфёлов Бор I и Гришинский Исток III, фрагментарно на поселении Колтово 7 и Шагара 5. Жилища представляют собой углубленные более чем на 40 см прямоугольные постройки площадью 30-50 кв. м. Выходы-коридоры направлены в сторону водоёма. Часто с одним очагом в центре и наличием скопления обожжённых камней в углу. Находки концентрируются преимущественно в жилищах и единично рядом с одной или двумя хозяйственными ямами за пределами жилища. Обнаруженные постройки обособляют поселения культуры «текстильной» керамики Окского бассейна от поселений других археологических культур позднего бронзового века, в том числе и общности культур «текстильной» керамики Восточной Европы.

Ключевые слова: жилища, культура «текстильной» керамики, поздний бронзовый век, Окский бассейн, планиграфия поселения.

Статья ставит своей целью некоторое обобщение имеющейся информации о планиграфии поселений КТК позднего бронзового века на территории Окского бассейна. Среди большого числа археологических памятников КТК Поочья, представленных в основном как раз поселениями, лишь немногие были подвергнуты археологическим раскопками, из них единицы – со следами жилищных построек (Азаров, 2015).

Для характеристики планиграфии поселения основополагающей является характеристика жилищных конструкций на памятнике, так как с жилищем связывается не только местообитание коллектива, но также и особенности экономической деятельности, социальной структуры, способы защиты от неблагоприятных погодных явлений, домостроительные традиции населения региона и пр. Иными словами, наряду с остатками материальной культуры остатки построек (в зависимости от степени сохранности), благодаря информации о формах жилищ или общественных построек, характере устройств оснований

стен, очагов, перекрытий и др., дают представление о быте, традициях, связях и экономике оставившего их населения. Они не менее ценны, чем обнаруженные в них предметы.

Корпус источников, относящихся к поселенческим структурам носителей КТК европейской части России, достаточно велик, но при этом весьма неоднороден. Последнее связано, прежде всего, с широким территориальным распространением памятников с «текстильной» керамикой в разных природно-климатических зонах и их большой хронологической протяженностью от начала II тыс. до н. э. до начала I тыс. до н.э. Так, на территории Карелии жилищные конструкции представлены легкими наземными каркасными постройками с округлым основанием диаметром 3-6 м типа чумов или подобием саамской вежи (Косменко, 1993, с. 31), на Верхней Волге (оз. Неро) – слабо углублёнными, с печами-каменками, и наземными постройками (Сидоров, 2009, с. 99-100; Воронин, 2013, с. 334). В Марийском Поволжье жилища как культуры «текстильной» керамики, так

и смешанных с комплексами с атабаевской керамикой представлены часто слабо углублёнными постройками с четырёхугольными основаниями и коридорообразными выходами (Никитин, Соловьёв, с. 80-83). В Поочье постройки в виде углубленных котлованов с коридорообразными выходами известны по опубликованным данным на поселении Фефелов Бор I (Фоломеев, 1974) и Колтово 7 (Сидоров, 2006), а также на поселении Гришинский исток III (Фоломеев, 1989; 1990) и Шагара 5 (Фоломеев, 1985) (Рис. 1). Как видно из перечисленного выше, на большой территории распространения КТК в разное время можно встретить разнообразные постройки от шалашей и своеобразных чумов до достаточно углубленных построек. Причиной такого положения являлись, кроме природно-климатического фактора и возможных разнокультурных влияний на традиции домостроительства на разных территориях, также и различия в экономике. Последний фактор, безусловно, определял как долговременность стоянок, так и их сложность.

Базируясь на предположении, что в сходных природно-климатических и ресурсных условиях и сходном типе хозяйства человек будет обустривать сходным образом и жизненное пространство вокруг себя, можно отметить, что информация о постройках становится наиболее важной для характеристики экономического уклада населения, чей историко-культурный комплекс или недостаточно изучен, или в силу объективных обстоятельств не сохранил до наших дней ряд некоторых определяющих экономику категорий находок. К их числу относятся кости диких и домашних животных, орудия из кости и др. – тот пласт древностей, который для практически абсолютного большинства памятников лесной зоны позднего бронзового века Волго-Окского междуречья, в силу особенностей топографического расположения, оказался недоступным для изучения.

Выделяя жилищные постройки как основополагающие для характеристики планиграфии поселения, необходимо выделить и те опорные элементы, по которым следует строить их описание и характеристику. Из имеющейся специальной литературы по изучению и реконструкции жилых построек Волго-Очья и соседних территорий (Сидоров, 2009; Никитин, Соловьёв, 2002; Черных, 2008), близких в культурно-историческом и природно-климатическом плане, выделяется множество элементов, характеризующих

особенности построек в их конструкции, внутреннем устройстве, строительных ресурсах и окружающем пространстве (Сидоров, 2009, с. 79-86; Черных, 2008, схема 1-3). Тем не менее, к основным и определяющими для археологических построек в лесной зоне, где основным строительным ресурсом выступает дерево, следует отнести те, что определяют её конструкцию: основание, перекрытие и входная зона; внутреннее устройство: очаг, хозяйственные ямы и др.; организацию окружающего пространства, которая, помимо прочего, позволяет сопоставить жилища между собой в рамках одного поселения.

Фефелов Бор I. Первым поселением, на котором были обнаружены остатки жилищных построек КТК в Поочье, является Фефелов Бор I. Памятник расположен в Рязанском районе Рязанской области на дюнном возвышении поймы в 1,5 км от правого берега р. Оки и исследовался в 1970–1973 гг. Б.А. Фоломеевым; результаты работ частично опубликованы (Фоломеев, 1974). Публикация включала в себя описание топографических условий, жилищных конструкций и краткий анализ расположения археологических находок с лаконичным описанием. По этой причине мы ограничимся лишь кратким описанием. В определении жилищ и археологического материала памятник стал опорным, так как представляется «чистым» поселением КТК третьей четверти II тыс. до н.э.¹

На достаточно небольшой площадке (60×30 м) обнаружены остатки 6 жилищ и следы ещё одной постройки, уходящей в восточный борт раскопа. Четыре жилища (№№ 3-6) были вытянуты вдоль края дюны, выходящей на юго-западе к старице, ещё два жилища шли вторым рядом. Основания жилищ 3 и 4 в плане прямоугольных очертаний, остальные ближе к квадратным, с разницей между сторонами в 20-30 см. Площади построек варьируют от 30 до 50 м², а врез в материк составлял² 40-75 см, что подразумевает, с одной стороны, специально углубленные постройки, а с другой – автор раскопок отмечает достаточно размытые контуры построек на границе с материком, что связывается им с

¹ Сам автор (Фоломеев, 2017. В печати) позднее скорректировал время существования поселения на более древнее, вероятно, во 2 четверти или же в середине II тыс. до н.э.

² Жилище 1 – 43,5 м², врез в материк 60 см; жилище 2 – 32,5 м², врез 50 см; жилище 3 – 39,6 м², врез 60 см; жилище 4 – 42,12 м², врез 50 см; жилище 5 – 31 м², врез 40 см; жилище 6 – 51 м², врез 75 см.

обвалом стенок в древности (Там же, с. 237). Столбовые ямы в жилищах, расположенных в первой линии от старицы, находятся как вдоль стен жилищ, так и посреди жилища двумя параллельными линиями, что предполагает наличие каркасно-столбовой конструкции как стен, так и перекрытия, возможно, в виде двускатной крыши (Рис. 2). Жилища 1 и 2, тем не менее, не имеют столь заметных столбовых ям, но по форме основания жилищ и другим признакам, указанным ниже, ничем не отличаются от первого ряда жилищ. Также встречены столбовые ямы и вдоль коридорообразных углублённых выходов, располагающихся, кроме жилища 5, в сторону старицы на юго-западной стороне и жилища 6, которое, возможно, имело и противоположный выход от старицы.

В каждом из жилищ в центре располагалось очажное пятно (Рис. 3). При этом центр жилищ был несколько углублён относительно пола всего жилища. У Жилищ 1 и 2 провал под очагом отсутствовал. В одном-двух углах каждого жилища, за исключением № 4, также присутствуют сложенные своеобразные «каменки» из обожжённых камней в специальных ямках, но без следов прокала – вероятно, специальные камни для обогрева или же кухонное место, так как возле них были обнаружены развалы сосудов. У жилища 4 камни обнаружены у северо-западной стенки. Отдельно стоит отметить наличие песчаных досыпок – своеобразных небольших возвышений-«столиков» по углам в жилищах 6 и 4. Между жилищами 6 и 5, исходя из углубления и наличия столбовых ям по бокам от него, возможно, существовал переход или же имелась общая на два жилища ниша-пристройка, которые имеются у жилищ 1 и 4. Помимо собственно жилищ, на памятнике также присутствует ряд ям хозяйственного назначения вблизи от построек.

Археологический материал представлен фрагментами керамики, кружков, миниатюрными сосудами и топориками из глины, изделиями из камня (Там же, рис. 3-6). Находки концентрировались в основном в пределах жилищ. В межжилищном пространстве фрагменты керамики практически единичны, но есть изделия из кремня.

Внутри жилищ отсутствует строгая концентрация сосудов непосредственно у очага. Чаще всего их развалы фиксируются по углам жилища, нередко в сопровождении обожжённых камней. Это дало возможность автору раскопок предположить, что внутри

жилища на центральном очаге готовилась пища, затем в сосуде относилась в угол жилища, где ставилась рядом с раскалёнными камнями или обкладывалась ими (Там же, с. 244). У очагов обнаружены преимущественно отщепы и осколки, что, возможно, говорит о месте изготовления орудий в жилище. Также отдельные обожжённые камни встречены вдоль стен жилищ с целью возможного дополнительного обогрева помещения. Яркой особенностью указанных выше ниш-пристроек является обнаружение в них исключительно миниатюрных сосудов, что определяет специфичную функцию ниш.

Таким образом, поселение Фёфёлов Бор I представляло собой вытянутые компактно, как минимум, в два ряда вдоль водного объекта жилищные постройки в виде углубленных четырехугольных небольших построек от 30 до 50 м² с каркасно-столбовой конструкцией стен и перекрытий, вероятно, в виде двускатной крыши. Выходы в виде углубленных коридоров с одной из сторон жилища направлены в сторону водоёма. Существовали ниши-пристройки и возможные переходы между жилищами. Очаги, вероятно, углубленные в пол, располагались в центре; по углам зафиксированы «каменки», но без следов прокала. Археологический материал концентрировался преимущественно в жилищах, керамика чаще ближе к «каменкам», изготовление каменных орудий происходило у очага, миниатюрные сосуды располагались в нишах-пристройках. Между жилищ выявлены ямы хозяйственного назначения, также обнаружен скудный археологический материал.

Гришинский исток III. Другим важным источником стали результаты раскопок Б.А. Фоломеева поселения Гришинский Исток III³. В отличие от Фёфёлова Бора I на памятнике имеются следы от более ранних построек поздняяковской культуры. Основное внимание заслуживают жилища 1 и 2 (Рис. 4), которые перекликаются с постройками Фёфёлова Бора I по форме и коридорообразным выходам.

Поселение расположено на востоке Спасского района Рязанской области недалеко от места впадения р. Пры в Оку. Памятник занимает небольшое всхолмление гряды,

³ Памятник был обнаружен в 1988 г. Б. А. Фоломеевым и исследовался в 1989 и 1990 гг. (Фоломеев, 1989; 1990). Всего вскрыто 502 м². Памятник иногда обозначается в литературе как Лакаш 6 (АКР, 1993, с. 180). К западу от поселения в 250 м располагается также поселение, предположительно поздняяковской культуры, Гришинский исток 2 (Лакаш 5) (Там же).

протянувшейся с запада на восток, в пойме левого берега Оки у северной оконечности озера Лакаш. Помимо следов пребывания в эпоху бронзы, обнаружены также предметы мезолитического времени и позднего средневековья. К последнему периоду относится постройка 3, которая повредила интересующие нас жилища 1 и 2.

Жилище 1 раскапывалось поэтапно в 1989 и 1990 гг. Основание имело прямоугольную форму с округлыми углами, ориентировано по линии ССЗ–ЮЮВ. Котлован жилища углублён до 0,5 м. Северо-восточный угол жилища уничтожен средневековой постройкой и восстанавливается по условному пересечению продолжения стенок котлована. Таким образом, площадь жилища на контакте с материком составляла около 43,2 м². Обнаруженные столбовые ямы располагаются как у стен жилища, так и по центру, но не образуют строгой закономерности. Исключением является линия столбов по центру параллельно основанию, но со смещением немного на запад. У южной стены обнаружен коридорообразный выход в сторону водоёма. Таким образом, жилище реконструируется как углублённое, вероятно, с каркасно-столбовой конструкцией стен и перекрытия, возможно, с двускатной крышей, смещённой в западную сторону, и выходом-коридором.

В заполнении и на полу встречены крупные линзы с мелким углём с разной мощностью до 35 см (Рис. 5). Самая крупная, занимающая практически весь центр, выявлена в центре у пола. Очажное пятно (100×70 см), вероятнее всего, располагалось в северо-западной части жилища. Его заполнение, углублённое в материк на 15 см, представлено золисто-углистой супесью с включениями пережжённой болотной руды (Рис. 7, 2), которая в виде совсем мелкой фракции встречалась и в иных углистых линзах в заполнении и на полу. Пятна прокалённого песка также были обнаружены в северо-восточном углу постройки. На полу в центральной части жилища имелась выемка (4×1,6 м), углубляющая пол постройки на 20 см, неоднородно заполненная углистыми пятнами с мелкой болотной рудой и коричнево-серым песком – возможно, старое очажное пятно, по каким-то причинам нарушенное, возможно, с выкидом в виде углистой крупной линзы, описанной выше, несколько смещённой в западную сторону.

К югу от очага в северо-западном углу, а также в составе углистой линзы на полу, ближе к северо-восточному уничтоженному

углу обнаружено скопление пережжённой болотной руды (100×80 см). Присутствие последней как в жилище, так и в целом на памятнике, остается необъяснимым, но, вероятнее всего, оно связано с выделением минеральных железистых красящих пигментов. Фрагменты «текстильной» керамики (Рис. 6), кружки, различные орудия из кремня, главным образом скребки и ножевидные пластины, концентрируются ближе к восточной и южной части жилища.

К западу от жилища 1 обнаружена небольшая западина (2,5×2,4 м). Рядом и по дну западины проходят столбовые ямы. В самом заполнении (с чашевидным дном, глубиной до 0,4 м) обнаружено несколько фрагментов керамики. Небольшое количество археологического материала не позволяет достаточно категорично интерпретировать данный объект как хозяйственную яму. Практически не встречены находки и около объекта, за исключением единичных орудий. К западу и к юго-западу они также единичны. К востоку от жилища 1 обнаружено жилище 2.

На уровне материка **жилище 2** имело прямоугольное основание, глубиной до 0,5 м в центре (Рис. 4). Северо-западный угол уничтожен средневековой постройкой. Вместе с реконструированным северо-западным углом площадь жилища составила 36,7 м². Ориентировка жилища параллельна жилищу 1. Столбовые ямы располагались по центру, с некоторым смещением от очага в восточную сторону, вдоль стен и снаружи от котлована. Аналогично углублённый выход-коридор располагался в центре южной стенки. Исходя из конструктивных особенностей, жилище 2 представляло собой аналогичную постройку жилищу 1, но чуть меньшего размера и несколько иным расположением столбов (снаружи восточной стенки жилища).

В заполнении и на полу также встречены углистые линзы с включениями измельчённой пережжённой болотной руды (Рис. 5). В центре жилища в пределах линзы из серо-коричневого песка (4,5×2,5 м), центральная часть которого имела обильные включения угля и оранжевые пятна прокалённого песка, – остатки очага. Как и в случае с жилищем 1, центр является самым глубоким местом.

В северо-восточном углу отмечено пятно коричневого цвета (1,2×0,8 м) со скоплением болотной руды. Аналогичные фрагменты руды, а также в толчёном виде обнаружены и в других частях жилища. Скопления обожжённых камней, как в предыдущем жилище, не

выявлены. Археологический материал представлен сходным набором категорий находок. Крупные скопления керамики были обнаружены в северной и южной (у выхода) частях жилища. У очажного пятна также встречены фрагменты керамики, но в значительно меньшем количестве. Орудия из кремня, в свою очередь, концентрировались преимущественно у очага.

К востоку от жилища 2 обнаружена яма (ок. 1,5×1,4 м); ее заполнение в центре – овальное тёмно-серое пятно с включениями углей. Ямка к низу в три раза сократила размеры, общая глубина составляет около 40 см. Археологический материал представлен небольшим скоплением керамики, сходным с керамикой жилища, и находками из кремня (пластинка, скребок и наконечник дротика). По всей видимости, это специальная хозяйственная яма, связанная с жилищем 2. По аналогии можно предположить схожее назначение западины в северо-западном углу жилища 1.

Интересны две ямы, расположенные вплотную к восточной стенке, интерпретируемые как погребения 1 и 2. Могильная яма погребения 1 прорезала северную часть описанной ранее ямы и углублялась в материк на 0,9 м. Ориентирована по направлению СВВ–ЮЗЗ (3×1,4 м). В заполнении из коричнево-серого песка с включениями жёлтого были обнаружены гладкостенные и с «текстильными» отпечатками фрагменты керамики. В северном углу ямы в восточной части на дне обнаружен сосуд без орнамента с короткой шейкой, ребром при переходе к тулову и округлым дном (Рис. 8, 1). Погребение 2 располагалось параллельно погребению 1, с размерами 2,2 м на 1,2 м; глубина от материка составляла около 1 м. В верхней части по контуру могильной ямы прослеживались тёмно-серые углистые пятна и углистая полоса вдоль северо-западной стенки шириной около 15 см – вероятные остатки от перекрытия и погребального сооружения. Также углистая полоса прослежена у северо-восточной стенки. На дне были зафиксированы остатки тлена. В северо-восточном углу обнаружен баночный сосуд с выпуклым туловом, орнаментированный нарезкой в виде узора из зигзагов (Рис. 8, 2). Оба погребения, исходя из заполнения ям, были совершены или в момент позднего существования жилищ или же после того как жилище было оставлено и произошло обрушение конструкций⁴.

⁴ Исходя из описания стратиграфии и пластовых планов, могильные ямы прорезают верхнюю часть

К востоку от жилища 2 и хозяйственной ямы также была выявлена большая хозяйственная (?) яма, с углублением в материк на 90 см. Вероятно, она относится к наземной конструкции, расположенной восточнее, которая обозначается наличием столбовых ям по контуру, очажного пятна, пятен прокала и углистых линз.

Восточнее жилища 1 и 2 выявлена наземная постройка (**жилище 3**)⁵. Ее контуры в виде отдельных углистых полос шириной 70-90 см фиксировались нечётко в самом культурном слое, почти в 40 см выше уровня материка (Рис. 4). На уровне самого материка от постройки осталась лишь овальная яма (5,2×3,2 м) глубиной около 90 см, которая, возможно, являлась углубленной хозяйственной пристройкой наземного жилища. В пользу наличия здесь наземной конструкции также говорит и расположение столбовых ям на уровне материка, которые практически оконтуривают постройку.

В центре предполагаемой постройки прослежена углистая линза (4,5×3 м) (Рис. 5). Под ней на материке выявлена небольшая котловина глубиной до 20 см, представляющая собой возможный пол постройки. К северу-западу от линзы проявилось очажное пятно с золистым заполнением, а ещё несколько северо-западнее – скопление кусков пережжённой болотной руды. Археологический материал – изделия из кремня и фрагменты керамики, но в отличие от жилищ 1 и 2 преимущественно гладкостенной и несколько иного облика по характеру орнаментации и внешнему виду, находя большие соответствия в поздняяковской культуре (Рис. 7, 1). Находки располагались главным образом в верхних пластах, в пределах углистых полос. В заполнении указанной выше пристройки встречены лишь единичные фрагменты. На уровне материка около очажного пятна находки практически отсутствуют. В верхних пластах отмечена концентрация керамики к югу – вероятное продолжение возможной наземной построй-

пятна жилища и хозяйственную яму к востоку в основании пласта 2 (Фоломеев, 1989, табл. 8), на котором контуры жилища были нечёткие; на уровне материка могильные ямы расположены вплотную к стенке и столбовым ямам жилища.

⁵ Автор раскопок определил её как вероятное «Жилище 5», которая однозначно реконструкции не поддаётся. Нумерация жилища в полевом отчёте включала в том числе и объекты средневековья, и предполагаемые сооружения, функция жилищ которых в последствие не подтверждалась.

ки. Концентрация кусков болотной руды у выявленного очага постройки, возможно, иной культурной принадлежности и времени – достаточно примечательный факт. Свидетельства более раннего заселения памятника заметны в стратиграфических особенностях **жилища 4а** и **жилища 4б**.

Оба жилища были обнаружены к северу от наземной конструкции «жилище 3» и к северо-востоку от жилищ 1 и 2 (Рис. 4). Как показали полевые исследования, на одной площадке выявлены остатки двух одновременных жилищ эпохи бронзы – котлован жилища 4а (верхнее, позднее) оказался врезанным в котлован жилища 4б (нижнее, раннее). Западина верхнего жилища имела иное заполнение в виде тёмно-коричнево-серого песка с включением угля и углублялась на 25 см в слой серо-коричневого песка (верхнее заполнение жилища, нижнее состояло из желтовато-серого песка). Сложности добавляет наличие на данном участке средневековой ямы, срезавшей часть жилища 4а.

Основание позднего жилища 4а имело прямоугольные очертания общей площадью около 40 м². Столбовых ям, чётко соотносимых с постройкой, не выявлено. Нет данных для реконструкции перекрытия крыши и выхода из жилища. В заполнении встречены пережжённые камни и скопление болотной руды, фрагменты керамики, преимущественно с «текстильными» отпечатками, а также изделия из кремня.

Прослеженная площадь основания овальных очертаний жилища 4б составляет около 93 м², часть постройки уходит в восточный борт. Постройка углублена в материк в центре на 50 см, дно представляется неоднородным с наличием углистых полос в неровностях и буграх, а также наличием достаточно глубоких западин в материке, заполненных углистым песком. В северо-восточном углу находился небольшой уступ (2×1,5 м) у основания, обрамлённый углистой полосой и врезом в материк на 30 см – возможный выход из жилища, обращённый на северо-восток, в противоположную от водоёма сторону.

Близ дна котлована, на границе двух слоёв, в центре жилища обнаружена крупная углистая линза, под которой в центре была выявлена линза глинистого серо-коричневого песка (1,7×1,1×0,3 м). Рядом с ней, которую автор раскопок интерпретировал как подсыпку под очаг, зафиксировано скопление кусков болотной руды – таким образом, очаг мог располагаться также в центре. По описанию

из отчёта (Фоломеев, 1990, с. 10), близ стенок жилища и в центральной части обнаружено 22 столбовых ямы, которые позволяют предположить каркасно-столбовую конструкции стен. Часть столбов, возможно, относятся к жилищу 4а, но ясной информации об этом в тексте полевого отчёта нет.

Археологический материал в жилище 4б представлен немногочисленными, в основном гладкостенными фрагментами керамики, орнаментированными округлыми, прямоугольными ямками, нарезкой, «жемчужинами», и орудиями из кремня. Анализ археологического материала не входит в задачу этой статьи, но нужно отметить сходство этой керамики и обнаруженной в жилище 3 (Рис. 7, 1). Каких-либо скоплений находок не зафиксировано.

На значительный хронологический разрыв указывают и радиоуглеродные даты, полученные по углю из жилищ (Рис. 9) (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 50). Из жилища 4а этот возраст составляет 3170±80 (ГИН-6529; 1626-1257 calBC), из жилища 4б – 3490±70 (ГИН-6259; 1976-1639 calBC). При сопоставлении с другими датами 14С по углю из жилища 1, нижнюю возможную дату существования поселения, при условии одновременного существования жилищ 1, 2 и 4а, можно условно скорректировать на начало XV века – таким образом, временной разрыв между жилищем 4а и 4б составляет как минимум два века, максимум шесть-семь столетий. Более точный ответ даст тщательный разбор археологического материала.

Ещё одним нестандартным объектом является **жилище 5⁶**, выявленное к юго-западу от всех описанных ранее построек (Рис. 4). Вскрыта лишь восточная часть, западная и южная уходили в борта раскопок. Тем не менее, вскрытая площадь составляла около 82 м². Исходя из чёткого северо-восточного угла, основание было прямоугольным, углубленным как минимум на 1 м в материк, самая максимальная глубина – 1,42 м в юго-западном углу вскрытой части. От юго-восточной стенки длиной около 3 м и шириной около 1,3 м отходит выход-коридор в сторону водоёма. Как внутри жилища, так и снаружи обнаружено большое количество столбовых ям (определение автора раскопок). К северу-востоку от котлована столбовые ямы также образуют подобие угла возможной наземной пристройки. Однако, исходя из стратиграфии и археологического материала, не все они относятся к одному единовременному жилищу. Дно котло-

⁶ В полевом отчёте фигурирует как жилище 7.

вана, как и в случае с жилищем 4, представлялось неоднородным, бугристым, с разными западинами и углистыми полосами.

Внутри жилища обнаружено три очажных пятна на разных глубинах (Рис. 5). Первое из них, в юго-западной части, имело прямоугольные очертания (2×1,5 м), с включениями золы в северной части и угля – в южной. Пятно обнаружено уже на границе культурного слоя с материком и продолжалось до глубины 40 см ниже уровня материка. Очаг был обустроен в слое коричневатого-серого песка с включениями углей, слагающим заполнение верхней части котлована. Очажная яма прорезала желтовато-серый песок, представляющий заполнение нижней части с включением различных углистых линз на 15 см. Ниже этого пятна, на материке, выявлено ещё одно очажное интенсивно чёрное углистое пятно (1,1×0,6 м), являющееся самостоятельным очагом. В северо-восточном углу постройки с глубины около 30–40 см от материка начала выделяться крупная углистая линза, которая у дна постройки перешла в очажное округлое пятно с интенсивным углистым заполнением, диаметром около 80 см и врезом в материк на 25 см.

Археологический материал – главным образом фрагменты керамики, кружки, грузики. Встречены также изделия из кремня и бронзы. Кроме характерной для памятника керамики КТК позднего бронзового века, автор раскопок также выделил керамику раннего железного века, встреченную преимущественно в верхней части жилища, относя к этому периоду всё верхнее заполнение и верхний очаг (Фоломеев, 1990, с. 23). Сама постройка раннего железного века контурно не вычленилась. Около этого же очага встречено большое количество пережжённых камней. У второго – нижнего – очага выявлено также большое количество обожжённых камней и костей животных. Более или менее заметные скопления керамики в верхней половине заполнения не выявлены, они появляются только в нижней части жилища. За исключением орудий из кремня, практически полностью отсутствуют находки к северу-востоку от котлована, на месте предполагаемой наземной пристройки.

С учётом схожей проблемной стратиграфической картины жилища 5 и жилищ 4а и 4б, но при этом с иным составом археологического материала и его культурным определением, рассматривать эти жилища (4а, 4б и 5) следует только после тщательного разбора археологического материала на комплексы в специаль-

ном исследовании. Полученные радиоуглеродные даты по углю из жилища 5 (7) (Рис. 9) указывают на тот же период (XV–XIII вв. до н.э.) существования поселения, что и дата из жилища 1. Здесь же все жилища приведены для общей картины и как свидетельство более ранних строений иного вида, с культурной принадлежностью которых ещё предстоит разобраться. Жилища 1 и 2 неоспоримо относятся к КТК позднего бронзового века. Сам автор раскопок позднее отнёс жилище 4 (очевидно, нижнюю часть, № 4б) к поздней ковской культуре, жилище 5 (7) культурно не определено (Сулержицкий, Фоломеев, 1993, с. 45, 51).

Таким образом, если ограничиться «чистыми» и не повреждёнными жилищами с однозначной культурной интерпретацией, то мы имеем дело с постройками, достаточно похожими на выявленные на поселении Фелелов Бор I. Жилища 1 и 2 расположены рядом, вытянуты вдоль водоёма с коридорами-выходами в его сторону. Они представляли собой углубленные до 50 см постройки площадью 43,2 и 36,7 м², с каркасно-столбовой конструкцией стен и перекрытий с двускатной крышей, возможно несколько смещённой в сторону. Очаг в одном случае располагался по центру в специальной выемке. В жилище 1, по всей видимости, было несколько очагов ближе к северным углам и, возможно, старый, уже не функционирующий очаг был в середине. Археологический материал также располагался преимущественно в жилищах и концентрировался преимущественно ближе к стенкам жилищ. Скопление камней обнаружено только в жилище 1 в юго-западном углу и у очага. Снаружи жилищ находки единичны. Неподальку присутствуют хозяйственные (?) ямы с незначительным углублением до 40 см и редкими находками в заполнении. Наземная конструкция оставлена, по всей видимости, другим населением, но следует учитывать возможность подобных же у носителей КТК. Жилище 5 выделяется сложностью стратиграфии и разнокультурными постройками на одной площадке. Жилище 4а повторяет общие черты жилищ 1 и 2.

Исходя из серии радиоуглеродных дат (Рис. 9), поселение КТК Гришинский исток III относится к XV–XIII векам до н.э., но здесь также выявлены предшествующие постройки первой трети II тыс. до н.э., позднего средневековья и, возможно, раннего железного века.

Яркой особенностью планиграфии поселения Гришинский Исток III, помимо кусков

болотной руды в постройках, является наличие двух погребений, перпендикулярных жилищу 2. Погребения непосредственно на жилой площадке поселения – достаточно редкое для бронзового века явление. Они скорее характерны для неолитических и энеолитических памятников региона (Костылёва, Уткин, 2010, с. 212-236). Погребальный инвентарь не позволяет достаточно однозначно решить вопрос о культурной принадлежности в силу сложности выделения погребальных памятников КТК (Азаров, 2014). Погребения, впрочем, стратиграфически позднее хозяйственной ямы и, вероятно, самого жилища 2, что, правда, не исключает их принадлежности к поздним вариантам поздняяковской культуры.

Так или иначе, наличие погребений непосредственно рядом с жилищем не является характерным явлением и для поздняяковской культуры. В частности, в случае с поселением Кораблино (Азаров, 2013, рис. 1) грунтовые погребения располагались недалеко, но образовывали отдельную территорию, не совмещённую с жилой и хозяйственной площадкой. Возможным исключением является поселение Логинов Хутор (Попова, 1974, рис. 1), но в данном случае сам автор раскопок высказывал сомнение о принадлежности этих построек к жилым (Там же, с. 225-227). Также близко, но на отведённой территории, располагались грунтовые погребения поселения и могильника Щербинино на Клязьме (Кравцов и др., 2015а, рис. 2). Памятник был отнесён к поздняяковской культуре с признаками влияния КТК. Данное обстоятельство выразилось в некотором сходстве орнаментации, наличии незначительного количества керамики с «текстильными» отпечатками и др. (Там же, с. 62). В том числе в одном из погребений обнаружен сосуд с «текстильными» отпечатками (Кравцов и др., 2015б, рис. 2, 1), который в Окско-Клязьменском междуречье⁷ является третьей находкой такого рода (Там же, с. 83).

В некотором роде очень похожую картину, по наличию погребения, можно наблюдать на поселении **Колтово-7** в Каширском районе Московской области, расположенном на левом берегу р. Медведки (приток Оки) напротив места впадения р. Мутёнки в 1 км от поймы правого берега Оки (Сидоров, 2006). Относя саму обнаруженную постройку к КТК, автор раскопок отказался от первоначального отнесения прямоугольной ямы к юго-востоку от постройки к погребению (Там же, с. 343),

⁷ За исключением могильника Дикариха на Плещеевом озере (Никитин, 1963; 1973).

несмотря на наличие в ней и вполне погребального инвентаря в виде двух баночных сосудов, и достаточно характерной формы и размеров ямы. Главный же интерес представляет сама постройка.

Основание жилища прямоугольной формы ориентировано по линии СЗ–ЮВ, распложено на склоне и углублено в грунт в верхней части на 0,5 м. Общая реконструируемая площадь составляет 48 м². Расположение столбовых ям по центру и по контуру предполагает наличие каркасно-столбовой конструкции стен и перекрытия. К сожалению, место, где был выход на юго-запад в сторону водоёма, уничтожен склоновой эрозией. Обнаружение углистой полосы в центре жилища позволило автору раскопок предположить здесь существование отдельного помещения, которое было интерпретировано как сени и предложена его графическая реконструкция (Там же, рис. 2). Очаг располагался в центре, но южнее центральной парной линии параллельных столбов, аналогии которым известны на поселении Фёдоров Бор I. Похожие остатки от жилища обнаружены также на поселении **Шагара 5** на южном берегу оз. Шагара в Спас-Клепиковском районе Рязанской области (Фоломеев, 1985). В одном из раскопов в верхних горизонтах была вскрыта часть небольшой постройки, углублённой в грунт приблизительно на 0,5-0,6 м с выходом-коридором (1,8×1,2 м). К сожалению, постройка выявлена лишь частично, но можно отметить наличие очага ближе к выходу, направленного к водоёму.

Аналогии описанным постройкам к северу от Поочья, в среде памятников с «текстильной» керамики Верхнего Поволжья, не выявлены, за исключением углубленных построек с печами-каменками поселений (?) оз. Неро, о которых лишь упоминается в литературе (Сидоров, 2009, с. 99-100). Для северных традиций, как уже было отмечено вначале, характерно наличие наземных построек или шалашей. В частности, такими являются постройки на поселении **Песочное 1** второй четверти II тыс. до н.э. на том же оз. Неро (Воронин, 2013). На вскрытой площади в 182 м² было обнаружено 3 наземных сооружения, которые выделяются по столбовым ямам, образующих периметр постройки (Там же, рис. 5). Внутри этих периметров обнаружены остатки от очажных конструкций, которых было несколько в пределах постройки. Общая площадь наиболее полно исследованного сооружения 3 составляет около 90 м².

Археологический материал, представленный керамикой, изделиями из кремня и бронзы, концентрировался в основном в пределах выделенных сооружений.

Примечательно также и нахождение между наземных сооружений погребения с инвентарём из грузика и бусины. Все постройки были вытянуты по линии ЮЗ–СВ и располагались последовательно друг за другом. Радиоуглеродные датировки культурного слоя укладываются в период 1867-1535 гг. до н. э. (Там же, с. 334), что, возможно, древнее поселения Фёфёлов Бор I и точно древнее жилищ КТК на поселении Гришинский Исток III (XV-XIII вв. до н.э.), но при этом, возможно, одновременно жилищу 4б. Сравнить более поздние постройки КТК с постройками раннего периода в таком ключе представляется не совсем корректно. Но нельзя не отметить принципиальную разницу конструкций построек Песочное 1, поселений Фёфёлов Бор I и Гришинский Исток III на уровне типов жилищ и размеров. Определяет ли это различие хронологический разрыв в развитии или имеет место разница в традициях домостроительства у носителей КТК Верхнего Поволжья и Поочья однозначно пока ответить сложно, так как неизвестны постройки КТК начала II тыс. до н. э. на территории Окского бассейна.

В целом распространение памятников КТК в Поочье в XIX-XVI вв. выглядит редким явлением – достоверно известно лишь о поселении Каменка-1 (Фатьяново 3)⁸ в меридиональном течении Оки у г. Белёв Калужской области (Екимов, 2008). Другими свидетельствами являются единичные находки среди памятников как раннего поздняяковского времени, так и, возможно, допоздняяковского: сосуд с «рябчатыми» отпечатками из погребения могильника Фёфёлов Бор (Азаров, 2015, рис. 10, 1), сосуд «ниточными» отпечатками с пола жилища Логинова Хутора (Фоломеев, 2017, рис. 3; в печати), небольшой баночный сосуд с «рябчатыми» отпечатками из засыпки кургана № 4 и иные «текстильные» фрагменты в засыпках курганов Коренецкого могильника (Попова, 1965, с. 164) и др.

Значительно более близкие и яркие параллели можно обнаружить в памятниках КТК Марийского Поволжья. Так, на поселении **Мольбище** (Никитин, Соловьёв, 2002, с. 80, табл. 26, 4) обнаружена углублённая до 35 см постройка площадью около 35 м² и с двумя очагами. К сожалению, выход уничтожен скло-

новой эрозией, а столбовые ямы по всей видимости, не зафиксированы. Из всех известных построек КТК за пределами Поочья жилище на поселении вдоль русла р. Рутки представляется достаточно близким. Не менее схожими представляются постройки **Кокшамарского II** поселения (Никитин, Соловьёв, 2002, с. 81, табл. 26, 1), расположенного в Звениговском районе Республики Марий Эл на мысу надпойменной низкой террасы правого берега р. Большой Кокшаги, левого притока Волги. Здесь обнаружены три слабо углублённых или наземных жилища с подпрямоугольными основаниями. Площади жилищ составляли 44,8; 42, 2; 39, 6 м² соответственно. Внутри жилищ выявлены столбовые ямы, позволяющие реконструировать каркасно-столбовую конструкцию стен и перекрытия. У каждого из жилищ обнаружены выходы-коридоры. Внутреннее обустройство при этом представляется более разнообразным: имеются хозяйственные ямы, несколько очагов и др.

Интересные параллели постройкам КТК в Поочье можно обнаружить среди древностей энеолита Средней Поволжья и Прикамья. На аналогии с последними указывал ещё Б.А. Фоломеев, отмечая сходство в устройстве выходов-коридоров, наличии ниш в стенах, насыпных «столиков» из песка, расположении параллельными рядами столбовых ям и др. (Фоломеев, 1974, с. 246). При этом им подчёркивались слишком сильные различия в материальной культуре с энеолитическими памятниками Прикамья.

Не имеют сходства постройки КТК на территории средней Оки с **постройками поздняяковской культуры**. Так, жилища Подборновской стоянки⁹ (Бадер, 1970, рис. 10; Мансуров, Бадер, 1974, рис. 9), поселений Дмитровская слобода¹⁰ (Воронин, 2013, рис. 2) и Кораблино¹¹ (Азаров, 2013, рис. 2) имели значительно более крупные размеры (от 80 м²), большее количество очагов и конструкции выходов – наличие отдельного тамбура, приподнятой части пола; более чёткое расположенное столбов. Поздняяковские жилища углублены в грунт до 15-30 см, что может быть скорее результатом естественного «утапывания» или расчистки пола жилищ, что прослеживается по профилю котлована. К некоторым общим чертам можно отнести всё же наличие специальных сооружений,

⁹ Раскопки О.Н. Бадера в 1937 и 1940 гг.

¹⁰ Раскопки О.В. Зеленцовой в 2006 и 2007 гг.

¹¹ Раскопки И.В. Белоцерковской в 1993 г. и И.Р. Ахмедова в 1994 г.

⁸ Доклад Ю.Г. Екимова на конференции «Археология Подмосковья» в 2016 году.

примыкающих к основному жилищу в поселениях Фёдоров бор I и Дмитровская слобода, но только лишь по форме. Также к общим чертам в планиграфии следует отнести концентрацию археологического материала в основном в самих жилищах; возможно, вытянутое расположение вдоль водоёма; использование деревянной каркасно-столбовой конструкции в оформлении стен и перекрытия. Нет сходства и среди поселений на позднейшем этапе поздняяковской культуры в верховьях Оки – в частности, с поздним поселением Октябрьское 5¹² (Екимов, 1992, рис. 1), датируемым концом II тыс. до н.э., с его наземной крупной постройкой около 90 м². Свидетельства иных домостроительных традиций в Поочье в предшествующее и сопутствующее КТК время лишнее раз свидетельствует о сложности процессов культурогенеза в регионе.

Специфичными в древностях бронзового века представляются две постройки поселения **Логинов Хутор** на средней Оке (Попова, 1974, рис. 1), площадью 65, 7 м² и врезом в 80 см и 50 м² и врезом в 85 см – весьма близких по размерам, но без характерных коридорообразных выходов и столбовой конструкции. Тем не менее, автором раскопок, как уже упоминалось выше, отнесение данных построек к жилым вызывало сомнение. Также в литературе ставилась под сомнение принадлежность данного поселения к поздняяковской культуре; часть материалов относилась к репинским традициям, предшествующим поздняяковской культуре (Королёв, 2013, с. 94-95; Фоломеев, 2017, в печати). С учётом известных дат по репинской культуре, которые определяют существование ее поздних древностей в лучшем случае концом IV тыс. до н.э. (Трифонов, 2001, табл. 1), и самых ранних дат поздняяковской культуры, которые приходятся на конец первой четверти II тыс. до н. э. (Воронин, 2013, с. 330), – это несколько озадачивает. Но в то же время встает вопрос о необходимости более пристального внимания к материалам как ранней поздняяковской культуры, так и, в особенности, предшествующих памятников середины и конца III тыс. до н. э. лесной зоны Волго-Очья и прилегающей лесостепной зоны Верхнего Подонья, которые далеко не ограничиваются древностями поздней катакомбной, фатьяновской и абашевской культур.

Иным случаем является поселение и могильник **Щербинино** (Кравцов и др., 2015а), культурная принадлежность которого

определена как поздняяковская с признаками влияния КТК по археологическому материалу. Памятник располагается в Московской области к юго-западу от районного центра г. Орехово-Зуево у деревни Щербинино на фронтальном уступе первой террасы левого берега р. Клязьма. На памятнике выявлены следы пребывания в мезолите, неолите, ранней бронзе и средневековье (Там же, рис. 5, 7, 8), но центральной место занимает поселение позднего бронзового века с его жилой постройкой. Жилище имело основание подпрямоугольной формы, было слабо углубленным (наземным), вытянуто по линии СЮ и площадью около 54 м² (Там же, рис. 9). В ходе раскопок столбовые ямы не выявлены – возможный признак того, что жилище не было сгоревшим, либо оно было разобрано, либо имело место иная форма конструкции. Выход имелся с южной стороны к пойме Клязьмы и представлял собой приподнятый тамбур площадью чуть около 10 м² по всей ширине жилища – с учётом отдельного входного пространства площадь жилища составляла около 44 м². В центре находился очаг. Археологический материал – керамика, отщепы, орудия из кремня – располагался преимущественно внутри жилища, а также в небольшом количестве к юго-востоку и юго-западу в районе ближайших двух хозяйственных ям. Главной особенностью поселения является расположенное к западу специальное сооружение, в котором обрабатывался кремь – первая для поселений позднего бронзового века Волго-Очья мастерская. На юго-запад от жилища также выявлен грунтовый могильник из трёх погребений (Кравцов и др., 2015б), расположенный компактной группой на отдельно выделенной для этого территории.

Жилище поселения Щербинино заметно контрастирует с известными поздняяковскими объектами благодаря значительно меньшей площади. В заполнении встречена керамика с «текстильными» отпечатками на разных уровнях, но количество её на поселении невелико (7,5%) и объяснялось скорее именно влиянием КТК. В сравнении с известными постройками КТК, если не брать в расчёт отсутствие столбовых ям, отличиями будут неглубокий врез в материк и иное оформление входной зоны. Такой тамбур более всего характерен для построек поздняяковской культуры. Однако меньшие размеры постройки (до 44 м²) можно объяснить и влиянием традиций носителей КТК, которые проявляются также и в поселенческом материале, и в наличии собственно

¹² Раскопки Ю.Г. Екимова в 1991 г.

погребения с сосудом с «текстильными» отпечатками (Там же, рис. 2, 1).

Таким образом, поселения КТК Поочья позднего бронзового века обладают рядом характерных признаков в планиграфии и устройстве жилищ, в частности, позволяющих выделить их на фоне огромной культурной общности. Поселения располагаются на песчаных всхолмлениях в пойме или на террасах вытянуто вдоль водного объекта. Жилища располагаются компактно выходами-коридорами в сторону водоёма, возможно, несколькими рядами и представляют собой углублённые свыше 40 см каркасно-столбовые постройки с подквадратными или подпрямоугольными основаниями площадью от 30 до 50 м², возможно, с двускатными крышами. Столбовые ямы нередко образуют параллельный ряд столбов по центру котлована, с разных сторон или рядом с единственным очагом в центре, вероятно, углубленным. Редко в одном из углов обнаруживается ещё один очаг. Распространены скопления обожжённых камней в углах жилищ или у очагов. Археологический материал располагается преимущественно внутри жилищ, при этом керамика, в виде развалов и скоплений, концентрируется ближе к углам жилищ или скоплениям камней.

Ближе к очагу обнаруживаются орудия из кремня. Имеются случаи соединённых переходами жилищ, а также специальных пристроек. Снаружи жилищ в непосредственной близости от них располагаются одна или две хозяйственные ямы. Встречаются погребения у стен жилищ, возможно, впущенные после прекращения жизни на поселении.

Не исключено нахождение и иных типов построек в будущем на поселениях КТК Поочья. Принципиально отличие рассмотренных построек от объектов поздняяковской культуры, а также построек КТК к северу от Оки, в Верхнем Поволжье и Карелии. Описанные постройки обособляют поселения культуры «текстильной» керамики Окского бассейна от поселений других археологических культур позднего бронзового века, в том числе и общности культур «текстильной» керамики Восточной Европы. Наиболее же близкими с рассмотренными выше представляются постройки КТК Марийского Поволжья. Насколько сходство и различие в характере построек влияет и отражается в иных материалах, оставленных носителями культур позднего бронзового века, и является ли это показательным – покажут дальнейшие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Азаров Е.С.* Поселение и грунтовый могильник эпохи бронзы Кораблино // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 182–195.
- Азаров Е.С.* Погребальные памятники культуры текстильной керамики Окского бассейна // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский / Археология евразийских степей. Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 352–373
- Азаров Е.С.* Карта археологических памятников с «текстильной» керамикой позднего периода эпохи бронзы Окского бассейна // Тверской археологический сборник. Вып. 10 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 204–212.
- Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1 / Сост. Ю.А. Краснов, С.Е. Михальченко. М.: ИА РАН, 1993. 260 с.
- Бадер О.Н.* Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 173 с.
- Воронин К.В.* Комплекс бронзового века поселений Песочное-1 и Дмитриевская слобода II // Тверской археологический сборник. Вып. 9 / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2013. С. 329–344.
- Екимов Ю.Г.* Поселение поздняяковской культуры под Тулой // Археологические памятники Среднего Поочья / Отв. ред. В.П. Челябинов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1992. С. 62–76.
- Екимов Ю.Г.* Работы на территории Белевского района Тульской области и в историческом центре Тулы // АО-2006 / Отв. ред. Н.В. Лопатин. М.: ИА РАН, 2008. С. 182–183.
- Королёв А.И.* О предпоздняяковском субстрате поздняяковской культуры // Самарский научный вестник. 2013. № 4 (5). С. 92–95.
- Косменко М.Г.* Археологические культуры периода бронзы – железного века в Карелии. СПб.: Наука, 1993. 215 с.
- Костылёва Е.Л., Уткин А.А.* Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: Таус, 2010. 300 с.
- Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н.* «Поселение и могильник Щербинино» – археологический памятник мезолита – бронзового века и средневековья в Подмосковной Мещере (некто-

рые результаты исследования культурного слоя) // Археология Подмосковья. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015а. С. 20–76.

Кравцов А.Е., Азаров Е.С., Бабкина Е.В., Марьенкина Т.А., Модин Р.Н. Могильник позднего бронзового века на археологическом памятнике «Поселение и могильник Щербинино» в Подмосковной Мещере // Археология Подмосковья. Вып. 11 / Отв. ред. А.В. Энговатова. М.: ИА РАН, 2015б. С. 77–88.

Мансуров А.А., Бадер О.Н. Археологическая карта окрестностей Касимова // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236–252.

Никитин А.Л. Дикариха: (По материалам раскопок 1959–1960 гг.) // Труды Горьковской археологической экспедиции: Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья / МИА. № 110 / Отв. ред. П.Н. Третьяков. М.-Л.: Наука, 1963. С. 204–226.

Никитин А.Л. Могильник Дикариха на Плещеевом озере // СА. 1973. № 2. С. 158–177.

Никитин В.В., Соловьёв Б.С. Поселения и постройки Марийского Поволжья (эпоха камня и бронзы) / ТМАЭ. Т. VII. Йошкар–Ола: МарНИИ, 2002. 162 с.

Попова Т.Б. Коренецкие стоянка и могильник // СА. 1965. № 1. С. 154–167.

Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 222–235.

Сидоров В.В. Колтово 7: комплекс эпохи бронзы // Тверской археологический сборник. Вып. 6. Т. I / Отв. ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 343–349.

Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.

Сулержицкий Л.Д., Фоломеев, Б.А. Радиоуглеродные даты археологических памятников бассейна средней Оки // Древние памятники Окского бассейна / Отв. ред. В. П. Челяпов. Рязань: НПЦ по ОИПИКРО, 1993. С. 42–55.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита — средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация / Отв. ред. Ю.И. Колев. Самара: НТЦ, 2001. С. 71–82.

Фоломеев Б.А. Жилища стоянки Фелелов Бор I // Археология Рязанской земли / Отв. ред. А.Л. Монгайт. М.: Наука, 1974. С. 236–252.

Фоломеев Б.А. Отчёт о работе Окского отряда Окско–Донской экспедиции ГИМ за 1985 г / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 10837

Фоломеев Б.А. Отчёт о работе Окской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1989 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 14847

Фоломеев Б.А. Отчёт о работе Окско–Донской археологической экспедиции Государственного исторического музея за 1990 г. / Архив ИА РАН. Р. 1. Д. 15718

Фоломеев Б.А. Типология текстильных отпечатков и хронологическое распространение отдельных видов сетчатых фактур. Дополнения из черновиков / Публ. Е.С. Азарова // Археология евразийских степей. Казань, 2017 (в печати).

Черных Е.М. Жилища Прикамья (эпоха железа) / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 16. Ижевск: УдмГУ, 2008. 272 с.

Информация об авторе:

Азаров Евгений Сергеевич, младший научный сотрудник отдела археологических памятников Государственного исторического музея (г. Москва, Россия); hazari4@yandex.ru

THE PLANIGRAPHY OF SETTLEMENTS BELONGIN TO THE ‘TEXTILE’ CERAMICS CULTURE IN THE OKA REGION OF THE LATE BRONZE AGE. RESIDENTIAL BUILDINGS

E.S. Azarov

The article is an overview of the available information on settlement residential buildings located at the sites of the ‘textile’ ceramics cultures dating back to the Late Bronze Age in the territory of the Oka basin. The remains of residential buildings have only been discovered at four settlements. They were most thoroughly

studied at Fefelov Bor I and Grishinsky Istok III settlement, and fragmentarily studied at Koltovo 7 and Shagara 5 settlements. The dwellings are rectangular buildings with an area of 30-50 square meters located 40 cm below the ground. The exit corridors are directed towards the reservoir. They often feature a single hearth in the centre and piles of burnt bricks in the corner. The findings are primarily concentrated in dwellings and individually alongside one or two household pits outside the dwellings. The discovered buildings distinguish the settlements corresponding to the culture of 'textile' ceramics located in the Oka basin from the settlements of other archaeological cultures dating back to the Late Bronze Age, including the communities of 'textile' ceramics cultures from Eastern Europe.

Keywords: dwellings, the culture of 'textile' ceramics, the Late Bronze Age, the Oka basin, settlement planigraphy.

About the author:

Azarov Evgenii S. Junior Researcher, Department of Archaeological Sites, State Historical Museum (Moscow, Russian Federation); hazari4@yandex.ru

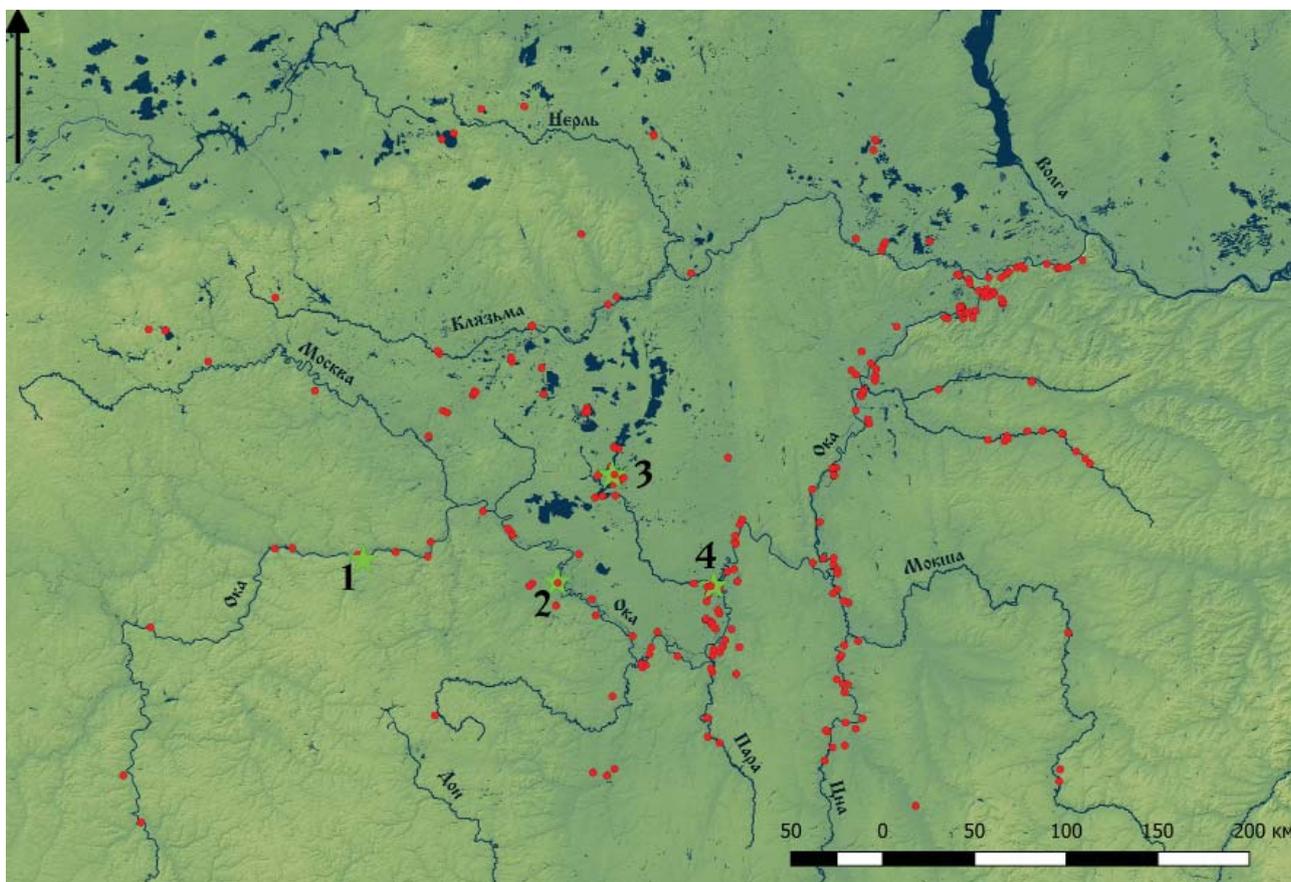


Рис. 1. Карта археологических памятников КТК Поочья позднего бронзового века с указанием мест обнаружения жилых построек:
1 – Колтово 7, 2 – Фефёлов Бор I, 3 – Шагара 5, 4 – Гришинский исток III.

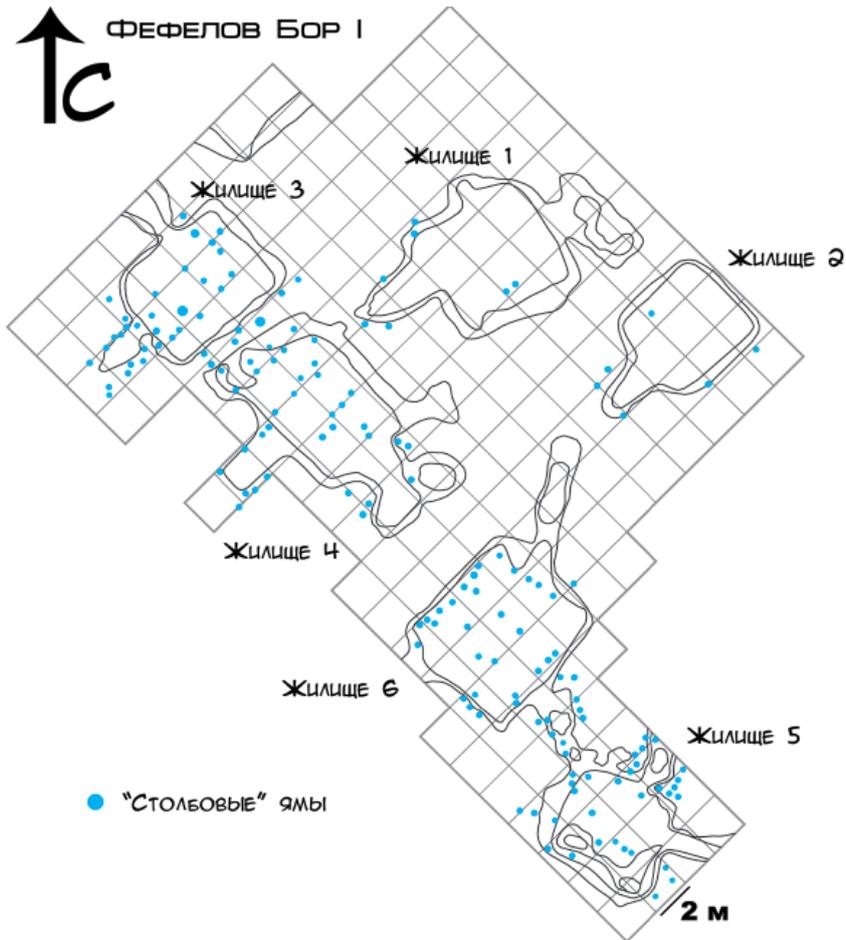


Рис. 2. Фефёлов Бор I.
План расположения жилищ и столбовых ям.

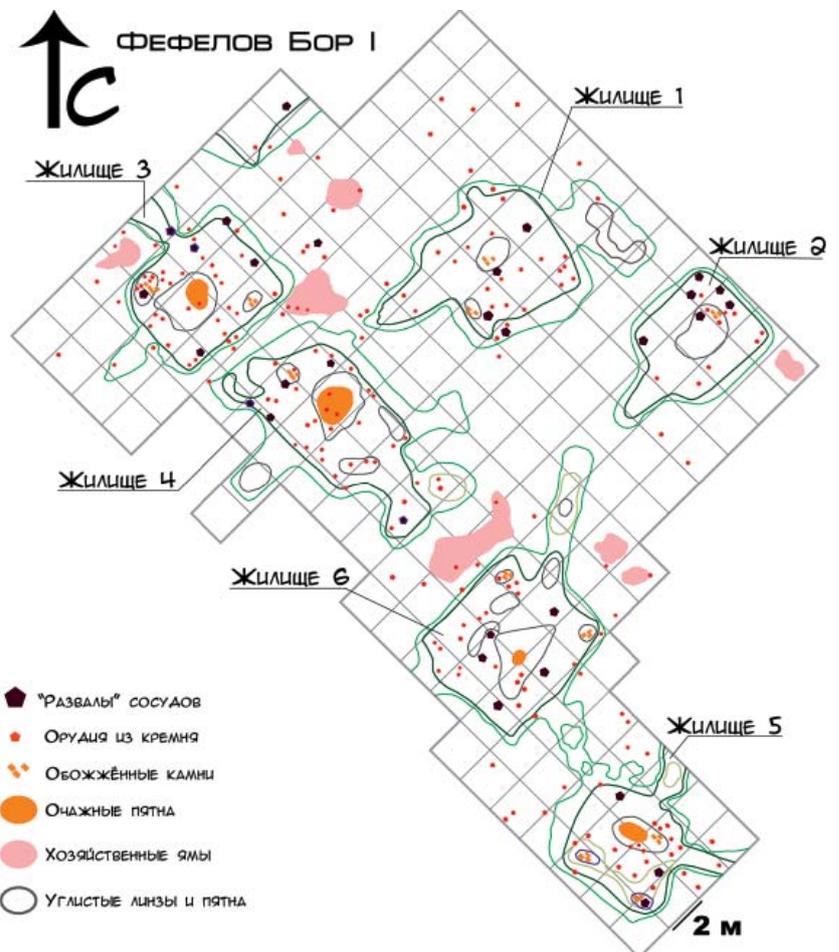


Рис. 3. Фефёлов Бор I.
План расположения объектов жилищ и археологического материала.

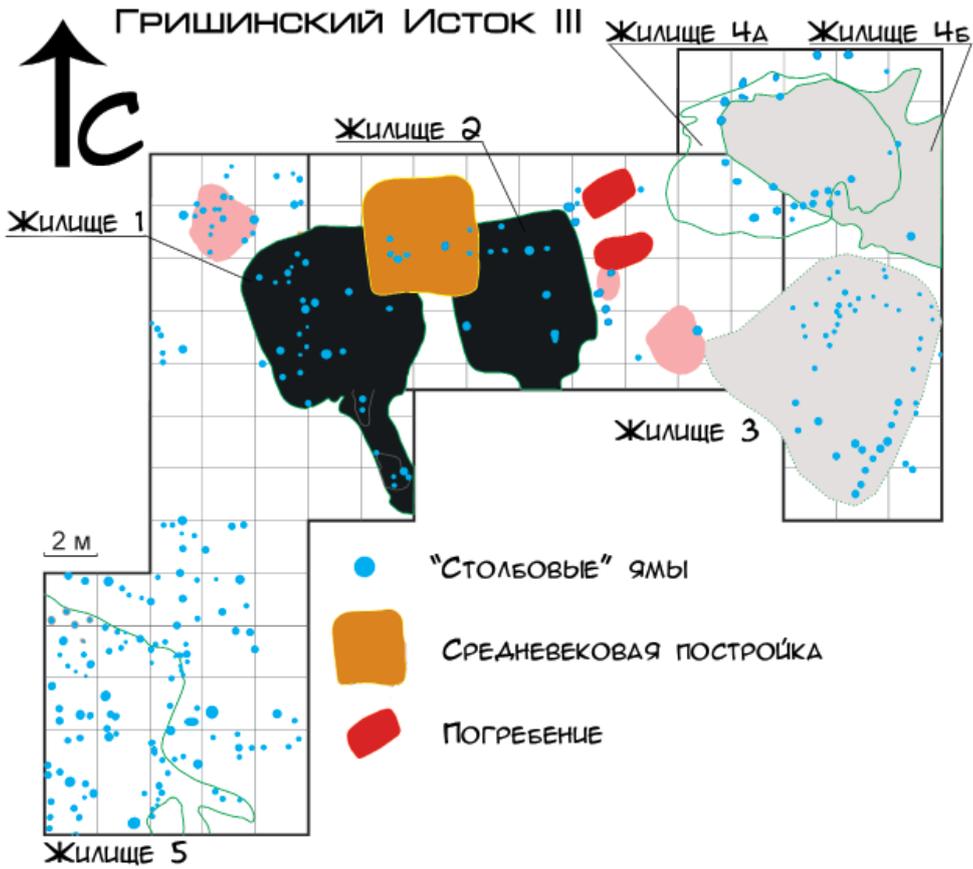


Рис. 4. Гришинский Исток III. План расположения жилищ, столбовых ям и стратиграфических нарушений.

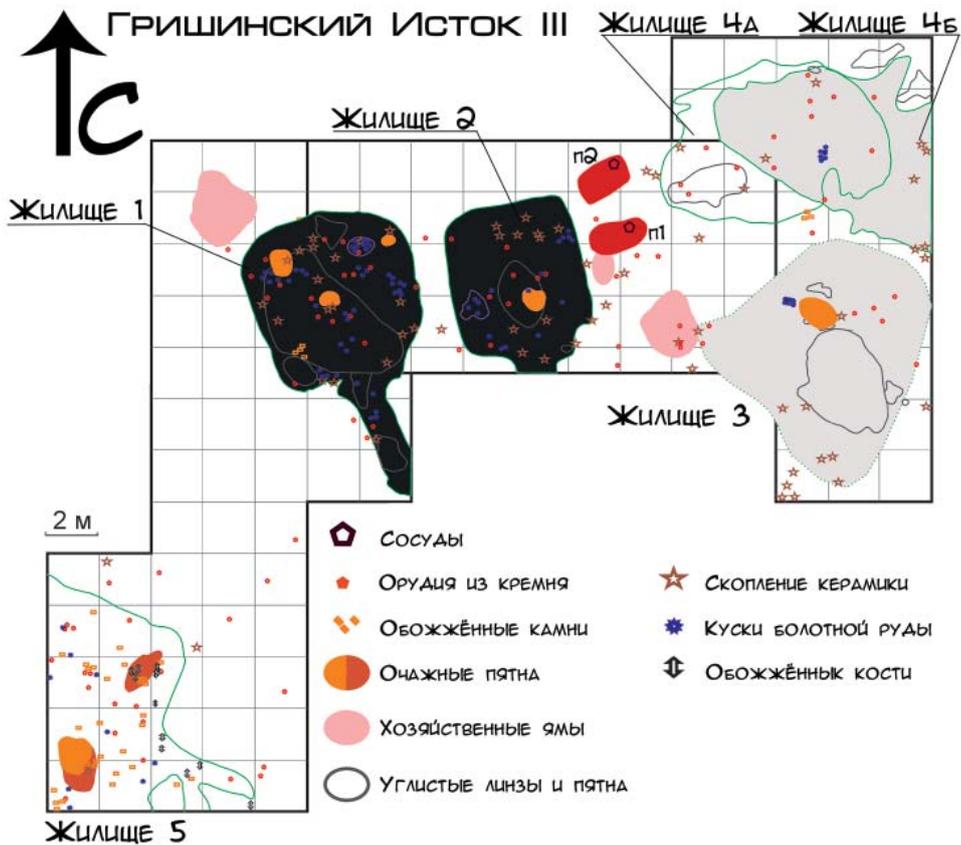


Рис. 5. Гришинский Исток III. План расположения объектов жилищ и археологического материала.



Рис. 6. Гришинский Исток III. Керамика КТК из жилищ 1 и 2.

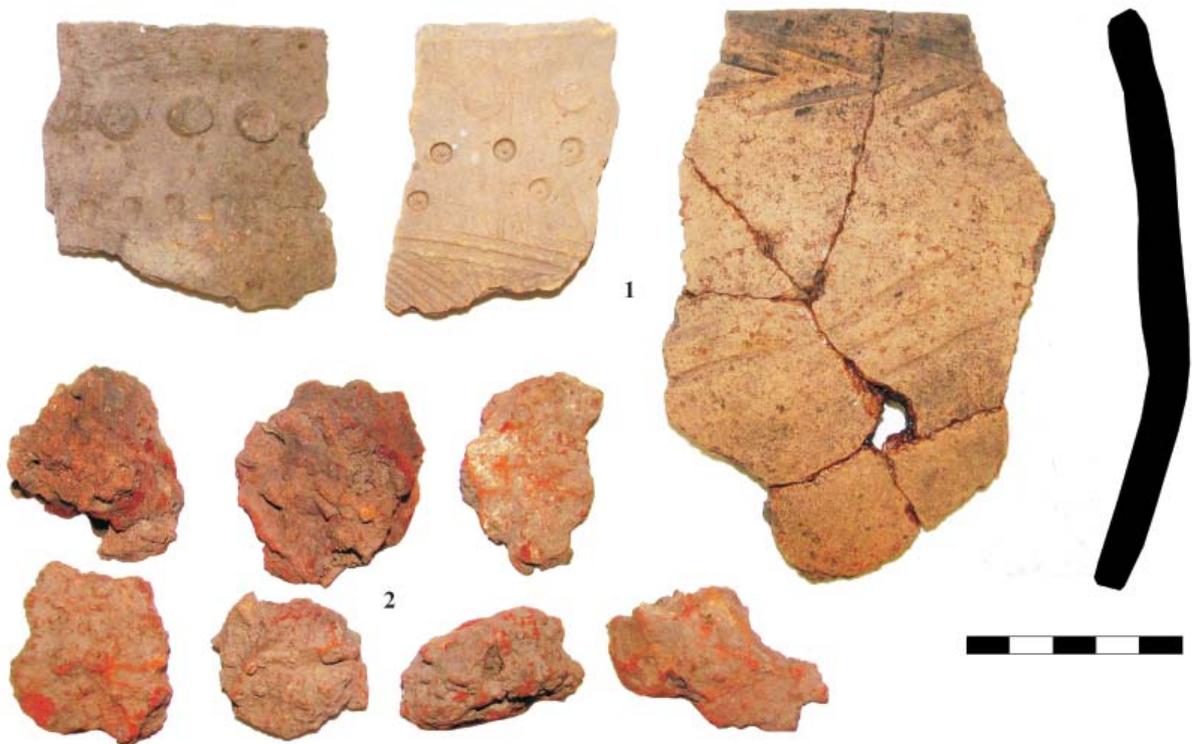


Рис. 7. Гришинский Исток III. 1 – керамика из жилища 3, 2 – куски болотной руды.



Рис. 8. Гришинский Исток III.
Сосуды из погребений.
1 – погребение 1, 2 – погребение 2.

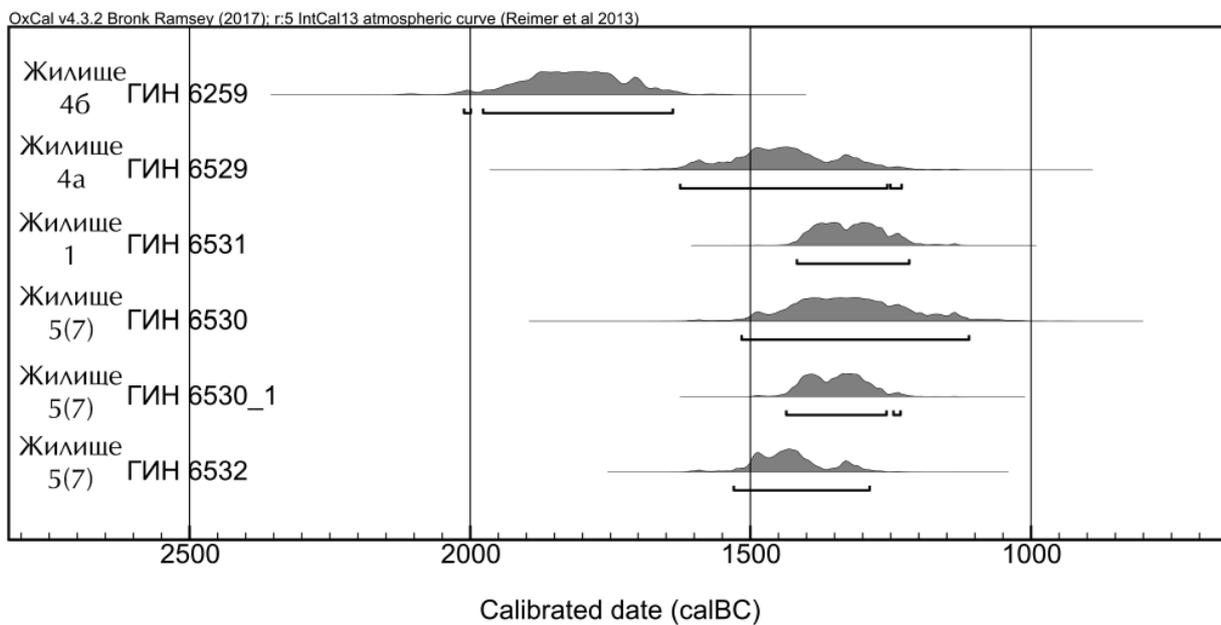


Рис. 9. Радиоуглеродные даты поселения Гришинский исток III (по Сулержицкий, Фоломеев, 1993, табл. 1, с. 50).

УДК 902/904

XVI ИЗМЕРСКИЙ МОГИЛЬНИК МАКЛАШЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

© 2017 г. Е.П. Казаков

Район слияния рек Волги и Камы является археологическим «Эльдорадо». Древнее население влекло сюда выгодное географическое положение, богатейшие биоресурсы долин и надпойменных террас крупнейших рек Восточной Европы. Достаточно плотно регион был заселен в эпохи бронзы и раннего железа. Широкий круг памятников эпохи бронзы был выделен А.Х. Халиковым в приказанскую культуру с ее позднейшим маклашеевским этапом. В дальнейшем исследователи, отмечая хронологическую и культурную специфику маклашеевских памятников, выделили ее в самостоятельную культуру. При многолетних работах Раннеболгарской экспедиции по левобережью р. Камы у с. Измери исследованы 3 могильника этой культуры. Данная статья посвящена анализу материалов XVI Измерского могильника.

Ключевые слова: Измерский XVI могильник, эпоха бронзы, ранний железный век, ананьинская культура, маклашеевская культура, конская сбруя, погребальный обряд.

Памятник открыт в 2007 г. Раннеболгарской экспедицией при осмотре берегового обрыва в период спада воды в Куйбышевском водохранилище. Высота обрыва достигала 5–6 м (рис. 1). Стратиграфия его такова: дерн – 10 см, чернозем – до 110 см, ниже идет материковый суглинок. В обнажении берега на глубине 110 см были отмечены кости человека из разрушаемого захоронения. На этом месте был заложен раскоп. Некрополь расположен на ровной, задернованной поверхности в 1600 м к северо-западу от с. Измери. Лишь местами на ней сохранились выбоины колеи проходившей здесь ранее прибрежной дороги.

Раскоп состоял из пяти вытянутых вдоль берега участков 2×2 м каждый. В направлении юго-запад – северо-восток они обозначены арабскими цифрами. Вскрытие велось по пластам в 20 см с последующей зачисткой. Стратиграфия на участках, как и по обрыву берега: дерн — 10 см, чернозем до 110 см, ниже идет материковый суглинок.

В черноземе в западном углу участка 4 на глубине 35 см встречен зуб лошади. В западной половине этого же участка на глубине 65 см расчищены остатки нижней челюсти и разбросанные зубы лошади. Судя по ним, челюсть лежала на левом боку и была ориентирована резцовой частью на юго-восток (рис. 2). Одна из костей животного отмечена на глубине 90 см.

В северо-западной части участка 2 у берегового обрыва на глубине 110 см расчищено захоронение.

Погребение 1, уч. 2, глубина 110 см (рис. 3–5). Очертания могильной ямы в слое, переходном от чернозема к суглинку, не прослеживаются. На глубине 110 см расчищено захо-

ронение. Череп, кости левой стороны груди и левой руки уничтожены обрывом. Судя по остальным костям, погребенный лежал вытянуто на спине, головой на юго-запад. На предплечье, вытянутой вдоль тела правой руки была положена конская узда (рис. 4), от которой сохранились костяные детали (рис. 5).

В 2008 г. исследование некрополя продолжилось. К этому времени раскоп 2007 г. был смыт водой. К юго-востоку от него заложен раскоп II (рис. 6). Он состоял из квадратных участков 2×2 метра каждый. В направлении ЮЗ – СВ линии участков обозначались арабскими цифрами, в направлении СЗ – ЮВ – заглавными буквами русского алфавита. Раскопки велись по слоям (штыкам) в 20 см с последующей зачисткой.

Всего на раскопе II вскрыто 30 м², изучено три захоронения. Стратиграфия на всех участках одинакова и соответствует стратиграфии по обрыву: дерн – 10 см, чернозем – до 110 см, ниже идет материковый суглинок (рис. 9).

Описание погребений

Погребение 2, уч. Б/1-2, глубина 130 см (рис. 7, 8). Могильная яма с черноземным наполнением размером 240×80 см четко зафиксирована в суглинке на глубине 120 см. На глубине 130 см расчищено захоронение. Костяк взрослого человека, ориентированный головой на юго-запад, лежал вытянуто на спине. Кости рук уложены вдоль тела. Череп слегка повернут на левый бок. Погребение 3, уч. В/1-2, глубина 80 см (рис. 9). Очертания могильной ямы не зафиксированы. В черноземе на площади 200×40 см, вытянутой по линии ЮЗ – СВ, на глубине 80 см расчищены три трубчатых кости человека и обломки

лепного черного цвета тонкостенного сосуда с резным орнаментом (рис. 9).

Погребение 4, уч. Г/1–2, глубина 100 см (рис. 10–12). Очертания могильной ямы в слое чернозема четко не прослеживаются. На глубине 80 см над западным углом позднее вскрытого захоронения, отмечены обломки лепного серо-черного цвета лепного сосуда. На глубине 100 см на площади 200×200 см расчищено коллективное захоронение. Четыре костяка взрослого человека, ориентированных головой на юго-запад, лежали вытянуто на спине. Слева направо, т.е. с севера на юг, костяки пронумерованы под №№ 1, 2, 3, 4. У костяка 1 правая рука откинута от костей груди, а череп свалился на правый бок. У костяка 2 кости рук и левой ноги смещены и частично лежали выше скелета. Между черепами костяков 2 и 3 расчищены позвонок и ребра крупного рогатого скота (рис. 11).

Костяк 3 лежал вытянуто на спине, рука вдоль тела, череп наклонился на левый бок и обращен лицевой частью к северу. У скелета 4 кости правой руки несколько откинута от груди, а череп свалился на правый бок. К западу от черепа расчищены пережженные кости животных.

В 2009 г. раскопки памятника были продолжены. Заложено раскоп III площадью 34 м², примыкающий с юго-запада к раскопу II 2008 г. Раскопки велись по ранее принятой методике. Стратиграфия – та же. В направлении ЮЗ – СВ линии участков обозначались арабскими цифрами, в направлении северо-запад – юго-восток заглавными буквами русского алфавита.

В черноземе на глубине 40 см у юго-западной стенки участка Б/4 расчищены остатки обожженной и разломанной кости ноги животного, вытянутой по линии север-юг. На участке В/4 на глубине 60 см к северу от центра участка встречены два обломка костей животных. На глубине 75–80 см в южной части участка расчищены единичные фрагменты лепной керамики. В юго-восточном углу на глубине 90 см встречена обожженная косточка. Возможно, данные находки являются остатками жертвенных комплексов, относящихся к погребениям 2007–2009 гг. раскопов I–II.

Раскопками выявлены следы своеобразного поминального обряда. Спустя какое-то время после похорон рядом с захоронениями закапывали, иногда достаточно глубоко (до 90 см) комплексы из сырых и обожженных костей животных. Такие же комплексы нахо-

дились, как отмечалось, в коллективном захоронении (рис. 10).

Материалы памятника свидетельствуют, что он оставлен единой группой, видимо, маклашеевского населения. Все могилы расположены в строгом ряду, вытянутом по линии СВ – ЮЗ. Сохранившиеся костяки лежат вытянуто на спине, головой на юго-запад (рис. 3, 7, 8, 10). Такое положение, а также ориентировка умерших головой на запад и юго-запад отмечаются в погребениях 3 V Новомордовского, 10А, 12, 23, 27 II Полянского, 11 III Маклашеевского и других могильников, хотя в них имеются и захоронения с прямо противоположной ориентировкой (Халиков, 1980, с. 62–66, табл. 11–19).

Характерными для маклашеевских комплексов являются костяные и роговые детали конской узды (рис. 5). Это стержневые, округлые в сечении костяные псалии (длиной около 14 см) со шляпкообразным завершением концов и колец (диаметром 4 см) с широким круглым отверстием (диаметром 2 см). В расширенной центральной части псалиев просверлены удлиненные овальные отверстия (ок. 2×0,5 см), через которые, видимо, продевались прочные ремни, выполняющие роль грызла. На концах псалиев просверлены круглые отверстия (диаметром ок. 0,5 см), предназначенные для поводьев (рис. 5: 4, 6).

В верхней части головы лошади уздечка закреплялась тремя роговыми уплощенными полулунницами (рис. 5: 1–3). На них были просверлены гнезда через которые продевались более тонкие ремни. Данные предметы, вероятно, удерживали уздечку по верхней и боковым сторонам головы лошади.

Детали таких уздечек известны в п. 12 II Полянского могильника и в других памятниках маклашеевской культуры (Там же, с. 65, табл. 17). Практически полные аналогии этим предметам, в том числе креплениям на верхней части головы лошади, имеются в п. 16 могильника Девичий городок IV (Казаков, 2002, с. 86, рис. 4). Анализ подобных псалиев представлен в работе А.А. Чижевского (2002).

Разбитый сосуд из п. 3 (рис. 9) с орнаментом в виде резных линий, расположенных зигзагом, имеет параллели в Кумысском и других могильниках маклашеевской культуры (Халиков, 1980, с. 78, табл. 32, 1, 2).

Комплексное захоронение 4 (рис. 10), судя по расположению костяков относительно друг другу, было одновременным. По определению И.Р. Газимзянова, это были погибшие в бою мужчины.

У некоторых из них отсутствуют пальцы конечностей. У останков костяка 2 были расчленены кости рук и левой ноги, и они в смещенном виде уложены иногда поверх скелета. Левая нога ниже колен, хотя и отделенная, сохранилась вместе со ступней. На черепе костяка № 1 осталось отверстие от удара оружием, судя по всему, кельта с линзовидным сечением втулки. Как отмечалось, коллективное захоронение сопровождалось жертвенными комплексами в виде сырых (позвонок и ребра КСР) и обожженных костей животных.

При поисках аналогий вышеописанному могильнику, прежде всего, привлекают внимание XVII Измерский могильник, расположенный всего в 150 м к западу, и могильник Девичий городок IV в 3 км также к западу, занимающий южный мыс, разделяющий с юга долины рек Волга и Кама. Все три памятника, видимо, располагались в местах пологих спусков с надпойменных террас в долину р. Кама. Не только географическая близость, но и погребальный обряд, и вещевой материал свидетельствуют о том, что они относятся к одному культурному типу. Скорее всего, носители его являются пришлыми, поскольку плоскодонная посуда атабаевского этапа сменяется круглодонной, подквадратные жилища – длинными, узкими домами (Халиков, 1980, с. 58, табл. 4) и др. В.Н. Марков определил памятники эпохи раннего железа рассматриваемого региона как «постмаклашеевские» (Марков, 1997, с. 5)¹.

Уже указывалось, что на участке 4 раскопа I на глубине 65 см отмечен комплекс костей лошади. На жертвенных площадках могиль-

ника Девичий городок IV выявлены кости черепа и ног лошади (Казаков, 1982). Нередкие находки уздечек и их деталей говорят об использовании лошади при верховой езде и в качестве вьючного животного. Присутствие нерасчлененных костей лошади на жертвенных площадках могильников – своеобразный элемент культа лошади – свидетельствует, что они жертвовались погребенным.

О своеобразном культе КРС говорит то, что в детском погребении 2 XVII Измерского могильника в качестве ожерелья находились 8 амулетов из просверленных зубов двух особей этого животного (Казаков, Лыганов, 2014, с. 49). О широком использовании трубчатых костей овец свидетельствуют изготовленные из них рукояти ножей и шильев (Халиков, 1980, с. 84, табл. 94, 2, 3).

Таким образом, основой хозяйства маклашеевского населения было скотоводство. Разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей. Заметную роль играли и присваивающие отрасли: охота, рыболовство, собирательство и др. При похоронах забивались животные и часть мяса клалась в могилу, как в указанном коллективном захоронении, которое сопровождалось костями КРС. В обширном погребении вождя (400×180 м) вместе с диоритовой булавой, бронзовыми копьем и кинжалом находились скелет овцы и кости лошади (Казаков, 2001, с. 65).

Проблемы дальнейших судеб маклашеевского или постмаклашеевского населения, смена его многокультурными ананьинскими группами продолжают оставаться дискуссионными.

ЛИТЕРАТУРА

Казаков Е.П. Отчет о работах Раннеболгарской экспедиции в Татарстане в 1981 г. Казань, 1982 / НФ МАРТ РТ ИА АН РТ. Ф. 4. Оп. 1

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы. Очерк 5 // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56–73.

Казаков Е.П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 83–87.

Казаков Е.П., Лыганов А.В. Итоги изучения Измерского XVII могильника // Поволжская археология. 2014. № 4. С. 43–55.

Марков В.Н. Ананьинская проблема (некоторые итоги и задачи ее решения) // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 48–99.

Марков В.Н. Волго-Камье и финский мир в начале эпохи раннего желез // *Finno-Ugrica*. 1997. № 1. С. 3–24.

¹ По проблеме происхождения маклашеевского населения этот же автор, опираясь на то, что на одном сосуде, на его противоположных сторонах, был нанесен орнамент разных культур, и на другие материалы, предположил, что в отмеченное время была прямая миграция приуральского населения в Волго-Камье. (Марков, 1994, с. 64). Комментарий ред.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблемы хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков и др. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 30–35.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 396 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Петрович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); ncai@mail.ru

IZMERI BURIAL GROUND 16 OF THE MAKLASHEEVO CULTURE

E.P. Kazakov

The confluence of the Volga and Kama rivers is considered by researchers as an archaeological ‘Eldorado’. The ancient population was attracted to this area by the favourable geographical position and the abundant biological resources of the valleys and terraces above the floodplains of the largest rivers in Eastern Europe. The region was rather densely populated in the Bronze and Early Iron Ages. A wide range of monuments dating back to the Bronze Age was classified by A.Kh. Khalikov as the culture of the Kazan region and its latest Maklasheevo stage. Researchers subsequently classified it as an independent culture, taking into account the chronological and cultural specifics of Maklasheevo sites. A total of 3 burial mounds of this culture have been studied in the course of longstanding activities of the Early Bolgar expedition near Izmeri village on the left bank of the Kama river. The paper is dedicated to the analysis of materials from XVI Izmeri 16 burial mound.

Keywords: Izmeri 16 burial mound, Bronze Age, Early Iron Age, Ananyino culture, Maklasheevo culture, horse harness, funeral rite.

About the author:

Kazakov Evgenii P. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; ncai@mail.ru



Рис. 1. Вид с севера-востока на разрушаемую часть XVI Измерского могильника.

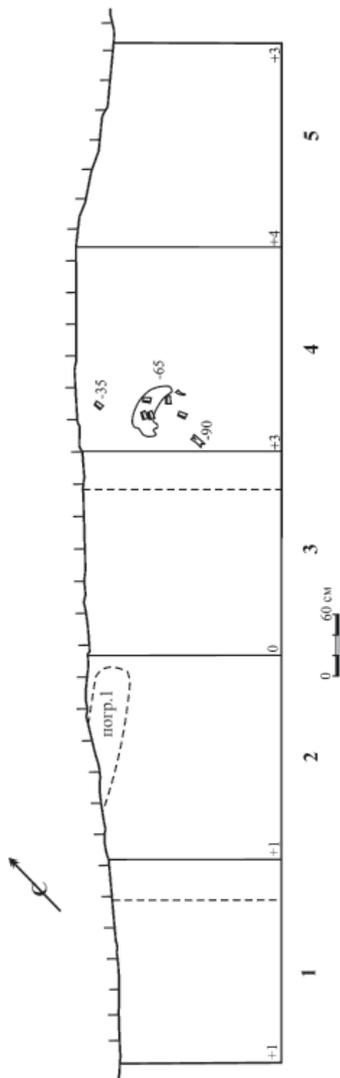


Рис. 2. План раскопа I XVI Измерского могильника.

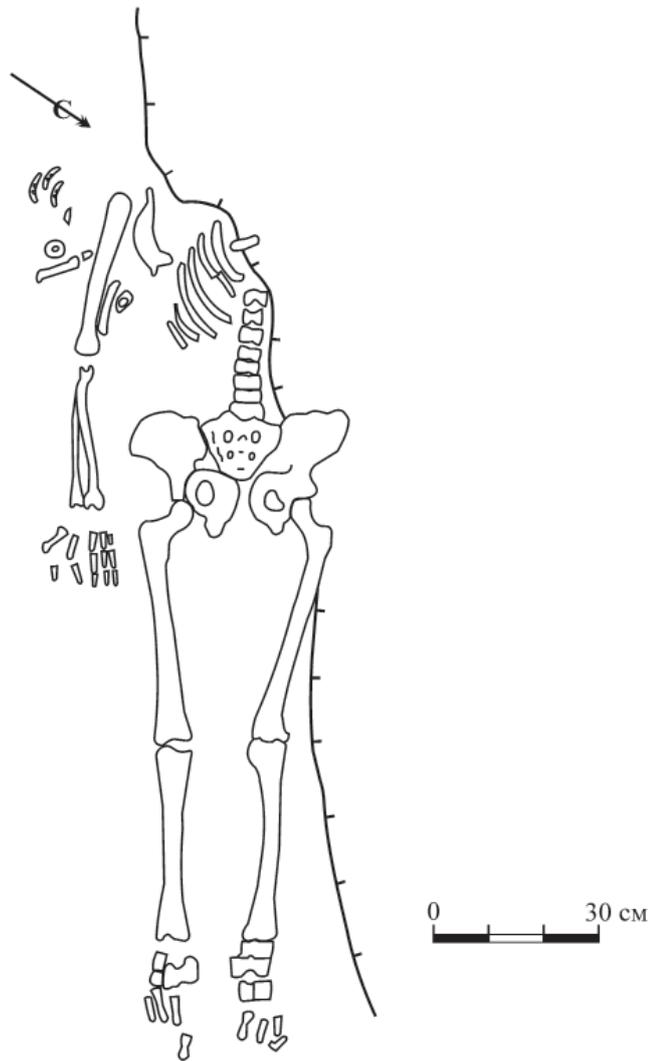


Рис. 3. План погребения I XVI Измерского могильника.



Рис. 4. Фото погребения I XVI Измерского могильника. Деталь. Вид сверху.

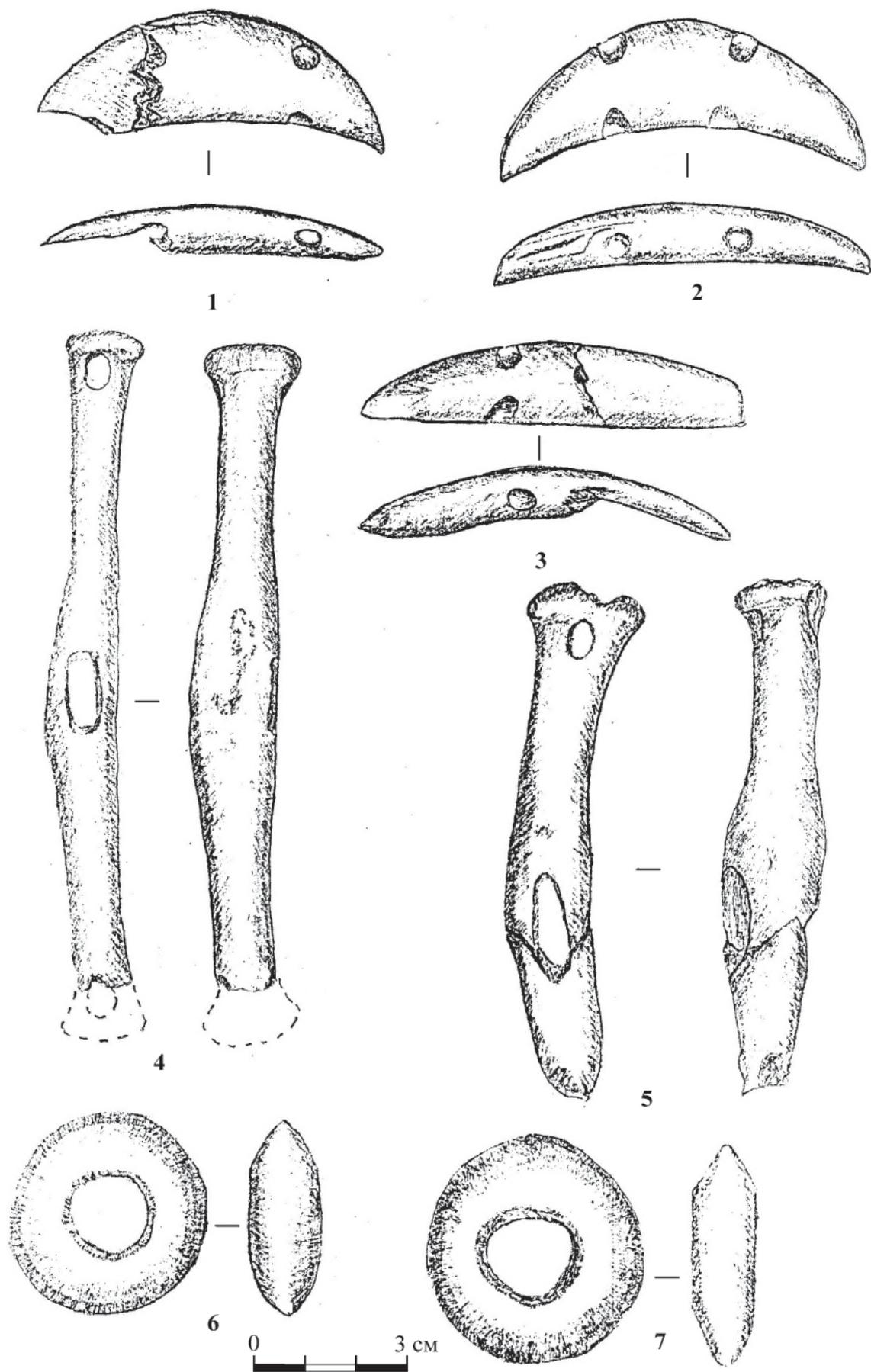


Рис. 5. Костяные детали конской узды из погребения 1 XVI Измерского могильника.

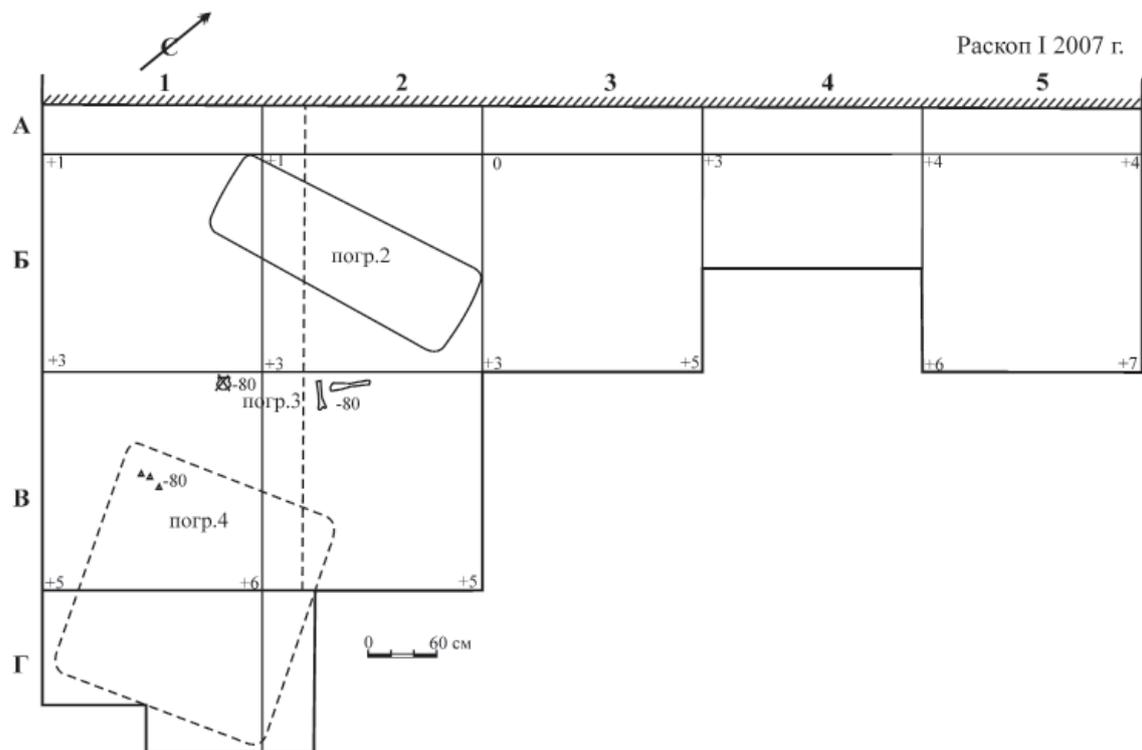


Рис. 6. План раскопа II XVI Измерского могильника.

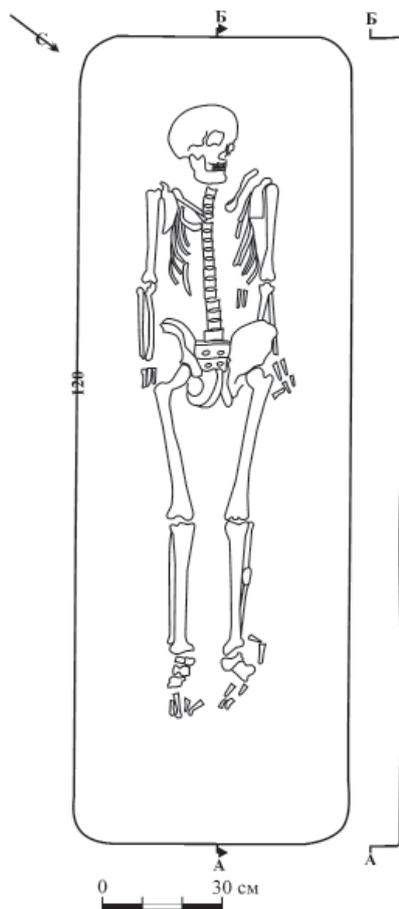


Рис. 7. План погребения 2 XVI Измерского могильника.



Рис. 8. Фото погребения 2 XVI Измерского могильника. Вид сверху.

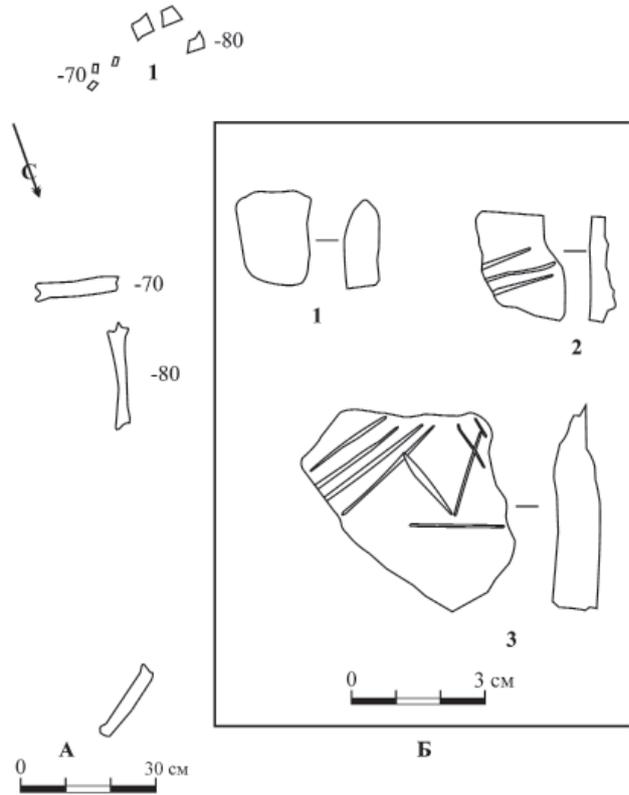


Рис. 9. План и керамика погребения 3 XVI Измерского могильника. А – план погребения; Б – фрагменты керамики.

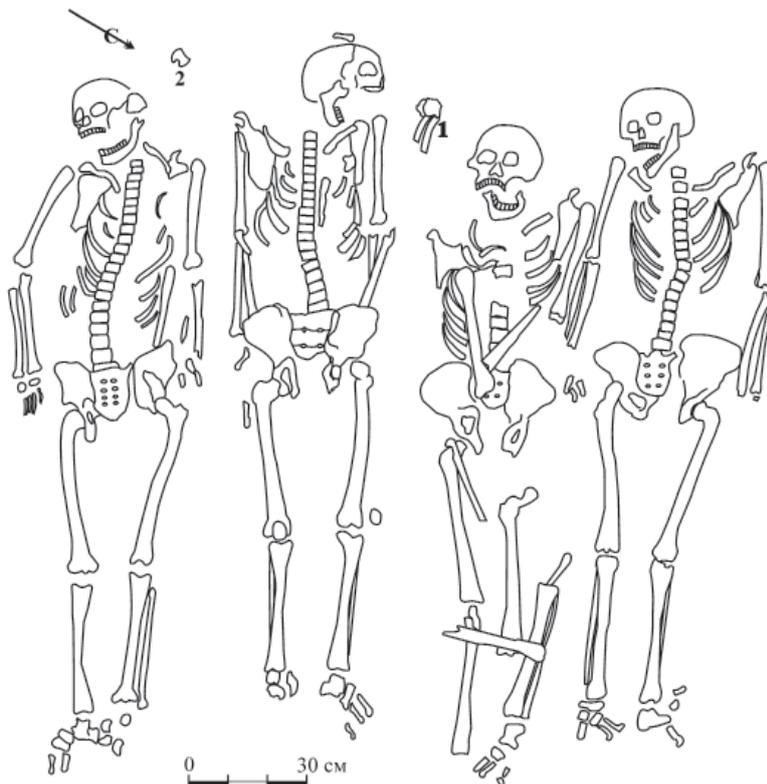


Рис. 10. План погребения 4 XVI Измерского могильника. 1 – кости животных, 2 – обожженные кости.



Рис. 11. Фото погребения 4 XVI Измерского могильника. Вид с северо-востока.

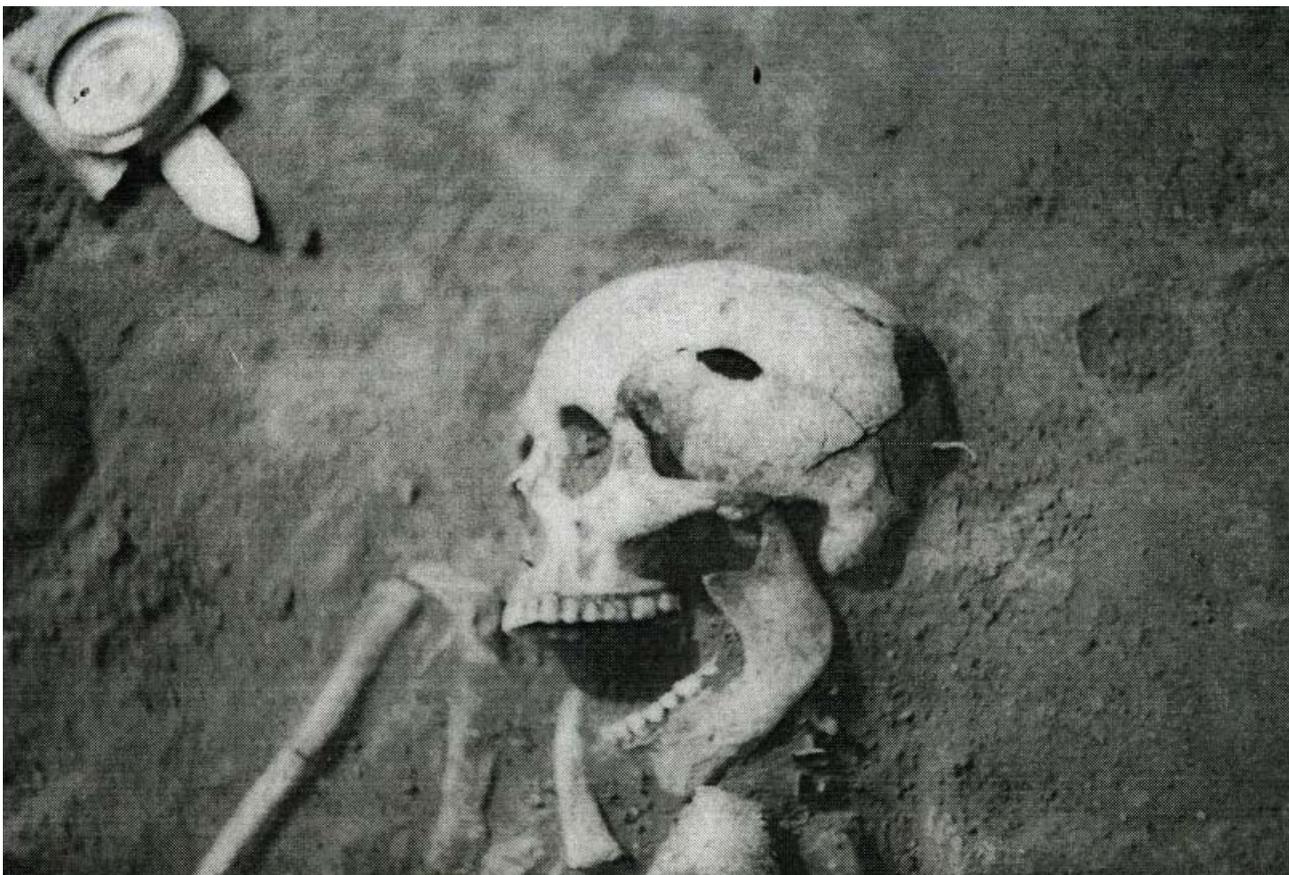


Рис. 12. Фото черепа погребения и XVI Измерского могильника. Вид сверху.

УДК 902.01/904

КОНСКАЯ УЗДА МАКЛАШЕЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ

© 2017 г. В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов

Авторы, анализируя доступные им материалы, предполагают, что псалии маклашеевской культуры правомерно синхронизировать с псалиями, использовавшимися на юге Восточной Европы в позднее белозерское время. Раннебелозерские псалии юга Восточной Европы являются прототипами и для позднебелозерских псалиев данной территории, и для псалиев маклашеевской культуры. Псалиев же, которые были бы сходны с рассмотренными раннебелозерскими, в Волго-Камье до сих пор не выявлено. Очевидно, в ареал маклашеевской культуры тип позднебелозерских псалиев попал уже сложившимся. Авторы предполагают и определенное влияние на конскую узду Волго-Камья с востока – из Зауралья и Сибири. Но более всего предопределило облик маклашеевской узды влияние культур (или какой-то одной культуры) юга Восточной Европы. Скорее всего, этому способствовало то, что некоторые группы маклашеевцев попадали в степь. Сейчас еще не ясно из-за малого количества данных, какие масштабы приняло проникновение носителей маклашеевской культуры в степь: было ли это миграцией или носило характер краткосрочных поездок.

Ключевые слова: псалии, узда, маклашеевская культура, белозерское время, лесостепь, степь.

Среди компонентов, участвовавших в формировании ананьинского мира, заметное место принадлежит маклашеевской культуре эпохи финальной бронзы. Данная культура «выкристаллизовалась» из приказанской, которую в свое время выделил А.Х. Халиков (1953, с. 40, 42). Исследователь разработал периодизацию приказанской культуры, включающую 4 этапа. Последний из них был назван маклашеевским (Халиков, 1967, с. 11-23; 1968; 1980, с. 5, 51-53; 1987, с. 140-146; др. работы). Начиная со второй половины 1990-х гг. маклашеевские памятники стали рассматриваться в качестве самостоятельной археологической культуры¹ (см., например: Марков, 1996, с. 10-12; Обыденнов, 1998, с. 43-72; Кузьминых, 2001, с. 19-20; Отрощенко, 2001, с. 188; Казаков, 2002, с. 84; Чижевский, 2002, с. 5-7; Буйнов, 2004, с. 150; Бочкарев, 2008, с. 248; Газимзянов, Хохлов, 2012, с. 204; и др.).

Одной из категорий артефактов маклашеевской культуры являются стержневидные трехдырчатые псалии. Встречаются они в основном в погребальных комплексах. Нам в настоящее время известно 6 маклашеевских захоронений, где присутствовали подобные изделия (см. Приложение²). Вероятно, упомя-

нутым псалиям из погребений синхронен псалий с поселения Мурадымово-1, Башкортостан, РФ, найденный вместе с «гибридной (курмантаусско-гамаюнской керамикой)» (Коренюк и др., 2014, с. 127, рис. 4: 11)³.

Введенные в научный оборот псалии маклашеевской культуры фигурируют во многих работах, особенно – последних лет. Авторы этих работ обращались к интересующим нас предметам при выяснении датировки маклашеевских памятников и разработке хронологических схем (Халиков, 1967, рис. 1: 163; 1980, с. 50, табл. 60, 163; Халикова, 1967, с. 124; Лесков, 1971, с. 86, рис. 14: 14; Коренюк, 2000, рис. 1: 18; Чижевский, 2001, с. 32; Бочкарев, 2008, с. 248), в типологических построениях (Вальчак, 2009, с. 55; Панковский, 2012а, с. 158-160; 2012б, с. 9, 10) и сопоставлениях (Халиков, 1967, с. 23; 1968, с. 39, 40; Халикова, 1967, с. 124; Ромашко, 1985, с. 94; Отрощенко, 2001, с. 188; Чижевский, 2001, с. 32; Потапов, 2013а, с. 219; Махортых, 2014, с. 456; Подобед и др., 2014, с. 92, 94), при прослеживании культурных связей между племенами Волго-Камья, с одной стороны, и населения степей, с другой (Халиков, 1967, с. 23; 1968, с. 39, 40), при реконструкции миграции носителей маклашеевской культуры в степную зону (Потапов, 2013а, с. 219), рассма-

¹ Еще ранее – в работах 1977 и 1983 гг. – С.В. Кузьминых выдвинул гипотезу о существовании в предананьинское время маклашеевской культурно-исторической общности (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 30).

² Из этих комплексов три, к сожалению, опубликованы неполно.

³ С.В. Кузьминых полагает, что т.н. «курмантаусские» памятники следует рассматривать в рамках маклашеевских древностей (2001, с. 19). Аналогичны взгляды и некоторых других авторов (Чижевский, 2008, с. 12).

тривали данные артефакты как доказательство существования у маклашеевского населения верховой езды (Халиков, 1980, с. 51; Казаков, 2001, с. 66) и «всадничества» (Махортых, 2014, с. 455, 456). Между тем, имеется аспект изучения псалиев маклашеевской культуры, который еще не привлекал внимания. Суть его в следующем. В степи и лесостепи Восточной Европы использование оснащенной псалиями узды прослеживается с рубежа средней и поздней бронзы, когда распространились щитковые псалии (см., например: Усачук, 2013, с. 50-104). Типологически более поздние желобчатые псалии также очень хорошо представлены на упомянутой территории (см., например: Бочкарев, Кузнецов, 2010). Не столь многочисленны, но довольно репрезентативны псалии более поздних типов, бытовавшие в срубной и синхронных ей культурах в добелозерское время⁴ (см., например: Смирнова, 1970, рис. 35; Горбунов, Обыденнов, 1975, рис. 1: 1, 2; Шаповалов, 1976, рис. 4: 2-4; Екимов, Пряхин, 1979, рис. 3: 4; Шарафутдинова, 1982, рис. 55: 1-5; Березанская, 1990, рис. 10: 1; Sava, 1998, abb. 6: 1-5; Мельников, 2002, рис. 5: 4; Крушельницька, 2006, с. 32, 122, 124, рис. 49, 23-26; Бандрівський, 2016; о европейских образцах см.: Hüttel, 1981; Vroffka, 1999). Ситуация в культурах Зауралья и Центральной Азии аналогична. Эти культуры демонстрируют непрерывное бытование псалиев разных типов от рубежа средней и поздней бронзы до финала бронзового века (см., например: Кузьмина, 1994, рис. 39). А вот материалы Волго-Камья показывают принципиально иную картину. Здесь псалии, которые по времени предшествовали бы маклашеевским, насколько нам известно, до сих пор не выявлены, т.е. конская узда появилась у маклашеевцев буквально на пустом месте. Отсюда правомерен вывод, что ее распространение в данной культуре явилось в значительной мере следствием инокультурных влияний. Но кто в таком случае мог выступить в качестве «доноров»? Высказать

⁴ Термин «добелозерское время» и встречающиеся ниже термины «белозерское время», «раннебелозерское время», «позднебелозерское время», производные от названия белозерской культуры, не очень корректны, ибо в большинстве случаев используются применительно к артефактам и комплексам, выявленным вне ареала этой культуры (последний на востоке ограничивался р. Молочная (Отрощенко, Шевченко, 1987, с. 139, 140; Отрощенко, 2012, с. 246)), однако довольно удобны, т.к. позволяют кратко и понятно очерчивать хронологические интервалы.

свои соображения по этому вопросу мы и намерены в предлагаемой статье.

Псалии, маклашеевской культуры, как отмечают авторы подавляющего большинства публикаций, где эти артефакты фигурируют, изготовлены из «кости». К подобным утверждениям следует относиться осторожно, поскольку исследователи зачастую используют термин «кость» в широком смысле – и применительно к собственно костяным изделиям, и для обозначения предметов из рога, особенно когда нет определения сырья, сделанного специалистом. Лишь о двух артефактах имеется более конкретная информация: псалий из п. 6 могильника Маклашеевка II вырезан из рога лося (Збруева, 1952, с. 29), а псалий из Измерей VII, п. 14 – из рога (вид животного не уточнен) (Казаков, 1994, с. 109). Основная часть псалиев из маклашеевских погребений (рис. 1, 1, 2, 7-10; рис. 2, 1, 2) в морфологическом плане относительно однообразна. Длина изделий, дошедших до нас целыми – 12,5-13,5 см. Их корпус, за исключением артефакта из Девичьего Городка IV, п. 9 (рис. 1, б), демонстрирует наличие осевого прогиба. Сечение корпуса в средней части (в тех случаях, когда это можно выяснить из публикаций) имеет форму слегка вытянутого овала (соотношение длины овала к ширине – около 100:75). При этом псалий, как правило, расширен в средней части. На концах изделий – сильнее или слабее выраженные «шляпки». Форма последних довольно разнообразна, причем порой это имеет место даже на псалиях из одного комплекса (рис. 1, 9, 10). Отсюда, на наш взгляд, следует, что опираться на форму «шляпок» в типологических построениях едва ли уместно. На псалиях имеются три поперечные отверстия, выполненные на изогнутой плоскости: одно овальное в средней части и два круглых или слегка подовальных на концах. Однообразие морфологии рассматриваемых предметов подтверждает гипотезу, предполагающую, что их появление в маклашеевской культуре не является результатом местных поисков методом «проб и ошибок». Очевидно, тип псалиев был принесен извне в уже сложившемся виде.

От прочих рассматриваемых изделий отличаются псалии из Девичьего Городка IV, п. 16. Здесь расположенные на концах корпуса отверстия пересекаются перпендикулярными отверстиями несколько меньшего диаметра (рис. 1, 1, 2). Этот нюанс мы считаем весьма важным, т.к., вероятно, он предопределен конструктивными особенностями узды.

В своем большинстве маклашеевские псалии из захоронений не орнаментированы. Лишь на одном из них (Мурзиха II, п. 173) выполнен декор (рис. 1, 9). На фронтальной поверхности артефакта и на его концах можно видеть циркульный орнамент, а на боковых сторонах – продольные линии «со свисающей с них бахромкой» (Чижевский, 2001, с. 32). Орнаментирован и псалий с поселения Мурадымово-1 (рис. 2, 3), но здесь композиция совершенно иная – продольные и поперечные ряды треугольных углублений, которые дополнены продольными линиями. Добавим, что данное изделие по морфологии сильно отличается от псалиев из погребений. В частности, оно несколько короче (длина – 11,8 см), его поперечное сечение имеет форму более вытянутого овала (отношение длины к ширине – около 100:66), отверстия направлены в сторону условной хорды, соединяющей концы корпуса, отсутствуют «шляпки».

Поиском аналогий маклашеевским псалиям исследователи занимаются уже давно. В свое время А.Х. Халиков (1967, с. 23) сравнил их с псалиями «субботовского⁵ типа». Сходными были и взгляды Е.А. Халиковой (1967, с. 124). А.А. Чижевский сопоставил рассматриваемые артефакты с псалиями «субботовско-усатовского типа», особенно подчеркнув их близость к псалиям из Суботова, Усатово, Подгорного, 5/1, Майртупа 2, п. 1 и Зандака, п. 15. При этом автор отметил, что орнамент псалия из Мурзихи II, п. 173 находит аналогии в орнаментации одного из псалиев Субботовского городища (Чижевский, 2001, с. 32). С.Б. Вальчак в своей типологии включил псалий из Измерей VII, п. 14 в тип Бамут, вариант Бамут-Дагбаш (Вальчак, 2009, с. 55⁶). Псалии из Мурзихи II, п. 173 были им

⁵ Стоит уточнить, что написание «субботовский» не верно. На самом деле, правильное название эпонимного населенного пункта – «Суботов» (с одной «б») от р. Суботь (см.: Гершкович, 2007, с. 59; 2016, с. 11).

⁶ На данной странице погребению ошибочно присвоен № 15. В табл. 1 из Приложения 2, а также в подписи к рис. 42 из монографии С.Б. Вальчака псалий из рассматриваемого комплекса тоже фигурирует как находившийся в п. 15. Это – ошибка, но она проистекает из того, что в публикации Е.П. Казакова (1994) – в подписи к рис. 8 – псалий отнесен к п. 15. В таблице 1 из данной статьи, где приведена информация о погребальном обряде захоронений могильника, указано, что псалий был в п. 14. То, что следует верить именно таблице 1, видно из рис. 4. Здесь приведен план п. 14, и на нем (между бедренными костями) обозначен интересующий нас артефакт. Погребение 15 фигурирует и в других работах (Панковський, 2012а,

отнесены к типу Усатово, варианту Фонтаны (Там же, с. 57), а псалии из Маклашеевки II, п. 6⁷, Полянок II, п. 12 и Девичьего Городка IV, п. 9 – к типу Усатово, варианту Белоградка (Там же, с. 57, 58).

Поскольку в настоящее время известны уже десятки стержневидных трехдырчатых псалиев конца бронзового века, выявленных на огромном пространстве от Центральной Европы до Центральной Азии и Сибири, закономерным является стремление исследователей предложить для данных артефактов новые типологические схемы. При этом авторы типологий порой находят в своих схемах место и для маклашеевских псалиев. В частности, схема В.Б. Панковского включает тип Мурзихинский, вариант Полянский, тип Маклашеевский и форму Кайбелы, которые автор связывает с маклашеевской культурой (Панковський, 2012а, с. 159). При этом автор отмечает, что в маклашеевской культуре «видны связи с типом Фонтаны» (Панковський, 2012б, с. 9). Нами была предложена типология псалиев Зауралья, Центральной Азии и Сибири. В соответствии с ней псалий из Девичьего Городка IV, п. 9 может быть отнесен к типу П-А-2 (Подобед и др., 2014, с. 92), а псалии из Девичьего Городка IV, п. 16 – к типу П-Б-1 (Там же, с. 94).

Итак, исследователи находят аналогии псалиям маклашеевской культуры прежде всего на юге Восточной Европы и, в меньшей степени, на Северном Кавказе. Поиск истоков маклашеевской конской узды именно в этих регионах представляется нам наиболее перспективным. В частности, заострим внимание на том, что в комплексе из Девичьего Городка IV, п. 16 два псалия размещались компактно с двумя костяными кольцами диаметром около 4 см (рис. 1, 3, 4). В захоронении присутствовал также удлиненный костяной предмет с поперечным отверстием (рис. 1, 5). Корреляция псалиев с кольцом, подобным упомянутому, имела место и в погребении из Подгорного, 5/2, Волгоградская обл., РФ. Здесь в юго-восточном углу могильной ямы компактно располагались 4 роговых псалия, упомянутое кольцо, костяная подтреугольная подвеска и подвеска из клыка кабана (Вальчак и др., 1996, с. 30; Мамонтов, 1999, с. 52, 53) (рис. 2, 4-10). Добавим, что при раскопках могильника Зандак (Дагбаш) в Дагестане, где исследованы захоронения со

⁷ На с. 58 монографии С.Б. Вальчака данное погребение ошибочно фигурирует под № 9.

стержневидными трехдырчатыми псалиями (Крупнов, 1960, табл. XIII, 2; Марковин, 1969, с. 93; 2002, с. 28, 42; Козенкова, 1982, табл. XX, 8; Вальчак, 2009, рис. 42: 2, 9-13), обнаружены кольца, тождественные рассматриваемым (Марковин, 2002, рис. 2: 9; 28: 5; Вальчак, 2009, рис. 42: 3, 11). Наконец, подобное кольцо выявлено и в захоронении из Хапров, 1/20 в Ростовской обл. (Потапов, 2013а, рис. 4: 6). Этот комплекс одно время причислялся к кобяковской культуре (Потапов, 1993, с. 218-220; Отрощенко, 2001, с. 187), а теперь атрибутирован В.В. Потаповым как маклашевский (Потапов, 2002, с. 216; 2013а, с. 225, 226). Если рассматриваемые кольца, действительно, являются компонентами конской узды, уместно предположить, что в захоронении из Хапров кольцо могло замещать узду по принципу *pars pro toto*.

В степи находит аналогии и еще один артефакт из Девичьего Городка IV, п. 16. Это – костяной предмет с поперечным отверстием (рис. 1, 5). Тождественное по параметрам и морфологии изделие из кости было выявлено в п. 27 могильника Салок I в Ростовская обл. (Алейников, 2008, с. 29, рис. 14: 12) (рис. 3, 2). Последний комплекс мы относим к выделяемым нами захоронениям финальной срубной культуры, датируемым белозерским временем (см.: Подобед и др., 2012)⁸. К упомянутым артефактам из Девичьего Городка IV и Салока I довольно близка по размерам и морфологии т.н. «застежка от сбруи», обнаруженная на Кировском поселении в Крыму (Лесков, 1970, с. 36, рис. 30: 2; Otročenko, 1998, s. 358: abb. 6: 10). Правда, в корпусе «застежки» выполнено отверстие, перпендикулярное центральному, чего два первых изделия не демонстрируют. К сожалению, А.М. Лесков не уточняет, в каком контексте обнаружена кировская «застежка». А поскольку данное поселение существовало и в сабашиновское, и в белозерское время, интересующий нас артефакт ничего не дает для уточнения даты комплексов из Девичьего Городка IV, п. 16 и Салока I, п. 27 (ср. Отрощенко, 1986, с. 142). Можно предполагать лишь то, что все три предмета являлись деталями конской упряжи.

Возвращаясь к погребению из Подгорного, 5/2, напомним, что В.В. Отрощенко (2001, с. 187) датировал данный комплекс белозерским временем. С.Б. Вальчак (2009, с. 58) включил присутствовавшие в захоронении псалии

⁸ По мнению В.В. Потапова (2013б), подобные захоронения следует относить к выделенной им отрадненской культуре.

в тип Усатово (вариант Фонтаны), бытование которого отнес к концу II тыс. – IX в. до н.э. На наш взгляд, датировка псалиев типа Усатово и, соответственно, маклашевских комплексов, где обнаружены аналогичные псалии, может быть несколько уточнена. В захоронении из Подгорного, 5/2 рассматриваемые детали конской упряжи коррелировались с довольно редкой для погребальной обрядности культур финала бронзы юга Восточной Европы обрядовой чертой – положением покойника вытянуто на спине при его ориентировке головой на восток. Такие же положение и ориентировку умершего демонстрировало погребение белозерской культуры из Лукьяновки, Херсонская обл., Украина (Отрощенко, 2001, с. 186, 187). В состав погребального инвентаря последнего комплекса входила бронзовая фибула. Согласно разработкам М.Т. Кашубы, это изделие тождественно фибулам северо-восточной Италии типа VBF II.3.A, что позволяет датировать захоронение из Лукьяновки периодом NaA2 европейской хронологической схемы или XI в. до н.э. (Кашуба, 2007, с. 86; 2011, с. 65, 66; Kašuba, 2008, s. 195, 214). Таким образом, учитывая принятое большинством исследователей дату белозерской культуры – XII-X вв. до н.э. (Отрощенко, 1986, с. 148-150; 2001, с. 178; Ванчугов, 1990, с. 122)⁹, правомерно допускать, что псалии, выделяемые С.Б. Вальчаком в тип Усатово (вариант Фонтаны), получили распространение не с самого начала белозерского периода.

Можно ли привести аргументы в пользу выдвинутого предположения? Материалы поселения Фонтаны (Крым), давшего название варианту Фонтаны, к сожалению, опубликованы лишь выборочно (Колотухин, 1982, с. 105-108; 2003, рис. 58: 2, 4, 7, 10; 59: 6, 7, 13, 14, 17, 18, 20; 60: 9, 14, 19, 26; 61: 8-10; 65: 3, 20, 21). Они позволяют согласиться с автором публикации в том, что поселение датируется белозерским временем (Колотухин, 2003, с. 56), но не дают возможности сузить дату найденного на нем псалия. Более конкретна ситуация с псалиями из землянки 6¹⁰ Суботовского городища, Черкасская обл., Украина,

⁹ В последние годы предлагались и другие даты. Например, С.М. Агульников (2005) считает правомерным датировать белозерские памятники концом XIII – первой половиной X вв. до н.э.

¹⁰ «Землянка 6» – по А.И. Тереножкину (1961, с. 98). Говоря о типах жилищ Суботовского городища, Я.П. Гершкович отнес «землянку 6» к полуземлянкам (2016, с. 57). Далее мы используем нейтральный термин – «жилище».

с которыми, как отмечалось выше, исследователи традиционно сопоставляют псалии маклашевской культуры. Напомним, что псалии лежали вместе – на дне котлована, в юго-восточном углу постройки (Граков, Тереножкин, 1958, с. 169; Тереножкин, 1961, с. 36, рис. 23, 27, с. 37), т.е. перед нами – целостный комплекс (Подобед и др., 2010, с. 23)¹¹. При этом один артефакт, вырезанный из кости, орнаментирован. Второй псалий выполнен из рога и лишен декора (Тереножкин, 1961, с. 98, 99)¹². Следует, правда, отметить, что суботовские псалии морфологически несколько отличаются от псалиев Волго-Камья, с одной стороны, и псалия из Фонтан, с другой: отверстия, выполненные в их корпусе, имеют подпрямоугольную форму. Тем не менее, отталкиваясь от факта присутствия на одном из псалиев жилища 6 циркульного орнамента (Гершкович, 2016, с. 125), правомерно, как мы полагаем, синхронизировать суботовский комплекс и с п. 173 из Мурзихи II, и с фонтанским псалием. Любопытен в данной связи следующий нюанс, на котором заострил внимание С.В. Махортых. И в погребении из Мурзихи II, и в жилище 6 из Суботова было выявлено по 2 компактно размещавшихся псалия, из которых один был орнаментирован, а другой – нет (Махортых, 2014, с. 456). Очевидно, в обоих случаях мы имеем дело с тождественными «текстами», семантика которых была очень близка.

Что касается датировки рассматриваемых псалиев из Суботова, то А.И. Тереножкин (1976, с. 157) в свое время отнес их к позднебелозерскому периоду. Спустя много лет эта гипотеза нашла подтверждение благодаря разработкам Я.П. Гершковича. Как показал исследователь, жилище 6 принадлежит к горизонту Суботов II, который датируется XI – началом X вв. до н.э. (Гершкович, 2005, с. 24). Позже Я.П. Гершкович уточнил дату

¹¹ У А.И. Тереножкина псалии «лежали плотно вместе и, очевидно, происходят от узды с мягкими удилами» (1961, с. 98). Я.П. Гершкович предположил, что «здесь на полу оказалась уздечка, которая первоначально была повешена на столбе (псалии найдены возле столба, одного из основ каркаса)» (2016, с. 146).

¹² С определением сырья псалиев существует разногласия. Я.П. Гершкович пишет, что из лосиного рога изготовлен как раз орнаментированный псалий (2016, с. 125). Скорее всего, так оно есть. Рискнем предположить, что оба псалия из жилища 6 вырезаны из рога Cervidae, как из более предпочтительного сырья для изготовления псалиев, в том числе и стержневидных (ср. Усачук, 2013, с. 105).

горизонта Суботов II: конец XI – X вв. до н.э. (2016, с. 179).

Еще один псалий с циркульным орнаментом, морфологически (но не по орнаментальной композиции) довольно близкий декорированному псалию из Мурзихи II, происходит с поселения Тринка, Молдова, относящегося к культуре Кишинэу-Корлэтеи (Levițki, 1994, p. 115, 116, fig. 61: 1) (рис. 3, 5). Данное поселение датируется X в. до н.э. (Ibid, p. 144).

Время использования стержневидных трехдырчатых псалиев с циркульным орнаментом позволяют уточнить и материалы погребения 8 (28) из могильника Майртуп 2 в Чечне (Дударев, 1991, с. 19-29, табл. 2-4; 1999, с. 278, рис. 50: 8, 9; Vinogradov, Dudarev, 2000, s. 394, abb. 23, 24). Здесь выявлены два таких псалия (рис. 3, 3, 4). С.Л. Дударев датировал комплекс «примерно X в. до н.э.» на основании особенностей выявленной в захоронении керамики и по присутствию в нем раннекобанского браслета (Дударев, 1991, с. 20)¹³. Показательно, что в майртупском захоронении были обнаружены два кольца от узды (Дударев, 1991, табл. 4, 4, 6; Vinogradov, Dudarev, 2000, abb. 23: 4, 5), располагавшиеся близ псалиев (Дударев, 1991, табл. 2; Vinogradov, Dudarev, 2000, abb. 23: 1). И хотя сырьем для изготовления этих колец послужила не кость, как в комплексах из Девичьего Городка IV, п. 16 и Подгорного, 5/1, а бронза, само их вхождение в состав уздечного набора позволяет допускать конструктивную близость узды, положенной в два последних захоронения, с уздой из Майртупа, п. 8 (28). Соответственно, правомерной является гипотеза если не о синхронности всех трех комплексов, то, во всяком случае, о принадлежности их к относительно узкому хронологическому интервалу.

Стоит отметить, что в могильнике Майртуп – в п. 7 было выявлено изделие из клыка кабана (Дударев, 1986, рис. 1: в, з; Vinogradov, Dudarev, 2000, abb. 4: 2), почти идентичное «луннице» из Подгорного, 5/1 (рис. 2, 10). Различие – лишь в том, что на майртупском артефакте выполнены 3 поперечных отверстия, а на подгорненском – 2. Упомянутый комплекс из Майртупа относится к той же хронологической группе захоронений могильника, что и п. 8 (28) (Дударев, 1986, с. 27; Vinogradov, Dudarev, 2000, s. 398), т.е. датируется, скорее всего, также X в. до н.э. Таким образом, п. 7 из Майртупа позволяет наме-

¹³ В монографии, предлагая типологию псалиев, С.Л. Дударев (1999, с. 136) отнес майртупские псалии к «дочерногоровскому времени».

тить время бытования «лунниц» из кабаньих клыков и, соответственно, свидетельствует о высокой хронологической позиции захоронения из Подгорного в рамках белозерского времени.

Заслуживает внимания и заготовка псаля с поселения Старая Игрень, Днепропетровская обл., Украина, найденная рядом с костяным предметом пропеллеровидной формы (Ромашко, 1985, с. 90, 91, 94-96; 2013, с. 206) (рис. 3, б). Хотя изделие и является технологически незавершенным, можно констатировать, что в готовом виде оно демонстрировало бы значительную морфологическую близость к маклашеевским псалям по размещению овального отверстия в центре корпуса и круглых на концах. В.А. Ромашко отнес поселение Старая Игрень к этапу ББ2 выделяемой им богуславско-белозерской культуры (Ромашко, 2013, с. 202). В соответствии с разработками автора, названный этап датируется X в. до н.э. (Там же, с. 210).

Определенное сходство с маклашеевскими псалями имеет фрагментированный псалий, происходящий из слоя бондарихинской культуры поселения Закатное I в Ростовской обл. (Трубников, 2009, рис. 3: 1). От изделия (рис. 4, 1) уцелело менее половины, но его сохранившаяся часть демонстрирует весьма диагностичные черты: а) расширения на конце и переходе в несохранившуюся центральную часть корпуса; б) круглое отверстие на конце. По конфигурации корпуса и отсутствию выраженной «шляпки» рассматриваемый артефакт может быть сопоставлен с псалями из Девичьего Городка IV, п. 16 и Мурзихи II, п. 173 (неорнаментированный экземпляр). Среди керамики, выявленной в бондарихинском слое Закатного I, присутствовал, по меньшей мере, один фрагмент со специфическим пальцевым защипом – т.н. «бантиком» (Трубников, 2009, рис. 7: 8). На наш взгляд, этот прием орнаментации является датирующим. Его демонстрирует, например, керамика из жилища 1 поселения Червоный Шлях, Харьковская обл., Украина (Буйнов, 2003, с. 4). Автор публикации отнес постройку к 1100-1000 гг. до н.э. (Там же, с. 9, 10), т.е., к позднебелозерскому времени. Такую же дату для сосудов с «бантиками» предложила А.В. Корохина (2011, с. 9, 12). Добавим, что орнаментация керамики поселения Закатное I (Трубников, 2009, рис. 5) демонстрирует сходство с декором сосудов поселения Орехово-Донецкое IV, Луганская обл., Украина (Горбов, Усачук, 2001, рис. 8: 13; 12: 1, 3, 8, 12, 13, 19, 20) по

таким признакам, как присутствие в составе онаментальных композиций «лестничек», треугольников, расположенных вершинами вниз и заполненных горизонтальными отрезками, наколов, выполненных вдоль прочерченных линий. Но поселение Орехово-Донецкое IV (Горбов, Усачук, 2001, с. 42, 43) может быть синхронизировано с горизонтом Суботов II, т.е. относится к позднему белозерскому периоду. Учитывая все отмеченное, фрагмент псаля из Закатного I правомерно датировать этим же временем. Естественно, мы отдаем себе отчет в том, что артефакт не происходит из закрытого комплекса. Тем не менее, дата, которая может быть для него предложена, вполне соотносится с датами псалиев, рассматривавшихся выше.

Итак, имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют предполагать, что псалии маклашеевской культуры на основании и морфологических особенностей, и декора, выполненного на одном из них, правомерно синхронизировать с псалями, использовавшимися на юге Восточной Европы в позднее белозерское время. К сожалению, детали конской узды степных культур раннего белозерского времени известны значительно хуже. По мнению В.А. Ромашко, к таковым могут быть отнесены псалии из Ушкалки, Усова Озера, Зливок, Безыменного-II и Глубокого Озера 2 (Ромашко, 2013, с. 198, 199). Артефакт из Усова Озера, Донецкая обл., Украина (рис. 4, 2) является заготовкой. Возможно, завершенное изделие и было бы тождественным псалям маклашеевской культуры, но стоит сказать, что данная заготовка выявлена вне комплекса, а потому ее хронологическую позицию уточнить невозможно¹⁴. Учитывая же факт наличия на Усовом Озере слоя бондарихинской культуры (Березанская, 1990, с. 107; 2001), нельзя исключать того, что рассматриваемый артефакт датируется позднебелозерским временем.

Не вполне ясна и хронологическая позиция псаля из Зливок, Донецкая обл. (рис. 4, 3), найденного вне комплексов – в культурном слое. На наш взгляд, он может относиться и к позднебелозерскому периоду (Подобед и др., 2014, с. 95, 96).

¹⁴ Ю.В. Буйнов, например, отнес этот псалий к «малобудковскому типу» «археологических памятников пострубного времени» (2009, рис. 1). Несколько ранее заготовка псаля из Усова Озера вошла у исследователя в хроноиндикаторы памятников малобудковского типа (Буйнов, 2007, с. 174).

Более надежно концом сабашиновско-го – раннебелозерским временем датируется псалий из Ушкалки В, Херсонская обл., Украина (рис. 4, 4) (Гершкович, 1998, с. 84; Gerškovič 1999, s. 28, 65, 85; Otroščenko, 1998, s. 358, abb. 6: 6; Pankovskiy, 2016, p. 226, 229, 239, 240; Ромашко, 2013, с. 198, 199).

Еще более конкретна хронологическая позиция псалия из Безыменного-II, Донецкая обл. (рис. 4, 5)¹⁵. Он принадлежит к горизонту Va схемы, разработанной В.Н. Горбовым по материалам поселений срубной культуры Северо-Восточного Приазовья (Горбов, 1995, с. 59). Данный горизонт датируется ранним белозерским временем (Горбов, 1995, с. 58-62; Ромашко, 2013, с. 199).

Фрагментированный псалий из Глубокого Озера 2, Донецкая обл. (рис. 4, 6) выявлен в верхних горизонтах поселения, которые могут быть синхронизированы с горизонтом Va схемы В.Н. Горбова (Гершкович, 1998, с. 75; Буйнов, 2009, с. 10; Ромашко, 2013, с. 199).

Сравнение раннебелозерских псалиев из Ушкалки В, Безыменного-II и Глубокого Озера 2, с одной стороны, и маклашеевских псалиев, с другой, показывает, что первые не слишком близки ко вторым в морфологическом плане. Так, у изделия из Ушкалки В отверстия размещены в разных плоскостях, что для псалиев маклашеевской культуры не характерно. У псалия из Безыменного-II корпус имеет на всем протяжении практически одну и ту же ширину и уплощенные торцы, где нет и намек на «шляпки». По двум этим морфологическим признакам он принципиально отличается от маклашеевских псалиев¹⁶.

¹⁵ Найден в 1992 г. Раскоп IV-A, кв. 3-К, глуб. -0,65 м, № 210 (по полевой описи) (ср. Панковський, 2012а, с. 306).

¹⁶ Кроме того, безыменский псалий отличается и сырьем: он изготовлен из фрагмента первого ребра крупного рогатого скота. Обратим внимание на разную величину круглых отверстий, тяготеющих к торцам псалия. Нижнее отверстие диаметром 0,5-0,6 см, изготовлено при помощи конического сверла. Верхнее (сохранилось фрагментарно) – имеет диаметр не более 0,25 см. Сверление крайних отверстий производилось с разных сторон изделия. Расстояние их от центрального овального отверстия различно. Трудно сказать однозначно, но возможно перед нами псалий со следами ремонта, когда в верхней части изделия из-за сломанного отверстия удалили очень небольшую часть корпуса (следы пиления и слома сохранились на верхнем торце) и ниже образовавшегося торца попытались просверлить новое маленькое отверстие. То, что это отверстие было оставлено очень маленьким свидетельствует, скорее всего, о том, что во время

Псалий из Глубокого Озера 2 слишком фрагментирован, чтобы можно было представить его форму. Но, во всяком случае, видно, что в корпусе изделия на расстоянии около 1,2 см от центрального овального отверстия было сделано круглое отверстие. Ничего подобного на маклашеевских псалиях мы не найдем.

Заострим внимание на том, что в морфологическом плане псалии раннебелозерского времени показывают ярко выраженное многообразие. В позднебелозерский период картина иная: рассматриваемые изделия в значительной степени унифицированы. И еще один момент является важным. Псалии юга Восточной Европы раннебелозерского времени демонстрируют, по меньшей мере, 5 конструктивных деталей, которые в дальнейшем стали характерными для многих псалиев позднебелозерского периода:

а) в центре корпуса находится овальное отверстие (Ушкалка В, Безыменное-II, Глубокое Озеро 2);

б) на концах корпуса выполнены круглые отверстия (Ушкалка В, Безыменное-II);

в) корпус изогнут по оси (Безыменное-II, Глубокое Озеро 2);

г) все отверстия расположены в одной плоскости (Безыменное-II, Глубокое Озеро 2);

д) отверстия не направлены в сторону условной хорды, соединяющей концы изогнутого корпуса (Безыменное-II, Глубокое Озеро 2).

Таким образом, едва ли можно оспорить то, что раннебелозерские псалии юга Восточной Европы являются прототипами и для позднебелозерских псалиев данной территории, и для псалиев маклашеевской культуры. В то же время, псалиев, которые были бы сходны с рассмотренными раннебелозерскими, в Волго-Камье до сих пор не выявлено. Отсюда вытекает, что в ареал маклашеевской культуры тип позднебелозерских псалиев попал уже сложившимся.

Нелишне вкратце сказать о псалиях финала бронзового века, выявленных на Северном Кавказе (Козенкова, 2013, с. 120, 121, рис. 63). По общей схеме они близки к маклашеевским: на большинстве северокавказских артефактов отверстия расположены в одной плоскости и при этом центральное является овальным, а периферийные – круглыми или имеют форму слабо выраженного овала. Таковы, в частности, отнесенные С.Б. Вальча-

сверления корпус изделия треснул вдоль уже по линии нового отверстия и псалий окончательно вышел из строя.

ком к типу Бамут псалии из Бамута, Зандака, Майртупа 2 и Ачису (Вальчак, 2009, рис. 42: 1, 2, 4¹⁷, 6-9). Но лишь майртупские псалии (рис. 3, 3, 4) имеют «шляпки», столь характерные для большей части псалиев маклашеевской культуры¹⁸. У прочих же северокавказских артефактов данного типа корпус равномерно сужается от одного конца изделия к другому либо от средней части к концам. В Волго-Камье псалии с подобными формами корпуса отсутствуют. Псалий с поселения Змейское дошел до нас очень фрагментированным (Крупнов, 1960, табл. XIII, 1; Деопик, Крупнов, 1961, с. 30; рис. 9: 10; Вальчак, 2009, рис. 43: 5), однако видно, что здесь отверстия располагались в разных плоскостях, и это тем более отдаляет его от маклашеевских. В целом пока отсутствуют серьезные основания допускать роль северокавказского импульса в становлении конской узды маклашеевской культуры.

А вот влияние на конскую узду Волго-Камья с востока – из Зауралья и Сибири вполне вероятно. Предполагать факт заимствования маклашеевцами некоторых конструктивных особенностей конской узды у носителей азиатских культур позволяет одна деталь псалиев из Девичьего Городка IV, п. 16 – наличие дополнительных отверстий, просверленных перпендикулярно основным на концах корпуса (рис. 1, 1, 2). Эта деталь совершенно не присуща псалиям белозерского времени восточноевропейской степи и Северного Кавказа, но нередко встречается в саргаринско-алексеевской, ирменской и лугавской культурах на псалиях, выделенных нами в типы I-Б-1, II-Б-1 и II-Б-2 (Подобед и др., 2014, рис. 2: 5; 6: 1-5). Отсюда ее появление у маклашеевцев вследствие восточного влияния представляется нам достаточно очевидным. Тем более, что антропологические материалы фиксируют проникновение в Волго-Камье в конце бронзового века мигрантов с востока, в т.ч. носителей ирменской культуры из Верхнего Приобья (Газимзянов, Хохлов, 2012, с. 215).

Несмотря на отмеченный выше нюанс, следует признать, что более всего предподре-

¹⁷ Псалий фрагментирован, но его соответствие описанной схеме весьма вероятно.

¹⁸ Строго говоря, майртупские изделия столь специфичны на фоне прочих, что включение их в тип Бамут представляется нам значительной натяжкой, равно как и отнесение к этому типу псалия из Измерей VII, п. 14, где «шляпки», пусть и менее выраженные, также имеются.

делило облик маклашеевской узды влияние культур (или какой-то одной культуры) юга Восточной Европы. «Медиаторами», способствовавшими заимствованию волго-камским населением южных псалиев, могли быть маклашеевцы, попадавшие в степь. В пользу того, что они туда продвигались, аргументы приводятся уже давно (Дремов, Семенова, 1998, с. 102; Отрощенко, 2001, с. 187, 188). Наиболее полно гипотеза о проникновении населения Волго-Камья в глубь степи была сформулирована В.В. Потаповым (2013а, с. 219-226). Проанализировав ряд погребальных комплексов финала бронзового века с территории Нижнего Поволжья и дельты Дона, исследователь сделал вывод, что «маклашеевцы, переселяясь в степь, на Дон или в Поволжье, небольшими группами, сразу же интегрировались в местную культурную среду, сохраняя при этом свое культурное и этническое своеобразие» (Потапов, 2013а, с. 226).

Сейчас еще не ясно, какие масштабы приняло проникновение носителей маклашеевской культуры в степь, и было ли это миграцией или носило характер краткосрочных поездок – слишком мало комплексов, которые позволяют допускать факт данного проникновения. Хотелось бы, однако, призвать исследователей, пытающихся проследить маклашеевское присутствие в лесостепной и, особенно, степной зонах, быть критичными по отношению к опубликованной информации, особенно – терминологии, используемой в некоторых работах. Так, В.В. Потапов пишет о том, что маклашеевцы «уверенно» осваивали лесостепь (Потапов, 2013а, с. 224). Автор, в частности, ссылается на поселения бассейна р. Сок в Самарской обл. (Потапов, 2013а, с. 224). Действительно, эти памятники расположены примерно на 150 км южнее, чем скопление маклашеевских поселений в устье Камы, по которому в 1980-е гг. очерчивалась южная граница памятников маклашеевского этапа приказанской культуры (ср.: Колев, 2000, рис. 31; Халиков, 1987, рис. 32). Принадлежность керамики, обнаруженной на поселениях р. Сок (Колев, 2000, рис. 32) к маклашеевской культуре едва ли может быть оспорена. А вот с «керамикой маклашеевского облика» из бассейна р. Хопер (Потапов, 2013а, с. 224) ситуация уже сложнее. А.А. Хреков (2003, рис. 9-13) выделил на нескольких поселениях этой территории керамику «марьяновско-маклашеевского типа». На наш взгляд, термин, предложенный исследователем для обозначения данной керамики, не

вполне корректен. Точнее сказать, маклашеевские черты в керамической серии, публикуемой исследователем, трудноуловимы. Сосуды маклашеевской культуры имеют, как правило, шаровидную форму, в тесте присутствует обильная примесь толченой раковины, орнамент покрывает обычно лишь шейку сосуда. Наносился он в большинстве случаев гладким и мелкозубчатым штампом, реже – шнуром и уголковыми вдавлениями штампа. Основные орнаментальные элементы – двойной и тройной зигзаг, косая решетка, зигзаг с «бахромой». Часто встречаются глубокие ямочные вдавления, иногда образующие «жемчужины» с внутренней стороны (Колев, 2000, с. 258). Перечисленных признаков в их полном наборе рассматриваемая керамика бассейна Хопра не демонстрирует. В частности, на многих сосудах орнамент расположен по всему тулову, а это – не маклашеевская черта. «Воротнички» сосудов орнаментированы почти исключительно наклонными оттисками зубчатого штампа, тогда как на «воротничках» маклашеевской керамики декор значительно более разнообразен (см., например: Халиков, 1980, табл. 59; Чижевский, 2008, рис. 5: 1-3, 6, 8).

А.А. Хреков, сравнивая публикуемую им керамику с маклашеевской, обращает внимание на «шаровидные формы сосудов с подцилиндрическим горлом» и некоторые орнаментальные мотивы, но при этом заостряет внимание и на значительной близости керамики «марьяновско-маклашеевского типа» к атабаевской (Хреков, 2003, с. 112). Таким образом, материалы поселений бассейна Хопра вряд ли могут быть надежным свидетельством в пользу продвижения сюда маклашеевцев.

И уж тем более едва ли стоит опираться на утверждение В.Н. Горбова, согласно которому «в материалах недавних раскопок на Северском Донце выявляются свидетельства контактов с приказанской культурой маклашеевского этапа» (Горбов, 1996, с. 20, 21)¹⁹, поскольку автор процитированной фразы не подкрепил свое заявление ни соответствующими рисунками, ни даже упоминанием названий памятников, где эти «свидетельства» якобы были зафиксированы. Заметим, что и спустя два десятилетия конкретная информация о данных «свидетельствах» все так же отсутствует.

Следует отметить, что реконструируется и еще одно направление маклашеевской миграции. Согласно гипотезе Ю.В. Буйнова,

маклашеевская культура явилась одним из компонентов сложения памятников студенокского типа (Буйнов, 2004, с. 150, 151). Детальное рассмотрение аргументов, которые автор привел в защиту своей гипотезы, не входит в задачи нашей работы. Стоит, однако, обратить внимание на любопытный нюанс, иллюстрирующий особенности психологии научного творчества. Керамика эпонимного поселения Студенок, Харьковская обл. весьма близка керамике «марьяновско-маклашеевского типа», выделяемой А.А. Хрековым на Хопре, что в свое время отметил этот исследователь (Хреков, 2003, с. 110). Студенокская посуда демонстрирует все ту же круглодонность, наличие «воротничков», как правило, декорированных косыми или пересекающимися оттисками зубчатого штампа, орнамент из ямок и оттисков зубчатого штампа, покрывающий всю поверхность сосудов (см., например: Буйнов, 2004, рис. 4: 1, 2, 4, 5). Вероятно, именно наличие в керамике студенокского типа перечисленных черт и побудило Ю.В. Буйнова искать на Северском Донце «пришлый поволжский этнический элемент» (Там же, с. 150, 151). Подходы Ю.В. Буйнова и А.А. Хрекова оказались конвергентными. Первый автор в ходе поиска прототипов для керамических форм и орнаментации студенокской посуды обратился к маклашеевским материалам, второй сделал то же, пытаясь атрибутировать посуду поселений финальной бронзы бассейна Хопра. И это при том, что с маклашеевской культурой оба керамических массива роднит разве что круглодонность посуды и присутствие «воротничков». На наш взгляд, более убедительной является гипотеза А.В. Корохиной, в соответствии с которой происхождение Студенка и «марьяновско-маклашеевского типа» следует связывать не с маклашеевской культурой, а с памятниками аким-сергеевского типа Сурско-Мокшанского бассейна. Генезис последнего культурного образования связан с атабаевскими древностями при влиянии поздняяковской и ивановской культур (Корохина, 2014, с. 144). Таким образом, атабаевское «наследие», присутствующее в керамике Студенка и «марьяновско-маклашеевском типе», с одной стороны, и керамике маклашеевской культуре, с другой, и породило иллюзию миграции маклашеевцев в Днепро-Донскую лесостепь.

Но и с проникновением носителей маклашеевской культуры в степную зону тоже не все так однозначно. В этом плане весьма показательным погребением 17 могиль-

¹⁹ В.В. Потапов обратил внимание на это высказывание, процитировав его (2002, с. 216).

ника Крест в Ростовской обл., которое В.В. Потапов рассматривает в связи с реконструируемым им продвижением маклашеевцев на юг. В захоронении находились весьма репрезентативный набор костяных наконечников стрел (11 экз.) и 2 роговых псаля (Потапов, 2013а, с. 213-219). Проведя большую работу по поиску аналогий названным артефактам, исследователь выяснил, что таковые можно найти в культурах степи и лесостепи Европы и, в меньшей степени, Северного Кавказа, Центральной Азии и Сибири (Там же, с. 216, 218-219). Какие-либо аналогии с наконечниками стрел маклашеевской культуры, таким образом, выявить не удалось. Псаля из Креста В.В. Потапов сравнивает с артефактами из Деревки и Фонтан (Там же, с. 219, рис. 3: 2, 3), но, вместе с тем, ссылаясь на консультацию В.Б. Панковского, считает, что более близкими аналогиями являются псаля маклашеевской культуры из Маклашеевки II, п. 6, Полянок II, п. 12 и Девичьего Городка IV, п. 9 (Там же, с. 219, рис. 3: 4-6). На наш взгляд, поскольку все перечисленные выше псаля имеют одну морфологию и различаются разве что степенью изогнутости корпуса (что могло определяться спецификой сырья) и формой «шляпок» (что могло отражать «почерк» мастера), любая констатация особой близости (или, наоборот, отдаленности) между какими-либо из названных псалиев – субъективна. Словом, детали конской узды из Креста, п. 17 не могут быть свидетельством маклашеевской миграции. Не приближает нас к пониманию культурной принадлежности данного захоронения и южная ориентировка умершего при его положении на спине. По мнению В.В. Потапова, корреляция этих проявлений обряда в пределах одного комплекса является важным критерием выявления в степи захоронений маклашеевских пришельцев (наряду с некоторыми категориями инвентаря) (Там же, с. 223). Автор, впрочем, уточняет, что южная ориентировка в маклашеевской культуре не является доминирующей (Там же, с. 223). Это действительно так. Судя по сведениям, приводимым А.А. Чижевским (2008, с. 16), лишь 9,8% маклашеевских погребений были ориентированы черепами на юг. Ситуация со степными захоронениями, относимыми В.В. Потаповым и некоторыми другими авторами к маклашеевской культуре, принципиально иная. Они все имеют южную ориентировку (некоторые – с незначительными отклонениями к юго-востоку или юго-западу) (Потапов, 2013а, с. 223, рис. 1: 1; 4: I-III; 5: 1,

17). Стоит отметить и то, что маклашеевские захоронения с псалями в тех случаях, когда из публикаций известно, в каком направлении умерший был положен головой, не демонстрируют южной ориентировки ни разу: во всех случаях (по разу) она была северо-западной, западной, юго-западной и восточной (см. Приложение). Таким образом, как это ни прозвучит парадоксально, если бы п. 17 из Креста относилось к маклашеевской культуре, усопший едва ли лежал бы головой на юг, поскольку в данной культуре, насколько нам известно, «текст» «псаля + южная ориентировка покойника» не фиксируется.

Важен и еще один нюанс. «Гуляющая» ориентировка маклашеевских захоронений связана, скорее всего, с тем, что погребенных ориентировали относительно реки (Халикова, 1967, с. 119; Халиков, 1968, с. 37; Чижевский, 2008, с. 16). Ни в одной из степных культур эпохи бронзы подобная практика не была присуща, включая и культурную группу, связываемую В.В. Потаповым с маклашеевской миграцией. Устойчивая южная ориентировка захоронений данной группы противоречит обрядности маклашеевской культуры. Отсюда правомерен вывод, что эта черта погребального обряда, даже если маклашеевское продвижение в южном направлении и имело место, была не принесена гипотетическими северными мигрантами, а заимствована ими у степного населения. Поиск истоков «текста» «вытянутое труположение на спине + южная ориентировка» – отдельная тема, для разработки которой, к тому же, данных пока явно недостаточно. Тем не менее, стоит напомнить об одном загадочном и неполно опубликованном комплексе. Это погребение, раскопанное В.И. Гошкевичем в 1895 г. близ с. Новопетровка в нынешней Николаевской обл. (Украина). Оно являлось основным в кургане высотой 2,35 м. Умерший был погребен в четырехугольной яме (4,3×3,25 м) с деревянными перекрытием и обшивкой стен. По углам ямы прослежены остатки столбов. На дне ее – в средней части – находилась вымостка из тонких известняковых плит. На ней располагался скелет взрослого индивидуума, который был уложен в могилу в вытянутом на спине положении на юг головой. Погребальный инвентарь включал 20 костяных наконечников стрел «с жаловидной головкой и раздвоенным черешком», железный нож, янтарную бусину (или – целое ожерелье из таких бус²⁰), 2 височ-

²⁰ В известных нам работах, где приводится описание погребения из Новопетровки, информация на

ных золотых кольца и золотой проволочный браслет (Тереножкин, 1976, с. 68, 69; Лесков, 1981, с. 70²¹). А.М. Лесков предположил, что комплекс датируется белозерским периодом (Лесков, 1981, с. 70)²². А.И. Тереножкин отнес его к «новочеркасскому» времени²³, поскольку в могиле находился железный нож, а погребенный был вытянут на спине (Тереножкин, 1976, с. 69). В.А. Кореньяко предпочел высказаться более осторожно. По его мнению, захоронение может относиться как к белозерской эпохе, так и ко времени перехода от бронзы к железу (Кореньяко, 1985, с. 59). Сейчас уже хорошо известно, что железные ножи получили распространение еще в белозерское время (Никитенко, 1998, с. 39-41; Кашуба, 2013). Да и вытянутое на спине труположение в данный период, пусть и не часто, но встречается (Отрощенко, 2001, с. 186, 187). Таким образом, оба аргумента А.И. Тереножкина в пользу принадлежности комплекса из Новопетровки к предскифскому времени не являются весомыми. Добавим, что в предскифских захоронениях до сих пор не выявлены янтарные бусы. Зато они хорошо представлены в белозерской культуре (см., например: Лесков, 1981, с. 67; Отрощенко, 1986, с. 128; Ванчугов, 1997, с. 160; Клоčko, 1998, *abb.* 1: 18, 3: 15-22; Евдокимов, 1999, с. 103; Иванова и др., 2005, с. 18)²⁴. Изредка присутствуют в комплексах этой культуры и украшения из золота, в т.ч. височные подвески (Ванчугов, 1990, с. 98; 1997, с. 162; Потапов, 2010, с. 156)²⁵. Важным нюансом является то, что захоронение из Новопетровки было основным в кургане, что не характерно для погребений предскифского времени, но типично для белозерской культуры. Из сказанного не следует, что к данной культуре рассматриваемый комплекс и относится. Дело в том, что Николаевская область является своеобразной лакуной, где захоронения белозерской культуры, несмотря на многолетние и крупномас-

шей счет противоречива.

²¹ В книге пишется, что длина ямы составляла 8,3 м, но, вероятно, это опечатка.

²² Ср.: (Кореньяко, 1985, с. 59).

²³ По концепции А.И. Тереножкина, это VIII – первая половина VII в. до н.э. (1976, с. 187).

²⁴ См. соответствующие комплексы Гордеевского могильника, датирующиеся белозерским временем (Berezanskaja, 1998, *abb.* 4: 8, 6). О янтаре Гордеевски см.: (Лысенко, 2015, с. 225).

²⁵ Вновь обратим внимание на материалы Гордеевского могильника (Berezanskaja, 1998, *abb.* 4: 5-8; Лысенко, 2015, с. 224).

штабные раскопки курганов, выявлены не были, хотя они исчисляются сотнями в более восточной Херсонской и более западной Одесской областях. Что обусловило эту ситуацию, до сих пор не ясно. Возможное объяснение – в степном Побужье и Поингулье жило какое-то инородное население, которое вклинилось между двумя массивами носителей белозерской культуры. Скорее всего, именно с активностью этого населения связано появление такого яркого памятника, как городище Дикий Сад²⁶. И, вероятно, именно это население оставило захоронение из Новопетровки. Но независимо от того, к какой культуре отнести последний комплекс, он демонстрирует текст: «вытянутое труположение на спине + южная ориентировка», как и п. 17 из Креста. Вдобавок здесь, как и в комплексе из Креста, присутствовал колчаный набор²⁷. Пример новопетровского захоронения весьма показателен. Он свидетельствует о том, что упомянутый «текст» вполне мог сложиться и без влияния маклашевской культуры²⁸.

ПРИЛОЖЕНИЕ. СПИСОК ПОГРЕБЕННИЙ С ПСАЛИЯМИ МАКЛАШЕВСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ТАТАРСТАН, РФ)

1. **Девичий Городок IV**, грунтовый могильник, п. 9. В погребении выявлен псалий из «кости» (Казаков, 2001, рис. 13: 19; Чижевский, 2001, с. 32). Полная публикация комплекса отсутствует. Нам известно лишь то, что захоронение было совершено в большой яме (4,0×1,8 м). Умершего сопровождали, помимо псалия, скелет овцы(?), кости лошади, диоритовая булава, бронзовые наконечник копья, «нож-кинжал» и другие вещи (Казаков, 2001, с. 65). Близ псалия размещались «дисковидные костяные детали» (Казаков, 2002, с. 84).

2. **Девичий Городок IV**, грунтовый могильник, п. 16. В захоронении находились

²⁶ См. псалии Дикого Сада (Горбенко, 2007а, рис. 1: 1-4; 2007б, с. 140; 2008, с. 386; 2016а, рис. 4: 16, 18; 2016б, рис. 1, 1б: 1, 2; Дикий Сад..., 2010; Подобед и др., 2013, с. 24; Горбенко, Олейниченко, 2017, рис. 2: 12, 25; и др.), узкая датировка которых в рамках белозерского времени неоднозначна и требует отдельной работы (ср. Отрощенко, 2008, с. 5-6; Дергачев, 2011, с. 243, 260; Бочкарев, 2017, с. 175).

²⁷ Увы, тип новопетровских стрел известен лишь по не вполне понятному описанию.

²⁸ Авторы благодарят А.А. Чижевского и С.В. Кузьминых, с которыми обсуждались положения этой статьи.

два псалия из «кости» (Казаков, 2002, с. 84, рис. 4: 1). В могиле обнаружен костяк мужчины, положенного в деревянном гробу вытянуто на спине головой на восток. Псалии вместе с двумя «костяными» кольцами лежали под ногами погребенного. Другой инвентарь представлен удлинённым «костяным» изделием с поперечным отверстием, бронзовыми ножом и «серьгами» (Там же, с. 83, 84);

3. **Измери VII**, грунтовый могильник, п. 14. В захоронении выявлен псалий из рога (Казаков, 1994, с. 109, рис. 8: 12; Чижевский, 2001, с. 32, рис. 1: 8). Он размещался между бедренными костями взрослого, которого положили в могилу вытянуто на спине головой на северо-запад. Другой инвентарь представлен двумя бронзовыми спирально-витыми височными подвесками и «подделкой из позвонка» (Казаков, 1994, табл. 1, с. 108, 110, рис. 4; 8: 9-11)²⁹.

4. **Маклашеевка II**, курган, п. 6. В захоронении выявлен псалий из рога лося (Збруева, 1952, с. 29, табл. 1, 9; Халиков, 1980,

²⁹ Говоря об измерских псалиях, обратим внимание и на псалии из п. 1 Измерского XVI могильника (см. статью Е.П. Казакова в этом сборнике).

табл. 19; 55, 15). В могиле находились костяки взрослого и ребенка, уложенных на спине головами на запад. Кости покрывал слой угля. Псалий находился у левого плеча взрослого. Другой инвентарь представлен сосудом и костяной бляшкой (Збруева, 1952, с. 29; Халиков, 1980, табл. 19);

5. **Мурзиха II**, грунтовый могильник, п. 173. В захоронении выявлены два псалия из «кости», один из которых орнаментирован (Чижевский, 2001, с. 32, рис. 1: 9; 2008, рис. 4: 4, 5; Кузьминых, Чижевский, 2009, рис. 6: 3, 4). Полная публикация комплекса отсутствует;

6. **Полянки II**, грунтовый могильник, п. 12. В захоронении выявлены два «костяных» псалия, один из которых незначительно поврежден (обломан один конец) (Халикова, 1967, с. 123, рис. П: 13, 14; Халиков, 1980, табл. 17; 55, 16, 17). В могиле находился костяк ребенка, уложенного вытянуто на спине головой на юго-запад. Псалии находились в головах. В погребении выявлены также бронзовая височная подвеска и кость животного (Халикова, 1967, табл. на с. 130, 131; Халиков, 1980, табл. 17).

ЛИТЕРАТУРА

Агульников С. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья // *Revista Arheologică, serie nouă*. 2005. Vol. I, nr. 1. С. 77-91.

Алейников В.В. Археологические работы на территории могильника Салок-I в 2004-2005 гг. // *Труды Археологического научно-исследовательского бюро*. Т. III / Ред. А.В. Захаров. Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2008. С. 5-103.

Бандрівський М.С. До питання про датування кістяних стрижнеподібних псаліїв і поширення одноосьових колісниць (за матеріалами розкопок 2015 р. кургану в Гусятині на Збручі) // *Археологія та етнологія півдня східної Європи* / Відп. ред. З.П. Маріна. Дніпро: «Ліра», 2016. С. 49-58.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев: Наукова думка, 1990. 150 с.

Березанская С.С. Материалы бондарихинской культуры на поселении Усово Озеро // *Доба бронзи Доно-Донецького регіону (матеріали 5-го Українсько-Російського польового археологічного семінару)* / Ред. колегія Ю.М. Бровендер та ін. Київ, Вороніж, 2001. С. 11-15.

Бочкарев В.С. Знаменская находка // *Археология Восточно-Европейской степи*. Вып. 6 / Отв. ред. В.А. Лопатин. Саратов: Научная книга, 2008. С. 245-252.

Бочкарев В.С. Этапы развития металлопроизводства эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы // *Stratum plus*. 2017. № 2. С. 159-204.

Бочкарев В.С., Кузнецов П.Ф. Желобчатые псалии эпохи поздней бронзы евразийских степей // *Кони, колесницы и колесничие степей Евразии* / Отв. ред. П.Ф. Кузнецов. Екатеринбург; Самара; Донецк: ИЭРЖ, 2010. С. 292-343.

Буйнов Ю.В. Поселення бондарихинської культури біля с. Червоний Шлях на Харківщині // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. № 594. Історія. Вип. 35. Харків: НМЦ «СД», 2003. С. 4-13.

Буйнов Ю.В. Итоги раскопок поселения Студенок-5 и некоторые вопросы генезиса бондарихинской культуры // *Древности 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник* / Гл. ред. В.И. Кадеев. Харьков: ХИАО НМЦ «МД», 2004. С. 141-153.

Буйнов Ю.В. Новые данные о хронологии памятников малобудковского типа // *LAUREA. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева* / Гл. ред. С.И. Посрхов. Харьков: Константа, 2007. С. 170-176.

Буйнов Ю.В. К вопросу об этногенезе племен бондарихинской культуры // *Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна*. № 852. Історія. Вип. 41. Харків, 2009. С. 7-16.

- Вальчак С.Б.* Конское снаряжение в первой трети I-го тыс. до н.э. на Юге Восточной Европы. М.: Таус, 2009. 292 с.
- Вальчак С.Б., Мамонтов В.И., Сазонов А.А.* Ранние памятники черноголовского этапа в Восточной Европе: происхождение и хронология // Историко-археологический альманах. Вып. 2 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Москва: ИА РАН, АрмКМ, 1996. С. 23-44.
- Ванчугов В.П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990. 166 с.
- Ванчугов В.П.* Погребальный обряд белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья (опыт социальной реконструкции) // Археология и этнология Восточной Европы: материалы и исследования. Сборник научных работ, посвященный 60-летию В.Н. Станко / Отв. ред. С.А. Булатович. Одесса: Гермес, 1997. С. 154-167.
- Газимзянов И.Р., Хохлов А.А.* Антропологический состав населения Среднего Поволжья переходного периода от поздней бронзы к раннежелезному веку // Филология и культура. Philology and culture. № 2 (28). Казань: КФУ, 2012. С. 204-216.
- Гершкович Я.П.* Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье) // Археологический альманах. № 7 / Гл. ред. А.В. Колесник. Донецк: КИТИС, 1998. С. 61-92.
- Гершкович Я.П.* Центральноазиатский компонент на юге Восточной Европы в заключительный период позднего бронзового века // Вестник МИЦАИ. № 2. Самарканд: МИЦАИ, 2005. С. 21-27.
- Гершкович Я.П.* Суботовское городище в свете новых исследований // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкина / Відп. ред. С.А. Скорий. Київ: ІА НАНУ, 2007. С. 58-60.
- Гершкович Я.П.* Суботовское городище. Киев: ИА НАНУ, 2016. 508 с.
- Горбенко К.* Городище «Дикий Сад» у XIII-IX ст. о н.е. // Єдiнако. Науковий щоквартальник. № 1(1) (липень-вересень) / Гол. ред. О. Тригуб. Київ, Миколаїв: Лукомор'є, 2007а. С. 7-14.
- Горбенко К.В.* Исследования укрепленного поселения «Дикий Сад» в 2006 г. // Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. / Ред. Н.О. Гаврилюк, М.П. Тимченко. Київ; Запоріжжя: Дике поле, 2007б. С. 139-144.
- Горбенко К.В.* Предварительные итоги археологических исследований укрепленного поселения эпохи поздней бронзы Дикий Сад // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. I / Отв. ред. А.П. Деревянко, Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2008. С. 384-387.
- Горбенко К.* Основные аспекты материальной культуры городища Дикий Сад // Єдiнако. Науковий щоквартальник. № 4(16) (жовтень-грудень) Спецвипуск: Forum Olbicum I. Пам'яті В.В. Крапівіної / Уп.: Н.О. Гаврилюк, О.І. Смирнов. Київ, Миколаїв: Лукомор'є, 2016а. С. 19-32.
- Горбенко К.В.* Укрепленное поселение Дикий Сад в контексте древностей финальной бронзы Северо-Западного Причерноморья // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). Круглый стол, посвященный 80-летию со дня рождения С.Н. Братченко (Санкт-Петербург, 14-15 ноября 2016 г.): Материалы / Отв. ред. В.А. Алёшкин. СПб., 2016б. С. 118-122.
- Горбенко К., Олейніченко Є.* Розкопки на території «ближнього передмістя» городища Дикий Сад у 2016 році // Аркасівські читання: історичні дослідження на сучасному етапі розвитку гуманітарної науки: матеріали VII міжнародної науково-практичної конференції (26 квітня 2017 р.) / Відп. за вип. О.В. Господаренко. Миколаїв: МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2017. С. 11-13.
- Горбов В.Н.* К проблеме культурной атрибуции поселения на Белозерском лимане // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи бронзы Средней и Восточной Европы. Ч. II / Отв. ред. В.М. Массон. Саратов; СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 52-72.
- Горбов В.Н.* Финал бронзового века Северо-Восточного Приазовья и некоторые проблемы региональных различий // Северо-Восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит и бронзовый век). Часть вторая / Гл. ред. В.Н. Горбов. Донецк: ДонГУ, 1996. – С. 13-21.
- Горбов В.Н., Усачук А.Н.* Бондарихинское поселение предскифского времени и некоторые аспекты адаптации домостроительства к природным условиям // Донецкий археологический сборник. Вып. 9 / Гл. ред. П.В. Добров. Донецк: ДонГУ, 2001. С. 15-45.
- Горбунов В.С., Обыденнов М.Ф.* Находки костяных псалиев эпохи бронзы в Башкирии // СА. 1975. № 2. С. 254-257.
- Граков Б.Н., Тереножкин А.И.* Субботовское городище (Раскопки 1955 г.) // СА. 1958. № 2. С. 164-178.
- Деоник Д.В., Крупнов Е.И.* Змейское поселение кобанской культуры // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953-1957 г. / Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 1 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. Орджоникидзе: Сев.-Осетин. кн. изд-во, 1961. С. 11-50.
- Дергачев В.А.* Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2. Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинэу, 2011. 464 с.
- Дикий Сад.* Град бронзового века. Николаев, 2010. 28 с.
- Дремов И.И., Семенова И.В.* Материалы предсавроматского времени из Саратовского Поволжья // Проблемы

археологии Юго-Восточной Европы. (тезисы докладов VII Донской археологической конференции) / Редкол. В.Я. Кияшко и др. Ростов-на-Дону, 1998. С. 101-102.

Дударев С.Л. О хронологии некоторых памятников конца II – начала I тысячелетия до н.э. из Чечено-Ингушетии // Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии / Отв. ред. В.Б. Виноградов. Грозный: ЧИГУ, 1986. С. 24-33.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991. 156 с.

Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII вв. до н.э.). Армавир: Армавир. полиграф. предприятие, 1999. 405 с.

Евдокимов Г.Л. Некоторые итоги изучения материалов Брилевского могильника // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к 100-летию Б.Н. Гракова): III Граковские чтения / Отв. ред. П.П. Толочко. Запорожье: ЗапорожГУ, 1999. С. 99-103.

Екимов Ю.Г., Пряхин А.А. Костяные псалии эпохи бронзы с территории лесостепного Подонья // Древняя история Поволжья / Научные труды; Т. 230 / Отв. ред. С.Г. Басин. Куйбышев: КПИ, 1979. С.78-85.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА; № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Иванова С.В., Петренко В.Г., Ветчинникова Н.Е. Курганы древних скотоводов междуречья Южного Буга и Днестра. Одесса: КП ОГТ, 2005. 207 с.

Казаков Е.П. Измерский VII могильник // Памятники древней истории Волго-Камья / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1994. С. 104-123.

Казаков Е.П. Памятники эпохи бронзы // Очерки по археологии Татарстана / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: Школа, 2001. С. 56-73.

Казаков Е.П. О некоторых итогах работы Раннеболгарской экспедиции в 2001 году // Археологические открытия в Татарстане: 2001 год / Отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: Школа, 2002. С. 83-87.

Кашуба М.Т. Ранние смычковые фибулы Северного Причерноморья как хронологические реперы // Ранній залізний вік Євразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна / Відп. ред. С.А. Скорий. Київ: ІА НАНУ, 2007. С. 84-86.

Кашуба М.Т. Ранняя фибула из поселения кобанской культуры Змейское и северопонтийские смычковые фибулы XI-X вв. до н.э. // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х.М. Мамаев. Грозный: ИГИ; М.: ИА РАН, 2011. С. 61-78.

Кашуба М.Т. «Ускользящее» железо, или Переход к раннему железному веку в Восточном Прикарпатье // Российский археологический ежегодник. № 3 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: Университет. изд. консорциум, 2013. С. 233-257.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант / САИ; Вып. В2-5. М.: Наука, 1982. 177 с.

Козенкова В.И. Кобанская культура и окружающий мир: (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 152-208.

Колотухин В.А. Обследование памятников предскифского и раннескифского времени в Крыму // СА. 1982. № 1. С. 105-119.

Колотухин В.А. Поздний бронзовый век Крыма. Киев: Сталос, 2003. 138 с.

Кореньюк С.Н. Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в ее изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: материалы научной конференции / Тр. ГИМ; Вып. 22 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68-82.

Кореньюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Современное состояние проблем изучения среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Прикамье // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС; Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 116-131.

Кореньюк В.А. Погребения перехода от бронзы к железу в степях Юго-Восточной Европы (состояние источников и проблема отбора фактов) // СА. 1985. № 4. С. 54-62.

Корохина А.В. Кераміка бондарихинської культури: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. – Київ: ІА НАНУ, 2011. 20 с.

Корохина А.В. Северо-восточный вектор связей населения Днепро-Донской лесостепи в заключительный период бронзового века // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 132-146.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.

Крушельницька Л.І. Культура Ноа на землях України. Львів: Наук. б-ка ім. В. Стефаника НАНУ, 2006. 176 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Вост. лит., 1994. 464 с.

Кузьминых С.В. О некоторых дискуссионных проблемах бронзового века Среднего Поволжья (в связи с работами 70-90-х гг. XX в.) // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков и др. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 14-29.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / АЕС; Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29-55.

Лесков А.М. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы) / Отв. ред. А.М. Лесков. Киев: Наукова думка, 1970. С. 7-59.

Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии / МИА № 177. М.: Наука, 1971. С. 75-91.

Лесков А.М. Курганы: находки, проблемы. Л.: Наука, 1981. 181 с.

Лысенко С.Д. К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника // Stratum plus. 2015. № 2. С. 207-230.

Мамонтов В.И. Материалы курганного могильника у озера Подгорное // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Ф. Железчиков. Волгоград: ВолГУ, 1999. С. 46-89.

Марков В.Н. К постановке проблемы происхождения памятников маклашеевского типа // Эпоха бронзы Нижнего Прикамья: Тез. науч. конф. Казань: НЦАИ, 1996. С. 10-12.

Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. Каякентско-хорочоевская культура / МИА № 122. М.: Наука, 1969. 116 с.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука, 2002. 154 с.

Махортых С.В. Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / АЕС; Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 455-477.

Мельников Е.Н. Материалы финала эпохи бронзы с территории Верхнего Подонья // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 9 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2002. С. 112-119.

Никитенко Н.И. Начало освоения железа в белозерской культуре // РА. 1998. № 3. С. 36-47.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998. 205 с.

Отрощенко В.В. Белозерская культура // Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986. С. 118-152.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАНУ, 2001. 288 с.

Отрощенко В. Укріплене поселення «Дикий Сад» у системі пам'яток білозерської культури // Ефінако. Науковий щоквартальник. № 1-4(3) (січень-грудень) / Гол. ред. М. Шитюк. Київ, Миколаїв: Лукомор'є, 2008. С. 5-10.

Отрощенко В.В. Повертаючись до теми останніх поховань зрубної спільноти // Донецький археологічний збірник. № 16 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2012. С. 246-250.

Отрощенко В.В., Шевченко Н.П. О восточной границе и восточных связях племен белозерской культуры // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины / Отв. ред. И.И. Артеменко. Киев: Наукова думка, 1987. С. 131-144.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: Дисс. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАНУ, 2012а. 596 с.

Панковський В.Б. Кістяна і рогова індустрія доби пізньої бронзи в Північному Причорномор'ї: Автореф. дис. ... канд. іст. наук. Київ: ІА НАНУ, 2012б. 15 с.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Некоторые дискуссионные проблемы археологии юга Восточной Европы финала бронзового века // Донецький археологічний збірник. № 16 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецьк: ДонНУ, 2012. С. 194-245.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Конская узда – атрибут инициаций? (По материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 5 (17) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. С. 23-44.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Взгнудавшие лошадей (стержневидные псалии Евразии конца II – начала I тыс. до н.э.: типологические и хронологические сопоставления) // Древности Сибири и Центральной Азии. № 7 (19) / Отв. ред. В.И. Соенов. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2014. С. 85-117.

Потапов В.В. Погребения кобяковской культуры на станции Хапры // РА. 1993. № 3. С. 218-220.

Потапов В.В. Об одной группе погребений из Саратовского Поволжья // Степи Евразии в древности и средневековье: материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. Кн. I / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. С. 213-216.

Потапов В.В. Пластинчатые височные кольца и подвески на Нижнем Дону и в Предкавказье (финальный этап эпохи бронзы) // РА. 2010. № 1. С. 155-157.

Потапов В.В. Погребение эпохи финальной бронзы из могильника «Крест» в дельте Дона // Археологические записки. Вып. 8 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Ростов-на-Дону: ДАО, 2013а. С. 213-229.

Потапов В.В. «Некоторые дискуссионные проблемы» финальной бронзы и некоторые дискуссионные решения этих проблем // Донецкий археологический сборник. № 17 / Гол. ред. Р.О. Литвиненко. Донецк: ДонНУ, 2013б. С. 225-270.

Ромашко В.А. Об одном из типов псалиев рубежа II – начала I тысячелетия до н.э. // Проблемы археологии Поднепровья. Вып. 2 / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1985. С. 90-97.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев: КНТ, 2013. 592 с.

Смирнова Г.И. Псалии типа Борьяш в культуре Ноа // КСИА. 1970. Вып. 123. С. 106-110.

Тереножкин А.И. Предскифский период на Днепровском Правобережье. – Киев: АН УССР, 1961. 248 с.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

Трубников В.В. Поселение финала эпохи поздней бронзы в низовьях р. Северский Донец // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. Т. IV / Ред. А.В. Захаров. Ростов-на-Дону: Археологическое научно-исследовательское бюро, 2009. С. 149-172.

Усачук А.Н. Древнейшие псалии (изготовление и использование). Киев; Донецк: ИА НАНУ, 2013. 304 с.

Халиков А.Х. Поселения эпохи бронзы в Среднем Поволжье (Из работ в зоне строительства Куйбышевской ГЭС) // КСИИМК. 1953. Вып. L. С. 31-42.

Халиков А.Х. Приказанская культура и ее роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 7-28.

Халиков А.Х. Приказанская культура // СА. 1968. № 2. С. 23-40.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып. В1-24. М.: Наука, 1980. 129 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР / Отв. ред. О.Н. Бадер и др. М.: Наука, 1987. С. 139-146.

Халикова Е.А. Второй Полянский могильник // Труды IV Уральского археологического совещания / УЗ ПГУ; № 148 / Отв. ред. В.А. Оборин. Пермь: ПГУ, 1967. С. 116-132.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского Лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5 / Отв. ред. В.А. Волков. Саратов: Научная книга, 2003. С. 103-128.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Ред. Е.П. Казаков и др. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 30-36.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2002. 26 с.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / АЕС; Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Шановалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Исследования и материалы / Ред. С.С. Березанская и др. Киев: Наукова думка, 1976. С. 150-172.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982. 157 с.

Berezanskaja S.S. Hordeevka – ein bronzezeitliches Kurgan-Gräberfeld am Südlichen Bug // J. Machnik (Hrsg.). Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metalzeiten (4000-500 v.Chr.). München: Randen / Westf., 1998. S. 325-341.

Boroffka N. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud, Tell II // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 4. S. 81-135.

Vinogradov V.V., Dudarev S.L. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien. // Eurasia Antiqua. 2000. Bd. 6. S. 361-403.

Kašuba M. Die ältesten Fibeln im Nordpontos. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa // Eurasia Antiqua. 2008. Bd. 14. S. 193-231.

Kločko V.I. Die Süd- und Westbeziehungen der Ukraine rechts des Dneprs im 2. und frühen 1. Jahrtausend v.Chr. // J. Machnik (Hrsg.). Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). München: Randen / Westf., 1998. S. 343-351.

Levițki O. Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați / Biblioteca thracologica. Vol. VII. București: Institutul Român de tracologie, 1994. 255 p.

Otroščenko V.V. Die Westbeziehungen der Belozerka-Kultur // J. Machnik (Hrsg.). Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). München: Randen / Westf., 1998. S. 353-360.

Pankovskiy V. Deer Antler Cheekpiece from Ushkalka-I. Expertise and Advice on Typological Classification // Mensch, Kultur und Gesellschaft von der Kupferzeit bis zur frühen Eisenzeit im Nördlichen Eurasien. Beiträge zu Ehren zum 60. Geburtstag von Eugen Sava. Chișinău, 2016. P. 225-242.

Gerškovič J.P. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres / Archäologie in Eurasien. Bd. 7. Rahden Westf.: Leidorf, 1999. 107 s.

Sava E. Die Rolle der «östlichen» und «westlichen» Elemente bei der Genese des Kulturkomplexes Noua-Sabatinovka (Nach den Materialien des Prut-Dnestr-Zwischenstromgebiets) // J. Machnik (Hrsg.). Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe. Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchristlichen Metallzeiten (4000-500 v.Chr.). München: Randen / Westf., 1998. S. 267-312.

Hüttel H.-G. Bronzezeitliche trensen in Mittel – und Osteuropa // Prähistorische Bronzefunde. Bd. XVI: 2. München: C.H. Beck-Verlag, 1981. 209 s.

Информация об авторах:

Подобед Вячеслав Анатольевич, старший научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); archaeodon@front.ru

Усачук Анатолий Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); dood@mail.ru

Цимиданов Виталий Владиславович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей (г. Донецк, Украина); archaeodon@front.ru

HORSE BRIDLE OF THE MAKLASHEEVO CULTURE: THE ISSUE OF ORIGIN

V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov

The authors analyze the available materials and suggest that the psalia of the Maklasheevo culture can be legitimately synchronized with the psalia used in the southern part of Eastern Europe during the subsequent Belozersk period. The early Belozersk psalias of the south of Eastern Europe are prototypes for the late Belozersk psalia of this territory, and for the psaltery of the Maklasheevo culture. At the same time, no psalia which are similar to the Early Belozersk ones in question have been discovered in the Volga-Kama region. Obviously, the Late Belozersk type of psalia appeared in the area of the Maklasheevo culture in an already established form. The authors also suggest a certain influence on the horse bridle of the Volga-Kama region from the east - the Trans-Urals and Siberia. However, the strongest influence on the appearance of the Maklasheevo bridle was made by the cultures (or a single culture) of the southern part of Eastern Europe. This was most likely facilitated by the fact that certain groups of the Maklasheevo culture settled in the steppe. Due to the scarcity of available information the scale of penetration of the Maklasheevo culture representatives into the steppe remains uncertain: it either had a character of a migration or short-term visits.

Keywords: psalia, bridle, Maklasheevo culture, Belozersk period, forest-steppe, steppe.

About the authors

Podobed Vyacheslav A., senior research scientist, Donetsk Museum of Regional Studies (Donetsk, Ukraine); archaeodon@front.ru

Usachuk Anatoliy N., Ph.D. (History), senior research scientist, Donetsk Museum of Regional Studies (Donetsk, Ukraine); dood@mail.ru

Tsimidanov Vitaliy V., Ph.D. (History), leading research scientist, Donetsk Museum of Regional Studies (Donetsk, Ukraine); archaeodon@front.ru

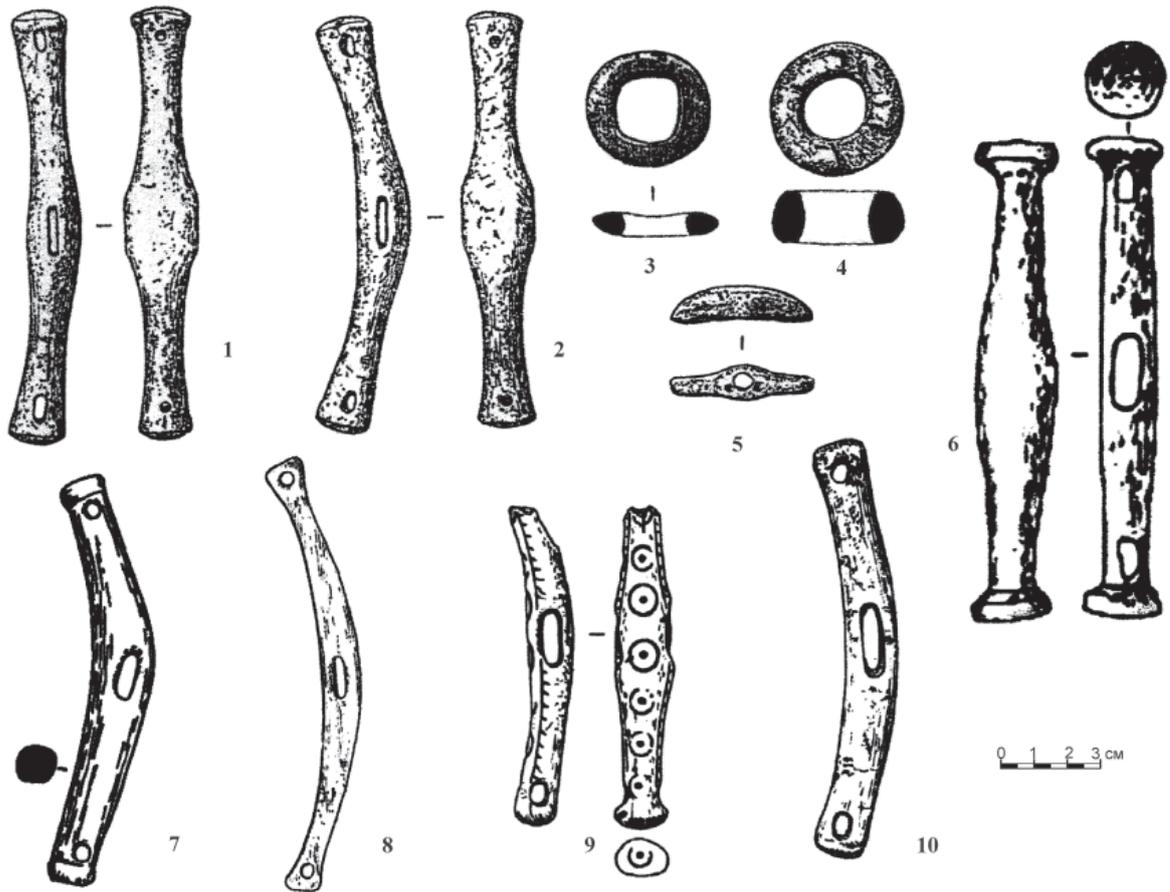


Рис. 1. 1-5 – Девичий Городок IV, п. 16 (Казаков, 2002); 6 – Девичий Городок IV, п. 9 (без масштаба) (Казаков, 2001); 7 – Измери VII, п. 14 (Казаков, 1994); 8 – Маклашеевка II, курган, п. 6 (Збруева, 1952); 9-11 – Мурзиха II, п. 173 (Чижевский, 2008).

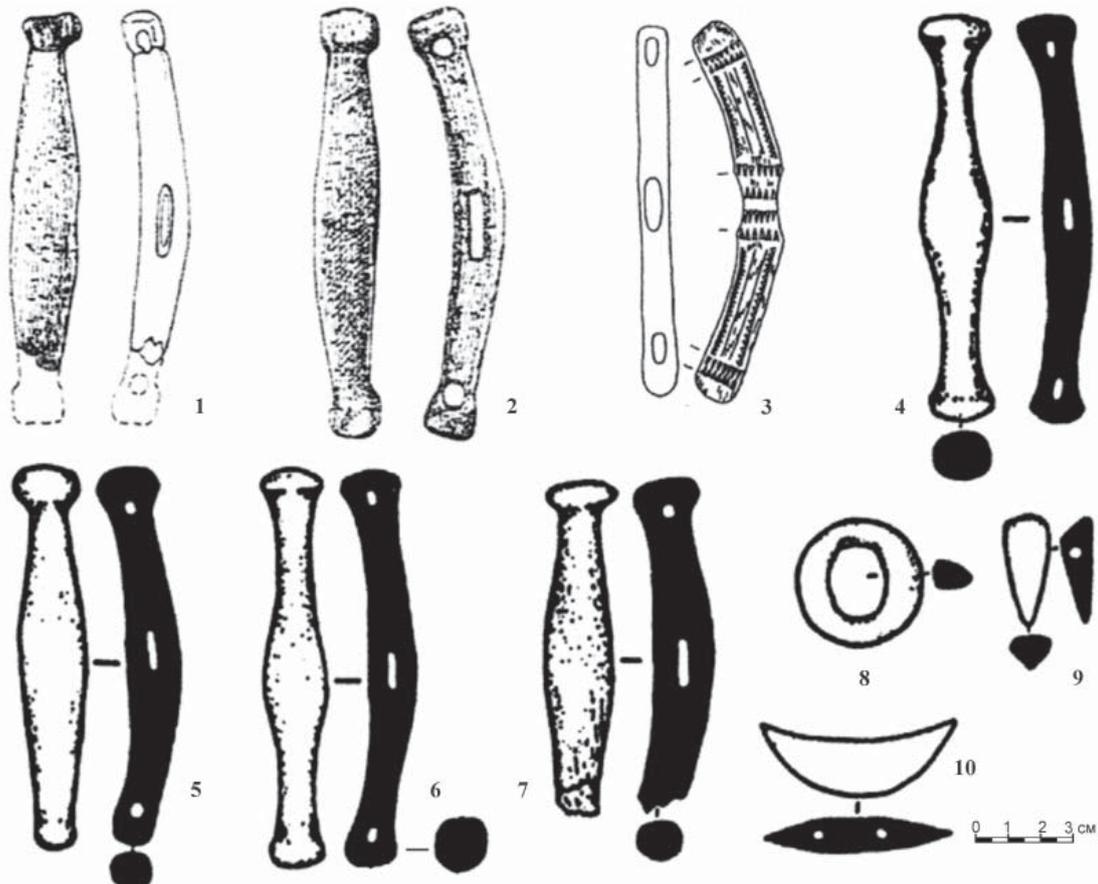


Рис. 2. 1, 2 – Полянки II, 12 (Халикова, 1967); 3 – Мурадымово-1 (Коренюк и др., 2014); 4-10 – Подгорный, 5/1 (Вальчак и др., 1996).

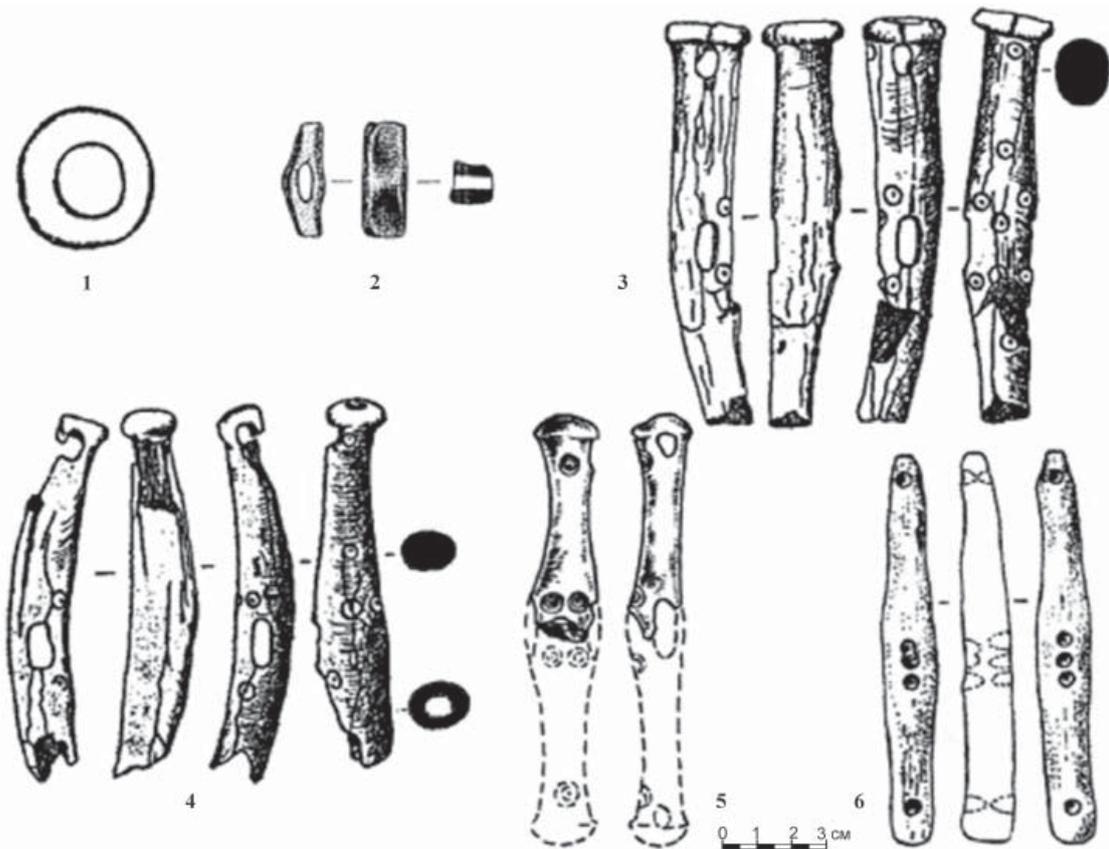


Рис. 3. 1 – Зандак (Вальчак, 2009); 2 – Салок I, п. 27 (Алейников, 2008); 3, 4 – Майргуп 2, п. 28 (Дударев, 1991); 5 – Тринка (Leviťki, 1994); 6 – Старая Игрень (Ромашко, 1985).

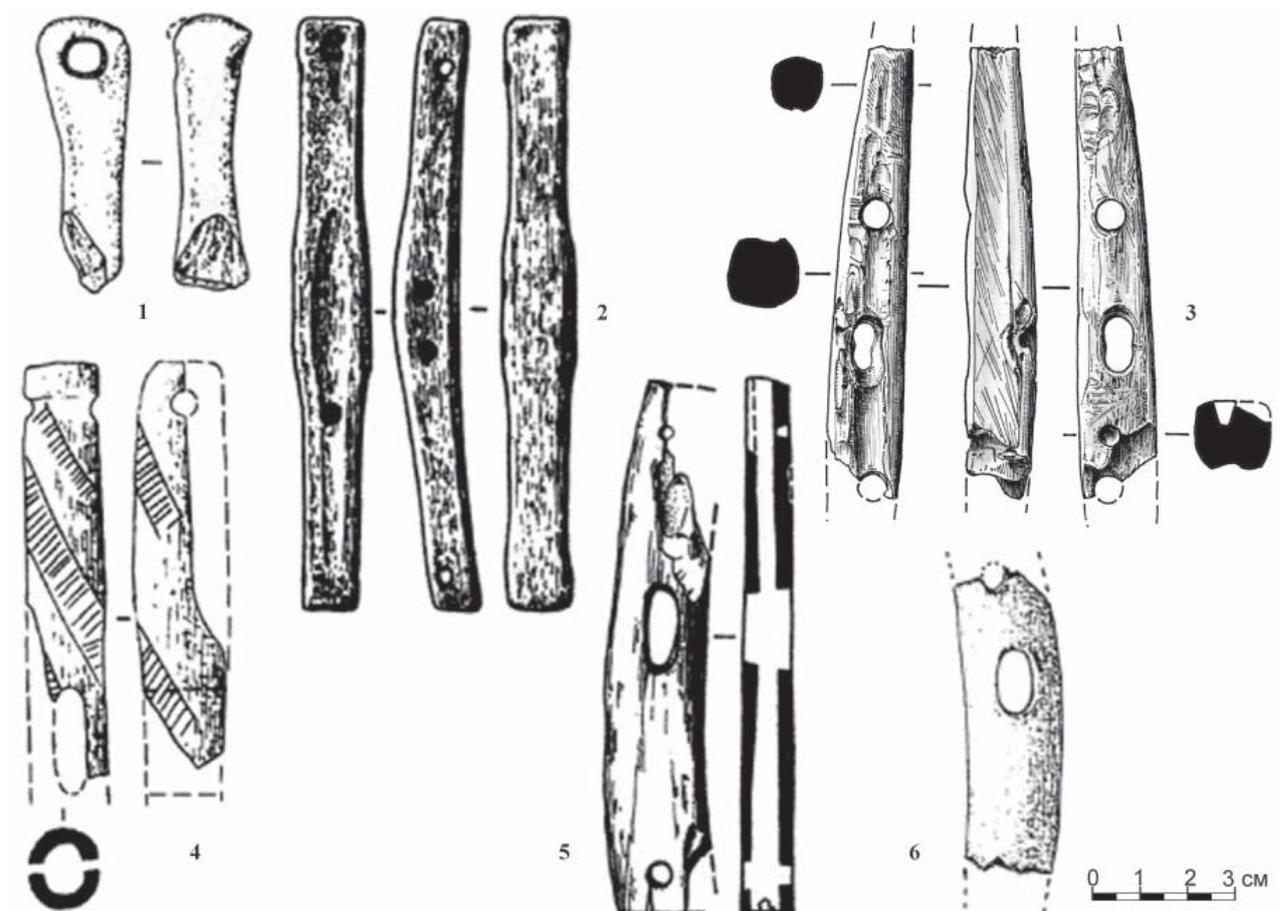


Рис. 4. 1 – Закатное I (Трубников, 2009); 2 – Усово Озеро (Березанская, 1990); 3 – Зливки (рисунок А.Н. Усачука); 4 – Ушкалка В (Гершкович, 1998); 5 – Безыменное-II (Горбов, 1995); 6 – Глубокое Озеро 2 (Гершкович, 1998).

УДК 903.02

КОЛЛЕКЦИЯ КЕРАМИКИ ЭПОХИ ФИНАЛЬНОЙ БРОНЗЫ С ДЮНЫ «КРАСНЫЙ ВЫСЕЛОК» В ПРИВЕТЛУЖЬЕ

© 2017 г. Е.Г. Шалахов

Настоящая работа вводит в научный оборот коллекцию «текстильной» керамики из фондов музейной части Государственного бюджетного учреждения культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева». Источник поступления коллекционного материала – совместные разведочные работы Марийской археологической экспедиции и автора на дюне Красный Выселок в 2004–2006 гг.

Ключевые слова: Красный Выселок II; коллекция керамики; эпоха поздней бронзы; стоянка; местонахождение.

До появления Чебоксарского водохранилища Красный Выселок представлял собой застроенную сельскими усадьбами дюну высотой до 4 м в пойме р. Волга по её левому берегу. Первое археологическое обследование Красного Выселка предпринято в 1979 г. В.В. Никитиным (МарАЭ), открывшим остатки нескольких, по всей видимости, кратковременных стоянок эпохи камня (Красный Выселок I) и палеометалла (Красный Выселок III). Собраны фрагменты лепной посуды и каменный инвентарь волосовского и чирковского облика (Никитин, Соловьев, 1990, с. 115; Никитин, 2009, с. 263). Первооткрывателем зафиксированы находки фрагментов керамики приказанской культуры – маклашеевского типа (Никитин, Соловьев, 1990, с. 177, № 9).

К эпохе финальной бронзы относится местонахождение «текстильной» керамики Красный Выселок II (Соловьев, 1987, с. 88, рис. 3: 8). Памятник учтен при картографировании синхронных ему поселенческих памятников Волго-Камья (Патрушев, 1989, рис. 17: 57).

После 1980 г. дюна Красный Выселок попала в зону затопления Чебоксарского гидроузла. Почти наполовину разрушенная земснарядными работами, площадка памятника оказалась между оградительной дамбой инженерной защиты Юринской сельхоззонины и акваторией указанного водохранилища (рис. 1).

Стационарных археологических работ на Красном Выселке никогда не проводилось. Материалы разведочных сборов 1980–1990-х гг. на указанном памятнике хранятся в МарНИИ (Никитин, 2009, с. 263). Небольшая часть предметов из сборов 2000-х гг., а именно: коллекция «текстильной» посуды, собранная на дюне Красный Выселок, была передана в фонды Юринского историко-художественного музея.

В 2006 г. в археологическую коллекцию ЮИХМ поступили три фрагмента стенок сосу-

да, украшенного «текстильными» отпечатками. Предметы поставлены на учёт и значатся под шифром КП 698/1-3 (Главная книга поступлений ЮИХМ). Самый крупный фрагмент КП 698/3 имеет размеры 7,9×5,6×0,5 см (рис. 2). В тесте всех фрагментов фиксируется примесь песка и дресвы. Внутренняя поверхность хорошо заглажена. Черепки плотные, имеют светло-коричневый цвет.

Вместе с керамикой в фонды ЮИХМ поступило шлифованное тесло из светло-зелёного мелкозернистого камня (КП 697), найденное в размывах дюны Красный Выселок. Длина орудия – 7,8 см, ширина в лезвийной части – 2,8 см, ширина изделия в обушковой части – 1,3 см, толщина – 1,6 см. Связь этой находки с рассматриваемой посудой не доказана, однако рубящие орудия из камня некоторое время бытовали в среде носителей культуры «текстильной» керамики (Патрушев, 1989, с. 38).

Фрагменты «текстильной» керамики с Красного Выселка поступали в фонды ЮИХМ и после 2006 г. Речь идёт о двух фрагментах верхней части сосуда (рис. 3), орнаментированного круглыми ямками диаметром 0,4 см и глубиной 0,3 см, клиновидными вдавлениями, а также резными линиями в виде вертикального зигзага по шейке и «текстильными» отпечатками по тулову и плоскому срезу венчика (Книга учёта № 2 ЮИХМ, НВФ 1101/1-2). Размеры фрагментов – 7,2×5,7×0,4 см и 7,1×5,6×0,4 см. Форма венчика сосуда почти Т-образная – с наплывом на внешнюю и внутреннюю сторону. Керамика с примесью песка.

В целом, посуда с «текстильными» отпечатками из собрания ЮИХМ (ныне – музейная часть ГБУК РМЭ «Замок Шереметева») находит аналогии в керамических комплексах практически всех памятников КТК на Средней Волге.

ЛИТЕРАТУРА

Главная книга поступлений ЮИХМ.

Книга учёта научно-вспомогательного фонда № 2 ЮИХМ.

Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола: МПИК, 2009. 416 с.

Никитин В.В., Соловьев Б.С. Атлас археологических памятников Марийской ССР. Вып. 1. Эпоха камня и раннего металла. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 244 с.

Патрушев В.С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 123 с.

Соловьев Б.С. Изучение памятников эпохи бронзы в Марийской АССР // Древности Волго-Вятского междуречья / АЭМК. Вып. 12 / Науч. ред. Г.А. Архипов. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1987. С. 72–88.

Информация об авторе

Шалахов Евгений Геннадьевич, сотрудник музейной части, Государственное бюджетное учреждение культуры Республики Марий Эл «Замок Шереметева» (пгт. Юрино, Россия); shalahof@yandex.ru

A COLLECTION OF CERAMICS OF THE FINAL BRONZE AGE FROM KRASNY VYSELOK DUNE IN THE VETLUGA REGION

E.G. Shalakhov

The work introduces into scientific discourse a collection of 'textile' ceramics from the funds of the museum section of State Budgetary Cultural Institution Sheremetev's Castle in the Republic of Mari El. The source of this collection is the joint exploration activities of the Mari Archaeological Expedition and the author of this paper conducted at Krasny Vyselok dune in 2004-2006.

Keywords: Krasny Vyselok II, ceramics collection, Late Bronze Age, site, location.

About the Author:

Shalakhov Evgeny G. Sheremetev Castle State Budgetary Institution of Culture of the Republic of Mari El (Yurino, Republic of Mari El, Russian Federation); shalahof@yandex.ru



Рис. 1. Дюна «Красный Выселок». Общий вид с северо-запада.

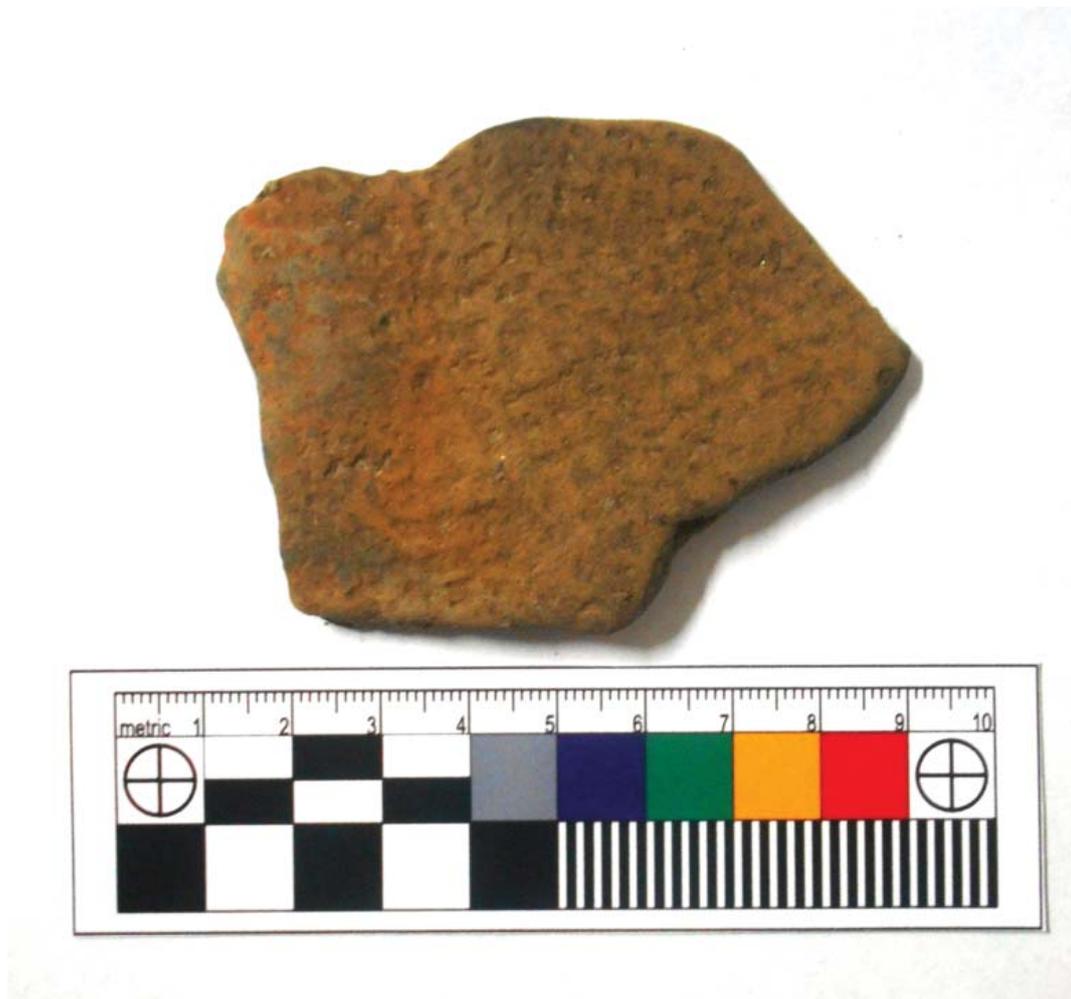


Рис. 2. Фрагмент стенки сосуда с «текстильными» отпечатками. Археологическая коллекция Юринского музея (№ 698/3).



Рис. 3. Фрагменты верхней части сосуда с «текстильными» отпечатками на поверхности. Археологическая коллекция Юринского музея (№ 1101/1-2).

УДК 902/904

**МАТЕРИАЛЫ ЭПОХ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА
ИГИМСКОЙ СТОЯНКИ (НИЖНЕЕ ПРИКАМЬЕ)**

© 2017 г. А.В. Шипилов

В статье опубликованы результаты исследования археологических комплексов позднего бронзового и раннего железного веков Игимской стоянки. Материалы эпохи поздней бронзы отражают несколько этапов заселения памятника. Наиболее ранний из них связан со срубной КИО, а более поздний – с маклашеевской культурой. Эпоха раннего железа представлена шнуровой керамикой АКЮ.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, ранний железный век, Нижнее Прикамье, керамика, орнаментация.

Игимская I стоянка расположена в 2 км северу от бывшего села Игим Мензелинского района Республики Татарстан (рис. 1) на высокой надлуговой террасе левого берега р. Камы (рис. 2, 3).

Памятник был открыт археологической экспедицией КФАН СССР в 1958 г. под руководством А.Х. Халикова. В ходе обследования определён характер топографии стоянки и выявлен культурный слой мощностью около 50 см (Халиков и др., 1959).

Вторично памятник обследовался летом 1964 г. археологическим отрядом ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова под руководством П.Н. Старостина (1965). Учитывая, что стоянка попадала в зону затопления Нижнекамского водохранилища, в 1970–1971 гг. на ней были проведены стационарные археологические исследования (Габяшев, Старостин, 1971; 1972). Раскопами 1–7 было вскрыто 879 м² площади памятника. Выявлена следующая стратиграфия: 1) дёрн и пахотный слой (20 см); 2) тёмно-серый гумусированный песок (10–90 см); 3) коричневый песок (20–25 см); 4) светло-жёлтый песок (20–48 см); 5) материковый красный суглинок.

Керамические материалы Игимской I стоянки свидетельствуют о нескольких этапах заселения памятника в эпохи поздней бронзы и раннего железа. Наиболее ранний керамический комплекс связан со срубной КИО. Это посуда баночных форм, с примесью песка и шамота в тесте, на внешней и внутренней стороне – расчёсы, выполненные, вероятно, гребёнкой. Орнамент выполнен преимущественно оттисками средне- и крупногребенчатых штампов (рис. 4: 1, 2, 4; 5: 1, 3, 6), часть сосудов украшена подтреугольными ямочными вдавлениями (рис. 4: 2, 3; 5: 2, 5).

Аналогии срубной керамике Игимской стоянки хорошо узнаваемы по все северной

периферии срубной КИО. Отметим ближайшие параллели в керамике Берёзово-Григорьевского I и Нижнемарьянского I могильников в устье Камы, а также Козловского поселения в Предволжье (Халиков, 1969, рис. 49, 51). Черты сходства прослеживаются и с керамикой погребальных и поселенческих памятников срубной культуры Самарского Поволжья (Семёнова, 2000, рис. 19–23; Седова, 2000, рис. 10–12). Последние обычно датируются XVI–XV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 249), но не исключены и более ранние даты – XVIII–XV вв. до н.э. (Черных и др., 2002, с. 127).

Следующий этап заселения Игимской стоянки связан с луговской культурой. Здесь мы не касаемся дискуссии об объединении сусканской и луговской культур в одно культурное образование (Обыденнов, 1998, с. 30; Колев, 1991, с. 194, 195). Практически спор ведется о приоритете того или иного названия.

Луговская керамика Игимской стоянки представлена фрагментами сосудов с плавным профилем и короткой шейкой, плотным красноватым черепком, с примесью раковины в глиняном тесте, толщина стенок 0,5–0,7 см. Поверхность некоторых сосудов подощена (рис. 6: 8). Основной элемент орнамента – гребенчатый слитный штамп, образующий ромб, треугольник (рис. 6: 4, 8; 7: 4–7). Помимо этого в декоре присутствуют многорядные прямые линии, вероятно, имитирующие желобки (рис. 6: 1, 3, 9). Часто в верхней части шейки у среза венчика фиксируются горизонтальные ряды подтреугольных и ногтевидных вдавлений (рис. 6: 2, 3, 11). В орнаментации присутствует также ёлочный орнамент (рис. 6: 9; 7: 1–3). Часть сосудов – без орнамента (рис. 6: 6, 10). Особого внимания заслуживает луговской сосуд, профилировка которого характерна и для керамики срубной КИО (рис. 8). Датировка луговского керамического

комплекса укладывается в рамки XV–XIV вв. до н.э. (Колев, 2000, с. 250, 251).

Дальнейший этап заселения стоянки отражает керамика атабаевского этапа маклашеевской культуры (достоверно определены 29 фрагментов). Черепки пористые, желто-оранжевого цвета, с примесью раковины (рис. 9), толщина стенок 0,5–0,7 см; внешняя поверхность гладкая, заглаженная; орнамент размещался на горловине и в верхней трети тулова сосуда. В большинстве случаев венчик с внешней стороны украшен характерным валиком – приострѐнным (рис. 9: 1, 3–6) или сглаженным (рис. 9: 2). В декоре использовались главным образом оттиски гребенчатого и гладкого штампа. Основной орнаментальной композицией являются горизонтальные линии и зигзаг, а также пояски ямок и овальных вдавлений.

Дискуссия, возникшая в последние годы (Корочкова и др., 1991, с. 85; Корочкова, 2011, с. 23) по вопросу объективности выделения керамики атабаевского в Прикамье (Халиков, 1969, с. 241) или межовского типа на Южном Урале и в Зауралье (Сальников, 1967, с. 359–362; Обыденнов, 1998), привела к тому, что всё чаще происходит отказ от самого термина «керамика межовского типа» в пользу термина «черкаскульско-межовская» (Шорин, 1999, с. 116–118), «атабаевско-межовская» (Колев, 1999, с. 257; 2000, с. 256), «атабаевско-кайбельская» (Колев, 2000, с. 250) или просто «атабаевская». Собственно понятие «атабаевская керамика» не тождественно межовской, так как включает в себя всю валиковую керамику Нижнего Прикамья, как сходную с межовской, так и более позднюю, вошедшую в выделенную Л.И. Ашихминой быргындинскую культуру. В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения А.Х. Халикова (1980). Именно поэтому здесь употребляется термин «керамика атабаевского типа», которая, судя по материалам памятников Марийско-Чувашского и Казанского Поволжья, а также Нижнего Прикамья, является ранней формой керамики маклашеевской культуры и соотносится с ее атабаевским этапом (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

В то же время мы не исключаем самостоятельного развития межовского комплекса в Предуралье, так как изменение атабаевской керамики в Нижнем Прикамье и Марийско-Чувашском Поволжье произошло под влиянием носителей средневожской текстильной культуры, что привело к образованию маклашеевского керамического комплекса (Там же,

с. 32). Регионы, не затронутые воздействием «текстильного» мира, сохранили в значительной степени свое своеобразие и ранний атабаево-межовский облик керамики.

Л. И. Ашихмина определяет время появления валиковой керамики на поселениях Нижней Камы XII–XI вв. до н.э. (1985, с. 9). В пределах евразийского степного пояса валиковая керамика датируется XIII–XII вв. до н.э. (Итина, 1977, с. 140–144; Черных, 1983, с. 85; Потёмкина, 1985, с. 191). Эта дата в целом соответствует общей дате атабаевского этапа маклашеевской культуры, который относится к рубежу XIV/XIII–XII вв. до н.э. (Чижевский, 2007, с. 173–176; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32). В этих же рамках XIV–XII вв. до н.э. датируется межовский (валиковый) комплекс (Обыденнов, Шорин, 1995, с. 95). Вероятно, именно в этих пределах необходимо датировать и атабаевский керамический комплекс Игимской стоянки.

Финал бронзового века представлен на Игимской стоянке незначительным количеством маклашеевской керамики. Это фрагменты серого и оранжевого цвета, с примесью раковины в тесте. Внешняя поверхность гладкая, орнамент размещался преимущественно на горловине и в верхней части сосуда (рис. 10). Характерной особенностью этой керамики является группировка ямок и наличие плоского воротничка.

Датировка маклашеевского керамического комплекса Игимской стоянки определяется по общей дате существования маклашеевского этапа маклашеевской культуры в пределах XII/XI – 1 пол. IX вв. до н.э. (Чижевский, 2001, с. 30–36; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 32).

С эпохой раннего железного века следует связать найденные в культурном слое Игимской I стоянки немногочисленные фрагменты керамики ананьинской КИО (рис. 11). Это сосуды горшковидной формы, с примесью в глине толченой раковины, украшенные оттисками многорядной веревочки, а также ямочными вдавлениями, расположенными горизонтально. Такой орнамент характерен для ананьинской культуры шнуровой керамики АКИО. Подобная керамика датируется в широких пределах VIII–IV/III вв. до н.э., времени существования ананьинской культуры шнуровой керамики (Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 36, 37).

В ходе исследования Игимской стоянки был получен значительный массив каменных находок. Но их стратиграфическая привязка затруднительна.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры Среднего Прикамья // Доклад на VI МКФУ // Серия препринтов «Научные доклады» Коми филиала АН СССР. Вып. 119. Сыктывкар: ИЯЛИ, 1985. 26 с.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Отчет о работах, проведенных летом 1970 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Набережно-Челнинского районов ТАССР / Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1. № 4531.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н. Отчет о работах, проведенных летом 1971 г. в зоне затопления Нижнекамской ГЭС в пределах Мензелинского и Набережно-Челнинского районов ТАССР / Архив ИА РАН. Ф-1, Р-1. № 4601.

Итина М. А. История степных племен Южного Приаралья. М.: Наука, 1977. 246 с.

Колев Ю.И. Новый тип памятников эпохи бронзы в лесостепном Поволжье // Древности Восточно-Европейской лесостепи / Отв. ред. Н.Я. Мерперт. Самара: СГПУ, 1991. С. 162–206.

Колев Ю.И. Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 242 – 301.

Корочкова О.Н., Стефанов В.И., Стефанова Н.К. Культуры бронзового века предтаежного Тоболо-Иртышья (по материалам работ УАЭ) // Вопросы археологии Урала. Вып. 20. / Отв. ред. В.Т. Ковалёва. Свердловск: УрГУ, 1991. С. 70–92.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Прииртышье: факторы, механизмы, динамика: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2011. 37 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 29–55.

Обыденнов М.Ф. Межовская культура. Уфа: БЭК, 1998. 116с.

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притобалья. М.: Наука, 1985. 374 с.

Седова М.С. Поселения срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 209–242.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры позднего бронзового века (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: УрГУ, 1995. 195 с.

Семёнова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. Бронзовый век / Ред. Ю.И. Колев и др. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 152–208.

Старостин П.Н. Отчет об археологической разведке в зоне затопления Нижнекамской ГЭС, проведенной летом 1964 года. Казань, 1965. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2932.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

Халиков А.Х. Приказанская культура / САИ. Вып.1-24. М.: Наука, 1980. 128 с.

Халиков А.Х., Генинг В.Ф., Хлебникова Т.А. Отчет о полевых работах археологической экспедиции Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в 1958 г. / Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1771.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья / Отв. ред. Г.Б. Зданович. Челябинск: БГУ, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н., Лебедева Е.Ю., Журбин И.В., Лопес-Саец Х.А., Лопес-Гарсия П., Мартинес-Наваррете М.И.Н. Каргалы, Том II: Горный – поселение эпохи поздней бронзы: Топография, литология, стратиграфия: Производственно-бытовые и сакральные сооружения: относительная и абсолютная хронология / Отв. ред. Е.Н. Черных. М.: Языки славянской культуры, 2002. 184 с.

Чижевский А.А. Е.А. Халикова и проблема хронологии маклашеевского этапа приказанской культуры // Вопросы древней истории Волго-Камья / Отв. ред. Е.П. Казаков. Казань: Мастер Лайн, 2001. С. 174–176

Чижевский А.А. Финал бронзового века на территории Нижнего Прикамья: некоторые аспекты проблемы // XVII Уральское археологическое совещание: МНК (Екатеринбург, 19-22 ноября 2007 г.) / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Магелан, 2007. С.174–176.

Информация об авторе:

Шпилов Антон Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); shipilov_anton@mail.ru

MATERIALS OF THE LATE BRONZE AND EARLY IRON AGES FROM IGIM SITE (LOWER KAMA REGION)

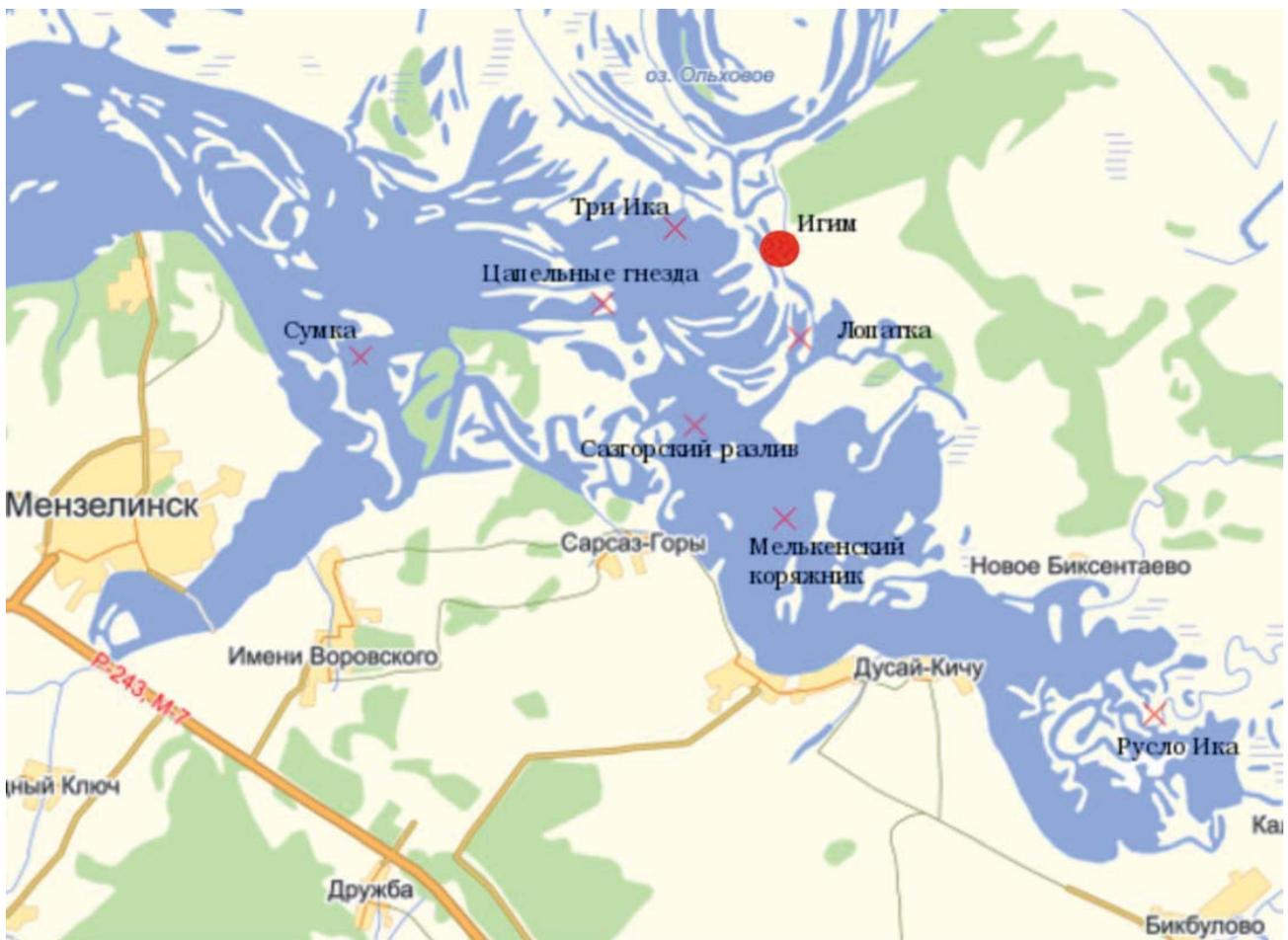
© 2017 A.V. Shipilov

The article features the results of a study of archaeological complexes dating back to the late Bronze and Early Iron Ages located at Igim site. The materials of the Late Bronze Age reflect several settlement stages of the site. The earliest stage is associated with the loghouse CHR, and the later - with the Maklashevo culture. The Early Iron Age is represented by cord ceramics of the ACHR.

Keywords: Late Bronze Age, Early Iron Age, Lower Kama region, ceramics, ornamentation.

About the author:

Shipilov Anton V. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Butlerov St., 30, Kazan, 420012, Republic of Tatarstan, Russian Federation; shipilov_anton@mail.ru



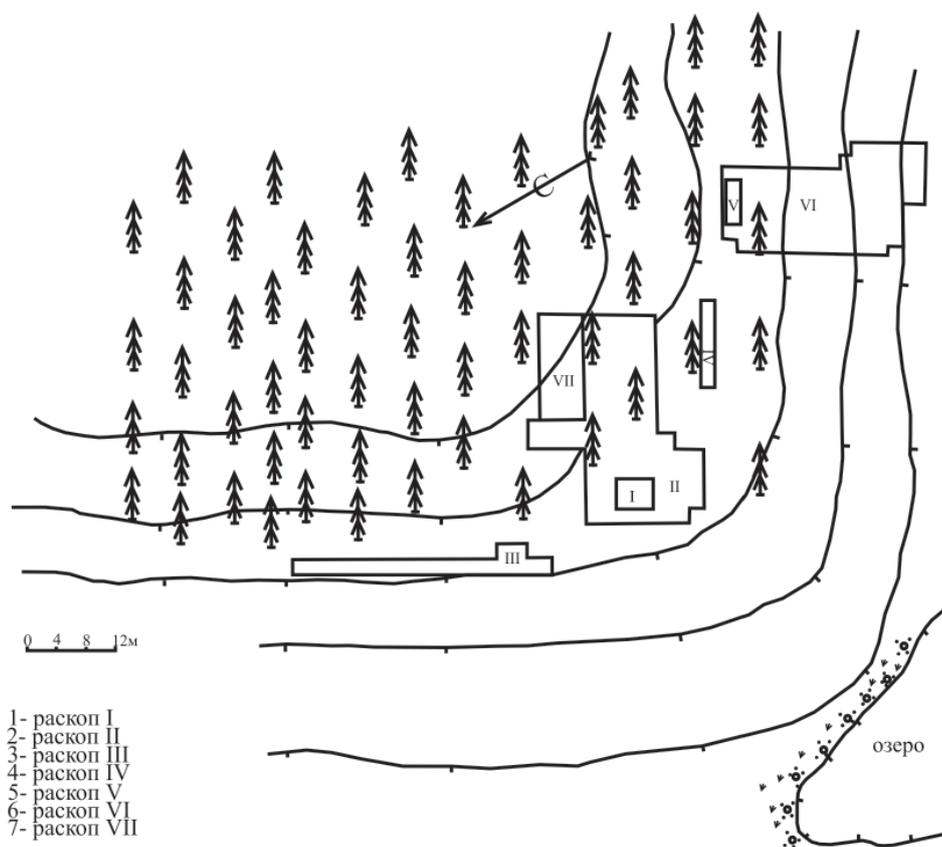
Условные обозначения:

● - Месторасположение Игимской стоянки

Рис. 1. Ситуационный план расположения Игимской стоянки на карте РТ.



Рис. 2. Игимская стоянка: Вид с юга (фото Чижевского А.А. 2007 г.)



Горизонталы через 1 метр

Рис. 3. Топографический план Игимской стоянки.

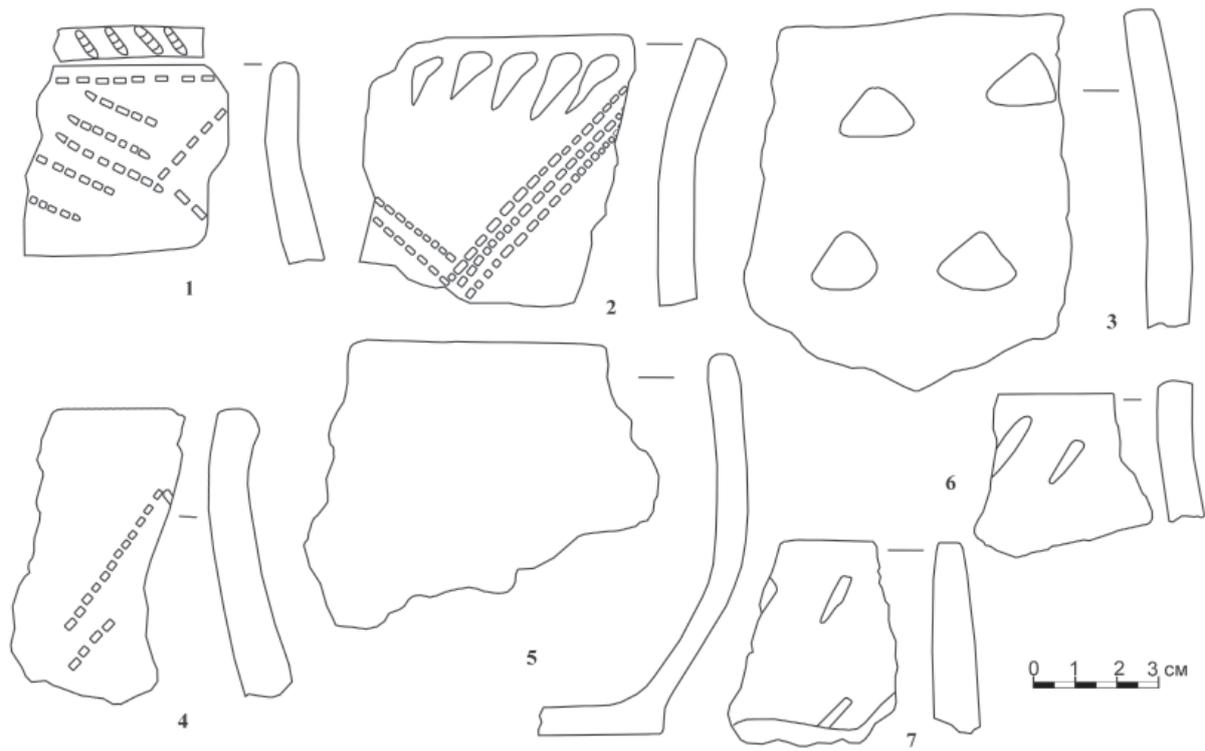


Рис. 4. Игимская стоянка: Керамика срубной КИО.



Рис. 5. Игимская стоянка: Керамика срубной КИО (продолжение).

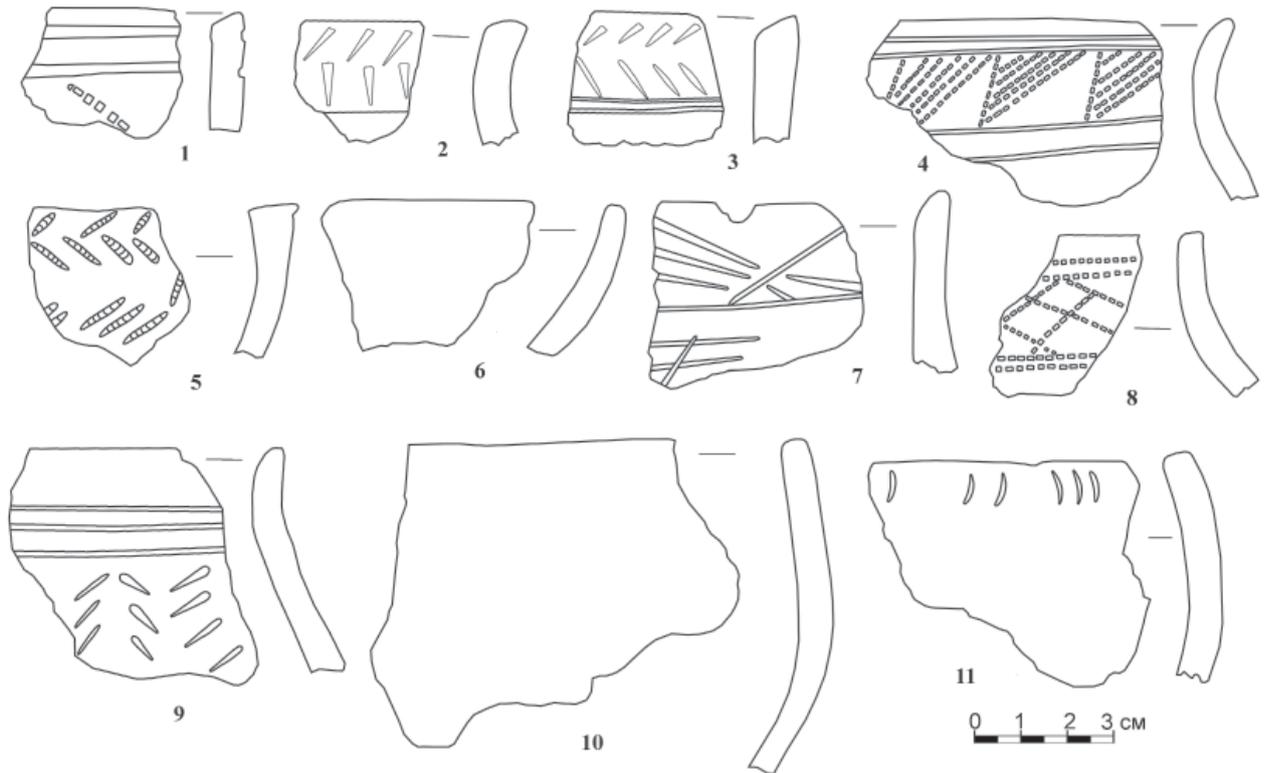


Рис. 6. Игимская стоянка: Керамика луговской культуры.



Рис. 7. Игимская стоянка: Керамика луговской культуры (продолжение).

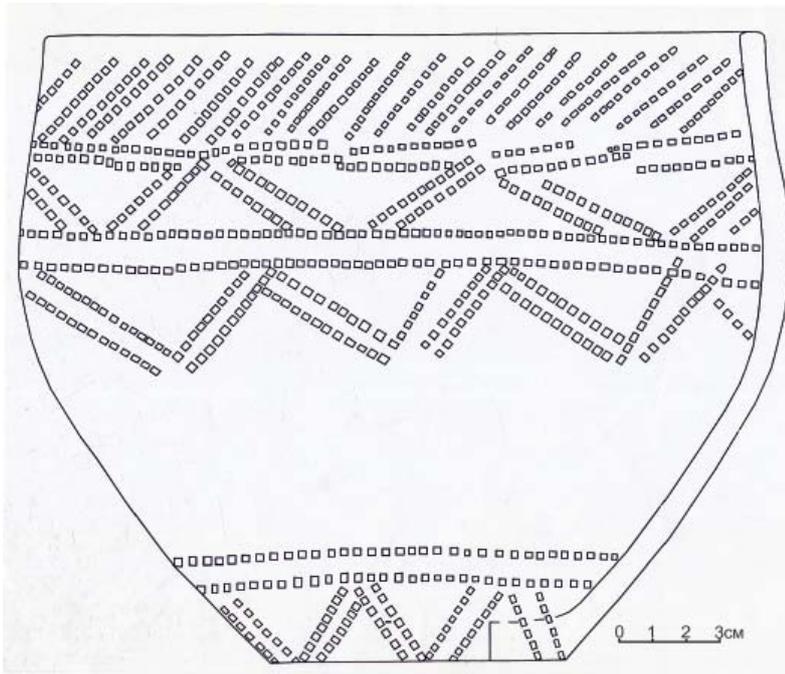


Рис. 8. Игимская стоянка: Керамика луговской культуры (окончание).

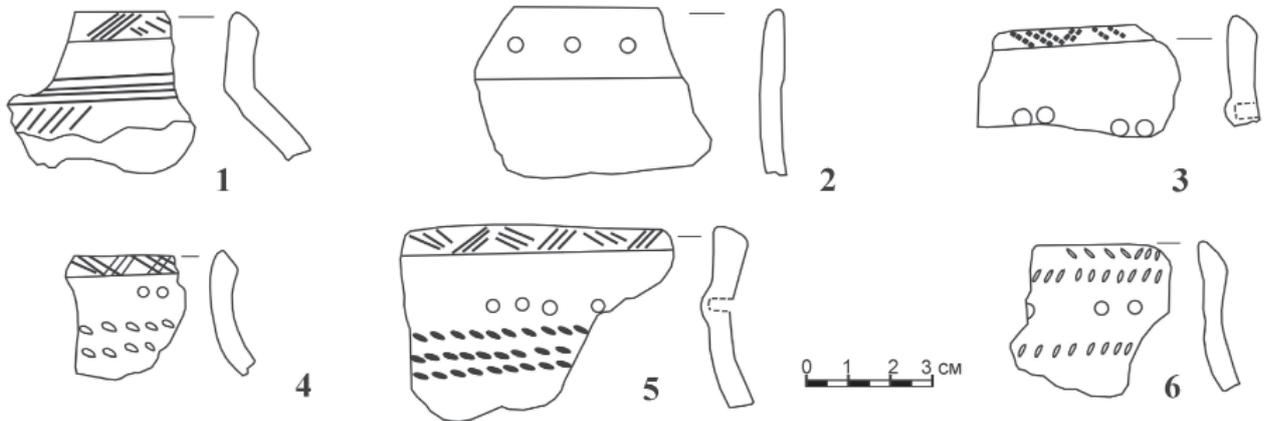


Рис. 9. Игимская стоянка: Керамика атабаевского этапа маклашевской культуры.

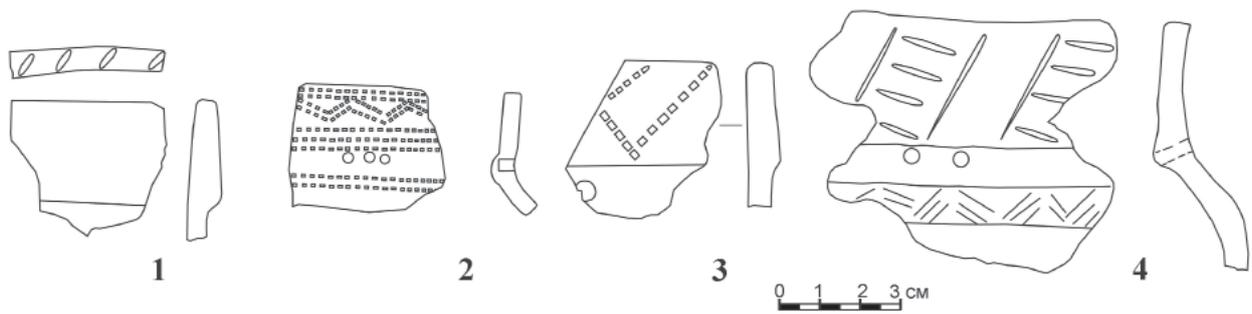


Рис. 10. Игимская стоянка: Керамика маклашевского этапа маклашевской культуры.

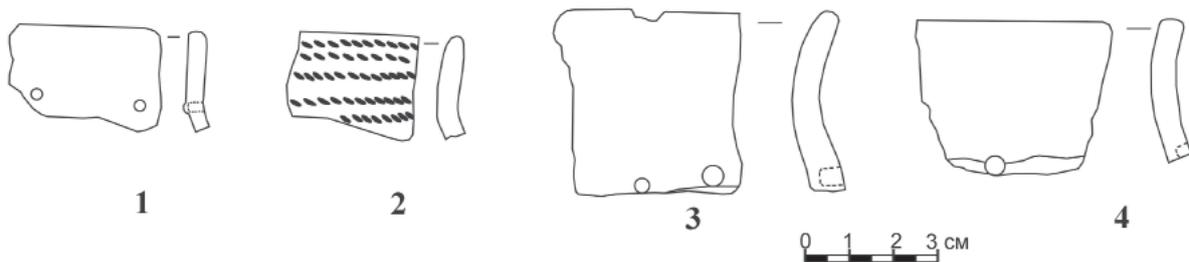


Рис. 11. Игимская стоянка: Керамика ананьинской КИО.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА И АНАНЬИНСКИЙ МИР

УДК 902.01

ОБРАЗ МЕДВЕДЯ В СКИФО-СИБИРСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

© 2017 г. В.И. Гуляев

Мотив медведя – самого крупного хищника Восточной Европы был очень популярен в I тыс. до н.э. в искусстве и религиозных верованиях разных племен и народов и воплощался в разных формах и материалах. Вопреки широко распространенному в отечественной историографии мнению, культ медведя и его отражение в зверином стиле были свойственными в скифскую эпоху не только культурам лесных регионов Крала и Сибири, но и населению Лесостепной Скифии и, особенно, жителям Среднего Дона.

Ключевые слова: искусство, медведь, культ, застежки-крючки, погребение, курган, городище, металлообработка, резьба по кости.

Скифская эпоха (время с VII по рубеж IV–III вв. до н.э.) – одна из наиболее ярких страниц в истории многих племен и народов, обитавших на обширных территориях Евразии между Алтаем, Тувой и Казахстаном на востоке и Придунавьем на западе. Большинство из них вело кочевой и полукочевой образ жизни и, по мнению лингвистов, принадлежало к северной ветви древнеиранской языковой группы. Однако, судя по свидетельствам античных авторов, собственно скифы (или «скифы европейские») занимали степные и лесостепные области Северного Причерноморья между Доном и Дунаем. Именно здесь появилось тогда первое военно-политическое объединение государственного типа¹. Господствовали в нем скифы – кочевые ираноязычные племена, пришедшие в благодатные причерноморские степи откуда-то «из глубин Азии» (как пишет Геродот) не позднее VII в. до н.э. и подчинивших себе обитавшее там местное население².

Скифская культура и, особенно, скифское искусство («звериный стиль») всегда

¹ Вопрос о времени создания скифского государства остается пока дискуссионным: даты этого события колеблются от VII в. до н.э. (А.И. Тереножкин и др.) и до конца V–IV вв. до н.э. (Б.Н. Граков, В.Д. Блаватский и др.).

² Согласно мнению античных авторов (в том числе и Геродота), границей между Европой и Азией служила река Танаис (Дон) и Керченский пролив.

находились в центре внимания отечественной науки. Достаточно напомнить, что в декабре 1972 г. в Москве была созвана Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, посвященная исключительно одной важной проблеме – скифо-сибирскому звериному стилю (Скифо-сибирский... 1976). Вышли и отдельные монографические труды, посвященные тем или иным аспектам скифо-сибирского искусства (Переводчикова, 1994; Королькова, 2006; Черемисин, 2008; и др.).

Тем не менее, тема скифского искусства сложна и разнообразна и далека еще от полного понимания. Один из образов этого искусства и послужил поводом для написания данной статьи. Речь идет о весьма редко упоминаемом в исследованиях по скифскому звериному стилю сюжете – мотиве медведя на территории Степной и Лесостепной Скифии. Еще с 50–70-х гг. XX века среди специалистов-скифологов сложилось глубокое убеждение в том, что мотив медведя вообще не имеет к Скифии никакого отношения. Редкие изображения этого грозного зверя, встречавшиеся в скифских захоронениях Днепро-Донской лесостепи, либо просто игнорировались, либо безоговорочно объяснялись влиянием ананьинской культуры Прикамья и прочих культур лесной полосы Урала и Сибири. Каковы же были причины подобных взглядов? Здесь сыграли свою роль три важных обстоятельства. **Во-первых**, всеобщее убеждение

(людей XX века) в том, что медведи – эти сильные и опасные хищники – обитали и обитают главным образом в тайге, в глухих лесных массивах, каковых и по сей день хватает на севере Урала и в Сибири. **Во-вторых**, широко известный из работ этнографов особый культ почитания медведя («Медвежий праздник») у коренных народностей именно северных лесных территорий нашей страны. И, наконец, **в-третьих**, почти полное (до недавнего времени) отсутствие информации по затронутой теме в археологических комплексах Степной и Лесостепной Скифии.

Соответствующая ситуация находила свое отражение и в научной литературе. М.И. Ростовцев и Г.И. Боровка считали, что искусство звериного стиля в его основе сложилось за пределами Скифии (и это верно, если признать, что скифы пришли в Северное Причерноморье «из глубин Азии»), к востоку и северо-востоку от нее. Оба исследователя усматривали тесную связь между скифским и сибирским искусством, но М.И. Ростовцев выступал за существование в древности общего для обоих регионов раннего центра в Центральной Азии (Rostovtzeff, 1929, p. 26), тогда как Г.И. Боровка отдавал предпочтение лесной зоне Сибири (Воговка, 1928, p. 39).

Изучению мотива медведя в скифском искусстве уделила внимание и известный скифолог В.А. Ильинская. Возражая против главной идеи Г.И. Боровки, она пишет: «... Гипотеза происхождения древней основы скифского звериного стиля от искусства народов лесной полосы полностью не подтвердилась. Однако едва ли можно сомневаться в том, что именно от этого круга ведут свое происхождение изображения медведя... в ананьинской культуре Прикамья, получившие затем распространение на Среднем Дону и в савромато-скифском мире...» (курсив мой – В.Г.) (Ильинская, 1976, с. 14). О господстве в искусстве савроматских племен, обитавших в степях Южного Приуралья, мотивов волка и медведя, «вероятно, бывших некогда тотемами ряда родов и племен», пишет К.Ф. Смирнов (1976, с. 75, 80). С.В. Киселев утверждает, что в тагарском искусстве Южной Сибири в раннюю эпоху преобладают мотивы кабана, медведя и горного козла (1951, с. 249, 250).

Таким образом, в 50–70-е гг. XX века среди отечественных археологов, занимавшихся проблемами скифо-сибирского искусства, прочно утвердилось мнение о происхождении образа медведя (без указания его характерных черт и особенностей, а также

хронологии) из северной лесной полосы, в целом, и из ананьинской культуры Прикамья, в частности. Именно оттуда получили «своих медведей» ираноязычные кочевники-савроматы и племена, жившие в V–IV вв. до н.э. на Среднем Дону.

Начну со среды обитания этих грозных хищников в прошлом и настоящем. Вот несколько общих сведений о буром медведе из энциклопедии. «Некогда бурый медведь (*Ursus artctos*) был обычен по всей Европе, включая Англию и Ирландию, на юге его ареал достигал северо-запада Африки (горы Атласа), а на востоке через Сибирь и Китай доходил до Японии. В Северную Америку он, вероятно, попал около 40 000 лет назад из Азии через Берингов пролив, и широко расселился в западной части континента от Аляски и до севера Мексики. Сейчас бурый медведь истреблен на большей части прежнего ареала» (Медведь... 1982, с. 128–130).

В раннем железном веке даже в степной зоне Северного Причерноморья, по долинам больших (Дон, Днепр, Южный Буг и др.) и малых рек, текущих обычно с севера на юг, лесные заросли (судя по современным палеогеографическим исследованиям) доходили вплоть до морского побережья (достаточно вспомнить лесные чащи Гилеи в устье Днепра-Борисфена). Что же говорить об обширных широколиственных лесах Днепро-Донской Лесостепи, где еще до недавнего времени росли дубы-великаны со стволами более 1 м в диаметре. Естественно, здесь в изобилии водилось всевозможное зверье, в том числе и медведи. Например, их видели в окрестностях Воронежа еще в XVIII веке (Россия... 1902, с. 76; Либеров, 1971, с. 16). Трудно себе представить, чтобы люди, обитавшие в этих местах в I тыс. до н.э. и часто (вольно или невольно) сталкивавшиеся с самым крупным и опасным хищником Восточной Европы, как-то не запечатлели бы образ медведя в своих верованиях, обрядах и культуре.

Биолог В.С. Байгушева, работающая вместе с археологами на Нижнем Дону, свидетельствует о том, что кости медведя найдены даже на таких степных памятниках, как Саркел и Азак. «Наличие пойменных и байрачных лесов в низовьях Дона не исключает присутствие медведей, тем более, что всеядному зверю было что есть в этой области» (2006, с. 350). Это подтверждает и зоолог В.Г. Гептнер: «Медведи несомненно жили по урёмам южно-русских рек... и степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона эти звери

встречались еще в VIII–XII вв. ... Медведь экологически очень гибок и мог существовать не только при весьма незначительной растительности, как в Казахстане, но и по урёмным лесам, в кустарниках по речным долинам, даже и в степи» (Гептнер, Слудский, 1972).

По мнению М.И. Ростовцева, центр формирования раннего скифского искусства находился в Центральной Азии. Эту точку зрения разделяют и многие современные исследователи (А.И. Тереножкин, А.Ю. Алексеев и др.). При этом следует напомнить, что данный регион занят не только обширными степными пространствами, но и мощными горными системами (Тува, Казахстан, Алтай), которые и по сей день сохранили свой густой лесной покров, а, значит, там, наряду с другими животными, должны были водиться и медведи. Следовательно, утверждение об обитании в древние времена медведей только в глухой северной тайге не соответствует действительности.

Судя по имеющимся данным, эти хищники были представлены когда-то не только в Восточной, но и в Центральной и Южной Европе. Например, развитый культ медведя существовал в древности на самой южной оконечности Европейского континента – в Греции – и был тесно связан с богиней Артемидой. В ее честь устраивали пышные празднества, на которых приносили в жертву медведя. В храме богини постоянно держали прирученного зверя. А ее жрицы в особо торжественных случаях облачались в одежды из медвежьих шкур. Само имя Артемиды происходит от греческого слова «медведь» (Соколова, 2000, с. 129). До сих пор существует культ медведя и у прямых потомков скифов – осетин (Чибирев, 2008, с. 167), живущих в горах Кавказа. Таким образом, для прошлых эпох ассоциация «медведь-север-тайга» нуждается в серьезной корректировке. Этот грозный и опасный хищник жил прежде практически по всей Европе, что нашло свое отражение в фольклоре и религиозных верованиях многих европейских племен и народов (Иванов, Топоров, 1982, с. 128–130).

Короткая справка о главном «герое» этой статьи – буром европейском медведе (*Ursus artctos*). Медведи, живущие в средней полосе России, имеют 1,2–2 м в длину при высоте в холке около 1 м и массе от 400 до 500 кг. Взрослые самцы в среднем в 1,6 раза крупнее самок. Облик бурого медведя типичен для всех медведей. Тело у него мощное, с высокой холкой; голова массивная с неболь-

шими ушами и глазами. Хвост короткий – 65–210 мм, едва выделяющийся из шерсти. Лапы сильные с мощными, невтяжными когтями длиной 8–10 см, *пятпалые*, стопоходящие. Шерсть густая, равномерно окрашена. Цвет меха варьирует от светло-палевого до синеватого и почти черного. Самой обычной является бурая окраска. Бурый медведь всеяден, но рацион у него на 75% растительный: ягоды, жёлуди, орехи, корни, клубни и стебли трав. В его питание входят также насекомые (муравьи), черви, ящерицы, лягушки и грызуны (мыши, сурки, суслики, бурундуки). Хотя хищничество не является главной пищевой стратегией бурых медведей, они добывают и копытных млекопитающих – косуль, ланей, оленей, кабанов и лосей. Бурый медведь любит мёд, поедает падаль и порой отнимает добычу у тигров, волков и орлов-беркутов. Обычным объектом питания бурого хищника служит также рыба во время нереста (особенно лососевые). Сезонная цикличность жизни ярко выражена. К зиме медведь нагуливает подкожный жир (до 180 кг) и с осени залегает в берлогу. В разных районах зимний сон длится от 75 до 195 дней (с октября-ноября до марта-апреля). За период зимовки медведь теряет до 80 кг жира. Неуклюжий на вид бурый медведь очень быстро бежит – со скоростью свыше 55 км/ч, превосходно плавает и хорошо лазает по деревьям. О его силе говорит то, что одним ударом этот зверь способен сломать спину быку или лосю (Медвежьи. Википедия; Бурый медведь. Википедия).

Итак, бурый медведь в скифскую эпоху (I тыс. до н.э.) обитал по всей территории и Европы – от ее северных окраин и до средиземноморского (и черноморского) побережья.

Заметно расширилась сегодня и фактическая база по интересующей нас проблеме – речь идет о новых археологических находках на Среднем и Нижнем Дону, в степных и лесостепных областях Приднепровья и Южного Приуралья.

На мой взгляд, необходимо определить, прежде всего, основные разновидности мотива медведя в скифо-сибирском искусстве, установить хронологические рамки их существования и подсчитать количество «медвежьих предметов» для каждой из областей их распространения. Начнем с количества. В настоящее время в среднедонских курганах скифской эпохи найдено 8 металлических крючков-застежек, узкая (рабочая) часть которых оформлена в виде головы ушастого орлиноголового грифона с длинным изогну-

тым клювом, а на широкой пластине изображена фигура стоящего в профиль (в правую или левую сторону) с опущенной вниз головой с раскрытой зубастой пастью и большими когтистыми лапами медведя: 6 бронзовых, 1 серебряный и 1 железный с золотой обкладкой. Кроме найденных ранее трех экземпляров (бронзовый и железный с золотом – из Частых Курганов, курган № 11) и бронзовый – из кургана № 1 у с. Русская Тростянка (Гуляев, 1969, с. 112, рис. 1, 2), еще 3 экземпляра найдены недавно в могильнике у сс. Терновое и Колбино в Воронежской области – курган № 4 у с. Терновое (Савченко, 2001, с. 62, рис. 7, 26); курган № 17 у с. Колбино (Шевченко, 2009, с. 82, рис. 21, 1); курган № 1 (9) у с. Колбино из раскопок П.Д. Либера в 1971 г. (Савченко, 2001а, с. 155, рис. 2, 21); одна бронзовая застежка из кургана № 38 у с. Староживотинное в 20 км к северу от г. Воронежа (Медведев, 2001, с. 13, рис. 4, 5); бронзовый крючок с медведем из кургана № 6 у х. Дубовой, в 75 км к югу от Воронежа (Березуцкий, 2006, с. 140, рис. 2, 4).

Совершенно аналогичные среднедонским бронзовые крючки-застежки с медведями и грифонами обнаружены в кургане у хутора Кащеевка Ростовской области, Нижний Дон (2 экз.) (Максименко, 1983, с. 172, рис. 18, 14-15). Очень похожий по стилю бронзовый крючок с медведем случайно найден у с. Бажиган в Ставрополье (Крупнов, 1960, с. 154, рис. 17, 7). Еще один бронзовый крючок-застежка с фигурой стоящего в профиль (в левую сторону) медведя случайно найден на городище Красный Курган Хомутовского района Курской области. Предмет поврежден: у него обломан округлый штырь, который должен был заканчиваться изогнутым клювом-крючком в виде головы ушастого орлиноголового грифона. Но фигура лесного хищника, со всеми характерными деталями, сохранилась довольно хорошо и полностью соответствует среднедонским образцам подобных «медвежьих» застежек (Шпилев, 2012, с. 169, рис. 3, 4).

Для среднедонской группы изображений медведя в металле характерны следующие черты: стоящая в профиль (вправо или влево) сгорбленная фигура с опущенной вниз мордой и открытой зубастой пастью, с маленькими круглыми ушами, огромными когтистыми лапами. Плечевые мышцы часто отмечены спиральными завитками. Таких крючков-застежек (бронза, серебро, железо, обтянутое золотой фольгой) на Среднем Дону,

как было сказано выше, найдено 8 экземпляров. Но есть и еще одна категория предметов с изображением стоящего «сгорбленно» в профиль медведя с опущенной головой («поза пьющего медведя») со всеми теми стилистическими особенностями, что отмечены и для медвежьих образов на крючках – это серебряные и бронзовые бляхи-нащечники конской узды. В курганных комплексах Среднего Дона конца V–IV в. до н.э. их известно 13 экземпляров (Савченко, 2009, с. 261).

Следует особо отметить, что блях конской узды с медведями, похожих на среднедонские образцы, в других областях скифо-сибирского мира до сих пор не обнаружено. Точно в такой же манере представлен стоящий влево в профиль медведь на золотой ручке деревянного культового сосуда из кургана № 1 группы Частых Курганов (раскопки ВУАК) (Либера, 1965, с. 95, табл. 28, 5). Есть и еще один медведь, правда, явно выпадающий по своим стилистическим особенностям из общей «медвежьей» группы, описанной выше. Речь идет о серебряном конском налобнике в виде круглой скульптурной фигуры медведя, стоящего в профиль на мощных когтистых лапах и найденного археологами ВУАК в кургане № 8 группы «Частые Курганы» (Замятнин, 1946, с. 29, рис. 14, 3). Если учесть еще четыре бронзовых крючка-застежки с фигурами медведей в среднедонской трактовке деталей – два крючка из кургана № 1 у хутора Кащеевка на Нижнем Дону и один крючок из Бажигана в Ставрополье, а также поврежденный бронзовый крючок с медведем из Курской области, – то мы получим 25 металлических предметов с «медвежьим» образом в хорошо узнаваемом местном стиле.

Характерной чертой среднедонских металлических крючков-застежек является и то, что помимо изображения медведя на широкой части предмета, перпендикулярно к ней идет округлый стержень, заканчивающийся изогнутым крючком-клювом головы «ушастой хищной птицы» (это образ орлиноголового грифона в сокращенном виде). На территории степной и лесостепной Скифии подобных среднедонским изделий до сих пор не встречалось (я не говорю здесь о двух крючках-застежках из золота и серебра с оленями и грифонами из Александропольского «царского» кургана). Но далеко к востоку от Дона есть регион, где в грунтовых и курганных могильниках есть металлические крючки-застежки с медведем и орлиноголовым грифоном. Это ареал распространения кара-

абызской культуры раннего железного века в бассейне р. Белой (Башкирия). Здесь известно 7 таких предметов из бронзы и железа: 2 из Охлебининского грунтового могильника, 4 из Шиповских I и III курганов и 1 из Биктимировского могильника (Овсянников, 2006, с. 172–174, рис. 2). Однако среди башкирских находок только два бронзовых крючка – из Охлебининского (погр. 85) и Биктимировского могильников – имеют значительное сходство со среднедонскими образцами. Помимо стоящего в профиль хищника на широкой части застежки, ее узкий конец оформлен в виде головы ушастого орлиноголового грифона. Остальные изделия (бронзовые и железные) имеют рабочую часть в виде простого гладкого крючка, хотя сильно стилизованная фигура медведя на широкой части предмета представлена.

Оценивая всю башкирскую группу металлических зооморфных застежек, В.В. Овсянников отмечает: «Кара-абызские крючки отличаются более слабой проработкой деталей, что указывает на их *вторичность* (курсив мой. – В.Г.). Восточнее Урала они неизвестны. Поэтому, скорее всего, они являются наследием ананьинской культуры» (2006, с. 173). Дата комплексов с этими крючками определена им IV–III вв. до н.э. Мне представляется, что вопрос об «ананьинском наследии» в случае с зооморфной металлопластикой на «медвежью тему» выглядит не совсем убедительно: ведь на территории ананьинской культуры пока не найдено ни одного металлического крючка, украшенного медведями и орлиноголовыми грифонами. Единственное исключение – бронзовая застежка из пограничного Чурачикского могильника в Чувашии, да и то там на щитке изображен не стоящий в профиль медведь с опущенной головой, а две медвежьи фигуры (вернее, только их головы), обращенные в разные стороны и выполненные в очень схематичной манере. Правда, ушастый орлиноголовый грифон здесь есть (Смирнов, Трубникова, 1965, табл. 19, № 11).

Образ стоящего в профиль зверя с опущенной вниз головой и мощными когтистыми лапами встречается на некоторых ананьинских костяных предметах, происходящих с городищ – медвежьи фигуры с Пижемского и Аргыжского городищ (Збруева, 1952, с. 177, табл. XXVI, 10). Однако в металле изображений медведей в описанной выше трактовке деталей там нет. А кара-абызские племена, испытавшие на себе мощное воздей-

ствие культуры ираноязычных племен савромато-сарматского круга, которые определенно имели прямые контакты со Скифией, вполне могли получить и форму, и стиль зооморфных металлических крючков-застежек и с запада, и с юга, а отнюдь не из лесного севера. Эта новая мода (а на Среднем Дону металлические крючки с медведями появляются еще в конце V в. до н.э.) через межплеменные контакты наложилась на издавна существовавший у местного населения лесостепного Приуралья медвежий культ.

Ананьинское же наследие, связанное с почитанием медведя, хорошо отразилось в более поздней пьяноборской культуре именно в бронзе, но в совершенно иных образах и формах: стоящих в профиль зверей там почти нет, зато получает широкое распространение (вплоть до Западной Сибири) совсем иной мотив медведя: голова в фас, лежащая на двух передних лапах («жертвенная поза»).

Есть лишь одна бронзовая фигурка-подвеска стоящего в профиль медведя со спиральными завитками на плечах, найденная на Гляденовском костыше. На спине зверя припаяна петля для подвешивания (Спицын, 1901, табл. III, 6). Но возраст предмета трудно определим. Во всяком случае, это конец IV, а скорее III в. до н.э.

Среднедонская культура скифской эпохи прекращает существование на рубеже IV–III в. до н.э., одновременно с гибелью Великой Скифии. Таким образом, бытование зооморфных («медвежьих») металлических крючков в их среднедонской трактовке относится к довольно короткому периоду, около ста лет, с конца V по конец IV в. до н.э.

Широкое воплощение медвежьего культа в сугубо местной трактовке в металле (бронза) начинается в Прикамье и Сибири лишь в конце ананьинской эпохи, а затем на памятниках пьяноборской и усть-полуйской культур. Там везде господствует мотив в виде головы медведя в фас, опирающейся на две передние лапы. Именно такое положение – размещение медвежьей головы и двух его передних лап на помосте или на специальной площадке (и пышные церемонии вокруг) – один из кульминационных моментов медвежьего праздника (практически до конца XIX – начала XX в.) у многих финно-угорских народов Урала и Сибири (Соколова, 2000, с. 122–127; Васильев, 1948, с. 91; Алексеенко, 1960, с. 95–98; Косарев, 2003, с. 42).

В разных публикациях приводятся фотографии и рисунки бронзовых блях с головой

медведя в фас, лежащей на двух передних лапах, происходящих с огромной территории от Камы до Оби (Спицын, 1901; Чернецов, 1953). Появляется (не позднее III в. до н.э.) и усложненный вариант этих блях в виде эполе-тообразных застежек, где изображена уже практически вся передняя часть зверя с вытянутыми вперед передними лапами (Чернецов, 1953, с. 128, табл. III, 2).

Но в двух случаях образы лесного хищника в подобной же трактовке обнаружены далеко на пределах обитания лесных финно-угорских племен: на золотой нашивной бляшке из кургана № 402 б. Чигиринского уезда, б. Киевской губернии – то есть в самой глубине Приднепровской Лесостепи, в комплексе вещей конца V–IV в. до н.э. (Бобринский, 1905, с. 20, рис. 50), и на золотых бляшках из кургана № 2 у с. Покровка в б. Оренбургской губернии (Ростовцев, 1918, табл. VI, 2, 5). Находка таких блях в степях Южного Урала особых вопросов не вызывает, учитывая географическую близость ираноязычных кочевников-сарматов с финно-угорским миром. Другое дело – чигиринская золотая бляшка, происходящая, кстати, из одиночного женского погребения в отдельном кургане. Проблема в том, что мы не имеем на промежуточных территориях (от Прикамья до Приднепровья) и особенно на Среднем Дону в скифскую эпоху ни одного подобного изображения медведя в «жертвенной позе».

Следовательно, вряд ли можно предполагать западное, скифское (включая Средний Дон), происхождение мотива медведя в такой трактовке («жертвенная поза»). Это, несомненно, сугубо местное, финно-угорское изобретение (напомню ниже о деталях Медвежьего праздника в этнографии). Показательно и то, что воплощение в искусстве медвежьего культа на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. (а такой культ, несомненно, существовал) осуществлялось совсем в других формах – на металлических крючках-застежках и бляшках конской узды, что вполне естественно, так как они были непременной принадлежностью конных воинов. Понятно и то, почему «медвежья тема» не нашла отражения в таких же изделиях у оседлого финно-угорского населения Прикамья, ведущего совсем иной образ жизни, весьма далекий от повседневности ираноязычных кочевых и полукочевых племен скифо-сарматского мира.

Тем не менее, есть основания предполагать, что медвежий культ, в разных его формах и проявлениях, существовал и на территории

Лесостепной Скифии. Для подобной гипотезы есть некоторые вещественные доказательства.

Когти медведя, использованные в качестве украшений конской узды, были найдены в гробнице № 2 Репяховатой Могилы у с. Матусов, Шполянского района Черкасской области. Гробница впускная, ограблена, но содержала обильный и разнообразный инвентарь VI в. до н.э., в том числе 16 конских уборов. «Одна из уздечек... украшена когтями медведя с отверстиями у нижнего края. Роговица уже у них истлела, сохранились лишь костяные основания...» (Определение когтей как медвежьих сделано палеозоологом В.И. Бибиковой) (Ильинская и др., 1980, с. 47, 48, рис. 19).

Амулет из медвежьего когтя, оправленного в золото и со сквозным отверстием для подвешивания, обнаружен в кургане № 2 Центральной группы близ г. Люботина Харьковской области. По набору бронзовых архаических наконечников стрел это разграбленное в древности погребение может быть отнесено к VI в. до н.э. (Бандуровский и др., 1998, с. 151–153). Оба упомянутых курганных комплекса находятся в Приднепровской Лесостепи и, таким образом, у обосновавшихся здесь скифов еще в эпоху архаики (VI в. до н.э.) прослеживаются определенные признаки почтительного отношения к могучему «хозяину леса».

Теперь о «чигиринской находке» – золотой нашивной бляшке из кургана № 402 Чигиринского уезда Киевской губернии. Исследовавший этот курган граф А.А. Бобринский написал о ней так: «маленькая золотая пластинка в виде львиной шкуры» (1905, с. 20). Фотография «пластинки», славу богу, там приведена. И здесь без труда можно заметить, что нет никакой «львиной шкуры», а есть четко переданная древним художником медвежья голова в фас, покоящаяся на двух передних лапах (Там же, с. 20, рис. 50) – образ, ставший каноническим в пьяноборском и усть-полуйском искусстве Приуралья и Западной Сибири в III–II вв. до н.э., но появившийся, видимо, еще на позднем этапе ананьинской культуры. Погребение в кургане № 402 оказалось сильно ограбленным. Воры проникли в гробницу, когда все ее деревянные конструкции были еще целы, а труп покойной (в могиле, по словам А.А. Бобринского, была похоронена знатная женщина со служанкой) еще не разложился. Грабители подтащили ее тело из глубины камеры к дромосу, куда

проникал дневной свет и обобрали все украшения и драгоценные, расшитые золотыми бляшками одежды. При перемещении покойной несколько бляшек (в том числе и одна с медведем) и украшений головного убора – отвалились и остались в могиле. Поэтому есть все основания считать, что «пластинок» со штампованным изображением медведя было, по крайней мере, несколько. Судя по набору уцелевших вещей, дата погребения конец V–IV в. до н.э. Чигиринские курганы находятся в глубине лесостепи Приднепровья.

Ошибку А.А. Бобринского повторил позднее и М.И. Ростовцев, который при публикации материалов Второго Покровского кургана из Оренбургской области (сарматская культура), назвал аналогичные чигиринской золотые бляшки изображениями головы льва или кабана (Ростовцев, 1918, с. 23, табл. VI, 2, 5). Но В.Н. Чернецов считает, что «покровские бляшки передают зверя с длинной мордой, вне всякого сомнения – медведя...» (Чернецов и др., 1953, с. 132–134).

Кстати, в этот же погребальный комплекс V–IV в. до н.э. входит и медвежий клык, оправленный в золото, с отверстием для подвешивания – явный амулет или оберег (Ростовцев, 1918, табл. VI, 7), что и позволило В.Н. Чернецову предположить: «У племен (сарматов. – *В.Г.*), оставивших Покровские курганы, мог существовать культ медведя, схожий с известным по угорской этнографии и фольклору и обусловивший возникновение перечисленных изображений. Медвежий клык, оправленный в золото и приспособленный для ношения в качестве привески из того же Второго кургана, подтверждает высказанное предположение» (Чернецов и др., 1953, с. 134). Но вернемся в Скифию.

Образ медведя в Степной Скифии

Изображение медведя, в полном его виде, впервые представлено в скифских погребальных комплексах во второй половине VII в. до н.э. – в Келермесском кургане № 4 (Северо-Западный Кавказ, Закубанье). Речь идет о серебряном с позолотой зеркале греко-восточного (ионийского) производства, на котором, среди различных богов, людей и животных, четко выделяется фигура идущего медведя. В центре всей композиции на зеркале стоит крылатая богиня Кибела со львами в руках, очень напоминающая по своим функциям скифскую Аргимпасу – богиню плодородия животного и человеческого мира. Как считает А.Ю. Алексеев, в данном случае греческий мастер ориентировался на запросы скифского

заказчика (2012, с. 108–113). Но это Северный Кавказ и архаический этап существования скифской культуры. Позднее главный ее центр смещается в Северное Причерноморье.

Что же касается Степной Скифии, то мотив медведя встречен там в кургане V в. до н.э. Чабанцева Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской области. В центральной гробнице (почти начисто ограбленной) были обнаружены фрагменты железного пластинчатого панциря, кости животных от напутственной пищи, костяная рукоять ножа, бронзовый наконечник стрелы и *золотая обивка деревянной чаши* (курсив мой. – *В.Г.*) (Великая Скифия... 2002, с. 51). На одной из пластин золотой обивки изображен стоящий во весь рост в профиль с опущенной вниз головой лесной хищник – медведь (Гончарова, 2001, с. 46, рис. 1, 2). Здесь мы наблюдаем полное сходство с золотой обивкой ручки деревянного сосуда из кургана № 1 Частых Курганов.

Голова медведя в фас четырежды изображена на кабаньем клыке из Киевского Исторического музея (случайная находка на территории Лесостепного Приднепровья) (Яковенко, 1969, с. 202, 203, рис. 1, 4). Автор публикации этого предмета считает, что здесь представлен именно медведь в «жертвенной позе» (Там же, с. 203).

В боковой гробнице кургана Солоха (близ с. Великая Знаменка, Каменко-Днепровский район Запорожской области) с абсолютно целым захоронением скифского царя (дата 390–380 гг. до н.э. – см. Бидзиля, Полин, 2012, с. 515) была найдена *золотая оковка деревянного сосуда* с ручкой в виде головы медведя (Алексеев, 2012, с. 147). Публикуя этот предмет, А.Ю. Алексеев отметил, что «ручки в форме голов или фигур животных – относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V–IV вв. до н.э., но встречаются также и за ее пределами. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение. Во всяком случае, некоторые элементы головы медведя, такие как глаз и ухо с внутренним завитком, соответствуют по форме особенностям искусства алтайских племен скифской эпохи» (Там же, с. 146).

Здесь можно возразить сразу по двум пунктам. Во-первых, золотые обкладки деревянных культовых сосудов с ручками в виде фигур животных и птиц хотя и не так часто, но встречаются в погребениях скифской знати (возможно, их редкость во многом объясняется повальным ограблением скифских могил

в древности). В Чабанцевой Могиле на золотой обкладке ручки деревянной чаши выбито штампом изображением стоящего в профиль медведя (полная аналогия этому предмету – золотая ручка с медведем из кургана № 1 группы Частые Курганы у г. Воронежа (Либеров, 1965, с. 95, табл. 28, 5). В «царском» Бердянском кургане, 380–370 гг. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 519), также сильно ограбленном, найдена деревянная чаша с золотой оковкой по венчику и ручками в виде головы и хвоста хищной птицы (Чередниченко, Мурзин, 1996). Похожий сосуд с золотой оковкой и ручкой в виде хищной птицы известен из кургана № 11/2 группы Частых Курганов (Либеров, 1965, с. 97, табл. 29, 4).

Не согласен я и с утверждением А.Ю. Алексеева о сходстве (на основе некоторых стилистических элементов в трактовке глаза и уха) головы-ручки медведя из Солохи с искусством Алтая. В V–IV вв. до н.э. в том регионе господствовала пазырыкская культура, и для ее обширнейшего бестиария мотив медведя был практически не известен (Черемисин, 2008, с. 28–77). А вот прямые и многочисленные аналогии солохскому «медвежьему» сосуду мы встречаем в савромато-сарматской культуре ираноязычных кочевников Южного Приуралья – в деревянных сосудах с золотыми обкладками и ручками в виде медведей в Филипповском «царском» кургане № 1 (Пшеничнюк, 2012, с. 102, рис. 14, 1-7; цвет – фото 5, с. 213, рис. 156 – реконструкция этого сосуда).

В целом, в курганах Степной Скифии на протяжении V–IV вв. до н.э., несмотря на повальное ограбление, деревянные культовые сосуды с золотыми обкладками, на которых методом штамповки выбиты изображения зверей, птиц и фантастических животных (грифонов), отнюдь не являются редкой находкой. Другое дело – образ медведя. Он встречается в местных археологических комплексах не часто.

Предположение о существовании какой-то формы культа медведя не только в Лесостепной, но и в Степной Скифии совсем недавно получило дополнительное подтверждение после публикации материалов из раскопок элитного кургана Близнач-2 у Днепропетровска (Ромашко, Скорый, 2009, с. 68, 69). Курган относится к концу V в. до н.э. и был основательно ограблен и в древности, и в XIX веке.

Ниже приведена длинная цитата с описанием новой «медвежьей» находки в захоронении знатного скифа-степняка: «Пять когтей

бурого медведя, длина наибольшего из них 6,2 см, наименьшего – 3,6 см. Напомним, что они были обнаружены во внутренней могильной яме, в заполнении, находясь рядом друг с другом. Находки медвежьих когтей в могилах скифской эпохи весьма немногочисленны и известны нам лишь в нескольких памятниках Лесостепи, в частности в гробнице № 2 кургана Репяхеватая Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (где 6 медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями являлись уздечными украшениями), гробнице кургана № 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (где найден медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания, т.е. амулет), относящиеся к концу VII – началу VI в. до н.э., и в центральной могиле Большого Рыжановского кургана начала III в. до н.э. в междуречье Гнилого и Горького Тикича (где 4 когтя располагались с трех сторон скелета знатного скифского воина). По-видимому, медвежьи когти в описанных случаях, как и зубы медведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки, которые довольно обычны в курганах скифского времени, например, в Днепровском Лесостепном Правобережье Киевщины, в меньшей степени известны в степной зоне Северного Причерноморья, верно и вполне однозначно трактуемые как амулеты-обереги, обладающие магической силой, следует интерпретировать аналогично. Очевидно, когти могучего зверя, каковым является медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил.

В нашем же случае, похоже, мы имеем иную, чрезвычайно интересную, а для скифских захоронений и необычную ситуацию. Поскольку все 5 когтей медведя лежали... компактно, рядом, а точнее, вместе (и это после ограбления захоронения!), мы вправе рассматривать их в качестве остатков *медвежьей лапы* (курсив мой. – В.Г.).

Эта находка позволяет вспомнить группу бронзовых украшений конской узды – блях в виде «медвежьей лапы», получивших распространение в V в. до н.э., имевших, как и ряд иных изделий, оформленных в зверином стиле и декорировавших узду, сакрально-магический характер. Заманчиво предположить, что в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразом для создания металлических амулетов-оберегов...» (Там же, с. 68, 69).

В.А. Ильинская отмечает, что «среди уздечных украшений V в. до н.э. есть бронзовые бляшки в виде бедра и задних ног хищников с могучими лапами. Появление этого мотива относится к началу V в. до н.э. ... Этот мотив сохраняется на протяжении всего IV в. до н.э.». И именно его упомянутая исследовательница называет «медвежьей лапой» (1968, с. 132). Здесь, правда, есть некоторые сомнения. Во-первых, среди задних лап хищников (к тому же подвергшихся сильной схематизации) трудно выделить именно медвежьи. А, во-вторых, встречается немало случаев, когда там представлены изображения задних ног травоядных *копытных* животных.

В курганах Днепровского Лесостепного Левобережья В.А. Ильинская находит и другие предметы с изображениями медведя. «Еще более редкими в скифском искусстве, - пишет она, - являются бронзовые бляхи в виде медвежьей головы, четыре экземпляра которых происходят из кургана № 1 у с. Аксютинцы» (Там же, табл. XVII, 9). Но в курганных захоронениях V-IV вв. до н.э. в Лесостепной и (реже) Степной Скифии встречаются бронзовые бляхи конской узды, оформленные, как считают одни исследователи, в виде кисти человеческой руки, а другие – в виде медвежьей лапы. Частично, видимо, правы обе стороны. Ошибиться в интерпретации здесь не трудно: и медведь и человек имеют по пять пальцев на руке и лапе. А довольно грубая отливка подобных предметов в древности отнюдь не способствует проведению четкого различия. Правда, в нескольких очень редких случаях (при большом увеличении, через лупу) можно разглядеть даже ногти, то есть речь здесь явно идет о кисти человеческой руки. Но чаще всего, такая «рука» выглядит именно как «медвежья лапа». Характерно, что в большинстве случаев, эта «лапа»-«рука» - правая. Подобные находки насчитываются сейчас на территории Лесостепной Скифии уже десятками (наиболее полную их сводку см.: Могилев, 2008, с. 322, рис. 103). Интересно, что, чаще всего, окончания «пальцев» подобных «рук» заострены и напоминают скорее когти медведя, нежели пальцы человеческой руки. О «медвежьей» трактовке таких блях писали А.А. Бобринский (1905, с. 7) и С.В. Махортых (2006, с. 57–59). А для археологов-скептиков можно привести несколько фактов из этнографии.

Культ медведя по этнографическим данным

«Под медвежьим праздником...», - пишет этнограф Б.А. Васильев (1948, с. 78), - понимается комплекс обрядов, связанных с охотой на медведя, с освеживанием его туши, с едой его мяса, с «похоронами» его черепа и костей. Этот обрядовый комплекс осмысливается особым медвежьим мифом, менее устойчивым, чем сами обряды. В основе последних лежит представление о медведе как священном звере, как о хозяине тайги... Культ медведя имел наибольший ареал: он охватывал Скандинавию и Кольский полуостров, Северо-Восточную Европу, Таежную Сибирь и Амурский край, лесную зону Северной Америки. Следы культа медведя обнаружены в Швейцарии, а в античную эпоху также во Франции, в различных странах Малой Азии и в Тавриде...». «Отрезание кожи с носа у медведя было широко распространенным обычаем. Он был известен у саамов, хантов, тувинцев, кетов, якутов, чукчей..., нивхов и айнов... Часто нос медведя... служил маской. Например, у кетов исполнялся медвежий танец, причем охотник надевал себе на лоб медвежий нос с двумя верхними зубами... Ханты почитали нос медведя наиболее священной частью зверя... Алтайские тюрки местом обитания души зверя считают нос...» (Там же, с. 88). Напомню, что в кургане № 36 у с. Колбино (IV в. до н.э.) найдена именно передняя часть морды медведя, где был когда-то нос.

Изучение культа медведя у енисейских кетов, сохранявших до недавнего времени характерные особенности древней культуры пещерных охотников и рыболовов тайги (способы и приемы охоты, промысловые орудия, средства передвижения, а также различные элементы духовной культуры), представляют особый интерес (Алексеенко, 1960, с. 90). По старинным, еще недавно существовавшим представлениям кетов, медведь – это «царь» всех зверей, живущих на земле. Отмечая отношение к медведю как к «богу земли», М.А. Кастрен писал: «Остяк (енисейские остяки – старое название кетов. – В.Г.) думает, что он (медведь. – В.Г.) не зверь, как все прочие, что звериная шкура его только покров, под которым оказывается существо, имеющее человеческий вид и одаренное божеской силой и мудростью» (1856, с. 327). Главное отличие медведя от прочих зверей, – отмечает В.И. Анучин, – в том, что у него, как и у людей, имеется душа (1914, с. 12). «Кеты, прежде чем обдирать шкуру, отрубали (в запястье) *правую переднюю лапу* медведя (курсив мой. – В.Г.)...»

По представлениям кетов, медведь имеет душу... Душа медведя – душа умершего человека, который и является к своим родственникам в образе медведя. Специфичен для кетов обычай обязательного выяснения, кто из умерших родственников пришел к ним. К выяснению приступали, трижды подбрасывая отрубленную *правую лапу* медведя, и каждый раз задавая вопрос... Для утвердительного ответа лапа должна была упасть «ладошкой» (волярной стороной) вверх... Подбрасыванием лапы определяли и сколько дней (обычно три) родственник собирался гостить... Метанием лапы прежде разрешали и возникавшие споры... В дальнейшем *правую лапу сохраняли как талисман*» (Алексеев, 1960, с. 95, 96) (курсив мой. – В.Г.).

«Клятва на медвежьей шкуре и особенно на медвежьей голове, – отмечает М.Ф. Косарев (2003, с. 41), – считалась самой крепкой и нерушимой... *Клык и коготь* медведя (курсив мой. – В.Г.) хранились как обереги и талисманы... Ненцы носили клык медведя на поясе и считали, что он оберегает от злых духов и приносит удачу в охоте...».

«Образ медведя – как в целом, так и в обрядности Медвежьего праздника – многогранен и полисемантический. В разных эпизодах (обрядовых, ритуальных, театральных) обычно главенствовала какая-нибудь одна из функциональных ипостасей медведя: божество, злой дух, культурный герой, старший родственник, помощник хозяина Нижнего мира, небесный гость, «лесной князь», дух-помощник шамана и пр. ... В ритуалах сибирских медвежьих праздников речь идет не столько о медведе-тотеме, сколько о медведе-родственнике, под которым обычно разумеют некогда (не обязательно в далеком прошлом) умершего сородича, пришедшего ночной порой в облике медведя в свой бывший мир навестить сородичей и имеющего возможность по уходе из «гостей» (если его, конечно, хорошо примут) походить перед своим и потусторонними «хозяевами» об удовлетворении земных людских нужд. Вряд ли случайно, что в нижнеамурско-сахалинском варианте Медвежьего праздника последний устраивается в память умершего сородича, как тризна по покойному. Такое совмещение позволяет предполагать, что чувствуемый медведь и чувствуемый покойник – одно и то же лицо... Медведь способен путешествовать по разным мирам Вселенной, что представляется объяснимым лишь в свете

«шаманской» интерпретации его статуса...» (Там же, с. 54, 55).

Этнограф Л.Я. Штернберг считал, что главная роль медведя в гиляцко-айнском Медвежьем празднике состоит в его посланнической миссии – от людей к богам (1933, с. 67).

К сожалению, от богатейшего фольклора скифов и сарматов, поскольку он существовал лишь в устной форме, до наших дней не сохранилось практически ничего (если не считать отдельных фрагментов легенд и преданий ираноязычных кочевников, сохраненных в трудах античных авторов и, прежде всего, Геродота). И тем отраднее обнаружить наличие медвежьего культа у осетин, живущих ныне в горах Кавказа, поскольку именно осетины – единственные потомки скифов (через родство с сарматами-аланами). Осетины сохранили диалект древнеиранского языка, а также многие черты и обряды традиционной духовной культуры (Нартский эпос и др.), которые, хотя бы частично, позволяют нам заглянуть в глубины верований скифской эпохи

«Ярким отзвуком отдаленных тотемических воззрений, – пишет Л.А. Чибирев (2008, с. 167–169), – служит широко распространенный среди осетин в прошлом культ медведя, пережитки которого сохранились до недавнего времени. Они проявлялись в особом отношении к медведю, выделении его среди прочих зверей, наделении его душой, признании его существом близким человеку и т.д. ... Части тела убитого медведя служили амулетами-апотропеями у алан и осетин и употреблялись в народной медицине. Медвежий зуб и коготь осетины прибавляли к косяку дома, чтобы злые силы не могли проникнуть в дом... С этой же целью когти и зубы медведя вешали на люльку...». По представлениям осетин, подчеркивает Л.А. Чибирев, лапа медведя сходна со стопой человека (Там же, с. 167).

Не правда ли, какое удивительное сходство проявлений медвежьего культа у самых разных племен и народов Евразии: от палеоазиатских и финно-угорских до потомков скифов – осетин.

Среди археологических материалов усть-полуйского и более позднего времени на территории Приуралья и Западной Сибири встречаются изделия из бронзы с изображениями медведя – особенно в трактовке образа зверя в фас, точнее, головы в фас, лежащей на передних лапах. По мнению В.Н. Чернецова, они – прямое отражение культа медведя, возникшего у местного населения еще в глубокой древности и просуществовавшего

практически до наших дней (1953, с. 130–132). Этнограф И.Н. Гемуев сделал попытку сопоставить некоторые изображения медведя из раскопок с этнографическими, главным образом, селькупскими данными. «Для селькупов, как и многих других народов Сибири, – пишет он, – характерно особое отношение к медведю... «Очеловечивая» медведя, селькупы присваивали ему человеческие свойства и качества... Особое отношение к этому животному во многом связано с бытовавшими среди селькупов представлениями о перевоплощении человека после смерти в медведя... Каждый медведь носит душу какого-то предка. Убив зверя, охотник отрезает кисть передней правой лапы и бросает ее вверх, называя имена умерших стариков, и когда она ляжет ладонью кверху, значит это имя и принадлежит зверю... Согласно воззрениям селькупов, медведь, связанный с миром живых, в то же время принадлежит к чуждому людям миру мертвых. И чтобы медведь «признал» человека своим и не причинил вреда, селькупы носили слева у пояса на ремешке медвежий зуб или *высушенную медвежью лапу*» (Гемуев, 1985, с. 138) (курсив мой. – В.Г.). На древность и широту этой традиции указывает найденный при раскопках Второго Покровского кургана IV в. до н.э. медвежий клык, оправленный в золото и приспособленный для ношения в качестве привески (Ростовцев, 1918, табл. VI, 2, 7). Угры носили на поясе эполетовидные бронзовые пряжки с изображением медведя, что повлекло возникновение одного из названий для лесного хищника – «застёжечный зверь». Этот термин сохранялся до недавнего времени у манси (Чернецов, 1953, с. 227).

«Традиционные верования селькупов, – продолжает И.Н. Гемуев (1985, с. 140, 141), – включали представления о превращении умершего в медведя... Если, однако, умирал не обычный человек, а «великий» шаман, то его перевоплощение было связано с некоторыми особенностями. Их атрибутивным выражением являлось отрезание при похоронах у покойника большого пальца правой руки (по-селькупски, большой палец «кагаль мун» в переводе означает «могильный» или «покойницкий» палец)... Фаланга большого пальца, отрезанного у «великого» шамана, становилась главным фетишем шаманов – потомков покойного.

Связь между большим пальцем и особыми возможностями, которые обеспечивает его наличие прослеживается в воззрениях целого ряда народов... У манси записана леген-

да, согласно которой медведь просил у бога пятый палец, но бог ему отказал... Селькупы говорят, что «у медведя нет пятого пальца, а то бы он всю землю своротил...». Четырехпалым считают медведя и негидальцы, хотя, как известно, медведь обладает пятипалой стопой. Добавим к этому, что, по представлениям ряда народов, души людей помещались именно в пальцах».

На эполетовидных бронзовых застёжках из Пермской области (Там же, рис. II, 1), с полуострова Ямал (Там же, рис. II, 2), бляхах из курганной группы близ Томска (Там же, рис. II, 3), поясной бляшке из Пермской губернии (Там же, рис. II, 4), относящихся к усть-полуйскому времени, запечатлен медведь с головой, положенной на передние лапы (именно в такую позу укладывали зверя на Медвежьем празднике). Это является особенностью западно-сибирских застёжек, которые датируются III в. до н.э. (хотя сюжет возник, очевидно, в IV в. до н.э.) (Чернецов, 1953, с. 132).

Важно отметить, – подчеркивает И.Н. Гемуев (1985, с. 142, 143), – что «изображениям этих медведей «не хватает» большого пальца на одной или двух лапах. Отсутствует палец правой лапы медведя на застёжке из Пермской области, палец левой лапы – на застёжке с полуострова Ямал, причем пальцы на этих изображениях трактованы как человеческие... Представляется, что изображения четырехпалых медведей (их культовый характер несомненен) связаны с образом покойного «великого» шамана, ставшего, возможно, духом-помощником шамана – держателя этих атрибутов. Образ духа-помощника в данном случае сливается с образом его предка по шаманской линии. Представление о большом пальце как трансляторе шаманского дара соответствует представлениям о большом пальце как о вместилище души (силы). Если принять датировку археологических находок с изображениями четырехпалых медведей, предложенную В.Н. Чернецовым, то религиозные представления, связанные с медведем в описанной (или близкой к ней) форме, можно считать характерными для западно-сибирского населения не позднее второй половины I тыс. до н.э. ...».

Итак, в Урало-Сибирском и Волжско-Камском регионах культ медведя в разных его материальных воплощениях существовал, наверняка, в V–IV вв. до н.э., а, возможно, и в VI в. до н.э. Правда, надежных абсолютных датировок для изображений медведей на костяных предметах с камских и вятских

городищ пока нет. А «медвежьи» образы, воплощенные в бронзе («жертвенная поза») появляются не ранее IV в. до н.э.

С учетом проявления медвежьего культа в разных этнокультурных сообществах раннего железного века и позднее, есть все основания предполагать о существовании каких-то форм этого культа не только у лесостепных, но и у степных племен Скифии. Особое место по обилию «медвежьих» находок занимает, безусловно, Средний Дон.

Все вышесказанное дает возможность частично пересмотреть некоторые традиционные взгляды на время и место происхождения медвежьего культа (в определенных его формах) в раннем железном веке и о путях его распространения в Евразии.

В начале 50-х гг. XX в. А.В. Збруева высказала ряд предположений по культу медведя. «Очевидно, в то же время (VI в. до н.э. – В.Г.), – пишет она, – возник и культ медведя, так широко распространенный у многих народов Севера и кое-где сохранившийся почти до конца XIX в. Доказательством этого могут служить, во-первых, амулеты из клыков медведя, найденные при некоторых ананьинских погребениях и на городищах; во-вторых, бляшки с изображением медведя в жертвенной позе (с головой, положенной между передними лапами), обнаруженные в одном из скифских курганов Чигиринского района Киевской области, *относящемся к VI в. до н.э.* (курсив мой. – В.Г.)... Очевидно, что культ медведя уже существовал тогда у ананьинцев» (Збруева, 1952, с. 134). Вполне возможно, что культ медведя существовал у ананьинцев еще и с VI в. до н.э. Но точных дат по «медвежьим» мотивам (а они, в основном, представлены на костяных предметах с городищ) мы пока не имеем. Курган № 402 Чигиринского уезда, о котором говорит Анна Васильевна, по всему уцелевшему после ограбления набору вещей, совершенно определено датируется IV в. до н.э. Напомню, что и покровские бляшки с «медведями в жертвенной позе» также относятся к IV в. до н.э. Большинство же бронзовых блях с аналогичными «медвежьими мотивами в Прикамье (Гляденовское костыще и др.) и в Западной Сибири (Усть-Полуй) относятся к III–II вв. до н.э.

А если брать четко датированные комплексы из всего огромного ареала скифо-сибирского искусства, то предметы с изображениями медведя в определенном стиле на металлических изделиях представлены в V в. до н.э. только в скифской Лесостепи: в Сред-

нем Приднепровье (курганы у с. Макеевка и др.) и в Среднем Подонье (Мастюгинские и Частые курганы).

Не могу согласиться и еще с одним высказыванием А.В. Збруевой. «Очевидно, поясные крючки с изображением хищных животных или их голов (иногда двойных) и с жалом в виде клюва хищной птицы, – утверждает она, – не являются исконно скифскими предметами. Отметим, что они известны из тех памятников Скифии, откуда происходят и другие вещи, общие с находками из области расселения ананьинских племен (Частые Курганы, Мастюгино)» (Там же, с. 173). И далее: «Особенно тесные связи можно установить между ананьинскими племенами и древним населением окрестностей Частых и Мастюгинских курганов Воронежской области, где был найден ряд предметов, аналогичных ананьинским, как, например, железные наконечники стрел, поясные крючки с изображением голов и фигур хищников, бляшки в виде свернувшихся зверей, эсовидные серьги... и др. Особенно близко к ананьинским (по трактовке фигуры с горбатой спиной, морды, лап) изображение стоящего хищного зверя на одном из поясных крючков...» (Там же, с. 177).

Видимо, здесь следует пояснить, что к 1952 г., когда выходила в свет монография А.В. Збруевой по ананьинской культуре, широкое изучение памятников скифской эпохи на Среднем Дону еще не начиналось. Все, что имелось тогда в распоряжении исследователей, – это материалы из раскопок 20 курганов в урочище Частые Курганы под Воронежем и у с. Мастюгино (работы А.А. Спицына, Н.Е. Макаренко и ВУАК в 1905–1915 гг.). С тех пор, благодаря усилиям археологов Москвы и Воронежа, сделано очень много: раскопано свыше 200 курганов скифского времени и около полутора десятков городищ.

Вряд ли приходится отрицать наличие определенных связей и взаимовлияний (хотя бы и через посредников в лице городецких и савроматских племен) между населением Прикамья и Среднего Дона в V–IV вв. до н.э. Другое дело – направление и характер этих контактов. Средний Дон – самая северо-восточная область Скифии, находившаяся в окружении иных этнокультурных групп и испытывавшая, очевидно, их влияние. Тем не менее, несмотря на некоторые локальные особенности своей культуры, местное население оставалось неотъемлемой частью Степной и Лесостепной Скифии.

Далее, немного статистики. Что касается металлических крючков-застежек с зооморфными изображениями V–IV вв. до н.э., то на Среднем Дону (вместе с сопредельными районами Скифии) их количество достигает 42 экземпляров, тогда как в Прикамье их известно не более 10.

Если взять железные втульчатые наконечники стрел (трехлопастных и с плоским треугольным пером), то в ананьинских могильниках известны единичные экземпляры а в среднедонских курганах V–IV вв. до н.э. – многие сотни (по подсчетам Е.И. Савченко (2004, с. 195) на 2004 г. их было найдено 2579 экземпляров).

Как уже отмечалось выше, многие исследователи (в том числе и А.В. Збруева) считают, что мотив медведя в скифо-сибирском искусстве – результат творческой энергии ананьинских мастеров, и он изредка, через Средний Дон, проникает из Прикамья в Скифию. Надеюсь, что приведенные в этой статье данные позволяют придти к несколько иному заключению. Культ медведя существовал в древности у многих племен и народов Евразии, обитавших в лесной и лесостепной зонах, но выражался он в разных формах и образах. Учитывая количество металлических предметов (крючки-застежки и бляхи конской узды) с мотивом медведя в определенной трактовке, можно считать, что в V–IV вв. до н.э. одним из важных локальных центров медвежьего культа был Средний Дон. Предположение на этот счет в самой общей форме было высказано еще Е.И. Савченко: «На Среднем Дону изображения медведя пользовались большой популярностью. Они встречаются на предметах конского (нащечники) и воинского (поясные крючки) снаряжения... Вполне возможно, что у среднедонского населения существовал своеобразный культ этого животного...»

(2009, с. 257). Совокупность изложенных выше фактов позволяет поставить данное предположение на более твердую почву.

Есть и прямые археологические свидетельства наличия почитания медведя у племен среднедонской лесостепи, которые хорошо сочетаются с выше названными этнографическими данными. Так, в кургане № 36 у с. Колбино в коллективном погребении IV в. до н.э. обнаружены отрубленные фрагменты верхней и нижней челюстей медведя, включая его клыки и резцы – то есть вся передняя часть морды зверя и его нос (Шевченко, 2009, с. 45–47, рис. 44, 1–2).

Поразительно, что на Среднем Дону в V–IV вв. до н.э. бронзовая подвеска конской узды в виде «медвежьей лапы» встречена всего один раз – в кургане № 14 у с. Колбино IV в. до н.э. (Там же) – тогда как в остальных частях Приднепровской лесостепи и, реже, в степной Скифии такие «лапы» – обычная находка. Но зато там нет ни одного металлического крючка-застежки с медведем и нащечных блях конской узды в виде стоящего (в профиль) зверя.

Итак, спустя более чем 40 лет после появления моей статьи о зооморфных крючках, в которой я связал происхождение мотива медведя с ареалами ананьинской и савроматской культур (Гуляев, 1969, с. 112), мне представляется теперь более вероятной точка зрения П.Д. Либерова (1976, с. 141), считавшего медвежьими образы на металлических украшениях конской сбруи и поясных крючках-застежках *среднедонским изобретением* (курсив мой. – В.Г.), а у ананьинцев и савроматов подобные вещи (кстати, весьма редкие) появляются в результате культурного влияния населения Лесостепного Подонья на своих северных и восточных соседей.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2012. 272 с.
- Алексеев Е.А. Культ медведя у кетов // СЭ. 1960. № 4. С. 90–104.
- Анучин В.И. Очерк шаманства у енисейских остяков. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 90 с. (СМАЭ; Т. II, вып. 2)
- Байгушева В.С. Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Вып. 22 / Отв. ред. В.Я. Кияшко. Азов: АИАПМЗ, 2006. С. 341–356.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В., Дегтярь А.К. Новые исследования курганов скифского времени в окрестностях г. Люботина // Люботинское городище / Отв. ред. Ю.В. Буйнов. Харьков: Регион-информ, 1998. С. 143–157.
- Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. Вып. 12 / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж: ВГПУ, 2006. С. 138–147.
- Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев: Скиф, 2012. 752 с.+789 илл.

- Бобринский А.А.* Отчет о раскопках, произведенных в Чигиринском у. Киевской губ. в 1903 г. // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 1–43.
- Васильев Б.А.* Медвежий праздник // СЭ. 1948. № 4. С. 78–104.
- Великая Скифия / Отв. ред. В.Ю. Мурзин, Г.Н. Тошев. Киев; Запорожье: ИА НАНУ, 2002. 338 с.
- Гемуев И.Н.* Некоторые аспекты культа медведя и их археологические параллели // Урало-Алтаистика: археология, этнография, язык / Отв. ред. Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука, 1985. С. 137–143.
- Гептнер В.Г., Слудский А.А.* Млекопитающие Советского Союза. Т. II, ч. 2. Пособие для университетов. М.: Высшая школа, 1972. 552 с.
- Гончарова Л.Ю.* 2001. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV – начале III вв. до н.э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2001. С. 36–48.
- Гуляев В.И.* Зооморфные крючки скифского периода // Население Среднего Дона в скифское время / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Наука, 1969. С. 109–127. (МИА; № 151)
- Замятнин С.Н.* Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем: (Раскопки Воронежской ученой архивной комиссии 1910–1915 гг.) // СА. 1946. Т. VIII. С. 9–50.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V. М.: АН СССР, 1952. 326 с. (МИА; № 30.)
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Медведь // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 128–130.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья: (Курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Ильинская В.А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 9–29.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифы и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63.
- Кастрен М.А.* Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири (1834–1844, 1845–1849) // Магазин земледелия и путешествий. Т. 6, ч. 2. М.: Тип. А. Семена, 1856. С. 5–69.
- Королькова Е.Ф.* Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). СПб.: Петерб. востоковедение, 2006. 272 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 635 с.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. М.: Ладога-100, 2003. 352 с.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Либеров П.Д.* Мастюгинские курганы: (Некоторые материалы из раскопок 1959–1960 гг.) // СА. 1961. № 3. С. 152–165.
- Либеров П.Д.* Памятники скифского времени на Среднем Дону. М.: Наука, 1965. 111 с. (САИ. Вып. Д1-311)
- Либеров П.Д.* Древняя история населения Подонья: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1971. 57 с.
- Либеров П.Д.* Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 138–146.
- Максименко В.Е.* Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. Ростов-на-Дону: РГУ, 1983. 224 с.
- Махортых С.В.* Скифська вузда Перещепинського могильника // Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень) / Отв. ред. Е.В. Черненко. Київ: Шлях, 2006. С. 57–76.
- Медведев А.П.* Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 2 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2001. С. 4–14.
- Медвежь. Бурый медведь. 2014. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%B6%D1%8C%D0%B8> (дата обращения 07.08.2017)
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський, 2008. 439 с.
- Овсянников В.В.* Зооморфная пластика кара-абызской культуры // Южный Урал и сопредельные территории в скифо-сарматское время / Отв. ред. Г.Т. Обьеденнова, Н.С. Савельев. Уфа: Гилем, 2006. С. 171–180.
- Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Вост. лит., 1994. 206 с.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. М.: Наука, 1967. 180 с.+37 табл. (САИ. Вып. Д1-4)

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2 – скифский аристократический курган в Днепропетровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.

Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. 2: Среднерусская черноземная область / Под ред. В.П.Семенова. СПб.: Изд. А.Ф. Девриена, 1902. VIII+717 с.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг.: Девятая государственная типография, 1918. IV+102 с. (МАР. № 37)

Савченко Е.И. Могильник скифского времени «Терновое I – Колбино I» на Среднем Дону (погребальный обряд) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2001. С. 53–143. (Труды ДАЭ; 1993–2000)

Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерава // РА. 2001а. № 4. С. 153–161.

Савченко Е.И. Вооружение и предметы снаряжения населения скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 53–143. (Труды ДАЭ. 2001–2004)

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху. М.: ИА РАН, 2009. С. 221–328. (Труды ДАЭ. 2004–2008).

Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. 274 с.

Смирнов А.П., Трубникова Н.В. Городецкая культура. М.: Наука, 1965. 40 с.+21 л. табл. (САИ. Вып. Д1-14)

Смирнов К.Ф. Савромато-сарматский звериный стиль // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 74–89.

Соколова З.П. Культ медведя // АЭАЕ. 2000. № 2. С. 121–130.

Спицын А.А. Гляденовское костыще // ЗРАО. 1901. Т. XII, вып. 1/2. С. 228–269.

Чередниченко М.М., Мурзин В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія (Київ). 1996. № 1. С. 69–78.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырыкской культуры. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2008. 136 с.

Чернецов В.Н. Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 121–178. (МИА. № 35)

Чернецов В.Н. Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья / Отв. ред. А.В. Збруева. М.: АН СССР, 1953. С. 7–71. (МИА. № 35)

Чибирев Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М.: Рос. полит. энциклопедия, 2008. 711 с.

Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2009. С. 26–11. (Труды ДАЭ. 2004–2008)

Шкурко А.И. Скифское искусство звериного стиля (по материалам Лесостепной Скифии) // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология. М.: ИА РАН, 2000. С. 304–313.

Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // Древности Днепропетровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80-летию А.И. Пузиковой). Курск: Курск. город. тип., 2012. С. 165–169. (Материалы и исследования по археологии Днепропетровского Левобережья; Вып. IV)

Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: статьи и материалы. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 39+740 с.

Яковенко Э.В. Клыки с зооморфными изображениями // СА. 1969. № 4. С. 200–208.

Vorovka G.I. Scythian Art. London: Ernest Benn, 1928. 185 p.

Rostovtzeff M.I. The Animal Style in South Russia and China. Princeton, 1929. 112 p. (Princeton Monographs In Art and Archaeology; Vol. XIV)

Информация об авторе:

Гуляев Валерий Иванович доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии РАН. (г. Москва, Россия).

THE IMAGE OF A BEAR IN THE SCYTHIAN-SIBERIAN ANIMAL STYLE

V.I. Gulyaev

The motif of a bear - the largest predator of Eastern Europe - was very popular in the 1st Millennium B.C. in the art and religious beliefs of different tribes and peoples, and embodied in various forms and materials. Contrary to an opinion widely spread in Russian historiography, the bear cult and its reflection in the animal style were characteristic not only of the cultures of the forest regions of Kral and Siberia, but also of the forest-steppe Scythian population, and particularly that of the Middle Don region.

Keywords: art, bear, cult, hook clasps, burial, mound, settlement, metalworking, bone carving.

About the Author:

Gulyaev Valeri I. Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Scientific Collaborator, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences.

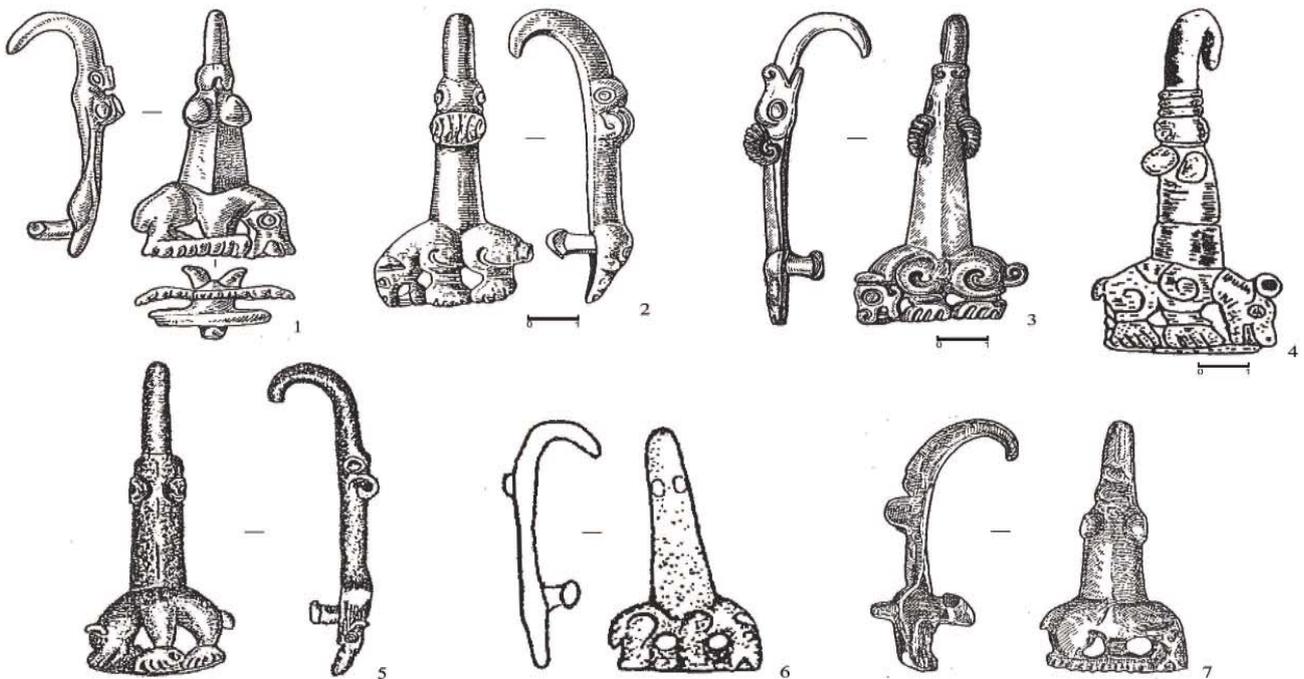


Таблица 1. Крючки- застёжки с медведями из курганов Среднего Дона.

1. Частые Курганы, курган №11 (раскопки ВУАК), бронзовый крючок с фигурой стоящего в профиль медведя.
2. Русская Тростянка, курган №1 (раскопки П.Д. Либерова), бронзовый крючок с медведем.
3. Колбино, курган №17 (раскопки В.И. Гуляева), бронзовый крючок с медведем.
4. Колбино, курган №1 (9) (раскопки П.Д. Либерова), серебряный крючок с медведем.
5. Хутор Дубовой, курган №6 (раскопки В.Д. Березуцкого), бронзовый крючок с медведем.
6. Староживотинное, курган №38 (раскопки А.П. Медведева), бронзовый крючок с медведем.
7. Терновое, курган №4 (раскопки В.И. Гуляева), бронзовый крючок с медведем.

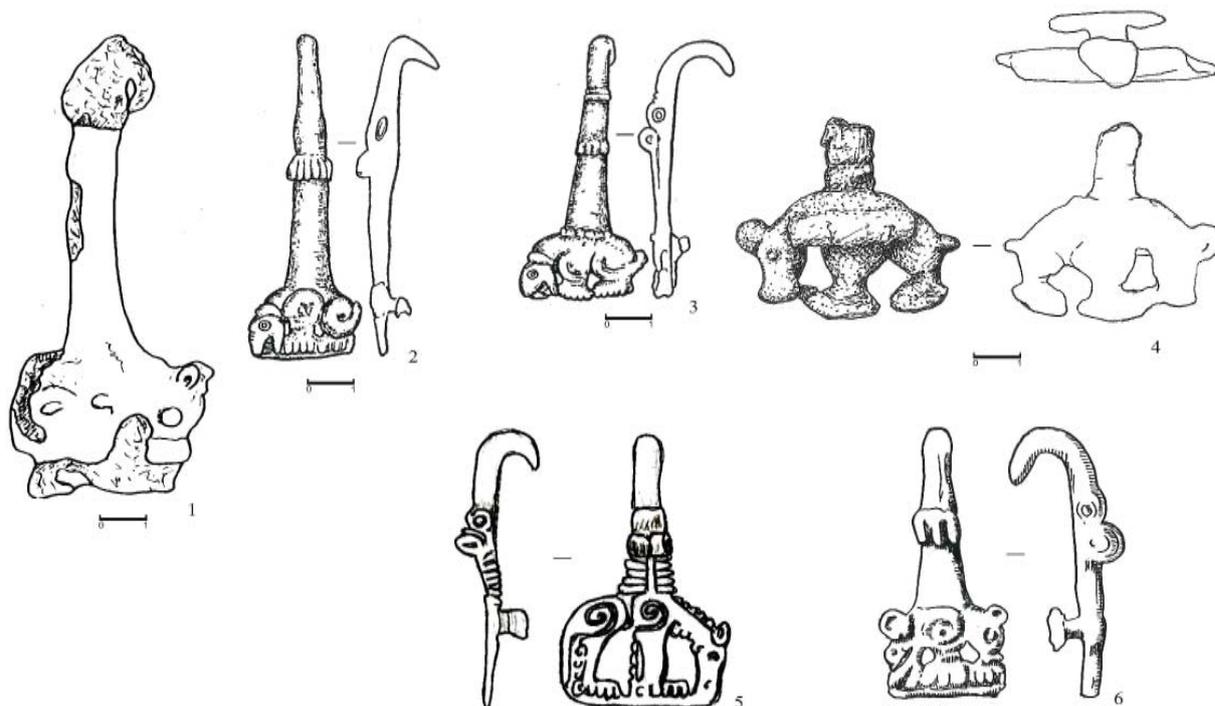


Таблица 2. Металлические крючки – застежки с фигурой медведя в профиль из Подонья, Посеймья, Ставрополя и Чувашии.

1. Частые Курганы, курган №11/II (раскопки П.Д. Либерава), железный с золотой обкладкой крючок с фигуркой медведя.
2. Кашеевка, курган №1, Нижний Дон (раскопки В.Е. Максименко) два бронзовых крючка с медведями.
3. Городище Красный Курган, Хомутовский район, Курская область (случайная находка), бронзовая «накладка» в виде фигуры медведя.
4. Бажиган, Ставропольский край (случайная находка в разрушенном кургане), бронзовый крючок с медведем.
5. Чурачики, Цивильский район, Чувашия, ананьинское впускное погребение в кургане эпохи бронзы (раскопки В.Ф. Каховского), бронзовый крючок с медведем.

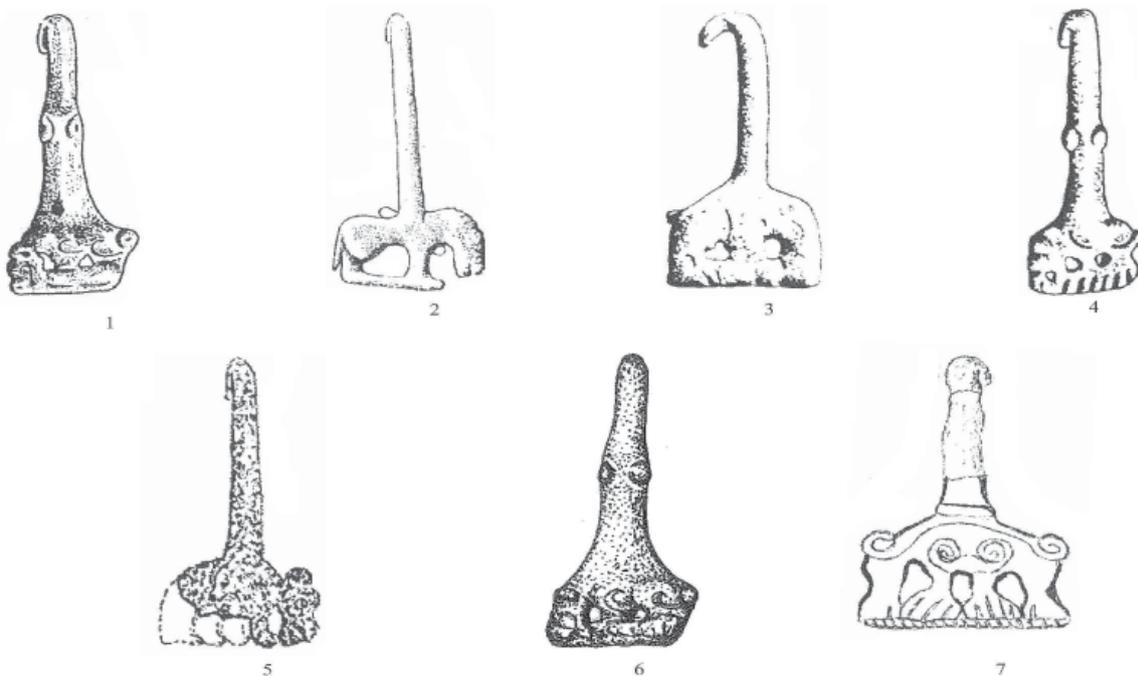


Таблица 3. Металлические крючки с фигурой медведя, карабызская культура, Башкирия (р. Белая) (раскопки А.Х. Пшеничнюка).

1. Охлебининский могилник, погребение 85, бронзовый крючок с медведем.
2. Охлебининский могилник, погребение 85, бронзовый крючок с медведем.
3. Шиповские I курганы, бронзовый крючок с медведем.
4. Шиповские I курганы, бронзовый крючок с медведем.
5. Шиповские I курганы, железный крючок с медведем.
6. Биктимировский могилник, бронзовый крючок с медведем и грифоном.
7. Шиповские III курганы, бронзовый крючок с медведем.

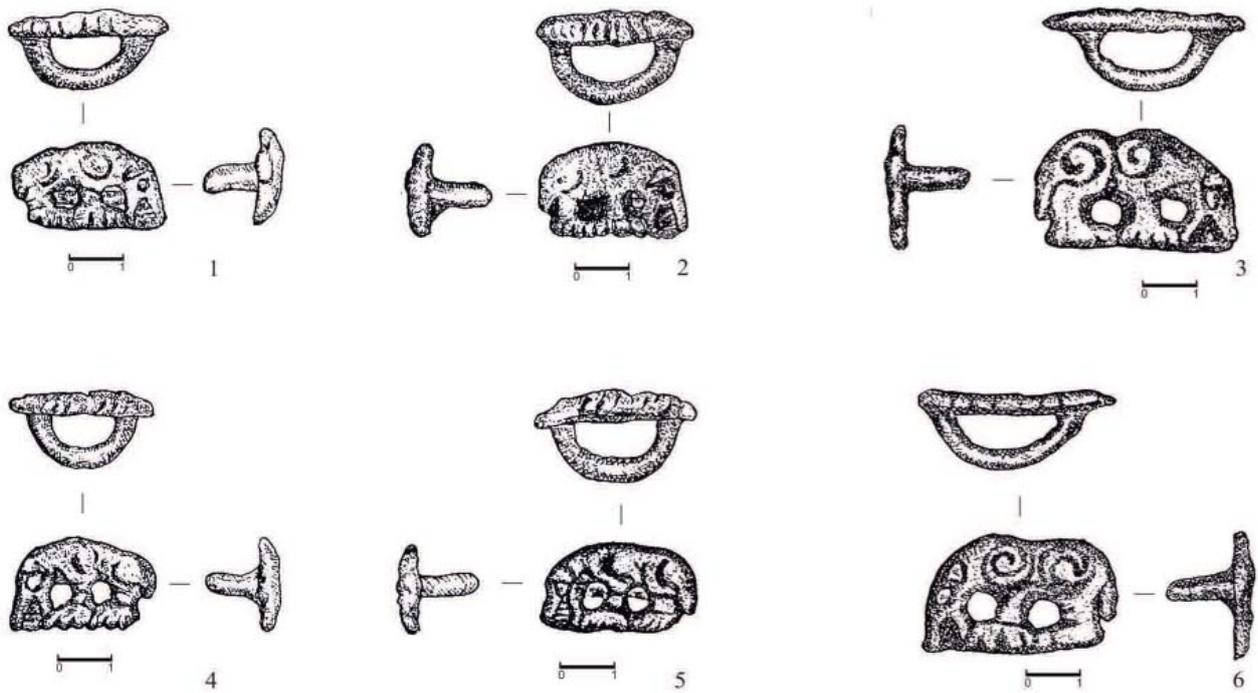


Таблица 4. Бронзовые бляхи конской узды с фигурой медведя в профиль.

1-6. с. Горки, Красненский район, Белгородская область, курган №10, бронзовые бляхи конской узды.

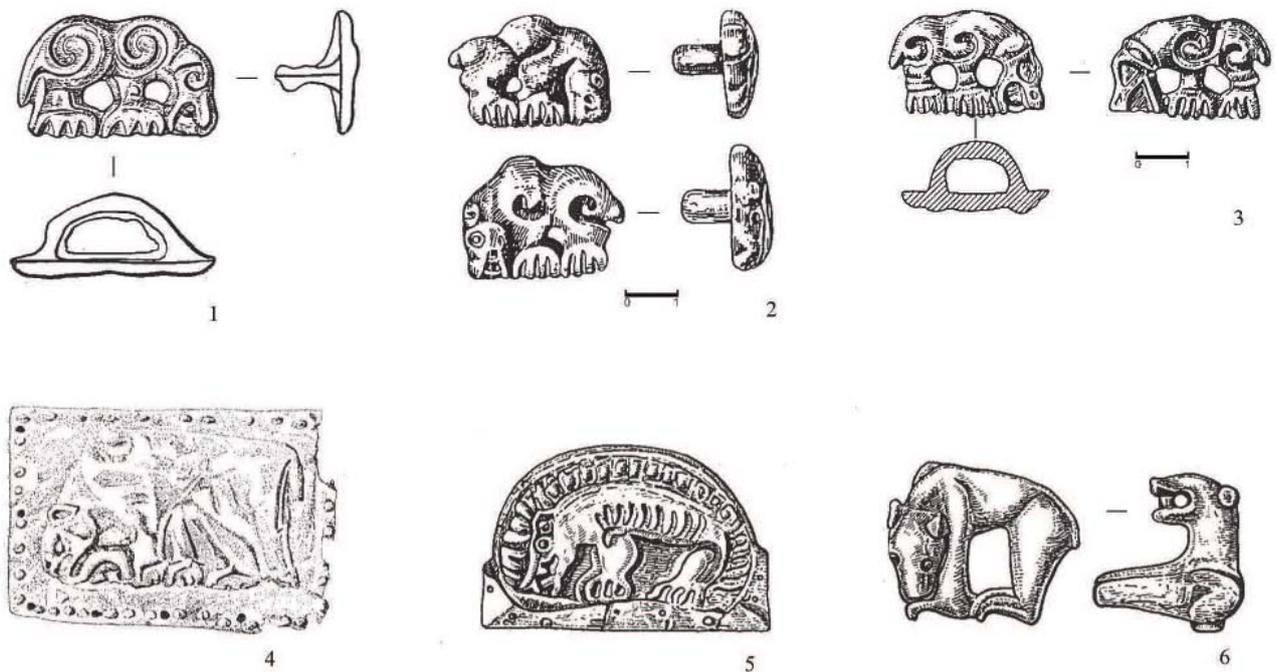


Таблица 5. Фигура стоящего медведя в профиль на бронзовых и серебряных бляхах конской узды, золотых оковках деревянных сосудов и налобников.

1. Колбино, курган №5, бронзовая бляха конской узды. 2. Мастюгино, курган №29/21, серебряные бляхи конской узды. 3. Русская Тростянка, курган №9, бронзовые бляхи конской узды. 4. Чабанцова Могила, Степное Приднепровье, золотая оковка деревянного сосуда. 5. Частые курганы, курган №8 (раскопки ВУАК) золотая оковка деревянного сосуда. 6. Частые Курганы, курган №8 (раскопки ВУАК), серебряный конский налобник.

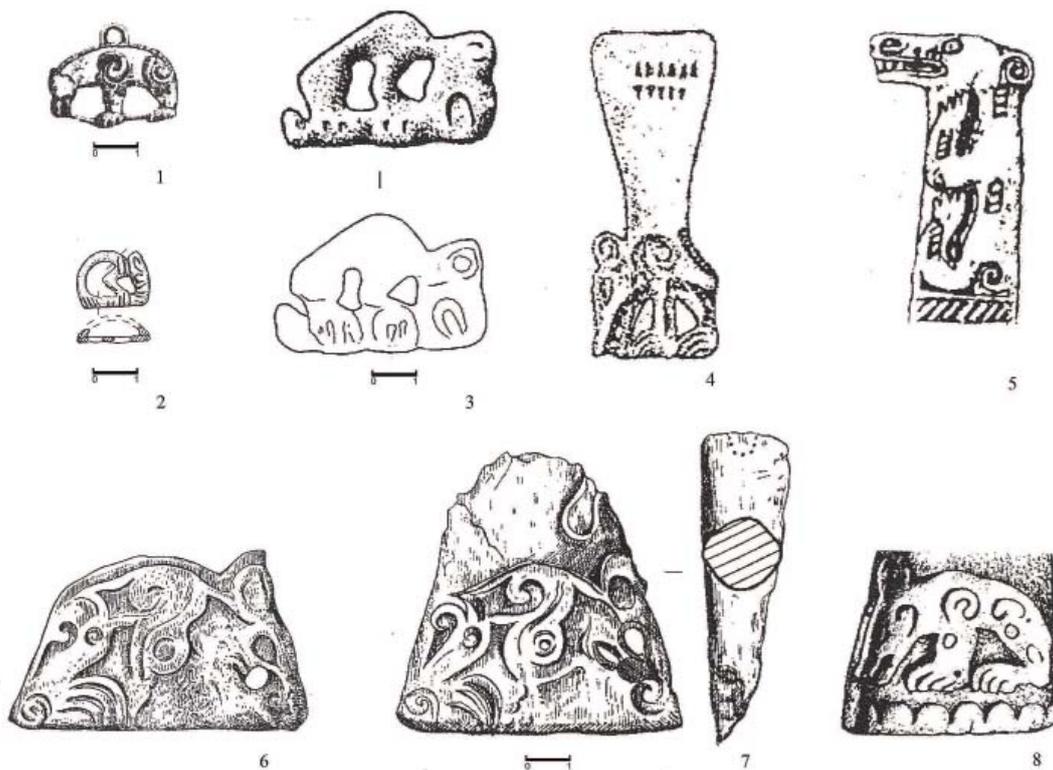


Таблица 6. Фигура стоящего в профиль медведя на металлических и костяных предметах из Прикамья, ананьинская культура.

1. Гляденовское костыще, бронзовая подвеска. 2. Галкинское городище, бронзовая бляха с фигурой хищника.
3. Уфимское (Чортово) городище, бронзовая бляха. 4. Ананьинский могильник, бронзовый предмет с медведем.
5. Шиховский могильник, бронзовое навершие с медведем. 6. Аргыжское городище, Прикамье, костяной предмет. 7. Буйское городище, костяной предмет с медведем.
8. Пижемское городище, костяной предмет с медведем.

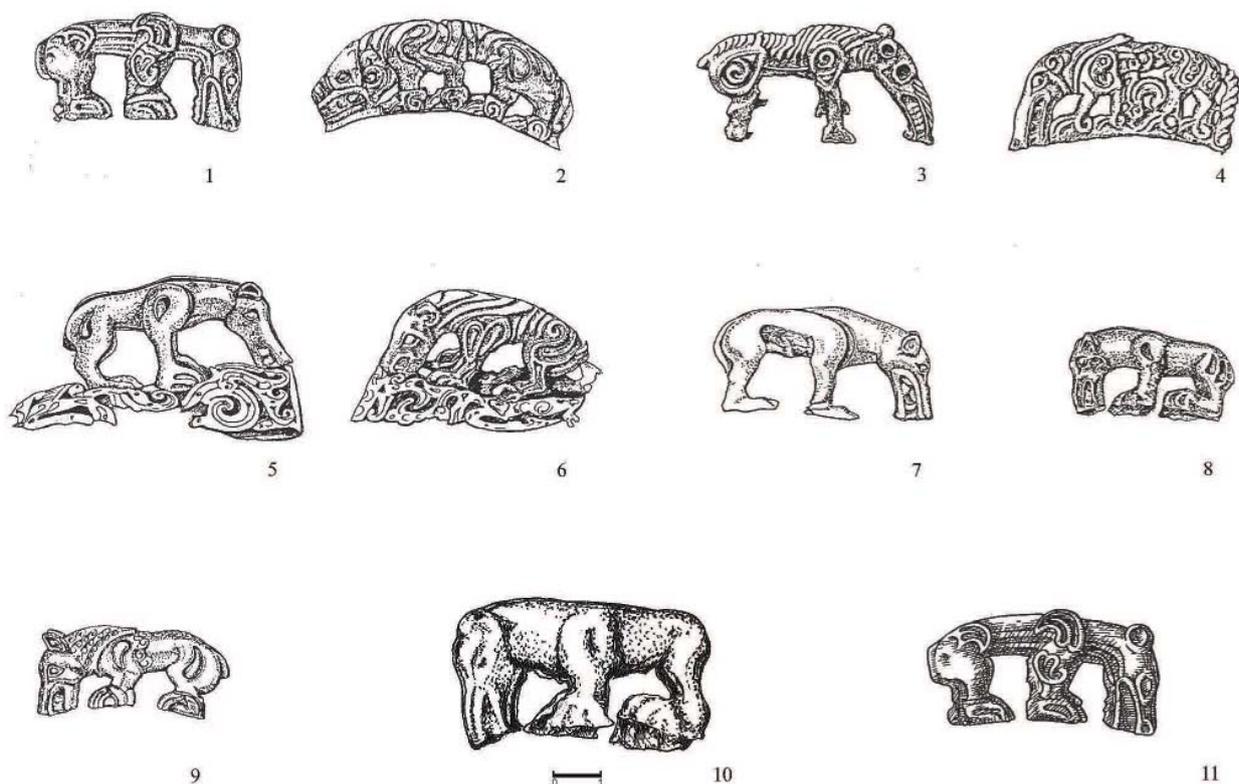


Таблица 7. Золотые оковки деревянных сосудов с фигурой медведя из тайника 1 Филипповского кургана №1, Оренбургская область.



Таблица 8. Металлические и костяные предметы с фигурой идущего (в профиль) медведя.

1. Пятимары, курган №4, могила 3, Южное Приуралье, костяная бляха. 2. Ордос, случайная находка (коллекция Андерсона, г. Стокгольм), бронзовая бляха. 3. Монголия, случайная находка, бронзовая бляха. 4. Поселок Дархан, Монголия, погребение 1, бронзовая бляха. 5. Могильник Тамды, Киргизия, бронзовая бляха. 6. Буйское городище, Прикамье, костяной гребень с фигурой медведя в профиль. 7. а) Бронзовый зооморфный крючок из Чурачикского кургана (Чувашия), где медведь показан в профиль полнофигурно. б) тот же бронзовый зооморфный крючок из Чурачикского кургана, где вместо одной фигуры медведя показаны две медвежьих головы затылками друг к другу. 8. Конецгорское городище, Прикамье, костяной предмет с фигурой идущего (в профиль) медведя.

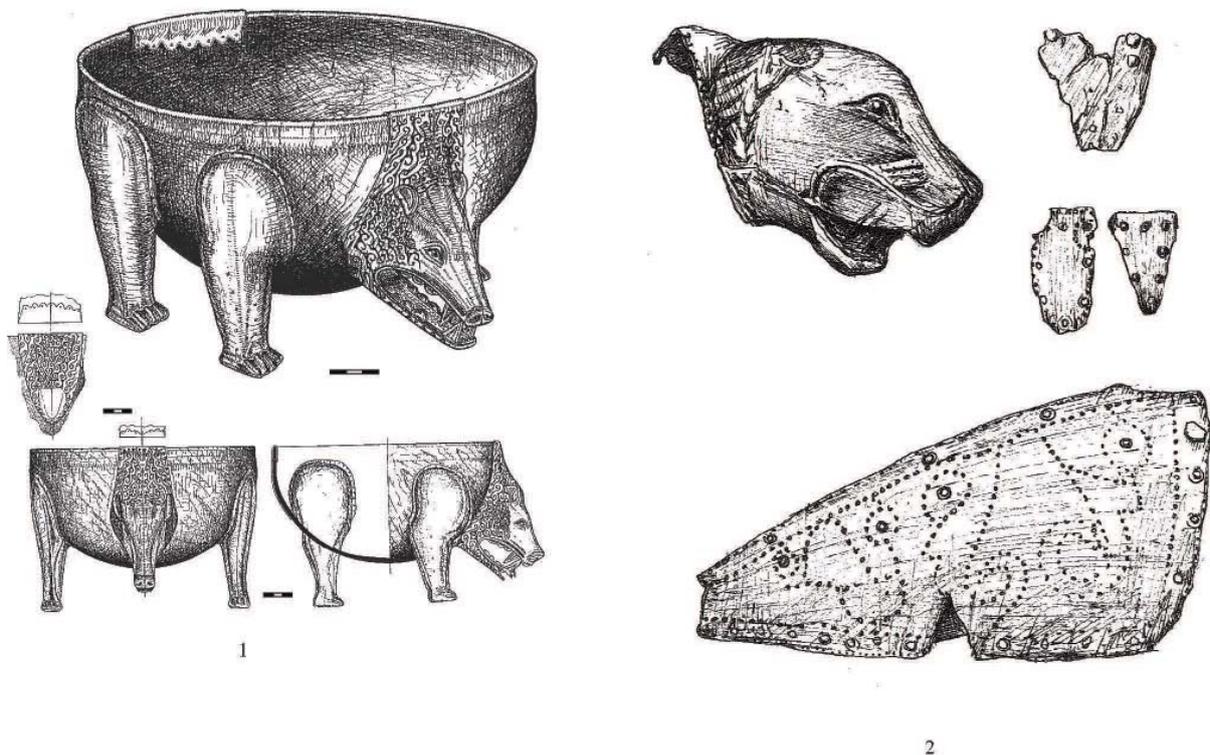


Таблица 9. Золотые оковки деревянных сосудов с изображением головы медведя.

1. Курган 1. Филипповский I курганный могильник. Золотые оковки деревянного сосуда в виде фигуры медведя.
2. Боковая гробница «царского» кургана Солоха, Степное Приднестровье. Золотые оковки деревянного сосуда с ручкой в виде головы медведя.

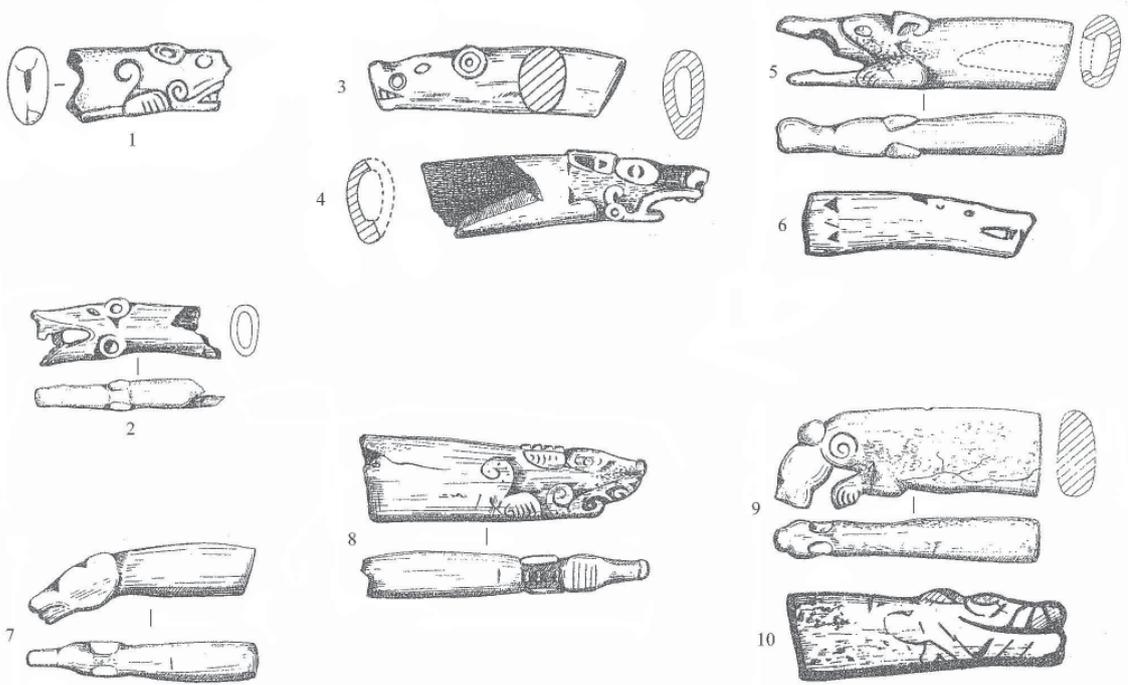


Таблица 10. Костяные и роговые рукоятки орудий с головами медведей на конце. Ананьинская культура, Прикамье.

1. Буйское городище: № 2, 4, 5, 7, 8, 9. 2. Пижемское городище: № 1, 6, 10. 3. Ройское городище: № 3.

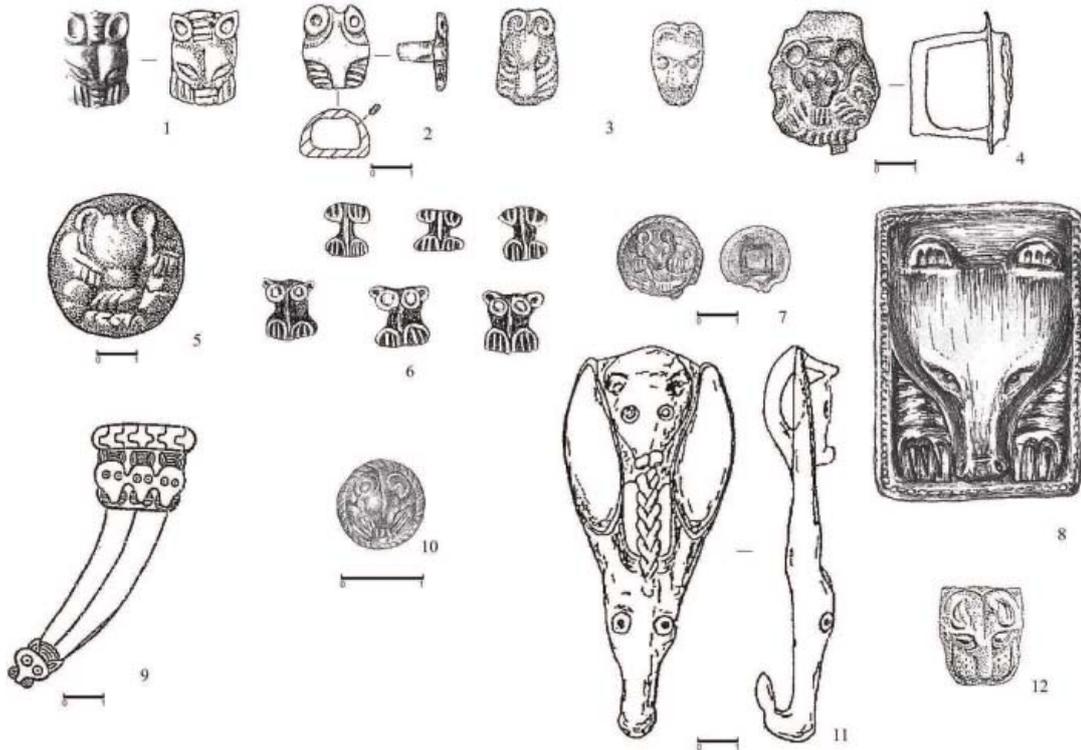


Таблица 11. Медведи в анфас: голова на передних лапах (жертвенная поза).

1. Курган №402 у с. Журовка, б. Чигиринского уезда, б. Киевской губернии (раскопки А.А. Бобринского), золотая бляшка. 2. Ананьинский могильник. Прикамье. Бронзовая бляшка. 3. Курганный могильник у с. Покровка, Оренбургская область, курган 2. Бронзовые бляшки – 2 экз. 4. Северный Китай, случайная находка (коллекция Секлера), бронзовая бляшка. 5. Иволгинский могильник, могила №100, бронзовая бляшка. 6. Село Новопривольное, Ровенский район, Саратовская область, разрушенный курган V в. до н.э. 7. Северный Китай, случайная находка (коллекция Секлера), бронзовая бляшка. 8. Прикамье, случайная находка, бронзовый родовой медальон с медведем. 9. Киевский музей, случайная находка в Левобережном Приднепровье, кабаньих клык с резными изображениями голов медведей. 10. Северный Китай, случайная находка (коллекция Секлера), бронзовая бляшка. 11. Кобанский могильник, Северный Кавказ, бронзовый крючок с головой медведя в анфас между углами головы лося. 12. Китай, случайная находка, роговая бляшка.

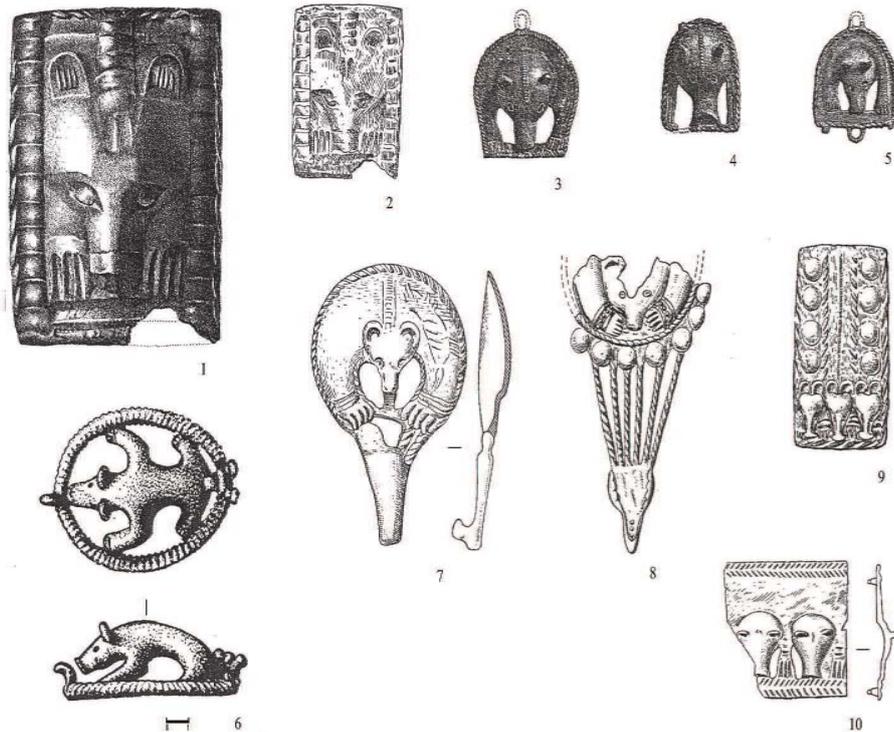


Таблица 12. Медведи в анфас в «жертвенной позе» из Прикамья, Приуралья и Приобья.

1. Гляденовское костыще. Прикамье. Бронзовая бляха. 2-5. Гляденовское костыще. Прикамье. Бронзовые бляхи – подвески. 6. Охлебининский могильник, Башкирия, Карабызская культура. 7. Бронзовая эполетообразная застежка из бывшей Молотовской обл. 8. Бронзовая эполетообразная застежка с реки Енга-Ю. 9. Бронзовая поясная бляха с озера Чагыр. 10. Бронзовая бляха из б. Пермской губернии.

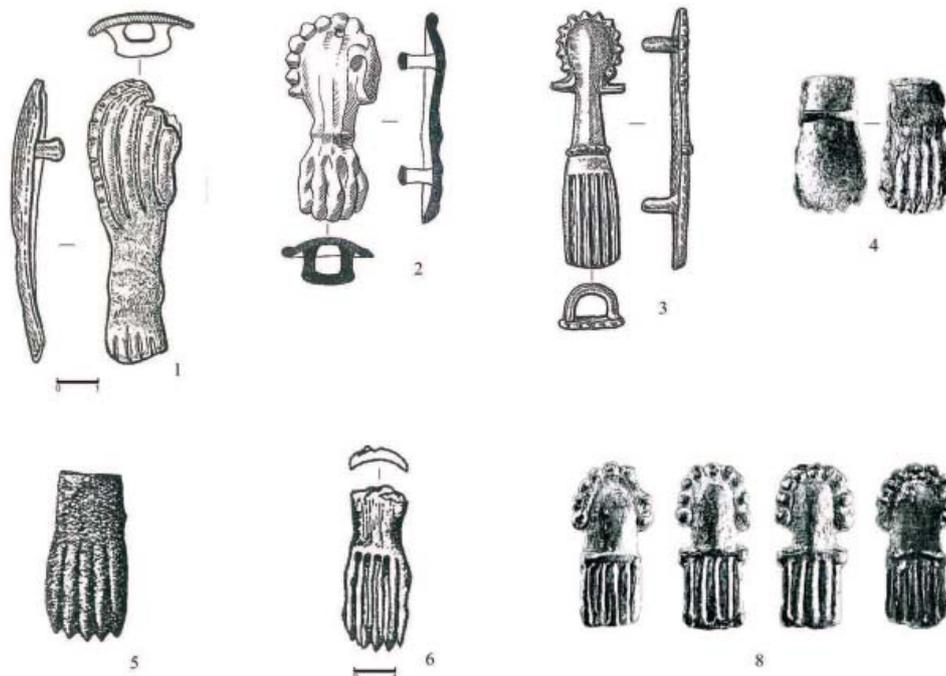


Таблица 13. Бронзовые подвески конской узды в виде «медвежьей лапы».

1. Колбино, курган №14, бронзовая бляха, IV в. до н.э. 2. Курган №398, б. Чигиринский уезда б. Киевской губернии, бронзовая бляха, V в. до н.э. 3. Перещепинский могильник (близ Бельского городища на Полтавщине), курган №8, погребение 1, V в. до н.э. 4. Боковая гробница кургана Солоха (Степное Приднепровье), бронзовая бляха, начало IV в. до н.э. 5. Колбино, курган №3, бронзовая бляха, IV в. до н.э. 6. Вблизи г. Керчь, Восточный Крым. Случайная находка. Бронзовая бляха в виде «медвежьей лапы». 7. Село Межгорье, урочище Буриган, Белогорский район и село Южное близ Феодосии, Крым – бронзовые бляхи в виде стилизованной лапы хищника.

УДК 902.01

О НАХОДКАХ ГЛИНЯНЫХ КОНУСОВ НА ГОРОДИЩАХ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ УКРАИНСКОЙ ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ ЛЕСОСТЕПИ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ)¹

© 2017 М.Н. Дараган

Статья посвящена исследованию одной из наиболее массовых категорий находок на городищах скифского времени Днепровской Левобережной Лесостепи – так называемых глиняных конусов. Эти изделия высотой 5–10 см могут иметь сквозные отверстия, вдавления (часто симметричные) или же поверхность их гладкая. У некоторых экземпляров сочетаются сквозные отверстия и вдавления. Функциональное назначение конусов остается не ясным. Рассматриваются археологические контексты, в которых найдены конусы Кнышовского и Бельского городищ. С помощью средств пространственного анализа установлено, что скопления конусов встречаются в культурном слое, ямах и возле жертвенников. Изучение сопровождающих находок позволило сделать предварительные выводы относительно функционального назначения конусов разных типов. Рассматриваются варианты их использования как ткацких и рыболовных грузил, а также ставится вопрос об их использовании в культовых практиках местного населения.

Ключевые слова: ранний железный век, Украинская Лесостепь, городища, глиняные изделия, конусы, вальки, жертвенники, культовые практики, ткачество, рыболовство, пространственный анализ, скифы, античность.

Введение. При изучении памятников скифского времени Днепровской Левобережной Лесостепи крайне редко учитывается такая категория инвентаря, как глиняные конусы, известные также как конусовидные грузила. Имеется в виду группа изделий из глины в виде конусов высотой от 5 до 12 см при диаметре основания до 10 см и весом 150–400 г² (Рис. 2–7). Такие изделия найдены на всех памятниках региона (Щербань, 2007, с. 151). Они появляются в VII в. до н.э., но пик распространения приходится на V и даже

больше на IV в. до н.э., когда на поселениях их находят тысячами. Массовость находок, безусловно, свидетельствует об их систематическом использовании населением.

Конусов совсем нет на памятниках скифского времени Днепровского Правобережья (Ковпаненко, 1967, с. 128), а также на Дону и в Посеймье, хотя различные массивные подделки из глины там известны (Пузикова, 1997, с. 78–80; Медведев, 1999, с. 78). Но самое главное: их нет ни в предшествующих, ни в последующих культурах не только этого региона³, но и на сопредельных территориях. То есть, это феномен, характеризующий исключительно культуру скифского времени Днепровского Лесостепного Левобережья.

Изделия в виде конусов имеют ряд отличительных особенностей.

1. Выделены конусы с гладкой поверхностью; со сквозными отверстиями; с вдавлениями по корпусу разной глубины. Вдавленный – одно или два, реже – три (Гавриш, 2000,

¹ Работа выполнена в рамках стипендии, предоставленной фондом Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt Stiftung) по теме: «Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geoinformation analysis of the transformation of settlement and burial structures». Осмысление этой категории находок стало следствием изучения пространственной ситуации на городищах скифского времени. В качестве модельных городищ были выбраны наиболее исследованные: Восточное Бельское городище площадью 72 га, где вскрыто не менее 45 тыс. кв. м, и Кнышовское городище площадью 4,5 га, где вскрыто около 5000 кв. м. Пристальный интерес к конусовидным грузилам обусловлен также тем фактом, что они часто сопутствовали культовым комплексам и связанным с ними находкам человеческих черепов (Daragan, Gavriš, 2017).

² Данные по результатам обмеров некоторых конусов из Кнышовского и Басовского городищ.

³ В бондарихинской культуре позднего бронзового века на дне одной из ям помещения 4 поселения Ореховое-Донецкое-IV найдены 2 глиняных конуса (целый и фрагментированный). В остальном массиве бондарихинской культуры таких изделий больше нет. Аналогии в синхронных культурах известны только далеко на западе в культуре Гава. Поэтому предполагается, что конусы являются импортом и использовались населением бондарихинской культуры в обрядовых целях (Підобід, Усачук, Циміданов, 2016).

рис. XXVI:15). На некоторых из них фиксируются бессистемные пальцевые вдавления по всему корпусу (Шрамко, 1956, с. 63), реже – на вершине конусов.

2. Конусы бывают хорошего обжига, слабого и необожженные.

3. На поселениях они встречаются по одному или же в виде скоплений.

4. Вместе с конусами нередко встречаются похожие изделия в виде цилиндров или больших шаров, также с отверстиями или без них. Иногда рядом с конусами находят глиняные «хлебцы». Это изделия яйцевидной формы длиной от 7 до 11 см. Как и конусы, они разной степени выделки и обжига, с гладкой поверхностью или же с вдавлениями (Рис. 16).

Интерпретации.

В подавляющем большинстве публикаций, в которых упоминаются конусы, как правило, отмечается, что функциональное назначение этих изделий остается невыясненным (Шрамко, 1956, с. 63; 1998, с. 117; Либеров, 1962, с. 62; Гавриш, 2000, с. 106). Б.А. Шрамко полагал, что, скорее всего, они применялись для различных целей: подставки для вертелов у очага или для лучины, грузики для ткацкого станка и т.д., но при этом оговаривал, что «обстоятельства, в которых они найдены, до сих пор не позволяют определить их назначение однозначно» (Шрамко, 1998, с. 117).

Вариант интерпретации конусов в качестве грузил вертикального ткацкого станка был предложен Б.А. Шрамко после находки на Восточном Бельском городище конусов со сквозными отверстиями, лежащих на одной линии между двумя ямками от вертикальных столбов (Шрамко, 1973, с. 109). Эту точку зрения поддержал А.Л. Щербань. Обработав некоторые из грузил с отверстиями из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, он также отметил, что внутри отверстий заметны следы трения от нитей, что является весомым аргументом для их трактовки как подвесов ткацкого станка. Он также предложил свой вариант реконструкции вертикального ткацкого станка с грузилами, аналогичными найденным на поселениях скифского времени (Щербань, 2007, с. 148-152; Мал. 71-72). Что касается конусов без отверстий, то, по его мнению, их в ткачестве не использовали, поскольку привязывать их к нитям неудобно и нецелесообразно (Там же, с. 62).

Г.Т. Ковпаненко (1967, с. 128) и Б.Н. Граков (1971, с. 77) предполагали, что конусы могли быть частью сводов печей, а В.А. Ильинская – заготовками глины для

гончарства и строительства (Ильинская, 1965, с. 68).

Несмотря на массовость находок конусов на поселениях, в вышедших за последние годы работах по материальной культуре этого региона анализ контекстов, позволяющих соотнести эти объекты с определенным видом деятельности, не проводился. Неясно и соотношение между различными вариантами конусов: встречаются ли они в одинаковых контекстах или же в различных, вместе или же отдельно.

В подавляющем большинстве случаев, по публикациям и даже по отчетам, не удается установить полные данные о местонахождении конусов. Например, в значительном количестве они (целые и в обломках) найдены при раскопках Басовского городища В.А. Ильинской в 1947, 1957 и 1959 гг. Часть из них была довольно хорошего обжига, другие – слабо обожженные. Отдельные экземпляры – довольно крупные, высотой до 16 см, с диаметром основания 10,5 см (Рис. 7, 1, 2), но большей частью высотой около 8 см, при диаметре основания 7–8 см. На большинстве конусов имелись пальцевые углубления (Рис. 7, 3–14). В полевых отчетах не оговорено, где и в каких контекстах они найдены. Только в одной публикации указывается, что иногда они встречались кучками до 10 штук (Ильинская, 1965, с. 68); об этом же свидетельствуют две приведенные в отчете фотографии. К этому можно добавить, что в 1947 г., судя по имеющейся в отчете схеме, было выявлено несколько близко расположенных скоплений конусов в верхней части культурного слоя; тогда же в яме 1 раскопа 1 найдено 5 обломков глиняных конусов (Ильинская, 1959, с. 8).

Только в некоторых случаях исследователи оговаривают контекст находок конусов. Так, при исследовании культового комплекса зольника № 28 Западного Бельского городища удалось зафиксировать, что глиняные конусы, наряду с пряслицем и керамикой, были использованы при строительстве одного из жертвенников (Шрамко, Задников, 2006, с. 16). Найдены они и в некоторых ямах (№№ 17 и 19), расположенных возле культового комплекса (Шрамко И., 1990, с. 7, 8). Глиняные конусы (с отверстиями и без них) выявлены также при исследовании культового комплекса на городище у с. Караван (Шрамко, 1957, с. 187).

Методика работы. Цель этой статьи – выявить и рассмотреть контекст находок конусов на Кнышовском и Восточном Бельском городищах.

Это стало возможным после изучения пространственного расположения археологических объектов на этих памятниках. Предшествовало этому создание геоинформационных проектов (ГИС) по обоим памятникам. Источником данных ГИС-проектов послужили картографические материалы и отсканированные и геопривязанные к планам городищ планы раскопов. Техническое исполнение реализовано программными средствами ArcGIS 10. В среде ArcGIS была создана файловая база геоданных, включающая набор классов точечных и полигональных объектов в формате шейп-файлов с сопутствующими им атрибутивными значениями. Были созданы слои (точечные, линейные и полигональные), соответствующие всем категориям материальной культуры, выявленным на городищах. Примеры классов пространственных объектов: ямы, печи, очаги, жертвенники, фрагменты черепа человека, предметы культовой пластики, глиняные конусы, пряслица и т.д. По данным полевых отчетов и описей находок были нанесены на сводные планы городищ места основных локаций конусов.

О местонахождениях конусов на Кнышовском городище⁴.

Основные раскопки на Кнышовском городище провел П.Я. Гавриш в 1988–1993 гг. Вскрыт восточный сегмент памятника площадью около 5 тыс. м², примыкающий к оборонительному валу (Рис. 1; 8). На этом участке найдено более 2 тыс. конусов (Гавриш 2000, с. 106), в том числе не менее 44 скоплений, включающих от 5 до более 60 экземпляров⁵. Пространственный анализ расположения скоплений позволил выделить следующие повторяющиеся их местонахождения.

Скопления конусов, найденные рядом с жертвенниками.

Речь идет о скоплениях, выложенных на культурном слое на одном уровне с жертвенниками, и о скоплениях, найденных в верхней части засыпи ям, расположенных также вблизи жертвенников (Daragan, Gavrish, 2016).

⁴ Искренне признательна П.А. Гавришу за разрешение использовать неопубликованные материалы Кнышовского городища. В основе этого раздела легли авторские полевые отчеты П.А. Гавриша за 1988–1993 гг. (Гавриш, 1988; 1989; 1990; 1991; 1992; 1993).

⁵ В общую сводку вошли скопления от 5 фрагментов. Хотя во многих ямах находили от 1 до 4 конусов или их фрагментов. Такие эпизоды ввиду их массовости в данном исследовании не учитывались.

Скопление не менее чем из 16 конусов выявлено рядом с жертвенниками №№ 6 и 7 (Рис. 9, 2). Конусы имели по два симметричных глубоких вдавления на корпусе, а также неглубокое вдавление на вершине (Рис. 2, 18, 19). В глине некоторых из них – отпечатки зерен злаков. Два больших скопления конусов без отверстий были выявлены в районе жертвенников №№ 25 и 26. Одно из них находилось между жертвенниками на одном уровне с ними. Конусы из этого скопления имели одно или два вдавления (Рис. 2, 10, 28). На дне некоторых из них просматриваются отпечатки зерен злаков (Рис. 3, 2). Второе скопление устроено в метре севернее жертвенника № 25 (Рис. 2, 2, 4, 25). На этом участке конусы были найдены также в заполнении ям 12, 18, 34 и 38.

Два скопления конусов были найдены рядом с жертвенником № 27 (Рис. 9, 4). Одно из них находилось северо-западнее жертвенника, а рядом в 0,5 м к северу на одном уровне с ними отмечена небольшая кучка отмученной глины. По всей видимости, из нее брали глину для изготовления конусов. Второе скопление было устроено восточнее жертвенника на заполнении ямы 40. Здесь найдено 23 конуса, из них только один со сквозным отверстием.

В 2,5 м севернее жертвенника № 29 на заполнении ямы 57 компактной группой лежало 60 необожженных конусов. Эти конусы со средней высотой 5 см имели по три симметричных вдавления на корпусе. Среди них встречались круглые изделия, также с симметричными вдавлениями. В глине всех взятых на хранение конусов из этого скопления заметны отпечатки зерен злаков (Рис. 3, 4–6, 9). В 2,2 м к югу от жертвенника № 33 скопление конусов выявлено в заполнении ямы 71. Рядом с жертвенником № 40 скопление из 6 конусов оказалось в заполнении ямы 19. К северу от жертвенников №№ 42 и 43 на одном уровне с ними в культурном слое устроено два скопления конусов. Они были слабо обожженными и при прикосновении рассыпались. Конусы из этих скоплений имели два противоположных пальцевых вдавления на корпусе. Еще одно скопление из нескольких обломков и целого конуса находилось в 3 м западнее жертвенников. Также в большом числе конусы вместе с костями крупных животных встречались на участке возле жертвенника № 44.

Скопления конусов в культурном слое. Скопление из 32 слабообожженных конусов открыто в кв. 29-30/С3-4. Здесь они лежали в толще культурного слоя на глубине 30 см вытянутой полосой шириной до 50 см и

длиной до 170 см. В скоплении также встречались крупные кости животных и фрагменты керамики (Рис. 9, 1). Несколько скоплений конусов выявлено в зольнике рядом с ямой 109. Кроме того, скопление из 10 глиняных конусов найдено при раскопках зольника в 1954 г. В.А. Ильинской. Большинство конусов из зольника конической формы высотой от 5 до 10 см. Многие из них гладкие, другие – с неглубокими пальцевыми вмятинами по сторонам, но встречаются и конусы со сквозными проколами (Рис. 4, 19, 20).

4.3. Скопления конусов в ямах.

Скопления конусов обнаружены в ямах: 18 (14 конусов), 38 (29 фр.), 39 (31), 50 (19), 56 и 59 (по 12), 61 (15), 62 (23), 63 и 136 (по 8), 64, 85 и 91 (по 6), 72 (7), 75 (12), 142 (9), 157, 158 и 159 (по 5), 185 (11). Во всех случаях конусы были найдены в заполнении ям.

В яме 79, являющейся колодцем, на разных глубинах найдено 167 фрагментов конусов и несколько целых экземпляров. В заполнении ямы 82 обнаружено скопление из трех целых конусов, одного целого цилиндра и несколько десятков фрагментов конусов и цилиндров. У цилиндров на торце имеются воронкообразные вдавления глубиной 1,5–3 см, которые обычно бывают на гранях конусов. Всего в заполнении ямы на разных уровнях было найдено 66 фрагментов конусов.

В нижних слоях заполнения ямы 117 обнаружено скопление из 30 конусов (целых и поломанных). Все они сделаны из хорошо отмученной глины с небольшой примесью шамота, обжиг – высокого качества, изделия прочные, с ярко-желтым или красно-рыжим оттенком. У всех – пальцевые вдавления по середине корпуса напротив друг друга. Высота – от 7,5 до 8,8 см, диаметр основы – от 7,5 до 9,3 см (Рис. 2, 15, 27). На одном уровне с конусами в яме встречались кости крупных рыб и рыба чешуя диаметром до 15 мм.

В яме 143 найдено 33 конуса, с одним или двумя вдавлениями на корпусе, с отпечатками зерен злаков в тесте некоторых экземпляров (Рис. 3, 1, 3). В скоплении были также глиняные вальки и цилиндры (один из них с отрезками на конце), как целые, так и крупные фрагменты (от 4–6 до 10–12 см).

В яме 192 обнаружено 9 конусов и 12 вальков (один из них длиной 11,5 см, шириной 6,7 см, высотой 5,5 см). На одном уровне с ними рядом с глиняной зооморфной статуэткой под большим черепком лежала кучка рыбьей чешуи.

В яме 199 выявлено 12 конусов, из них только один с отверстием. Рядом с конусами лежала рыба чешуя, она же прилипла к одному из конусов.

В заполнении ямы 84 зафиксировано 24 конуса хорошего обжига со сквозными боковыми отверстиями. Их высота 8–9 см, диаметры основания 6,2 (7,2) × 8,1 (8,5) см, вес 300–370 г (в среднем 336 г) (Щербань, 2007, с. 150) (Рис. 4, 1–18). Всего же в заполнении ямы на разных уровнях найдено 97 фрагментов глиняных конусов, в большинстве своем без отверстий.

Следует отметить, что в ямах 18, 38, 71, 79, 82, 117, 143, 192, 199 конусы были найдены вместе с предметами культовой пластики, а в яме 50 обнаружены фрагменты черепа человека. Сверх того, на исследованном участке городища в культурном слое и в ямах обнаружено много отдельных конусов.

Основная масса выявленных на городище конусов – без отверстий. Как правило, у них на корпусе с боков имеются по два пальцевых вдавления друг против друга на глубину 1,5–3 см, а иногда вдавления есть и на вершине конусов. Обжиг большей части – слабый. Высота конусов 7–10 см, диаметр основания 6–12 см (Гавриш, 2000, с. 106). Сквозные проколы имелись только у конусов из ямы 84 и у некоторых единичных экземпляров из других скоплений и отдельных находок.

Хронология. Стратиграфические наблюдения показывают, что в основном скопления конусов относятся к позднему этапу существования городища, к IV в. до н.э. Скопления конусов в районе жертвенников, судя по сопровождающим античным материалам, относятся ко времени не ранее второй – третьей четверти IV в. до н.э. (Daragan, Gavrish, 2016).

О местонахождении конусов на Восточном Бельском городище.

Раскопки (более 45 тыс. м²) на Восточном Бельском городище проводил Б.А. Шрамко в 1959–1994 гг. Здесь конусы найдены в огромном количестве, но точная информация о количестве находок мне не известна⁶. Как и на Кнышовском городище, они происходят из культурного слоя и из многих ям. В большинстве случаев в ямах они представлены единичными экземплярами, но выделяются и скопления. Рассмотрим некоторые из них.

⁶ В полевых отчетах приведены данные только по взятым находкам. Подавляющее же большинство обломков конусов в коллекцию не вошли.

Раскоп 14. В верхней части заполнения ямы 12 обнаружено 7 конусов. Вместе с ними найдены также культовые глиняные статуэтки, лепешки, сосудики, а также фрагмент черепа человека (Шрамко, 1967, с. 4–6, 32, 51).

Раскоп 16. На одном из участков в культурном слое на глубине 40 см выявлено скопление больших конусов со сквозными круглыми отверстиями. Они расположены примерно на одной линии, вытянутой с востока на запад, между двумя столбовыми ямками. Расстояние между крайними грузилами около метра. Восточная ямка имела диаметр 12 см и сохранила остатки древесной трухи от столба. Второй столб был закреплен в ямке небольшими камнями. Диаметр ямки в верхней части до 25 см. Глубина первой столбовой ямки 35 см, второй – 38 см; дно их коническое. По-видимому, столбы были не вкопаны, а вбиты. Расстояние между столбами 1,35 м. Всего между ямками найдено 15 грузил и их обломков (Шрамко, 1973, с. 108, 109). На участке, где найдены конусы, не обнаружено никаких строительных объектов.

Раскоп 20. В культурном слое открыто скопление конусов, вытянутое по линии 3–В на протяжении 1,5 м. Ямки от столбов отсутствовали. Конусы имели отверстия (Шрамко, 1970, с. 14). Никаких строительных объектов на участке с конусами не обнаружено.

Раскоп 22. В яме 1 диаметром 150 см найдено 10 целых и крупных обломков конусов. Рядом с ямой к северу от нее большое скопление конусов выявлено и в культурном слое. Судя по приведенным в отчете фотографиям, среди них есть конусы с отверстиями и без них (Шрамко, 1971, с. 7, табл. XII: 1–4, 14–16). Еще одно скопление из 73 обломков найдено в культурном слое на участке вне комплексов (Шрамко, 1973, с. 4).

Раскоп 23, участок святилища (Шрамко, 1976, с. 202). На участке святилища возле жертвенников в культурном слое и в ямах найдено большое количество конусов. Так, скопление из 25 мелких конусов обнаружено в двух метрах от жертвенника на одном уровне с ним. Конусы были обнаружены в расположенных рядом с жертвенником ямах 22 и 23 и в яме 27, в которой также были найдены предметы культовой пластики и фрагменты черепа человека. Конусы и фрагменты черепа человека были найдены также в яме 4 (Шрамко, 1971, с. 7, 11, 14). В яме 34 выявлено более 40 конусов вместе (в большом количестве) с глиняными антропоморфными статуэтками, изображающими обнаженных мужчин,

женскими фигурками и глиняными хлебцами (Шрамко, 1973, с. 8). В яме 33 среди множества культовых статуэток было «много глиняных конусовидных грузил», а также костяной челнок с отверстием для нити (Там же, с. 7). Челнок представляет собой массивное конусовидное изделие длиной около 17 см и шириной в основании 1,8 см. Из основания к боковой поверхности просверлено наклонное отверстие для крепления конца нити утка, которую продергивали между нитями основы. Б.А. Шрамко считает, что данное изделие является частью ткацкого станка (1987, с. 99, рис. 41: 5).

Раскоп 25. В яме 13 найдены в большом количестве конусы и предметы культовой пластики: зоо- и антропоморфные статуэтки, культовые лепешки и сосудики (Шрамко, 1974, с. 5). Скопление конусов зафиксировано и в культурном слое.

Раскоп 26. Конусы были обнаружены в трех небольших ямах, расположенных на расстоянии 3–5 м друг от друга. В яме 29 (130×105 см) найдено 8 целых и 9 обломков конусов (Шрамко, 1976, с. 8, рис. 17: 3, 5, 6), в яме 32 (100×70 см) – 14 конусов (Рис. 14) (Шрамко 1976, с. 9, рис. 17: 1; 18, 4). А яма 34 (всего 60×60 см) оказалась забита конусами без отверстий (26 конусов целых и в обломках; диаметр 5,8–6,7 см, высота 5–6 см). Кроме того, здесь же найден обломок крупного глиняного изделия в виде усеченного конуса с отверстием высотой около 11 см, диаметром 13 см (Рис. 13) (Шрамко 1976, с. 10, 11, рис. 17, 7; 18, 1–3, 5–10).

Раскоп 28. В яме 3 найдено три конуса и череп собаки, в яме 13 – 20 конусов, в яме 43 – фрагменты в не установленном количестве, в яме 44 – 5 грузил, а в яме 46 – 4 грузила (Шрамко, 1978, с. 2, 5, 10). Яма 7а (110×150×100 см) оказалась буквально забита глиняными вальками (148 экз.) (Шрамко, 1978, с. 4).

Раскоп 29. Скопления обломков глиняных конусов (5–6 экз.) выявлены в кв. 10/П на глубине 40 см и в кв. 42/В на глубине 60 см. В яме 6 найдены 21 конус (целые и в обломках), а в яме 7 – в не установленном количестве, в кв. 13/Б обломок глиняного грузила – среди скопления глиняных блоков, в яме 106 – не менее 8–9 глиняных вальков, а в расположенной рядом яме 107 – фрагмент черепа человека (Шрамко, 1981).

Раскоп 30. На этом раскопе площадью 11864 м² (1982–1986 гг.) исследовано святилище, состоящее из деревянного храма, глиняных жертвенников и жертвенных ям. В районе

храма, в ямах расположенных возле жертвенников на храмовой территории, а также в ямах и жертвенниках, расположенных вне храмовой территории, найдены скопления конусов. Также в отчетах отмечается, что огромное количество конусов было найдено и в культурном слое раскопа.

В районе святилища конусы обнаружены в ямах 186 и 187, при этом в первой из них вместе с фрагментом черепа человека. Полукругом от этих ям с западной, северной и северо-восточной стороны расположены четыре жертвенника (Шрамко, 1985, с. 10). Вблизи одного из жертвенников (М) – к северу от святилища – в неглубокой ямке находилось скопление конусов с фрагментами архаической керамики. Конусы имеют по одному сквозному отверстию, а поверхность покрыта вдавлениями (Рис. 15) (Шрамко, 1983, с. 16). В яме 29 (50×65×70 см) найдены фрагменты конусов и железный нож (Шрамко, 1982, 12, рис. 22: 1, 2, 4, 5), яме 55 (диаметром 90 см) – 7, ямах 57 и 66 – по 34 фрагмента конусов (Шрамко, 1983, с. 8, 9, 11), в яме 74 – 15 конусов, а также обломок жертвенника, культовые статуэтки, глиняные лепешки и вальки. Отдельные конусы найдены и в яме 75 вместе с фрагментом черепа человека (Там же, с. 12). Скопление конусов было также в ямах 84 (Шрамко, 1984, с. 3), 100 и 126 (Шрамко 1985, с. 3, 4); в яме 164 – 7 конусов (Там же, с. 6); в яме 175 обломки конусов найдены вместе с обуглившимися зернами ячменя и фрагментами сушилки (Там же, с. 8); в яме 196 фрагменты конусов обнаружены вместе с большим количеством предметов глиняной культовой пластики (Там же, с. 12); в яме 254 найдено 11 фрагментов конусов; в северо-западном углу ямы 270 – скопление из 29 конусов; фрагменты конусов были и в яме 290 (Шрамко 1986, с. 13, 17, 22).

Раскоп 32. Скопление не менее чем из 13 конусов найдено в культурном слое (Шрамко, 1988, с. 9).

Раскоп 33. В яме 46 (диаметром 65 и глубиной 70 см) найдено 12 конусов; фрагменты конусов обнаружены в яме 51 (Шрамко, 1992, с. 6, 31).

Судя по приведенным в полевых отчетах иллюстрациям, большинство конусов Восточного Бельского городища имеет сквозные отверстия, хотя, как уже отмечалось, встречаются и целые скопления конусов без отверстий. Высота конусов от 5 до 9 см. Поверхность большинства конусов гладкая, но на некоторых есть вдавления. У конусов,

найденных возле жертвенника раскопа 30, круглые вдавления расположены по всему периметру (Рис. 15). Кроме глиняных изделий в виде конусов, на Восточном Бельском городище встречаются также цилиндрические, овальные и круглые глиняные изделия, часто имеющие сквозные проколы (Рис. 5, 4, 5, 14, 15, 29, 31).

Хронология. Судя по отчетным материалам, основная масса комплексов, содержащих скопления конусов из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, относится к концу V–IV в. до н.э.⁷

Глиняные конусы Кнышовского и Восточного Бельского городищ: общее и особенное.

Если сравнить скопления конусов из Кнышовского и Восточного Бельского городищ, то на данном этапе исследования складывается следующая картина.

Тип конусов. На обоих памятниках известны конусы как с проколами, так и без них. Но на Кнышовском городище в подавляющем большинстве скоплений конусы – без проколов, тогда как на Восточном Бельском городище, наоборот, основная часть – с проколами. В большинстве случаев все изделия действительно имеют вид конуса, хотя и сильно различаются размерами; на Кнышовском городище выделяются конусы без проколов, с выделенным в виде трапеции основанием (рис. 2, 11). Аналогичной формы конусы, но с проколами известны, например, среди материалов Коринфа (Davidson, 1952, Pl. 74: 1087, 1124, 1127, 1147, 1151, 1166, 1171, 1166; 75: 1148, 1172, 1177, 1182; 76: 1188, 1189).

Местонахождения.

А). В культурном слое. Есть случаи, когда на обоих памятниках конусы найдены лежащими в одну линию. На Кнышовском городище они без проколов, а на Восточном Бельском – с проколами.

Б). В скоплениях. На Кнышовском городище – во всех случаях без проколов, тогда как на Восточном Бельском городище в большинстве эпизодов с проколами.

В). В ямах. Обращает на себя внимание, что на Кнышовском городище конусы не обнаружены ни разу в ямах, которые считаются жилищами. Во всех эпизодах они найдены в ямах, считающихся по умолчанию

⁷ Эти данные предварительные. На Западном Бельском городище и поселении Царина Могила Большого Бельского городища конусы найдены в заведомо более ранних контекстах.

хозяйственными. Более того, как правило, они привязаны к заполнению ям.

Подобная же картина зафиксирована и на Восточном Бельском городище. Только в одном эпизоде яму 270 раскопа 30 (4,38×3 м) можно было бы считать жилищем.

Интересно, что, например, на Восточном Бельском городище скопления конусов (и, как правило, это только конусы) встречаются в очень небольших по размеру ямах диаметром до метра. Параметры некоторых ям диаметром всего 65 см совпадают полностью.

Г). Возле жертвенников. На обоих памятниках выявлены скопления конусов именно в таком контексте. На Кнышовском городище их явно больше и при этом речь во всех случаях идет о конусах без сквозных отверстий, но с вдавлениями. Также такие конусы часто с отпечатками зерен злаков. К этому нужно добавить, что, судя по приведенным в отчетах полевым чертежам, на обоих городищах вблизи многих жертвенников встречаются отдельные конусы.

Д). В ямах с предметами культовой пластики. В таком контексте скопления конусов выявлены в 9 ямах на Кнышовском городище и во многих ямах на Восточном Бельском городище (Шрамко 1976, с. 198–206; 1996, с. 70–74; 1999, с. 37–42). При этом если на Кнышовском городище находки предметов культовой пластики в ямах, как правило, немногочисленны, то на Восточном Бельском городище скопления конусов (как минимум в 6 эпизодах), безусловно, привязаны к культовым ямам, заполненным десятками антропо- и зооморфных фигурок, сосудиками, лепешками и т.д. Наряду с этим на Восточном Бельском городище есть случаи, когда в ямах вместе с конусами и культовой пластикой встречались фрагменты человеческих черепов.

Таким образом, ни в одном из приведенных случаев не зафиксирован достоверный контекст, позволяющий считать конусы очажными подставками, подставками для вертелов или же строительным материалом для сводов печей. Кроме того, конусы не имеют следов копоти или каких-либо иных признаков, указывающих на их связь с очагами и т.п. Поверхность конусов также не имеет никаких следов сработанности.

Предварительный осмотр ряда конусов из Кнышовского и Басовского городищ, хранящихся в фондах ИА НАНУ (из раскопок В.А. Ильинской), проведенный С.Н. Горбаненко, показал, что часть из них в тесте имеет примеси зерен проса, ячменя и пшени-

цы двузернянки⁸. Визуально отпечатки зерен злаков просматриваются и на некоторых конусах Кнышовского городища из собрания Национального музея истории украинского гончарства в г. Опишне (Рис. 3), а на одном из конусов был обнаружен орнамент, сделанный острой палочкой. Эти данные вполне определенно свидетельствуют о votивном характере этих предметов.

Таким образом, при ответе на вопрос о содержании контекста находок глиняных конусов для целого ряда эпизодов можно считать установленным использование конусов в культовых практиках местного населения. И если относительно материалов Восточного Бельского городища это вполне очевидно для серии конусов с отверстиями, то для материалов Кнышовского городища – и для конусов без отверстий.

Однако остается открытым вопрос – были ли эти конусы специально изготовлены для культа или же использовались в культовой практике уже вторично, а до этого они использовались в каких-то утилитарных целях.

Интерпретация результатов. Варианты функционального использования конусов с отверстиями и без них.

А). Конусы – грузила от вертикального ткацкого станка. Конусы с отверстиями в двух эпизодах на Восточном Бельском городище были найдены вытянутыми в одну линию, что позволило их трактовать, как грузы для ткацкого станка. Внутри отверстий некоторых из грузил были заметны следы потертости от нитей. На Кнышовском городище, также в двух эпизодах, были найдены вытянутыми в одну линию конусы, но уже без отверстий. Многие местонахождения в ямах и в культурном слое, как конусов с отверстиями, так и без таковых, на Кнышовском и Восточном Бельском городище совпадают. Кроме того, совпадают часто метрические параметры (размер и вес) конусов без отверстий и с отверстиями. Также часты одинаковые пальцевые вдавления на обоих вариантах конусов. Это вполне позволяет рассматривать как грузы для ткацкого станка и те из них, что были без отверстий. Однако остается непонятным: использовались ли конусы без отверстий в таком виде в качестве грузил (при эксплуатации их, например, обвязывали, помещали в мешочки), или же они были имитацией ткацких грузил, специально изготовленных с культовой целью?

⁸ Искренне признательна С.Н. Горбаненко за исчерпывающую консультацию

Изучение этой линии интерпретации конусов – сам по себе очень занятный и весьма важный сюжет. Если конусы являются грузилами от ткацкого станка, то это может быть только вертикальный ткацкий станок. И если они появляются на определенной территории только в определенное время, из этого следует, что речь идет об изобретении или заимствовании некой новой для этого региона технологии ткачества. К этому нужно добавить, что одновременно с повсеместным использованием конусов (а это время не ранее V в. до н.э., а, скорее всего, IV в. до н.э.) на поселениях Левобережья в бóльшем числе, чем в предшествующее время, начинают встречаться и пряслица, многие из которых украшены сюжетами, имеющими явно тотемное значение (Щербань, 2007, с. 94–125). Напротив, во многих других регионах глиняные конусы (или же конусовидные/пирамидальные изделия) как грузила именно для вертикального ткацкого станка известны еще с позднего неолита. А в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века ткацкие грузила получили широкое распространение в пределах Центральной, Южной и Юго-Западной Европы (Belanová, Čambal, Stegmann-Rajtár, 2007, p. 419–434; Belanová, Štolcová, Grömer, 2010, p. 9–20). Повсеместно они встречаются на памятниках Греции и Италии и, соответственно, в греческих колониях Северного Причерноморья (Гайдукевич, 1952, с. 396–414; Gleba, 2008). При этом античные и «галльштатские» грузила подобны между собой – это очень хорошо выделанные и обожженные изделия в виде усеченных пирамидок с четырехугольным основанием, снабженные небольшим (!) сквозным отверстием у вершины. То есть, по внешнему виду они очень сильно отличаются от «лесостепных» скифского времени. Впрочем, хотелось бы обратить внимание на глиняные пирамидальные грузила из поселения Rífnik, у которых по всей поверхности фиксируются небольшие вдавления (наколы), образующие различные узоры (Рис. 17, 5, 6) (Teržan, 1996, Abb. 3, 2, 3; 4), т.е. они определенным образом могут быть сопоставлены, например, с грузилами с вдавлениями из поселений Украинской Левобережной Лесостепи.

Наряду с конусовидными грузилами с отверстиями из ряда европейских комплексов раннего железного века известны аналогичные изделия и без отверстий (Bockisch-Bräuer, 2012, Abb. 5: 6; 7: 11, 12).

Разница между грузилами не случайна. Эксперименты показали, что вес грузи-

ла определяет тип пряжи и плотность нитей. Плотность расположения грузил и их ширина определяет ширину ткани и вместе с пересчетом на массу станка – количество нитей и плотность ткани (Martensson, Nosch, Strand, 2009, p. 373–398). То есть, определяющими при выборе технологии изготовления тканей являлись эксплуатационные требования. А это, прежде всего, близкие весовые характеристики грузил, а также ширина и характер расположения отверстия в них, по крайней мере, в региональной группе изготовления. Последние влияют на выводы о характеристике используемых волокон (растительного или животного происхождения), типе изготавливаемых на станке тканей и технологии, а более широко дают выход на реконструкцию хозяйственной, социальной и культовой сферы местного населения. Стоит отметить, что анализ отпечатков тканей на глиняных изделиях из поселений Днепровской Левобережной Лесостепи, в том числе и с Кнышовского городища, показал, что сделаны они преимущественно из растительных волокон средней толщины (Щербань, 2007, с. 92). Вполне вероятно, что в Лесостепи основным сырьем для получения нитей были такие прядильные культуры, как конопля или лен⁹. Следовательно, особенности внешнего вида, по крайней мере, части лесостепных грузил, могут быть продиктованы особенностями сырья для производства тканей.

Грузы от рыболовных сетей. В трех эпизодах на Кнышовском городище (в ямах 117, 192 и 199) конусы без сквозных отверстий были найдены вместе с рыбьей чешуей. Также хрящевая кость большой рыбы была найдена возле скопления конусов вблизи жертвенника № 42¹⁰. Этот факт позволяет нам рассмотреть вариант их интерпретации в качестве грузов для рыболовных сетей. Разумеется, что из этого числа следует исключить слабо обожженные изделия.

Сам факт использования различных вариантов керамических рыболовных грузил, внешне подобных ткацким, известен в древности, например, на античных и меотских памятниках (Онайко, 1956, с. 154–160; Куликов, 1998, с. 187; Каменецкий, 2011, с. 257, 258).

⁹ Материалом для изготовления тканей в скифскую эпоху была и овечья шерсть. В скифское время в Лесостепи шерстяные ткани известны, однако не установлено: являются ли они продуктом местного производства.

¹⁰ Кости рыб были найдены и в других частях городища.

В огромном числе грузила, трактуемые именно как рыболовные, встречаются на памятниках юхновской культуры. При этом такая аргументация обусловлена только тем, что часто их находят в хозяйственных ямах с рыбьей чешуей. Юхновские грузила по целой серии параметров могут быть сопоставлены с выше рассмотренными конусами. Они также имеют, как правило, форму усеченного конуса высотой в среднем около 7 см, отверстием 1,5–2,5 см и большим диаметром в верхней части 3–4 см. Чаще всего эти грузила изготовлены довольно небрежно, обжиг некачественный, при попытке взять такие грузила в руки они часто рассыпаются. У них встречаются глубокие пальцевые вдавления по бокам (Каравайко, 2012, с. 96–99, рис. 62). Однако, что характерно, у всех известных юхновских грузил отверстия расположены по оси изделия, т.е. по вертикали. Как у пряслиц, когда изделие работало на обороты, тогда как у лесостепных – исключительно по горизонтали относительно вертикали конуса. Наряду с грузилами с отверстиями в юхновской культуре известны и конусовидные изделия без сквозных отверстий, но с глубокими вдавлениями. Они немногочисленны и их интерпретация не столь однозначна. Предполагается, что они могли использоваться на ткацких станках, хотя не исключаются и другие функции¹¹.

Если признать, что часть, из найденных на Кнышовском городище конусов, относится к грузам рыболовных сетей, то в таком случае не имевшие отверстий конусы для подвязывания к сети могли помещаться в специальные мешочки. Подобный подход практиковали некоторые народы Севера. Например, у коми грузила для сетей изготавливались из обожженной глины и камней, зашитых в бересту или холщевую тряпочку. Иногда и просто использовались сшитые из холста мешочки, наполненные гравием или камнями (Конаков, 1983, с. 148). Практика использования грузил из обожженной глины массой около 300 г для ставных рыболовных сетей известна. При этом нужно, чтобы размер груза был больше ячейки сети, иначе в процессе лова оно обязательно запутает рыболовную сеть.

¹¹ Д.С. Каравайко указывает на находки подобных изделий без отверстий в археологических культурах Непала, где их использовали как ударники, с помощью которых обрабатывалась внутренняя нижняя часть сформированного сосуда. В несквозное отверстие вставлялась палочка, что позволяло обработать дно высокого горшка с узким горлом (Каравайко, 2012, с. 99, 100).

Это особенно опасно, если рыболовные сети хранят, не снимая грузил. Большое количество грузил требуется для оснастки донных рыболовных сетей.

Вывод о возможном использовании грузил как рыболовных не абсолютен, однако вполне возможен. Весьма примечательно, что как раз те из кнышовских грузил, что обнаружены с рыбьей чешуей, наиболее качественно обожжены и, следовательно, не размокали в воде, как, например, слабо обожженные грузила. Подобная трактовка, по крайней мере, части грузил, позволит обратиться и к такой важной отрасли хозяйства местных племен, как рыболовство. Это особенно важно, учитывая, что вопрос именно об этой отрасли хозяйства населения Лесостепи в скифскую эпоху по сути даже не поднимался в литературе.

Безусловно, для более достоверных выводов о характере их утилитарного назначения – рыболовного или же ткацкого – нужна работа по корреляции между массой, размерами отверстий и характером обжига различных грузил. Вместе с тем, если некоторые контексты и признаки на конусах и позволяют выделять среди них ткацкие и рыболовные, то все же следует понимать, что этот вывод не абсолютен для всей серии конусов. И нельзя исключать и еще какие-то варианты их использования. Например, следует обратить внимание на находки подобных изделий (и также с вдавлениями) в античном Торице в металлургической мастерской возле большой печи (Онайко, 1980, с. 63, 92, табл. XXXI, 328)

О вотивном использовании конусовидных грузил. Среди вещей, используемых в обрядах, могут быть как те, что сакральны изначально (обрядовые утварь, одежда и т.д.), так и профанные предметы (изделия бытового назначения), приобретающие знаковую нагрузку лишь тогда, когда они становятся атрибутами обряда или соотносятся с определенными мифами. Обращение к материалам культур эпохи бронзы показывает, что в обряды могли включаться практически все вещи утилитарного назначения, в т.ч. и орудия труда (Підобід, Усачук, Циміданов, 2012). К числу утилитарных вещей, часто выступавших у населения городищ скифского времени Лесостепи в качестве обрядовых атрибутов, относятся и грузила. Как следует из вышеизложенного материала, в значительном числе установленных эпизодов на поселениях конусы всех разновидностей были зафиксированы в культовых контекстах, что является завершающим этапом их использования.

Практика культового использования конусовидных грузил, по крайней мере, тех, что относят к грузилам ткацкого станка, в начале раннего железного века весьма широко распространена. Маргарита Глеба в исследовании по текстильному производству доримской Италии особо отмечает факты использования в различных культовых контекстах предметов, связанных с процессами прядения и ткачества (пряслиц, катушек и особенно конусовидных грузил). Она выделяет три подгруппы культовых контекстов: самостоятельные жертвоприношения (*actual votive deposits*), жертвоприношения, связанные с ритуалами закладки зданий, оборонительных сооружений и т.д. (*foundation deposits*) и найденные на территории святилищ, где производились ткани (или другие предметы) (*sanctuary workshops*) (Gleba, 2008, p. 178). И что характерно, в культовых практиках использовались как грузила с отверстиями, так и без них (Ibid, p. 175, 176, 178, 179, fig. 119).

Весьма часто предметы ткачества, в том числе и глиняные грузила, как подношение богам, встречаются и в греческих городах Северного Причерноморья. Такие грузила найдены в святилищах Китея, Мирмекия, Нимфея и др. В религиозном мировоззрении населения боспорских городов прядение, ткачество и шитье имели ярко выраженный сакральный аспект. И предметы, связанные с прядением и ткачеством, усиливали процесс преобразования жертвы, перехода ее в другой мир и в другое качество. Нередко в таких святилищах встречаются и рыболовные снасти, представленные грузилами и крючками (Молева, 2007, с. 84, 85; Коцура, 2008, с. 74).

Эти данные являются аргументом и определенным объяснением вотивного характера использования конусовидных грузил и на поселениях скифского времени Днепровской Лесостепной Лесостепи, а именно тех из них, которые собственно и найдены возле культовых комплексов или в культовых контекстах.

О вотивном использовании глиняных конусов без отверстий. Как уже отмечалось, в большинстве эпизодов на Кнышовском городище найдены были именно конусы без сквозных отверстий: с гладкой поверхностью или с вдавлениями. В тесто некоторых конусов примешивались зерна злаков, что, безусловно, также может свидетельствовать об их вотивном характере. При определении функции этих изделий, можно, безусловно, предположить и их сугубо утилитарную функцию как ткацких, либо же рыболовных грузил.

Однако тот факт, что они большими скоплениями встречаются возле жертвенников, кажется, вполне определенно свидетельствует об ином. По всей видимости, скопления конусов без отверстий использовались в ритуалах.

Вывод о культовом характере таких изделий находит определенное подтверждение в материалах сопредельных культур этого времени. Например, в раннем железном веке в Среднем Прикамье на поселениях, а также на вынесенных за пределы поселков святилищах найдены различные варианты глиняной геометрической пластики. В том числе это и большая группа изделий в виде конусов/пирамид или цилиндров без отверстий, многие из которых с орнаментом. Размеры прикамских конусов сравнительно невелики. Наиболее распространены предметы с шириной основания 1,5–2 см, меньше изделий размерами 2–3,6 см. Вместе с глиняной геометрической пластикой всегда встречаются также антропоморфные и зооморфные изделия, а также диски или глиняные лепешки. Также на этих же участках, как правило, в значительном числе находят глиняные орнаментированные пряслица (Голдина и др., 2013, с. 49, 70).

Один из примеров – Тарасовское святилище, которое наиболее активно использовалось в IV–III вв. до н.э. Здесь в ямах и культурном слое были найдены многочисленные предметы геометрической пластики, которую авторы публикации трактуют неотрывно от антропоморфной, полагая, что это могут быть изображения кукол-игрушек, родильных кукол. Все они являются культовыми предметами и использовались в магических обрядах (Там же, с. 83).

Еще одно доказательство использования в культовых целях глиняных поделок в виде пирамидок, блоков и шаров находим в Западной Сибири. Они найдены на культовом месте поселения Туруновка-4 (эпоха бронзы, кротовская культура). В.И. Молодин отмечает, что обилие и разнообразие форм и пропорций геометрической пластики позволяет предполагать наличие у населения кротовской культуры своеобразных культов, связанных с глиняной атрибутикой. При этом свидетельства подобных проявлений известны по данным археологии и этнографии. Так, в Забайкалье обнаружено ламаистское культовое место, где согласно обряду находились глиняные пирамидки. По рассказам самих бурят, после смерти ламы его тело предавали кремации, а пепел подмешивали в глину и делали из этого материала пирамидки, кото-

рые помещали на культовом месте (Молодин, 1992, с. 45).

Также из Липинского городища известны глиняные поделки, именуемые хлебцами, но имеющие неправильную коническую форму с вдавлениями по корпусу (Шпилев, 2014, с. 64). В целом они имеют прямые аналогии среди некоторых таких изделий, найденных на Крышовском и Басовском городищах.

Относительно интерпретации глиняных конусов без отверстий возникает определенная параллель и с глиняными алтарями гальштатского времени южноальпийского региона (т.н. *feuerbock/clay firedogs*). Эти алтари, как правило, весьма сложной, часто зооморфной формы или же с зооморфным оформлением окончаний боковых граней (Рис. 17, 1-4) (Kerman Branko, 2014, p. 229–303, Sl.2, A; 5; T.1; Nagy Laszlo 1979, p. 19–73)¹². Также типичны варианты трапециевидной формы (конусовидные в сечении) с одним или несколькими сквозными или же не сквозными вдавлениями на корпусе. Такие алтари, как и наши конусы, сравнительно небольшого размера – высотой от 4,5 до 8 см (Рис. 18).

Конусы и глиняные вальки/хлебцы. В некоторых эпизодах глиняные конусы встречаются вместе с т. н. вальками или «хлебцами».

На Кнышовском городище вальки были найдены вместе с конусами в ямах и отдельными скоплениями (Рис. 16). При этом, как минимум, в двух эпизодах вальки обнаружены у печки или прямо на печке. Так, в кв. 20-21/С68-69 недалеко от вала на глубине 100 см была открыта верхняя часть печки. Толщина развала от 15 до 20 см. Сохранился под печки в виде прямоугольника с закругленными углами (60×55 см), толщиной в несколько сантиметров. На нем кучей лежали крупные куски

сильно пережженной глины. Среди развала печки найден целый, хорошо обожженный глиняный валец, но необычной формы: в виде пестика с выемкой на торце. У северной стенки печи найден еще один целый глиняный валец в виде хлебного батона, но наполовину меньших размеров. На уровне пода печи возле ее северной стенки на площади диаметром 40 см обнаружено целое скопление таких вальков: 6 слабо обожженных вальков и более десяти крупных фрагментов. Здесь же встречались мелкие кусочки древесного угля (Гавриш, 1990, с. 59).

Аналогичная печка найдена и в кв. 23/С63 на глубине 120 см. Она была сооружена на засыпке ямы 61. Сильно разрушенный под печи округлой формы имел размеры 80×75 см. Толщина развала 2–3 см. Куски сильно обожженной глины перемешаны с древесными угольками и золой. На развале печи горкой высотой 18–20 см лежало большое количество глиняных вальков. Лежащие в углях и золе вальки в нижней части скопления были очень хорошо обожжены, а вверху обжиг имели слабый и разваливались при прикосновении. Сверху скопление вальков неровно прикрывал слой обмазки. Создавалось впечатление, что вальки находились в печке, свод которой обрушился. Примечательно, что на некоторых вальках, которые лежали внизу на печке, отпечаталась рыба чешуя величиной с копейку. Всего в скоплении удалось насчитать 31 валец и половину конуса (Гавриш, 1990, с. 60) (Рис. 16, 3, 8, 9).

Эти находки, безусловно, не отрицают их votивного характера, особенно учитывая, что обе печки находились сравнительно недалеко от жертвенников на одном уровне с ними. К тому же, например, вблизи жертвенника № 28 были найдены совершенно аналогичные вальки/хлебцы (Рис. 16, 4-7).

В иных контекстах «хлебцы/вальки» выявлены на Бельском городище. На поселении в урочище «Поле 2-й бригады» Большого Бельского городища в яме 19 на дне и в придонной части было выявлен 21 хлебец. Они сделаны из плотного глиняного теста, но как бы наспех, обжиг их некачественный. Форма всех «хлебцов» практически одинаковая. Размеры: самые крупные – 10,6×6,0×5,0 и 9,4×6,5×5,0 см; наиболее мелкие – 7,0×5,2×4,5 и 7,5×4,6×5,2 см. Поверхность их неаккуратно заглажена, встречаются отпечатки пальцев и травы, а также со всех сторон – проса обыкновенного (Супруненко, 2014, с. 70, 71). Аналогичные хлебцы, но в большем коли-

¹² Поиск полных аналогий конусам без отверстий не дал удовлетворительных результатов. Похоже, что их действительно в таком виде нигде больше нет. Но я обращала внимание и на просто похожие изделия. В некоторых культурах они известны. Например, в Маргиане глиняные конусы, пирамидки и шарики, но вместе с аналогичными каменными и фаянсовыми изделиями, найдены на Гонуре в погребениях и на поселении (Сарианиди, Бороффка, Дубова, 2014, с. 150). Правда, они меньшего размера, высотой не более 3 см. Они интерпретируются как votивные изделия. Похожие найдены и в некрополе Аполонии Понтийской IV в. до н.э. Это конусы, катушки, шары, цилиндры, пирамиды и др. Они также считаются магическими, культовыми предметами (Конова, 2005, с. 148-164, рис. 1–14). Различные ритуальные глиняные поделки, среди которых встречаются и конусы, известны также в IV в. до н.э. и в некрополе Зимничее (Sirbu, 2006, Fig. 43).

честве, выявлены на Восточном Бельском городище в яме 32. Здесь в заполнении и на дне ямы найдены 41 целый и 109 обломков глиняных хлебцов. Их длина 9,0–11 см, ширина 3,5–6,0 см. Два конуса были уложены на камень, возможно, являющийся зернотеркой. Вполне, вероятно, в данном случае имела место имитация. Античная керамика из этой ямы датируется IV в. до н.э. (Задников, 2015, с. 15, рис. 6: 5, 6).

Еще в одном случае на Восточном Бельском городище в яме 106 раскопа 29 был найден целый и 10 фрагментированных хлебцов. Эта яма находится возле ямы 107, в которой был фрагмент черепа человека.

На Западном Бельском городище на дне одной из ям зольника № 13 поломанные глиняные хлебцы сопровождали восемь практически целых скелетов собак со следами насильственной смерти. Рядом с ними в заполнении был найден также свод черепа человека и обожженные кости собак (Задников, Шрамко, 2009, с. 10). В этом случае, по всей видимости, речь идет о намеренно сломанных изделиях, т.е. принесенных в жертву. Можно предположить, что поврежденные (сломанные) конусы, найденные в ямах Кнышовского и Восточного Бельского городищ, могут также быть результатом преднамеренного ритуала.

Явное доказательство связи глиняных вальков именно с культовыми практиками было выявлено А.Е. Алиховой в 1961 г. при исследовании поселения юхновской культуры у с. Успенское. Здесь было исследовано святилище, представлявшее собой обмазанную глиной округлую площадку со следами горевших вокруг нее костров. В центре глиняного круга находилась пирамидка из 30 глиняных блоков, на вершине которой был установлен глиняный миниатюрный сосудик для жертвоприношений (Шприлев, 2014, с. 66) (Рис. 18). Кажется, что глиняные конусы также могли складываться в подобные пирамиды.

К этому нужно добавить, что при исследовании печей эпохи бронзы Украинской Лесостепи выявлялись артефакты, не связанные с их функционированием. Например, на поселении Чикаловка (Полтавская обл.) под завалом печи в жилище 4 (раскоп 6) находилось несколько скоплений глиняных изделий – шаров, «хлебцов», биконических предметов в отверстии посередине. А в жилище 5 (раскоп 3) под остатками печи выявлены 5 ямок, в которых лежали глиняные шары диаметром от 2 до 6 см (всего 16 изделий) (Підобід, Усачук, Циміданов, 2016).

Заключение. Пространственный анализ расположения глиняных конусов, выполненный на материалах Кнышовского и Восточного Бельского городищ, позволяет сделать предварительные выводы о функциональном назначении грузил (ткачком и рыболовном) и их использовании (первичном и вторичном) в культовых практиках местного населения. Эти данные открывают совершенно новую страницу для понимания идеологии населения Днепровской Левобережной Лесостепи в скифскую эпоху, особенно на ее финальном этапе. И тем самым позволяют расширить представление о древних культовых практиках, что также важно для понимания развития социальных ценностей и традиций, связанных, в том числе, с текстильным производством и рыболовством.

Из изучения контекстов местонахождений конусов также следует, что за похожими внешне объектами скрываются функционально разные изделия.

Так, вполне определенно, материалы Восточного Бельского городища позволяют говорить об использовании именно ткацких грузил в культовых практиках местного населения. Они были найдены во всех ямах с предметами мелкой культовой пластики. Кроме того, в ряде случаев рядом с конусами были найдены пряслица и человеческие черепа. Эти данные сплетаются в некую общую канву, в которой присутствие конусов как грузил, может отражать «символизм нити, веревки связывания и ткачества, широко присутствующий в древних мифологиях и магических практиках многих народов» (Широкова, 2002, с. 253). В этом случае использование конусов в культовой практике является окончательным их использованием, т.е. своеобразным захоронением.

Поскольку мы не знаем пантеона местных божеств, варианты интерпретации имевших место культовых практик могут быть различными. В случае с ткацкими грузилами вполне можно предположить и воспринятую на местный манер кальку с греческих традиций, учитывая имевший место именно в это время тесный контакт населения этого региона с обитателями греческих колоний Северного Причерноморья. Что касается глиняных конусов без отверстий, то, похоже, что они представляют собой совершенно новую страницу в жизни и практике местного населения.

ЛИТЕРАТУРА

Гавриш П.А. Отчет о полевых исследованиях археологической экспедиции Полтавского Педагогического института в 1989 г. Полтава, 1989 / Архив ИА НАНУ. № 1989/166.

Гавриш П.А. Отчет о полевых исследованиях на Кнышовском городище экспедиции Полтавского педагогического Института в 1990 г. Полтава, 1990 / Архив ИА НАНУ. № 1990/64.

Гавриш П.А. Отчет об археологических раскопках на Кнышевском городище экспедицией Полтавского пед. института в 1991 г. Полтава, 1991 / Архив ИА НАНУ. № 1991/90.

Гавриш П.А. Отчёт об исследованиях Полтавской Левобережной скифской экспедиции Полтавского пединститута в 1988 г. Полтава, 1988 / Архив ИА НАНУ. № 1988/54.

Гавриш П.Я. Звіт про археологічні розкопки Книшівського городища скіфської доби (Полтавська обл.) будино-гелонською археологічною експедицією в 1992 р. Полтава, 1992 / Архив ИА НАНУ. № 1992/149.

Гавриш П.Я. Звіт про польові дослідження 1993 р. на городищі скіфського часу біля с. Книшівка Гадяцького району Полтавської області. Полтава, 1993 / Архив ИА НАНУ. № 1993/142.

Гавриш П.Я. Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). Полтава: Археологія, 2000. 232 с.

Гайдукевич В.Ф. К вопросу о ткацком ремесле на боспорских поселениях // Боспорские города. Ч. 1. Итоги археологических исследований Тиритаки и Мирмекия в 1935–1940 гг. / МИА. № 25 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.: АН СССР, 1952. С. 395–414.

Голдина Р.Д., Колобова Т.А., Казанцева О.А., Шаталов В.А. Тарасовское святилище раннего железного века в Среднем Прикамье / Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Т. 26. Ижевск: УдмГУ, 2013. 184 с.

Граков Б.Н. Скифы. Научно-популярный очерк. М.: МГУ, 1971. 200 с.

Задников С.А. Східне укріплення Більського городища: результати досліджень 2014 р. // Археологічні дослідження Більського городища – 2014 р. / Науч. ред. О.Б. Супруненко. Київ-Котельва : Центр пам'яткознавства НАН України, 2015. С. 7–17.

Задніков С.А., Шрамко І.Б. Розкопки зольника 13 на Західному укріпленні Більського городища // Археологічні дослідження в Україні 2006–2007 / Гол. ред. Д.Н. Козак. Київ : Академперіодика, 2009. С. 8–10.

Ильинская В.А. Отчет о работе Среднеднепровской экспедиции ИА АН УССР. Киев, 1959 / Архив ИА НАНУ. №1959/7.

Лліньська В.А. Басівське городище // Археологія. 1965. Т. XVIII. С. 48–76.

Каменецкий И.С. История изучения меотов. М.: Таус, 2011. 383 с.

Каравайко Д.В. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Киев: ИА НАНУ, 2012. 276 с.

Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.

Конаков И.Д. Коми. Охотники и рыболовы во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Наука, 1983. 248 с.

Конова Любава. Магия и погребален обред. Глинени культови фигури от некропола на Апология Понтика // Heros Nephastos. Studia in Honorem Liubae Orgnenova—Marinova. Велико Търново, 2005. Рр. 148–164.

Коцура А.Г. Ремесленные мотивы Кошарского зольника // Наукові праці: Науково-методичний журнал. 2008. Т. 96, вип. 83. С. 73–75.

Куликов А.В. Материалы по изучению древних морских промыслов // Древности Боспора. Т. 1 / Отв. ред.. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 1998. С. 186–201.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // Лесостепные культуры скифского времени / МИА. № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: АН СССР, 1962. С. 5–85.

Медведев А.П. Ранний железный век Лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: ИА РАН, 1999. 160 с.

Молева Н.В. Орудия ткачества, прядения и шитья как votivные подношения в Китайском святилище // Из истории античного общества. Вып. 9-10 / Отв. ред. А.В. Махлаюк. Нижний Новгород: ННГУ, 2007. С.80–85.

Молодин В.И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск: Наука, 1992. 191 с.

Онайко Н.А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Понта. –М., 1980. 179 с.

Онайко Н.А. О фанаторийских грузилах: (По материалам раскопок 1936–1940 гг. и 1947–1952 гг.) // Фанатория / МИА. № 57 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1956. С. 154–160.

Підобід В.А., Усачук А.М., Циміданов В.В. Культурні комплекси на поселеннях бондарихинської культури // Археологія, в печати, 2017.

Подобед В.А., Усачук А.Н., Цимиданов В.В. Стрелы в обрядах древнего населения Центральной Азии и Сибири (по материалам поселений эпохи бронзы) // Материалы III международной конференции «Кадырбаевские чтения – 2012» (14–15 ноября 2012 года) / Науч. ред. А.А. Бисембаев. Актобе: АОЦИЭА, 2012. С. 85–92.

Пузикова А.И. Памятники скифского времени бассейна р.Тускарь (Посеймье). М.: ИА РАН, 1997. 126 с.

Ролле Р., Герц В., Махортих С., Белозор В. Исследования совместной Украинско-Немецкой экспедиции в 2002 г. Киев: ИА НАНУ, 2003. 87 с.

Сарианиди В.И., Бороффка Н.Г.О., Дубова Н.А. Культурные контакты Маргианы (Туркменистан) в III тыс. до н.э. Новые данные по Гонур Депе (погребение № 4150). // Труды Маргианской археологической экспедиции. Т. 5: Исследования Гонур Депе в 2011–2013 гг. / Отв. ред. В.И. Сарианиди. М.: Старый сад, 2014. С.127–137.

Супруненко О.Б. Культурні і побутові об'єкти на пізньоскіфському поселенні в ур. «Поле 2-ї бригади» // Археологічні дослідження Більського городища – 2013 р. / Науч. ред. О.Б. Супруненко. Київ- Котельва : Центр пам'яткознавства НАН України, 2014. С. 65–82.

Цигилик В.М. Нові пізньочерняхівські житла на Львівщині // Проблеми походження та історичного розвитку слов'ян / Відп. ред. В.Д. Баран. Київ-Львів: РАС, 1997. С. 104–110.

Широкова Н.С. Огмий – кельтский бог «связыватель» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 1 / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 253–262.

Шпилев А. Г. Курские меланхлены // Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Чубур А.А., Шпилев А.Г. Летопись курского края. Курск: Полстар, 2014. С. 60–67.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. ун-та им. А.М. Горького. Харьков, 1971 / Архив ИА НАНУ. № 1971/46.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского государственного университета. Харьков, 1974 / Архив ИА НАНУ. № 1974/48.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского гос. университета в 1978 г. Харьков, 1978 / Архив ИА НАНУ. № 1978/70.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской археологической экспедиции. Харьков, 1982 / Архив ИА НАНУ. № 1982/147.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции Харьковского гос. университета им. А.М. Горького в 1976 г. Харьков, 1976 / Архив ИА НАНУ. № 1976/64.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1973 г. Харьков, 1973 / ИА НАНУ. № 1973/69.

Шрамко Б.А. Отчет о работе Скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1985 г. Харьков, 1985 / Архив ИА НАНУ. № 1985/56.

Шрамко Б.А. Отчет о работе скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1992 г. Харьков, 1992 / Архив ИА НАНУ. № 1992/55.

Шрамко Б.А. Отчет о раскопках и разведках скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1967 г. Харьков, 1967 / Архив ИА НАНУ. № 1967/80.

Шрамко Б.А. Отчет о раскопках скифо-сарматской экспедиции ХГУ в 1986 г. Харьков, 1986 / Архив ИА НАНУ. № 1986/111.

Шрамко Б.А. Отчёт о раскопках Скифо-славянской археологической экспедиции Харьковского госуниверситета им. А.М. Горького в 1988 г. Харьков, 1988 / Архив ИА НАНУ. № 1988/58.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях скифо-славянской экспедиции ХГУ в 1983 году в Полтавской и Харьковской областях. Харьков, 1983 / Архив ИА НАНУ. № 1983/53.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических исследованиях Скифо-славянской археологической экспедиции ХГУ. Харьков, 1984 / Архив ИА НАНУ. № 1984/110.

Шрамко Б.А. Отчет об археологических работах, проведенных в бассейнах р. Северского Донца и Ворсклы. Харьков, 1970 / Архив ИА НАНУ. № 1970/70.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 185 с.

Шрамко Б.А. Восточное Укрепление Бельского городища // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 82–112.

Шрамко Б.А. Глиняные скульптуры лесостепной Скифии // РА. 1999. № 3. С. 35–49.

Шрамко Б.А. Комплекс глиняных скульптур Бельского городища // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 1996. С. 67–87.

Шрамко Б.А. Люботинское городище // Люботинское городище / Отв. ред.. Ю.В. Буйнов. Харьков: ХГУ, 1998. С. 9–131.

Шрамко Б.А. Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.

Шрамко Б.А. Селище та могильник ранньої залізної доби біля с. Острове́рхівка // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 6. Київ: ІА АН УРСР, 1956. С. 56–65.

Шрамко Б.А. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северского Причерноморья в раннем железном веке // СА. 1957. № 1. С. 178–198.

Шрамко Б.А., Радзиевская В.Е. Усадьба косторезной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 181–189.

Шрамко И.Б. Отчет о раскопках на Бельском городище в 1990 г. Харьков, 1990 / Архив ИА НАНУ. № 1990/70.

Шрамко І.Б., Задніков С.А. Культові споруди VI ст. до н.е. Західного Більського городища // Археологічний літопис Лівобережної України. № 2 (20) / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 2006. С. 12–28.

Щербань Анатолій. Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII – початку III століття до н.е. (за глиняними виробами). Київ: Молодь, 2007. 256 с.

Belanová T., Čambal R., Stegmann-Rajtár S. Die Weberin von Nové Košariská – Die Webstuhlbefunde in der Siedlung von Nové Košariská im Vergleich mit ähnlichen Fundplätzen des östlichen Hallstattkulturkreises / M. Blečić usw. (Hrsg.) / Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan, Situla: dissertationes; T. 44. Ljubljana: Narodni muzej Slovenije, 2007. Pp. 419–434.

Belanová T., Štolcová T., Grömer K. Loom-weights, Spindles and Textiles – Textile Production in Central Europe from the Bronze Age to the Iron Age / E.B. Andersson Strand usw. (eds.) / North European Symposium for Archaeological Textiles X, 13.-18.5.2008 in Copenhagen / Ancient Textiles Series 5. Oxford: Oxbow Books, 2010. Pp. 9–20.

Bockisch-Bräuer Christine. Die Miniatur-Webgewichte aus Speikern – Reste urnenfelderzeitlicher Gräber in der Flur «im Rödelberg»? // Natur und Mensch – Jahresmitteilungen der Naturhistorischen Gesellschaft Nürnberg e.V. Nürnberg, 2012. Pp. 29–43.

Boertien Jeannette H. A Simulation Experiment in the Context of a Technological of Levantine Iron Age Clay Loom Weights // Leiden Journal of Pottery Studies. Vol. 25. Leiden: Leiden University Press, 2009. Pp. 31–45.

Cheval Carole. Protohistoric weaving, the Minoan loom-weights: a first approach // C. Alfaro, L. Karali (eds.). Purpureae Vestes. II Symposium Internacional sobre Textiles y Tintes del Mediterraneo en el mundo antiguo. Valencia: University of Valencia, 2008. Pp. 19–24.

Daragan Marina, Gavriš Pyotr. On Manifestations of the Cult of Human Skulls in the Knyshovskoye Fortified Settlement dating from the Scythian Period // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia, 2017, Volume 23, Issue 1, forthcoming. P. 251–328.

Davidson R. Gladys. Corinth. Vol. XII: The Minor Objects. Princeton: American School of Classical Studies at Athens, 1952. 383 p.

Gleba Margarita. Textile Production in Pre-Roman Italy. Oxford: Oxbow Books, 2008. 280 p.

Kerman Branko. Karamični oltar iz halštatske naselbine Kotare-Baza near Muzska Sobota // S.T. Hvala (ed.). Studia Praehistorica in Honorem Janez Dular. Ljubljana, 2014. Pp. 297–309.

Kerman Branko. Karamični oltar iz halštatske naselbine Kotare-Baza near Muzska Sobota // S.T. Hvala (ed.). Studia Praehistorica in Honorem Janez Dular. Ljubljana, 2014. Pp. 297–309.

Martensson Linda, Nosch Merie-Louise, Batzer Anne. Technical Report. Experimental Archaeology. Part 4, Loom weights // Tools and Textiles – Texts and Contexts Research Programme. The Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research (CTR) Copenhagen: University of Copenhagen, 2007. 1–15 p.

Martensson Linda, Nosch Merie-Louise, Strand Andersson Eva. Shape of things: Understanding a loom weight // Oxford Journal of Archaeology. 2009. Vol. 28 (4). Pp. 373–398.

Nagy László. A tűzikutya és holdidol kérdése magyarországi leletek alapján. (Zur Feuerbock- und Mondidolfrage aufgrund der ungarländischen Funde.) // Veszprém Megyei Múzeumok Közleményei. T. 14. Veszprém, 1979. Pp. 19–73.

Siennicka M. Textile Production in Early Helladic Tiryns // M.-L. Nosch, R. Laffineur (eds.). KOSMOS. Jewellery, Adornment and Textiles in the Aegean Bronze Age. Proceedings of the 13th International Aegean Conference. 13e Rencontre égéenne internationale, University of Copenhagen, Danish National Research Foundation's Centre for Textile Research, 21–26 April 2010, Aegaeum 33. Liège, 2012. Pp. 65–75.

Sirbu Valeriu. Man and Gods in the Geto-Dacian World – archaeological testimony. Braşov, 2006. 280 p.

Štolcová T., Zajonc J. Interdisciplinary reconstruction of weaving on the warp-weighted loom in the Hallstatt Period // K. Grömer, F. Pritchard (eds.). Aspects of the Design, Production and Use of Textiles and Clothing from the Bronze Age to the Early Modern Era. NESAT XII. The North European Symposium for Archaeological Textiles, 21.–24.5.2014 in Hallstatt, Austria / Archaeolingua Main Series 33. Budapest, 2015. Pp. 295–307.

Teržan Biba. Weben und Zeitmessen im südostalpinen und westpannonischen Gebiet // E. Jerem/A. Lippert (Hrsg.). Die Osthallstattkultur. Akten des Internationalen Symposiums, Sopron, 10–14 Mai 1994. Budapest, 1996. Pp. 507–536.

Zachos Georgios A. Epeios in Greece and Italy. Two Different Traditions in One Person // ATHENAEUM. Studi di Letteratura e Storia dell'Antichità pubblicati sotto gli auspici dell'Università di Pavia. Volume Centunesimo I. Pavia: Università degli Studi di Pavia, 2013. Pp. 5–24.

Информация об авторе

Дараган Марина Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии НАН Украины (Киев, Украина); daragan@iananu.org.ua; darmar@ukr.net

THE DISCOVERY OF CLAY CONES AT THE SETTLEMENTS OF THE SCYTHIAN PERIOD FROM UKRAINIAN LEFT-BANK FOREST-STEPPE REGION (ARCHAEOLOGICAL CONTEXTS AND SPATIAL ANALYSIS)¹³

M.N. Daragan

The paper is dedicated to the investigation of one of the most numerous categories of findings discovered at the settlements of the Scythian period located in the Dnieper left-bank forest-steppe area - the so-called clay cones. These products 5-10 cm in height feature occasional through holes and indentations (frequently symmetrical), and in other cases have a smooth surface. Certain specimens are characterized by a combination of through holes and indentations. The functional purpose of the cones remains unclear. Archaeological contexts are considered, in which the cones from Knyshovsky and Belsky settlements have been discovered. With the aid of spatial analysis tools, the researchers have established that the cone clusters meet are encountered in the cultural layer, pits and in the vicinity of credence tables. A study of the accompanying findings allowed to draw preliminary conclusions regarding the functional purpose of the different types of cones. Researchers consider their optional use as weaving and fishing weights, and raise the question of their application in the cult practices of the local population.

Keywords : Early Iron Age, Ukrainian forest-steppe area, settlements, clay ware, cones, rollers, credence tables, cult practices, weaving, fishing, spatial analysis, Scythians, antiquity.

About the author:

Daragan Marina N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine. Volodymyrska St., 54, Kyiv, 01030, Ukraine; daragan@iananu.org.ua; darmar@ukr.net

¹³ The work was carried out within the framework of a grant provided by Alexander von Humboldt Stiftung on the following topic: Assimilation and transformation of the space at the end of the Bronze Age - early Iron Age in the Northern Black Sea Coast: geo-information analysis of the transformation of the settlement and burial structures. The interpretation of this category of findings was facilitated by the results of studying the spatial situation at the settlements of the Scythian period. The most thoroughly studied settlement were selected as models: Vostochno-Belskoe settlement with a total area of 72 hectares and Knyshowskoe settlements with an areas of 4/5 hectares feature 45 and 5 thousand square meters of excavated territory, respectively. The keen interest of researchers in conical weights is accounted for by the fact that they frequently accompanied cult complexes and the associated discoveries of human skulls (Daragan, Gavrish, 2017).



Рис. 1. Кнышовское городище. План городища с отмеченным исследованным участком.

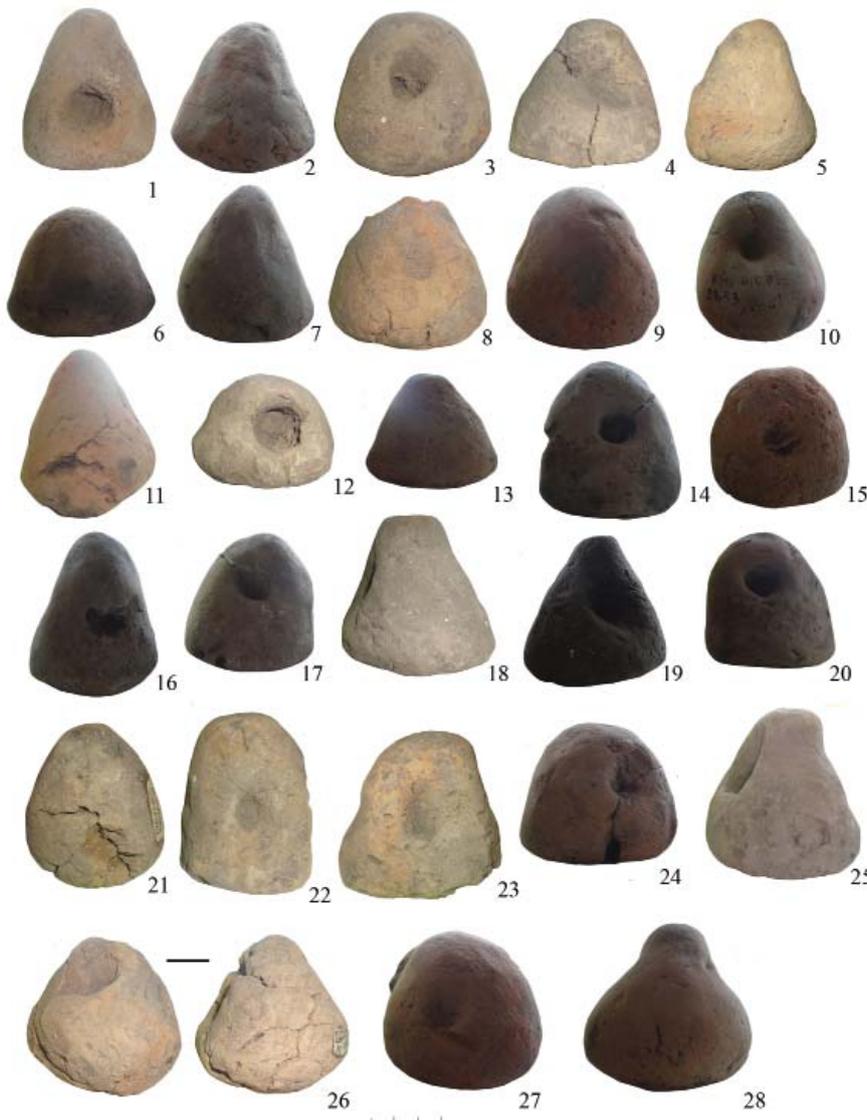


Рис. 2. Кнышовское городище.
 1 – кв. 44/Ю34;
 2, 4, 25 – скопление к северу от жертвенника № 25;
 3 – кв. 6/Ю14; 5 – яма 192;
 7 – кв. 16/С63; 8 – яма 130;
 9 – яма 117; 10, 28 – скопление возле жертвенника № 25;
 11, 20 – яма 18;
 12 – яма 142; 13 – кв. 54/С59;
 15, 27 – яма 117; 17 – над ямой 17; 18, 19 – скопление возле жертвенников №№ 6 и 7; 21 – кв. 31/Ю50; 22 – кв. 21/Ю27;
 24 – яма 117; 26 – яма 82;
 6, 14, 16, 23 – из культурного слоя. (Раскопки П.А. Гавриша 1988–1993 гг. Фонды НМЗУГ).

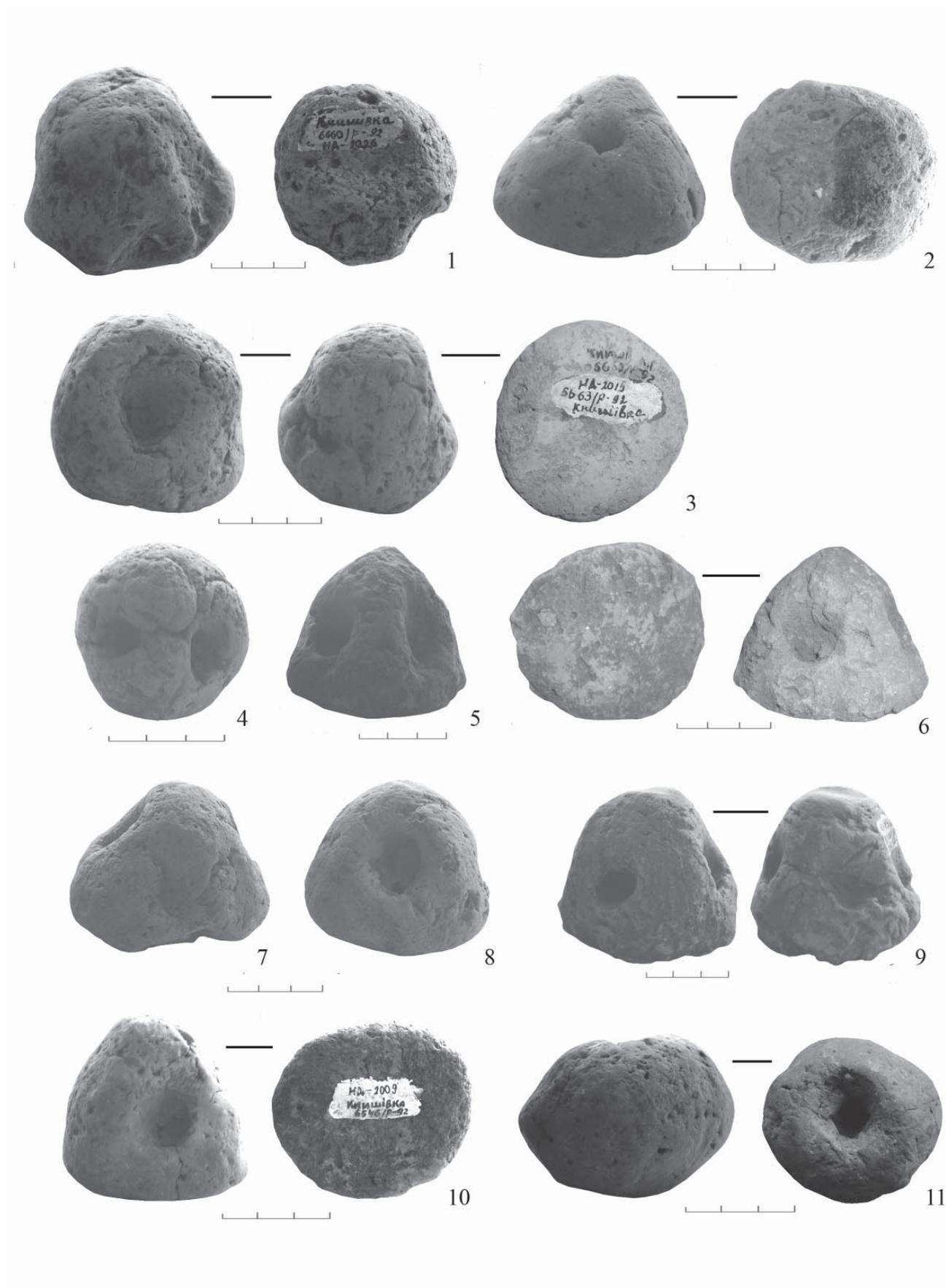


Рис. 3. Кнышовское городище. 1, 3, 7, 8 – яма 143; 2 – кв. 5/С46 – рядом с жертвенником № 25; 4–6, 9 – скопление над ямой 57; 10 – кв. 41/Ю39; 11 – кв. 47/С102. (Раскопки П.А. Гавриша 1988–1993 гг. Фонды НМЗУГ).

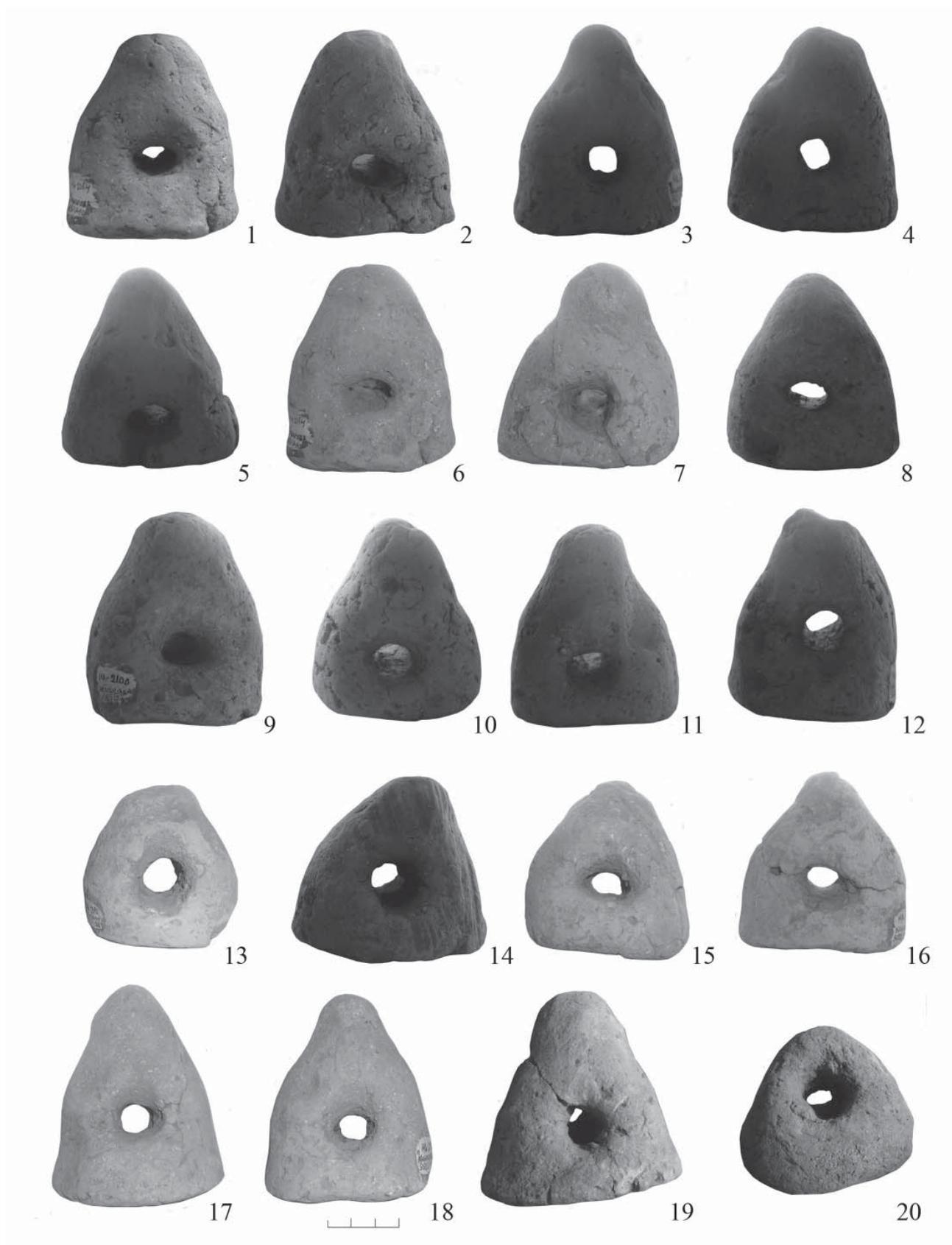


Рис. 4. Кнышовское городище. 1–18 – яма 84. (Раскопки П.А.Гавриша. Фонды НМЗУГ); 19–20 – зольник. (Раскопки В.А. Ильинской. Фонды ИА НАНУ).

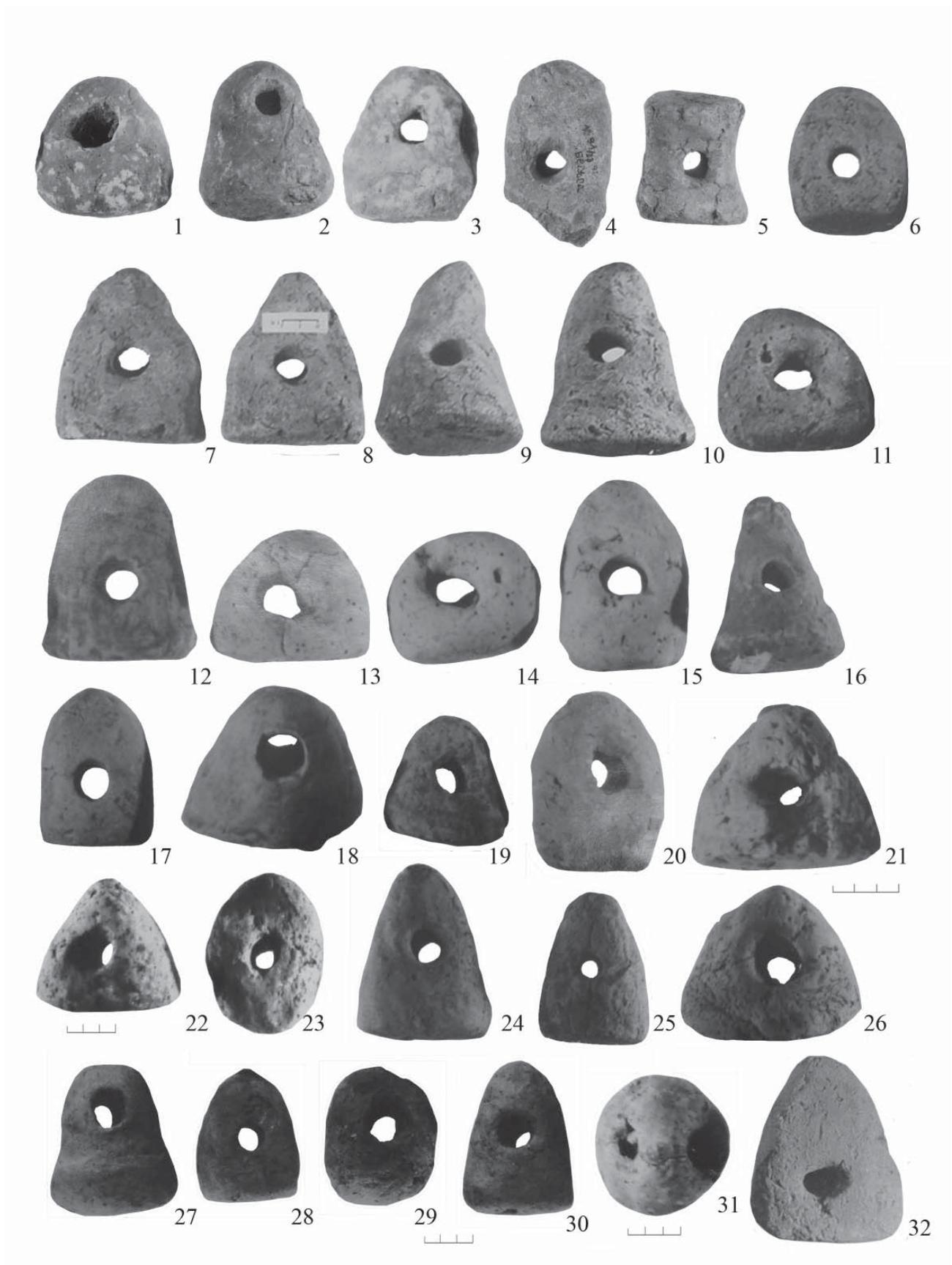


Рис. 5. Восточное Бельское городище. 1–5 – (по: Шрамко, 1992); 6–11 – (по: Шрамко, 1988); 12–21 – (по: Шрамко, 1985); 22–23 – (по: Шрамко, 1978); 24–26 – (по: Шрамко, 1974); 27–30 – (по: Шрамко, 1967); 31 – (по: Шрамко, 1983); 32 – (по: Щербань, 2007).

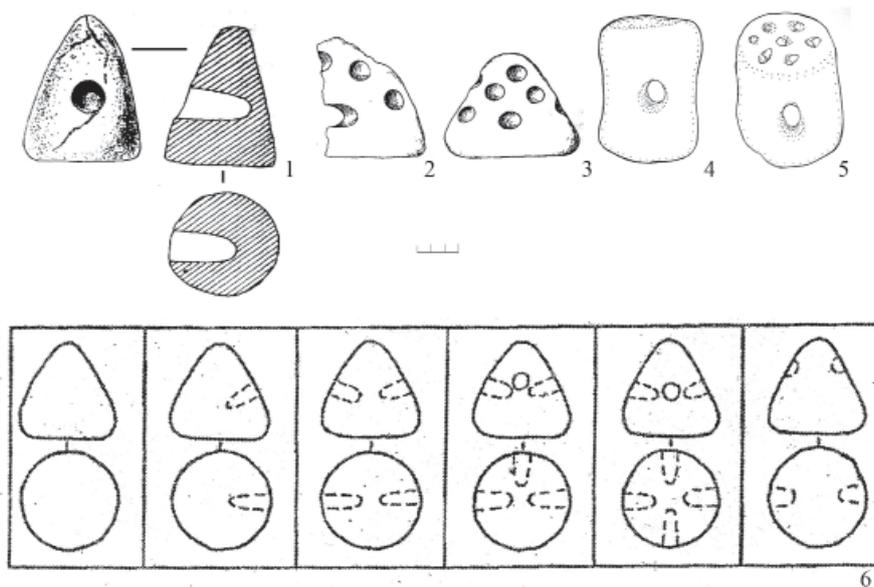


Рис. 6. Конусы. 1 – Царина Могила (по: Ролле и др., 2003); 2, 3 – Люботинское городище (по: Шрамко, 1998); 3, 4 – Восточное Бельское городище (по: Щербань, 2007); 4 – Кнышовское городище (по: Гавриш, 2000).

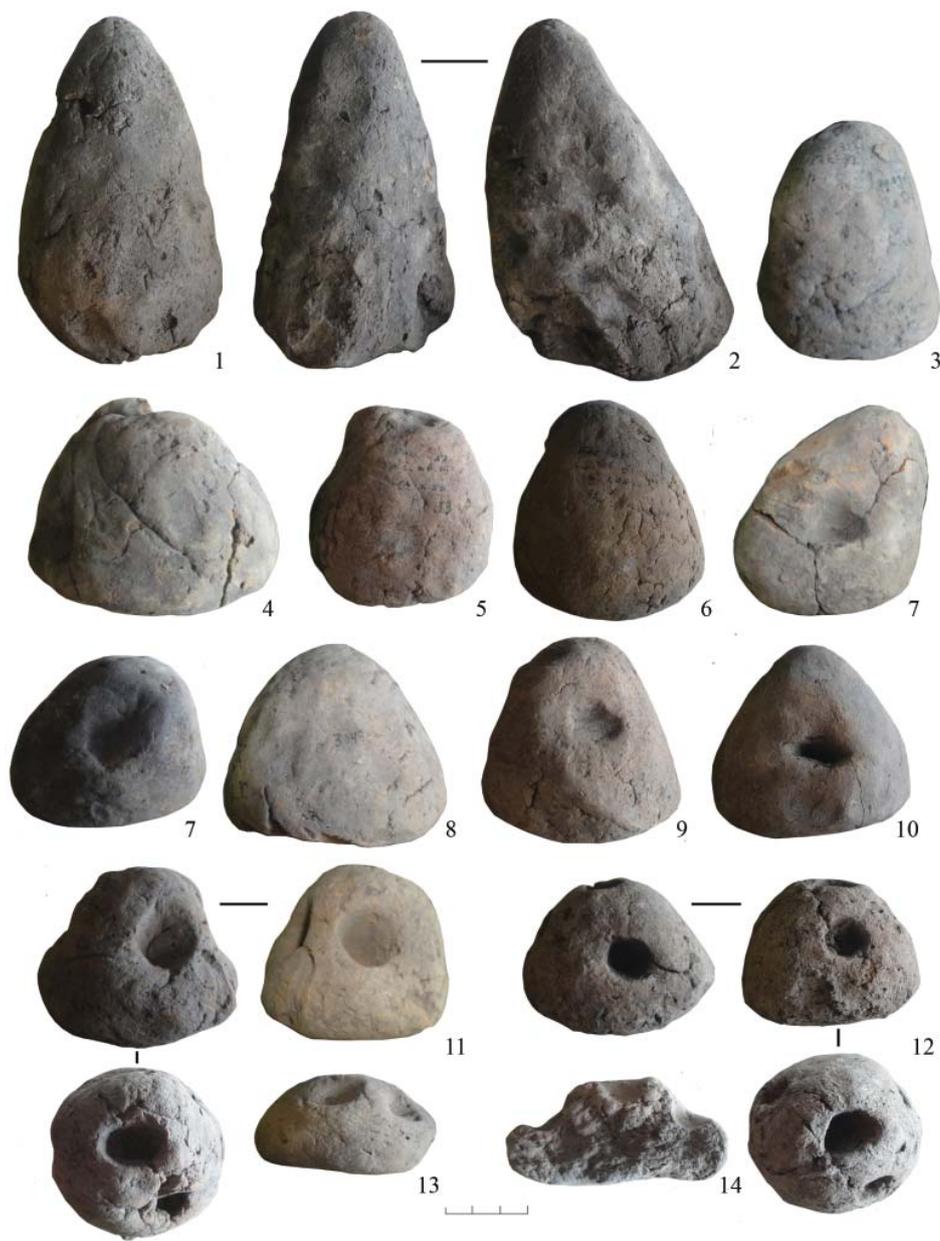


Рис. 7. Конусы. Басовское городище. (Раскопки В.А. Ильинской 1957 и 1959 гг. Фонды ИА НАНУ).

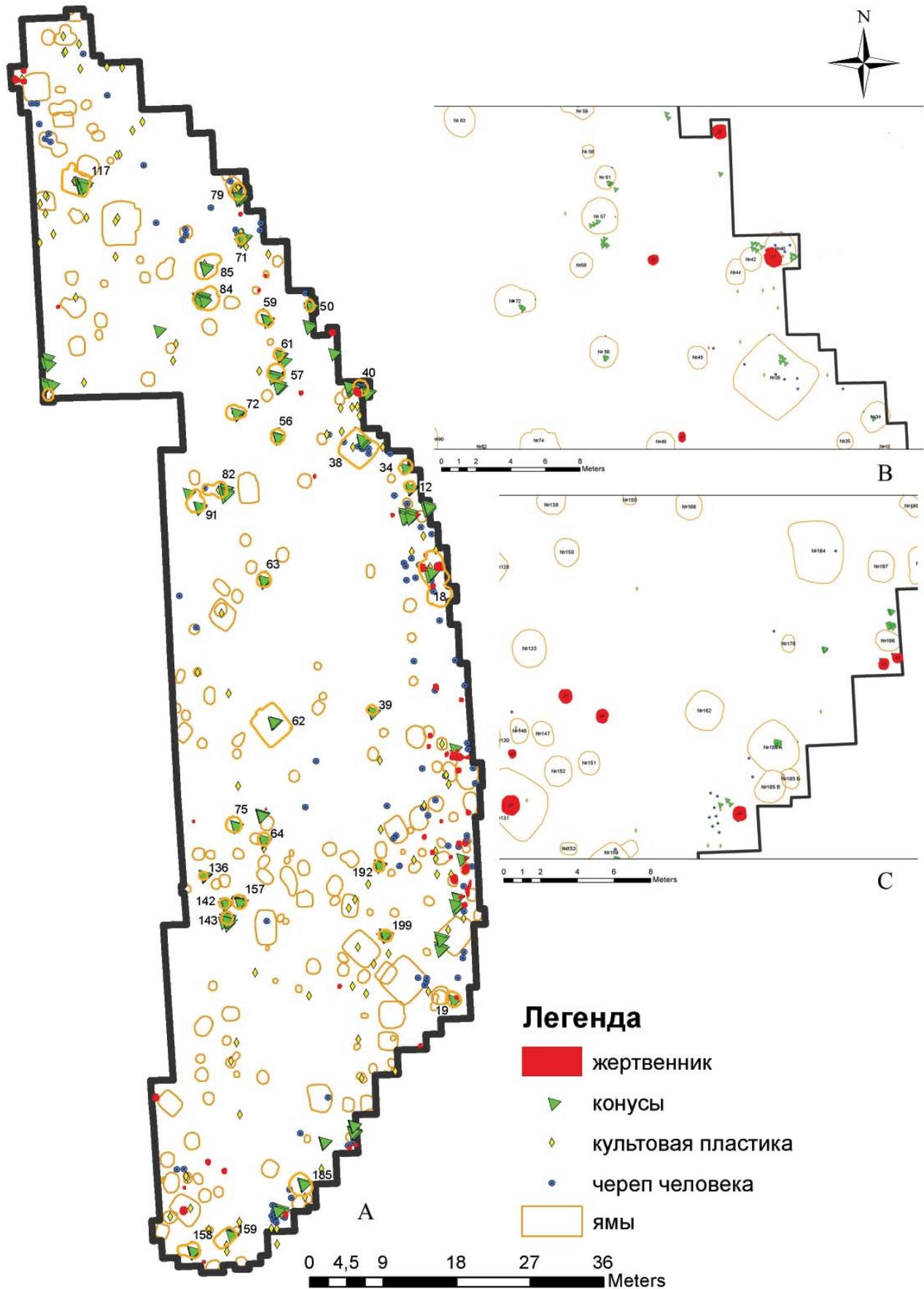


Рис. 8. Кнышовское городище. А – План исследованного участка; В, С – отдельные участки.

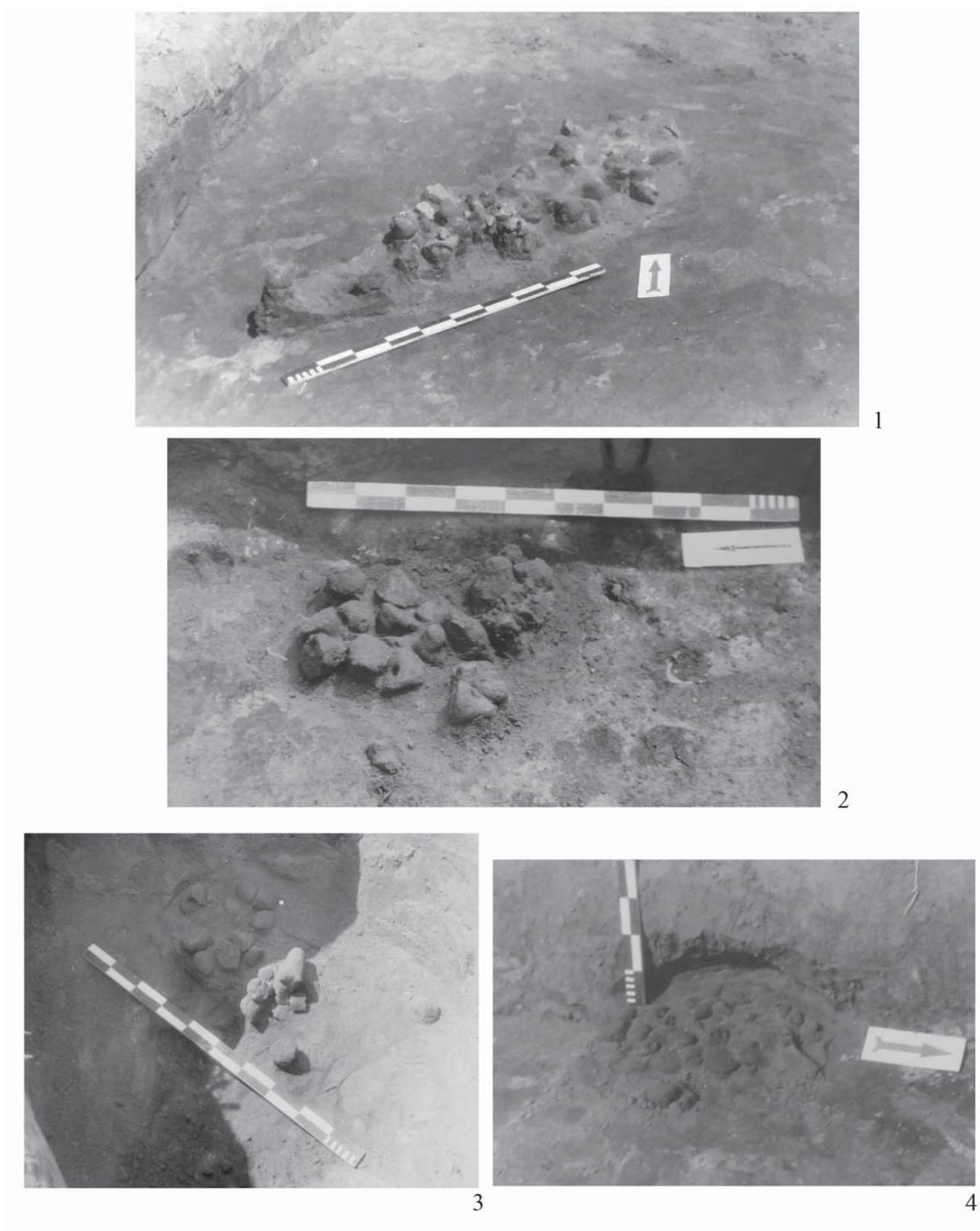


Рис. 9. Кнышовское городище. 1 – скопление конусов в кв. 29-30/3-4; 2 – скопление конусов возле жертвенников №№ 6 и 7; 3 – скопление конусов в яме 84; 4 – скопление конусов возле жертвенника № 27 (по: Гавриш, 1989; 1990; 1991).

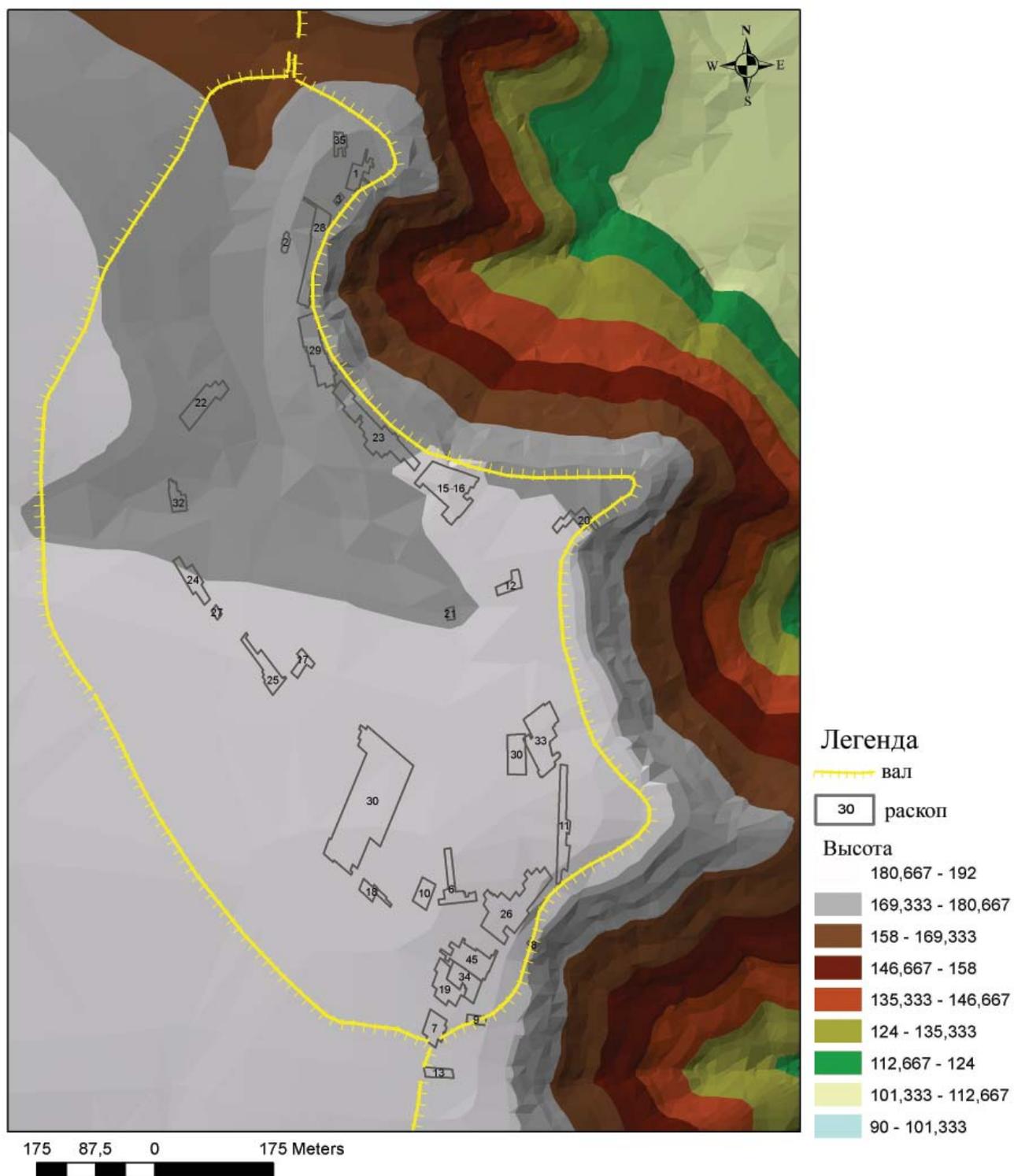


Рис. 10. Восточное Бельское городище. План.

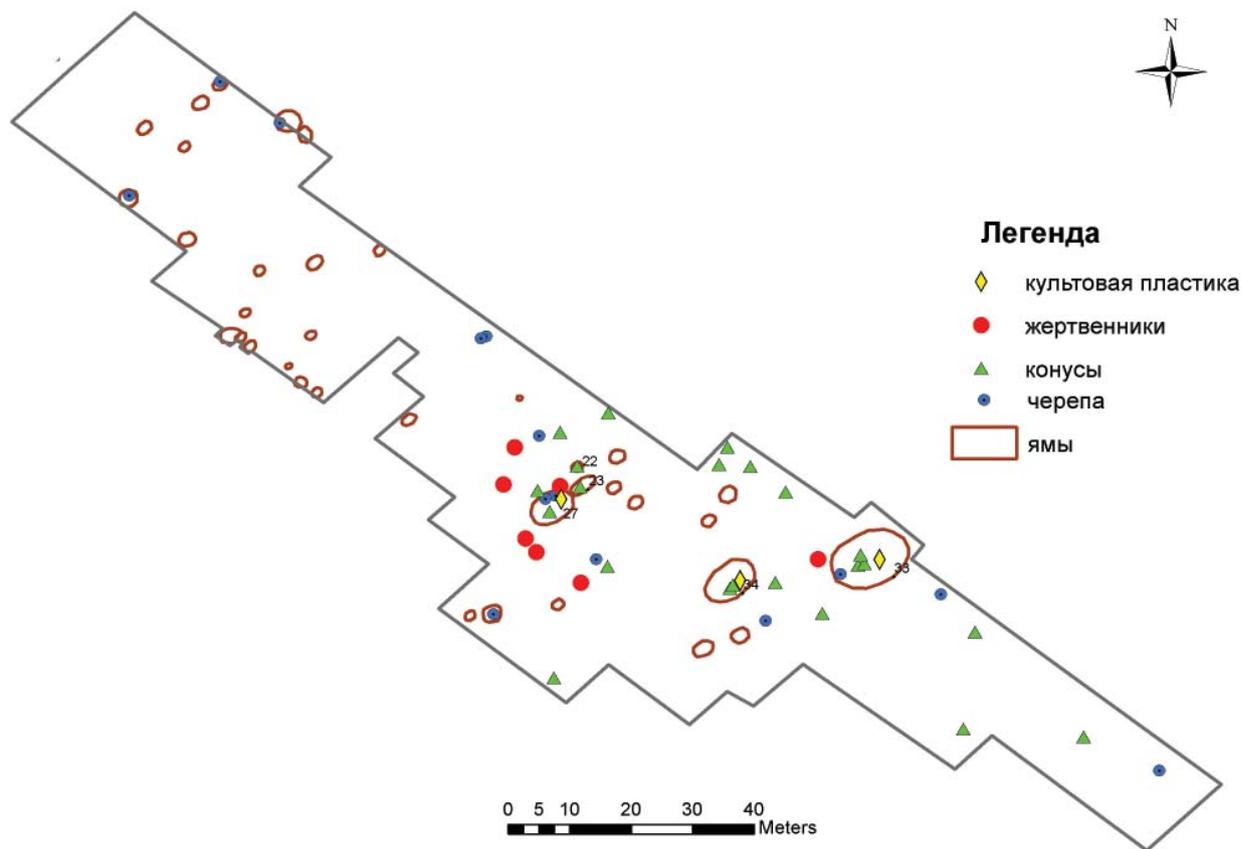


Рис. 11. Восточное Бельское городище. Раскоп 23.

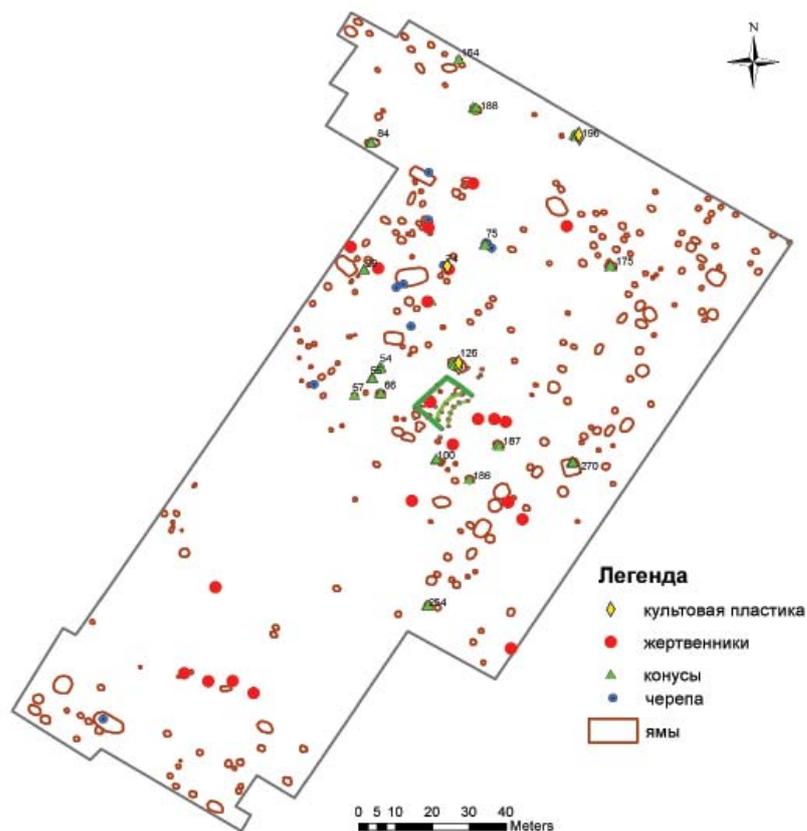


Рис. 12. Восточное Бельское городище.
Раскоп 30.



Рис. 13. Восточное Бельское городище. Скопление конусов в яме 34 раскопа 26 (по: Шрамко, 1976).



Рис. 14. Восточное Бельское городище. Скопление конусов в яме 32 раскопа 26 (по: Шрамко, 1976).

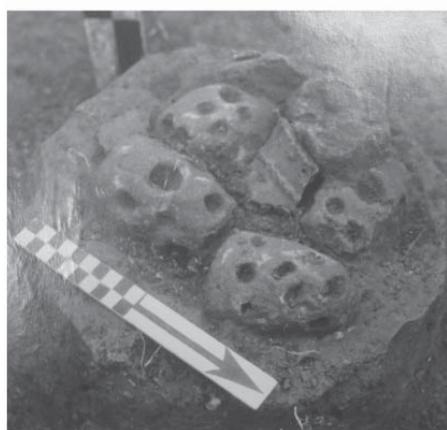
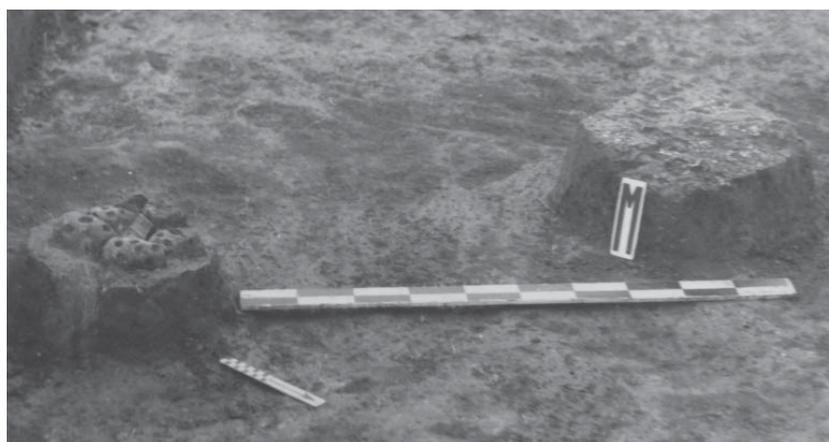


Рис. 15. Восточное Бельское городище. Раскоп 30. Скопление конусов возле жертвенника М (по: Шрамко, 1982).



Рис. 16. Кнышовское городище. Глиняные вальки «хлебцы». 1, 2, 10 – яма 192; 3, 8, 9 – в печке на засыпке ямы 61; 4–7 – в кв. 20/С65 вблизи жертвенника № 28. (Раскопки П.А. Гавриша. Фонды НМЗУГ).

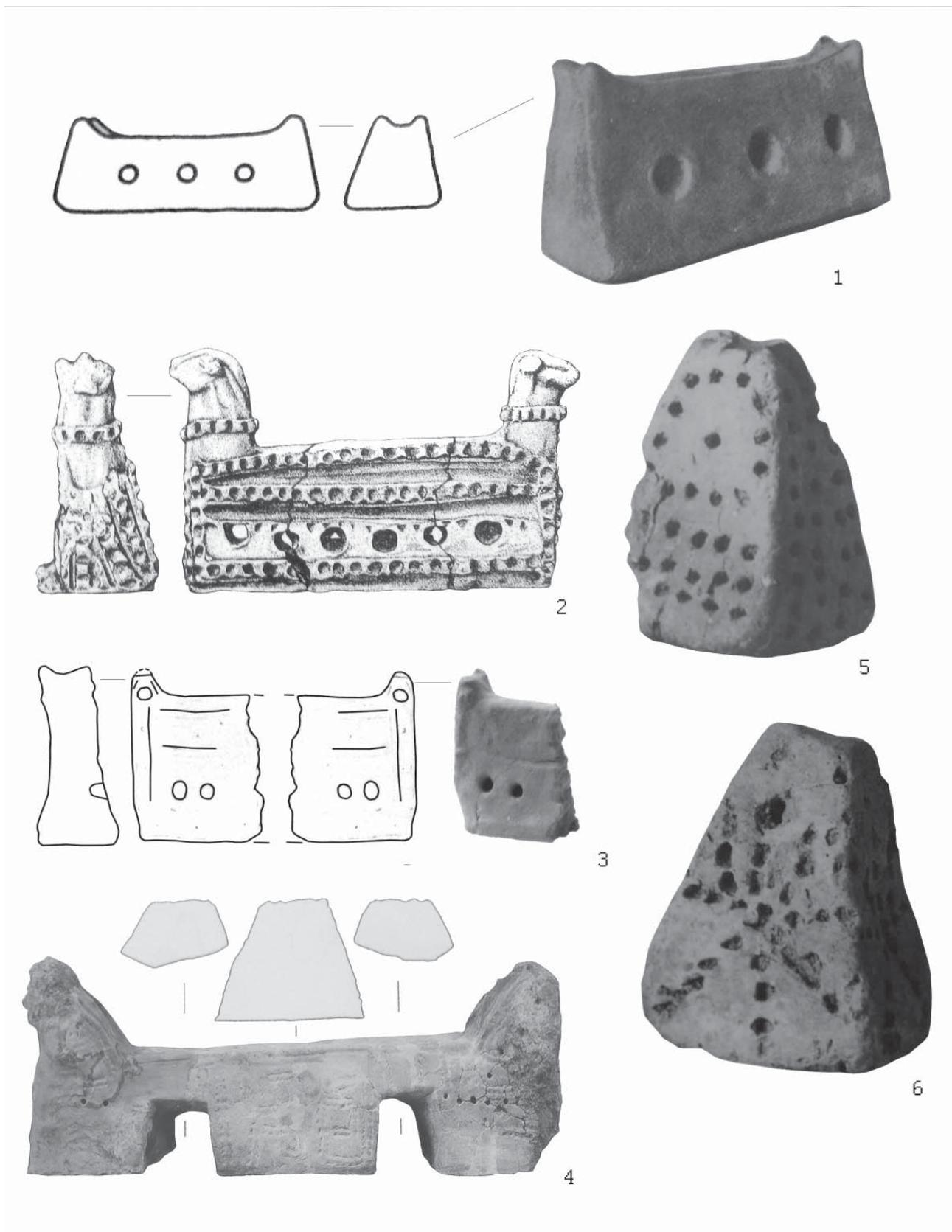


Рис. 17. Трапециевидные глиняные жертвенники и орнаментированные грузила гальштатского времени южноальпийского региона. 1 – Zöröghegy; 2 – Stična; 3 – Kotare – Baza pri Murski Soboti; 4 – Vat (по: Kerman, 2014); 5, 6 – Рифник (по: Teržan, 1996).



Рис. 18. Успенское поселение, жертвенник (по: Шпилев, 2014).

УДК 902/904

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ У ПЛЕМЁН АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2017 г. В.И. Завьялов, Н.Н. Терехова

В начале I тыс. до н.э. кавказские кузнецы знакомят ананьинских мастеров со способами получения чёрного металла и простейшими приёмами его обработки. Однако высокие технологии (цементация, мягкая закалка), широко применявшиеся кавказскими мастерами, не вошли в арсенал ананьинских кузнецов. В VII–VI вв. до н.э. на территории ананьинской культурно-исторической области формируется собственный технико-технологический стереотип. Характерными чертами этого стереотипа являются использование в качестве сырьевого материала непосредственного продукта металлургического производства (железо и сырцовая сталь); основным приёмом, улучшающим рабочие свойства изделий, была резкая закалка.

Ключевые слова: ананьинская культура, технико-технологический стереотип, железообработка, технологический импульс, производственные инновации.

Ананьинская культурно-историческая область представляет особый интерес с точки зрения истории развития железообрабатывающего производства в финском мире. Именно здесь достаточно рано – не позднее второй половины IX в. до н.э. (Чижевский, 2011, с. 384) – появляются изделия, изготовленные из чёрного металла.

В истории освоения чёрного металла различными народами ключевыми проблемами являются такие, как время появления первых железных изделий в местной среде, источник знаний о свойствах нового металла, способах его получения и обработки, время становления местной железной индустрии, этапы освоения различных способов обработки железа и стали, направление контактов в производственной сфере. В решении многих из этих проблем огромную роль играет метод металлографии, адаптированный к анализу археологических артефактов – археометаллография.

Многолетняя работа в этом направлении ведётся в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии Российской академии наук. В настоящее время банк археометаллографических данных по различным регионам Евразии в период от эпохи поздней бронзы до начала промышленного производства составляет более 13000 анализов.

Материалы из ананьинских памятников уже были объектом археометаллографического изучения (Патрушев, Розанова, 1986; Розанова, Терехова, 1990; Терехова и др., 1997; Розанова, Терехова, 2002; Завьялов, Розанова, Терехова, 2009). В частности, исследованы железные артефакты из памятников постма-

клашеевской и аозинской археологических культур (Старший Ахмыловский, Аозинский, Тетюшский, II Полянский, Пустоморквашинский могильники), и ананьинских культур шнуровой и гребенчато-шнуровой керамики (городища Калиновское и Першинское II, селища Ерзовское, Заюрчимское I, Заосиновское V, Еловское, Гремячинское, Скородум) (рис. 1). В общей сложности коллекция исследованных изделий из ананьинских памятников составляет 307 предметов различных категорий (ножи, наконечники копий, топоры, кинжалы, предметы конского снаряжения, мотыгообразные орудия, шилья и др.).

В результате проведённого исследования были выявлены основные технологические приёмы изготовления железных артефактов. При этом отмечено, что на большом количестве изделий VIII–VI вв. до н.э. из памятников постмаклашеевской и аозинской археологических культур фиксируются высокие для своего времени технологии (цементация, то есть искусственное получение стали, термическая обработка в форме мягкой закалки). В то время как материалы из ананьинских памятников Среднего Прикамья демонстрируют иной технологический уровень, а именно: использование в качестве исходного сырья железа и сырцовой стали. А появление таких приёмов, как цементация и термообработка (но в виде резкой закалки, а не мягкой, как это имело место в памятниках Средней Волги и Нижней Камы), фиксируется в единичных случаях не ранее V в. до н.э.

Накопление многочисленных аналитических данных потребовало новых методических

подходов к анализу полученных результатов. Нами была разработана методика построения технологических моделей как инструмента для выявления закономерностей технологического развития в конкретных обществах (Завьялов, Терехова, 2014а; 2014б). Технологическая модель подразумевает две составные части: производственный процесс и взаимодействие участников этого процесса. Выявленная модель наиболее адекватно отражает эти явления.

Под моделью технологического развития мы понимаем совокупность таких взаимозависимых составляющих, как **технико-технологический стереотип, производственные традиции и инокультурные воздействия**. Технико-технологический стереотип включает определённый набор и соотношение признаков, характеризующих материал, категориальный состав, приёмы и способы изготовления изделий в конкретной археологической культуре. Технико-технологический стереотип в кузнечном производстве представляет устойчивый элемент культуры. Его закрепление и передача из поколения в поколение на протяжении длительного времени составляют суть производственных традиций. На фоне производственных традиций появляется возможность отследить инокультурные воздействия, проявляющиеся в различных формах: перемещение вещей, перемещение мастеров, распространение идей (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009. С. 8–9). Факт перемещения готовых предметов (импорта как прямого, так и многоступенчатого, захвата в результате взимания дани, грабежа и т.д.) устанавливается, когда в определённой культуре фиксируется чуждая форма предмета, изготовленного в технологии, не известной в данном обществе. Перемещение мастеров фиксируется в том случае, когда местные формы изделий изготовлены в нетрадиционной для рассматриваемого общества технологии. О распространении технологических идей можно говорить, если имеет место подражание либо чуждой форме изделия (при этом технология остаётся традиционной для данной культуры), либо изготовление предметов по новой технологии, но с отступлением от канонической схемы.

Обращаясь с этих позиций к анализу ананьинского материала, мы можем констатировать, что значительная серия предметов из памятников постмаклашевской и аказинской культур отражают *кавказскую технологическую модель*, для которой, в частности, характерно использование цементованной стали и особый вид термообработки (мягкой закалки)

(Вознесенская, 1975; Терехова, 1983; 1986; 1990; 2015).

Общепринято считать, что уже в киммерийскую эпоху имело место проникновение на Среднюю Волгу групп населения с Северного Кавказа (Членова, 1987, с. 3; Погребова, Раевский, 1992). Естественно возникает вопрос: попадали ли вещи из чёрного металла вместе с их носителями или они производились на месте пришлыми мастерами. Археометаллографическое исследование предоставляет объективные данные для решения этой проблемы.

В соответствии с нашей методикой необходимо выявить артефакты местных форм, изготовленные в кавказских традициях (цементованная сталь, мягкая закалка). Такие примеры можно обнаружить. В частности, среди ножей IV типа, по А.Х. Халикову, которые исследователь связывает с местными бронзовыми прототипами (Халиков, 1977, с. 150), есть экземпляры, изготовленные в кавказских традициях (цементованная сталь, мягкая закалка) (рис. 2). Ещё одним примером может служить такая местная категория, как однолезвийные кинжалы (Халиков, 1977, с. 173), среди которых также имеются экземпляры, демонстрирующие сложные технологические приёмы. Это может рассматриваться как убедительное свидетельство присутствия среди выходцев с Кавказа и мастеров, связанных с получением и обработкой чёрного металла. Они-то и изготавливали орудия местных форм в своих традиционных технологиях. Есть основание полагать, что именно кавказские мастера передали первичные знания о новом металле местным мастерам-бронзолитейщикам, имевшим большой опыт в работе с высокими температурами и знавшими на примере металлургии меди о возможностях превращения веществ из одного состояния (руда) в другое (металл). Под влиянием кавказских мастеров местные бронзолитейщики делают первые шаги в железообработке, используя при этом простейшие способы изготовления предметов (целиком либо из железа, либо сырьевой стали, то есть сырьевого материала, получаемого непосредственно в ходе металлургического процесса). Целая серия подобных предметов, ни на одном из которых не зафиксированы сложные технологии, хорошо выявляется археометаллографически. Это типично местные артефакты – мы имеем в виду пещни, «мотыгообразные» орудия и наконечники копий (тип I, по А.Х. Халикову), подражающие местным бронзовым образцам (рис. 3).

Остаётся открытым вопрос: почему в практике ананьинских кузнецов (аказинская

и постмаклашеевская культуры) мы не обнаруживаем кавказских технологических традиций. Напомним, что кавказские технологические приёмы не выявлены и среди материалов из памятников на Средней Каме, где кавказское влияние в археологическом материале выражено гораздо слабее. Не исключено, что высокие технологии составляли производственную тайну. Возможно, технологические операции, связанные с улучшением механических свойств предмета (термообработка), сопровождались какими-то магическими обрядами, чуждыми местному населению.

Собственно технико-технологический стереотип ананьинских племён, формируется независимо от кавказского технологического импульса, в результате которого местные мастера лишь освоили способ получения чёрного металла и простейшие способы его обработки. Характерными чертами этого стереотипа являются использование в качестве сырьевого материала непосредственно продукта металлургического производства (железо и сырцовая сталь); основным приёмом, улучшающим рабочие свойства изделий, была резкая закалка.

Именно этот технико-технологический стереотип стал основой формирования техно-

логической модели в сфере железообработки у ананьинских племён. Исходя из приведённой нами дефиниции технологической модели, подразумевающей наряду с технико-технологическим стереотипом характеристику производственных традиций и инокультурных воздействий, следует отметить, что ананьинская технологическая модель отличается консервативностью производства и невосприимчивостью к инновационным воздействиям. Во всяком случае, насколько можно судить по более поздним материалам из памятников финно-угорского мира (гляденовской, азелинской, мазунинской и других культур), в местной технологии обработки чёрного металла идёт постепенное саморазвитие, основанное на простейших кузнечных операциях. Несмотря на многочисленные миграции, вторжения иноэтничного населения на территорию финно-угров, трансформацию местных культур, заметного изменения в их кузнечестве в течение длительного времени не происходит.

Таким образом, именно в ананьинской культурно-исторической области формируется технологическая модель, которая впоследствии станет характерной для финно-угорского мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Вознесенская Г.А.* Технология производства железных предметов Тлийского могильника // Очерки технологий древнейших производств / Отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1975. С. 76–116.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 264 с.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Модели технологического развития в производственной культуре народов Восточной Европы // КСИА. 2014а. Вып. 233. С. 187–192.
- Завьялов В.И., Терехова Н.Н.* Построение моделей технологического развития как метод изучения древних производств // Тр. IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Т. IV / Отв. ред. А.Г. Ситдинов и др. Казань: Отечество, 2014б. С. 149–151.
- Патрушев В.С., Розанова Л.С.* Технология изготовления железных вещей из Старшего Ахмыловского могильника // СА. 1986. № 1. С. 184–197.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* Связи археологических культур Волго-Камья и Северного Кавказа в раннем железном веке по данным металлографии // Congressus septimus internationalis Finno-Ugristarum. Debrecen, 1990. С. 13–18.
- Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* К проблеме кавказских и местных традиций в технологии изготовления железных изделий из Старшего Ахмыловского могильника // КСИА. 2002. Вып. 213. С. 72–80.
- Терехова Н.Н.* Кузнечная техника у племён кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период // СА. 1983. № 3. С. 110–128.
- Терехова Н.Н.* Технология изготовления кузнечных изделий из могильника Султан-Гора // КСИА. 1986. Вып. 186. С. 21–25.
- Терехова Н.Н.* Технологическая характеристика железных изделий из курганного могильника скифского времени у селения Нартан (Кабардино-Балкария) // СА. 1990. № 4. С. 169–181.
- Терехова Н.Н.* Железные изделия из Ульских курганов в контексте кузнечного ремесла скифской эпохи // А.И. Иванчик, А.М. Лесков. Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе. М.-Берлин-Бордо: Палеограф, 2015. С. 77–86.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачёва М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. № 2 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 383–399.

Информация об авторах:

Завьялов Владимир Игоревич, доктор исторических наук, Ведущий научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); v_zavyalov@list.ru

Терехова Наталия Николаевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов, Институт археологии (г. Москва, Россия).

THE ESTABLISHMENT OF AN ENGINEERING MODEL IN THE FIELD OF IRON WORKING OF TRIBES FROM THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION

V.I. Zavyalov, N.N. Terekhova

In the early 1st Millennium B.C., Caucasian blacksmiths familiarized the local craftsmen with the techniques of obtaining ferrous metal and the basic methods of its processing. However, high technologies (carbonisation and soft quenching) widely used by Caucassian craftsmen remained unknown to Ananyino blacksmiths. A unique technical and technological stereotype was established in the territory of Ananyino cultural and historical region in the 7th–6th centuries B.C. The characteristic feature of this stereotype is the use of the direct product of metallurgical production (iron and raw steel) as raw material, and the primary technique improving the performance characteristics of the articles was properties of products, was sharp quenching.

Keywords: Ananyino culture, technical and technological stereotype, iron working, technological impulse, industrial innovation.

About the authors:

Zavyalov Vladimir I. Doctor of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; v_zavyalov@list.ru

Terekhova Natalia N. Candidate of Historical Sciences. Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation.

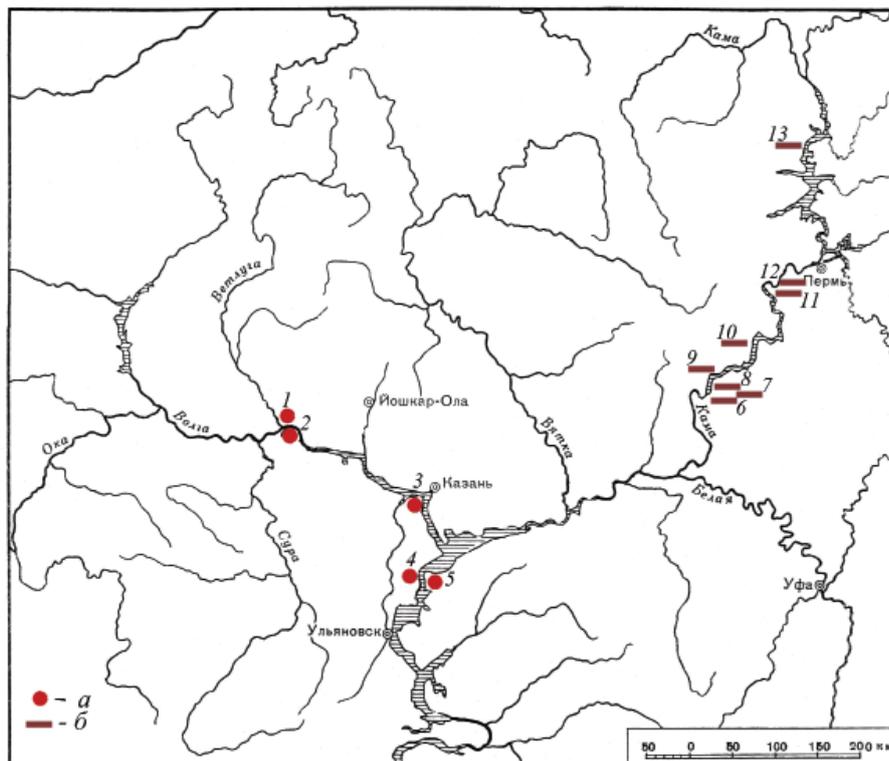


Рис. 1. Карта памятников ананьинской культурно-исторической области, материалы которых исследованы металлографически:
 а – могильник;
 б – поселение; 1 – Старший Ахмыловский могильник;
 2 – Акозинский могильник;
 3 – Пустоморквашинский могильник; 4 – Тетюшский могильник; 5 – II Полянский могильник;
 6 – Еловское селище;
 7 – Гремячинское селище;
 8 – Калиновское городище;
 9 – Ерзовское селище;
 10 – Першинское II городище;
 11 – Заюрчимское I селище;
 12 – Заосиновское V селище;
 13 – селище Скородум.

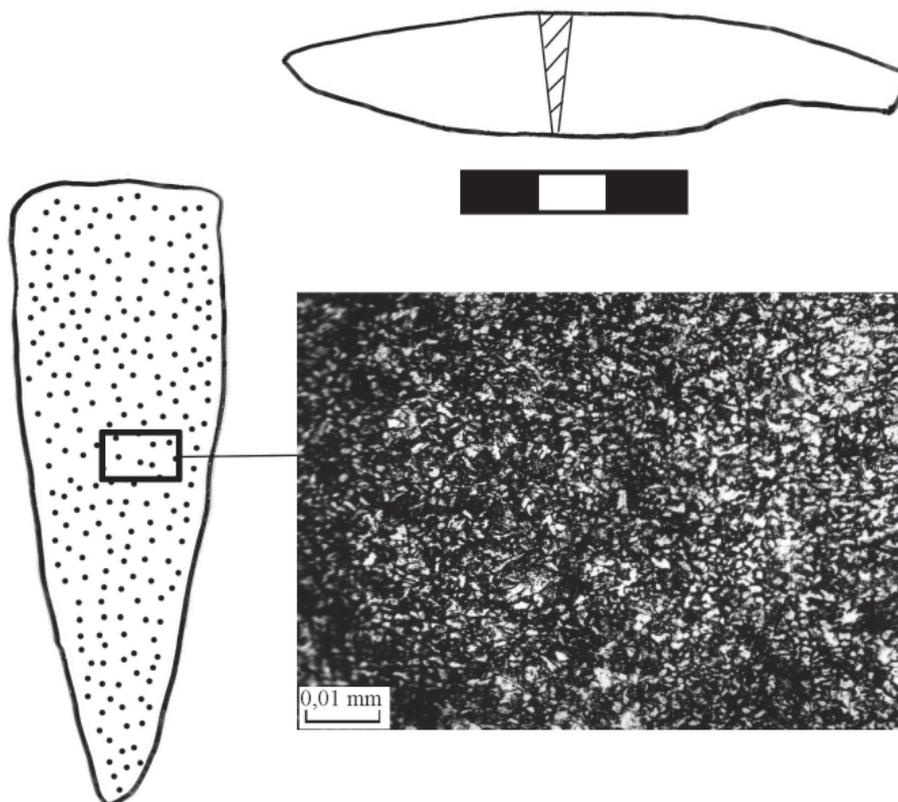


Рис. 2. Нож типа IV. VII в. до н.э. Ан. 7500. Старший Ахмыловский могильник, погр. 677. Технологическая схема изготовления (из высокоуглеродистой стали) и фотография микроструктуры (феррит с перлитом).

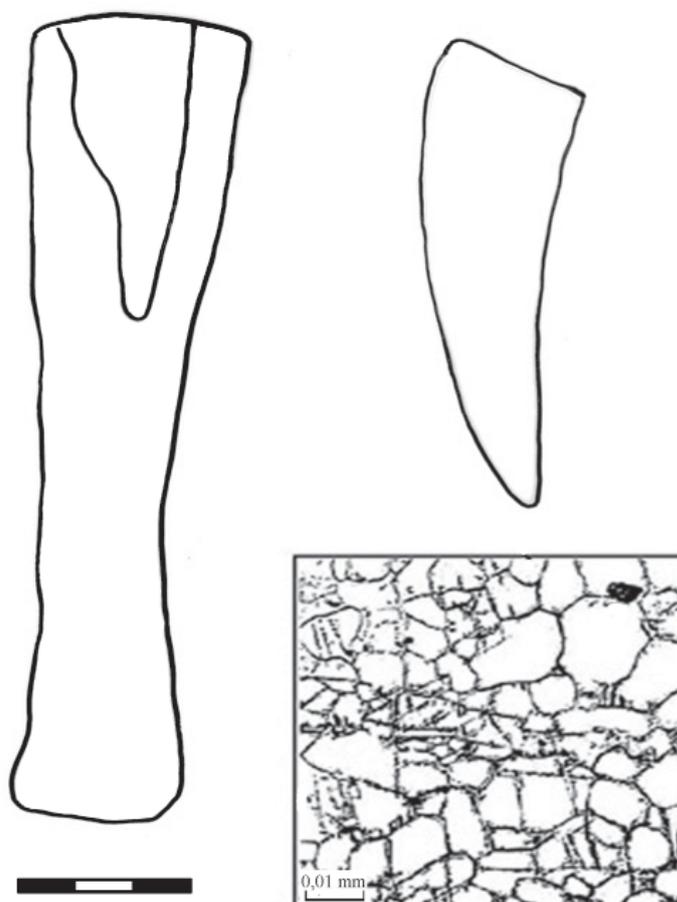


Рис. 3. Пешня. Ан. 7533. Старший Ахмыловский могильник, погр. 1002. Технологическая схема изготовления (из железа) и фотография микроструктуры (феррит).

УДК 902

О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ (АКИО) (ИЛИ СКОЛЬКО «АНАНЬИНСКИХ КУЛЬТУР» МЫ ИЗУЧАЕМ?)¹

© 2017 В.А. Иванов

В статье производится сравнительно-статистическое исследование погребального обряда ананьинской культурно-исторической области. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что типологическая дифференциация прослеживается в АКИО очень отчетливо, что подтверждает наличие в составе данной области нескольких этнокультурных групп.

Ключевые слова: археология, ранний железный век, ананьинская культурно-историческая область

Вообще ответ на вопрос о том, сколько «ананьинских культур» мы изучаем, уже дан в работах современных исследователей АКИО. Еще в 2000 г. С.В. Кузьминых, подводя итог археологическому изучению ананьинского мира в XX веке, отмечал, что его, ананьинского мира, культурное единство уже к концу XX столетия «стало мифом». Применительно к древностям Волго-Камья середины I тыс. до н.э. исследователь предлагал использовать определение «ананьинская культурно-историческая область (АКИО)», поскольку «несмотря на типологическое и генетическое различие древностей РЖВ Волго-Камья и северо-востока Европы мы отличаем их на западе от текстильных и синкретичных ананьинско-текстильных (позднекаргопольских, позднебеломорских, лууконсаари), а на востоке – от «крестовых» (гамаюнских и чаркобожских) и иткульских» (Кузьминых, 2000, с. 106–108).

Тогда же С.В. Кузьминых обозначил ряд тем и проблем, решение которых должно способствовать более адекватному пониманию АКИО, прежде всего, в ее этнокультурной составляющей. Среди этих тем и проблем в числе важнейших называется изучение погребальных памятников «классического» (шнурового) ананьина (Там же, с. 109). Я не случайно из перечня тем, предложенного С.В. Кузьминых, выделяю тему погребальных памятников «классического» ананьина. По моему убеждению, для понимания степени сходства и различия территориально-типологических групп, составляющих АКИО, именно памятники «классического» ананьина (эпонимные) являются определяющими.

Призыв С.В. Кузьминых был услышан и в 2008 г. выходит самое обстоятельное на сегодняшний день исследование А.А. Чижевского, посвященное сравнительно-типологическому анализу погребальных памятников Волго-Камья предананьинского и раннеананьинского времени. Вместе с вышедшей годом ранее монографией В.Н. Маркова, посвященной аналогичному анализу поселенческих памятников АКИО (Марков, 2007), монография А.А. Чижевского представляет собой как бы вторую часть фундаментального монографического исследования под условным названием «Сравнительно-типологический анализ АКИО». Приведенные в обеих монографиях материалы и результаты их источниковедческого анализа уже являются источником для более адекватного понимания АКИО хотя бы уже в том плане, что, сопоставляя приводимые авторами карты поселенческих и погребальных памятников АКИО, мы убеждаемся в наличии, как минимум, двух территориально-типологических групп памятников, которые могут отождествляться с археологическими культурами². В Среднем Поволжье и на Нижней Каме это аозинская/ахмыловская, на Средней Каме и Нижней Белой – ананьинская шнуровая (ср.: Марков, 2007, с. 129, рис. 58; Чижевский, 2008, с. 145, рис. 24, 41, 162). Что, собственно говоря, и зафиксировано А.А. Чижевским, озаглавившим одну из глав своей монографии «Погребальные памятники **ананьинской классической культуры шнуровой керамики** (VIII–V вв. до н.э.) (выделено мной – авт.)».

² По классическому признаку выделения археологических культур – присутствие на одной и той же территории синхронных поселений и могильников.

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века», проект №16-31-00010.

Приступая к разработке темы «Сравнительно-статистическая характеристика археологических культур Прикамья и Предуралья эпохи раннего железного века», я естественно, начал с того, что обратился к морфологической характеристике погребального обряда ананьинской классической культуры шнуровой керамики, данной А.А. Чижевским по результатам сравнительно-типологического анализа погребальных памятников Волго-Камья³. Она выражается в следующих признаках, выявленных в результате статистического анализа 390 погребений: могильная яма как основной вид погребального сооружения; широко представлены деревянные гробницы (ДГ) с кострищами; абсолютное преобладание ингумации в положении погребенного вытянуто на спине при наличии редких (5%) частичных захоронений и кремации (6%); преобладающая ориентировка погребенных на запад и север, т.е. ногами к реке (81%); традиция отмечать погребения жердями или каменными ящиками с каменным кольцом вокруг них; наличие в межмогильном пространстве каменных вымосток или гряд; парадные секиры, чеканы, кельты с шестигранным сечением втулки и шнуrowая керамика как специфические для рассматриваемой культуры элементы погребального инвентаря (Чижевский, 2008, с. 62–70).

По результатам анализа тенденции признаков погребального обряда исследователь выделяет для погребального обряда ананьинской культуры шнуrowой керамики (АКШК) такие условно-локальные (этнографические) признаки, как асинхронные захоронения, положение погребенного боком к реке (вдоль течения), частичная обкладка стенок могилы камнями, помещение в могилу кинжала, наконечников стрел, зеркала, напрясла, ожерелья и гривны.

К категории условно-частных признаков обряда (т.е. также этнографических) АКШК отнесены каменные ящики, деревянные гробницы, каменные крепиды стенок могилы, обряд кремации, чеканы, кельты с шестигранной втулкой и керамика со шнуrowым орнаментом (Там же, с. 85, 86, табл. 25, 26).

В принципе этими данными можно было бы удовлетвориться, если бы не некоторые обстоятельства. Суммарную характеристику погребального обряда культур АКШК автор дает по 77 альтернативным представительным признакам (Там же, с. 111–113, табл. 23).

³ Здесь я полностью разделяю мнение исследователя в его обозначении локальных вариантов АКШК как археологических культур.

Единственным недостатком этой таблицы является то, что в ней не указано общее количество погребений, по которым производились расчеты, и заданный критерий значимости полученных показателей. Впрочем, если учесть, что автор предварительно указывает, что в выборке АКШК представлены 390 погребений, можно применять самый высокий критерий значимости = 0,95, что дает нижний порог представительности признаков = 1% (Генинг и др., 1990, с. 63, 64). Так что в целом приведенная автором таблица вполне убедительна. Но возникает вопрос к ее источниковой базе. Дело в том, что статистическую характеристику погребального обряда АКШК А.А. Чижевский, по его словам, проводит по материалам выборки из 390 погребений, представленных в 17 могильниках, выявленных на Нижней и Средней Каме от Елабуги до Перми, а также в низовьях р. Белой (Чижевский, 2008, с. 62, 63). Но поскольку в своих расчетах автор не использовал неопубликованные (до сих пор) погребения среднекамских могильников – Першинского, Оханского и Залазнинского (в общей сложности 252 погребения), то общее количество известных сейчас погребений АКШК равно 614.

Это вполне представительная выборка, позволяющая производить статистический анализ при критерии значимости 0,90 с нижним порогом представительности = 0,5%. Но, как уже было сказано, 252 погребения среднекамских могильников А.А. Чижевский в своей работе не использовал. То есть, статистический анализ погребального обряда АКШК проводился автором по материалам Ананьинского, Зуевского, Каракулинского, Котловского, Релка, Мензелинского и др. могильников (Там же, с. 62, 63). Однако обращение к этим первоисточникам обнаруживает удручающую картину. Из 59 погребений, раскопанных разными исследователями и в разные годы на Ананьинском могильнике, в качестве единиц статистического анализа могут быть использованы лишь четыре погребения: три из раскопок Ф.Д. Нефедова (1899, с. 46, 47) и одно – А.В. Збруевой (1937, с. 100–103). Из 25 погребений, исследованных Ф.Д. Нефедовым на Котловском могильнике, только 6 опубликованы с описанием обряда, а из описания остальных можно только узнать, какие вещи были в них найдены. Публикация 218 погребений Зуевского могильника по раскопкам А.А. Спицына сделана довольно небрежно, то ли публикатором, то ли по вине самого автора раскопок (Худяков, 1933). Необ-

ходимую для статистического анализа информацию из этой публикации можно получить с большим трудом. То есть, источниковедческая ситуация с погребальным обрядом АКШК представляется отнюдь не однозначной.

Чтобы разобраться с ней именно в контексте статистики морфологических признаков погребального обряда АКШК мною был проведен собственный анализ признаков погребального обряда данной культуры. Для этого были использованы доступные для фиксации признаков материалы следующих могильников Прикамья: Ананьинского (4 погребения); Зуевского (218); Котловского (6); Луговской (74) (Збруева, 1960, с. 87–95); Оханского (58); Першинского (176) (Коренюк, 1983; 1987; 1988; 1989; 1990; 1992)⁴; Скородум (4) (Бадер, 1960). Всего – 540 погребений. При критерии значимости = 0,95 это означает нижний порог представительности признака = 0,7% (Генинг и др., 1990, с. 64) (рис. 1).

Из 112 фиксируемых признаков погребального обряда могильников АКШК (из них 37 – ассортимент сопровождающих погребенной вещи) представительными для рассматриваемой выборки являются 87. Частота их встречаемости представлена в графиках на рис. 2 и 3. Из них следует, что для могильников АКШК характерны грунтовые могильники, состоящие из более чем 50 погребений, расположенных рядами (вдоль берега реки), захоронения совершались в простых могильных ямах, глубиной от современной поверхности от 0,5 до 1 м, по обряду ингумации. Захоронения одиночные; там, где пол установлен (в общей сложности 38,4% погребений)⁵, преобладают мужские захоронения (29,6%). Поза – вытянуто на спине, головой на север либо северо-запад⁶, хотя в 49,1% погребений из-за плохой сохранности костей поза погребенного не установлена. В качестве ритуальных признаков 28,1% погребений содержали сосуд, установленный в изголовье могилы, и 11,9% – угли в заполнении могилы. Изредка (5,7%) в изголовье могилы встречаются кости животных, в основном лошади.

Выделяется заметная группа безынвентарных погребений (36,4%), а там, где сопро-

⁴ Последний раз раскопки на Оханском и Першинском могильниках проводились четверть века тому назад, и хотя материал их до сих пор не опубликован, я не думаю, что использование данных по этим могильникам в статистических расчетах явится нарушением авторских прав С.Н. Коренюка.

⁵ В основном – по составу погребального инвентаря.

⁶ По топографии могильников – ногами к реке.

вождающие вещи есть, это чаще всего кельт (21,9%), железный нож (15,2%), круглые бляхи на головном уборе или налобном венчике (14,2%), фигурные нашивки (10,7%) и бронзовые наконечники стрел (9,0%)⁷.

Вот таким образом выглядит морфология погребального обряда АКШК по имеющемуся и доступному для анализа материалу (рис. 2).

Для того, чтобы определить место АКШК в общей системе культур АКИО, необходимо выявить тенденцию распространения того или иного признака в погребальной обрядности культур АКИО. Для чего, в первую очередь, следует дать суммарную характеристику погребального обряда АКИО по представительным признакам. А.А. Чижевский такую работу проделал (2008, с. 111–113, табл. 24). Однако, когда я попытался воспользоваться его данными, обнаружилось, что номенклатуры признаков погребального обряда, разработанные им и мной, по ряду признаков не совпадают. Так, могильные ямы типов I–III (по А.А. Чижевскому), выделенные на основании соотношения длины и ширины, из описания, например, Зуевского могильника – самого крупного из всех известных могильников АКШК – не фиксируются вообще, зато указывается глубина захоронения. Обряд полной кремации погребенных исследователь отмечает для пяти погребений АКШК, но в качестве примера приводит только два погребения Залазнинского могильника, по его же словам, в его статистический анализ не включенного (Там же, с. 63, 64). В перечень признаков погребального обряда не включены такие признаки не фиксируемые, например, пол, поза или ориентировка погребенных (это, соответственно, 52,4; 49,1; 21%) или погребения безынвентарные (36,4%). Включен такой признак, как «одежда» (для АКШК доля погребений, где она встречена, составляет 16% (Там же, с. 112)), но не расшифровано, в виде каких артефактов одежда представлена в погребениях и т.д. Поэтому, взяв за основу статистические данные по погребальному обряду маклашеевской, постмаклашеевской, аозинской культур и ананьинской культуры с гребенчато-шнуровой керамикой (АКГШК), приведенные А.А. Чижевским, я все-таки позволил себе внести в них некоторые коррективы (например, объединить ямы типов I–III в один признак «могильная яма простая») и

⁷ Здесь и выше все проценты высчитывались от общего количества погребений в анализируемой выборке.

дополнить теми, которые не были учтены А.А. Чижевским⁸ (табл.1).

Поскольку номенклатуры признаков погребального обряда культур АКЮ, предлагаемые А.А. Чижевским и мной, несколько различаются, суммарная характеристика его в таблице 1 представлена с некоторыми лакунами, обозначенными знаком вопроса. Это означает, что данные признаки, безусловно, могут быть обозначены и зафиксированы в будущем. Но в данной статье я хочу, хотя бы в предварительном плане, проверить на тех 50 альтернативных признаках, присутствие или отсутствие которых в сравниваемых группах памятников бесспорно, насколько тесно погребальный обряд АКШК типологически связан с обрядом других культур АКЮ. Значения коэффициента типологического сходства (C_2) представлены в табл. 2.

Первое, что бросается в глаза, это совпадение результатов, полученных А.А. Чижевским, и моих, касающихся могильников маклашеевской, постмаклашеевской, аозинской и АКГШК культур (Там же, с. 113, табл. 24). С одной стороны, это и понятно: выше я указывал, что при статистическом анализе погребального обряда использовал значения частоты встречаемости того или иного признака, выведенные А.А. Чижевским. Но с другой стороны – обозначились заметные расхожде-

ния в значениях коэффициентов типологического сходства АКШК с другими культурами АКЮ: маклашеевской, постмаклашеевской и АКГШК (табл.2). Причем замкнутый блок типологических связей три из рассматриваемых культур – постмаклашеевская, аозинская и АКГШК – обнаруживают только при критерии значимости (P) равном 0,8. Маклашеевская и АКШК оказываются за пределами этих связей.

По результатам, полученным А.А. Чижевским, картина выглядит иначе: уже при $P=0,9$ замкнутый блок связей обнаруживают все культуры АКЮ, кроме маклашеевской. Но типологическая – а значит и этнокультурная – дифференциация также прослеживается вполне отчетливо. Что дает основание присоединиться к выводу исследователя о том, что «культуры, входившие в состав АКЮ, несмотря на наличие у них некоторых общих черт, весьма специфичны и отражают, вероятно, **существование разных этнических групп** (выделено мной – *авт.*) в пределах одной культурно-исторической области» (Там же, с. 86). И едва ли стоит сомневаться в том, что носители АКШК и являлись одной из таких этнических групп, отличавшихся от носителей других культур АКЮ своим происхождением.

⁸ Например, местонахождение костей животных и глиняных сосудов в могиле.

ЛИТЕРАТУРА

Бадер О.Н. Могильник Скородум и ранний этап ананьинской культуры // УЗ ПГУ. 1960. Т. XI, вып. 1 / ТКАЭ; Вып. 3. С. 132–150.

Генинг В.Ф., Бунятян Е.П., Пустовалов С.Ж., Рычков Н.А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев: Наукова думка, 1990. 304 с.

Збруева А.В. Ананьинский могильник // СА. 1937. Т. II. С. 95–111.

Збруева А.В. Памятники эпохи поздней бронзы в Приказанском Поволжье и Нижнем Прикамье // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 3 / МИА. № 80 / Отв. ред. А.П. Смирнов. М.: АН СССР, 1960. С. 10–95.

Коренюк С.Н. Отчет об археологических разведках и раскопках в Пермском и Оханском районах Пермской области в 1983 году / Архив ИА РАН. Р-1, № 11084.

Коренюк С.Н. Отчет о работах в зонах мелиоративного строительства в Пермском и Оханском районах Пермской области в 1987 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 12318.

Коренюк С.Н. Отчет о разведках и раскопках в южно-таежной зоне Пермской области в 1988 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 13153.

Коренюк С.Н. Отчет о раскопках и разведках в Чернушинском и Оханском районах Пермской области в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 14443.

Коренюк С.Н. Отчет о раскопках в Карагайском, Оханском и Пермском районах Пермской области в 1990 г. / Архив ИА РАН. Р-1, № 16142.

Коренюк С.Н. Отчет о раскопках в Осинском, Оханском и Пермском районах Пермской области в 1992 году / Архив ИА РАН. Р-1, № 17185.

Кузьминых С.В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: ММНК / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000. С. 104–113.

Марков В.Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху: (Об этнокультурных компонентах ананьинской общности) / Археология евразийских степей. Вып. 4. Казань: ИИ АН РТ, 2007. 136 с.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, проведенных летом 1893 и 1894 гг. // Материалы по археологии восточных губерний России. Т. III / Под. ред. Д.Н. Анучина. М., 1899. С. 42–49.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках: Предананьинская и ананьинская культурно-исторические области / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Худяков М.Г. Зуевский могильник // Древности Камы по раскопкам А.А. Спицына в 1898 г. / МГАИМК; вып. 2. Л.: ГАИМК, 1933. С. 5–14.

Информация об авторе:

Иванов Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа, Россия); ivanov-sanych@inbox.ru

LOCAL VARIANTS OF THE ANANYINO CULTURAL AND HISTORICAL REGION (ACHR) (or How Many Ananyino Cultures are Studied?)⁹

V.A. Ivanov

The article features a comparative statistical study of the burial rite practised in the Ananyino cultural and historical region. On the basis of the results of the study, the author concludes that typological differentiation is very clearly traced in the ACHR, which confirms the presence of several ethnocultural groups in the region.

Keywords: archaeology, Early Iron Age, Ananyino Cultural and Historical Region

About the author:

Ivanov Vladimir A., Doctor of Historical Sciences, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah. Oktyabrskoy Relolyutsii St., 3a, building 1, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; ivanov-sanych@inbox.ru, ivanov-sanych@rambler.ru

⁹The work was carried out with the support of the Russian Foundation for the Humanities, “Comparative-statistical characteristics of the archaeological cultures of the Kama region and the Cis-Urals of the Early Iron Age” project No. 16-31-00010.

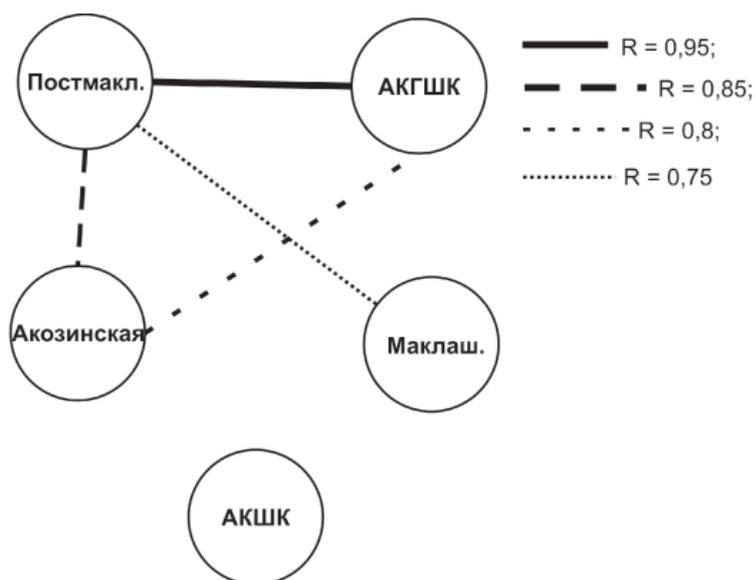


Рис. 3. Граф формально-типологического сходства погребального обряда предананбинской и ананьинской КИО.

Таблица 1.

Суммарная характеристика погребального обряда культур АКШК по представительным признакам (в %).

№	Содержание признака	Культуры предананьинской и ананьинской КИО (по А.А.Чижевскому)				
		Маклаш ¹	Постмакл.	Акоз.	АКГШК	АКШК
Погребальный обряд						
1	Могильник курганный	18	-	-	-	-
2	Могильник бескурганный	82	100	100	100	100
3	Расположение могил рядами	100	100	-	100	66,3
4	Расположение могил группами	-	-	100	-	32,9
5	Могила простая	90	61	90	89	68,7
6	Деревянная гробница	-	-	1,6	-	7,6
7	Ингумация	99	83	57	63	94,2
8	Кремация	-	-	0,9	-	-
9	Следы действия огня	11	29	35	31	-
10	Скелет в могиле не зафиксирован	?	?	?	?	15,8
11	Одиночное	78	63	27	71	81,3
12	Парное	9,6	8	3	3	5,7
13	Коллективное	10	5	1	-	3,2
14	Мужское	20,8	?	1,2	-	29,6
15	Женское	20	?	0,3	-	8,8
16	Детское	15,1	?	-	-	6,5
17	Муж.+Жен.	-	-	-	-	1,1
18	Муж.+Реб.	-	-	-	-	0,7
19	Пол не определен	55,9	100	98,5	100	52,4
20	Дома мертвых	-	17	-	8	-
21	Ногами к реке	52	59	44	60	61,4
22	Головой к реке	44	31	22	11	8,7

¹ Значения признаков по маклашеевскому, постмаклашеевскому, акозинскому и АКГШК взяты у А.А. Чижевского.

23	Боком к реке	3	7	31	25	9,9
24	Ориентировка не определена	?	?	?	?	21
25	Вытянуто на спине	97	64	42	46	49,7
26	Скорченные на боку	2	2	-	-	-
27	Руки вдоль тела	39	18	1	3	11,9
28	Руки на тазе	26	6	3	-	1,1
29	Одна на тазе	?	?	?	?	1,5
30	Череп повернут налево	?	?	?	?	2,5
31	Череп повернут направо	?	?	?	?	1,1
32	Череп отсутствует	?	?	?	?	0,7
33	Поза не установлена	27,6	32,7	27,6	48,9	49,1
34	Жертвенная пища	7,6	21	1	5	11,7
35	Сосуд в могиле	10	21	-	9	33,1
36	Угли в могиле	11,1	-	35,8	-	11,9
Сопровождающий инвентарь						
37	Наконечники стрел	-	6	9	5	13,9
38	Кинжал	-	2	3	-	1,7
39	Копье	2,2	11	8	12	10,6
40	Кельт	-	22	25	34	22
41	Чекан	-	-	-	-	0,7
42	Серьга	16	7	3	7	3,6
43	Перстень	-	-	-	-	1,5
44	Браслет	-	0,7	0,7	-	1,7
45	Гривна	-	3	7	7	3,4
46	Ожерелье	-	3	5	7	3,6
47	Пронизки	-	-	-	-	5,7
48	Обоймы	-	-	-	-	2,3
49	Круглая бляха (головной убор)	5	18	2	17	14,2
50	Нашивки фигурные	-	-	-	-	10,7
51	Зеркало	-	-	0,9	-	-
52	Нож	6	21	28	31	15,2
53	Оселок	-	7,7	1,6	8	1,3
54	Напрясло	-	1,7	2,4	-	1,1
55	Без вещей	?	?	?	?	36,4
Всего погребений ²		232 (2%)	941 (0,4%)	564 (0,7%)	129 (3%)	540 (0,7%)

Таблица 2.

Коэффициенты типологического сходства культур предананьинской и ананьинской КИО

	Маклашеев.	Постмак.	Акозинск.	АКГШК	АКШК
Маклашеев.	-	0,60	0,54	0,55	0,45
Постмак.		-	0,67	0,77	0,48
Акозинск.			-	0,63	0,60
АКГШК				-	0,45
АКШК					-

² Количество погребений маклашеевской, постмаклашеевской, акозинской и АКГШК взяты из монографии А.А. Чижевского. В скобках указан нижний порог значимости признака при критерии значимости = 0,95.

УДК 903.02

О СКИФО-КАВКАЗСКОМ НАПРАВЛЕНИИ КОНТАКТОВ НАСЕЛЕНИЯ АНАНЬИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В VII–VI ВВ. ДО Н.Э.¹

© 2017 г. С.В. Махортых

Статья посвящена рассмотрению связей Северного Кавказа и Днепровского лесостепного Поднепровья с Волго-Камьем. Эти контакты прослеживаются на протяжении большей части раннескифского времени, хотя их пик приходится на вторую половину VII – первую половину VI в. до н.э. Предметы вооружения и конского снаряжения скифского облика, выявленные в памятниках ананьинской культуры, отличаются значительным типологическим и хронологическим разнообразием. Среди них выделяются две хронологические группы. Первая, более ранняя, датирующаяся, главным образом, второй половиной – концом VII в. до н.э., представлена железными топорами с двумя лезвиями или заостренным обушком, клинковым оружием «келермесского» типа, а также кинжалами с прямым перекрестием, бронзовыми стремячковидными удилами, втульчатými наконечниками стрел с пером ромбовидных очертаний и пр. Основной областью распространения этих артефактов является Среднее Поволжье. Вторая группа предметов является более молодой в хронологическом отношении и датируется преимущественно первой половиной – серединой VI в. до н.э. Она представлена железными топорами, имеющими утолщения на обухе, кинжалами с антенновидными навершиями и разнообразными перекрестиями, трехлопастными наконечниками стрел различных модификаций, железными петельчатыми удилами, бронзовыми пронизями и пр. Наряду со Средней Волгой, следует отметить значительную концентрацию некоторых из перечисленных выше предметов, в особенности железных кинжалов «скифских» типов, на территории Прикамья.

Ключевые слова: ананьинская культурно-историческая область, скифы, Кавказ, предметы вооружения и конского снаряжения; VII–VI вв. до н.э.

К числу проблем, привлекающих сегодня внимание специалистов в области раннескифской археологии, относятся определение времени появления памятников с древнейшими вещами скифского типа на юге Восточной Европы; выделение компонентов, составляющих скифскую культуру, и изучение их генезиса; рассмотрение контактов скифов с окружающим миром и пр.

Ананьинская культура представляет собой одно из наиболее ярких явлений в археологии раннего железного века Евразии. В настоящее время ее памятники рассматриваются в рамках особой ананьинской культурно-исторической области (далее АКИО), включающей в свой состав несколько археологических культур: постмаклашевскую, аозинскую, ананьинскую культуру шнуровой керамики и ананьинскую культуру гребенчато-шнуровой керамики (Кузьминых, 2000; Чижевский, 2008; Кузьминых, Чижевский, 2009, с. 33–35).

Неповторимое своеобразие ананьинским древностям раннескифского времени придавали тесные контакты населения Волго-Камья с соседними и отдаленными областями Евразии.

Предлагаемая статья посвящена рассмотрению одного из направлений этих контактов, условно названного «скифо-кавказским» и включающего территории Кавказа и Северного Причерноморья.

При подготовке статьи я не ставил перед собой задачу проанализировать все археологические свидетельства и аспекты этой довольно обширной и комплексной научной проблемы. Основное внимание в ней будет уделено анализу предметов вооружения и конского снаряжения, которые принадлежат к числу наиболее значимых и информативных категорий материальной культуры VII–VI вв. до н.э.

Предметы вооружения

Предметы вооружения представлены несколькими видами, среди которых наиболее многочисленными являются боевые железные топоры, мечи и кинжалы, а также бронзовые втульчатые наконечники стрел.

Боевые топоры

Наиболее представительная их коллекция выявлена в Среднем Поволжье, прежде всего, в погребениях Ст. Ахмыловского могильника, где они представлены более чем

¹ Автор выражает благодарность Швейцарскому национальному научному фонду (SNF) за поддержку этой публикации в рамках проекта IZ73Z0_152732 / 1.

10 экземплярами (п. 71, 183, 336, 421, 543 и др.) (Патрушев, Халиков, 1982).

Примечательно, что значительная их часть являлась единственными предметами вооружения в захоронениях (п. 183, 743, 808, 909), тогда как в других случаях топоры сопровождалась кинжалами (п. 336, 543) или наконечниками копий (п. 71, 421).

В Прикамье, по сравнению со Средней Волгой, железные топоры являются менее многочисленными. К примеру, одна такая находка встречена в п. 25 Луговского могильника и сопровождалась бронзовыми кельтом и наконечником копья, а также костяными наконечниками стрел (Збруева, 1952, с. 107, табл. П, 21). Топор представляет собой массивное орудие с длинной ударной частью и коротким округлым обушком в виде молотка. Ближайшие соответствия ему известны в кобанском могильнике Верхняя Рутха близ с. Кумбулта в Осетии (Крупнов, 1960, табл. X, 4). Исследователи относят топор из Верхней Рутхи к числу наиболее ранних железных топоров раннескифского времени (VII в. до н.э.), генезис которых непосредственно связан с бронзовыми топорами кобано-колхидских типов (Есаян, Погребова, 1985, с. 87). Следует упомянуть и находку оригинального железного топора «позднего» VI или V в. до н.э. из п. 30 Зуевского могильника, на обух которого сверху одета бронзовая часть, состоящая из орнаментированной втулки и трех сложенных вместе конусов (Збруева, 1952, с. 152, табл. XXII, 12).

Обращает на себя внимание значительное типологическое разнообразие рассматриваемых железных топоров, среди которых выделяется не менее пяти разновидностей.

К числу наиболее архаичных относятся проушные топоры с двусторонними расширенными лезвиями, длиной от 18,3 до 21 см, из Ст. Ахмыловского могильника (п. 183, 808 и находка 1969 г.), которые относятся к типу III по классификации А.Х. Халикова (рис. 1, 1–3) (Халиков, 1977, с. 178; Патрушев, Халиков, 1982, с. 27, табл. 31, 4б; 116, 3а; 109, 19).

Ближние двулезвийные топоры довольно хорошо известны в горных районах Центрального Кавказа (п. 128, 164, 205 Глийского могильника), где они зачастую сопровождалась акинаками «келермесского» типа, датирующимися, главным образом, в рамках второй половины – конца VII в. до н.э. (рис. 2) (Черненко, 1980; Техов, 1980, рис. 12: 1; 13: 2; Ворошилов, 2011, с. 167). Еще одна аналогичная находка железного обоюдоострого топора,

вероятно, в близком «келермесском» хронологическом контексте, выявлена в п. 28 Владимирского могильника на Северо-Западном Кавказе (Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 2: 10).

На Северном Кавказе двулезвийный топорик-секира выявлен также в Учкеевском кургане близ г. Кисловодска (Дударев 1991, с. 101, 105, табл. 30, 4).

Следует упомянуть железную проушную двулезвийную секиру с прямой спинкой и округлым проухом из кургана Малая Офирна на Киевщине (рис. 3, 10) (Петровська, 1968, с. 167, рис. 4: 10). В памятниках скифской культуры лесостепного Поднепровья боевые топоры с секущими лезвием и обухом встречаются крайне редко, и офирнянская секира является первой находкой такого рода на этой территории.

Топоры, относящиеся к типу двулезвийных, принадлежат к числу новаций раннескифского времени на Кавказе. Не исключено, что их истоки следует связывать с древневосточным регионом, где они известны еще в эпоху бронзы (Hroudá, 1965, s. 88, taf. 18, 16; Anlagan, Bilgi, 1989, s. 72–74, fig. 37–39).

Еще одна довольно многочисленная в Среднем Поволжье разновидность железных топоров представлена экземплярами с расширенным лезвием, удлиненным обухом с острым концом, а также прямой или изогнутой спинкой, длиной 22,5–23 см (рис. 4, 2–4). Их обушная часть имеет примерно такие же размеры, что и лезвийная часть. Эти топоры происходят из Акозинского (п. 73) и Ст. Ахмыловского (п. 543, 909 и находка 1962 г.) могильников (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 17, 12; 88, 1а; 128, 4а; Патрушев, 1984, с. 81, рис. 43: 7).

Ближайшие соответствия упомянутые выше топоры с заостренным обушком находят на Северном Кавказе, например, в п. 1 Исправненского могильника на Ставрополье (рис. 5, 1)² (Козенкова, Найдено, 1980, с. 204, рис. 5: 1). В.И. Козенкова относит их к типу III, второго отдела, который включает топоры с прямой спинкой и равномерно расширяющимся от проушины клином с закругленным лезвием; их дата – рубеж VII–VI или начало VI в. до н.э. (Козенкова, Найдено, 1980, с. 207; Козенкова, 1995, с. 73). Отметим,

² Железный топор близкой формы с симметрично расширенной лопастью происходит из кургана VI в. до н.э. у с. Новоселки Гржимайловские в Западной Подолии, где он был найден вместе с бронзовыми наконечниками стрел скифских типов и железными петельчатыми удилами (Іллінська, 1961, с. 39, рис. 7: 1).

что этой дате не противоречит и железный кинжал с брусковидным навершием, гладкой рукояткой сужающейся у основания и массивным перекрестием с треугольным вырезом в нижней части, который был найден вместе с одним из рассматриваемых топоров в п. 543 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 12, 1). Этот кинжал находит соответствия среди клинкового оружия степной и лесостепной Скифии (Новоазовск, Западное укрепление Бельского городища и др.), морфологические особенности которых позволяют датировать их не позднее VI в. до н.э. (Подобед, 1993, с. 46, рис. 54: 1; Шрамко, 1987, с. 117, рис. 54: 3).

Ссылаясь на изображения топоров на ассирийских рельефах VII в. до н.э., форма которых, по мнению В.И. Козенковой, совпадает с формой топоров типа III, второго отдела, исследовательница приходит к выводу, что идея формы этого топора, вероятно, была воспринята кавказскими племенами из переднеазиатского вооружения (Козенкова, 1995, с. 73).

Следует упомянуть и находки самих бронзовых топоров, подобных изображенным на ассирийских рельефах, в погребениях Луристана, датирующихся VIII и VII вв. до н.э. (могильники Chamahzi Mumah (п. 53), Gul Khanan Murdah (п. 80), War Kabud (п. В 188) (рис. 6, 1, 2) (Haerinck, Overlaet, 1998, p. 21, ill. 8; Haerinck, Overlaet, 1999, p. 168, pl. 107; Haerinck, Overlaet, 2004, p. 48, fig. 16). С этими топорами, помимо экземпляров с заостренными обушками, можно также сопоставить топоры-клевцы с остроконечным клинком из гробницы 8 могильника Каррас в Пятигорье и п. 18 Ананьинского могильника в Прикамье (Збруева, 1952, табл. XXII, 11; Козенкова 1995, табл. XX, 7). Их определенное типологическое сходство с переднеазиатскими экземплярами, как впрочем и уникальной бронзовой секиры из погребения у Цукурского лимана на Тамани, проявляется в изогнутой форме изделий, оформлении одного из окончаний в виде клевца, а в случае с бронзовым экземпляром и наличие обуха в форме лопасти, декорированной по краю нешироким ободком (рис. 6, 3) (Прушевская 1917, с. 54, рис. 11).

Клевцы из п. 18 Ананьинского могильника, захоронения у Цукурского лимана, а также сближающуюся с ними находку с Трахтемировского городища в Среднем Поднепровье, вероятно, следует относить к первой половине VI в. до н.э., тогда как каррасский клевец является более древним и датируется не позднее конца VII – рубежа VII–VI вв. до н.э. (Ковпаненко, 1967, с. 106, рис. 1: 12;

Вахтина 1993, с. 56; Козенкова, 1995, с. 75; Фіалко, Болтрик, 2003, с. 77, рис. 25: 4).

Помимо каррасского, железные топоры-клевцы выявлены и в некоторых других памятниках Кабардино-Пятигорья – в Каменномостском и Нижне-Чегемском могильниках (Виноградов, 1972, с. 345, рис. 29; Батчаев, 1985, табл. 1, 18), где они датируются преимущественно VI в. до н.э. и, вероятно, свидетельствуют о местном, центральнокавказском производстве этой категории вооружения.

Единственной находкой в Волго-Камье является железный проушной топор с прямоугольным в сечении обухом, симметрично расширяющимся снизу лезвием и слегка смещенным к тыльной части овальным проушным отверстием из п. 71 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 4, 1) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 13, 2а). По мнению А.Х. Халикова, отнесшего это изделие к типу IB, близкий топор происходит из п. 24 Ананьинского могильника (Збруева, 1952, с. 107, табл. XXII, 2; Халиков, 1977, с. 177).

Рассматриваемый топор принадлежит к одному из самых популярных типов железных топоров, получивших распространение к северу и югу от Главного Кавказского хребта в эпоху скифской архаики. Близкие аналогии ему имеются в п. 5, 18, 27 Келермесского грунтового могильника на Кубани, которые морфологически сближаются с центральнокавказскими и закавказскими железными топорами типа 1б по классификации М.Н. Погребовой. Эти топоры из могильников Тлийского (п. 93, 106), Самтаврского (п. 250) и некоторых других датируются второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (рис. 7) (Техов, 1980, рис. 5: 3; 7: 4; Галанина, 1985, с. 163, рис. 3: 7; 4: 14; Галанина, 1989, с. 82, рис. 12; Есаян, Погребова, 1985, с. 80; Mehnert, 2008, taf. 45, 7).

Также единичным экземпляром на Средней Волге представлен топор с прямой спинкой, закругленным лезвием, имеющим заметный выгиб снизу, и молоточковидным, расширяющимся на конце обухом из п. 743 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 4, 5) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 108, 4б). Топоры этой разновидности (тип I второго отдела, по В.И. Козенковой) концентрируются в Центральном Предкавказье, преимущественно, Кабардино-Пятигорье (могильники Султан-Гора III, п. 6; Уллубаганалы II, п. 4; Каррас, гробница X; Лермонтовская скала, п. 2006 г. и др.), и маркируют более молодые в хронологическом отношении памятники

скифской архаики, основной период бытования которых приходится на первую–третью четверти VI в. до н.э. (рис. 8, 3)³ (Козенкова, 1995, с. 72, табл. 19, 1, 4; Березин, Дударев, 2009, с. 267, рис. 5: 1).

На территории Днепровского лесостепного Левобережья аналогичный топор выявлен на Восточном укреплении Бельского городища (Шрамко, 1987, рис. 55: 3).

Помимо описанного выше, к первой половине – середине VI в. до н.э. в Ст. Ахмыловском могильнике (п. 336, 421 и находка 1967 г.), относятся еще три оригинальных топора с полуовальным лезвием и молоточковидным обухом, завершающимся «грибовидной» шляпкой (рис. 1, 4–6)⁴ (Патрушев, Халиков, 1982, с. 56, 73, табл. 56, 4б; 66, 2г; 80, 19). Их дата подтверждается параллелями среди топоров с утолщениями на конце обушка, выявленными на Кавказе (Нижне-Чегемский, Брили, Модинахе, п. 8, Рвели, п. 19), а также в Днепровском лесостепном Поднепровье (курганы 3 у с. Аксютинцы, 448 у с. Журовка, Шумейко и др.) (Иллінська, 1961, рис. 6: 1, 2, 5, 8, 9; Виноградов, 1972, рис. 29: 8; 31: 4; Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 11: 1; Merhert 2008, taf. 19, 5; 33, 7; 81, 6).

Мечи и кинжалы

Железные мечи и кинжалы, обнаруженные в памятниках АКИО, также характеризуются значительным типологическим и хронологическим разнообразием.

К числу наиболее архаичных относятся кинжалы из Ст. Ахмыловского могильника (п. 383 и находка 1965 г.) (рис. 9, 1; 10, 1к).

Последний из упомянутых предметов по ряду морфологических признаков (массивное брусковидное навершие, специфический тип перекрестия) сближается с акинаками т.н. «келермесского» типа, однако в отличие от них имеет гладкую рукоятку, что, вероятно, свидетельствует о его принадлежности к младшим образцам этой разновидности оружия (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 55, 1). Мечи «келермесского» типа получили довольно широкое распространение на юге Восточной Европы во второй половине VII в. до н.э. (Черненко, 1980; Техов, 1980а; Ворошилов, 2011, с. 166).

³ Топорик близкой формы, но изготовленный из бронзы, происходит из п. 67 Владимирского могильника близ г. Новороссийска (Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 2: 8).

⁴ Первой половиной VI в. до н.э. по комплексу представленных в них находок датирует п. 336 и 421 Старшего Ахмыловского могильника В.С. Патрушев (1984, с. 82).

Ближайшие территориальные соответствия рассматриваемой находке из Ст. Ахмылова происходят с территории Пензенской области (Старое Захаркино) и Самарского Поволжья (Исаклы) (Ворошилов, 2011, рис. 2: 4; Денисов, 2012, рис. 1).

Что касается кинжала из п. 383 с брусковидным навершием, прямым перекрестием и широким продольным ребром вдоль клинка, то ближайшие соответствия ему известны в п. 205 Тлийского могильника (Южная Осетия), которое по погребальному инвентарю может быть датировано в рамках второй половины – конца VII в. до н.э. (рис. 11, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1к; Техов 1980а, с. 234, рис. 16: 1).

Из Ст. Ахмыловского могильника (п. 711) происходит еще один железный кинжал с длинным брусковидным навершием, плоской рукоятью и продольным ребром на клинке, перекрестие которого не сохранилось (рис. 12, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 104, 9).

Интерес представляет железный кинжал из Ананьинского могильника (раскопки П.А. Пономарева). Он имеет массивное брусковидное навершие, широкую рукоятку с боковыми валиками, уплощенный клинок, а также сердцевидное перекрестие с треугольным выступом в середине верхней части (рис. 13, 1) (Збруева, 1952, с. 101, табл. XXI, 4). Наиболее близкая аналогия ему происходит из кургана в урочище Дарьевка (Среднее Поднепровье), который предположительно относится к концу VII – началу VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, с. 97, табл. XXXIV, 18; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 64).

Значительная в количественном отношении группа кинжалов из различных некрополей Волго-Камья датируется в рамках VI в. до н.э.

В п. 336 Ст. Ахмыловского могильника выявлен кинжал с брусковидным навершием, слегка суженным книзу держакон, массивным перекрестием «почковидных» очертаний и уплощенно-ромбическим в сечении лезвием длиной 37 см (рис. 9, 2) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 56, 4г). Он сопровождался бронзовым наконечником ножен, оформленным в виде стилизованной головы хищной птицы, которая по ряду особенностей (округленное изображение головы, открытый рот в виде овала) сближается с находками первой половины VI в. до н.э. из могильника Фаскау и п. 2 Репяховатой Могилы (рис. 9, 2а) (Ильинская, Мозолевский, Тереножкин, 1980, рис. 11: 7; Вольная, 2015, с. 34, рис. 1: 7; Махорных, 2016, с. 317). С кинжалом из п. 336 сбли-

жаются сходные с ним по форме и времени находки клинкового оружия из п. 1 кург. 4 у с. Гладковщина Черкасской области, а также мог. 6/1909 г. Ольвийского некрополя (Скуднава, 1960, рис. 2: 1; Григорьев, Скорый, 2012, рис. 13: 4).

Железный кинжал из п. 18 Ананьинского могильника длиной 35 см имеет брусковидное навершие, рукоятку с параллельными валиками по краям, перекрестие предположительно «в виде крыльев бабочки» и узкий четырехгранный клинок (рис. 13, 2) (Збруева, 1952, с. 101, табл. XXI, 6). Данный кинжал по характеру оформления сходен с кинжалом из п. 207 Зуевского могильника длиной около 28 см, который, однако, отличается от него уплощенным клинком и более узким навершием в виде прямого бруска⁵ (рис. 13, 3) (Там же, с. 102, табл. XXI, 8).

Подобные кинжалы с боковыми валиками довольно хорошо известны в Кабардино-Пятигорье, а также лесостепном Поднепровье, откуда они, вероятно, и попали в Прикамье (могильник Султан-Гора Ш, п. 6; кург. 77 у с. Куриловка; Трахтемировское городище, отдельные находки близ Киева, Чигирин и пр. (рис. 8, 1, 2) (Ковпаненко, 1981, с. 34, рис. 25: 4; Членова, 1984, с. 237, рис. 2: 1, 2; Козенкова, 1995, с. 61, табл. XIII, 5; Фиалко, Болтрик, 2003, рис. 19: 3–5,7). Наиболее широкое распространение эта разновидность клинкового оружия получила в первой половине VI в. до н.э.

Несколькими экземплярами в ананьинских погребальных комплексах, главным образом, Прикамья, датирующихся VI в. до н.э., а отчасти, возможно, и V в. до н.э., представлены железные кинжалы с антенновидным навершием.

В Ст. Ахмыловском (п. 226 б) и Ананьинском могильниках выявлены изделия с навершиями в виде сильно загнутых и повернутых друг к другу волют, сердцевидным перекрестием и уплощенно-ромбическим в сечении клинком (рис. 12, 4) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 38, 2б; Халиков, 1977, с. 163, рис. 60: 7).

Ряд кинжалов с подобными навершиями, но своеобразно оформленными и отличающимися перекрестьями подпрямоугольных или

«бабочковидных» очертаний, в двух случаях «усиленных» валиками по краям рукояти, происходят из Ананьинского могильника – п. 23, 46 и находка на территории некрополя (Збруева, 1952, с. 171, табл. XXI, 11,13; Халиков, 1977, рис. 60: 8).

К числу особенностей некоторых из упомянутых выше находок относится то, что у кинжала из п. 23 Ананьинского могильника рукоять и клинок были железными, а перекрестие и навершие – бронзовые, тогда как кинжал из п. 46 находился в железных ножнах прямоугольной формы⁶ (рис. 13, 4,5).

В этой связи обращают на себя внимание наконечники ножен из железа, сохранившиеся на некоторых «савроматских» мечях второй половины VI – начала V вв. до н.э. с территории Поволжья (пос. Комсомольский, п. 23; п. 35 кург. 8 Калиновского могильника) (Смирнов, 1961, рис. 2: 4; Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997, рис. 5: 1,2). Они сближаются с подобными находками из таких северокавказских памятников VI в. до н.э., как п. 2 Каменноостского могильника, п. 53 Нестеровского некрополя, кург. 8 Нартана, и, вероятно, являются кавказским вкладом в комплекс «савроматского» вооружения (Козенкова, 1982, табл. 15, 3; 1995, табл. 15, 2; Батчаев, 1985, табл. 25, 9; Махортых, 2016а, с. 135).

Следует упомянуть и бронзовый гладкий наконечник ножен с двумя отверстиями в верхней части, известный вне комплекса из Ананьинского могильника, который находит аналогии в погребениях раннескифской поры (Старшая Могила, кург. 5 у с. Рыжановка и др.), датирующихся не позднее первой половины VI в. до н.э. (Кузьминых, 1983, с. 134, табл. LV, 4).

Что касается биметаллических мечей и кинжалов, в том числе и с антенным навершием, то их бытование не только в эпоху скифской архаики, но и в более позднее время (середина – вторая половина VI в. до н.э.), подтверждается соответствующими находками из степной и лесостепной Скифии –

⁵ Формой перекрестия с двумя упомянутыми выше находками сближается и железный кинжал с обломанным, вероятно, простым антенным навершием из п. 90 Зуевского могильника (Збруева, 1952, табл. XXI, 14), который по обнаруженным вместе с ним бронзовым трехлопастным наконечникам стрел может датироваться второй половиной VI в. до н.э.

⁶ Еще два фрагментированных железных кинжала с бронзовыми напускными перекрестьями происходят в Прикамье из п. 130 Зуевского могильника, а также со II Васюковской стоянки (рис. 13, 6) (Збруева, 1952, табл. XXI, 9; Кузьминых 1983, с. 131, табл. LIII, 10, 11). Ближайшая аналогия VI в. до н.э. зуевскому кинжалу, но в отличие от него полностью изготовленному из железа, обнаруживается в кург. 2 у с. Большемихайловка Днепропетровской области (рис. 14, 4) (Мухопад, 1984, с. 127, рис. 2: 4).

курганы 2 у с. Райгород и 13 у с. Шолохово (Волкобой, Лихачев, Шалобудов, 1979, с. 50, рис. 8: 3; Гречко, 2016, с. 49).

О продолжении использования биметаллической технологии при изготовлении клинкового оружия VI в. до н.э. свидетельствуют и находки оригинальных биметаллических кинжалов с орнаментированными бронзовыми рукоятями в Среднем Поволжье, которые не находят аналогий в скифо-савроматском мире и, вероятно, являются изделиями ананьинских мастеров (п. 704 Ст. Ахмыловского и п. 98 Акозинского могильников) (рис. 12, 2) (Халиков, 1977, с. 163, рис. 60: 9; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 105, 1г; Кузьминых, 1983, с. 128; Патрушев, 1984, с. 77).

К числу местных самобытных разновидностей, по всей вероятности, относятся и железные кинжалы из п. 250 и 273 Ст. Ахмыловского могильника, длиной 38 и 35,5 см, отличающиеся своеобразными «грибовидными» навершиями, а в одном случае и дуговидной изогнутым перекрестием, имеющим сходные вырезы снизу и сверху (рис. 9, 3, 4) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 44, 1а; 47, 1а).

Наконечники стрел

О контактах населения АКЦИО с кочевниками Евразии убедительно свидетельствуют бронзовые втульчатые и черешковые наконечники стрел, которые, как правило, являются привозными и полностью следуют степной моде⁷ (Кузьминых, 1983, с. 174; Патрушев, 1984, с. 96).

Наиболее информативные и достоверные археологические комплексы Волго-Камья VII–VI вв. до н.э., содержащие бронзовые наконечники стрел, обнаружены в Ст. Ахмыловском могильнике, поэтому они и будут привлекать наше основное внимание.

Они представлены как единичными находками (п. 357, 585, 623, 856, 950), так и колчанными наборами, насчитывающими от 4–5 до 45 экземпляров (п. 359, 383, 704, 926, 949) (рис. 15) (Халиков, 1977, с. 208, рис. 77: 2,3,5,8,11,14–22; Халиков, Патрушев, 1982, табл. 91, 1в; 121,5а; 130; 133, 2а; Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 9–15,18–29,44–54; XLIX, 1–59; L, 1–20). Последние представляют наибольший интерес как с точки зрения хронологии, так и установления направления контактов ананьинского населения в раннескифский период.

⁷ Сводка бронзовых наконечников стрел в ананьинских памятниках, а также их детальная типология осуществлена С.В. Кузьминых (1983, с. 102–121).

Среди архаичных комплексов выделяется п. 383 с тремя бронзовыми двухлопастными наконечниками, два из которых имели ромбовидную и ассиметрично-ромбическую головки (рис. 10, 1а,1б,1д) (Халиков, Патрушев, 1982, табл. 63, 1а,1б,1д; Кузьминых, 1983, табл. XLIX, 43–45). На основании сопутствующего инвентаря и, в частности, предметов вооружения (железные кинжал с прямым перекрестием и наконечник копья с дуговидной выпуклыми лопастями), а также конского убора (пара бронзовых стремячководных удил и «стремявидная» пронизь), это погребение, вероятно, следует датировать в рамках второй половины – конца VII в. до н.э.

Более 10 бронзовых ромбических и ассиметрично-ромбических наконечников стрел происходит также из Ананьинского могильника, где они датируются VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с. 208 рис. 77: 9; Кузьминых, 1983, с. 105, табл. XLIII, 19–36). Примечательно, что ромбический наконечник стрелы имеется и в составе колчанного набора п. С этого же некрополя, в котором преобладали трехгранные наконечники, в том числе и со скрытой втулкой (Кузьминых, 1983, табл. XLIII, 35).

Примеры обнаружения бронзовых наконечников стрел с пером ромбической формы на Древнем Востоке, например, среди материалов, относящихся ко времени штурма Ниневии в конце VII в. до н.э., а также в кочевнических захоронениях второй половины VII в. до н.э., а возможно и первой половины VI в. до н.э. на юге Восточной Европы (кург. 1 могильника Осняги в округе Бельского городища, кург. 1 п. 1 близ с. Карпуси под Полтавой и др. (Шрамко, 1987, рис.71: 1; Супруненко, Золотницкий, Кулатова, 1996, рис.15: 1; Pickworth, 2005, fig. 35), указывают на то, что они не могут служить основанием для разделения памятников на докелермесские и келермесские, а также ограничивать дату содержащих их комплексов серединой VII в. до н.э. (Махортых, 2014, с.75).

Несколько бронзовых двухлопастных наконечников стрел, в том числе и с ромбическими очертаниями пера, выявлено, в п. 926 Ст. Ахмыловского могильника, содержащего два самых многочисленных колчанных набора (45 экземпляров) в этом некрополе (рис. 15, 1–41) (Кузьминых, 1983, табл. XLIX, 1–42). В этих наборах доминируют трехлопастные наконечники стрел «скифских» типов, представленные несколькими разновидностями: с листовидным в плане пером и выступаю-

щей втулкой, зачастую снабженной боковым шипом, а также со сводчатой головкой, заостренными или скошенными окончаниями лопастей, нависающими над выступающей втулкой⁸.

Помимо этого, в этом захоронении выявлены бронзовые трехлопастные и трехгранные наконечники со скрытой втулкой, сводчатой головкой и опущенными вниз шипами, а также бронзовые черешковые наконечники с округлым, уплощенным черешком и трехлопастным пером, которые указывают на связи ананьинцев с Южным Уралом и Казахстаном (рис. 15, 31–33, 36, 37) (Кузьминых, 1983; Очир-Горяева, 2014, с. 272, илл. 1: 12).

Подобные т.н. «смешанные» колчаные наборы, содержащие бронзовые наконечники стрел «западных» и «восточных» типов раннескифского времени, датируются преимущественно в рамках первой половины VI в. до н.э. Они известны также на Южном Урале (п. 1 в кург. 59 могильника Целинный и п. 1 в кург. 17 могильника Покровка 2 (Яблонский, Трунаева, Веддер, Девис-Кимболл, 1994, с. 40, рис. 82; 83; Гуцалов, 1998, с. 129, рис. 3).

Более позднюю хронологическую позицию в рамках VI в. до н.э. занимают п. 578 и 750 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 15, 57–79). Выявленные там колчаные наборы состоят из трехлопастных и трехгранных наконечников стрел различных типов, в том числе и со скрытой втулкой. Они находят аналогии в кочевнических памятниках Нижнего Поволжья и Южного Урала, датирующихся, главным образом, второй половиной VI в. до н.э. (Смирнов, 1964, с. 36, рис. 5: 4а; Кузьминых, 1983, с. 108, 119; Дворниченко, Плахов, Очир-Горяева, 1997, с. 134, рис. 6; Очир-Горяева, 2014, с. 272, илл. 1: 13.)

По мнению С.В. Кузьминых, массовое появление на Средней Волге и Каме втульчатых трехлопастных и трехгранных наконечников стрел начинается лишь в VI в. до н.э. и связано с формированием савроматского

единства в степях между Волгой и Уралом (Кузьминых, 1983, с. 118).

Конский убор

Представлен удилами, псалиями, уздечными бляхами и пронизиями.

Три экземпляра бронзовых стремячкovidных удил, длиной от 17,7 до 18,5 см найдены в п. 383 и 524 Ст. Ахмыловского могильника (рис. 10, 1р, 1с; 18, 3) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1р, 1с; 82, 1в). Два из них имеют гладкие стержни, а у одного они украшены орнаментом в виде елочки, который находит параллели как в декоре встреченной в этом же погребении бронзовой застёжки с грибовидными окончаниями, так и знаменитых келермесской секиры и меча, а также в костяных навершиях из Тлийского могильника (п. 216) и Западного Бельского городища (помещение 9 зольник 28). Все эти аналогии датируются в рамках второй половины VII – первой половины VI вв. до н.э. (Техов, 1980, с. 37, рис. 17; Галанина, 1997; Шрамко, 2015, с. 499, илл. 1: в).

Тип металлических удил со стремячкovidными наружными петлями является ведущим для конской упряжи VII в. до н.э. на юге Восточной Европы. Среди них выделяется несколько разновидностей. Бронзовые экземпляры с треугольно-конечными внешними петлями, характерные, главным образом, для протомеотских памятников Северного Кавказа и представленные также в п. 383 Ст. Ахмыловского могильника, в раннескифский период встречаются редко (например, Келермес, кург. 19, п. 5). Однако близкие образцы, изготовленные из железа, хорошо известны в скифских захоронениях VII–VI вв. до н.э. Днепровского лесостепного Правобережья (Долиняны, кург. 4; Ленковцы; Перебыковцы, кург. 2; Журовка, кург. 406; Пешки, кург. 361; Пищальники) (Эрлих, 2007, с. 118; Махортых, 2013, с. 168, рис. 5: 1-4).

Комплексы со стремячкovidными удилами из п. 383 и 524 Ст. Ахмыловского могильника датируются В.С. Патрушевым второй половиной VII – началом VI в. до н.э. (Патрушев, 1984, с. 106, 108).

Наиболее многочисленными в ананьинских памятниках являются железные петельчатые удила, при этом основной территорией их распространения, как и в случае с бронзовыми стремячкovidными удилами, является Среднее Поволжье. В Прикамье предметы конского снаряжения встречаются значительно реже.

В Ст. Ахмыловском могильнике железные петельчатые удила найдены в п. 110, 563,

⁸ Сочетание близких разновидностей бронзовых двухлопастных и трехлопастных наконечников стрел, как правило, с преобладанием последних, зафиксировано и в ряде других захоронений Ст. Ахмыловского могильника (п. 359, 704, 949), которые, вероятно, близки по времени с рассматриваемым п. 926 этого некрополя (рис. 15, 42–56) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 62, 2а-г; 133, 1а-1к; Кузьминых, 1983, табл. L, 1–6). Сближаются с упомянутыми выше и некоторые трехлопастные наконечники стрел со сводчатой головкой и выступающей втулкой из Зуевского могильника, например, п. 90 (Кузьминых, 1983, табл. XLV, 4,5).

605, 900 (рис. 17, 1е; 18, 5) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 19, 3б; 85, 3в; 92, 6ж; 127, 1е). Помимо этого, еще четыре отдельных звена удила этого типа обнаружены на территории могильника вне комплексов (рис. 18, 14) (Патрушев, 1984, рис. 52: 45–48).

Находки железных удила с загнутыми внешними окончаниями известны также в Акозинском (п. 83, 98) и Зуевском могильниках (рис. 16, 16; 18, 11) (Збруева, 1952, табл. XII, 3; Халиков, 1977, с. 29, рис. 8: 16). Общая длина удила этого типа в среднем составляет 18–20 см.

Интерес представляет также комплекс из с. Янада б. Тетюшского у. Казанской губ., состоящий из обломка бронзовых петельчатых псалиев и бронзовых петельчатых удила, изготовленных в той же технике, что и железные (Халиков, 1977, с. 225, рис. 81: 13, 14). Близкие бронзовые двучастные удила с окончаниями, загнутыми в петли, известны в памятниках кочевников Южного Урала конца VI–V в. до н.э. По мнению М.В. Стародубцева, в данных удилах были соединены новые формы петельчатых окончаний, привнесенные с запада, с традициями обработки бронзы, характерными для восточных территорий (Стародубцев, 2012, с. 54, рис. 1: 1–7).

Железные удила с концами, загнутыми в кольцевидные петли, стали применяться в северокавказских уздечках, вероятно, не позднее второй половины VII в. до н.э. Эта форма удила, два звена которых состояли из округлых или прямоугольных в сечении стержней, получив со временем широкое распространение, без особых конструктивных изменений продолжала бытовать на юге Восточной Европы в течение всей скифской эпохи (Махортых, 1991, с. 68; Галанина, 1999, с. 63). Находки раннескифских железных петельчатых удила особенно широкое распространение получили в Закубанья и Днепровском лесостепном Левобережья в конце VII и/или VI вв. до н.э. В Марийском Поволжье железные петельчатые удила появляются в основном в VI в. до н.э. (Патрушев, 1984, с. 106).

Псалии, сопровождающие рассматриваемые петельчатые удила, также изготовлены из железа и включают несколько модификаций.

Наиболее ранние из них найдены в п. 110 и 524 Ст. Ахмыловского могильника и выполнены в виде трехпетельчатых стержневидных экземпляров прямой или слегка изогнутой в верхней части формы, где имеется шишкообразное утолщение (рис. 18, 7, 8). Их длина

составляет около 16–17 см (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 19, 3в, 3 г; 82, 2а).

Железные и, реже, бронзовые трехпетельчатые стержневидные псалии довольно хорошо известны на Северном Кавказе, где этот тип был господствующим в уздечках раннескифского типа (Галанина, 1997; Петренко, 2006, с. 75; Махортых, 2015, с. 109). Эти псалии обнаружены в скифских комплексах у хут. Красное Знамя, в Келермесских и Нартановских курганах. Сближаясь между собой наличием петель, они отличаются прямым или загнутым концом стержня и оформлением его окончаний разного рода шишечками, зооморфными изображениями и т.д.

Железные стержневидные псалии с боковыми петлями VII–VI вв. до н.э. на территории украинской лесостепи концентрируются преимущественно в Посулье и бассейне Тясмина, где известно более 80 экземпляров (Іллінська, 1961, с. 45; Могилов, 2008, с. 31).

В Предкавказье рассматриваемые железные псалии встречаются, главным образом, в VII в. до н.э. вместе с бронзовыми и железными стремячкovidными удилами. Иная картина в лесостепной Украине, и в частности бассейне Ворсклы и Посулье, где преобладает их сочетание с железными петельчатыми удилами, что, вероятно, является свидетельством более молодой хронологической позиции причерноморских комплексов.

С рассматриваемыми трехпетельчатыми псалиями во времени сближаются и железные трехдырчатые псалии из п. 98 Акозинского могильника, которые состоят из изогнутого в верхней части и завершающегося конической головкой стержня. Его центральная часть расширена и имеет три круглых отверстия (рис. 18, 12, 13). Комплекс этого погребения датируется А.Х. Халиковым рубежом VII–VI вв. до н.э. (Халиков, 1977, с. 223, рис. 82: 2).

Близкие железные трехдырчатые псалии происходят из раннескифских захоронений Центрального Предкавказья (курган у г. Новопавловска) и Днепровского лесостепного Поднепровья (кург. 10 Скоробор; кург. 1 Перемирки; кург. 8 Константиновки; Коцюбинчики 2), где они датируются концом VII – началом или первой половиной VI в. до н.э. (Ильинская, 1975, табл. XIII, 10–12; Ильинская, 1968, с. 106, табл. XXXI, 1, 2; Канторович, Петренко, Маслов, 2007, с. 194, рис. 38: 3; Бандрицкий, 2009; Махортых, 2015).

Следует упомянуть также бронзовый трехдырчатый Г-образный псалий с небольшими утолщениями на концах из погребения

7 Мурзихинского I (IV) могильника (рис. 18, 10) (Чижевский, 2008, рис. 42: 3).

Интерес представляет и оригинальный железный псалий в виде плоской пластины, с тремя круглыми отверстиями, заканчивающейся округлыми стержнями, изогнутыми с одного конца, из Акозинского могильника (раскопки 1971 г.) (рис. 18, 9) (Халиков, 1977, рис. 82: 3). Аналогии ему известны в кург. 2 у с. Перебыковцы на Среднем Днестре, который датируется первой половиной – серединой VI в. до н.э. (Смирнова, 1979, с. 50, рис. 9: 4).

В отличие от рассмотренных выше железные псалии из п. 563 и 900 Ст. Ахмыловского, а также Зуевского могильников относятся к типу двухпетельчатых, основное время бытования которых приходится на середину – вторую половину VI в. до н.э. (рис. 17, 1е) (Збруева, 1952, табл. XII, 4; Патрушев, Халиков, 1982, табл. 85, 3а; 127, 1е).

Переход к металлическим двудырчатым псалиям, знаменующий значительные изменения в системе взнуздывания лошадей, фиксируется на юге Восточной Европы во второй половине – конце VI в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 117; Эрлих, 2015, с. 47). Сначала это были двухпетельчатые псалии, как, например, экземпляры из кургана Шумейко в Посулье, Ульском кургане 1982/10 в Адыгее или кург. 1 могильника Кривая Лука в Поволжье. Затем петли заменяются отверстиями в утолщениях, поскольку изготовление последних при помощи ковки представляло меньшую трудность, чем изготовление петель⁹ (Ильинская, 1968, рис. 24; Очир-Горяева, Дворниченко, 2007, рис. 1: 6; Эрлих, 2015, табл. 16, 218; 17, 255).

Помимо удила и псалиев скифо-кавказские образцы оказали влияние и на появление у «ананьинцев» бронзовых зооморфных пронизей, оформленных в виде длинного тонкого «клюва» (п. 70 Ст. Ахмыловского могильника) или морды лошади (п. 2 Убеевского могильника) (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 13, 16; Чижевский, 2008, с. 39, рис. 28: 22). Они находят аналогии, главным образом, в памятниках VI в. до н.э. Днепровского лесостепного Поднепровья и значительно реже Кавказа (Тейшебаини) (рис. 18, 15, 16) (Ильинская, 1968, с. 71–73 рис. 24; 25; Могилов, 2008, с. 68, рис. 128: 26–38; Рябкова, 2012, с. 376, табл. 1, 2).

⁹ Д.С. Гречко считает железные двухпетельчатые псалии, выявленные на юге Восточной Европы, последним и, по-видимому, тупиковым звеном в цепи эволюции развития данной формы псалиев раннескифского времени (Гречко, 2016, с. 50).

К более раннему времени, вероятно, второй половине VII в. до н.э., относится бронзовая бляшка со щитком, на котором имеются три кружка, происходящая с территории Мурзихинского I (IV) могильника (рис. 18, 17) (Руденко, 2002, рис. 28: 23). Бляшки с трехкружковым орнаментом являются редким типом уздечных украшений и находят аналогии на Северо-Западном Кавказе – могильниках Келермесском (кург. 2/В, уздечный набор коня 9) и Владимировском (п. 99) (Галанина, 1997, с. 241, табл. 23, 264; Шишлов, Федоренко, Колпакова, Кононенко, 2007, рис. 4: 22).

В Ст. Ахмыловском (п. 104) и Мурзихинском I (IV) (п. 3) могильниках представлен и другой тип бронзовых гладких пронизей с выпуклым верхом, круглыми или овальными боковыми отверстиями, находящий аналогии в раннескифских памятниках Днепровского лесостепного Левобережья (рис. 18, 18–20) (Патрушев, Халиков, 1982, с. 154, табл. 17, 16-в; Руденко, 2002, рис. 25: 16; Могилов, 2008, с. 67, табл. 128, 1–14).

Приведенные выше свидетельства, список которых можно продолжить, указывают на существование довольно тесных связей Предкавказья и Днепровского лесостепного Поднепровья с Волго-Камьем. Эти контакты прослеживаются на протяжении большей части раннескифского времени, хотя пик их приходится на вторую половину VII – первую половину VI в. до н.э.

Предметы вооружения и конского снаряжения скифского облика, выявленные в памятниках АИКО, отличаются значительным типологическим и хронологическим разнообразием. Среди них выделяются две хронологических группы изделий. Первая, более ранняя, датирующаяся, главным образом, второй половиной – концом VII в. до н.э., представлена железными топорами с двумя лезвиями или же заостренным обушком, клинковым оружием «келермесского» типа, а также кинжалами с прямым перекрестием, бронзовыми стремячковидными удилами, наконечниками стрел с пером ромбовидных очертаний и пр. Основной областью распространения этих артефактов является Среднее Поволжье.

Вторая группа предметов является более молодой в хронологическом отношении и датируется преимущественно первой половиной – серединой VI в. до н.э. Она представлена железными топорами, имеющими утолщения на обухе, кинжалами с антенновидными навершиями и разнообразными перекрестие-

ями, трехлопастными наконечниками стрел различных модификаций, железными петельчатыми удилами, бронзовыми пронизями и пр. Наряду со Средней Волгой, следует отметить значительную концентрацию некоторых из перечисленных выше предметов, и в особенности железных кинжалов «скифских» типов, в Прикамье.

Представляется достаточно очевидным, что мы имеем дело с довольно четким культурным импульсом, свидетельствующим о прямом проникновении в Волго-Камье неко-

торых категорий изделий VII–VI вв. до н.э., рассмотрение которых позволяет расширить существующие представления о «западном» направлении связей населения АКЮ. Можно предполагать, что появление в раннеананьинских комплексах различных категорий импортных изделий было обусловлено сочетанием нескольких путей проникновения, обусловленных целым рядом факторов, рассмотрению которых мы планируем посвятить специальную работу.

ЛИТЕРАТУРА

Бандриевский М. Элементи церемоніальної колісниці VII ст. до. нар. хр. на Тернопільщині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Вип. 13 / Отв. ред. О. Ситник. Львів: ІУ НАНУ, 2009. С. 215–233.

Батчаев В.М. Древности предскифского и скифского времени // Археологические исследования на ново-стройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. Т. 2: Памятники эпохи бронзы и раннего железа / Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова. Нальчик: Эльбрус, 1985. С. 7–115.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время: (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1972. 387 с.

Вахтина М.Ю. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор: (Материалы конференции памяти академика М.И. Ростовцева) / Отв. ред. Б.А. Раев. Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1993. С. 51–58.

Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н. Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1979. С. 45–60.

Вольная Г. Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. 2015. № 1. С. 19–31.

Ворошилов А.Н. Акинаки келермесского типа в Донской лесостепи // Восточноевропейские древности скифской эпохи / Отв. ред. В.Д. Березуцкий и др. Воронеж: Научная книга, 2011. С. 156–168

Галанина Л.К. К проблеме взаимоотношений скифов с меотами (по данным новых раскопок Келермесского грунтового могильника) // СА. 1985. № 3. С. 156–164.

Галанина Л.К. Новые погребальные комплексы раннемеотского времени из Келермесского грунтового могильника // Меоты – предки адыгов / Отв. ред. Н.В. Анфимов, П.У. Аутлев. Майкоп: Адыгблполиграфия, 1989. С. 74–102.

Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Палеограф, 1997. 316 с. (Серия «Степные народы Евразии». Т. 1)

Галанина Л.К. Ульский курган (раскопки Н.И. Веселовского в 1910 г.) // АСГЭ. 1999. Вып. 34. С. 58–67.

Григорьев В.П., Скорый С.А. Курганы у с. Гладковщина – памятники эпохи скифской архаики в Левобережной террасовой лесостепи // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa / Wojciech Blajer (red.). Krakow: Wydawnictwo Profil-Archeo, 2012. С. 441–459.

Гуцалов С.Ю. Курган раннескифского времени на Илеке // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3 / Отв. ред. Н.Л. Моргунова. Оренбург: Димур, 1998. С. 127–136.

Дворниченко В.В., Плахов В.В., Очир-Горяева М.А. Погребения ранних кочевников из Нижнего Поволжья // РА. 1997. № 3. С. 127–141.

Денисов А.В. Меч келермесского типа с территории Самарской области // Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». 2012. № 3. С. 65–67.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: ЧИГУ, 1991. 122 с.

Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 151 с.

Іллінська В. А. Скіфські сокири // Археологія. 1961. Т. XII. С. 27–53.

Ильинская В.А. Скифы Днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.

Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясьмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. 222 с.

- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–64.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА; № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Канторович А.Р., Петренко В.Г., Маслов В.Е.* Раскопки кургана раннескифской эпохи у г. Новопавловска // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VII / Отв. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2007. С. 168–207.
- Ковпаненко Г.Т.* Раскопки Трахтемировского городища // Археологические исследования на Украине 1965–1966 гг. Вып. 1 / Отв. ред. П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1967. С.103–106.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. Киев: Наукова думка, 1981. 160 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья. Киев: Наукова думка, 1989. 333 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры. Т. 4: Западный вариант (систематизация и хронология) / САИ. Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1995. 165 с.
- Козенкова В.И., Найдено А.В.* Кобанский могильник близ станицы Исправной (Ставропольского край) // СА. 1980. № 1. С. 195–210.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: ММНК / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000. С. 104–113.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: Школа, 2009. С. 29–55.
- Махортых С.В.* Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 132 с.
- Махортых С.В.* Раннескифские удила на юге Восточной Европы // Древности 2013. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 12 / Отв. ред. С.И.Посохов. Харьков: НТМТ, 2013. С. 163–178.
- Махортых С.В.* Об одной группе раннескифских памятников Днепровского лесостепного Правобережья // Revista Arheologică, serie nouă. Vol. X, nr. 1-2. Кишинев, 2014. С. 69–78.
- Махортых С.В.* Конское снаряжение раннескифского времени на юге Восточной Европы // Старожитності раннього залізного віку / Археологія і давня історія України. Вип. 2 (15) / Отв. ред. С.А.Скорий. Київ: ІА НАНУ, 2015. С. 103–114.
- Махортых С.В.* Скифские зеркала эпохи архаики на Северном Кавказе и в лесостепном Поднепровье // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ИА МОН РК, 2016. С. 297–323.
- Махортых С.В.* К вопросу о контактах населения Предкавказья с Поволжьем и Южным Уралом в VI в. до н.э. // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур / Отв. ред. О. Онгарулы. Алматы: ИА МОН РК, 2016а. С. 128–141.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. Київ-Кам'янець-Подільський: ІА НАНУ, 2008. 439 с.
- Очир-Горяева М.А.* Колчаные наборы кочевников скифской эпохи Нижнего Поволжья и Южного Приуралья // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК памяти А.И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 265–281.
- Патрушев В.С.* Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 229 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Петровська Є.О.* Курган VI ст. до н.е. біля с. Мала Офірна на Київщині // Археологія. 1968. № 21. С. 164–174.
- Прушевская Е.О.* Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове // ИАК. 1917. Вып. 63. С. 31–58.
- Руденко К.А.* Остров “Мурзиха” и его окрестности. Казань: Школа, 2002. 207 с.
- Рябкова Т.В.* Уздечные принадлежности скифского типа из Тейшебаини // Российский археологический ежегодник. №2 / Отв. ред. С.Б. Вишняцкий. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 360–382.
- Скуднова В.М.* Погребения с оружием из архаического некрополя Ольвии // Записки Одесского археологического общества. Т. 1 (34) / Отв. ред. М.С. Синицын. Одесса: Одес. кн. изд-во, 1960. С. 60–74.
- Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 168 с.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 379 с.

Супруненко О, Золотницький Б, Кулатова І. Кургани біля с. Карпусі під Полтавою. Полтава: Археологія, 1996. 85 с.

Техов Б.В. Скифы и Центральный Кавказ в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника). М.: Наука, 1980. 93 с.

Техов Б.В. Скифы и материальная культура Центральная Кавказа в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980а. С. 219–257.

Фиалко О, Болтрик Ю. Напад скифів на Трахтемирівське городище. Київ: ІА НАНУ, 2003. 150 с.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 261 с.

Черненко Е.В. Древнейшие скифские парадные мечи (Мельгунов и Келермес) // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 7–30.

Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.

Членова Н.Л. Могильник VI в. до н.э. Султан-гора III под Кисловодском // Древности Евразии в скифо-сарматское время / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1984. С. 235–241.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (*город Гелон*). Киев: Наукова думка, 1987. 182 с.

Шрамко И.Б. Роговые наконечники луков с Западного Бельского городища // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / Труды Государственного Эрмитажа; Т. 77 / Науч. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 487–511.

Шишлов А.В, Федоренко Н.В, Колтакова А.В, Кононенко А.П. Материальная культура Владимировского могильника // Исторические записки. Вып. 5. Новороссийск: Вариант, 2007. С. 4–19.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. М.: Наука, 2007. 425 с.

Яблонский Л.Т, Трунаева Т.Н, Веддер Дж., Девис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников «Покровка 1» и «Покровка 2» в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2 / Отв. Ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 1994. С. 4–60.

Anlagen G., Bilgi Ö. Weapons of the Protohistoric Age. İstanbul: Sadberk Hanım Müzesi, 1989. 119 p.

Haerinck E., Overlaet B. Chamahzi Mumah. An Iron Age III Graveyard / Luristan Excavation Documents 2 (Acta Iranica 35). Leuven, 1998. 218 p.

Haerinck E., Overlaet B. Djub-i and Gul Khanan Murdah. Iron Age III graveyards in the Aivan plain / Luristan Excavation Documents 3 (Acta Iranica 35). Leuven, 1999. 245 p.

Haerinck E., Overlaet B. The Iron Age III graveyard at War Kabud Pusht-i Kuh, Luristan / Luristan excavation documents 5 (Acta Iranica 42). Leuven, 2004. 293 p.

Hrouda B. Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes // E. Ebeling & B. Meissner (eds.). Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde. Bd. 2. Bonn, 1965. 211 s.

Mehnert G. Skythika in Transkaukasien: reiternomadische Sachkultur im archäologischen Fundkontext. Wiesbaden, 2008. 320 s.

Pickworth D. Excavations at Nineveh: The Halzi Gate // Iraq. Vol. 67, no. 1. Pp. 295–316.

Информация об авторе:

Махортых Сергей Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии НАН Украины (г. Киев, Украина); makhortykh@yahoo.com

THE SCYTHIAN-CAUCASIAN DIRECTION OF CONTACTS OF THE POPULATION OF THE ANANYINO CULTURE IN 7TH-6TH CENTURIES B.C.¹⁰

S.V. Makhortykh

The paper considers the relations of the North Caucasus and the forest-steppe Dnieper region with the Volga-Kama region. These contacts are traced for the most part of the Early Scythian period, although the peak of their activity corresponds to the second half of 7th - first half of 6th centuries B.C. The armament and horse harness items with a Scythian appearance discovered at the sites of the Ananyino culture are distinguished by a

¹⁰ The author expresses his gratitude to the Swiss National Science Foundation (SNF) for the support of this publication within the framework of the project IZ73Z0_152732 / 1

significant typological and chronological diversity. They comprise two chronological groups. The first earlier group generally dated the second half - late 7th century B.C. is represented by iron axes with a double blade or a pointed back and blade weapons of the 'kelermes' type, as well as daggers with a straight crossguard, bronze stirrup-shaped bits, socketed arrowheads with rhombic feathers, etc. The primary distribution area of these artefacts is the Middle Volga region. The second group of items is newer in terms of chronology, and it is primarily dated the first half - middle of the 6th century B.C. It is represented by iron axes with wider backs, daggers with antenna-shaped finials and various crossguards, three-lobed arrowheads of various modifications, iron looped bits, bronze harness attachments, etc. Along with the Middle Volga, significant concentrations of certain aforesaid items, particularly the iron daggers of the 'Scythian' type have also been discovered in the Kama region.

Keywords: Ananyino cultural and historical region, Scythians, Caucasus, armament and horse harness; 7th-6th centuries B.C.

Information about the author:

Makhortykh Sergey V., Dr. Hab (History), Principal research scientist, Institute of Archaeology, Ukrainian Academy of Sciences (Kiev, Ukraine); makhortykh@yahoo.com

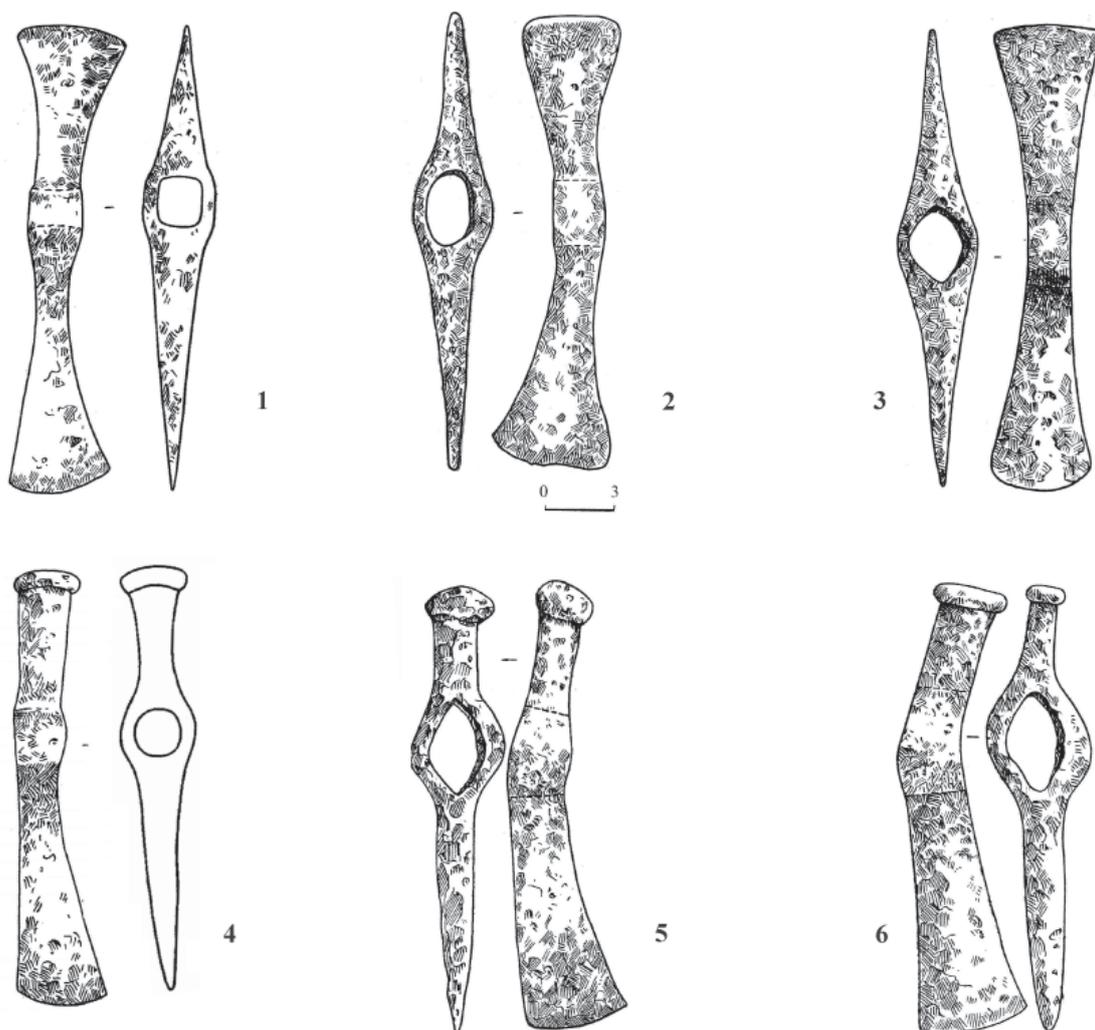


Рис. 1. Железные боевые топоры из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – погребение 183; 2 – погребение 808; 3 – раскоп 1969 г.; 4 – погребение 336; 5 – погребение 421; 6 – раскоп 1967 г. (по: Патрушев, Халиков, 1982).

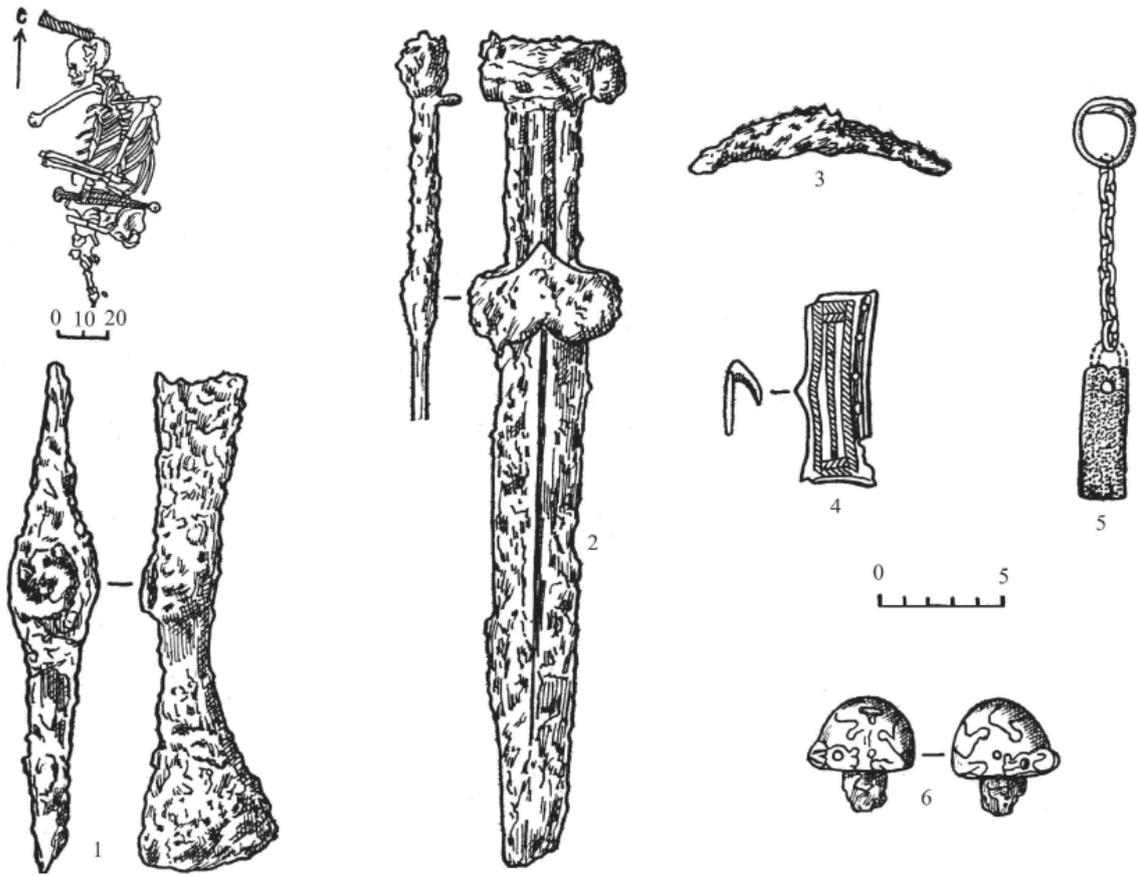


Рис. 2. Погребение и инвентарный комплекс 164 Тлийского могильника (по: Техов, 1980).

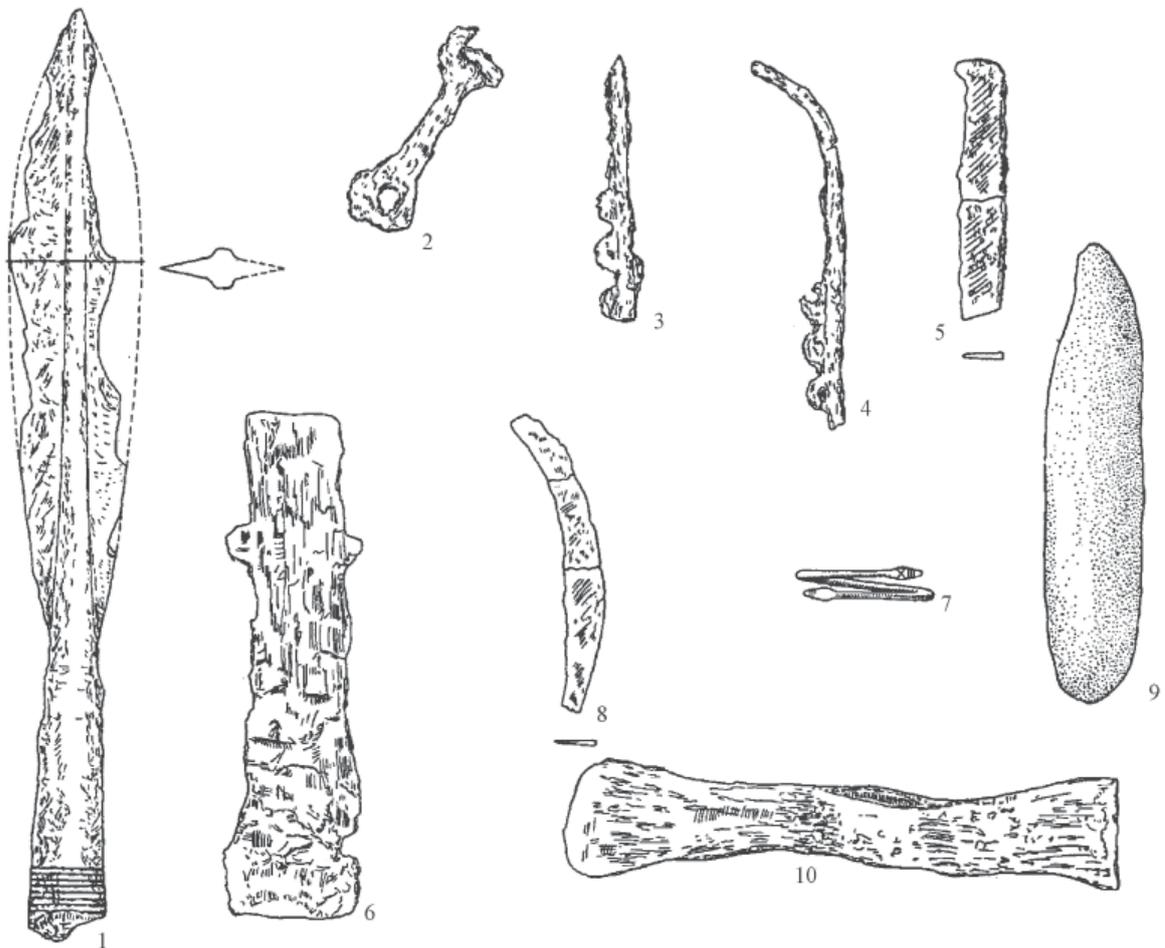


Рис. 3. Погребальный инвентарь кургана у с. Малая Офирна (по: Петровская, 1968).

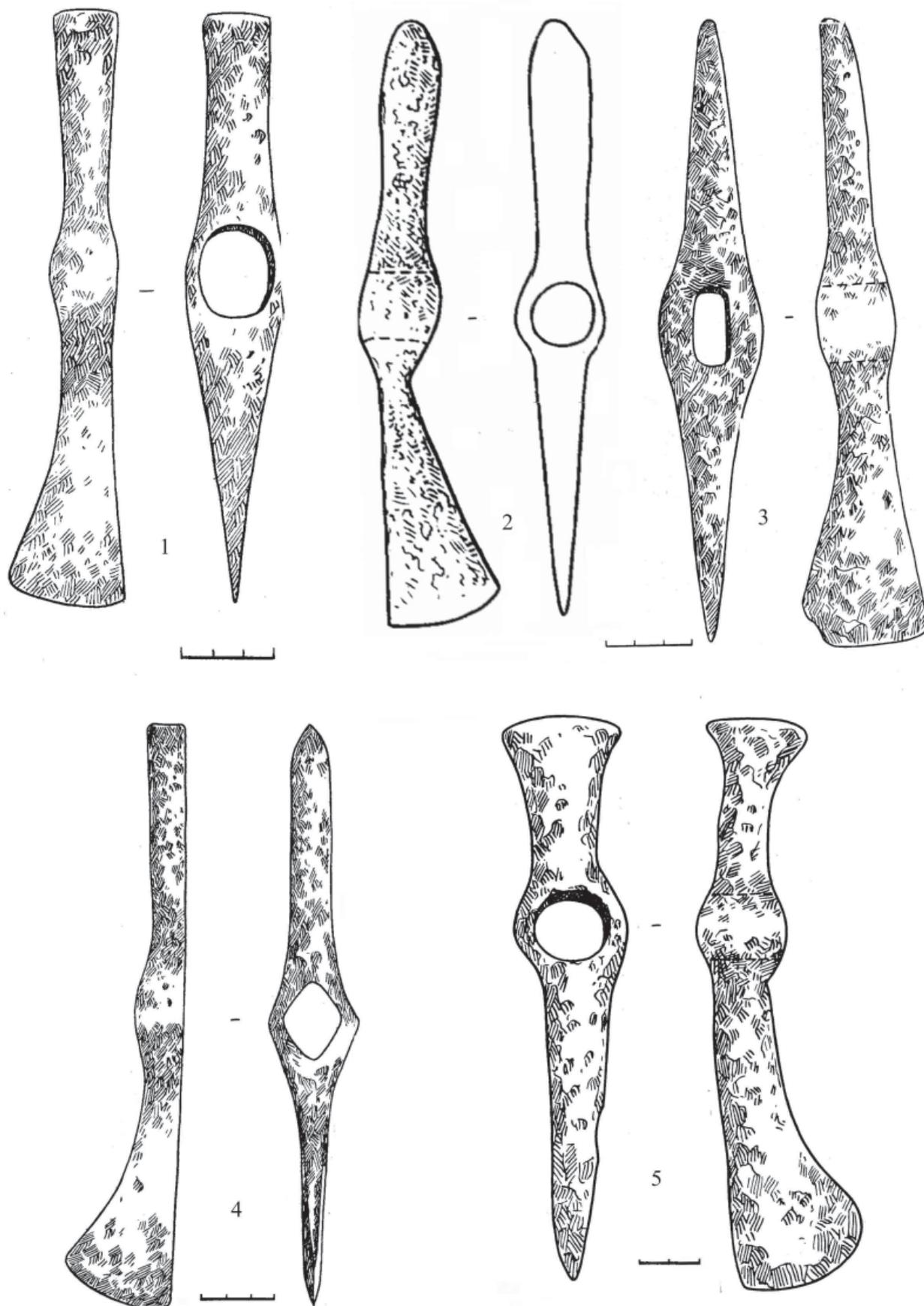


Рис. 4. Железные боевые топоры из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – погребение 71; 2 – погребение 543; 3 – погребение 909; 4 – раскоп 1962; 5 – погребение 743 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

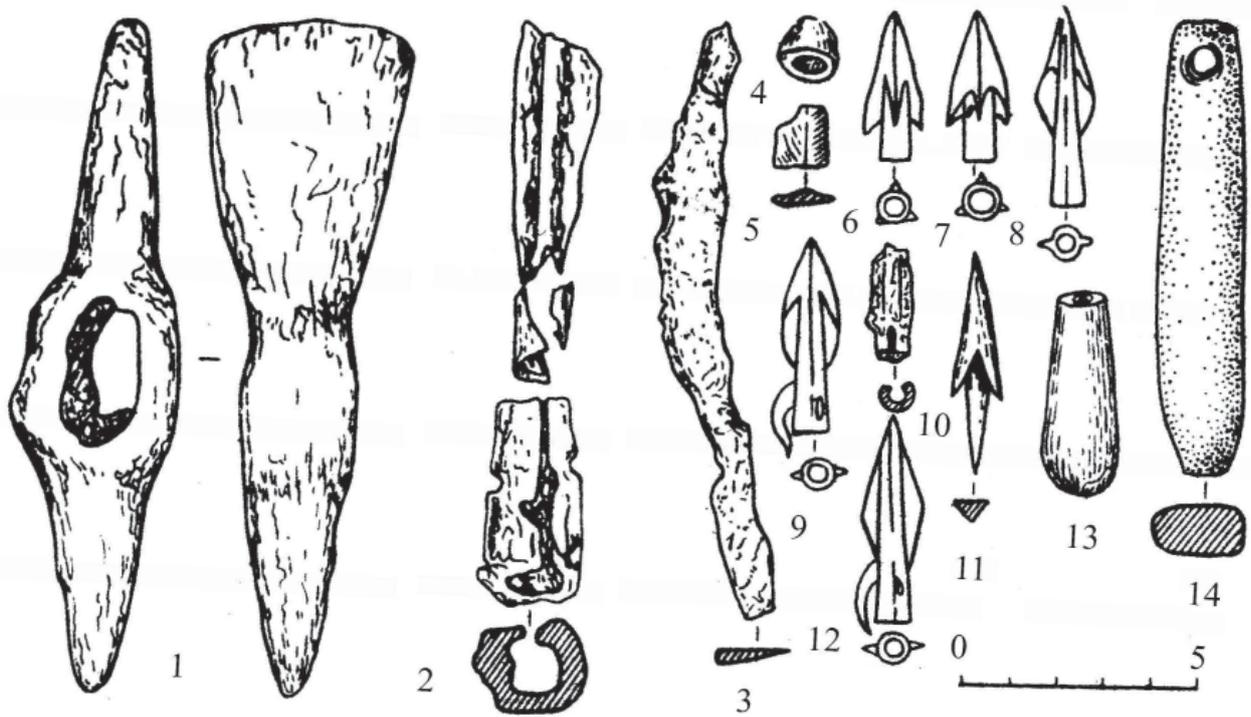


Рис. 5. Погребальный инвентарь из погребения 1 могильника у станицы Исправной (по: Козенкова, Найдено, 1980).

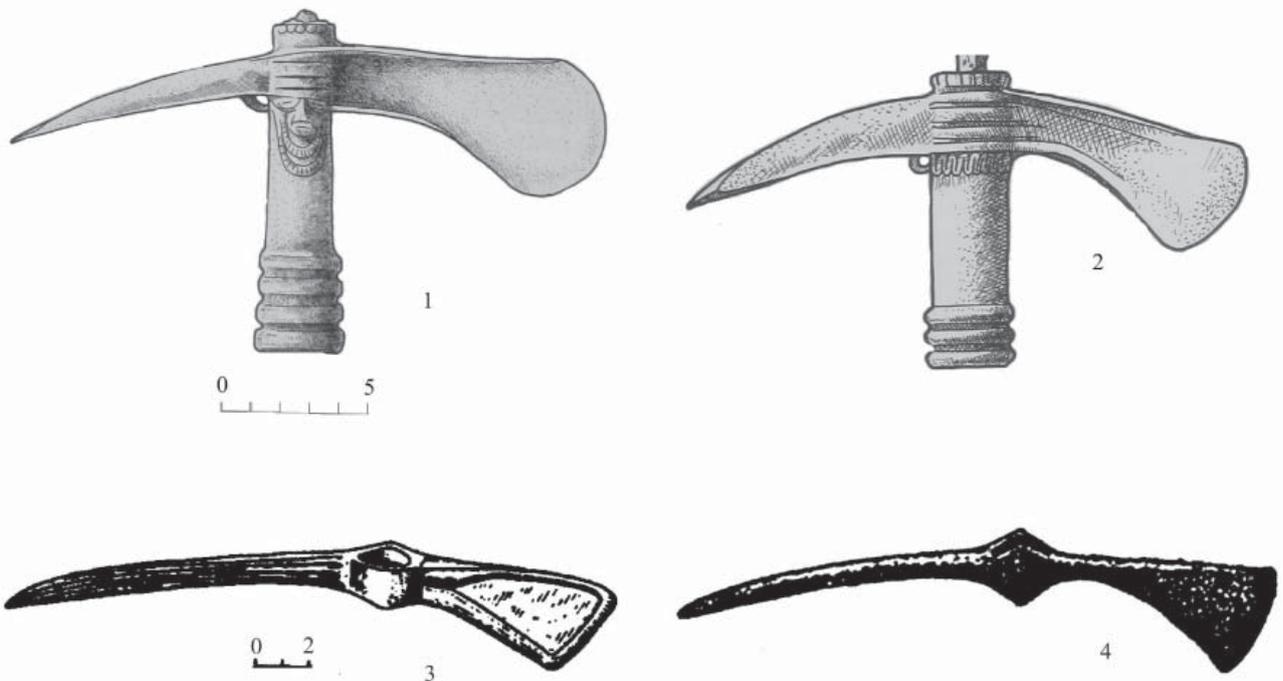


Рис. 6. Металлические топоры-клевцы из памятников Луристана и Восточной Европы: 1 – War Kabud (погребение В 188) ; 2 – Gul Khanan Murdah (погребение 80); 3 – курган близ Цукурского лимана; 4 – Трахтемировское городище (по: Мельюкова 1964; Ковпаненко 1967; Haerinck, Overlaet, 1999; Haerinck, Overlaet, 2004).

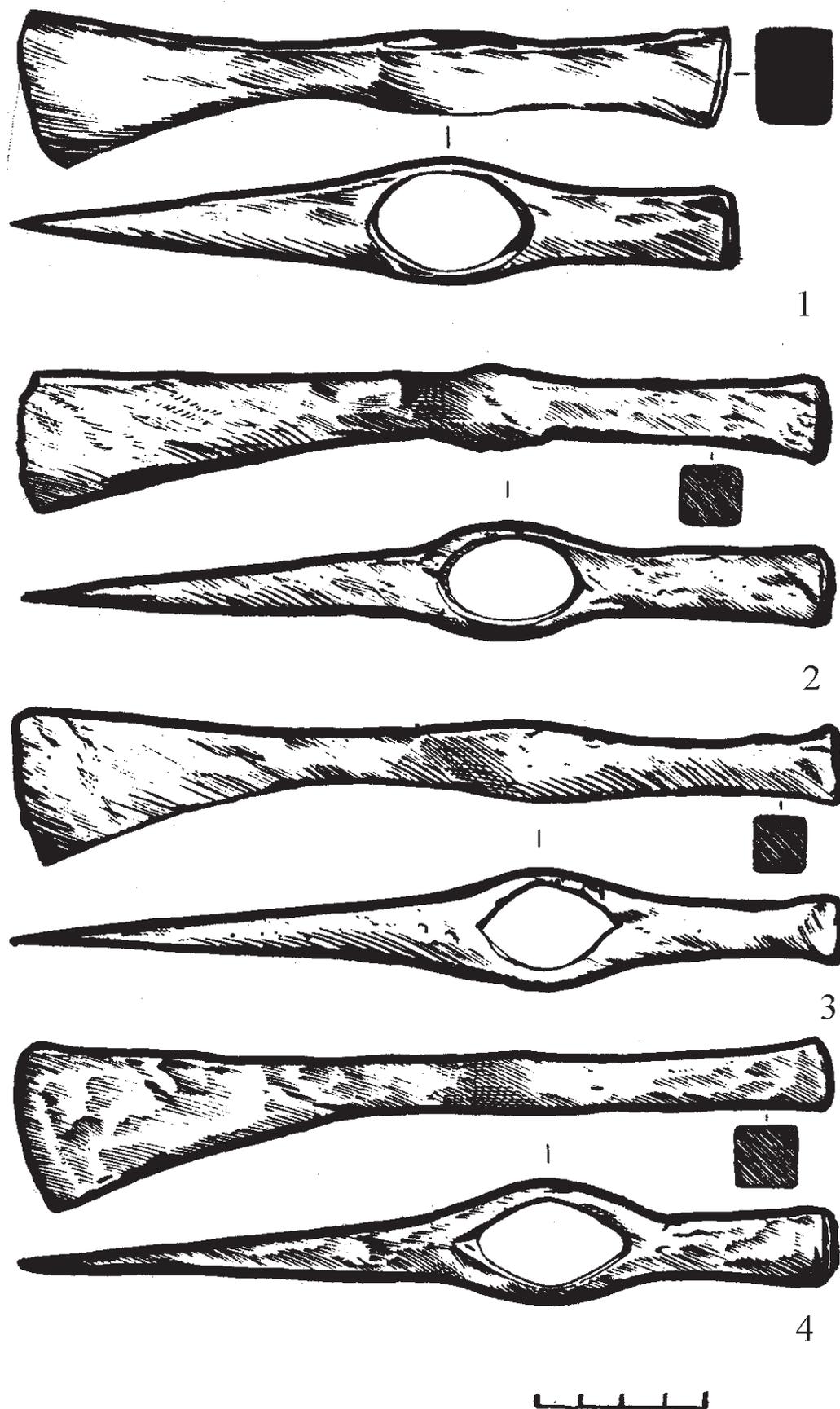


Рис. 7. Железные боевые топоры из Келермесского грунтового могильника: 1 – погребение 27; 2 – погребение 18; 3 – погребение 29; 4 – погребение 23 (по: Галанина, 1989).

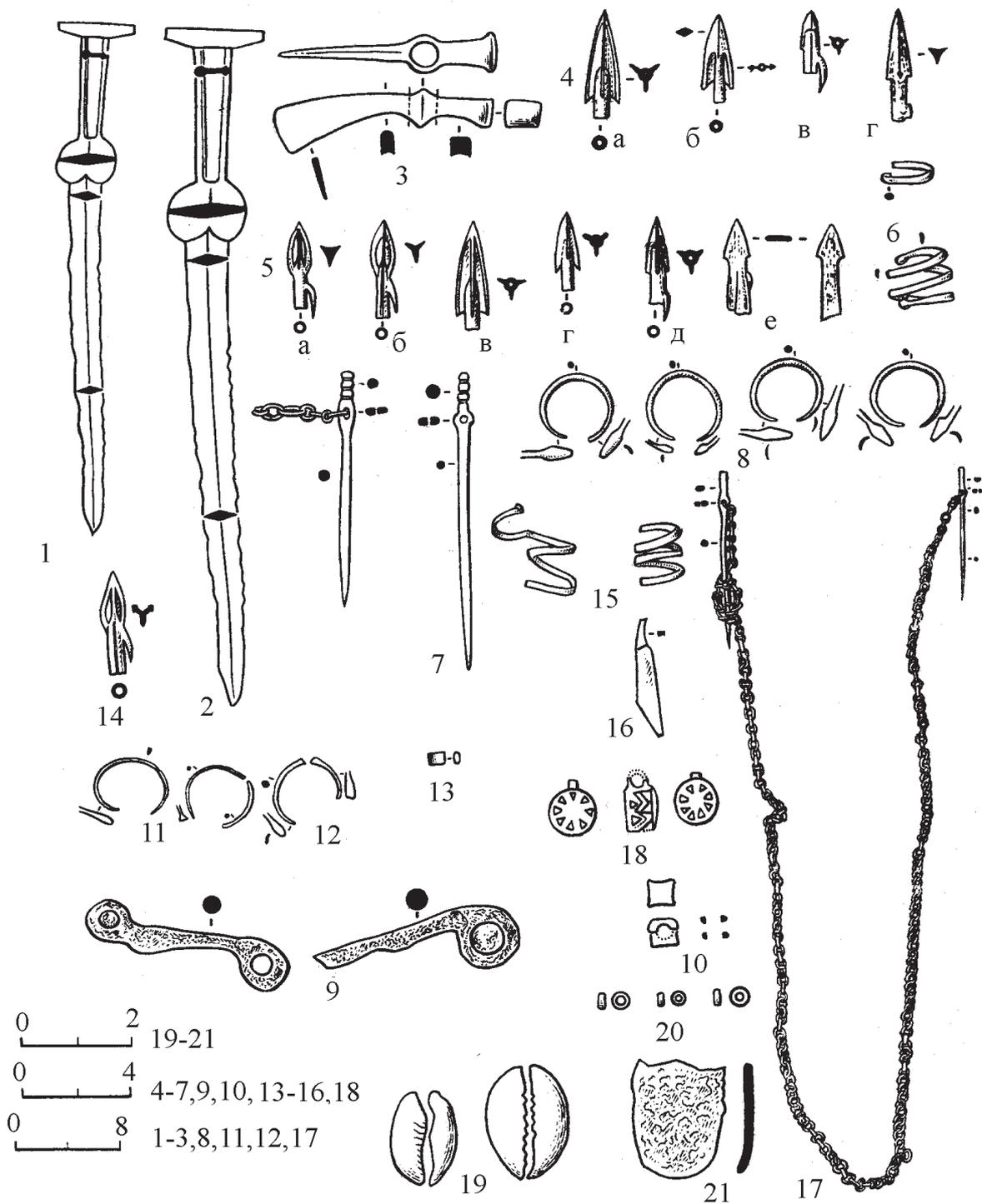


Рис. 8. Находки из сооружения 1 могильника Султан-гора Ш (1, 3-21) и Мало-Карачаевского района (2) (по: Членова, 1984).

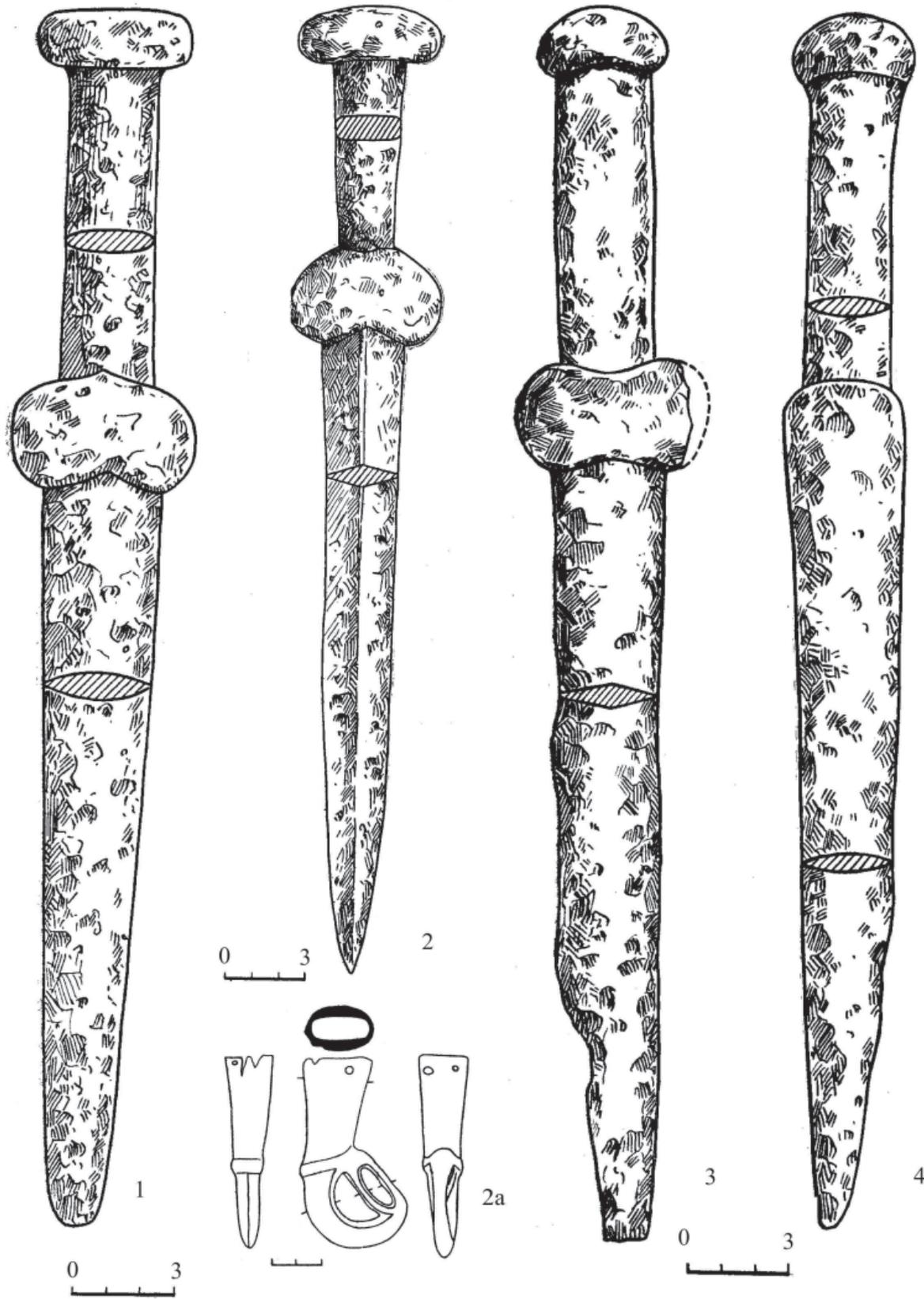


Рис. 9. Железные кинжалы из Старшего Ахмыловского могильника: 1 – раскоп 1965 г.; 2-2а – погребение 336; 3 – погребение 250; 4 – погребение 273 (по: Патрушев, Халиков, 1982; Кузьминых, 1983).

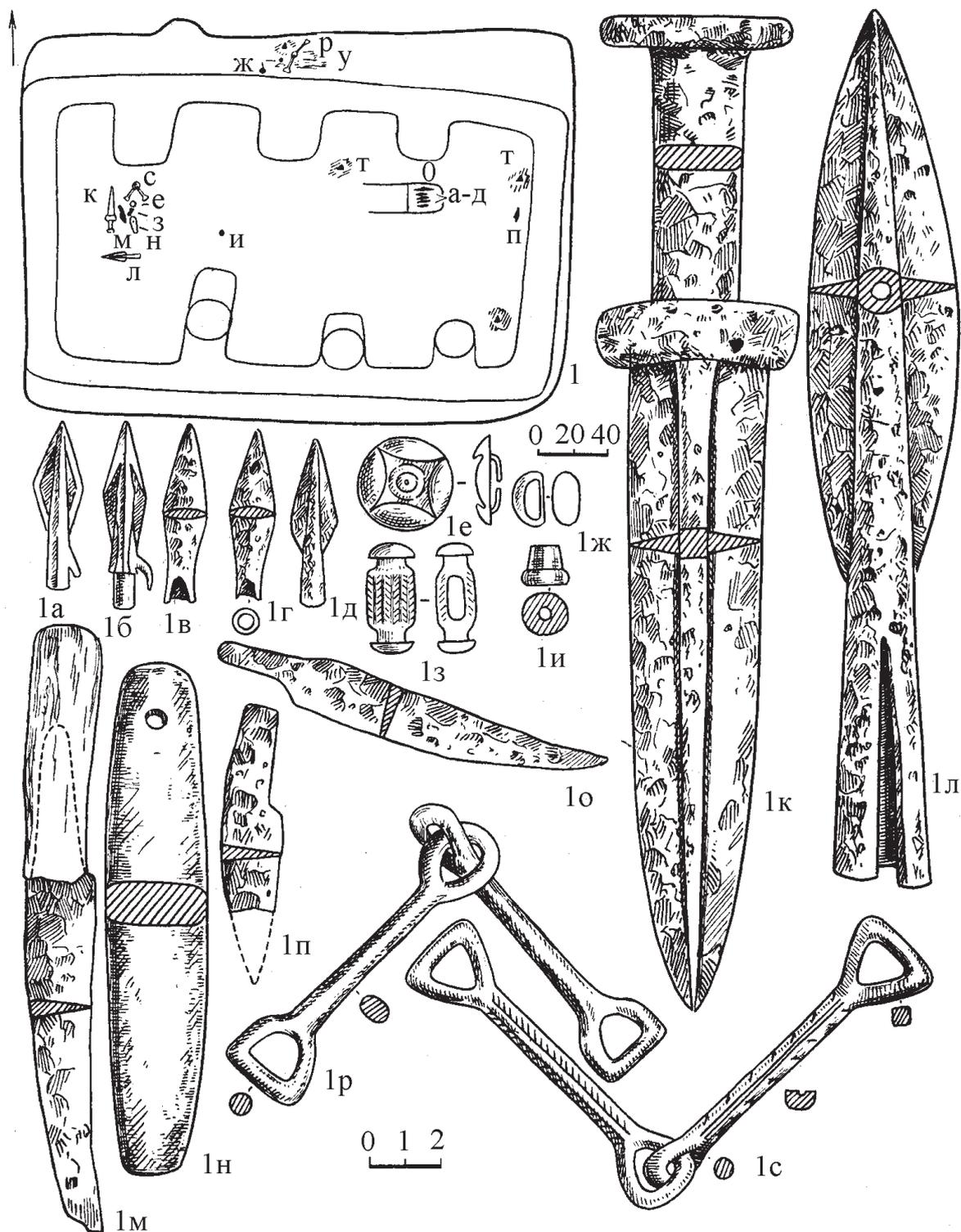


Рис. 10. План и инвентарь погребения 383 Старшего Ахмыловского могильника (по: Патрушев, Халиков, 1982).

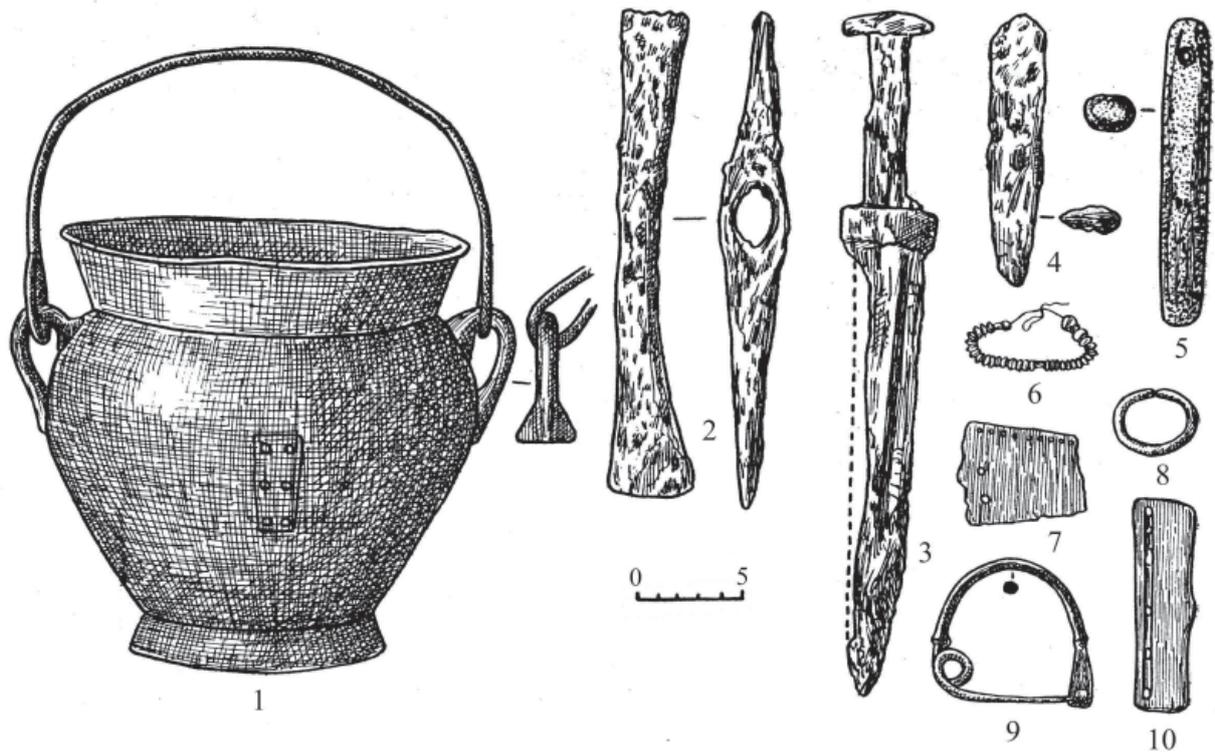


Рис. 11. Комплекс из погребения 205 Тлийского могильника (по: Техов, 1980).

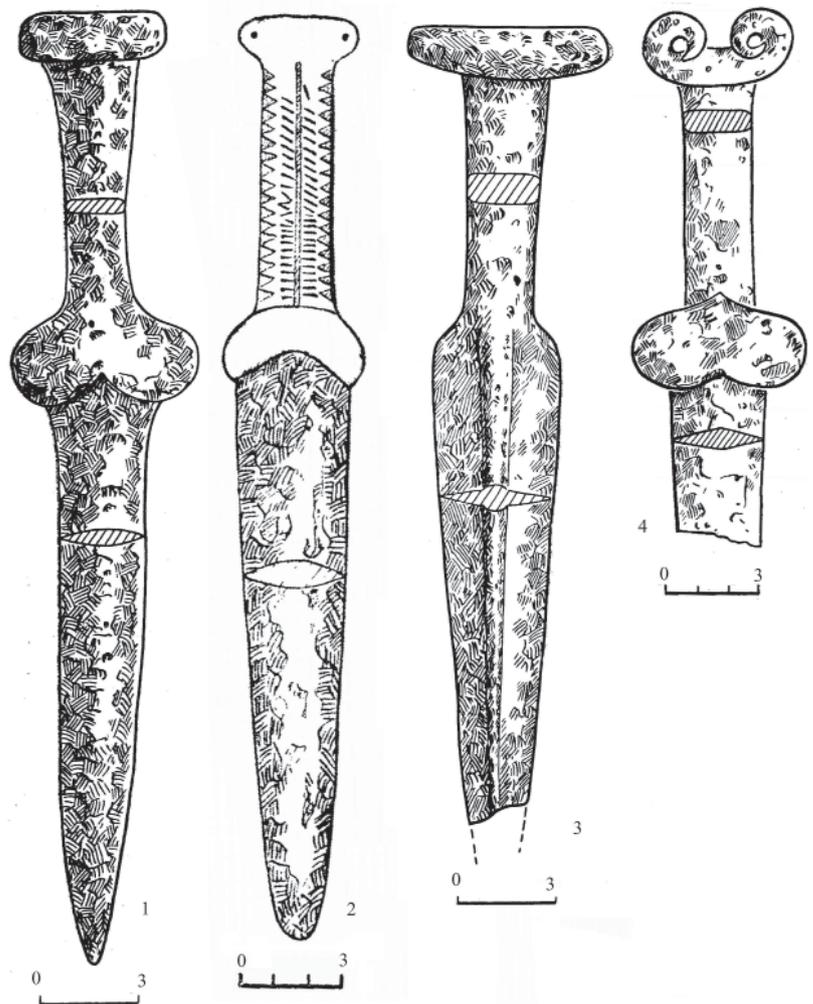


Рис. 12. Клинковое оружие Старшего Ахмыловского могильника:
 1 – погребение 534; 2 – погребение 704;
 3 – погребение 711; 4 – погребение 226 б
 (по: Патрушев, Халиков, 1982).

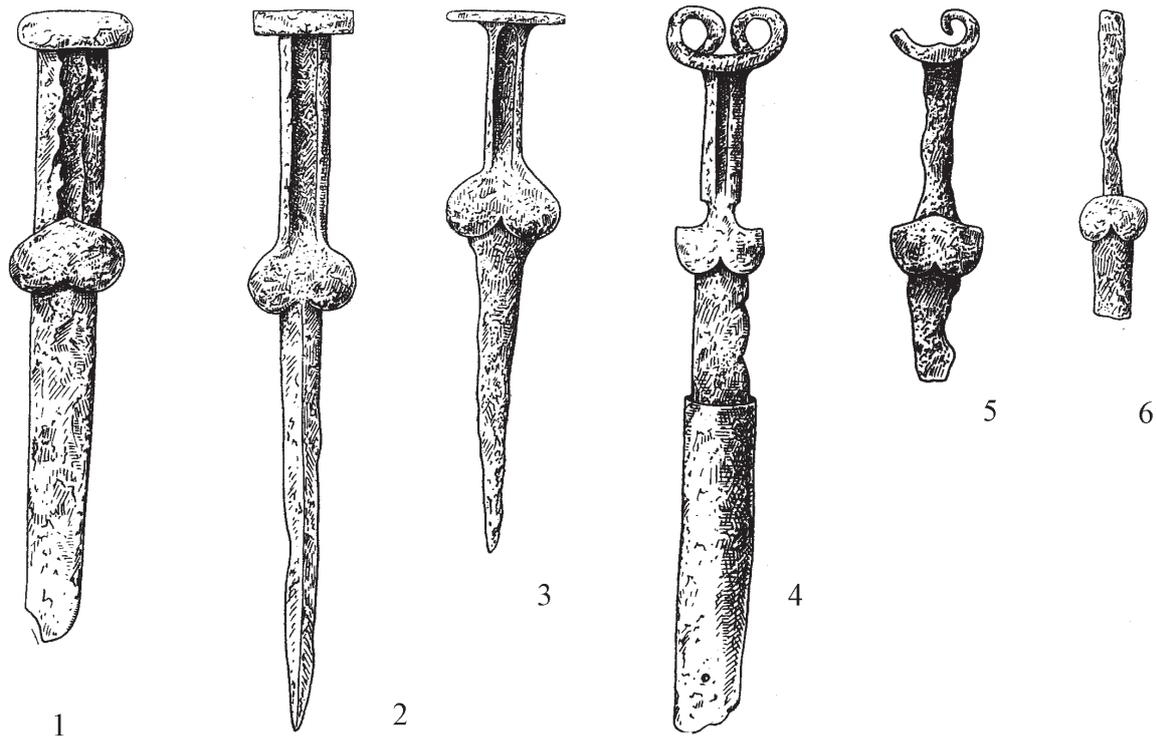


Рис. 13. Мечи и кинжалы «скифских» типов из могильников Прикамья: 1 – Ананьинский могильник; 2 – погребение 18 Ананьинского могильника; 3 – погребение 207 Зуевского могильника; 4 – погребение 46 Ананьинского могильника; 5 – погребение 23 Ананьинского могильника; 6 – погребение 130 Зуевского могильника (по: Збруева, 1952).

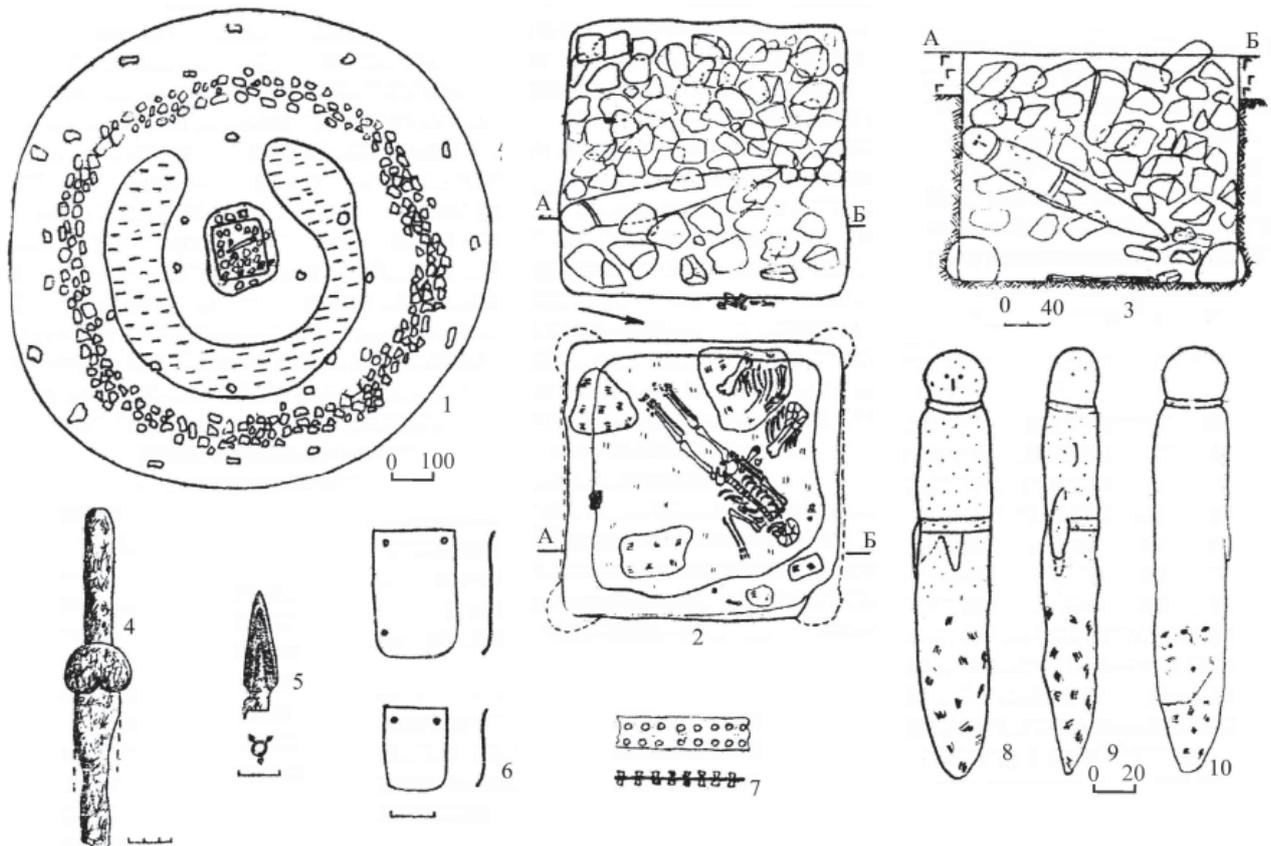


Рис. 14. Курган 2 у с. Большемихайловка Днепропетровской области (по: Мухопад, 1984).

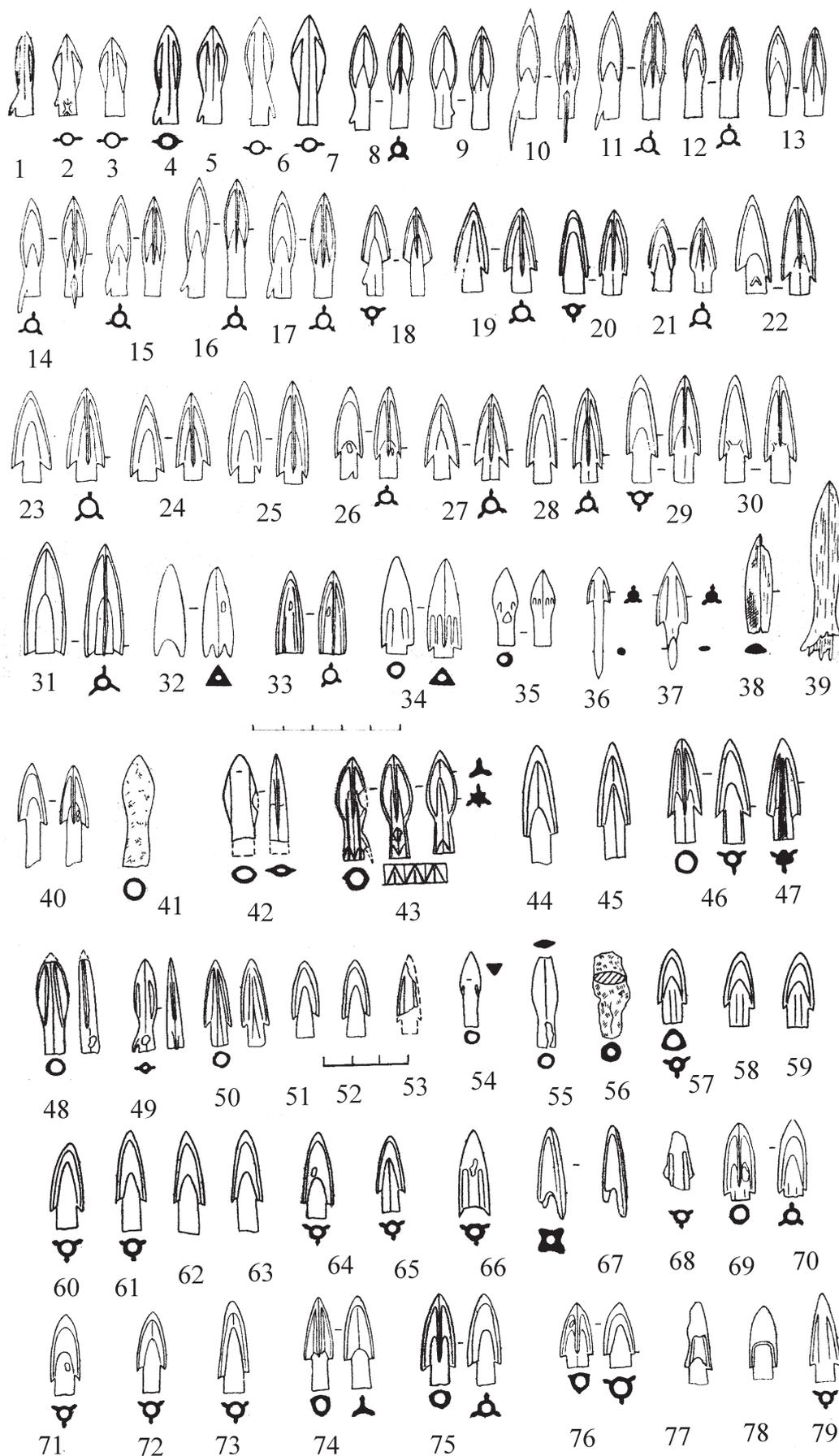


Рис. 15. Наконечники стрел из комплексов Старшего Ахмыловского могильника: 1–41 погребение 926; 42–47 – погребение 704; 48–56 – погребение 949; 57–66 – погребение 578; 67–79 – погребение 750 (по: Кузьминых, 1983).

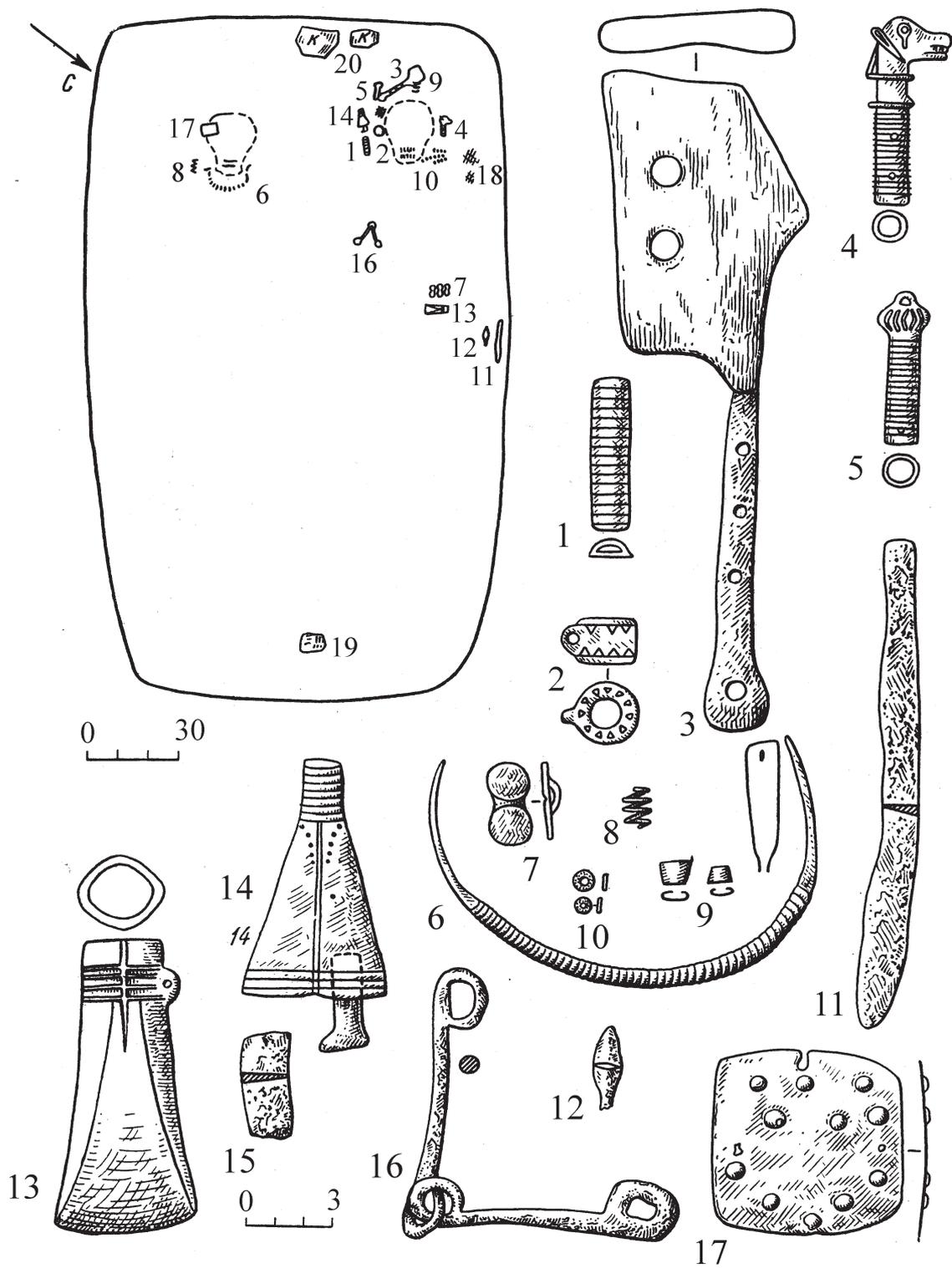


Рис. 16. План и инвентарь погребения 83 Акозинского могильника (по: Халиков, 1977).

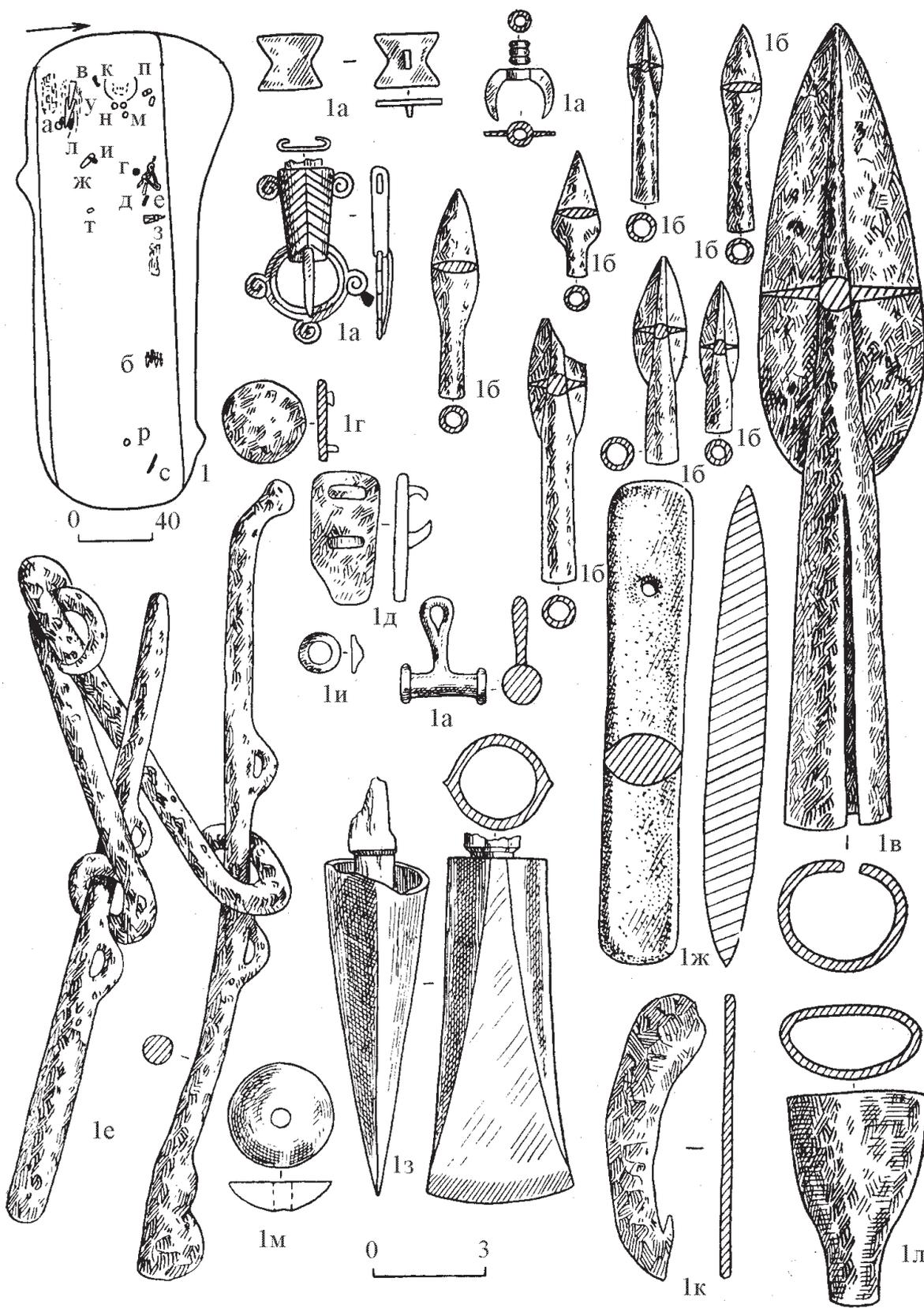


Рис. 17. План и инвентарь погребения 900 Старшего Ахмыловского могильника (по: Патрушев, Халиков, 1982).

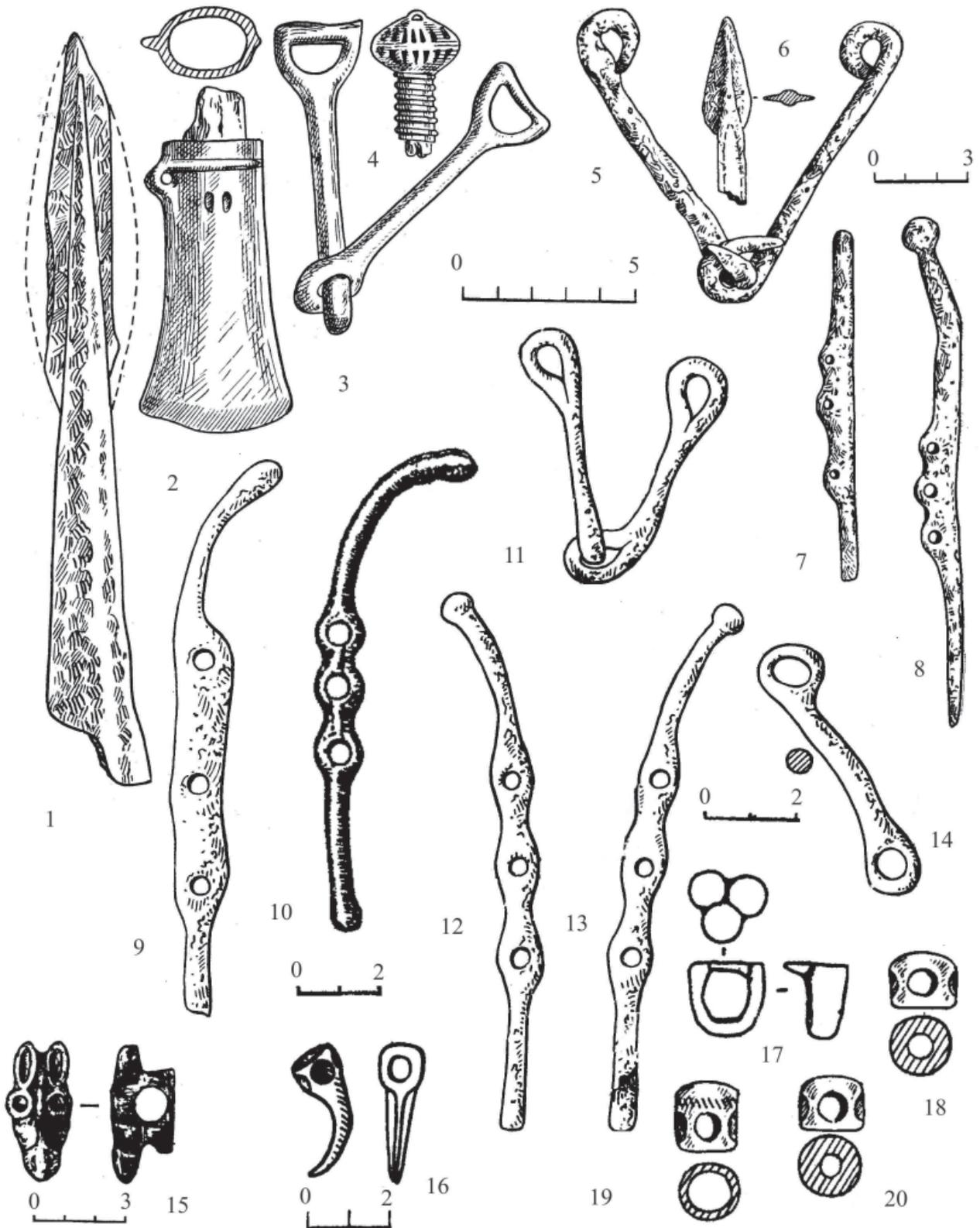


Рис. 18. Предметы конского снаряжения из раннеананьинских памятников: 1–4 – погребение 524 Старшего Ахмыловского могильника; 5–8 – погребение 110 Старшего Ахмыловского могильника; 9 – Акозинский могильник; 10 – погребение 7 Мурзихинского I (IV) могильника; 11–13 – погребение 98 Акозинского могильника; 14 – Старший Ахмыловский могильник; 15 – погребение 2 Убеевского могильника; 16 – погребение 70 Старшего Ахмыловского могильника; 17 – Мурзихинский I (IV) могильник; 18–20 – погребение 104 Старшего Ахмыловского могильника (по: Халиков, 1977; Патрушев, Халиков, 1982; Руденко, 2002; Чижевский, 2008)

УДК 94(477):902.2:351.853

О КАРАВАННОМ ПУТИ ИЗ ОЛЬВИИ НА УРАЛ И В ПОВОЛЖЬЕ И ВОПРОСЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЗЕРКАЛ И КРЕСТОВИДНЫХ БЛЯХ

© 2017 г. С.Я. Ольговский

В статье рассматривается возможность существования торгового пути от Ольвии до Урала и Поволжья в архаическое время. Такое предположение было высказано в середине XX в. ошибочно, поскольку Ольвия на фоне недостаточной исследованности скифских памятников выглядела развитым ремесленным центром, продукция которого распространялась в самые отдаленные области. Последние исследования скифских ремесленных центров позволяют считать их более мощными и развитыми, и хотя греческие купцы были там частыми гостями, дальше на восток они не проникали, и скифы сами распространяли свою продукцию до Урала и Поволжья. «Ольвийские» зеркала и крестовидные бляхи с элементами скифского звериного стиля не могут служить доказательством связей Ольвии с этими областями, поскольку не являются продукцией ольвийских литейщиков.

Ключевые слова: звериный стиль, «ольвийские» зеркала, крестовидные бляхи, караванный путь бронзолитейное ремесло, ремесленный центр.

В середине XX века Б.Н. Граковым было высказано предположение о существовании постоянно действующего торгового пути из Ольвии в Поволжье и на Урал, который якобы активно функционировал в VI–V вв. до н.э. (Граков, 1947). В качестве подтверждения этой гипотезы были приведены некоторые пассажи из четвертой книги «Истории» Геродота и отдельные категории изделий, которые ранее неопровержимо считались продукцией ольвийских литейщиков и были известны из раскопок в Поволжье. Таким образом, были затронуты вопросы этногеографии Скифии, и в очередной раз Ольвия была представлена как решающий фактор в развитии торговых и культурных связей в Северном Причерноморье и с более отдаленными районами.

Прежде всего, Б.Н. Граков обратил внимание на перечисление Геродотом племен, населявших земли на предполагаемом пути, и указанные им при этом расстояния. Так, за Борисфеном, по Геродоту, расположены земли скифов-земледельцев, а за ними на восток после 14 дней пути до реки Геррос лежат земли скифов-кочевников. Герросом, по мнению Б.Н. Гракова, могла быть р. Молочная или Конка.

Отметим, что окончательно вопрос о локализации Герроса не решен до сих пор, но, по-видимому, указания Геродота о местоположении царского некрополя не следует воспринимать конкретно. В.П. Белозер считает, что 40-дневный срок путешествия умершего в обитель героев находит аналогии в гимнах Авесты и нартском эпосе. А древнесканди-

навский эпос представляет точные аналогии со скифскими верованиями относительно посмертного путешествия героя. Так, например, Валькирия, встречающая павшего на поле брани воина у входа в священную Вальгаллу, вполне соответствует героине распространённого в скифском изобразительном искусстве сюжета встречи женщины и воина, наделенных сакральными атрибутами. То есть под Геррами следует понимать предков по мужской линии в целом, либо героизированных предков, воинов павших в бою (Белозер, 1987, с. 20), и попытки отождествления реки Геррос с какой-либо из современных рек бесперспективны.

Далее за Танаисом на 15 дней пути Геродот называет земли савроматов — первого нескифского народа. То, что у древнего автора называются условные расстояния, Б.Н. Граков считает доказательством того, что речь идет именно о постоянно используемом караванном пути (Граков, 1947, с. 23, 24). Но за землями савроматов о расстояниях у Геродота ничего не говорится и дальше описываются плешивые люди и сказочные земли, населенные козлоногими людьми, которые спят по шесть месяцев в году.

Совершенно очевидно, что за землями савроматов заканчиваются знания греческих информаторов Геродота о более отдаленных землях и племенах. И хотя, по свидетельству историка, об этих далеких восточных землях можно узнать не только от скифов, но и от греков из причерноморских городов, Б.Н. Граков относительно этого пишет:

«Я считаю, что, скорее всего, там бывали **только скифы**, которые поставляли восточные товары в греческие города, **а не греки**» (выделено мною — С. О.) (Граков, 1947, с. 25). Впрочем, эту фразу в работе Б.Н. Гракова последующие исследователи странным образом не заметили, но статья в целом стала основополагающей, и начали выстраиваться схемы, на которых Ольвия изображалась отправным пунктом для распространения различных товаров в самые отдаленные районы ойкумены. При этом Ольвия архаического времени называлась наиболее развитым ремесленным центром из всех причерноморских колоний, в мастерских которой изготавливались различные изделия из цветных металлов для удовлетворения варварского рынка. А своеобразие продукции, типы изделий, техника отливки и стиль якобы свидетельствовали о «специфически ольвийском характере изделий и созданном в Ольвии VI в. до н.э. особом художественном стиле» (Прушевская, 1955, с. 328). Позже будут предприняты попытки выделить даже особую ольвийскую школу звериного стиля (Островерхов, 1994, с. 67). Сам же Б.Н. Граков, веря в исключительность ольвийского ремесла и считая продукцией ольвийских литейщиков оригинальные зеркала и крестовидные бляхи, в декоре которых использовались элементы скифского звериного стиля, использовал их для подтверждения постоянных связей Ольвии с Уралом и Поволжьем в архаическое время.

Но действительно ли греческие колонии Северного Причерноморья, и в частности Ольвия, обеспечивали местный рынок изделиями в варварском стиле, особенно в архаическое время.

Думается, мнение о высокому уровне развития греческой культуры в Северном Причерноморье, которая якобы определяла направление развития местной культуры, сложилось в силу большей изученности последней. К середине XX в. в исследовании античных и скифских памятников сложилась некоторая диспропорция. Если греческие колонии, хотя и с перерывами, всесторонне исследовались с рубежа XVIII–XIX вв., то культура скифского населения изучалась лишь эпизодически и в основном по материалам погребальных памятников, причем преимущественно курганов скифской знати. Материалы же поселений и городищ сравнительно мало привлекали внимание исследователей. Только в конце XIX в. А.А. Бобринский и И.А. Зарецкий произвели эпизодические разведывательные

работы соответственно на Бельском и Лихачевском городищах, а затем В.А. Городцов в начале XX в. на Западном укреплении Бельского городища исследовал один из зольников. И хотя при этих, по существу случайных и небольших по объему, работах сразу были обнаружены медные шлаки, руда и полуфабрикаты наконечников стрел (что свидетельствовало о местной металлообработке), этот факт остался без внимания исследователей.

Активное исследование скифских памятников оседлого быта началось в середине XX в., и сейчас на правом берегу Днепра известны Трахтемировское, Жаботинское, Шарповское, Мотронинское городища; на Левобережье — Бельское, Коломакское, Кнышевское, Люботинское, Лихачевское, Полковая Никитовка. Все эти городища функционировали в VI–V вв. до н.э. и являлись крупными ремесленными и торговыми центрами. Мастерские с плавильными горнами, наборы уникальных инструментов, литейные формы, товарные слитки металла, разнообразные отходы производства, готовая и бракованная продукция по своему разнообразию и многочисленности значительно превышают аналогичные находки из греческих колоний в целом и из Ольвии в частности. Поэтому миф об исключительности колониального ремесла можно считать развеянным.

Теперь остановимся на зеркалах так называемого «ольвийского» типа и крестовидных бляхах, в декоре которых присутствуют элементы скифского звериного стиля и которые Б.Н. Граков приводит в качестве доказательства ольвийского экспорта на Урал и в Поволжье.

К «ольвийским» относятся зеркала, диск которых имеет по краю невысокий бортик, а боковая ручка с продольными канелюрами, иногда украшенными косой насечкой «елочкой» или круглореберная, украшена на конце фигурками зверей (рис. 4). Это или головка барана, выполненная с различной степенью стилизации, или фигурка хищника — барса или пантеры (рис. 1, 1–3). Достаточно редкими являются зеркала, боковая ручка которых украшена фигуркой животного, условно названного сфинксом (рис. 1, 4). Иногда в месте соединения ручки и диска помещается фигурка лежащего оленя, реже кабана.

В настоящее время известно около 70 зеркал такого типа. Около половины происходит из погребений Ольвийского некрополя, территориально к этой группе можно отнести и несколько экземпляров из раскопок Бере-

занского поселения. Довольно многочисленны такие зеркала в лесостепном Поднепровье и на Северном Кавказе, а также на территории Трансильвании и Семиградья, где их количество практически не уступает коллекции из Нижнего Побужья. Несколько экземпляров известно на памятниках ананьинской культуры в Поволжье.

Крестовидные бляхи являются более типичными для архаической Скифии. Конструктивно они построены в виде центрального круга с изображением животного. Как правило, это пантера, свернувшаяся в кольцо, а с трех сторон размещены еще три круга, также с изображением пантеры, или профилированные головки птиц, или других животных. Эти три круга или ажурные зооморфные фигурки являются короткими концами креста. Четвертый удлиненный четырехугольный конец начинается от свободного края центрального круга и также украшен фигурками зверей.

В настоящее время известно около 30 таких блях и ареал их довольно широкий, как и описанных выше зеркал. Больше всего их известно в Карпато-Дунайском бассейне (18 экз.); обнаружены они также на территории Молдавии, в архаических погребениях в лесостепном Поднепровье и по одному экземпляру известно в Прикамье, в п. 168 Зуевского могильника ананьинской культуры (рис. 2, 7), и в п. 12 Ольвийского некрополя (рис. 2, 3). Как и «ольвийские» зеркала, крестовидные бляхи датируются кон. VI – 1 пол. V в. до н.э.

Еще недавно все зеркала с фигурками зверей на боковой ручке и крестовидные бляхи считались продукцией ольвийских литейщиков, изготовленной для удовлетворения спроса скифской знати. Этот постулат определил направление многочисленных исследований, выводы которых относительно торгово-экономических контактов в Северном Причерноморье между скифским населением и греческими колонистами должны аргументироваться более серьезно.

Остановимся сначала на «ольвийских» зеркалах. Первым «безусловно ольвийскими» назвал зеркала с фигурками животных Б.В. Фармаковский, поскольку изображения зверей, по его мнению, находят сходство с ионийской скульптурой. Соглашаясь с мнением немецкого исследователя XIX в. Г. Гампеля, что такие зеркала могли изготавливаться только в каком-либо античном центре на побережье Черного моря, Фармаковский, учитывая, что, кроме Ольвии, такие изделия в других грече-

ских городах Северного Причерноморья не встречались, утверждал, что именно Ольвия и была единственно возможным местом их изготовления.

Далее исследователь, слишком переоценивая и идеализируя ольвийское бронзолитейное ремесло, допускает, что продукцией ольвийских мастеров, очевидно, являются зеркала, украшенные на конце боковой ручки рельефным изображением цветка лотоса или маской Горгоны (Фармаковский, 1914, с. 27, 28), которые традиционно считаются античным импортом из греческой метрополии. Но только первая часть высказывания Б.В. Фармаковского об ольвийском происхождении зеркал с фигурками животных и по сей день используется исследователями, как единственное доказательство изготовления зеркал в ольвийских мастерских греческими мастерами.

Свои предположения Б.В. Фармаковский ничем не подтверждал ни в тексте своего доклада «Архаический период в России», опубликованном в «Материалах по археологии России» (1914 г.), где они впервые были высказаны, ни в последующих работах. Но это вполне закономерно, поскольку о скифских поселениях и городищах лесостепной полосы, как было показано выше, ничего в то время не было известно, поэтому его точка зрения стала аксиомой, и все авторы, которые ее поддерживают, как основной (и нередко единственный) аргумент, ссылались на указанную работу. Например, Т.Н. Книпович, анализируя инвентарь из одного погребения Ольвийского некрополя, отнесла зеркало со стилизованной головкой барана на боковой ручке к «металлическим изделиям скифского типа, которые в значительном количестве изготавливались в Ольвии в VI в. до н. э., и частично использовались населением Ольвии, частично же вывозились в Скифию» (Книпович, 1941, с. 114). При этом автор считает вполне достаточным сослаться, как на основной аргумент, на известную работу Б.В. Фармаковского.

Б.Ф. Гайдукевич и С.И. Капошина, исследуя скифские элементы в культуре греческих городов Северного Причерноморья, без всяких предположений и аргументов утверждают, что уже в VI в. до н.э. в Ольвии было широко развито производство металлических изделий, в том числе были мастерские, в которых изготавливались художественные изделия, бытовые вещи и оружие. Подтверждением этого, по мнению авторов, можно считать обломки литейных форм и самих изделий.

Какие литейные формы имели в виду Б.Ф. Гайдукевич и С.И. Капошина, не ясно. Литейных форм архаического времени в Ольвии известно всего около десятка и в них отливались только наконечники стрел, ворварки и бусины, то есть и они не могут подтвердить разнообразие литейной продукции ольвийских мастеров. Но эта фраза Б.Ф. Гайдукевича и С.И. Капошиной явилась лишь преамбулой для более ответственного утверждения об изготовлении в Ольвии зеркал, что аргументировалось ссылкой на работу Б.В. Фармаковского (Гайдукевич, Капошина, 1951, с. 169, 171).

По мнению Б.Н. Гракова, скифский звериный стиль на зеркалах неслучаен, поскольку изготовление вещей в этом стиле в Ольвии — явление обычное. А отсутствие таких зеркал в погребениях некрополей других городов Северного Причерноморья дало повод этому автору так же, как и Б.В. Фармаковскому, категорично утверждать, что они являются продукцией металлообрабатывающих мастерских именно Ольвии (Граков, 1947, с. 28).

С развитым бронзолитейным ремеслом Ольвии в VI в. до н. э. связывает производство зеркал, выполненных в зверином стиле, Е.О. Прушевская. Она усматривает в них соединение распространенных в Скифии форм зеркал без боковой ручки и рукояток скифских кинжалов и ножей, что, по ее мнению, являет собой развитие негреческих элементов под влиянием греческого окружения (Прушевская, 1955, с. 330). То есть греческие мастера соединили бытовавшие в Скифии зеркала «сибирского» типа и рукоятки кинжалов, в результате чего и получились «ольвийские» зеркала. При этом, конечно, имеются в виду кинжалы и ножи, рукоятки которых украшены фигурками животных.

Но такие изделия присущи культурам восточного круга с центром в Минусинской котловине и относятся они к предскифскому времени. Известны они в небольшом количестве на памятниках чернолесской культуры, но исследователи связывают их с протоскифами, то есть с кочевниками, которые, начиная с IX в. до н.э., проникали в Поднепровье до начала широкой скифской экспансии в середине VII в. до н.э., а значит и до начала греческой колонизации Северного Причерноморья. Кроме того, на ручках зеркал присутствуют преимущественно изображения пантеры, оленя и головки барана, которые отсутствуют на рукоятках предскифских кинжалов.

Н.Н. Бондарь при изучении торговых отношений Ольвии со Скифией также считал достаточным аргументом для доказательства ольвийского происхождения зеркал с фигурками животных только ссылку на работу Б.В. Фармаковского (Бондарь, 1955, с. 58).

На таких же позициях стоял В.Д. Блаватский, который, описывая памятники античного искусства в Северном Причерноморье, относительно зеркал с фигурками животных на боковых ручках, без всякого вступления пишет, что «есть веские основания считать все эти зеркала ольвийскими» (Блаватский, 1947, с. 54), но никаких аргументов в пользу такого утверждения не назвал.

Производством ольвийских мастерских считала эти зеркала и А.И. Фурманская. По ее мнению, Ольвия была очень развитым ремесленным центром, продукция которого была распространена на огромных просторах Евразии: от Поднепровья до Семиградья, Поволжья, Северного Кавказа, а основной аргумент в пользу этих выводов — находки зеркал с фигурками животных и крестовидных блях в этих районах, ольвийское происхождение которых подтверждается, опять же, ссылкой на работу Б.В. Фармаковского (Фурманская, 1953, с. 52). Хотя ее выводы идут в разрез с предыдущими высказываниями в диссертации об объеме металлообработки в Ольвии архаического времени.

Как видим, пока ни один автор не аргументировал свои утверждения о производстве зеркал с фигурками животных в Ольвии. Но после выхода работ Б.Н. Гракова и Е.О. Прушевской С.И. Капошина считала, что этими авторами окончательно установлено происхождение известной группы зеркал, боковые ручки которых украшены изображениями зверей, из Ольвии (Капошина, 1956, с. 180).

Только в 1962 г. В.М. Скуднова подняла вопрос о невозможности производства зеркал в Ольвии. Классифицируя зеркала, происходящие из ольвийского некрополя, она выделяет несколько типов. Первый из них — это явно античные зеркала, являвшиеся импортом, а затем три группы зеркал с бортиком по краю диска и фигурками зверей на ручке, которые названы скифскими (Скуднова, 1962, с. 7). Приведя обширный список работ, авторы которых отстаивают ольвийское происхождение этих зеркал, В.М. Скуднова ставит ряд закономерных вопросов. Во-первых, если эти зеркала происходят из Ольвии, то кто их изготовлял? Ведь основные следы ольвийской металлообработки относятся, в лучшем

случае, к V в. до н.э. Во-вторых, почему другие памятники в скифском зверином стиле, найденные в Поднепровье, Крыму, на Кубани, в Венгрии и Трансильвании считаются изделиями разных центров, а все зеркала, украшенные фигурками зверей, то же найденные в разных местах, принято относить к изделиям только Ольвии. В-третьих, почему из Ольвии зеркала везли в Венгрию, Подолию, на Северный Кавказ и на Волгу, но кроме зеркал ничего не вывозили в эти районы ни в VI, ни в V вв. до н.э. Зеркало с оленем и пантерой, найденное на Тамани, принято считать привезенным из Ольвии, хотя в этом же районе имеется ряд памятников скифского звериного стиля VI и V вв. до н.э., с которыми это зеркало тесно связано, но их никто не причисляет к ольвийским изделиям (Там же, с. 23).

Относительно изображений животных В.М. Скуднова считает, что ни один греческий мастер, как бы он ни стремился подражать скифскому стилю, не смог бы полностью перенять те особые характерные черты в исполнении животных, которые мы видим в изображениях на ручках зеркал (Там же, с. 23). Поэтому, она полагает, нет никаких оснований считать ольвийских мастеров авторами этой группы изделий, а находки зеркал в Венгрии более частые, чем в Северном Причерноморье, дают серьезные основания утверждать, что приоритет в изготовлении и распространении этих предметов принадлежит, по-видимому, Карпатскому бассейну (Там же, с. 25).

В.М. Скудновой не хватило аргументов, чтобы окончательно доказать свою точку зрения. Она еще не была знакома с материалами раскопок скифских ремесленных центров лесостепного Поднепровья, которые начали только поступать в научный оборот. Но, по существу, это был первый случай объективного подхода к проблеме происхождения зеркал, выполненных в зверином стиле. В.М. Скуднова преодолела чувство слепого почитания авторитетов, пребывавших в пелене «великоантичного шовинизма», что и должно быть присуще ученому. Поставленные ею вопросы отличаются беспристрастностью и объективностью с учетом известных на то время находок.

Против В.М. Скудновой, которая отстаивала скифское происхождение зеркал, выполненных в зверином стиле, выступила Н.Л. Членова. Исследуя торговые пути, описанные у Геродота, она, как и Б.Н. Граков, картографировала, прежде всего, находки зеркал и крестовидных блях и, защищая ольвийское

происхождение зеркал, назвала точку зрения В.М. Скудновой неубедительной. Однако при этом не привела достаточно веских доказательств, противопоставив сомнениям В.М. Скудновой ссылки на перечисленные выше работы сторонников ольвийского происхождения зеркал с фигурками животных, которые, в свою очередь, доказывают ольвийское происхождение зеркал только ссылкой на работу Б.В. Фармаковского (Членова, 1983, с. 51).

Скифское происхождение зеркал, выполненных в зверином стиле, отрицает и М.В. Скржинская. Автор пишет, что «во второй половине VI в. до н.э. ольвийские мастера начали производство различных форм зеркал, которые пользовались повышенным спросом как на внутреннем рынке, так и на внешнем». По ее мнению, «эти зеркала вместе с привозными греческими вытеснили из употребления скифские зеркала с центральной ручкой». Мнение это высказано без каких-либо аргументов или ссылок на литературу, или археологические находки (Скржинская, 1984, с. 106).

Таким образом, за описанными зеркалами прочно закрепилось название «ольвийские» и для большинства исследователей это стало точно установленным фактом, хотя, как видно из анализа ряда работ, аргументирована эта точка зрения весьма слабо.

Однако при этом современными исследователями не учитываются находки зеркал в других районах, которые, благодаря последним открытиям, в настоящее время по количеству превышают ольвийскую коллекцию. А своим наличием, во-первых, нарушают диспропорцию в исследовании античных и скифских памятников, которая существовала до революции, когда была высказана точка зрения об ольвийском происхождении зеркал с фигурками животных, а, во-вторых, позволяют опровергнуть предположение, высказанное Б.В. Фармаковским. Однако, несмотря на это, продолжают составляться схемы с путями распространения зеркал, в которых Ольвия остается единственным развитым металлообрабатывающим центром, где только и могли изготавливаться эти изделия.

Т.М. Кузнецова считает «ольвийские» зеркала фиалами или патерами с боковой ручкой, которые не связаны со скифами, а фиксируют факт взаимодействия греческой культуры с культурой населения западного, восточного и северного (лесостепного) районов Причерноморья (Кузнецова, 1991, с. 98). А поскольку нет никаких данных о мастер-

ских, в которых отливались зеркала, то навыки их изготовления обладали лишь некоторые греческие мастера-бронзолитейщики, которые изготавливали зеркала то в античных центрах, то на лесостепных городищах (Там же, с. 97). То есть греческие мастера занимались и выездным промыслом, поскольку скифское ремесло находилось на низком уровне.

Форма зеркал с боковой ручкой, по мнению Т.М. Кузнецовой, является также греческой. Отсутствие традиции их изготовления на лесостепных поселениях и в Кавказском регионе позволяет говорить, что их изготовителями могли быть греки, временно или постоянно работавшие в этих районах (Там же, с. 51, 52). Правда, никаких конкретных следов деятельности таких мастеров не указано. А из контекста следует, что в Северном Причерноморье греческими мастерами изготавливались и экземпляры, которые традиционно считались импортными, то есть привезенными из Средиземноморья.

Продукцией греческих мастеров Т.М. Кузнецова считает и зеркала, в оформлении которых присутствуют как греческие, так и варварские элементы. Например, зеркало из с. Басовка в Посулье (рис. 3, 3), которое представляет собой диск от греческого импортного изделия, к которому скифским мастером была прикреплена железная ручка, с бронзовым окончанием в виде двух орлиных головок, выполненных с соблюдением всех канонов скифского изобразительного искусства (Там же, с. 58–59). В качестве аргумента, автор ссылается на аналитические данные, опубликованные Т.Б. Барцевой, но при этом игнорирует различие в химическом составе металла диска и окончания ручки, что может свидетельствовать об изготовлении этих составных частей различными мастерами в различных мастерских, а, возможно, и в разное время.

Но ведь нет никаких следов производства зеркал и в греческих колониях. А это должны быть литейные формы или их обломки, бракованная продукция, экземпляры, только вышедшие из литейной формы — с литниками, литейным швом и пр. Более того, уровень собственно греческого бронзолитейного ремесла в Нижнем Побужье был крайне низким. Тогда кто же были эти греческие мастера, якобы работавшие на скифских городищах, почему они не производили традиционные греческие изделия для своих соотечественников колонистов, почему свою деятельность направляли на производ-

ство только зеркал? На эти вопросы в книге Т.М. Кузнецовой ответа нет.

Говоря о зеркалах с фигурками животных на боковой ручке, Т.М. Кузнецова считает, что в Лесостепь, в Поволжье и на Урал эти изделия могли попасть из Ольвии, Кавказа или Карпатского региона, при этом не исключается возможность их производства на лесостепных городищах (Там же, с. 77). Греческие элементы в оформлении этих зеркал присутствуют именно в изображениях животных, так как некоторые из них имеют отношение к культам богов олимпийского пантеона. Например, лев и баран были связаны с культом Аполлона, баран еще был связан с культом Диониса (Там же, с. 82–84).

Но почему при этом не учитываются верования и религиозные потребности местного населения Северного Причерноморья? Ведь в их религии изображения животных были чрезвычайно близки и в большей мере соответствовали идеологическим представлениям скифов. Для всех так называемых архаических обществ, включая скифское, была характерна такая форма общественного сознания, в которой вся природа, все космические и социальные силы выступают в звериных обликах (Блаватский, 1964, с. 21, 22). Греческая же религия в это время уже прошла стадию антропоморфизации.

Т.Б. Барцева на основании спектрального анализа нескольких зеркал «ольвийского» типа считает возможным производство какой-то части зеркал в западных, возможно, фракийских центрах. Различие в составе металла зеркал из посульских и кубанских курганов, по ее мнению, не исключает возможность изготовления их в нескольких, достаточно удаленных друг от друга центрах (Барцева, 1981, с. 68, 72).

Обратимся к аналитическим данным.

Немногочисленные бытовые предметы из архаической Ольвии отливались, в основном, из оловянно-свинцовой бронзы с небольшими концентрациями легирующих примесей — не более 10%. Наличием сурьмы в сплаве отличаются некоторые группы анэпиграфных дельфинчиков и стрелы «базисного» типа. В целом выделение химических групп ольвийского металла и его последующая привязка к рудным источникам затруднены особой рафинировкой, смешиванием металла различного происхождения и использованием металлического лома. Это также является показателем низкого уровня металлообработки, так как свидетельству-

от нестабильности или об ограниченности связей с рудными источниками.

Согласно анализам, опубликованным Т.Б. Барцевой, зеркала из Посулья изготовлены из оловянно-свинцовой бронзы, а сама медь проявляет сходство с металлом Балкано-Карпатъя. Зеркала из курганов Прикубанья отливались из сырья, полученного из восточных, возможно, южноуральских рудников. А зеркала из Цемдолины по составу металла близки зеркалам-дискам с центральной ручкой. Это и дало основание Т.Б. Барцевой (1981, с. 72) говорить о возможности изготовления зеркал в нескольких центрах.

Для Ольвии не характерен металл из восточных рудников. Только металл части анэпиграфных дельфинов и «базисных» накопителей стрел проявил сходство с химической группой ВК (волго-камской). Но это продукция определенной группы варварских мастеров. Лишь предположительно можно говорить об использовании ольвийскими мастерами западного металла. Только монеты-стрелки и непосредственно греческие вещи, например, высокохудожественная импортная посуда, изготавливались из меди западного происхождения. Для левобережной же Скифии архаического времени доля восточного сырья составляет 24%, а западного — 22% (Там же, с. 73), что прекрасно увязывается с наличием развитых металлургических центров со стационарными мастерскими, работавшими на сбыт. Таким образом, и аналитические данные не дают оснований говорить об ольвийском происхождении зеркал с фигурками животных.

Весьма интересен вопрос о генезисе в Северном Причерноморье зеркал в целом и с боковой ручкой в частности. Как уже отмечалось, Б.В. Фармаковский назвал форму зеркал с боковой ручкой чисто греческой, а А.А. Бобринский утверждал, что не только сама форма, но и обычай ими пользоваться был заимствован скифами у греков. Очень часто эти положения использовались исследователями вплоть до последнего времени. Однако находки зеркал с центральной ручкой с невысоким бортиком по краю, которые считаются более ранними по сравнению с зеркалами с боковой ручкой, и чье восточное происхождение не вызывает возражений, убедительно свидетельствуют о существовании у скифов обычая пользоваться зеркалами до установления контактов с греческими колонистами.

Последние открытия в Средней Азии, в частности, в Бактрии и Семиречье, дают

основание утверждать, что зеркала с боковой ручкой также были известны восточным кочевникам задолго до начала их миграции в Северное Причерноморье. Так, в Семиречье зеркала с боковой ручкой были известны еще в конце II тыс. до н.э. И следует особо отметить, что в Сукулукском кладе этого времени и на этой территории зафиксирована совместная находка зеркал с боковой и центральной ручкой, а на поселениях чувской культуры и в Дальверзине отмечены находки литейных форм для их отливки (Кузьмина, 1966, с. 68, 69). Поэтому не случайно, по-видимому, обнаружение зеркала в Захарейковой Могиле на Черкащине (рис. 3, 2), которое представляет собой диск «сибирского» зеркала, центральная ручка которого отломалась, и мастер, спилив часть бортика, прикрепил двумя заклепками железную боковую ручку (Ильинская и др., 1980, рис. 36, 3).

Датируется этот курган VI в. до н. э., что еще раз доказывает, что в это время для скифов не были новинкой зеркала с боковой ручкой. На территории Бактрии в конце бронзового века были распространены бронзовые зеркала с боковой ручкой, которая отливалась отдельно, а потом припаивалась к диску. Как правило, эти ручки были оформлены в виде стилизованных женских фигурок (Сарианиди, 1981, с. 288).

В целом же в эпоху поздней бронзы зеркала с боковой ручкой были распространены на территории Ирана, Месопотамии, Палестины, Индии, Китая (Кузьмина, 1966, с. 69). К сожалению, мы не имеем данных, которые позволили бы проследить дальнейшее развитие зеркал, но, как представляется, есть все основания говорить о Востоке как об одном из возможных путей проникновения зеркал с боковой ручкой в Северное Причерноморье.

В греческой метрополии на вазовой живописи зеркала известны в крито-микенскую эпоху, но для всего времени до позднеархаического периода эти изделия нельзя назвать частыми находками. М.В. Скржинская отмечает полное отсутствие таких изображений на керамике архаического времени, а первые упоминания о зеркалах в литературной традиции относятся к V в. до н.э. (Скржинская, 1984, с. 106, 107).

Таким образом, если в архаической Греции зеркалами и пользовались, хотя подтверждений этому нет, то нет никаких оснований называть эту категорию изделий важной статьей экспорта в Северное Причерноморье как в только что основанные колонии,

так и в Скифию. Учитывая же практически полное отсутствие металлических изделий среди античного импорта VI в. до н. э., получается, что из греческой метрополии в Северное Причерноморье завозились только зеркала. Если же верить в то, что Ольвия была крупным и развитым ремесленным центром, то получается, что практически основной продукцией ольвийских литейщиков также были зеркала, отлитые в большинстве случаев с элементами звериного стиля. Такая точка зрения представляется надуманной и ничем неподтвержденной.

Тем более ничем не оправдано отнесение к продукции греческих ремесленников оригинальных зеркал с фигурками животных, но без бортика по краю. Одно такое изделие из кургана № 447 Старшей Журовской группы в бассейне р. Тясмин имеет вид плоского бронзового диска с боковой железной ручкой, украшенной на концах двумя бронзовыми пластинками с изображением на одной лежащего оленя, а на второй — кошачьего хищника (рис. 3, 1). В.А. Ильинская, учитывая именно элементы звериного стиля, проводит параллель с ольвийскими изделиями и местом изготовления этого зеркала называет ольвийские мастерские (Ильинская, 1975, с. 26, табл. XII, 20), хотя оригинальность изображений животных, особенно кошачьего хищника на нижней пластинке, не находит себе аналогий среди античных древностей. Более закономерным было бы предположение, что скифские мастера, знакомые с зеркалами с боковой ручкой еще до общения с колонистами, являвшиеся авторами зеркал с фигурками животных, в тех случаях, когда им приходилось ремонтировать греческие зеркала, добавляли в их декор элементы звериного стиля.

В этом отношении весьма интересно зеркало из кургана № 6 у с. Басовка в Посулье, исследованного С.А. Мазараки в 1899 г. (рис. 3, 3). О нем мы уже говорили в связи с монографией Т.М. Кузнецовой. Место крепления массивного литого диска с боковой ручкой оформлено в виде ионийской капители с двумя волютами и пальметтой между ними. Сама ручка железная, но окончание ее бронзовое в виде двух орлиных головок с непропорционально большими и сильно загнутыми клювами. В.А. Ильинская безапелляционно называет это зеркало греческим из-за наличия чисто греческого орнамента в декоре диска (Ильинская, 1968, с. 40, табл. XXX, 3). Автор не смутило наличие и чисто скифского элемента, выполненного с соблюдением всех

канонов классического звериного стиля VI в. до н.э.

Т.Б. Барцева считает, что художественное оформление ручки зеркала как бы показывает, с одной стороны, для кого оно изготовлено, так как изображение фигурок хищных птиц было популярно в скифском искусстве, а с другой — кто его изготовил (ионийская капитель — мотив, который ближе по духу для жителей греческого города) (Барцева, 1981, с. 72). То есть и она рассматривала это зеркало как произведение греческих мастеров.

Т.Б. Барцева имела в своем распоряжении результаты спектрального анализа бронзовых элементов этого зеркала, но не обратила внимания на рецептурные различия в сплавах, из которых были отлиты диск и окончание ручки. Если для отливки диска использовалась высокооловянная бронза с концентрациями лигатуры до 33%, как, например, для отливки высокохудожественной посуды из метрополии, то окончание ручки изготовлено из бронзы с концентрациями олова до 5%. Различается металл двух элементов зеркала и по содержанию некоторых микропримесей, например: серебра, сурьмы, мышьяка (Там же, с. 103, ан. 19753, 19753а). А это дает основание предполагать, что диск и ручка были изготовлены в различных мастерских и, возможно, в разное время.

Вполне реальным будет предположение, что железная ручка с бронзовым окончанием была прикреплена после поломки греческого зеркала, которым владел житель лесостепи. Ремонт совершил тоже скифский мастер, который подпилит место поломки и приклепал железную ручку, украшенную на конце орлиными головками, придав зеркалу варварский облик.

Таким образом, нет никаких оснований говорить о производстве зеркал с элементами звериного стиля в Ольвии. У нас нет прямых доказательств изготовления их в конкретных скифских ремесленных центрах. Однако оригинальность изображений животных позволяет с уверенностью считать авторами этих зеркал варварских мастеров, а различие химико-металлургических характеристик металла указывает на возможность производства их в нескольких ремесленных центрах или различными группами бродячих мастеров, пользовавшихся металлом из различных источников.

Следует также отметить наблюдение С.С. Бессоновой, которая, проанализировав погребальный инвентарь 40 женских погреб-

бений Ольвийского некрополя архаической поры, выделила те, в которых представлены каменные блюда и плиты, нередко в сочетании с зеркалами и кусочками красной краски и серы, что является характерным для скифских жреческих погребений. Поэтому можно считать открытым вопрос об этнической принадлежности, по крайней мере, части населения Ольвии, пользовавшегося зеркалами (Бессонова, 1996, с. 106).

Крестовидные же бляхи, хотя и имеют тот же ареал, но по количественным показателям демонстрируют совершенно другую картину. Большая часть, как уже было показано, происходит из Карпато-Дунайского бассейна и лесостепного Поднепровья и всего по одному экземпляру известно в Нижнем Побужье (рис. 2, 3) и в Прикамье (рис. 2, 7). Последняя бляха отличается от прочих находок своей орнаментацией. Вместо изображений животных она украшена солярными символами. На верхней, четырехугольной, ее части, имеется пять рядов зубцов, которые, по мнению Б.Н. Гракова, передают изображения пантер. В центральном и боковых кругах переданы солнечные лучи во вращательном движении, которые также, по мнению исследователя, «символизируют непонятных мастеру свернувшихся в кольцо пантер» (Граков, 1947, с. 35).

Для носителей ананьинской культуры свойственны культы, связанные с огнем и солнцем (Збруева, 1952, с. 126, 132), поэтому ни у А.В. Збруевой, ни у Б.Н. Гракова не вызывает сомнения местное изготовление этой бляхи, но по образцу скифской. Б.Н. Граков связывает ее с торговыми походами ольвийских купцов в этот далекий край (Граков, 1947, с. 35). Однако странно, что ольвийские негоцианты совершили свой далекий и, нужно полагать, далеко небезопасный поход в земли ананьинской культуры только для того, чтобы познакомить далекий народ с формой крестовидных блях. Так как среди материалов 20 поселений и 12 могильников, исследованных ко времени публикации объемной монографии А.В. Збруевой, не встретилось ни одной импортной античной вещи. Но удивительным образом мимо внимания исследователей прошли костяные псалии с элементами звериного стиля из Маклашевского могильника и городища Сорочьи Горы, которые находят многочисленные аналогии в посульских курганах; скифские акинаки с бабочковидными перекрестиями из Зуевского и Луговского могильников; скифское зеркало с центральной ручкой в виде двух столбиков, которые подпи-

рали бляшку с изображением животного из Морквашинского могильника; ажурная бляха в виде свернувшегося в кольцо хищника из Ананьинского могильника (Збруева, 1952, с. 30, 35, 37, 100).

Происхождение этих вещей не вызывает сомнений и попасть к ананьинцам они могли только из Скифии и, скорее всего, без посредничества греческих купцов из причерноморских колоний. Кстати, Геродот писал о людях, лысых от рождения, живущих около высоких гор, имя этого народа аргиппей, а земли до этих людей хорошо известны, поскольку к ним иногда приходят скифы и ведут с ними беседу при помощи переводчиков на семи языках (IV, 23, 24).

Ананьинская бляха обнаружена в погребении V в. до н.э., а это свидетельствует, что скифские вещи могли попасть к ананьинцам позже скифской экспансии на территорию современной Украины, то есть не в ее процессе, и не были результатом случайных связей.

Исходя из всего сказанного, можно исключить ананьинскую бляху из списка рассматриваемых изделий. Отметим лишь, что использование ее для моделирования торговых путей из античных городов Северного Причерноморья в Поволжье и Приуралья, как это делал сначала Б.Н. Граков, а затем Н.Л. Членова, неправомерно.

Остальные же бляхи, как и зеркала с фигурками животных, считаются продукцией ольвийских мастеров, хотя из Нижнего Побужья происходит всего один экземпляр. Это бляха из п. 12 Ольвийского некрополя, исследованного Б.В. Фармаковским. Короткие концы креста этой бляхи оформлены в виде орлиных голов, а на верхней части изображены четыре бараньи головки, которые, по мнению исследователя, трактованы в чисто греческой манере (Фармаковский, 1914, с. 37).

Если «ольвийские» зеркала Б.Н. Граков считал безоговорочно греческими, то относительно крестовидных блях он лишь допускал возможность их изготовления в Ольвии, хотя оговаривал, что они «негреческого происхождения, но есть все основания связывать их с районом Ольвии». Не совсем понятно, какие основания автор имел в виду, если бляхи негреческого происхождения. Тем более что сам Б.Н. Граков выделяет в отдельную группу бляхи, обнаруженные в Венгрии (рис. 2, 1, 2), в которых, как он считает, «нельзя заподозрить изделия ольвийского цикла, а в стилизации и художественной технике нет ничего, что позволило бы видеть в их зверином стиле

руку надднепрянского художника» (Граков, 1947, с. 32–35). То есть венгерские бляхи происходят от украинских, а своим наследованием последних указывают, что именно в Ольвии появился их прототип.

Таким образом, из контекста понятно, что Б.Н. Граков считал: венгерские бляхи были изготовлены местными западнопонтийскими мастерами, но по образцу украинских, которые, в свою очередь, могли быть изготовлены лесостепными скифскими мастерами, а также ольвийскими литейщиками.

Это мнение отличается от мнения Б.В. Фармаковского, который, связывая бляху из Ольвийского некрополя исключительно с ольвийским ремеслом, утверждал, что «все искусство скифов Причерноморья было создано в греческих колониях, мастера которых превратили убогие изобразительные элементы в жемчужину творчества» (Фармаковский, 1914, с. 37). А в целом, как считал антиковед, звериный стиль возник в Ионии, откуда был завезен колонистами в Северное Причерноморье, и только тогда был заимствован скифами.

Но из этого следует, что звериный стиль, начиная с VII в. до н.э., необходимо рассматривать как два стилистических направления: во-первых, принесенный скифами из восточных областей Евразии и, во-вторых, трансформированное искусство как результат взаимодействия скифской и греческой культур.

Думается, что такая точка зрения давно устарела и в настоящее время не разделяется исследователями, поэтому не будем подробно останавливаться на ее критике. Но почему-то даже современные авторы считают, что Б.В. Фармаковский и Б.Н. Граков убедительно доказали ольвийское происхождение крестовидных блях (Скржинская, 1984, с. 120, 121), хотя в их работах нет ни единого аргумента в пользу этой точки зрения, кроме утверждений об отсутствии или крайне низком уровне бронзолитейного ремесла у скифов. Но о состоянии этого вопроса уже сказано достаточно много.

Исследуя одну из последних находок такого рода — крестовидную бляху из раннескифского погребения у с. Гусарка Запорожской обл. (рис. 2, 5), В.Ю. Мурзин называет ее ольвийской и пишет, что «в изображении животных на ней заметно влияние греческого искусства, под действием которого реалистические изображения самобытного скифского стиля постепенно превратились в вычурный и перегруженный многочисленными деталями звериный орнамент» (Мурзин, 1977, с. 56, 57), хотя стилистические особенности

изображения пантер на этой бляхе не выходят за рамки изобразительных канонов традиционного скифского звериного стиля и не дают оснований выделять ее из серии других поднепровских находок. Более того, изображения животных на ней очень сходны с изображениями на крестовидной бляхе из Опишлянки (рис. 2, 4). Разница лишь в том, что бляха из Гусарки плакирована золотом и это, возможно, обусловило некоторые различия. Да и вывод В.Ю. Мурзина является слегка перефразированным повторением слов Б.В. Фармаковского.

Таким образом, все известные в настоящее время крестовидные бляхи можно условно разделить на две группы, характеризующие искусство двух регионов — Среднего Поднепровья и Западного Причерноморья. И нет никаких оснований считать местом изготовления крестовидных блях Ольвию и, тем более, Березань, как это делает А.С. Островерхов. Исследователь утверждает, что в момент наивысшего подъема в деятельности мастерских Нижнего Побужья в VI–V вв. до н.э. именно в этих центрах и изготавливались эти изделия, хотя, как уже было сказано, из Ольвии происходит всего один экземпляр, а на Березани крестовидные бляхи вообще неизвестны. Тем не менее, называя Ольвию местом изготовления «ольвийских» зеркал, о Березани он умалчивает (Островерхов, 1978, с. 10), хотя из раскопок этого памятника на время публикации его статьи было известно 4 зеркала с фигурками животных (Скржинская, 1984, с. 119), а в 2007 г. был найден фрагмент еще одного зеркала с фигуркой оленя между диском и ребристой ручкой (рис. 4, 5). Со стороны А.С. Островерхова было бы логичнее считать Березань местом изготовления зеркал, а не крестовидных блях.

Находясь под впечатлением утверждений А.С. Островерхова, но и учитывая их противоречивость, Ю.Б. Полидович допускает возможность изготовления в Ольвии единичных экземпляров крестовидных блях, которые выпадают из логики развития скифского искусства (Полидович, 1993, с. 65). Но учитывая низкий уровень собственно ольвийской металлообработки, а также большую вероятность изготовления этих изделий в Балкано-Карпатском регионе, такие предположения не имеют под собой оснований, а выпадающие из логики развития скифского искусства экземпляры, изготавливались в центрах Балкано-Карпатия.

Можно согласиться с Б.Н. Граковым в том, что венгерские бляхи были компилиро-

ваны из поднепровских. Подтверждается это исследованием К. Хоредта, который разработал хронологию крестовидных блях Балкано-Карпатского региона. Он проследил их замену от образцов, которые повторяют украинские, до упрощенных, выполненных в виде простого креста (цит. по: Мурзин, 1977, с. 58). Из этого следует, что венгерские бляхи более поздние, чем поднепровские и, беря во внимание высокий уровень развития металлообрабатывающего ремесла в скифской Лесостепи, можно уверенно говорить о том, что именно лесостепные скифские мастерские и были местом, где выработалась форма этих украшений и были изготовлены первые экземпляры. Окончательное же решение вопроса о появлении и месте изготовления «ольвийских» зеркал и крестовидных блях возможно только после обнаружения литейных форм для их изготовления или полуфабрикатов в конкретной мастерской. Интересна в этом отношении крестовидная бляха, найденная в разрушенном кургане у с. Енковец на Полтавщине (Кулатова, 1995, с. 142.), которая увеличивает список подобных изделий в лесостепной Скифии, хотя техника изображения животных близка венгерским экземплярам (рис. 2, 6). Короткие концы креста образованы головками копытного животного (лося или осла), выполненными в ажурной манере.

Утверждения о том, что греческие мастера могли изготавливать вещи в зверином стиле с соблюдением стилистических особенностей, свойственных изобразительной традиции скифского искусства, якобы по заказу варваров не выдерживают критики. Поскольку изложенный выше материал свидетельствует о крайне низком уровне литейного ремесла у греков северопричерноморских полисов в архаическое время и о достаточно развитой металлообработке у скифов лесостепного Поднепровья, чьи мастера могли в полной мере обеспечить свое население подобными вещами.

Кроме того, разительное отличие в манере изображения животных в архаическое и раннеэллинистическое время, когда жизнь на лесостепных скифских поселениях затухает, позволяет говорить о том, что именно греческие мастера были авторами шедевров торевтики IV в. до н.э. — чертомлыцкой вазы, украшений из Куль-Обы, пекторали из Толстой Могилы и многих других. Впрочем, производство этих вещей, скорее всего, следует связывать с металлообработкой в Боспоре, а не в Нижнем Побужье.

Поскольку грекам была чужда скифская религия и традиция изображения животных как объектов поклонения, то на изделиях изображались не отдельные животные или сцены терзания, выполняющие роль оберегов, тотемов, а целые сюжеты на темы скифской мифологии, где, естественно, были задействованы животные, которые, однако, не могли выполнять роль ритуальной первовещи, тотема. То есть памятники греческой торевтики не несли на себе той мировоззренческой нагрузки, какая была свойственна раннескифским памятникам звериного стиля. Поэтому первые могут рассматриваться только как произведения искусства с нагрузкой чисто эстетической, хотя большинство сюжетов связаны со скифской мифологией и некоторыми культами. Но это может свидетельствовать о знакомстве греков со скифским эпосом, обычаями и желанием греческих мастеров угодить вкусам скифской верхушки.

Впрочем, М.Ю. Вахтина отмечает, что традиционно появление греческого импорта в варварском мире связывают с деятельностью греческих поселений в Нижнем Побужье. И это свидетельствует, по ее мнению, не только об экономическом характере греко-варварских связей, но и о начале воздействия греческого искусства на искусство и на идеологию (выделено мною — С.О.) скифского мира. Далее, соглашаясь, что изображения животных и сцен терзания не сводились к изображениям орнаментально-декоративного характера, а были тесно связаны с духовной жизнью туземного населения, М.Ю. Вахтина утверждает, что знакомство племен Северного Причерноморья с изделиями греческих мастеров VII–VI вв. до н.э. могло способствовать утверждению здесь «скифского звериного стиля» (Вахтина, 1985, с. 12, 13). Такая точка зрения представляется нам несостоятельной, поскольку зарождение звериного стиля произошло раньше появления греков в Северном Причерноморье и не на этой территории.

Однако и классический скифский звериный стиль, являвшийся характерной чертой скифской архаики, в IV в. до н.э. вырождается. Не связано ли это с прекращением к этому времени жизни в лесостепных поселениях? Во всяком случае, с этим фактом можно связывать изменения в изобразительной традиции скифов. Но что могло повлиять на развитие ольвийского искусства? Почему в эллинистический период в Ольвии прекратили производить изделия в классическом скифском зверином стиле? Ответ может быть только один: греческие мастера не

были авторами таких изделий и включились в производство вещей для варварского населения довольно поздно, когда скифское общество пережило социальную и имущественную дифференциацию, а упадок скифского ремесла обусловил неспособность местных мастеров удовлетворять спрос местной верхушки. Единственный ремесленный центр в Скифии IV в. до н.э. — Каменское городище на Днепре было сезонным торжищем и вряд ли могло обеспечить население степи предметами роскоши. Эту функцию взяли на себя греческие полисы. Но происходило это уже в начале упадка Великой Скифии.

Таким образом, торговый путь в восточные области существовал, но не из Ольвии, а из лесостепной левобережной Скифии, и ни зеркала «ольвийского» типа, ни крестовидные бляхи не могут служить подтверждением визитов греческих купцов в Поволжье и на Урал, которые не решались выезжать за пределы Скифии, о чем свидетельствует отсутствие античных вещей на северо-восточных памятниках. Скифы же сами распространяли свою продукцию в отдаленные районы и рассказывали грекам о своих дальних путешествиях, что и отобразилось в сказочных впечатлениях Геродота.

ЛИТЕРАТУРА

- Барцева Т.Б.* О химическом составе металла наверхий скифского времени // СА. 1980. № 3. С. 77–91.
- Белозер В.П.* О сущности скифского Герроса // Киммерийцы и скифы: ТД всесоюзного семинара, посвященного памяти А.И. Тереножкина. Ч. 1 / Отв. ред. Е.В. Черненко. Кировоград: Кировоград ГПИ, 1987. С. 18–20.
- Бессонова С.С.* К вопросу о скифо-ольвийских контактах в VI – начале V в. до н. э. // Мир Ольвии / Отв. ред. С.Б. Буйских. Киев: Наукова думка, 1996. С. 104–106.
- Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М.: ГМИИ, 1947. 119 с.
- Блаватский В.Д.* Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. 1964. № 2. С. 13–26.
- Бондарь Н.Н.* Торговые сношения Ольвии со Скифией // СА. 1955. Т. XXIII. С. 58–80.
- Вахтина М.Ю.* Об одном из аспектов греко-варварских связей в Северном Причерноморье эпохи архаики // Проблемы исследования Ольвии: ТДС / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Парутино: ИА АН УССР, 1985. С. 12–13.
- Гайдукевич Б.В., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. Т. XV. С. 162–187.
- Граков Б.М.* Чи мала Ольвія торгівельні зносини з Поволжям і Приураллям в архаїчну і класичну епохи // Археологія. 1947. № 1. С. 23–37.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА; № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.
- Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 203 с. + 63 табл.
- Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). Киев: Наукова думка, 1975. 223 с.
- Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии // Ольвия и Нижнее Побужье в античную эпоху / МИА. № 50 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М.–Л.: АН СССР, 1956. С. 154–189.
- Книпович Т. М.* Некрополь на территории Ольвии: (Из работ Ольвийской экспедиции 1940 г.) // КСИИМК. 1941. Вып. 10. С. 112–120.
- Кузьмина Е. Е.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии / САИ. Вып. В4-9. М.: Наука, 1966. 152 с.
- Кузнецова Т. М.* Этюды по скифской истории. М.: Наука, 1991. 150 с.
- Кулатова І. М.* Хрестовидна бляха скіфської доби з Єнківець у Посуллі // Полтавський археологічний збірник. Вип. 3 / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 1995. С. 139–147.
- Мурзин В. Ю.* Два раннескифских комплекса из Запорожской обл. // Новые исследования археологических памятников на Украине / Отв. ред. В.Д. Баран. Киев: Наукова думка, 1977. С. 54–68.
- Островецхов А. С.* Экономические связи Ольвии, Березани и Ягорлыцкого поселения со Скифией (VII – середина V вв. до н. э.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Киев: ИА АН УССР, 1978. 23 с.
- Островецхов А.С.* Звіриний стиль в культурі Ольвії // Археологія. 1994. № 2. С. 58–69.
- Поллидович Ю. Б.* Изображение свернувшегося хищника из архаического некрополя Ольвии // Древнее Причерноморье: VI чтения памяти профессора П.О. Карышковского / Отв. ред. С.Б. Охотников. Одесса: Одес. управление по печати, 1993. С. 64–66.

Прушевская Е. О. Художественная обработка металла Ольвии, Боспора и Херсонеса // Античные государства Северного Причерноморья. Вып. 1: Очерки истории и культуры / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич, М.И. Максимова. М.-Л.: АН СССР, 1955. С. 325–355.

Сарианиди В. И. Зеркала Древней Бактрии // СА. 1981. № 1. С. 288–293.

Скржинская М. В. Зеркала архаического периода из Ольвии и Березани // Античная культура Северного Причерноморья / Отв. ред. С.Д. Крыжицкий. Киев: Наукова думка, 1984. С. 105–129.

Скуднова В. М. Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии // ТГЭ. Т. VII: Культура и искусство античного мира. Вып. 3 / Отв. ред. А.А. Передольская. Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. С. 5–27.

Фармаковский Б. В. Архаический период в России // МАР. 1914. № 34. С. 15–78.

Фурманская А. И. К вопросу о литейном ремесле Ольвии // КСИА АН УССР. 1953. Вып. 2. С. 52–53.

Членова Н. Л. Предыстория «торгового пути Геродота» (из Северного Причерноморья на Южный Урал) // СА. 1983. № 1. С. 47–66.

Информация об авторе:

Ольговский Сергей Яковлевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Украины и музееведения. Киевский национальный университет культуры и искусств (Киев, Украина) olgovskiy@online.ua

THE CARAVAN ROUTE FROM OLBIA TO THE URALS AND THE VOLGA REGION AND THE ISSUES OF THE ORIGIN OF MIRRORS AND CRUCIFORM PLAQUES

S.Ya. Olgovsky

The article considers the possible existence of a trade route from Olbia to the Urals and the Volga region in the archaic period. This assumption was erroneously expressed in the mid-20th century, since Olbia appeared a developed handicraft centre in contrast to the understudied Scythian sites. Its products were marketed in most remote territories. The latest studies of Scythian craft centres allow to consider them stronger and more developed, and although Greek merchants frequently visited the centres, they did not travel further to the east, and the Scythians themselves distributed their products up to the Urals and the Volga region. ‘Olbian’ mirrors and cross-shaped plates with the elements of the Scythian animal style cannot serve as an evidence of relations between Olbia and these regions, as they were not produced by Olbian casters.

Keywords: animal style, ‘olbian’ mirrors, cross-shaped plates, caravan route, bronze casting, handicraft centre

About the Author:

Olhovskyy Sergii Ya. Ph.D., Professor of Ukrainian History and Museum Studies. Kyiv National University of Culture and Arts (Kiev, Ukraine); olgovskiy@online.ua

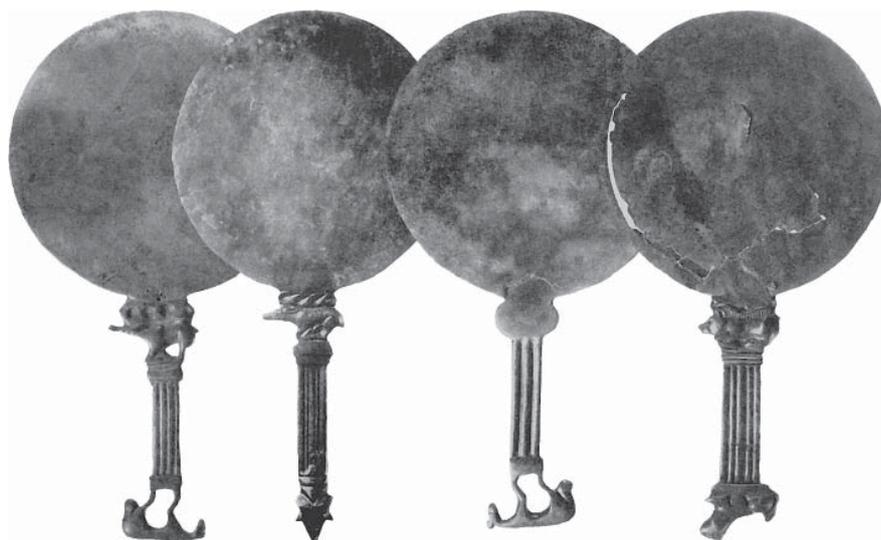


Рис. 1. Зеркала «ольвийского» типа: 1 – Нальчик; 2 – Ольвия; 3 – Ольвия; 4 – Трансильвания.

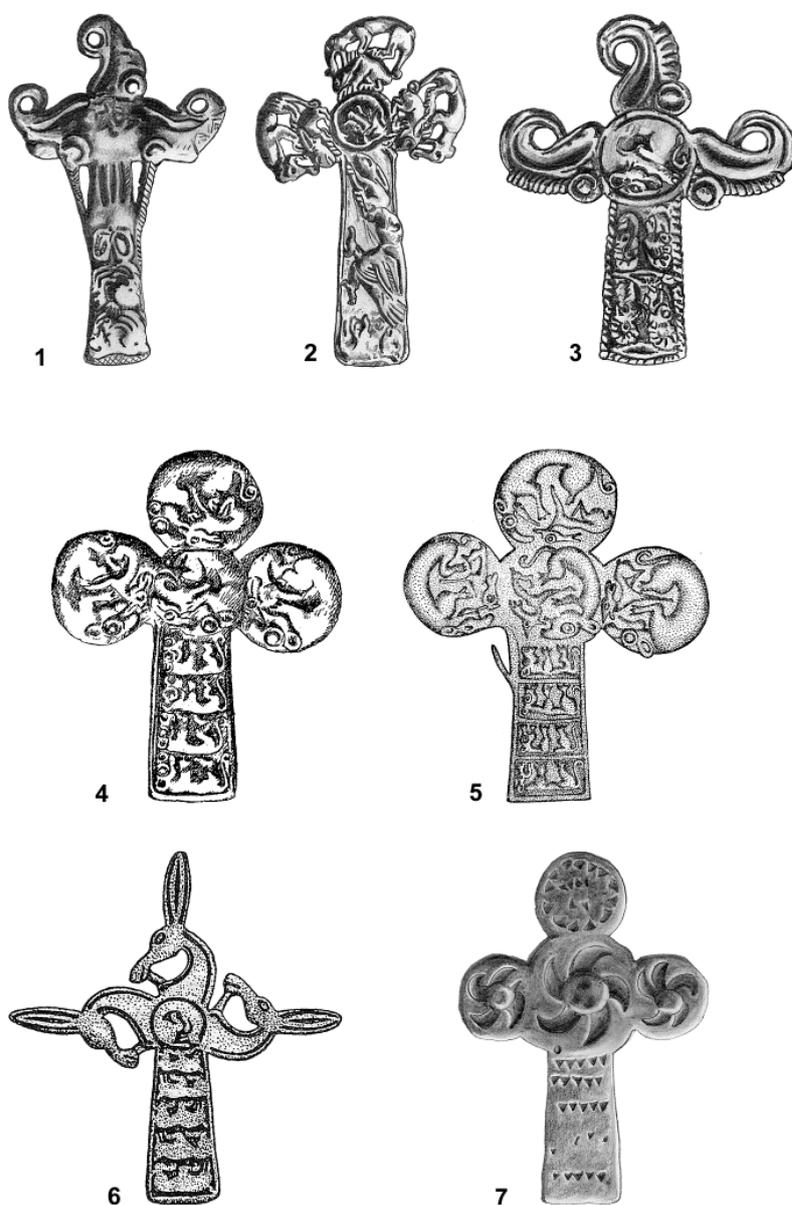


Рис. 2. Крестовидные бляхи: 1, 2 – Комаром, Мезолак (Венгрия); 3-4 – Опишлянка, Ениковец (Украина); 5 – Гусарка; 6 – Енковцы; 7 – Зуевский могильник (Поволжье).

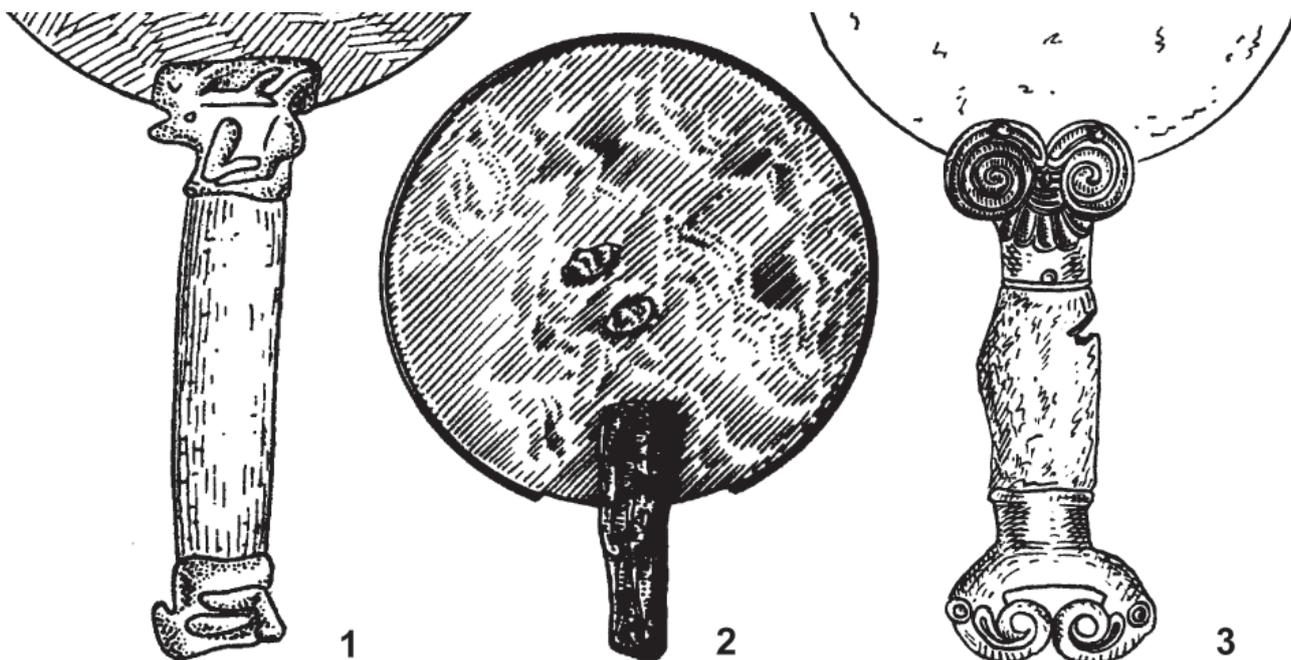


Рис. 3. Скифские зеркала из лесостепных курганов: 1 – Старшая Журовская группа; 2 – Захарейковая Могила; 3 – С. Басовка. Скифское зеркало из с. Басовка в Посулье.

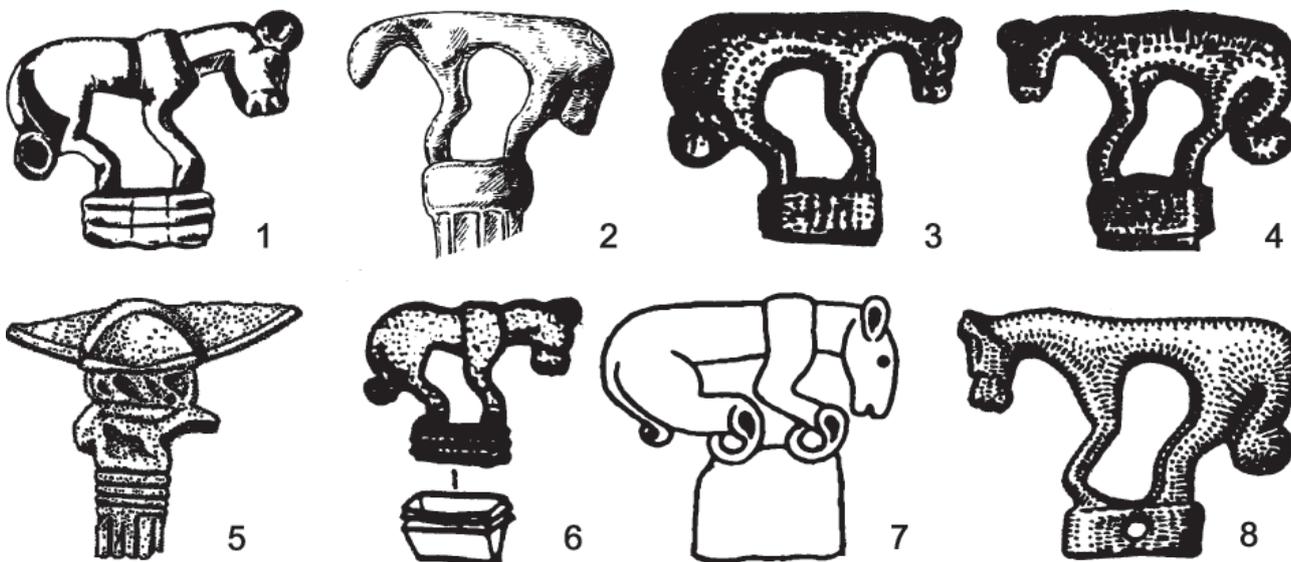


Рис. 4. Фигурки животных с ручек зеркал: 1 – Мариуполь; 2 – Преображенка (Урал); 3 – Дюдюйка; 4 – Деброшен (Центральная Европа); 5, 6, 8 – Березанское поселение; 7 – могильник Скоробор (Бельское городище).

УДК 930.26

САРМАТСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ)

© 2017 С.В. Полин

Рассматриваются проблемы упадка Великой Скифии и сарматского завоевания Северного Причерноморья. По археологическим данным сделан вывод об отсутствии связи между этими событиями, поскольку они разделены во времени более чем столетним промежутком. Эта идея, высказанная четверть века тому, за прошедшие годы только усилилась новыми аргументами.

Ключевые слова: скифы, Великая Скифия, сарматы, прохоровская культура, курган, погребение, амфора, амфорные клейма, городище, поселение, укрепления.

Четверть века тому назад по состоянию археологических источников на тот период я предложил следующую интерпретацию заключительного этапа истории Великой Скифии Северного Причерноморья, а также времени и характера появления сарматов в причерноморском регионе.

Причерноморская Скифия в пределах от Дона до Дуная в конце первой четверти – первой трети III в. до н.э. завершила свое существование, о чем свидетельствует прекращение строительства курганов и жизни на поселениях, возникших в предшествующий период. Степные просторы опустели и крайне немногочисленные остатки населения сконцентрировались на позднескифских поселениях вокруг долины Нижнего Днепра, в предгорном Крыму и на нижнем Дунае, в Добрудже, где на протяжении последующих нескольких столетий существовали скифские очаги обитания, известные в истории под названием Малых Скифий. Наряду со многими другими факторами, в качестве основной причины упадка Причерноморской Скифии я предполагал природно-климатические изменения, в результате которых степные просторы стали непригодными для продуктивной жизни, и скифское население, предельно сократившись численно, сосредоточилось у речных долин, где перешло к полной оседлости и земледелию, как основному источнику существования.

Те же процессы происходили и в украинской лесостепи, но с тем лишь отличием, что здесь в начале III в. до н.э. вообще наступило полное запустение, и жизнь возобновилась не ранее конца III или даже во II в. до н.э. в виде крайне маломощных культур зарубинецкой и Поенешти-Лукашевка в лесостепных районах Поднепровья и Поднестровья. Сарматы, с нашествием которых в Северное Причерно-

морье традиционно связывался разгром и завоевание Причерноморской Скифии, появились в Днепро-Донском междуречье не ранее середины II в., и лишь в конце II–I вв. до н.э. в достаточно ощутимых количествах, где заняли пустые степные территории, не затрагивая позднескифские очаги обитания. Дальнейшее продвижение сарматов на запад осуществлялось крайне медленно и лишь к рубежу эр сарматы вышли на Дунай. Таким образом, между прекращением существования Скифии и появлением сарматов в Северном Причерноморье фиксируется временной разрыв протяженностью около столетия. Известная по ольвийскому декрету в честь Протогена угроза нашествия кельтов с запада, согласно тому же декрету, не осуществилась, поскольку кельты прошли стороной и, как известно, ушли на Балканы и в Малую Азию, и поэтому совершенно «неповинны» в прекращении существования западной окраины Скифии. Таким образом, все факты указывали на то, что финал Причерноморской Скифии и появление сарматов в Причерноморском регионе были событиями разновременными и абсолютно несвязанными между собой (Полин, 1984; Полин, 1986; 1989; 1992; Полин, Симоненко, 1990; 1997; 2004).

Что же изменилось с тех пор?

За прошедшую четверть века в Северном Причерноморье и Приазовье не появилось ни одного сарматского комплекса III–II вв. до н.э. ни в старых материалах, ни в новых раскопках, которые могли бы засвидетельствовать хотя бы эпизодическое, в виде следов кратковременных набегов, присутствие сарматов на территории к западу от Дона. В междуречье Дона и Днепра имеется 62 сарматских комплекса и случайных находок не ранее II–I вв. до н.э. и еще 6 – конца II–I вв. до н.э. между Днестром и Прутом (Симоненко, 2000, с.158).

В Нижнем Подонье, на восточной окраине Скифии, за прошедшие десятилетия была значительно уточнена хронология памятников скифского периода, а также проанализированы разнообразные кочевнические комплексы IV–II вв. до н.э. этой территории. Строительство и разрушение укреплений Елизаветовского городища в середине – третьей четверти IV в. до н.э. сейчас рассматривается как следствие внутрорегиональных процессов. Установлено, что в конце или даже перед концом IV в. до н.э. население покинуло Елизаветовское городище, и все поселения Донской дельты, как считается, вследствие междоусобной войны Сатира и Евмела на Боспоре (Марченко и др., 1999, с. 77–78; Копылов, 2002, с. 232). Предполагается, что кочевое скифское население оставалось в этом регионе и после ухода населения городища и поселений дельты, поскольку диапазон датировок скифских курганов левобережья и правобережья Дона захватывает и начало III в. до н.э. (Глебов, 2002, с. 189, 190; 2007, с. 62, 63; Коваленко, 2006, с. 55). Однако датировки этой группы нижнедонских курганов подвергаются дальнейшей коррекции. Так, предложенная мной в свое время датировка Новочеркасского погребения концом IV – началом III в. до н.э. по херсонесской амфоре (Полин, 1992, с. 68) после уточнения датировки Александропольского кургана в пределах третьей четверти IV в. до н.э., где в околочурганной тризне найдены такие же амфоры (Полин, Дараган, 2010, с. 193, 194, 208), требует соответствующего удревнения и для Новочеркасского погребения, что и предлагает А.В. Дедюлькин (2015, с. 72). То же касается и кургана № 1 у Ново-Александровки. Предложенная для него датировка по херсонесским клеймам первой группы концом IV – началом III в. до н.э. (Лукьяшко, 2000, с. 167, 168) после находки таких клейм в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2010, с. 278, 279, 286–288) требует соответствующего удревнения до третьей четверти IV в. до н.э., как и кургана № 12 в группе Высочино-V, (Полин, 2014, с. 516, 517, 520, 521). Поэтому вывод о существовании на Нижнем Дону кочевого скифского населения и после ухода жителей Елизаветовского городища и поселений его округа вплоть до начала III в. до н.э., вероятно, придется согласовывать с датировкой по Елизаветовскому городищу и удревнять также до последних годов IV в. до н.э.

В результате появления новых данных для Нижнего Подонья сделан ряд обоснованных и весьма существенных выводов по появлению здесь сарматов:

- нижнедонской регион в IV – начале III в. до н.э. не был сарматским, и его населяли различные группы кочевников и западного, и восточного происхождения;

- военная активность сарматов на Нижнем Дону и в Северном Причерноморье в IV–III вв. до н.э., вопреки сложившемуся мнению, не находит достоверных подтверждений;

- приблизительно в конце первой трети III в. до н.э. происходит, если не полное исчезновение, то резкое сокращение кочевого населения Нижнего Дона и, соответственно, на протяжении большей части III в. до н.э. в Нижнем Подонье не было сколько-нибудь значительного постоянного кочевого населения;

- на археологическом материале подтверждается вывод, сделанный еще в 90-х гг. XX в. С.В. Полиным и Н.Е. Берлизовым об отсутствии датированных раннесарматских памятников развитого III в. до н.э. к западу от Поволжья;

- вплоть до конца III в. до н.э. не существовало сколько-нибудь серьезной сарматской угрозы с востока, поскольку возникший в начале III в. до н.э. Танаис обзаводится оборонительными стенами не ранее рубежа III–II или даже в начале II в. до н.э.;

- наиболее ранняя группа раннесарматских памятников в Нижнем Подонье относится к началу II–I вв. до н.э. (Глебов, 2002, с. 188–194; 2003, с. 80–86; 2004, с. 127, 128; 2007, с. 63–66; 2009; 2012, с. 28–32; Полин, 1992, с. 67–71; Берлизов, 1996, с. 31).

Сходная ситуация фиксируется и в Прикубанье. Концепция военно-политического преобладания в кубанских степях сарматов (сираков) уже в IV в. до н.э. и последующего непрерывного развития сарматской культуры в кубанском регионе (Марченко, 1996), согласно последним исследованиям, интерпретируется несколько иначе. По данным Н.Ф. Шевченко, кочевнические комплексы восточного происхождения IV – начала III в. до н.э. в Прикубанье весьма малочисленны и являются лишь частью разнородной массы кочевнических памятников, как и на Дону. Они не играли сколько-нибудь значимой роли в жизни региона при их абсолютной несопоставимости по численности с массой меотского населения, и притом что в этом регионе абсолютно доминировало Боспорское царство, по

крайней мере, до начала III в. до н.э. активно расширявшее свои пределы на восток. В III в. до н.э. в кубанском регионе также фиксируется сокращение численности кочевнических памятников. Массовое продвижение и переселение сарматов в этот регион, надежно фиксируемое археологически, происходит не ранее II в. до н.э. (Шевченко, 2011, с. 47–55).

В конце 1990-х гг. В.Ю. Зуев решительно пересмотрел хронологию и периодизацию раннесарматской культуры и пришел к выводу об отсутствии памятников III – первой половины II в. до н.э. в Волго-Уральском регионе (Зуев, 1998, с. 45–50; 1999, с. 306; 2000, с. 306–308, 327; 2000-А, с. 85–101), чему решительно воспротивились сарматологи. В.М. Клепиков и А.С. Скрипкин выделили в Поволжье горизонт сарматских комплексов, не содержащих импортов-хроноиндикаторов, но занимающих, по их мнению, промежуточное положение в хронологической шкале между хорошо датированными памятниками IV и II–I вв. до н.э. Таким образом, было выделено 38 комплексов III в. до н.э. Такой странный способ датирования, когда памятники уже не такие, как раньше, но еще не совсем такие, как позже, а посему должны располагаться между, получил название «метода зажатых датировок» (Клепиков, 2000, с. 117; 2002, с. 96–124; Клепиков, Скрипкин, 2002, с. 66–68; Скрипкин, Клепиков, 2004, с. 97, 98). Следует сразу отметить, что логика, являющаяся единственным основанием упомянутого метода (Клепиков, 2000, с. 117), в хронологии не работает и поэтому вряд ли предлагаемый способ может решить проблему, что и было отмечено коллегами (Зуев, 1999, с. 322, 323; 2004, с. 217, 218; Симоненко, 2003, с. 301, 302; Демиденко, 2007, с. 48–54; 2010, с. 365–368).

На мой взгляд, проблема выделения раннесарматских памятников III в. до н.э. так и остается нерешенной, хотя существование памятников этого времени сомнения не вызывает. Вероятно, в очень небольшом количестве, поскольку III в. до н.э. был временем глубокого упадка не только для Северного Причерноморья, но и для всего степного и лесостепного пояса Евразии. Пока же реальных сдвигов в этом направлении не чувствуется. С.Ю. Гуцалов в монографии по кочевникам Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. выделил группы памятников конца V–IV и III–I вв. до н.э. Из хронологического анализа немногих категорий вещей очевидно, что памятники III в. должны существовать, но для решительного отделения их от более

ранних памятников IV и более поздних II в. до н.э. надежные хроноиндикаторы отсутствуют и, соответственно, критериев для их выделения нет. Поэтому автор коррелировал комплексы со стрелами с таковыми же, где присутствуют и мечи, а в случае отсутствия последних оперировал процентными соотношениями типов стрел в колчане (Гуцалов, 2004, с. 72–78). Такое процентование может быть рабочим решением для определения принадлежности к хронологической группе, как говорится, за неимением лучшего способа, но все равно без надежных хроноиндикаторов-импортов проблема выделения памятников III в. до н.э. представляется неразрешимой. Автор совершенно справедливо обратил внимание на сложности соотнесения приуральских комплексов с северопрichernоморскими, поскольку существует немало уральских комплексов, в которых сочетаются в равной мере бронзовые втульчатые и железные черешковые наконечники – с позиций Северного Причерноморья сочетание абсолютно немислимое.

В публикации могильника VI–II вв. до н.э. у Лебедевки та же проблема решается несколько иначе. Здесь выделены хронологические группы конца VI–V в. (савроматская), конца V–IV в. (раннепрохоровская) и конца IV–II вв. до н.э. (классическая раннесарматская). Распределение комплексов между последними двумя группами решается просто. Все комплексы с мечами переходных типов, в том числе и с серповидным навершием и дуговидным перекрестьем, большими колчанными наборами из бронзовых и единичных железных черешковых наконечников стрел, каменными алтариками поздних форм, бляхами и пряжками с зооморфным рельефом и др., отнесены к концу V–IV в. до н.э. Комплексы с мечами с серповидным навершием и прямым перекрестьем, с единичными мечами с кольцевым навершием, колчанными наборами из железных черешковых наконечников с единичными бронзовыми втульчатыми и др. отнесены к IV–II вв. до н.э. С помощью метода, который здесь именуется «косвенным датированием», предлагается выделение комплексов III в. до н.э. по маленьким колчанным наборам (8–22 наконечника), в которых сочетаются и бронзовые втульчатые, и железные черешковые наконечники с преобладанием последних и единичности первых. Такие комплексы в равной степени могут относиться и к IV, и к III в. до н.э., но по находкам в Лебедевских курганах таких колчанов в сочетании с мечами

с серповидным навершием и прямым перекрестьем (Лебедевка-V, к. 27, п. 1; Лебедевка-VII, к. 16, п. 4), предлагается их датировка III – началом II в. до н.э. (Железчиков и др., 2006, с. 37–39). Замечу, что такие комплексы с равным успехом можно датировать и IV в., поскольку появление мечей с серповидным навершием в это время надежно зафиксировано в п. 3 Линевского кургана (Скрипкин и др., 2002, с. 109), и II–I вв. до н.э., к которым относится множество мечей с серповидным навершием и прямым перекрестьем.

В то же время по утверждению Н.Е. Берлизова в Заволжье и Приуралье имеется до 30 комплексов, узко датированных III в. до н.э. (Берлизов, 2003, с. 93–105; 2011, с. 60). Однако по литературе незаметно, чтобы кто-нибудь из сарматологов привлекал их для хронологических построений. Н.Е. Берлизов выделил сарматские комплексы III в. до н.э. преимущественно на основании датировок бус по сводам Е.М. Алексеевой (1975; 1978; 1982). Титаническая работа Е.М. Алексеевой основана лишь на находках в некрополях и культурных слоях греческих городов Северного Причерноморья. В ней не учтены находки из варварских памятников юга Восточной Европы. К сожалению, предложенные Е.М. Алексеевой даты основаны на датировках 1960-х – начала 1970-х гг., которые зачастую определялись очень приблизительно, по дате слоя, и нередко очень широко, в пределах двух столетий. Многие типы не имеют даты. Собственно, и в скифоведении в то время широко использовались датировки IV–III вв. или IV–II вв. до н.э., которые, как выясняется в наше время, практически все ограничены IV в., началом IV в., а то и концом V – началом IV в. до н.э., и лишь некоторые – концом IV – началом III в. до н.э.

Свод Е.М. Алексеевой охватывает далеко не весь ассортимент бус, встречаемый в скифских курганах Северного Причерноморья и нередко ее датировки разительно не соответствуют определяемым по скифским курганам (Бидзиля, Полин, 2012, с. 380–386, 465–471), на что давно обратил внимание А.С. Островерхов. По его наблюдениям, для многих типов бус из свода Е.М. Алексеевой, не имеющих датировки, такие даты дают находки в курганах Скифии V–IV вв. до н.э., они также позволяют существенно расширить хронологический диапазон для целого ряда типов бус. Так, например, по данным Е.М. Алексеевой фаянсовые бусы и подвески известны в VI в. до н.э., а затем после длительного перерыва

вновь появляются в III в. до н.э. и существуют позднее; в то время как в скифских курганах V–IV в. до н.э. такие бусы встречаются нередко, и в действительности они существовали непрерывно с VI в. до н.э. вплоть до первых веков новой эры. Целый ряд подобных примеров автор приводит и для стеклянных бус, и подвесок (Островерхов, 1985, с. 93, 97–107).

Большей частью датировки бус Е.М. Алексеевой носят ориентировочный характер и на их основании просто нельзя утверждать, что данный комплекс датируется не ранее III в. до н.э., или именно III в. до н.э., или не позднее этого времени. Отчасти для выделения комплексов III в. до н.э. Н.Е. Берлизов также использовал импортную керамику среднеазиатского производства, которая имеет очень широкие датировки в пределах IV–II вв. до н.э. Поэтому «зажимание» датировок комплексов с помощью дат бус и среднеазиатской керамики не даст желаемого результата, поскольку ни те, ни другие не имеют необходимой точности¹.

В 2003–2005 гг. был доисследован эпонимный могильник прохоровской (раннесарматской) культуры у с. Прохоровка в Оренбургской области. Кроме того, что могильник в свое время дал название раннесарматской культуре и по составу вещей из него был охарактеризован ее материальный комплекс, значительный интерес представляет его хронология. В свое время М.И. Ростовцев столкнулся с трудностями в датировании курганов у Прохоровки. Серебряные блюда из кургана № 1 он определил как ахеменидские и, руководствуясь датировкой надписи на них, датировал IV–III вв. до н.э. С другой стороны, принималась во внимание датировка памятников Каневской и поздней Полтавской групп памятников Приднепровской лесостепи, которые он считал родственными прохоровским и в целом выделенной им группе «переход-

¹ По мнению Н.Е. Берлизова я считаю, что позднепрохоровский комплекс II–I вв. до н.э. генетически не связан с раннепрохоровским IV в. до н.э. (Берлизов, 2003, с. 94). Подтвердить этого не могу, поскольку меня всегда интересовали исключительно вопросы хронологии прохоровской культуры с единственным выходом на историческую интерпретацию в том плане, что памятники прохоровской культуры III в. до н.э. практически неуловимы археологически, при этом в принципе я не отрицал их существования в этот период. Я также утверждал, что памятники прохоровской культуры III в. до н.э. не могут быть многочисленными и что к III–II вв. до н.э. не может быть отнесен расцвет этой культуры, который в действительности происходил позднее, во II–I вв. до н.э.

ного периода» на юге России III–II или даже II–I вв. до н.э. (Ростовцев, 1918, с. 79; 1925, с. 611, 612). Б.Н. Граков датировал курганы у Прохоровки III–II вв. до н.э. (Граков, 1928, с. 152–154). Позднее М.Г. Мошкова по серебряным блюдам датировала Прохоровский могильник рубежом IV–III, началом III в. до н.э., ограничив в целом существование прохоровской культуры концом IV–II вв. до н.э. (Мошкова, 1963, с. 8; 1974, с.11). В связи с наметившимися в 1980-х гг. общими тенденциями в хронологии материальной культуры скифов Северного Причерноморья к ее некоторому удревнению, такому же удревнению должна была подвергнуться и хронология культуры сарматов Нижнего Поволжья и Южного Приуралья, установленная П. Рау на основе существовавших в его время весьма поздних датировок скифских памятников (Рау, 1929).

Руководствуясь этими соображениями, я рассмотрел комплексы Прохоровского могильника и отнес их к двум отдельным могильникам. Первый – курганы № 3 и № 4, и по обряду, и по составу вещей являющиеся савроматскими, я датировал V–IV вв. до н.э. и отнес к савроматскому периоду, что лишало прохоровскую культуру архаического налета в виде каменных блюд, изделий звериного стиля, бронзовых наконечников стрел и ряда черт погребального обряда. Во втором могильнике курган № 2 я датировал не позднее IV в. до н.э. Определить датировку кургана № 1 я затруднился, поскольку круг аналогий найденным здесь вещам охватывал очень широкий период от IV в. до н.э. до I в. н.э. Рассматривая далее основы хронологии прохоровской культуры, я пришел к выводу о более широких рамках прохоровской культуры, начиная с IV, а возможно и с V в. до н.э., и ее доживании до I в. до н.э. включительно. О последнем писали ранее Б.Н. Граков (1928, с. 152–154) и К.Ф. Смирнов (1959, с. 318) и уверенно продемонстрировал А.С. Скрипкин на основе надежно датированных комплексов (Скрипкин, 1987, с. 231; 1990, с. 170; 2000, с. 146; Клепиков и др., 2008, с. 57). И.В. Сергацков предположил даже I в. н.э. в качестве конечной даты (Сергацков, 2000, с. 152). Я также настаивал на не меньшей, если не большей, проблематичности выделения прохоровских памятников III–II вв. до н.э., как и скифских, и на невозможности отнесения к этому периоду основной массы известных прохоровских памятников. Также нельзя предполагать и расцвет прохоровской культуры в этот

период в результате демографического взрыва. По-видимому, памятники прохоровской культуры этого периода были весьма немногочисленны (Полин, 1987, с. 132; 1992, с. 74–80).

Мои выводы принял и развил В.Ю. Зуев, который безоговорочно принял разделение Прохоровского могильника на две части, из которых северную (курганы №№ 3 и 4) он датировал второй половиной V – рубежом V–IV в. до н.э. и соотнес с савроматской культурой Южного Приуралья, которую предложил называть филипповской по названию знаменитых Филипповских курганов в Южном Приуралье, исследованных А.Х.Пшеничнюком в 1986–1990 гг. (Пшеничнюк, 1989; 2001, с. 26–37), и южную (курганы №№ 1 и 2), которую датировал рубежом II–I в., возможно началом I в. до н.э. Также он констатировал полное отсутствие памятников прохоровской культуры III – первой половины II в. до н.э. и предложил свою периодизацию для памятников Южного Приуралья, согласно которой памятники V–IV вв. до н.э. относятся к филипповской культуре, прекратившей свое существование на рубеже IV–III вв. до н.э. Памятники прохоровской культуры В.Ю. Зуев предложил датировать последней третью II–I вв. до н.э. (Зуев, 1998-А, с. 16–19; 1999, с. 306, 307; 2000, с. 310–327). Если мои предложения по уточнению датировки Прохоровских курганов в целом были приняты, то все основанные на них датировки Прохоровских курганов и новая периодизация савроматской культуры В.Ю. Зуева были встречены буквально «в штыхы» и категорически отвергнуты. Основной тезис оппонентов – прохоровская культура существовала непрерывно и никакого хиатуса в III – первой половине II в. до н.э. не было; есть 62 комплекса III в. до н.э. в Нижнем Поволжье, выделенных «вполне логичным приемом» (Скрипкин и др., 2002, с. 101–111).

Что же дали новые раскопки Прохоровских курганов? В 2003–2005 гг. здесь были доисследованы курганы №№ 1–4, частично раскопанные С.И. Руденко в 1916 г., в которых обнаружен целый ряд новых впускных захоронений, а также раскопаны курганы, которые С.И. Руденко обозначил на схеме, но не копал – курганы «Б» («городище»), «а» (оказался пустым), «б» и «в». Что касается хронологии старых и новых объектов, которую Л.Т. Яблонский в целом определил в пределах второй половины IV в., возможно, рубежа IV–III – первой половины II в. до н.э., то создается впечатление, что писалась она

исключительно как отповедь на хронологические построения В.Ю. Зуева, о чем свидетельствует адресованный непосредственно ему назидательно-поучающий вывод, дважды повторенный почти дословно на стр. 82 и 359: «Попытки ревизии традиционной для отечественной археологии концепции хронологии и периодизации сарматской культуры, прежде всего, с использованием материалов из Прохоровки, являются непродуманными, абсолютно необоснованными, авантюристическими и не выдерживающими никакой критики с точки зрения всей совокупности данных археологической науки» (Яблонский, 2010, с. 62, 359, 360). Однако, далеко не все настолько благополучно в королевстве Датском, то бишь в сарматоведении (впрочем, как и в любой другой отрасли археологии), как представлялось уважаемому автору, и даже если В.Ю. Зуев в чем-то неправ (но далеко не во всем; в его построениях содержится достаточно рационального, что стоило бы взять на вооружение; Зуев, 2004), из этого отнюдь не следует отказ от уточнений и пересмотра ряда положений в хронологии савроматской и раннесарматской культуры, которые в силу удаленности Поволжско-Уральского региона от древних центров цивилизации имеют крайне мало надежных хроноиндикаторов в виде узко датированных импортов и потому не отличаются надежностью.

По-видимому, стараясь полностью отсечь датировки Прохоровских курганов В.Ю. Зуева, как ранние для курганов №№ 3 и 4 второй половиной V – рубежом V–IV в. до н.э., так и поздние для курганов №№ 1 и 2, которые он датировал рубежом II–I вв., возможно первой половиной I в. до н.э., показать непрерывность развития прохоровской культуры и отсутствие какого-либо хиатуса в III – начале II в. до н.э., Л.Т. Яблонский определил весьма усеченные хронологические рамки Прохоровского могильника в пределах конца IV – первой половины II в. до н.э.

Дату знаменитого прохоровского погребения № 1 в кургане № 1 с железной кирасой, парадным мечом, золотой гривной и другими вещами ограничивает датировка вновь открытого впускного погребения № 4, где найдены длинный меч со слабо изогнутым серповидным наконечником и массивным прямым перекрестьем, а также два кинжала с прямым и слабо изогнутым наконечниками, прямыми перекрестьями и 60 бронзовых наконечников стрел (Там же, с. 58, 59, 72–75, рис. 41, 9–11; 45; Кат. 12, 72а, 73–78). По совокупности

признаков датировка впускного погребения № 4 не выходит за пределы IV в. до н.э., которым ограничивается и датировка первичного погребения № 1. Остальные пять впускных погребений имеют не столь ярко выраженный в хронологическом плане инвентарь, имеющих очень широкие рамки в пределах IV–I вв. до н.э. Предлагаемая датировка кургана № 1 «временем от конца IV и не позже III в. до н.э.» представляется слишком узкой и неполной, поскольку здесь присутствует полноценный IV в. до н.э., с одной стороны, и отсутствуют ограничения позднего рубежа в датировках вплоть до II–I вв. до н.э. – с другой. В отношении датировки погребения № 1 есть еще один момент, который нельзя упускать из виду. В.И. Мордвинцева обратила внимание на наличие трех пар отверстий по краям серебряных фиал, служивших некогда для крепления петель, что указывает на их использование в качестве фаларов, украшавших конскую сбрую. Она датирует погребение № 1 в Прохоровском кургане № 1 III в. до н.э. и таким образом прохоровские фалары оказываются наиболее ранними из всех известных, в то время как все прочие находки фаларов датируются не раньше конца III–II в. до н.э. (Федуловский клад, ст. Успенская, хут. Верхний, Васюрина гора), а основной массив находок – начиная со II–I вв. до н.э. и позднее (Мордвинцева, 1996, с. 155–159; Mordvinceva, 2001, с. 63, 68, 71–73). После открытия Л.Т. Яблонским в кургане № 1 впускного погребения № 4, надежно датируемого IV в. до н.э., дата центрального погребения № 1 с фаларами прочно занимает место в IV в. до н.э., и разрыв в датировках прохоровских фаларов с ранней группой находок фаларов в сарматском мире составляет уже не менее столетия. Все это наводит на мысль: а не существовало ли более позднее погребение II–I вв. до н.э., впущенное в центр кургана, и разрушившее первичное в кургане № 1 погребение IV в. до н.э., в результате чего возник столь смешанный набор вещей, аналогии которым охватывают период от IV в. до н.э. до I в. н.э.? Возможно, В.Ю. Зуев не так уж и неправ? Во всяком случае, такую вероятность исключать нельзя.

В кургане № 2 из погребения № 1 из грабительских раскопок 1911 г. происходит кинжал с прямыми наконечником и перекрестьем, с двугавровой в сечении рукоятью хорошего IV в. до н.э. и наконечник копья, также наиболее характерный для VI–IV вв. до н.э. Эту дату подтверждает датировка бесспорным IV

в. до н.э. впускного погребения № 2, в котором найден длинный меч с прямым навершием и массивным прямым перекрестьем, также с двутавровой рукоятью, в сопровождении колчанного набора из 40 бронзовых втульчатых и одного железного черешкового. Еще четыре впускных погребения этого кургана содержали инвентарь, широко датируемый в пределах IV–I вв. до н.э. Исследователь предлагает датировку кургана № 2 в пределах IV–III вв., при этом подчеркивая, что «никаких признаков II–I вв. до н.э. погребения кургана 2 не имеют» (Яблонский, 2010, с. 42–46, 75–77, Кат.83–84, 87–130), с чем согласиться нельзя.

В кургане № 3, погребение № 1 которого по находкам из старых раскопок и характерному для савроматского времени погребальному сооружению я предлагал датировать V–IV вв. до н.э., открыты два впускных погребения, из которых погребение № 2 прекрасно подтверждает предложенную дату, поскольку в нем найден меч с массивным прямым брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем V–IV вв. до н.э. в сопровождении массивных бронзовых наконечников стрел, характерных для того же времени. В предлагаемой дате кургана № 3 рубеж V/IV – III в. до н.э. (Там же, с. 31–34, 77, 78, Кат. 185–294) неоправданно расширен поздний диапазон. Видимо, правильнее было бы ограничиться IV в. до н.э.

Из кургана № 4 из погребения № 1 из раскопок грабителей и С.И. Руденко происходят обломок каменного блюда с орнаментированным бортиком и большое зеркало с плоской рукоятью, которые я с учетом характерной большой ямы со ступенькой, с одной стороны, датировал V–IV вв. до н.э. Здесь также открыты два впускных погребения, инвентарь которых может датироваться в пределах IV–I вв. до н.э. Поэтому вряд ли стоит ограничиваться в датировке всего кургана IV–III вв. до н.э. (Там же, с. 25–28, 79, Кат. 279–346).

Не менее интересные данные были получены в новых курганах Прохоровского могильника, впервые исследованных в 2003–2005 гг.

Курган «Б» («городище») содержал три погребения, из которых наибольший интерес представляет п. 3, в котором найдена серебряная чаша македонского производства, наконечник копья, золотые обкладки чаши и ряд других золотых украшений, колчаный набор из 111 железных черешковых и одного бронзового втульчатого, большое бронзовое зеркало, железный зооморфный колчаный крюк,

плакированный золотом, ониксовый алабастр, бусы и др. Предлагаемая дата погребения – третья четверть IV – первая половина III в. до н.э. Подавляющее большинство вещей находит аналогии в пределах IV в. до н.э. Ограничивающими дату здесь являются серебряная чаша, датировка которой определяется в пределах второй половины или даже третьей четверти IV в. до н.э., золотые накладки на чашу и наконечник копья. Последние, как уже отмечалось, практически отсутствуют в комплексах позднее IV в. до н.э. Для датировки чаш с золотыми накладками в Южном Приуралье определяющим является набор чаш из Филипповского кургана № 1 (Королюкова, 2001, Кат. 29–90), датирующийся не позднее конца V – первой половины IV в. до н.э. По материалам Скифии позднейшие чаши с золотыми обкладками содержатся в надежно датированных комплексах не позднее третьей четверти IV в. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 409–413), в том числе и из погребения в Новочеркасске в Нижнем Подонье, связываемом с «номадами восточного облика» (Глебов, 2012, с. 28; Дедюлькин, 2015, с. 72). Соответственно, и накладки из прохоровского кургана «Б» датируются не позднее этого времени, каковым и ограничивается дата п. 3 кургана «Б», максимум, с запасом, второй половиной IV в. до н.э. Погребение № 1 синхронизируется с п. 3 по находке мелких золотых украшений, п. 2 – безынвентарное (Яблонский, 2010, с. 15–24, 68–72, Кат. 347–1283).

Курган «б» содержал от 11 до 14 погребений², расположенных плотным скоплением, возможно, в три ряда. Автор считает все погребения тесно сопряженными во времени и датирует курган концом III – первой половиной II в. до н.э. (Там же, с. 46–54, 80, 81, Кат. 1296–1552), что, однако, не подтверждается топографией погребений и их датировками. В кургане «б» неоднократно зафиксированы случаи прорезания предыдущих погребений последующими, вплоть до полного разрушения (п. 11), что свидетельствует о значительной разновременности погребений, что также подтверждается их датировками. По-видимому, относительно ранним в кургане является п. 2-б, в котором найден архаичного облика орнаментированный круглодонный сосуд с примесью талька в тесте IV в., а возможно и V–IV вв. до н.э. Кинжал из п. 4

² На с. 47 в кургане «б» указано 13 захоронений, на с. 80 таковых значится 11, в отчетной части на с. 47–54 приводится описание 14 погребений (Яблонский, 2010).

со слабо изогнутым серповидным навершием и дуговидным перекрестьем явно относится к IV в. до н.э., чему не противоречит колчаный набор из 4 бронзовых втульчатых и 12 железных черешковых наконечников стрел. В п. 2-в и 9 найдены кинжалы с кольцевыми навершиями, наиболее ранние образцы которых достоверно датируются не ранее II–I вв. Встречаемость мечей с кольцевым навершием с мечами с серповидными навершиями в сопровождении исключительно железных черешковых наконечников стрел твердо указывает на невозможность их датировки ранее II в. до н.э., а в основной своей массе с I в. до н.э. и позднее (Скрипкин, 2005, с. 171–185). Остальные погребения кургана «б» имеют невыразительный инвентарь, широко датирующийся в пределах IV–I вв. до н.э., а возможно и шире. Таким образом, в целом диапазон кургана «б» охватывает IV–I вв. до н.э.

Курган «в» содержал три погребения, которые по справедливому определению Л.Т. Яблонского точной датировке не поддаются. И потому попытку синхронизировать на основании единства примеси толченой кости в тесте керамики из п. 3 кургана «в» с п. 7 из кургана «б» и датировать оба III–II вв. до н.э. трудно признать успешной, поскольку оба погребения относятся к числу не датированных (Яблонский, 2010, с. 28–31, 81, Кат. 1553–1555).

Подводя итог рассмотрению хронологии старых и новых курганов Прохоровского могильника, следует отметить, что в действительности его диапазон весьма широкий и охватывает период от IV в., или даже конца V в., вплоть до I в. до н.э. – практически весь период, ныне отводимый для раннесарматской прохоровской культуры (Клепиков и др., 2008, с. 50–61). Такое длительное использование курганов вновь проходящими группами кочевников на протяжении длительного периода, по наблюдениям К.Ф. Смирнова (1975, с. 156, 157) характерно для Южного Приуралья. Однако наполнение интервала III – начала II в. до н.э. остается слабым звеном и для Прохоровского могильника, впрочем как и везде. Скорее всего, здесь и имеются погребения этого отрезка времени, однако показать их наличие проблематично. Конечно, можно «зажать» даты и «логическим приемом» назначить нужные датировки для погребений, однако такие аргументы, как «скорее всего III в. до н.э.», «может быть III в. до н.э.», «не может датироваться позднее III в. до н.э.», «не исключает и III в. до н.э.» вряд ли могут

убедить в желаемом. Безуспешность метода «зажатых датировок» прекрасно показал С.В. Демиденко, согласно анализу которого не менее 60% погребений Нижнего Поволжья, «зажатых» в III в. до н.э., в действительности датируется не ранее II–I вв. до н.э. (Демиденко, 2007, с. 51–53). Так что пресловутая «проблема III в. до н.э.» по-прежнему остается злободневной и для Прохоровского могильника, и для Поволжско-Приуральского региона в целом.

Значительные сдвиги в направлении решения проблемы III в. до н.э. произошли в Северо-Западном Причерноморье. Здесь в 1995–2012 гг. тираспольские археологи Е.В. Яровой, И.А. Четвериков и В.С. Синика возобновили и успешно завершили раскопки большого курганного могильника у с. Глиное в Нижнем Поднестровье, отчасти известного по слабо документированным старым раскопкам И.Я. и Л.П. Стемпковских 1896–1910 гг. (Мелюкова, 1962). В наше время здесь было раскопано 115 скифских курганов III–II, возможно, вплоть до начала I в. до н.э., т.е. именно того хронологического диапазона, который нигде более в Скифии не представлен. Эти курганы продолжают скифские традиции V–IV вв. до н.э. как в погребальном обряде, основных чертах материальной культуры, имеющей здесь региональный гетский налет в виде керамики, так и в образе жизни. В основных чертах это те же скифы-скотоводы, полукочевники, имевшие довольно крупные поселения на Днестре (Чобручи – Фидельский, 2012, с. 16–20; Иващенко, 2012). Они резко отличаются от сугубо оседлого земледельческого позднескифского населения Нижнего Днепра и предгорного Крыма. Таким образом, на территории Нижнего Поднестровья, возможно и вплоть до низовий Дуная, в III–II вв. до н.э. сохранялся очаг прежней скифской культуры (Тельнов и др., 2012, с. 5–15).

Многочисленные находки характерных конских бронзовых пластинчатых налобников с крючком в курганах Глиного позволили Ю.П. Зайцеву окончательно решить вопрос о принадлежности т.н. «странных комплексов» с такими налобниками, надежно связать их с поздними скифами III–I вв. до н.э., уточнить хронологию, как он их предпочитает называть, вотивно-ритуальных комплексов, определить их ареал и на основе античного керамического импорта выделить группы III–II и II–I вв. до н.э. На основе картографирования этих находок Ю.П. Зайцев пришел к выводу о существовании в III–II вв. до н.э. в степном

Северном Причерноморье огромных незаселенных территорий, номинально принадлежавших поздним скифам и контролируемых ими, окаймленных с юга синхронными погребальными комплексами. По его мысли, такие ритуально-вогивные комплексы на незаселенной территории степи и лесостепи в Волго-Днестровском междуречье фиксируют основные пути сообщения (Зайцев, 2012-А; 2012-Б).

В результате многолетних полевых работ Н.А. Гаврилюк и В.П. Былковой за эти годы была уточнена хронология скифских нижнеднепровских поселений и городищ, находящихся в пределах нынешних Запорожской и Херсонской областей. Скифские поселения времени существования Причерноморской Скифии полностью укладываются в хронологические рамки IV в. до н.э. и только Каменское городище доживает до начала III в. до н.э. Таким образом, по мнению авторов, нет ни малейших оснований говорить о концентрации скифского населения вокруг Нижнеднепровской долины в III–II вв. до н.э. Здесь найдены фрагменты биконических амфор Фасоса, гераклейских, в том числе клейменных³, боспорских, типа Солоха-I и Солоха-II, херсонесских, в том числе ручка с клеймом астинома Ксенона, хиосских прямогорлых амфор с колпачковой ножкой, ранних синопских амфор, в том числе клеймо астинома Филократа, косских с двуствольными ручками, Менды мелитопольского типа (Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29-31, 34, 35; Гаврилюк и др., 1992-Б, с. 7, 14, 22, 23, 26; Гаврилюк, 2013, с. 132, 161–184).

Все перечисленные в публикации Н.А. Гаврилюк, В.П. Былковой и С.Н. Кравченко типы амфор, найденные на скифских поселениях Нижнего Днепра времени существования Причерноморской Скифии, твердо датируются в пределах IV в. до н.э. На сегодняшний день фасосские биконические амфоры датируются в пределах конца V – третьей четверти IV в. до н.э., гераклейские – конец V – начало III в. до н.э., Солоха I и II (Пепарет) – первая – третья четверть IV в. до н.э., хиосские с колпачковой ножкой – конец V – третья четверть IV в. до н.э. Синопские амфоры ранних типов датируются, начиная со второй четверти IV в. до н.э. Астином Филократ в составе синопских астиномов не числит-

ся. По-видимому, клеймо прочтено неверно⁴ (Монахов, 2003, с. 20–22, 28, 29, 56–76, 96–99, 101–110, 123–144, 146–151; Бидзиля, Полин, 2012, с. 571). Боспорские амфоры сейчас определяются как продукция Икоса конца первой – третьей четверти IV в. до н.э. (Монахов, Федосеев, 2013; Монахов, Кузнецова, 2009). Херсонесский астином Ксенон входит в группу I-Г, по В.И. Кацу, который датирует ее первым десятилетием III в. до н.э. (Кац, 2007, с. 442). Учитывая находку херсонесских клейм I и II групп, по В.И. Кацу, в тризне Александропольского кургана в контексте третьей четверти IV в. до н.э., начало херсонесского клеймения должно быть сдвинуто к 350 г. (Полин, 2010, с. 278, 279, 286–288), и, таким образом, датировка Ксанфа находится в пределах второй половины IV в. до н.э. Косские и псевдокосские амфоры I и II типов, по С.Ю. Монахову, как с одно, так и с двуствольными ручками выпускались на протяжении всего IV и самого начала III в. до н.э. (Монахов, 2014, с. 202–211).

По данным Н.А. Онайко на нижнеднепровских городищах и поселениях примерно в 20 пунктах была найдена античная керамика III–II вв. до н.э. (Онайко, 1970, №№ 29–34, 38, 40–45, 71–74, 77–88, 95–105, 132–134, 215–232, 239, 240, 266, 267, 359–375). Как выяснила В.П. Былкова, специально изучавшая эти материалы, все эти датировки нуждаются в корректировке на современном уровне. В результате проясняется, что из всех амфорных материалов, предложенных Н.А. Онайко к датировке III–II вв. до н.э., остается лишь одно синопское клеймо (Там же, № 87) группы V-E начала II в. до н.э., по Н. Коновичи, или VII-A 215–190 гг. до н.э., по В.И. Кацу (2007, с. 441, № 166), найденное в районе с. Ушкалка вне связи с конкретным памятником. В дополнение к нему следует упомянуть единичные находки фрагментов родосских амфор с клеймами эпонима Айносидамуса-II в позднескифском святилище в группе Рядовых могил возле Кривого Рога и ручки с клеймом у пос. Кушугум возле Запорожья конца III – начала II в. до н.э. (Полин, 2014, с. 635). Клеймо эпонима Архилаида первой четверти II в. до н.э. происходит из Капуловки из сборов А.В. Бодянского, еще одно эргастериарха Агатобула второй половины II в. до н.э. поднято из Днепра в районе Каменского городища (Плешивенко, 1991, с. 165, табл. 3, II; 2000,

³К сожалению, комплекс амфорных клейм поселения Лысая гора остался неопубликованным. Обещанная специальная публикация так и не появилась.

⁴ Ссылка на определение Н.Ф. Федосеева неверна – он не определял это клеймо (личное сообщение) и такой астином в его классификации отсутствует.

с. 229, табл. 6, 12). По данным В.П. Былковой, скифские поселения предшествующего периода завершают существование не позднее конца первой трети III в. до н.э., и долгое время эта территория оставалась пустой. На всех без исключения нижнеднепровских скифских и позднескифских поселениях и городищах отсутствует слой или какие-либо объекты III в. до н.э. Лишь во второй половине II в. до н.э. возникают позднескифские Знаменское городище, в конце II–I в. до н.э. – Гавриловское городища, на рубеже II–I в. до н.э. – Анновское и Великолепетихское городища, в I в. до н.э. – поселения в Золотой Балке и во Львово, а также городища Любимовское, Каирское, Красномаяцкое и Николаевка (Козацкое), в I в. до н.э. – I в. н.э. – Горностаевское, Консуловское, Саблуковское, Понятовское и Старошведское городища (Былкова, 2007, с. 17, 18, 109–114; 2007-А, с. 91–97).

На этом фоне очень странно звучит утверждение Н.А. Гаврилюк (которая сама отметила отсутствие на 106 скифских поселениях IV в. до н.э. каких бы то ни было материалов позднее этой даты, и лишь Каменское городище доживает до первой четверти III в. до н.э.), что «в III в. до н.э. продолжалась жизнь на правобережных поселениях», в подтверждение чему приводятся материалы «эллинистического времени», в числе которых амфоры типа Пепарет-I, хиосские колпачковые, фасосские биконические, гераклеийские и синопские, найденные на Золотобалковском поселении и синопские, типа Солоха I и II, и фасосские биконические, обнаруженные на Анновском городище. Т.е. именно те самые типы амфор, перечисленные выше, которые служили ей для датировки скифских поселений IV в. до н.э. предшествующего периода (Гаврилюк, 2013, с. 535–538; Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29–31, 34, 35; Гаврилюк и др., 1992-Б, с. 7, 14, 22, 23, 26). Единственный тип амфор, ошибочно названный в числе ранних эллинистических, – поздние косские, найденные на Анновском городище и Золотобалковском поселении, М.И. Вязьмитина датировала II–I вв. до н.э. (Вязьмитина, 1962, с. 154, рис. 71, 11, 12), И.Б. Зеест – I в. до н.э. – I в. н.э. (Зеест, 1960, с. 109, табл. XXVII, 61, 62). По С.Ю. Монахову, это V тип косских амфор III–I вв. до н.э. (Монахов, 2014, с. 214, рис. 12). Эти амфоры не имеют никакого отношения к эллинистическим и относятся к периоду существования позднескифского городища. Также неверно использование херсонесского клейма из Анновского городища для подтвержде-

ния его датировки III–II вв. до н.э. Частично оттиснутое херсонесское желобчатое клеймо отнесено к астиному Аполлу и со ссылкой на В.В. Борисову датировано концом III–II в. до н.э. (Гаврилюк, Абикулова, 1991-А, с. 22, рис. 19, 1). Но здесь двойная ошибка. В каталоге В.В. Борисовой для Аполла обозначена дата – конец IV – начало III в. до н.э. (Борисова, 1974, с. 112, № 11, Табл. II, 2). Кроме того что перепутана дата, неверно восстановлено и само клеймо. Благодаря альбому В.И. Каца с прорисовками штампов херсонесских клейм, не трудно восстановить клеймо астинома Батилла (Кац, 1994, табл. XIII, 1-32, 1–1-32, 4)⁵, входящего в группу I-Б последней четверти IV в. до н.э., по В.И. Кацу (2007, с. 442), дату которого, как уже отмечалось выше в связи с находкой в Александропольской тризне, необходимо удревять до третьей четверти IV в. до н.э. Таким образом, херсонесское клеймо Анновского городища не имеет отношения к его позднескифскому периоду, а принадлежит к скифскому поселению предшествующего периода IV в. до н.э.

Еще более удивительно слышать огульное утверждение без какой бы то ни было аргументации, что все предложенные В.П. Былковой датировки для позднескифских городищ Нижнего Днепра неверны. Должен категорически возразить, что прекрасное знание античного материала отнюдь не понаслышке и высочайшая квалификация В.П. Былковой, подтвержденная многолетними успешными полевыми работами и многочисленными печатными трудами, не вызывают ни малейших сомнений. Предложенные ею датировки позднескифских городищ обоснованы полным анализом имеющихся материалов⁶, которыми она великолепно владеет в отличие от предлагаемых Н.А. Гаврилюк, основанных на механическом суммировании достоверных и ошибочных датировок находок. Также вдруг Н.А. Гаврилюк утверждает, что В.П. Былкова построила свои рассуждения на отсутствии находок родосских клейм (что абсолютно не соответствует действительности, поскольку в работах В.П. Былковой проанализированы абсолютно все датированные находки), которые по уверению

⁵ Очень приятно увидеть, что мое восстановление клейма, сделанное в процессе написания статьи, полностью подтверждает восстановление В.П. Былковой, сделанное намного раньше (Былкова, 2007-А, с. 95).

⁶ Не только из фондов ИА НАНУ и Херсонского краеведческого музея, но и из коллекции МГУ.

Н.А. Гаврилюк имеются на Капуловском городище и поселении Лысая Гора со ссылкой на фонды Запорожского музея (Гаврилюк, 2013, с. 537, сноски 123), но о которых в собственных публикациях она не упоминает (Гаврилюк, 2013, с. 154, 158–184; Гаврилюк и др., 1992-А, с. 29). Упомянутые выше родоские клейма из Капуловки первой четверти II в. до н.э. и второй половины II в. до н.э. из Днепра у Каменского городища только подкрепляют датировки и выводы В.П. Былковой (Плещивенко, 1991, с. 165, табл. 3, II; 2000, с. 229, табл. 6, 12).

Таким образом, на Нижнем Днепре фиксируется длительный перерыв между скифскими поселениями времени Великой Скифии, завершившимися существование не позднее первой четверти III в. до н.э., и позднескифскими периода Малой Скифии, начавшими создаваться во второй половине II в. до н.э.

За прошедшие годы грандиозные работы по исследованию городищ позднескифского периода были также проделаны в Крыму. К сожалению, ранний период скифской оседлости остается слабо изученным. Немногочисленные скифские поселения, очень мало изученные, предварительно датируются IV–III вв. до н.э. Следы таких поселений зафиксированы на всех основных позднескифских городищах Крыма (Булганакское, Кермен-Кыр и др.). Несколько поселений открыто на степной равнине в Центральном Крыму (Гаврилов, Шонов, 2004, с. 89; Колтухов, 2004, с. 218, 219). Намного больше информации по Юго-Восточному и Восточному Крыму. В окрестностях Феодосии вплоть до восточного Присивашья зафиксировано более 60 скифских поселений конца V – первой трети III в. до н.э. (Гаврилов, 2004, с. 137; 2004, с. 339, 340). В Восточном Крыму известно около 300 варварских поселений конца V – первой трети III в. до н.э. (Кругликова, 1975, с. 256–277; Масленников, 1998, с. 72–88; Колтухов, 2004, с. 220–230). Фиксируется хронологический разрыв между ними, завершившимися существование в начале III в. до н.э., и позднескифскими городищами, возникающими в конце III – начале II или на рубеже III–II в. до н.э. в предгорном Крыму (Пуздровский, 1999, с. 212; 2007, с. 78, 87), где к этому времени относится более десятка позднескифских городищ – Кермен-Кыр, Пионерское, Брусилowo (Беки-Эли), Мазанское, Борут-Хане, Меловое, Бурундукское, Сары-Кая, Бор-Кая-1, Куру-Баш, Развилка, Булганакское. Всего в предгорном Крыму известно более 50

городищ и убежищ, датирующихся от III–II вв. до н.э. – III в. н.э. При многих из них зафиксированы синхронные неукрепленные поселения (Колтухов, 1999, с. 18–21; Смекалова и др., 2015, с. 8, 99, 105–108, 131–134, 146, 151, 154, 162–164, 177–180, 201–205, 218, 223, 228, 234). Окончательно решен вопрос о времени возникновения Неаполя Скифского. Была установлена связь слоя IV в. до н.э. с поселением кизил-кобинской культуры или скифским предшествующего периода (Храпунов, 2004, с. 82, 83) и его непричастность к городу-крепости Неаполю. Основание самого Неаполя по многочисленным датированным находкам относится ко второй четверти – середине II в. до н.э. (Зайцев, 2003, с. 21, 41, 42).

Отдельного внимания заслуживает подлинное открытие на уже известном позднескифском городище-крепости Ак-Кая – Вишенное возле Белогорска в 2005–2014 гг., когда было установлено его возникновение в конце IV в. до н.э. и непрерывное существование вплоть до III в. н.э. Возле него открыты и подкурганые захоронения III–II вв. до н.э. Предполагается столичная роль этого городища на начальном этапе позднескифской истории в III – начале II в. до н.э. не только для Крыма, но и для всего позднескифского Северного Причерноморья, которая в середине II в. до н.э. перешла к Неаполю (Зайцев, 2013, с. 500, 501; 2015, с. 53; 2015-А, с. 168–170; Зайцев, Колтухов, 2016, с. 124, 125). Это единственный памятник в Крыму, перекрывающий лагуну III в. до н.э.

Сарматы в Крыму. Как и раньше традиционно предполагается участие сарматов в крымских событиях в III в. до н.э. – в разгроме поселений хоры Херсонеса и европейской части Боспора дальними набегами из-за Дона и наличие сарматов в северном Крыму в первой половине II в. до н.э., откуда они, как предполагается, будучи союзниками Херсонеса время от времени контролировали поздних скифов карательными набегами с территорий вне Крыма (Пуздровский, 1994, с. 397; 1999, с. 209, 210; 2001, с. 87, 90; Колтухов, 1999, с. 81; Храпунов, 2004, с. 125). Основаниями для этого являются херсонесский декрет «О несении Диониса» конца первой четверти III в. до н.э. (восстановление в котором этнонима «сарматы» более чем проблематично), легенда об Амаге (имеющая совершенно фантастический контекст при отсутствии каких-либо хронологических привязок), а также мирный договор Понтийского царя Фарнака I 180/179 гг. до н.э., в котором в числе

многих упоминаются Херсонес Таврический и сарматский царь Гатал. Между последними никакой связи из контекста договора не следует. Деятельность Гатала более доказательно связывается с территорией Прикубанья и Северного Кавказа в целом (Полин, 1992, с. 90–94; Марченко, 1996, с. 124–127).

Первым достоверным историческим свидетельством пребывания сарматов в Крыму является декрет в честь Диофанта 110/109 гг. до н.э., упоминающий ревксиналов–роксоланов в числе союзников позднескифского царя Палака. По-видимому, неудачный первый заход сарматов в Крым, завершившийся сокрушительным разгромом, на какое-то время отбил у сарматов тягу к крымскому региону, и они здесь не задержались. Сарматских погребений этого времени в Крыму нет (Симоненко, 1993, с. 116; Храпунов, 2004, с. 126, 141). Тем не менее, А.Е. Пуздровский считает возможным говорить о первом этапе проникновения сарматов Крым в конце II–I в. до н.э. (Пуздровский, 1999, с. 216). Но по археологическим данным проникновение сарматов в степной Крым фиксируется только с I в. до н.э. – II в. н.э. (около десятка погребений с небогатым инвентарем) и в предгорный, где также отмечено несколько сарматских погребений того же времени (Симоненко, 1993, с. 67–75; Храпунов, 1995, с. 71; 2004, с. 126–129; Пуздровский, 2007, с. 40–43). В их числе и знаменитое богатейшее погребение сарматки в Ногайчинском кургане I в. до н.э. (Зайцев и др., 2013, с. 51). Начиная с середины I в. н.э. и позднее отмечается значительная, возрастающая во времени доля сарматских погребений в подбоях в составе ряда позднескифских могильников предгорного Крыма (Храпунов, 2004, с. 129–142; Пуздровский, 2007, с. 87, 165).

В Северном Причерноморье для скифоведения последняя четверть XX века ознаменовалась колоссальным спадом полевых исследований. Раскопки скифских курганов стали эпизодическими. Только Г.Н. Тощев, уже почти 30 лет ведущий раскопки гигантского могильника Мамай-гора в Запорожской области, с успехом их продолжает. За эти годы на Мамай-горе исследовано около 300 скифских курганов, содержащих более 400 погребений V–IV вв. до н.э. (Андрух, Тощев, 2012, с. 485–490). Тем не менее, и в эти годы было исследовано несколько курганов высшей скифской знати, таких как Соболева Могила и курган № 13 близ города Орджоникидзе в Днепропетровской обл., Братолюбовский курган в Херсонской обл., проведены неболь-

шие повторные раскопки Чмыревой Могилы в Запорожской обл. (Болтрик, Фіалко, 2012), раскопки кургана Беш-оба-IV в Крыму (Колтухов, 2006; 2007), доисследование Рыжановского кургана и раскопки Скифской Могилы в Черкасской обл. (Скорый, 1999; Скорый, Хохоровски, 2009), раскопки кургана Блинец-2 в городе Днепропетровске (Ромашко, Скорый, 2009). Особое значение имело доисследование одного из ведущих скифских памятников – царского Александропольского кургана в Днепропетровской обл. (Полин, Дараган, 2010; Polin, Daragan, 2011). За эти годы также были опубликованы результаты раскопок ряда ключевых курганов высшей скифской знати – Бабина, Водяна и Соболева могилы (Мозолевский, Полин, 2005), Гайманова Могила (Бидзиля, Полин, 2012), Рыжановский и Братолюбовский курганы (Скорый, 2005; Скорый та ін., 1999; Chochorowski та insh., 1996; 1997-A; 1997-B; 1999-A; 1999-B; 2001; Кубышев и др., 2009), Золотобалковские курганы (Полин, 2014).

Важнейшее значение для дальнейшего успешного развития скифоведения имело появление в эти годы фундаментальных разработок В.И. Каца, Н.Ф. Федосеева, А. Аврама, Н. Коновичи, И. Гарлана, Г. Финкельштейна по амфорным клеймам Херсонеса Таврического, Гераклеи Понтийской, Фасоса, Синопы, Родоса и других центров (Кац, 1994; 2007; Avram, 1996; Conovici, 1998; Fedoseev, 1999; Garlan, 1999; 2004; 2004-2005; Finkielsztejn, 2001). Особо следует отметить монографии и ряд важнейших статей С.Ю. Монахова по типологии амфор, локализации центров их производства и хронологии отдельных типов амфор и серий, публикацию множества амфорных комплексов из скифских курганов Северного Причерноморья, благодаря которым были точно датированы многие скифские курганы, в том числе и царские (Монахов, 1989; 1999; 2003; 2013; 2014⁷; Монахов, Кузнецова, 2009; Монахов, Федосеев, 2013). На этой основе удалось точно датировать ряд новых курганов (Бабина, Водяна и Соболева могилы, Золотобалковские курганы). В результате была получена новая серия надежно датированных курганов скифской элиты.

В полной публикации Гаймановой Могилы все погребения этого кургана датированы первой половиной IV в. до н.э. в отличие от существовавшей прежде в скифоведении

⁷ Здесь указаны лишь некоторые статьи С.Ю. Монахова. В действительности их намного больше.

нии датировки (третья четверть IV в. до н.э.). По материалам Гаймановой Могила была выделена хронологическая группа скифских царских курганов второй четверти – середины IV в. до н.э. Это позволило выстроить хронологическую цепочку, демонстрирующую непрерывную скифскую традицию сооружения царских курганов от времен Геродотовой Скифии середины – третьей четверти V в. до третьей четверти IV в. до н.э. включительно. Также были выделены хронологические группы скифских курганов второй четверти – второй половины V в., первой половины IV в., третьей четверти IV в., конца третьей четверти IV – начала III в. до н.э. После открытия тираспольскими археологами могильника в Глино впервые стало возможным выделение хронологической группы скифских курганов III–II вв. до н.э. (Бидзиля, Полин, 2012, с. 508–584).

На основе уточнения датировок отдельных типов амфор, а также выделения хронологических горизонтов клейменных и неклеяемых амфор, разработанных С.Ю. Монаховым, по материалам окологурганной тризны, добытых при доисследовании в 2004–2009 гг., была определена точная датировка одного из ведущих памятников Скифии – царского Александропольского кургана в пределах 340–330 гг. до н.э. Находки в колоссальной александропольской тризне кургана клейм I и II групп Херсонеса Таврического, гераклеиских клейм позднефабрикантской группы, фасосских клейм позднего типа в контексте третьей четверти IV в. до н.э. позволяют отнести начало херсонесского клеймения к середине IV в. до н.э., а также датировать упомянутые клейма других центров в пределах 340–330 гг. до н.э. (Полин, 2010; Полин, Дараган, 2010; Polin, Daragan, 2011). Накопление материалов по тризнам скифских курганов позволяет удревнить датировку заключительных групп фасосских клейм раннего типа и ограничить ее пределами второй четверти IV в. до н.э., а также датировать начало фасосского позднего клеймения около 350 г. до н.э. и выделить наиболее раннюю группу поздних фасосских магистратов третьей четверти IV в. до н.э. (Полин, 2015).

На той же основе с учетом вероятных поправок в датировках клейм Гераклеи, Фасоса и Херсонеса, с использованием разработок Е.Я. Рогова и И.В. Тункиной по взаимовстречаемости различных типов чернолаковой керамики с группами клейменных и неклеяемых амфор по материалам грече-

ских некрополей Северного Причерноморья (Рогов, Тункина, 1998), также был проанализирован керамический импорт из всех курганов степной Скифии от Дона до Дуная, как курганов скифской знати, так и рядовых. В результате выделились группы V в. до н.э., преимущественно середины – второй половины столетия (168 курганов и погребений), первой половины IV в. (374), середины – третьей четверти IV в. (286), второй половины IV – начала III в. (57) и 19 погребений и так называемых «странных комплексов» III–II вв. до н.э. Эти данные демонстрируют пик курганного строительства в степной Скифии Северного Причерноморья в первой половине – третьей четверти IV в. до н.э., прекращение строительства царских курганов в третьей четверти IV в. до н.э. и резкий спад и полное прекращение строительства всех курганов в конце третьей – последней четверти IV в. до н.э. Вероятно, затухание жизни в Нижнеднепровской Скифии происходило синхронно с оставлением Елизаветовского городища и завершилось еще перед концом IV в. до н.э. При полном запустении большей части степной и лесостепной Скифии в Нижнем Поднестровье существовала крупная группа скифских курганов III–II вв. до н.э., не имеющая аналогов на всей остальной территории (Полин, 2014).

Что же мы получаем на основе новых фактов по проблеме сарматского завоевания Северного Причерноморья «в сухом остатке»?

Запустение всей лесостепной и большей части степной Скифии в конце IV в. до н.э., местонахождение сарматских памятников, которые могли бы датироваться III – началом II в. до н.э., не ближе Заволжья, появление сарматов на Нижнем Дону не ранее II в. до н.э., всё больше расширяют во времени и пространстве дистанцию между прекращением существования Причерноморской Скифии в конце IV в. и появлением сарматов в Северном Причерноморье во II–I вв. до н.э. Все это красноречиво свидетельствуют об отсутствии причинно-временной обусловленности этих событий. В связи с основательной удаленностью от Причерноморского театра боевых действий от локализации сарматов III–II вв. до н.э. не ближе Заволжья, отходят в область фантастики идеи сарматских набегов для разгрома хоры Херсонеса и Европейского Боспора, а также участие сарматов в событиях вокруг Ольвии в III в. до н.э., запечатленных в декрете в честь Протогена.

Обозначились очаги скифского обитания в III в. до н.э. в Нижнем Поднестровье (Глиное) и в Крыму (городище Ак-Кая/Вишенное), предшествовавшие позднескифским городищам Нижнего Поднепровья и Предгорного Крыма. Благополучное существование крупной скифской группы к западу от Ольвии в Нижнем Поднестровье на протяжении III–II вв. до н.э. (Глиное) свидетельствует о том, что предполагавшаяся угроза нашествия скиров и галатов, упоминаемая в декрете в честь Протогена, не состоялась, и движение этих народов обошло стороной этот регион.

По имеющимся данным продвижение сарматов на восток было медленно-поступательным и достаточно осторожным и отнюдь не носило характера сокрушительного нашествия или молниеносного завоевания. В Танаисе оборонительные стены сооружены не ранее рубежа III–II или даже в начале II в. до н.э. Появившись в Нижнем Подонье во II в. до н.э., сарматы только во второй половине столетия, а скорее во II–I вв. до н.э. продвигаются в Днепро-Донское междуречье, занимая свободные степные территории, не затрагивая территориальные сферы интересов позднескифских городищ Нижнего Поднепровья. Укрепления наиболее раннего нижнеднепровского левобережного Знаменского городища строятся не ранее рубежа II–I в., а возможно, и в начале I в. до н.э. (Полин, 1992, с. 108), что фиксирует время возникновения сарматской угрозы на Нижнем Днепре. Лишь единичные сарматские погребения II–I вв. до н.э. обнаружены на правом берегу Днепра и несколько далее к западу. Только после прекращения существования скифской группы на Нижнем Днестре и Малой Скифии в Добрудже в конце II – начале I в. до н.э., сарматы к рубежу эр вышли на Нижний Дунай и двинулись дальше. Появившись в конце II в. до н.э. в Крыму в роли союзника позднескифского царя Палака, сарматы, после сокрушительного поражения, отошли обратно в причерноморские степи и проникли в Крым только в I в. до н.э. – I в. н.э. и лишь в I–II вв. н.э. фиксируется их массовое присутствие в Предгорном Крыму.

Что касается причин упадка Причерноморской Скифии и позднего появления здесь сарматов, то я и сейчас склонен видеть главнейшую из них в неблагоприятных природно-климатических факторах⁸. Конечно, с этих

позиций трудно объяснить, почему плодороднейшие территории Нижнего Поднепровья и Подонья в III – начале II в. до н.э. оставались пустыми, и скифы в это время предпочли Нижнее Поднестровье, значительно уступающее этим районам в природном отношении. Вероятно, дело не только в климатическом факторе. По-видимому, помимо климатических, происходили и какие-то другие катастрофические экологические изменения глобального характера, в том числе и такие, которые на сегодняшний день даже и представить трудно (пандемии, эпизоотии, возможно, что-то еще), тем не менее, вызвавшие исчезновение подавляющего большинства скифского населения не только в степи, но и в лесостепи Северного Причерноморья. И такие катастрофические изменения охватили весь степной и лесостепной пояс Евразии, где в III в. до н.э. во всех без исключения регионах произошел слом развития практически всех культур скифоидного облика предшествующего периода, их исчезновение и появление новых культур в последующий период или прослеживается существование старых культур в качественно новом виде. За пределами Северного Причерноморья в остальной части Евразийского степного и лесостепного пояса это прослеживается гораздо менее очевидно и отчетливо, поскольку чем дальше к востоку, тем все более расплывчатой становится хронология материальной культуры, и все эти процессы при существующих весьма широких и приблизительных датировках выглядят растянутыми во времени, плавными и постепенными на уровне нормального эволюционного развития. Тем не менее, такой резкий перелом в III в. до н.э. имел место на всей этой столь огромной территории. Он мог быть вызван только глобальными экологическими изменениями самого разнопланового характера.

на отдельных небольших участках массового скопления скота, например, в местах подхода к водопоям. Но для огромных пастбищных территорий Северного Причерноморья с его многообразием рельефа, позволяющим рационально использовать разнохарактерные пастбища в различные времена года, такая ситуация просто не реальна. Ни один скотовод-кочевник никогда не допустит перевыпаса на отдельном пастбище. Из этнографии хорошо известно, как оберегались пастбища от преждевременной потравы, особенно в местах будущих зимовок. Да и воспроизводство скота никогда не бывало чрезмерным, будучи регулируемым эпизоотиями (с 12-летним постоянством), а также неблагоприятными зимовками, что тоже случалось нередко.

⁸ Н.А. Гаврилюк предпочитает видеть причину упадка Скифии во всеобщей пастбищной дигрессии (Гаврилюк, 2013, с. 528). Думается, что скотосбой пастбищ в результате перевыпаса возможен лишь

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1975. 94 с. + 19 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1978. 104 с. + 34 табл.
- Алексеева Е.М.* Античные бусы Северного Причерноморья / САИ. Вып. Г1-12. М.: Наука, 1982. 87 с. + 20 табл.
- Андрух С.И., Тоцев Г.Н.* Могильник скифского времени Мамай-гора // W. Blajer (ed.). Peregrinationes archaeologiae in Asia et Europa. Joanni Chochorowski dedicatae. Krakow: Profil-Arheo, 2012. С. 485–490.
- Берлизов Н.Е.* Сарматы в Предкавказье. Некоторые аспекты исследования // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа: XIX «Крупновские чтения». М.; ИА РАН, 1996. – Переиздание: Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII: Крупновские чтения 1971–2006 гг. / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 549–550.
- Берлизов Н.Е.* «Темный век» сарматской истории (к проблеме выделения комплексов III в. до н.э. в прохоровской культуре // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 3 / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2003. С. 93–105.
- Берлизов Н.Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 318 с.
- Бидзиля В.И., Полин С.В.* Скифский царский курган Гайманова Могила. Киев.: Скиф, 2012. 814 с.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є.* Останні дослідження кургану Чмирева Могила // Колекції наукових фондів ІА НАНУ / Археологія і давня історія України: Джерела та дослідження. Вип. 8 / Отв. ред. П.П. Толочко. Київ: ІА НАНУ, 2012. С. 50–57.
- Борисова В.В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор // Нумизматика и эпиграфика. 1974. Т. XI. С. 99–124.
- Былкова В.П.* Нижнее Поднепровье в античную эпоху (по материалам раскопок поселений). Херсон: ХГУ, 2007. 243 с.
- Былкова В.П.* Позднескифские городища Нижнего Днестра: проблемы хронологии и атрибуции // *Tyragetia. Serie nouă. Vol. I [XVI], nr. 1. Chişinău, 2007. С. 89–114.*
- Вязьмитина М.И.* Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. Київ: АН УРСР, 1962. 238 с.
- Гаврилов А.В.* Округа античной Феодосии. Симферополь: Азбука, 2004. 367 с.
- Гаврилов А.В., Шонов И.В.* Скифские селища V–III вв. до н.э. в степной зоне Центрального Крыма // Древности Боспора. Т. 7 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2004. С. 89–99.
- Гаврилов А.В.* Амфорные клейма округи античной Феодосии (материалы к хронологии археологических памятников). Донецк: Донбасс, 2004. 347 с.
- Гаврилюк Н.А.* Экономика степной Скифии VI–III вв. до н.э. / 2-е изд. Киев: Вид. Олег Філюк, 2013. 704 с.
- Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И.* Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы): Препринт. Вып. I. Киев: ИА НАНУ, 1991. 48 с.
- Гаврилюк Н.А., Былкова В.П., Кравченко С.Н.* Скифские поселения IV в. до н.э. в степном Поднепровье: Препринт. Вып. II. Киев: ИА НАНУ, 1992-А. 47 с.
- Гаврилюк Н.А., Былкова В.П., Кравченко С.Н.* Скифские поселения IV в. до н.э. в степном Поднепровье: Препринт. Вып. II. Киев: ИА НАНУ, 1992-В. 51 с.
- Глебов В.П.* Еще раз о проблеме III в. до н.э. // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. Ч. 2: ММНК / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ИИМК; ГЭ; ГМИР, 2002. С. 186–197.
- Глебов В.П.* О «сарматской» концепции кризиса первой половины III в. до н.э. в Северном Причерноморье // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья / Материалы IV Боспорских чтений / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь: Деметра, 2003. С. 80–88.
- Глебов В.П.* Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 127–133.
- Глебов В.П.* Специфика становления раннесарматской культуры на Нижнем Дону // Региональные особенности раннесарматской культуры. Материалы семинара Центра изучения истории и культуры сарматов. Вып. II / Отв. ред. И.В. Сергацков. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 59–82.
- Глебов В.П.* Раннесарматская культура Нижнего Подонья II–I вв. до н.э.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: ИА РАН, 2009. 27 с.

Глебов В.П. Кочевники Нижнего Подонья IV–II вв. до н.э. Некоторые проблемы изучения // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 28–33.

Граков Б.Н. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. // ТСА РАНИОН. 1928. Т. IV. С. 145–155.

Гуцалов С.Ю. Древние кочевники Южного Приуралья VII–I вв. до н.э. Уральск: Полиграфсервис, 2004. 134 с.

Дедюлькин А.В. Материалы из погребения, исследованного в 1973 г. в г. Новочеркасске, из Фондов Музея истории донского казачества // TANAIN DI ROTAMON DIABANTI. За рекой Танаисом: Сборник памяти В. Е. Максименко (1939–2014) / Отв. ред. В.А. Коренько, А.Л. Бойко. Ростов-на-Дону: ЮФУ, 2015. С. 71–72.

Демиденко С.В. Об одном из аспектов "проблемы III в. до н.э." в сарматской археологии // РА. 2007. № 2. С. 48–54.

Демиденко С.В. Раннесарматское погребение из могильника Верхний Еруслан – никаких «оксюморонов» // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2010. С. 365–373.

Железчиков Б.Ф., Клетиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006. 159 с.

Зайцев Ю.П. Неаполь скифский (II в. до н.э. – III в. н.э.). Симферополь: Универсум, 2003. 209 с.

Зайцев Ю.П. Античная керамика в ритуальных (вотивных)кладах Северного Причерноморья // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012-А. С. 55–66.

Зайцев Ю.П. Северное Причерноморье в III–II вв. до н.э.: ритуальные клады и археологические культуры (постановка проблемы) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012-В. С. 67–72.

Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский – Ак-Кая – Пантикапей: варвары Крыма и Боспор в III–I вв. до н.э. // Боспорский феномен. Греки и варвары на евразийском перекрестке: ММНК / Ред. М.Ю. Вахтина и др. СПб.: Нестор-история, 2013. – С. 499–506.

Зайцев Ю.П. Фортификация крепости Ак-Кая / Вишенное в Центральном Крыму // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 53–54.

Зайцев Ю.П. Оборонительные сооружения крепости Ак-Кая в Центральном Крыму (эпоха эллинизма и римский период) // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античную эпоху: К 70-летию В.П. Толстикова / Ред. Д.В. Журавлев, О.А. Габелко. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015-А. С. 164–173.

Зайцев Ю.П., Колтухов С.Г. Курган с коллективными погребениями III–I вв. до н.э. из некрополя Ак-Кая/Беш-Оба в Крыму // Stratum plus. 2016. № 3. С. 99–127.

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И., Хеллстрём К. Радиоуглеродное датирование женского элитного погребения Ногайчинского кургана (Крым) в культурно историческом контексте // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – IV в. н.э.). Т. I / Науч. ред. И.Н. Храпунов. Симферополь; Бахчисарай: Доля, 2013. I. С. 44–59.

Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора / МИА. № 83. М.: АН СССР, 1960. 178 с.

Зуев Ю.В. Периодизация археологических памятников центральной части Евразийского пояса степей I тыс. до н.э. (по материалам Южного Приуралья) // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь: ММНК, посвященная 100-летию со дня рождения профессора М.И. Артамонова (9–12 декабря 1998 г.): ТД / Ред. Г.В. Вилинбахов и др. СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. С. 45–50.

Зуев В.Ю. Прохоровские курганы в Южном Приуралье и проблема хронологии раннесарматской культуры: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 1998-А. 32 с.

Зуев В.Ю. О путях решения "проблемы III в. до н.э." в периодизации археологических памятников сарматской эпохи // Stratum plus. 1999. № 3. С. 305–324.

Зуев В.Ю. Проблемы хронологии "раннесарматской" культуры и курганы у деревни Прохоровка // ΣΥΣΣΤΙΑ: Памяти Юрия Викторовича Андреева / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: Алетейя, 2000. С. 304–330.

Зуев В.Ю. Основные проблемы хронологии "раннесарматской" культуры // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология. Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000-А. С. 85–104.

Зуев В.Ю. О некоторых попытках модернизации сарматской периодизации // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 205–219.

Иващенко М.В. Амфорные клейма из поселения Чобручи на левобережье Нижнего Днестра // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 81–86.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов: СГУ, 1994. 167 с.

Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Ч. III: Таблицы керамических клейм Херсонеса Таврического. Саратов: СГУ, 1994. СХ табл.

Кац В.И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) / Боспорские исследования; Вып. XVIII. Симферополь; Керчь: Крым. отд-ие Ин-та востоковедения НАНУ, 2007. 478 с.

Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 116–124.

Клепиков В.М. Сарматы Нижнего Поволжья IV–III вв. до н.э. Волгоград: ВолГУ, 2002. 215 с.

Клепиков В.М. Памятники III в. до н.э. в Нижнем Поволжье // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 116–124.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С. Хронология раннесарматских памятников Нижнего Поволжья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 47–81.

Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: ММНК «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий» (21–25 апреля 2008 г.) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 50–63.

Коваленко А.Н. Население Нижнего Дона второй половины IV – первой трети III вв. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Сборник статей по материалам XI МНК / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: РГПУ, 2006. С. 51–57.

Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь: Сонат, 1999. 221 с.

Колтухов С.Г. Варварские поселения классического и раннеэллинистического времени в Восточном и Юго-восточном Крыму // Древности Боспора. Т. 7 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2004. С. 217–237.

Колтухов С.Г. Курган IV Аккайского (Белогорского) курганного могильника // Древности Боспора Т. 9 / Отв. ред. А.А. Масленников. М.: ИА РАН, 2006. С. 228–259.

Колтухов С.Г. Основное погребение кургана Беш-Оба IV/2 // Древняя Таврика. Посвящается 80-летию Т.Н. Высотской / Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 193–206.

Копылов В.П. Нижний Дон и Боспор Киммерийский в третьей четверти VII – первой трети III вв. до н.э. // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 1 / Отв. ред. В.Ю. Зуев. СПб.: ИИМК; ГЭ; ГМИР, 2002. С. 229–235.

Королькова Е.Ф. Филипповские курганы и звериный стиль // Золотые олени Евразии: Каталог выставки / Отв. ред. М.Б. Пиотровский, Р.Г. Кузеев. СПб.: Славия, 2001. С. 64–163.

Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975. 299 с.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. Братолюбровский курган. Киев: Корвинпресс, 2009. 191 с.

Лукьяшко С.И. К реконструкции событий конца IV – начала III в. до н.э. на Нижнем Дону // Скифы и сарматы в VII–III вв. до н.э.: Палеоэкология, антропология и археология / Отв. ред. В.И. Гуляев, В.С. Ольховский. М.: Старый сад, 2000. С. 167–180.

Марченко И.И. Сираки Кубани: (По материалам курганных погребений Нижней Кубани). Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1996. 336 с.

Марченко К.К., Житников В.Г., Копылов В.П. Елизаветовское городище на Дону. М.: Paleograph, 2000. 281 с. + 71 табл.

Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М.: Индрик, 1998. 299 с.

Мозолевский Б.Н., Полин С.В. Курганы скифского Герроса IV в. до н.э. (Водяна, Бабина и Соболева могилы). Киев: Стилос, 2005. 599 с.

Монахов С.Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1989. 157 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э. Саратов: СГУ, 1999. 678 с.

Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье: Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. М.; Саратов: Киммериды, СГУ, 2003. 351 с.

Монахов С.Ю. Амфоры Аканфа. Новые находки и заметки о специфике амфорного производства в полисе // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: МК / Отв. ред. И.И. Марченко. Краснодар: Экоинвест, 2013. С. 294–300.

Монахов С.Ю. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 2014. № 3. С. 195–222.

Монахов С.Ю., Кузнецова Е.В. Об одной серии амфор неустановленного дорийского центра IV века до н.э. (бывшие «боспорские» или «раннехерсонесские») // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время / Отв. ред. В.П. Копылов. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис, 2009. С. 148–161.

Монахов С.Ю., Федосеев Н.Ф. Заметки по локализации керамической тары. III: Амфоры Икоса // Античный мир и археология. Вып. 16 / Отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов: СГУ, 2013. С. 255–266.

Мордвинцева В.И. О вторичном использовании ахеменидских блюдов из Прохоровского кургана // РА. 1996. № 2. С. 155–159.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры / САИ. Вып. Д1-10. М.: Наука, 1963. 56 с.

Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской прохоровской культуры. М.: Наука, 1974. 51 с.

Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV–II вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1970. 128 с. + 45 табл.

Островецких А.С. Фаянсовые и стеклянные бусы в Скифии и Сарматии // ВДИ. 1985. № 3. С. 92–108.

Плешивенко А.Г. Торговые связи Каменского городища (по амфорным клеймам) // Древности Северного Причерноморья и Крыма. Т. III / Отв. ред. Г.Н. Тошев. Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1991. С. 162–172.

Плешивенко А.Г. Капуловский комплекс скифского времени (по материалам коллекции А.В. Бодянского) // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Т. VIII / Уклад. Г.М. Тошев. Запоріжжя: ЗНУ, 2000. С. 222–236.

Полін С.В. Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24–34.

Полін С.В. Появление сарматов в Северном Причерноморье по археологическим данным // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: ТД III конф. молодых ученых ИА АН СССР / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: ИА АН СССР, 1986. С. 116–118.

Полін С.В. Хронология раннесарматской прохоровской культуры // Актуальные проблемы историко-археологических исследований: ТД VI Респ. конф. молодых ученых (Киев, октябрь 1987 г.) / Отв. ред. Е.В. Максимов. Киев: Наукова думка, 1987. С. 132–133.

Полін С.В. От Скифии к Сарматии. Киев: Тип. ФНПУ, 1992. 201 с.

Полін С.В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг.) // Античный мир и археология. Вып. XIV / Отв. ред. С.Ю. Монахов. Саратов: СГУ, 2010. С. 262–307.

Полін С.В. Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине / Курганы Украины; Т. 3. Киев: Вид. Олег Філюк, 2014. 774 с.

Полін С.В. О хронологии фасосского клеймения IV в. до н.э. // Археология без границ: Коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / ТГЭ; Т. LXXVII / Отв. ред. Е.Ф. Королькова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2015. С. 334–358.

Полін С.В., Дараган М.Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СУМВОЛА. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1 / Ред. Р.Ф. Мунчаев и др. М.-Киев: Триумф принт, 2010. С. 191–209.

Полін С.В., Симоненко А.В. “Раннесарматские” погребения Северного Причерноморья // Исследования по археологии Поднепровья / Отв. ред. И.Ф. Ковалева. Днепропетровск: ДГУ, 1990. С. 76–96.

Полін С.В., Симоненко А.В. Скифия и сарматы // Сарматы и Скифия: Сб. науч. докл. III международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Донские древности; Вып. 5 / Отв. ред. В.Е. Максименко. Азов: АКМ, 1997. С. 87–98.

Полін С.В., Симоненко А.В. Сарматы и гибель Великой Скифии // J. Chochorowski (ed.). Cimmerians. Scythians. Sarmatians. In memory of professor T. Sulimirski. Krakow: Ksiegarnia akademicka, 2004. С. 367–374.

Пуздровский А.Е. О сарматах в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Т. IV / Отв. ред. А.И. Айбабин. Симферополь: Таврия, 1994. С. 397–405.

Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // Херсонесский сборник. Т. X / Отв. ред. М.Е. Золотарев. Севастополь: Крым. филиал ИА НАНУ, 1999. С. 208–225.

Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3. С. 86–118.

Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 479 с.

Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале: Препринт доклада. Уфа: БНЦ, 1989. 17 с. + 14 рис.

Пшеничнюк А.Х. Филипповские курганы в центре скифского мира // Золотые олени Евразии: Каталог выставки / Отв. ред. М.Б. Пиотровский, Р.Г. Кузеев. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.

Рогов Е.Я., Тункина И.В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // АВ. 1998. № 5. С. 159–175.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.

Ростовцев М.И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. № 37. Пг.: Девятая государственная типография, 1918. IV+102 с.

Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л.: Тип. 1-й Ленинг. труд. артели печатников, 1925. 621 с.

Сергацков И.В. Финал раннесарматской культуры: хронология и проблемы этнической истории сарматов на рубеже эр // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 150–157.

Симоненко А.В. Особенности раннесарматской культуры Северного Причерноморья // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 158–166.

Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев: Наукова думка, Киев. академия Евробизнеса, 1993. 142 с.

Симоненко А.В. «Проблема III в. до н.э.» – вариант решения? // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 6 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2003. С. 297–303.

Скорый С.А. Дата большого Рыжановского кургана (по археологическим данным) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (К 100-летию Б.Н.Гракова) / Отв. ред. П.П. Толочко. Запорожье: Запорож. гос. ун-т, 1999. С. 240–241.

Скорый С.А., Хохоровські Я., Григор'єв В.П., Ридзевські Я. Центральна могила Великого Рижанівського кургану // Археологія. 1999. № 1. С. 94–105.

Скорый С.А., Хохоровски Я. Аристократический курган Скифская Могила вблизи Мотронинского городища // Stratum plus. 2005–2009. № 3. С. 234–276.

Скрипкин А.С. Проблемы хронологии сарматской культуры и ее исторический аспект // Задачи археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД Всесоюз. конф. (Суздаль, 1987 г.) / Отв. ред. В.П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 231.

Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: СГУ, 1990. 299 с.

Скрипкин А.С. К проблеме выделения сарматских памятников Азиатской Сарматии II–I вв. до н.э. // Раннесарматская культура: формирование, развитие, хронология: Материалы IV Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Вып. 1 / Отв. ред. В.Н. Мышкин. Самара: СНЦ РАН, 2000. С. 137–149.

Скрипкин А.С. Сарматские мечи с кольцевым навершием // II Городцовские чтения: МНК, посвященной 100-летию деятельности В.А. Городцова в ГИМ (апрель 2003 г.) / ТГИМ. Вып. 145 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2005. С. 171–185.

Скрипкин А.С., Клепиков В.М. К хронологии раннесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии: Доклады к 5-й Международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, С.И. Лукьяшко. Краснодар: Фирма НСС, 2004. С. 95–106.

Скрипкин А.С., Клепиков В.М., Мошкова М.Г. Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1. С. 101–112.

Смекалова Т.Н., Колтухов С.Г., Зайцев Ю.П. Археологические атласы Северного Причерноморья. Атлас позднескифских городищ предгорного Крыма. СПб.: Алетей, 2015. 244 с.

Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское // Памятники Нижнего Поволжья. Т. I / МИА. № 60 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.: АН СССР, 1959. С. 206–322.

Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М.: Наука, 1975. 175 с.

Тельнов Н.П., Четвериков И.А., Синика В.С. Скифский могильник III–II вв. до н.э. у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (предварительные итоги исследования) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 5–15.

Фидельский С.А. Поселение Чобручи на Нижнем Днестре в III–II вв. до н.э. // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н.э. / Отв. ред. Н.П. Тельнов. Тирасполь: Ремонт вычислительной техники, 2012. С. 16–20.

Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке: Тавры. Скифы. Сарматы. Симферополь: Таврия, 1995. 83 с.

Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке / Боспорские исследования; Вып. VI. Симферополь; Керчь: Керч. город. тип., 2004. 238 с.

Шевченко Н.Ф. Степи Прикубанья и сираки в IV–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. Вып. 10 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир; Краснодар; М.: ИА РАН, АрмКМ, 2011. С. 44–57.

- Avram A.* Les timbres amphoriques. 1. Thasos / Histria. T. VIII. Bucarest – Paris, 1996. 176 p. + 44 Pl.
- Chochorowski J., Grigor'ev V., Skoryj S.* Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego w Ryzhanowce na Ukrainie // MSROA. 1996. T. XVII. Pp. 239–261.
- Chochorowski J., Skoryj S.* The “collateral” (female) Burial at the Great Ryzhanowka Barrow // J. Bodzek (ed.). Studies in Ancient Art and Civilization. T. 8. Krakow: Universitas Jagellonica, 1997-A. Pp. 71–92.
- Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J.* Centralny pochywek Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA. 1997-B. T. XVIII. Pp. 77–92.
- Chochorowski J., Skoryj S.* Kobięce nakrycie głowy z centralnego grobowca Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego // MSROA. 1999. T. XX. Pp. 301–311.
- Chochorowski J., Skoryj S., Grigor'ev V., Rydzewski J.* Badania wykopaliskowe Wielkiego Kurhanu Ryzhanowskiego – etap koncowy (sezon 1998) // MSROA. 1999. T. XX. Pp. 279–291.
- Chochorowski J., Skoryj S.* Polsko-ukrainskie badania wykopaliskowe wielkiego kurhanu Ryzanowskiego w Ryzanowce na Ukraine // J. Lech, J. Partyka. (eds.). Z archeologii Ukrainy i Jury Ojcowskiej. Ojcow: Ojcowski Park Narodowy, 2001. Pp. 463–486.
- Conovici N.* Les timbres amphoriques. 2. Sinope (tuiles timbres comprises) / Histria; T. VIII, 2. Bucarest – Paris, 1998. 206 p. + 47 pl.
- Fedoseev N.F.* Classification des timbres astynomiques de Sinope // Y. Garlan (ed.). Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence: Publ. de l'Universite de Provence, 1999. Pp. 27–40.
- Finkielsztejn G.* Cronologie detailee et revisee des eponymes amphoriques rhodiens, de 270 a 180 av. J.-C. Premier bilan / BAR International Series 990. Oxford: Archaeopress Publishers, 2001. 234 p. + 26 pl.
- Garlan Y.* Les timbres amphoriques de Thasos. I. Timbres Protothasiens et Thasiens ansiens / Etudes Thasiennes; T. XVIII (Corpus International des Timbres Amphoriques. Fasc.6). Paris: De Boccard edition-diffusion, 1999. 335 p. + 12 pl.
- Garlan Y.* Les timbres ceramiques Sinopeens sur amphores et sur tuiles trouves a Sinope. Presentation et catalogue. Paris: De Boccard edition-diffusion, 2004. 310 p. + 52 pl.
- Garlan Y.* En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos // Bulletin de correspondance hellenique. Vol. 128-129. Athines, 2004–2005. Pp. 269–329.
- Mordvinceva V.* Sarmatische Phaleren / Archdologie in Eurasien. Bd. 11. Rahden/Westf.: Verlag Leidorf GmbH, 2001. 98 S. + 57 Taf.
- Polin S., Daragan M.* Das Prunkgrab Alexandropol-kurgan. Verbericht über die Untersuchungen in den Jahren 2004–2009 // Eurasia Antiqua. 2011. Bd. 17. S. 189–214.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der skythischen Pfeilspitze. Pokrowsk: Zentralmuseum der ASRR der Wolgadeutschen, 1929. 112 S.

Информация об авторе:

Полин Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии НАНУ (г. Киев, Украина 04210, пр-т Героев Сталинграда 12), polin-arheo@ukr.net

SARMATIAN CONQUEST OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION (CURRENT STATE OF THE ISSUE)

S.V. POLIN

The paper addresses the issues of the decline of Great Scythia and the Sarmatian conquest of the Northern Black Sea region. On the basis of archaeological information the authors made a conclusion on the absence of a correlation between these events, for they are separated by a time period of over a hundred years. This idea, expressed a quarter of a century ago, has been supported by new arguments over the recent years.

Keywords: Scythians, Great Scythia, Sarmatians, Prokhorovo culture, mound, burial, amphora, amphora marks, settlement, fortifications.

About the author

Polin Sergey V., Ph.D. (History), senior research scientist, Institute of Archaeology, National Academy of Sciences of Ukraine (Kiev, Ukraine 04210, pr-t Geroev Stalingrada 12); polin-arheo@ukr.net

УДК 902.01

ИЗВАЯНИЯ НОВОМОРДОВСКОГО ТИПА В ВОЛГО-КАМЬЕ

© 2017 г. Т.В. Рябкова

Произошедшее в последние годы пополнение источниковой базы изваяний новомордовского типа, равно как и изменения в понимании феномена ананьинской культуры позволили вновь обратиться к вопросу о генезисе традиции установки стел в Волго-Камье. Стелы Новомордовского I могильника, наиболее однородные с точки зрения размерных характеристик и стилистических признаков, относятся к самой ранней группе этих изваяний. На двух из них присутствуют контррельефные изображения равносторонних треугольников, обращенных вершиной вниз, по форме напоминающие клиновидные знаки, использовавшиеся в ассирийских и урартских надписях на камне. Повторяемость этого элемента на стелах из Мурзихинского II и Тетюшского могильника демонстрирует его важность для создателей стел, а изменение – искажение и утрату первоначального значения. Учитывая данные планиграфии, иконографии, наличия «клинописных» знаков, типологического анализа предметов вооружения можно определить стелу № 1 Новомордовского I могильника как наиболее раннее изваяние традиции, которая должна быть определена как пришлая на территории Волго-Камья. На более ранних стелах представлено идеальное оружие, воспроизводящее переднеазиатские образцы, на более поздних появляются узнаваемые предметы, аналогии которым происходят из археологических памятников Северо-Западного и Центрального Предкавказья, Закавказья, Волго-Камья. Изображение молота на боковых гранях стел демонстрирует влияние традиции оленных камней западного ареала. В традиции изваяний новомордовского типа произошло совмещение аккадской традиции заключения изображения в «картуш» в виде арковидного бордюра с хеттской традицией почитания стел-хуваси с изображением атрибутов божества (меча и топора). «Клинописные» знаки, хотя, похоже, являются не связным текстом, а его имитацией, отражают возможное влияние новоассирийской или урартской клинописных систем письма. Всё это свидетельствует о миграции значительной группы людей – носителей этой традиции в Волго-Камье уже на начальном этапе развития ананьинской культуры, который датируют концом X – IX в. до н.э. или IX – первой половиной VIII в. до н.э. И поскольку стелы новомордовского типа лишь на заключительном этапе своего развития испытывают влияние традиции оленных камней западного ареала, миграция не может быть связана с «киммерийскими походами», а относится к более раннему времени. Необходимо признать, что на данный момент исходный регион миграции можно определить лишь гипотетически: это должна быть территория к северо-востоку от Ассирии, где могли сохраняться пережиточные культурные традиции Хеттского царства. С учетом того, что ряд типологических соответствий изображенному на стелах оружию происходит из Северо-Западного Ирана, географически регион может локализоваться в окрестностях озера Урмия. Еще одним свидетельством в пользу этого предположения являются бляхи с перегородчатой инкрустацией (*cloisonné work*) из п. 14 Мурзихинского I могильника, относящиеся к числу наиболее ранних импортов в Волго-Камье.

Ключевые слова: изваяния (стелы) новомордовского типа, Волго-Камье, ананьинская культурно-историческая область, миграции, клинописные системы письменности.

Каменные изваяния из могильника Новомордово I на Средней Волге были открыты и введены в научный оборот более 50 лет назад (Халиков, 1963). На протяжении более полувека они постоянно находились в фокусе исследовательского внимания, что вполне объяснимо не только с позиции уникальности находки, но и ее важности в плане реконструкции историко-культурной ситуации в Волго-Камье и связанных с ним регионах. Установлено, что изваяния, являющиеся своеобразным слепком культуры, имеют ряд общих признаков и могут служить этнокультурными индикаторами, фиксирующими пребыва-

ние определенной этнокультурной группы в зоне их распространения. Монументальная скульптура вследствие своих характеристик (вес, габариты) относится к малотранспортбельным изделиям, и единственно достоверной выглядит версия об установке скульптур самими создателями в местах их постоянного или временного пребывания (Ольховский, 2005, с. 11).

Определение этнокультурной позиции новомордовских изваяний возможно лишь с учетом всех их признаков, доступных для изучения: формы, размеров, техники нанесения изображений, композиции, иконографии,

предметного репертуара. Благодаря тому, что отличительным признаком стел из Новомордово является подробное и, как считают, реалистичное изображение оружия, исследования сконцентрировались на детальном анализе вооружения. Поиск аналогий ему в репертуаре собственно ананьинской и ряда других синхронных археологических культур вполне укладывался в традиционный для археологии типологический метод исследования (Клейн, 2010, с. 70–75).

В зависимости от круга привлеченных аналогий и от представлений об их хронологической позиции исследователи по-разному датировали новомордовские стелы, решали вопросы их культурной принадлежности и генезиса традиции установки стел в Волго-Камье.

А.Х. Халиков считал, что этот «выдающийся погребальный комплекс, связанный с захоронением племенных вождей» может быть отнесен ко второй половине VIII–VII в. до н.э. Дата определена по изображенному на стелах оружию и инвентарю из погребальных комплексов (кельты, керамика и др.) (Халиков, 1963, с. 181, 184). Традиция установки стел в Волго-Камье, по его мнению, возникает «лишь в эпоху раннего железа и не имеет корней в местных культурах предыдущего времени» (Там же, с. 186).

А.И. Тереножкин включил стелы из Новомордово в число киммерийских памятников на том основании, что на «некоторых из них с соответствующей точностью изображены киммерийские кинжалы и мечи с грибовидными навершиями, прямыми или скошенными вниз перекрестиями и отчетливо обозначенными наконечниками ножен, киммерийские цилиндрические боевые молотки и ананьинские древние секиры...» (Тереножкин, 1976, с. 118). Новомордовские изваяния, наряду со стелами из Ольвии, Белоградца, Гумарово, по его мнению, принадлежат к «новочеркасской ступени киммерийской культуры (750–650 гг. до н. э.)», однако они, хоть и несут явные признаки влияния карасукской культуры Центральной Азии и Южной Сибири, отошли в своей местной эволюции дальше от карасукских прототипов, чем собственно киммерийские (Тереножкин, 1978, с. 21).

Н.Л. Членова сопоставила стелы с оленными камнями Европы и Кавказа и высказалась за отнесение их к киммерийским памятникам на Средней Волге и датировку VII в. до н.э. Наибольшее сходство с клинками новомордовских кинжалов со стел 1 и 4, по

ее мнению, имеют клинки алтайских кинжалов и изображение клинков мечей в руках киммерийцев на саркофаге из Клазомен, однако форма перекрестия ближе киммерийским (кавказским и европейским) кинжалам (Членова, 1987, с. 136, 137). Кинжал со стелы 6 сопоставлен с мечом из Полянского II могильника, кинжал со стелы 3, известный лишь по публикациям А.Х. Халикова, сопоставлен с ложносоставным кинжалом из Кобанского могильника, восходящим к составным кинжалам II тыс. до н.э. из Малой Азии и Средиземноморья (Там же, с. 141). Боевые топоры со стел 1 и 2 она определила как проушные и сравнила с секирами из Биляра и из погребения у хут. Кубанского. Время бытования этого оружия установлено по дате кубанской секиры в границах VII в. до н.э. (Там же, с. 145). Со скифской антропоморфной скульптурой новомордовские стелы сближает, по мнению Н.Л. Членовой, лишь изображение на широкой лицевой грани; гораздо больше общего у них с оленными камнями: на тех и других изображены «топоры и кинжалы каменноостского или киммерийского типа», изображения выполнены в рельефе, что присуще лишь северокавказским оленным камням, те и другие лишены признаков антропоморфности. Таким образом, Н.Л. Членова пришла к выводу, что новомордовские стелы, как и кавказское оружие из памятников на Средней Волге, – следы киммерийских походов в этот регион и восходят к северокавказским памятникам конца киммерийской эпохи (Там же, с. 146).

Д.Г. Савинов, специально не занимавшийся анализом новомордовских стел, упомянул их в пассаже, посвященном оленным камням западного ареала наряду с оленным камнем из Гумарово. Акцентируя внимание на том, что у новомордовских стел есть существенные отличия (форма плит с округлым верхом, отсутствие изображений серег, наклонных параллельных линий и других реалий оленных камней), он склонен считать, что у них есть «и нечто общее с некоторыми из оленных камней Центральной Азии, а именно: изображение свободно расположенных предметов вооружения, в основном секир и кинжалов, как на некоторых оленных камнях из Центральной и Западной Монголии» (Савинов, 1994, с. 50).

А.А. Ковалев синхронизировал стелы из Новомордовского могильника с оленными камнями из Царевой Могилы, Ольвии и Птичатой Могилы, поскольку все они имеют такой важный признак, как расположение

изображений на широкой части, в отличие от оленных камней восточного ареала, у которых наиболее широкими являются боковые грани. Являясь позднейшей модификацией оленных камней, они относятся к позднему периоду развития новочеркасской традиции и должны быть датированы в границах конца VIII – первой половины VII в. до н.э. (Ковалев, 2000, с. 161).

Важным этапом в изучении новомордовских изваяний стали работы А.А. Чижевского (2005; 2009), в которых впервые опубликован весь корпус источников и подводятся итоги длительному изучению ананьинских стел. Он предложил называть стелы не ананьинскими, а постмаклашеевскими, так как они концентрируются в низовьях Камы и на прилегающих участках Волги в ареале постмаклашеевской культуры. Исследователь выделяет два типа постмаклашеевских стел: *новомордовский* – стелы крупных размеров (высота 78–256 см) с полукруглым завершением верхней части, примерно четвертая часть их имеет изображения (77 экз.) и *иличевский* – стелы небольших размеров (высота 39–80 см) с подпрямоугольным завершением верхней части и клиновидным основанием (6 экз.) (Чижевский, 2009, с. 82). По его мнению, традиция установки стел зародилась в Волго-Камье в IX в. до н.э. в финале эпохи бронзы: ее истоки – в немногочисленных стелах из Иличевского, Мурзихинского II и Измерского VII могильников, имеющих некоторое сходство с оленными камнями Алтая и Монголии (Там же, с. 86). Изображения оружия появляются на стелах в новочеркасское время, когда в Волго-Камье начинают проникать кавказские импорты и изготавливаются местные подражания им. Даты бытования изваяний новомордовского типа определены по наиболее многочисленным изображениям кинжалов. К первому типу (с грибовидным навершием и прямым перекрестием) отнесены 2 изображения (стела 1 Новомордовского I и № 1 1980 г. Тетюшского могильников); в качестве аналогий им предложены биметаллические кинжалы кабардино-пятигорского типа с Северного Кавказа и изображение меча на оленном камне из Большого Гумаровского кургана; кинжалы датированы в границах IX–VIII вв. до н.э. Ко второму типу (с грибовидным навершием и изогнутым «луновидным» перекрестием) отнесены 9 изображений кинжалов (стелы №№ 2, 3, 4, 6 Новомордовского I, № 1 Мурзихинского I, №№ 20, 22, 30, 32 Мурзихинского II могильников), по типу также относящихся к кабардино-пяти-

горским и датирующихся в пределах VIII–VII вв. до н.э. (Там же, с. 86, 87). Полемизируя с Н.Л. Членовой об изготовлении стел выходцами с Северного Кавказа, А.А. Чижевский проанализировал элементы сходства и различия постмаклашеевских стел, оленных камней и их европейского варианта – киммерийских стел. В итоге исследователь пришел к выводу, что традиция установки каменных изваяний в Волго-Камье сформировалась под воздействием культурного влияния из Центральной Азии и является составной частью евразийской традиции монументальной скульптуры, ведущей свое начало от центрально-азиатских оленных камней (Там же, с. 89).

Таким образом, историографический обзор демонстрирует, что ряд вопросов, связанных с изваяниями в Волго-Камье, не получил однозначных ответов. Тем не менее необходимо отметить, что все исследователи данной проблемы солидарны в определении относительной хронологической позиции стел в рамках предскифского (киммерийского) периода. Абсолютные даты варьируются в рамках IX–VII вв. до н.э., в зависимости от представлений авторов о хронологии скифского и предскифского периодов. Характерно, что детальный анализ предметов вооружения на стелах не привел к однозначным выводам, так как точных аналогий кинжалам не выявлено, аналогии топорам и секирам немногочисленны и за редким исключением известны лишь в изображениях на стелах или по внекомплексным находкам. Не найдено объяснение неоднократно упомянутым отличительным признакам этих стел: форме в виде плит с округлым верхом, оформлению верхнего края рельефным валиком, широкой лицевой части, преимущественно рельефной технике нанесения изображений, размещению изображений на одной, изредка на двух гранях, своеобразной иконографии и композиции, характеризующихся исключительно изображением оружия в определенных участках.

Вопрос о генезисе стел, напрямую связанный с возможностью реконструкции историко-культурных событий в регионе в предскифское время, является наиболее спорным. Появление феномена новомордовских изваяний в Волго-Камье объясняется либо саморазвитием традиции под влиянием центрально-азиатской традиции оленных камней (Там же, с. 87, 88), либо миграцией населения (Членова, 1987, с. 145, 146). М.Н. Погребова и Д.С. Раевский, специально не занимавшиеся вопросами ананьинских стел, последова-

тельно отстаивали миграционную концепцию на основании анализа предметов кавказского происхождения из раннеананьинских могильников. Сопоставив средневожский и закавказский культурные комплексы, они пришли к выводам об идентичности характеризующего их сложного набора составляющих компонентов: скифского, центрально-кавказского, урартского и колхидо-кобанского (естественно, что в Среднем Поволжье к ним добавляется местный – ананьинский) и об исключительности этого сочетания, не встречающегося более ни в каких других культурных ареалах. По мнению авторов, такое сходство можно объяснить лишь миграцией какой-то группы населения не позднее рубежа VII–VI в. до н. э. Эту группу населения они связывали с «отложившимися скифами», подчеркивая при этом, что зоной обитания ранних скифов следует считать степи Предкавказья и составляющие с ними единый культурный ареал области, примыкающие к Кавказскому хребту с юга (Погребова, Раевский, 1982, с. 214, 215).

Пополнение источниковой базы изваяний новомордовского типа, произошедшее в результате масштабных археологических исследований могильников Волго-Камья в последние десятилетия, равно как и изменения в понимании феномена ананьинской культуры (Кузьминых, 2000; Кузьминых, Чижевский, 2009; 2014; Коренюк, 2009), позволяет вновь обратиться к вопросу об этих изваяниях.

Прежде всего, необходимо признать совершенно справедливым выделение стел (изваяний) новомордовского типа из всего массива ананьинских стел, предложенное и аргументированное А.А. Чижевским (2009, с. 82). Таким образом акцентируется существование (в рамках ананьинской культуры) традиции с набором устойчивых признаков, от которой отделяются изваяния, этими признаками не обладающие. В дальнейшем речь пойдет именно о стелах (изваяниях), отмеченных А.А. Чижевским к новомордовскому типу ананьинских (постмаклашевских) стел.

Изваяния новомордовского типа (77 экз.) в количественном отношении превосходят число раннескифских изваяний западной части скифского мира – Причерноморья, Крыма и Северного Кавказа вместе взятых (50 экз.) (Ольховский, 2005, с. 103, табл. 1). Если учесть при этом компактность зоны распространения изваяний новомордовского типа, происходящих из 8 могильников¹, сконцен-

трированных в месте слияния Камы и Волги² (рис. 1), то есть все основания полагать, что в данной ситуации мы имеем дело с самостоятельной, мощной и развитой традицией. Она оставлена населением, компактно и, вероятно, довольно длительно жившем на этой территории. Анализ 64 наиболее сохранных экземпляров³ позволил установить, что наиболее устойчивым их признаком является *форма в виде плит с закругленной верхней частью расширяющихся кверху и зауженных к основанию, тщательно обработанными широкой лицевой стороной и узкими боковыми гранями, с необработанной или слабо обработанной тыльной стороной и массивным основанием*. Такие признаки, как использование техники рельефа для нанесения изображений оружия и оформления арковидного бордюра в верхней части, изображение предметов преимущественно на лицевой широкой грани плит, устойчивый набор изображенных предметов, специфическая композиция, присутствующие на ряде изваяний, отсутствуют на других.

При сопоставлении размеров целых и фрагментированных стел учитывались такие признаки, как общая высота, ширина лицевой части, толщина. В результате выяснилось, что с некоторой долей условности их можно распределить на 4 размерные группы: 1) от 72 до 92 см; 2) от 98 до 107 см; 3) от 115 до 135 см; 4) от 143 до 256 см. Очевидно, что пропорции стел различных размеров отличаются, и фрагменты стел были включены в соответствующие размерные группы с учетом их пропорций (рис. 2). Верхние и нижние части стел также оформлялись различно: у многих отсутствует арковидный рельефный бордюр; основание, напротив, более выражено и отделяется от наземной части выступающими плечиками. Рельефные рисунки встречаются на стелах всех групп, но «полный комплект» – кинжал и топор – чаще всего присутствуют на стелах группы 2. Заметны различия в композиции и типах изображенных предметов. Различия демонстрируют изменчивость традиции, имевшей, таким образом, собственную линию развития.

² Единственное исключение – Пустоморквашинский могильник, где найдена одна стела.

³ Все изображения приведены в одном масштабе, размеры уточнены в соответствии с промерами изваяний (Чижевский, 2005) и фотографиями стел №№ 1, 2, 4 Новомордовского I могильника; стелы № 1 (1980 г.) Тетюшского могильника, выполненными в Национальном музее РТ и в археологическом музее МарГУ.

¹ Стелы из Ананьинского могильника не анализируются (см. Чижевский, 2005, с. 268).

Планиграфия могильников. Для того, чтобы проследить, каким образом трансформировалась традиция изготовления стел необходимо обратить внимание на планиграфию их находок в могильниках, а также на признаки комплексов стел, расположенных в отдельных рядах и группах каждого могильника. Вероятно, таким образом можно определить наиболее раннюю группу изваяний – исходную точку традиции.

Планиграфические исследования могильников продемонстрировали, что стелы не являются намогильными камнями, так как располагаются в стороне от погребений (Халиков, 1977, с. 93), в межмогильном пространстве в 1–6 м от могильных рядов (Чижевский, 2005, с. 281). В соответствии с опубликованными планами Новомордовского I и Тетюшского могильников видно, что стелы располагаются компактными группами по два и более камней (рис. 3–5). В Новомордовском I могильнике стелы находились на небольшой возвышенности параллельно ряду погребений, вокруг них в размывах найдены отдельные вещи – кельты, украшения, сосуды и пр. (Халиков, 1977, с. 77). Стелы №№ 1–4, 7, 9 расположены в ряд, ориентированный по линии ЮЗ–СВ; а стелы №№ 9, 6, 5, 8 вытянуты цепочкой по линии С–Ю. Стела № 9, самая крупная в этом могильнике, таким образом, может относиться к любому ряду⁴. Стелы №№ 10 и 11 расположены в западной части могильника и, вероятно, относятся к другой группе погребений (рис. 3).

В раскопе II 1969 г. Тетюшского могильника зафиксировано два комплекса стел и одиночная плита. Комплекс 1 (стелы №№ 1–7), по мнению А.Х. Халикова (Там же, с. 58), относится к группе погребений 1–9. Несмотря на смещенное положение многих камней, очевидно, что они вытянуты по линии СЗ–ЮВ (рис. 4, а). Комплекс 2 (стелы №№ 8–13) соотносится, вероятно, с другой группой погребений: стелы в нем размещены скоплением, очевидных рядов не выявлено (рис. 4).

В раскопе XIII 1980 г. Тетюшского могильника обнаружено два скопления каменных стел. Группа 1 (стелы №№ 1–3) зафиксирована к востоку от комплекса 1; группа 2 (стелы №№ 4–10) – в ряд к северу, ориентация по линии С–Ю (рис. 5). Хотя оба скопления зафиксированы на разных глубинах, они, вероятно,

⁴ Использованный план (Халиков, 1977, рис. 35, Б) значительно отличается от ранее опубликованного (Халиков, 1963, рис. 4), две стелы на нем значатся под номером 9, что, вероятно, является опечаткой.

были связаны с комплексом 1 (Патрушев, 2011, с. 223, 224). Опубликован лишь рисунок стелы 1: верхняя часть ее округлая, нижняя утолщенная и выделена покатыми плечиками. Лицевая поверхность тщательно отшлифована, в верхней части стелы рельефное изображение меча с прямым перекрестием, ниже меча расположен ряд из двух каплевидных углублений, переданным контррельефом. Боковые стороны отшлифованы, обратная сторона практически не обработана. Рисунки остальных стел не приводятся, они лишь описаны в тексте. Из описания следует, что все они представляют собой обломки плит из красноватого песчаника с округлым верхом и отшлифованными поверхностями, без изображений (Там же, с. 224).

В Мурзихинском II могильнике изваяния располагались между могильными рядами, образуя три ряда стел между четырьмя рядами погребений; использование стел в виде надгробных камней было невозможным (Чижевский, 2005, с. 281). Ряд 1 включает в себя стелы №№ 2–12 и, вероятно, найденную в размыве берега стелу № 1. Стелы №№ 2–10 располагались в ряд, ориентированный по линии СЗ–ЮВ, стелы №№ 11–12 – по линии С–Ю. Ряд 2 включает стелы №№ 13–19, 28, 33–35, расположенные тремя группами; ориентировка стел в группах по линии СЗ–ЮВ. Зафиксированы отдельно стоящие стелы №№ 17, 19, 28. Ряд 3 включает в себя стелы №№ 20–32, расположенные тремя группами параллельно линии погребений к юго-востоку от них; отдельно находились стелы №№ 20, 29 (Там же, с. 292–296).

В Измерском VII могильнике обнаруженные в раскопе стелы были расположены в ряд, ориентированный по линии СВ–ЮЗ параллельно погребениям и к юго-востоку от них. Стелы располагались двумя группами: группа 1 (стелы №№ 1 и 2) в центральной части могильника, группа 2 (№ стелы не указан, но вероятно, что это стела № 3) – в юго-западной части могильника (Там же, с. 291).

Признаки комплексов стел в рядах и группах. При анализе комплексов стел описывались только те могильники, где зафиксированы значительные группы стел (Новомордовский I, Мурзихинский II, Тетюшский и Измерский VII) и не учитывались могильники, где обнаружены единичные экземпляры (Новомордовский VIII, Пустоморквашинский, Мурзихинский I (IV)).

Наиболее однородны с точки зрения размерных характеристик и стилистических признаков стелы группы 1 Новомордовского

I могильника (рис. 6). Они близки по размерам (100–105 см); несколько выделяется стела № 3 (120 см); у всех одинаковый подчетыреугольный постамент; верхняя часть оформлена рельефным арковидным бордюром (у стелы № 3 он мог не сохраниться); у четырех из пяти есть изображения кинжала и топора. Стелы *группы 2* в этом могильнике меньше по размерам – относятся к первой размерной группе, но у них также есть изображения, сходным образом оформленные основания. Отметим, что стела № 9, самая крупная в этом могильнике, судя по сохранившемуся массивному основанию, как будто выделена и планиграфически – она может быть отнесена к обеим группам, ориентированным по-разному (рис. 3). Отдельно стоящие стелы №№ 10 и 11 отличаются от стел групп 1 и ближе к изваяниям группы 2: это уплощенные плиты с закругленным верхом, без выделенного основания, без изображений.

Стелы **Мурзахинского II могильника** демонстрируют наибольшую вариативность в плане размеров и формы (рис. 6). Стелы *группы 1 и 2 в ряду 1* представлены обломками небольших плоских камней, плохо сохранившихся, вероятно, из-за незначительной толщины (5–12 см). О форме в виде закругленных плит можно судить лишь по обломку стелы № 7 – сохранилась верхняя закругленная часть, на обломке стелы № 12 видно изображение топора. По своим размерам и пропорциям стела 1, относящаяся к 4-й размерной группе, выглядит чужеродной в этом ряду. Учитывая то, что она была найдена в размыве берега (Там же, с. 293), можно предположить, что она относится к другому ряду в этом могильнике.

Стелы *ряда 2* по размерам и форме выглядят достаточно унифицированными. Так, например, стелы группы 3 (№№ 33–35), похоже, выполнены по одному стандарту: у всех закругленная верхняя часть, массивное округлое основание, выделенное плечиками. Вероятно, что стелы группы 1 (№№ 14, 18) имели похожие основания, хотя нельзя исключать и основание подтреугольной формы, как у отдельно стоящей стелы № 19 из этого ряда. Лишь на одной стеле (№ 18) присутствует изображение топора и арковидный бордюр.

Стелы *ряда 3* различны по пропорциям и размерам: значительная их часть относится к 4-й размерной группе. У многих – завершение в виде арковидного бордюра и изображения оружия. Важной композиционной особенностью можно считать изображение меча (кинжала) на широкой лицевой части, топо-

ра – на узкой боковой грани. Особо крупной, судя по сохранившемуся основанию, вероятно, была отдельно стоящая стела № 29. Стела № 22 выделяется не только среди стел группы 1, сходных по своим размерам, но и среди всех стел ряда: по всем параметрам она весьма близка стелам №№ 1 и 4 Новомордовского I могильника, за исключением лишь изображения топора на боковой грани. Изображение кинжала (меча) есть и на стеле № 23. Стелы *группы 2* в этом ряду различны по размерам, но близки по форме: у двух (№№ 24, 25) сохранились выделенные округлые основания, как и у стел ряда 2 этого могильника. Стелы *группы 3* самые крупные в могильнике, все они имеют рельефные изображения – арковидный бордюр или оружие.

Стелы **Тетюшского могильника** представлены довольно стандартными по размерам и пропорциям экземплярами: большая их часть относится к 3-й размерной группе. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, у большинства верхняя часть закруглена, нижняя оформлена в виде массивного основания с выраженными плечиками. Изображение меча зафиксировано лишь на стеле № 1 из раскопа XIII.

Стелы **Измерского VII могильника** в большинстве представляют собой крупные тонкие плиты (толщина 8–10 см), по своей величине относящиеся к 3-й размерной группе. Верхняя часть их закруглена, но не имеет правильной формы (за исключением обломка стелы № 4, где передан арковидный бордюр). Подтреугольное основание неправильной формы сохранилось лишь у стелы № 3, изображения отсутствуют.

Таким образом, группировка стел по могильникам и рядам (комплексам) в могильниках показывает изменения традиции не только от могильника к могильнику, но и от ряда к ряду в одном могильнике (рис. 6). Повторяется обычай установки стел, стоящих вне рядов: он зафиксирован на всех могильниках, кроме Измерского VII. Стелы каждой группы в рядах могильников, как правило, характеризуются значительным сходством по высоте и толщине, по способу оформления верхней и нижней частей, по использованию рельефных изображений в декоре, что позволяет предположить их возведение на протяжении незначительного отрезка времени. Различия между группами в рядах показывают, что ряды возводились на протяжении более длительного периода. Кроме этого, можно предположить с большой долей вероятности

синхронность стел Тетюшского могильника и стел группы 3 ряда 2 Мурзихинского II могильника, обособленное положение стел группы 1 Новомордовского I могильника.

Иконография и композиция стел. Форма стел, оформление их верхней части в виде правильного полуовала, часто подчеркнутого рельефным арковидным бордюром, расположение изображений предметов вооружения – кинжалов (мечей) и боевых топоров (молотов) на широкой лицевой части изваяний – все эти признаки свидетельствуют о существовании устойчивой иконографии – регламентированной системе правил изображения, служивших для того, что бы воплощать некий образ. Изображения оружия и арковидных бордюров выполнены в технике рельефа. Контррельеф использовался только для нанесения треугольных или каплевидных углублений, изображенных примерно по осевой линии стел, ниже кинжала. Эти углубления также можно считать устойчивым иконографическим элементом. Их интерпретируют как «капающую с оружия кровь» (Там же, с. 281). Необходимо отметить, что при этом оружие часто изображено в ножнах (рис. 7, 1, 2, 5, 10, 14). Интересно проследить за трансформацией этих изображений (рис. 8). На стелах из Новомордовского I могильника это три знака в вертикальном ряду: на стеле № 1 они имеют форму равносторонних треугольников вершиной вниз, на стеле № 2 их очертания напоминают капли, обращенные острым концом вниз (рис. 8, 1, 2). В Мурзихинском II могильнике число знаков в ряду уменьшается: на стеле № 22 это два каплеобразных знака, обращенных острым концом вниз, на стеле № 20 – 2 таких же, но обращенных острым концом вверх, на стеле № 30 – это уже один знак, по своему абрису действительно напоминающий каплю (рис. 8, 3–5). На стеле № 1 из раскопа XIII Тетюшского могильника – это два каплеобразных углубления, обращенных острым концом вверх. Повторяемость этого элемента является показателем его безусловной важности для создателей стел, а изменение демонстрирует искажение и утрату первоначального значения.

В этой связи интересно отметить, что знаки на стеле № 1 Новомордовского I могут иметь отношение к клинописным системам письма. Контррельефные равносторонние треугольники, обращенные вершиной вниз, по форме напоминают клиновидные знаки, использовавшиеся в ассирийских и урартских надписях на камне. Пространственные клинопис-

ные надписи на стелах ассирийских владык и рельефах их дворцов повествовали о военных походах, победах, подробно описывали захваченную добычу. Единичные клинописные знаки встречаются на печатях новоассирийского времени: так, на печати Morgan Seal из Библиотеки и Музея Моргана два треугольных значка над поднятой рукой божества на драконе изображают стилос или двойной клин – эмблему Набу, бога письменности. Печать датируется в IX – началом VIII до н.э. (Aguz, p. 67, kat. 18) (рис. 8, 7). Клинописное письмо, на котором составлены урартские надписи, восходит к ассирийскому; клинообразные знаки в урартском письме имеют приблизительно такое же очертание, какое имеют знаки в новоассирийской клинописи. Надписи в Урарту делались в основном на камне: высекались на каменных стелах, базах колон, скалах, хотя имелись надписи и на предметах из бронзы, кости, глиняных табличках и пр. Урартские клинообразные знаки на камне приобрели отличную от ассирийских форму в виде равномерно сужающихся клиньев, наподобие вытянутых треугольников (Меликишвили, 1953, с. 246, 247). В данный момент сложно определить, с какой именно клинописной системой письма могут быть соотнесены знаки с новомордовской стелы и являются ли они знаками письма или же имитацией его. По предварительному заключению урартолога Симона Амаякяна знаки на стеле № 1 по форме ближе всего урартским знаком клинописи. Три клина могут обозначать число три, но только в том случае, если расположены горизонтально, а не вертикально. Вероятно, это не текст и не детерминатив, а нечто уже бессодержательное, имитация какого-то обозначения. Известно, что иногда нумеровались божества ассиро-урартского пантеона⁵. Подробный анализ этих знаков – дело будущего, но уже сейчас предполагаемая связь с клинописной системой письма представляется весьма важной для решения вопросов генезиса статуарной традиции в Волго-Камье.

Наличие этих знаков на одной стеле и последующая их трансформация, искажение и утрата на других позволяет допустить, что стела № 1 Новомордовского I могильника, находящаяся в начале ряда 1 (рис. 3) является самой ранней не только в своей группе, но и среди всех изваяний новомордовского типа. Для дополнительного обоснования этого

⁵ Выражаю искреннюю признательность ереванским коллегам Симону Амаякяну и Рубену Бадалянцу за консультации по этому вопросу.

предположения необходим анализ предметного репертуара изображений на стелах.

Прежде чем переходить к анализу изображенного оружия, необходимо обратить внимание на *композицию*: предметы изображаются, как правило, в средней части стел (рис. 7). Кинжал (меч) всегда расположен наклонно, как если бы он был заткнут за пояс, топор (молот) обычно находится в вертикальном положении, как если бы он был подвешен к поясу (за исключением топора со стелы № 12 Мурзихинского II могильника, который тоже заткнут за пояс). Меч, как правило, изображался выше секиры, оказываясь, таким образом, в верхней трети изваяния, что как будто исключает «неявную антропоморфность», в которой А.А. Чижевский видит доказательство сходства стел с оленными камнями (Чижевский, 2009, с. 88). Особенно это явно на примере стел №№ 2, 4 Новомордовского I и № 1 Тетюшского могильников (рис. 7, 2, 3, 5), на которых оружие занимает практически всю поверхность стелы и не дополняет антропоморфный или псевдоантропоморфный образ, как, например, на оленных камнях западного ареала, а само является этим образом (либо его символом). Топор со стелы № 18 Мурзихинского II могильника расположен в центре небольшой плиты, что тоже скорее напоминает декларативное изображение оружия, а не условной антропоморфной фигуры (рис. 7, 12). Вероятно, об условной антропоморфности можно говорить лишь в отношении нескольких стел. Так, на стеле № 1 Новомордовского I могильника топор размещен выше кинжала – это уникально для всей серии анализируемых изображений (рис. 7, 1). На крупных стелах №№ 30, 32 Мурзихинского II могильника оружие изображено в нижней части изваяний (рис. 7, 13, 14), как и на «киммерийских» стелах (оленных камнях западного ареала, по Д.Г. Савинову), и на скифских антропоморфных изваяниях. Интересно, что именно на стелах из 3-го ряда Мурзихинского II могильника (№№ 22 и 32) изображения секиры (молота) размещены на узких частях (рис. 7, 4, 13). Как уже отмечалось, стела № 22 Мурзихинского II могильника по своим параметрам настолько отличается от изваяний своей группы и при этом так близка стелам №№ 1 и 4 Новомордовского I могильника (рис. 6), что, вероятно, является их воспроизведением (рис. 7). При этом, тем не менее, боевой молот на ней перемещен на боковую грань и изображен засунутым за пояс, в чем, несомненно, видно влияние, с одной стороны,

традиции оленных камней западного ареала, а с другой – возможно, реалий времени. Таким образом, заметно, что композиционное решение, несмотря на кажущуюся однородность, различно и позволяет выделить три группы изваяний: 1) топор размещен над мечом (1 стела); 2) топор под мечом (или один предмет в центре изваяния (11 стел); 3) топор (молот) на боковой грани стелы (2 стелы). Влияние традиции оленных камней заметно лишь на стелах Мурзихинского II могильника (рис. 6). Важно отметить, что топор размещен над кинжалом именно на изваянии со знаками в виде клиньев – стеле № 1 Новомордовского I могильника.

Предметы вооружения: кинжалы и мечи. Изображенные на стелах предметы вооружения многочисленны и разнообразны. Чаще всего оружие изображалось на стелах группы 1 Новомордовского I могильника. Размеры предметов вооружения сопоставимы между собой, за исключением случаев изображения их на очень больших стелах №№ 30 и 32 Мурзихинского II могильника (рис. 9). Несмотря на устойчивое мнение о высокой достоверности изображений, из приведенного выше историографического обзора ясно, что однозначных культурных атрибуций они так и не получили. Идентификация не вызывает трудностей на уровне категорий вещей, но отсутствие однозначных и достоверных типологических соответствий большей их части в археологическом материале наводит на мысль о возможном композитном характере многих из них. Так, например, считается общепризнанным, что кинжалы со стел воспроизводят оружие кабардино-пятигорского типа (Там же, с. 86, 87). Тем не менее, лишь изображение меча в ножнах со стелы № 1 Тетюшского могильника (раскоп XIII), и, вероятно, частично сохранившееся изображение нижней части такого же меча в ножнах (видна бутероль) со стелы № 24 Мурзихинского II могильника действительно воспроизводят мечи с небольшим грибовидным навешием, гладкоствольной рукоятью, прямыми либо несколько опущенными вниз развитыми перекрестиями (рис. 10, 1, 2). Аналогичный меч происходит вне комплекса из Билярска (Халиков, 1977, рис. 59, 4) (рис. 10, 5). Мечи и кинжалы со сходным оформлением навершия и перекрестия происходят из памятников Приднепровья – Киевский музей и кинжал из Головятино (Тереножкин, 1975, рис. 6, 7) (рис. 10, 3, 4), Предкавказья (могильники Терезе, кв. Б-2; Хабазский; Березовский, погр. 3; Мебель-

ная фабрика 1, п. 6; Сиртичский; погр. в Баксанском ущелье – отдел 1, типы I–III, по В.И. Козенковой (1995 с. 52–55) (рис. 10, 6–11). В равнинном Закубанье такие мечи (могильник Николаевский, п. 83; Псекупс, п. 56 и др.) – отдел 1, типы I–III, по В.Р. Эрлиху (2007, с. 85–89) – бытовали на протяжении предновочеркасского/черногоровского времени (рис. 10, 12–14). О возможном долгом существовании этого типа свидетельствует изображение мечей с рукоятями такого же типа на северокавказских стелах – Зубовской I и Армавирской (Там же, с. 86, 87). Вероятно, длинный меч и кинжалы из Пятигорья (могильники Клинь-Яр III, Нарзанный-2) (рис. 10, 16–18) тоже можно считать аналогиями мечу с тетюшской стелы, несмотря на несколько иначе оформленное перекрестье. В пользу этого свидетельствуют параллели между материалами «дома мертвых» № 1 Тетюшского могильника (п. 260, 261) (Патрушев, 2011, рис. 79, 4–9; Кузьминых, Чижевский, 2014, рис. 2, 1, 2) и п. 186 могильника Клинь-Яр III, п. 1 могильника Нарзанный-2 (Белинский, 1990, рис. 3, 2; Белинский, Дударев, 2013, рис. 14). Отметим, что в этих погребениях наряду с псалиями типа Фарс-14, по С.Б. Вальчаку, и уздечными бляхами с изображениями ромбовидного знака представлены бронзовые шлемы ассирийского типа, которые датируются в границах 30–20-х гг. VIII в. до н.э. (Белинский, Дударев, 2015, с. 394). Возможно, именно к этому времени относится комплекс «дома мертвых» № 1 Тетюшского могильника и, соответственно, стела № 1.

Изображение кинжала со стелы № 1 Новомордовского могильника то же, как считается, воспроизводит оружие кабардино-пятигорского типа (Чижевский, 2009, с. 86). Тем не менее, уже отмечено, что подобное сопоставление не выглядит особо убедительным, главным образом из-за различий в пропорциях и форме лезвия (Членова, 1987, с. 136). Короткий и массивный, этот кинжал изображен вложенным в ножны, бутероль которых отчетливо видна (Халиков, 1977, с. 161). Клинок имеет листовидную форму, грибовидное крупное навершие шире рукояти, в нижней части которой изображен выступ, украшенный сеткой из пересекающихся друг друга линий, перекрестие прямое и чрезвычайно широкое (рис. 11, 1). Похожее пропорции и навершие у кинжала со стелы № 3, находившейся в той же группе могильника, перекрестие оформлено в виде опускающихся лопастей. У небольшого кинжала на

меньшей по размерам стеле № 6 из второй группы этого могильника похожее округлое массивное навершие; перекрестие его оформлено также в виде опускающихся лопастей (рис. 11, 6, 7). Изображение кинжала со стелы № 22 Мурзихинского II могильника так же, как и сама стела, выполнено как реплика стелы № 1 Новомордовского I могильника. Доказательством более позднего изготовления этой стелы является не только изображение молота на боковой грани, но и ряд отличий в изображении кинжала. Так, например, его рукоять и навершие менее массивные, клинок имеет подтреугольную, а не листовидную форму, прямое и массивное перекрестие имеет небольшой изгиб в центре (рис. 11, 12). Характерно, что именно этому изображению проще всего найти аналогии в археологических материалах: кинжалы из могильников Пшиш I, п. 95, 103; Фарс, п. 25; Каменномостский, п. 1 (1928 г.); Хабаз, случайная находка; погр. у с. Дубовая Роща; Старшего Ахмыловского, п. 250 (рис. 11, 13–19). Среди перечисленных предметов – биметаллические и железные кинжалы. Погребения 95 и 103 могильника Пшиш I относятся ко второй хронологической группе и датируются в границах второй половины – конца VIII до н.э. (Сазонов, 2005, с. 392). Таким образом, очевидно, что, судя по аналогиям в археологическом материале, стела № 22 должна относиться к тому же хронологическому отрезку, что и стела № 1 раскопа XIII Тетюшского могильника.

Аналогии кинжалу со стелы № 1 Новомордовского I могильника подобрать гораздо сложнее. Среди археологических материалов Волго-Камья и Северного Причерноморья прямые аналогии ему отсутствуют. Листовидная форма клинка напоминает форму луристанских и закавказских кинжалов эпохи поздней бронзы (рис. 11, 10, 11). Средняя часть его массивного перекрестия напоминает рикассо в нижней части рукоятей иранских мечей и кинжалов переднеазиатского типа (рис. 11, 4). Иногда на рикассо иранских мечей встречается орнамент из прямых пересекающихся линий (рис. 11, 5), как и в средней части перекрестия новомордовского кинжала со стелы № 1. Дата североиранских и луристанских экземпляров определяется в границах X–IX вв. до н.э. (Waele, 1982, p. 47; Khorasani, 2006, cat. 18). У обоих иранских кинжалов в верхней части рукояти сохранился хвостовик, на который, вероятно, крепилось навершие. На круглом диске в верхней части рукояти

кинжала из Луристана крепилось округлое навершие, что делает его сопоставление с новомордовским кинжалом вполне вероятным. Характерно, что похожие массивные навершия встречаются у кинжалов и мечей, изображенных на ново-хеттских рельефах из Зинджирили, Кархемиша, Арслан-Таша, Алеппо и др. На рельефах ново-хеттских государств, как правило, мечи и кинжалы составляют часть вооружения персонажа и изображены заткнутыми за широкий пояс (рис. 12, 1–8, 10). На рельефе из Аладжа-Хойюк (современный Богазкёй) изображен циркач, «проглатывающий» кинжал с таким же навершием (рис. 12, 9).

У кинжалов со стел №№ 3 и 6 Новомордовского I могильника такие же округлые массивные навершия показаны вместе с перекрестиями в виде опущенных вниз лопастей (рис. 11, 6, 7), и это сближает их, как уже отмечалось (Чижевский, 2009, с. 86), с изображениями кинжалов со стел №№ 2 и 4 этого же могильника. Подобные навершия округлой формы, по ширине несколько превышающие ширину массивной рукояти, есть у оружия из могильников: Старший Ахмыловский, п. 273; Псекупс, п. 130, а также у кинжалов из Северного Ирана и Луристана (рис. 11, 2, 3, 8, 9). Иранские экземпляры датируются в границах конца II – начала I тыс. до н.э (Waele, 1982, p. 44, 47; Khorasani, 2006, p. 383).

Необходимо отметить, что у кинжалов, привлеченных в качестве аналогий, перекрестие либо отсутствует вообще, либо незначительно выступает за плоскость клинка. Принять эти примеры в качестве аналогий можно лишь в том случае, если предположить, что массивные концы «перекрестия» у кинжала со стелы № 1 – это изображение верхней части ножен. Предположение основывается на том, что бронзовые ножны с широким прямоугольным приемником в Волго-Камье зафиксированы в Мурзихинском I могильнике (рис. 13, 2) и у д. Татарское Бурнашево (Халиков, 1977, рис. 59, 7), хотя они и не являются прямой аналогией. Декор ножен из Мурзихинского I могильника имеет некоторое сходство с оформлением нижней части ножен кинжала со стелы № 4 (рис. 13, 1). Нам мало известно о том, как могла выглядеть верхняя часть ножен, поскольку от них сохраняются, как правило, лишь бутероли. Но то, что ножны в принципе могли иметь богатый декор, свидетельствуют, например, изображения оружия в ножнах на ассирийских рельефах. Известно, что у ассирийских мечей отсутствует выделенное пере-

крестие (рукоять завершается прямоугольным рикассо) (Погребова, 1977, с. 40, 41), но на рельефе времени Ашурнаирпала II (883–859 гг. до н.э.) изображены верхние части ножен, которые, если бы не тщательная детализация и точное знание о том, как выглядит ассирийский меч, могли бы восприниматься как массивные изогнутые перекрестия (рис. 13, 3, 3а–б). Если не согласиться с этим предположением, то тогда необходимо констатировать, что на анализируемых стелах изображены не реально существовавшие кинжалы, а некое идеальное, абстрактное оружие. Оно сочетает в себе наиболее важные, с позиции создателей, элементы: широкое листовидное лезвие, массивное шарообразное навершие, гипертрофированно крупное перекрестие⁶.

Изображения кинжалов со стел №№ 2, 4 Новомордовского I, № 1 Мурзихинского I (IV), №№ 20, 30, 32, Мурзихинского II могильников выделены А.А. Чижевским во второй тип изображений с грибовидным навершием и изогнутым «луновидным» перекрестием, и датированы VIII–VII вв до н.э на основании сходства с кабардино-пятигорским оружием (Чижевский, 2009, с. 86, 87). Объединение этих изображений в одну группу совершенно обосновано: на всех этих стелах с различной степенью детализации показаны кинжалы с крупными грибовидными навершиями, ширина которых превышает ширину рукояти и лопастями перекрестия, опущенными вниз. Все клинки изображены вложенными в ножны – в некоторых случаях в нижней части видна бутероль (рис. 14, 11–13). У изображений на крупных стелах Мурзихинского II могильника клинок напоминает палицу, что, вероятно, передает расширение в нижней части ножен (рис. 14, 14, 15). Сравнение же с оружием кабардино-пятигорского типа вызывает возражения, так как уже отмечено, что кинжалы со стел №№ 2 и 4 Новомордовского I могильника «не находят точных аналогий среди кавказских и других киммерийских кинжалов» (Членова, 1987, с. 137). Их сравнение с экземплярами из хут. Чернышов, Субботовского городища, п. 4 могильника Экчиваш основано на наличии косых параллельных линий на рукояти, имитирующих выпуклый орнамент – ложновитую «обмотку» (рис. 14, 2, 3). Тем не

⁶ Считается, что функциональный смысл массивных перекрестий состоит в том, что бы отражать скользящий удар противника, а также увеличить вес рукояти с целью придания ей большей массивности для удобства манипуляций с рубяще-колющим мечом, имеющим тяжелый и длинный клинок (Дударев, 1999, с. 98).

менее, изображение на рукояти горизонтальных или наклонных линий, имитирующих обмотку, характерно и для иранских экземпляров, где они часто сочетаются с грибовидным или серповидным навершием и рукоятью с рикассо, нередко снабженного крыльями (рис. 13, 10, 23, 26–29). Даты иранских кинжалов и мечей определяются в рамках конца II – начала I тыс. до н.э. (Khorasani, 2006, pp. 394–398; Moorey, 1971, p. 77), для кинжала из Вар-Кабуда, происходящего из раскопок Л. Ванден-Берге в Луристане, дата установлена в границах 800–650 гг. до н.э. (Khorasani, 2006, p. 391).

Изображения на изваяниях соотносят с кинжалами из Каменноостовского могильника, Мебельной фабрики из-за небольших, опущенных вниз перекрестий (рис. 14, 2–6). Близкие между собой (см. Эрлих, 2007, с. 85–87), эти кинжалы, тем не менее, значительно отличаются от изображенных на стелах №№ 2 и 4. Главное отличие – крупное серповидное или грибовидное навершие в сочетании с массивным перекрестием в виде опускающихся лопастей. Считается, что среди кинжалов предкифского времени подобные особенности формы присущи лишь кинжалу из Мугерганского могильника в Южном Дагестане (рис. 14, 7), но и он не является точной аналогией, так как ширина его навершия лишь слегка превышает ширину рукояти, концы перекрестия не закруглены (Членова, 1987, с. 137). Изогнутому серповидному навершию гораздо ближе навершия кинжалов из Прикубанья, Бзыбской Абхазии, Верхней Рутхи, Ингушетии (рис. 14, 8, 16–20, 22, 24, 25). Кинжал из п. 39 Кубанского могильника справедливо считают импортным – ближневосточным или закавказским (Дударев, 1999, с. 111; Эрлих, 2007, с. 94). Линия развития кинжалов из Бзыбской Абхазии связана с более ранним типом кобанского оружия, что доказывается не только находками готовых экземпляров (рис. 14, 24) но и части литевой формы в Верхне-Баксанском кладе рубежа II–I тыс. до н.э. (Скаков, 2008, с. 22; Козенкова, 2013, с. 97) (рис. 14, 21). Случайно найденный в Ингушетии кинжал, близкий изображениям со стел серповидным навершием и оформленной литой обмоткой рукоятью (рис. 14, 25), скорее всего, синхронен верхнебаксанской литевой форме и должен относиться ко времени не позднее X в. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 97). О длительном существовании и развитии традиции изготовления такого оружия на территориях к югу от

Кавказского хребта свидетельствует находка биметаллического меча с серповидным навершием и перекрестием с опущенными вниз лопастями в составе Луткунского клада (рис. 14, 31). Дата меча предварительно определена авторами публикации в рамках конца VIII – первой четверти VII в. до н.э. (Магомедов, Эрлих, 2016, с. 159).

Как ни парадоксально, но наиболее схожий с изображениями на стелах по форме рукояти и перекрестия меч происходит из микенского могильника Иалусос (рис. 14, 30), расположенного в гористой части острова Родос, и такая форма мечей не уникальна для круга микенских древностей. Однако если учесть, что этот тип кинжалов формировался в Восточном Средиземноморье в середине II тыс. до н.э. и после этого распространялся по всей Передней Азии и в Закавказье (Погребова, 1977, с. 48), то вполне вероятно, что именно такая форма лежала в основе данной традиции. Ранее уже отмечалось, что изображения мечей и кинжалов с серповидными и грибовидными навершиями широко представлены на рельефах времени поздней Хеттской империи (рис. 12, 9) и неохеттских государств на территории Малой Азии (рис. 12, 1–8, 10). На базальтовом ортостате храма бога грозы из цитадели Алеппо, восстановленном, вероятно, в XI–X вв. до н.э., меч божества изображен вложенным в ножны, бутероль которых очень напоминает бутероль ножен кинжала со стелы № 20 Мурзихинского II могильника (ср. рис. 14, 13 и 12, 10).

Таким образом, очевидно, что кинжалы с серповидным перекрестием воспроизводят оружие, аналогии отдельным частям которого встречаются не только в Закавказье, но и на территории Передней Азии в конце II – начале I тыс. до н.э.

О том, что Новомордовский I могильник по времени предшествовал всем остальным, свидетельствует факт, что на четырех его стелах эти кинжалы изображены наиболее детально и узнаваемо, в то время как на стелах из Мурзихинского II могильника они выполнены как подражание модели. Это, кстати, соответствует точке зрения исследователя Новомордовского I могильника, писавшего об «очень раннем, практически переходном его возрасте» (Халиков, 1977, с. 77). Стелы с изображением мечей с гладкой рукоятью и прямым перекрестием, как на изваянии из Тетюшского могильника, показывают развитие традиции в VIII в. до н.э.

Предметы вооружения: боевые топоры и молоты. Оружие ударного действия, к которому относятся боевые топоры и молоты изображено на 8 стелах. Оно практически всегда в комплексе с кинжалом, но в двух случаях изображены только топоры⁷ (рис. 7; 9; 15). Почти у всех (за исключением стелы № 1 Новомордовского I и № 18 Мурзихинского II могильников) длинные рукояти. На стелах №№ 1 и 2 Новомордовского I могильника – проушные топоры со слабоизогнутой спинкой, коротким обухом и расширяющимся лезвием, изогнутым в нижней части. На проухе топора со стелы № 1 есть изображение вписанного в круг солярного знака в виде двух пересекающихся контррельефных линий, у топора со стелы № 2 заметен лишь круг, переданный рельефом⁸ (рис. 7, 1, 2; 15, 1, 2). Важно отметить, что лезвийная часть у этих топоров повернута к центру стелы (вперед), что отличает их от изображений на оленных камнях западного ареала, повернутых боевой частью всегда назад (Ольховский, 2005, с. 61). По форме и пропорциям этим топорам близки железные топоры из п. 77 и 107 могильника Пшиш I (рис. 15, 6, 7), отнесенные к I хронологической группе и встреченные в комплексе с цимбальскими и камышевахскими псалями (Сазонов, 2004, с. 390, рис. II). По изображенному на проухе округлому выступу эти топоры могут быть сопоставлены с каменными проушными топорами из п. 72 и 102 этого же могильника (рис. 15, 4). Неоднократно отмечалось сходство топора со стелы № 1 с топориком из Билярска и топором-молотом из п. 50 Кубанского могильника (Халиков, 1977, с. 181; Членова, 1987, с. 142). В этой связи важно отметить, что топор-молот из Кубанского могильника относится к типу втульчатых, а не проушных топоров и имеет петлю для подвешивания (рис. 15, 8), которая отсутствует у топоров со стел №№ 1 и 2. По форме лезвийной и обушной частей он может быть скорее сопоставлен с топором со стелы № 12 Мурзихинского II могильника (рис. 15, 13). По пропорциям (короткая рукоять) и композиции (в центре стелы лезви-

ем вперед) (рис. 7, 12) топор со стелы № 18 Мурзихинского II могильника может быть сопоставлен с изображением на стеле № 1 Новомордовского I могильника, хотя по форме он близок распространенным в Волго-Камье топорам-чеканам со шляпковидной площадкой на обухе (Чижевский, 2009, с. 87; Халиков, 1977, с. 177) (рис. 15, 15, 16). Молот со стелы № 4 Новомордовского I могильника (рис. 15, 9) аналогичен молоту со втулкой и петлей для подвешивания из могильника Казазово в Закубанье (рис. 15, 11). Молот с длинной рукоятью, в нижней части которой изображено утолщение, передающее петлю для подвешивания со стелы № 22 Мурзихинского II могильника (рис. 15, 10), относится, вероятно, к типу молотков цилиндрической формы без втулки (рис. 15, 12). Такие молоты были распространены в памятниках Северо-Западного и Центрального Предкавказья на протяжении черноморского и новочеркасского периодов (Дударев, 1999, с. 115). На стеле № 32 Мурзихинского II могильника изображен кельт, лезвийной частью повернутый назад (Чижевский, 2009, с. 296) (рис. 15, 17), весьма напоминающий кельт акозинско-меларского типа, реконструкция крепления которого предложена В.С. Патрушевым (Халиков, 1997, с. 108, рис. 40, 2) (рис. 15, 18).

Наличие параллелей в археологических материалах Волго-Камья топоры со стелы № 18 Мурзихинского II могильника позволяет признать утверждение о том, что она относится к наиболее поздним изваяниям могильника (Чижевский, 2009, с. 87), равно как и стела № 22 того же могильника с изображением кельта акозинско-меларского типа. Аналогии топорам и молотам на длинных рукоятях представлены в памятниках Северо-Западного и Центрального Предкавказья и Закубанья на протяжении раннечерноморского – классического новочеркасского периодов, что должно свидетельствовать о более ранней позиции стел с подобными изображениями. Характерно, что аналогии для изображения топора с короткой рукоятью со стелы № 1 Новомордовского I могильника представлены в наиболее ранней хронологической группе могильника Пшиш I, даты которой определяются в рамках IX – середины VIII в. до н.э. (Сазонов, 2004, с. 391). Этим же и несколько более ранним временем датируются стелы новохеттских царств, на которых изображены проушные топоры с расширяющимся и изогнутым в нижней части лезвием на коротких рукоятях. Например, пропорции

⁷ Изображенное на стелах оружие правильнее называть топорами (Членова, 1987, с. 144), а не секирами (Халиков, 1977, с. 179), поскольку у секир длина лезвия превышает горизонтальную длину клинка (Горелик, 1993, с. 42).

⁸ Изображение на лезвийной части оскаленной пасти (Халиков, 1977, с. 181, рис. 68, 2) в данное время на стеле не прослеживается, поэтому на прорисовке отсутствует

и форма топора на стеле из Кархемиша, датируемой X в. до н.э., имеют значительное сходство с топором со стелы № 1 (ср.: рис. 15, 19, 19a). Вообще такие топоры – отличительный признак изображений божеств и героев со стел новохеттского времени (рис. 12, 2, 5, 6). На рельефах новохеттских государств топор или боевой молот – атрибуты бога-громовника – находятся в поднятой руке и поэтому оказываются всегда выше меча, изображенного, как ему и положено, засунутым за пояс (рис. 12, 2, 5–8). Иногда топор развернут лезвийной частью вовнутрь (рис. 12, 2). Все эти элементы композиции, совершенно органичные в случае изображения оружия в руках божества, позволяют объяснить «странную» композиционную схему стелы № 1 Новомордовского I могильника: по сути, на ней повторяется малоазийская схема, но без антропоморфной фигуры.

Учитывая данные планиграфии, иконографии, наличия «клинописных» знаков, типологического анализа предметов вооружения можно определить стелу № 1 Новомордовского I могильника как наиболее раннее изваяние традиции, которая безусловно должна быть определена как пришлая на территории Волго-Камья. Описанные выше изменения стел в могильниках показывают трансформацию традиции с течением времени и даже отражают попытки ее реставрации, что видно на примере стелы № 22 Мурзахинского II могильника. Если на более ранних стелах изображено идеальное оружие, воспроизводящее переднеазиатские образцы, то на более поздних появляются узнаваемые предметы, аналогии которым происходят из археологических памятников Северо-Западного и Центрального Предкавказья, Закавказья, Волго-Камья. Изображение молота на боковых гранях стел демонстрирует влияние традиции оленных камней западного ареала, напрямую не связанной с постмаклашевской, а сосуществовавшей с ней лишь в период расцвета последней (Чижевский, 2009, с. 87). Тем не менее, несмотря на изменения, сохранение базовых иконографических элементов показывает, что оставался неизменным символический подтекст, наделявший изваяния неким сакральным смыслом. Таким образом, стелы существовали как значимый элемент культурного пространства.

Определение этого подтекста напрямую связано с поисками ответа на вопрос, откуда же появилась эта традиция в Волго-Камье? Неоднократно отмечалась, что важнейший

признак стел новомордовского типа – техника их изготовления, рельеф, подразумевающий обработку поверхности для создания выступающего графического элемента, контрастирующего с глубиной окружающих его участков. Технология является относительно сложной, требующей от ваятеля определенных знаний и умения работать с разными типами тесел (Ольховский, 2005, с. 50). Тем не менее, отмечено, что техника рельефа практически не использовалась для создания евразийских изваяний предскифского времени, где основными техническими приемами были контррельеф и гравировка. Рельеф использовался редко и лишь для изображения атрибутов на камнях Северного Кавказа (Членова, 1987, с. 146; Ольховский, 2005, с. 52, 53).

Общеизвестно, что техника рельефа широко применялась в Передней Азии на протяжении тысячелетий, и стелы с округлым завершением верхней части и арковидным бордюром широко распространены именно там. Так, например, подобный способ оформления отмечен уже на стеле Гудеа, датируемой 2090 г. до н.э. (Aguz, 2003, p. 437) (рис. 16, 1). Он широко использовался в новоассирийский период, когда арковидным бордюром обрамлялись стелы с изображением царей и высокопоставленных вельмож, как, например, на стелах царей Шамши-Адада V (824–811 гг. до н.э.) из Нимруда, Саргона II (после 707 г. до н.э.) с Кипра (рис. 16, 2, 3), жреца бога луны Син-зер-ибни из Леванта (около 707 г. до н.э.) (рис. 14, 4). Стелы аналогичной формы, но уже без арковидного бордюра, широко представлены в искусстве сиро-хеттских городов-государств XI–VII вв. до н.э. На них изображали правителей, как, например, на стелах из Зинджирли (вторая половина IX в. до н.э.) (рис. 16, 5) и Арслан-Таша (рис. 12, 3). Атрибутами другого персонажа, часто встречающегося на таких же стелах, являются трезубец и топор (молот) в поднятых руках, меч в ножнах у пояса, высокая рогатая шапка конической формы с шишаком наверху (рис. 12, 2, 5–8, 10; 16, 6, 7). По этим атрибутам легко узнается хурритский бог грозы Тешуб (Тесуб), отождествляемый с «небесным богом грозы» Хатти, изображения которого представлены на рельефах Новохеттского царства, в том числе и в скальной галерее Язылыккая, созданной во время последнего расцвета империи хеттов (Гарни, 2002, с. 175–177). Известно, что объектами почитания в хеттских храмах были небольшие по размеру культовые предметы, обычно оружие, изображения

животных или камни-хуваси (*huwasi-stones*) – вертикальные стелы, установленные на пьедестале. Только к концу периода Империи (Новохеттское царство) эти предметы стали замещаться антропоморфными изображениями (Masqueen, 2013, p. 111). Каменный пьедестал с изображением поклонения стеле – хуваси, установленной на похожем пьедестале, происходит из Богазкёя (рис. 16, 9). Иногда божества, особенно грозы, изображали в виде их священных животных или в виде оружия – копья и меча (Masqueen, 2013, p. 119). В виде палицы или другого оружия изображались прислужники бога грозы, как, например, «бог-кинжал» из малой галереи в Язылыкая. Это рельефное изображение меча с эфесом в форме четырех львов, два из которых обращены головами к острию меча, два – в противоположные стороны от его центральной оси. На «голове»-навершии этого меча коническая шапка хеттских божеств (Гарни, 2002, с. 246) (рис. 16, 8).

Вполне вероятно, что именно этот круг представлений, оказавший воздействие на идеологию и культуру новохеттских государств, мог повлиять и на возникновение традиции создания изваяний новомордовского типа в Волго-Камье. Истоки традиции угадываются в хеттском обычае использования стел-хуваси с изображением атрибутов божества. Кинжал и топор показывают, что, скорее всего, это был именно бог грозы и войны, известный и в Урарту под именем Тейшеба. В традиции изваяний новомордовского типа, как представляется, произошло совмещение аккадской традиции заключения изображения в «картуш» в виде арковидного бордюра с хеттской традицией почитания стел-хуваси с изображением атрибутов божества (меча и топора). «Клинописные» знаки, хотя, похоже, являются не связным текстом, а его имитацией, отражают, тем не менее, возможное влияние новоассирийской или урартской клинописных систем письма. Всё это свидетельствует о миграции значительной группы людей – носителей этой традиции в Волго-Камье уже на начальном этапе развития ананьинской культуры, который датируют концом X – IX в. до н.э. (Коренюк, 2009, с. 269) или IX – первой половиной VIII в. до н.э. (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107).

Еще одним подтверждением этого предположения является феномен внезапного распространения кузнечных изделий развитых форм в средневожском ареале ананьинской культурно-исторической области (Завьялов, Розанова, Терехова, 2009, с. 233). Специалисты отмечают, что большинство изделий изготовлено с использованием таких высоких для ранних этапов развития железообрабатывающего производства технологий, как искусственное получение стали путем цементации и приемы ее термообработки. Эти важнейшие открытия в области железообрабатывающего производства относились к производственным секретам и не могли быть переданы в чужую этнокультурную среду, что подразумевает миграцию их носителей – мастеров, владевших такими навыками (Терехова, Розанова, 2009, с. 200). И поскольку стелы новомордовского типа лишь на заключительном этапе своего развития испытывают влияние традиции оленных камней западного ареала, миграция не может быть связана с «киммерийскими походами», а относится к более раннему времени.

Необходимо признать, что на данный момент исходный регион миграции можно определить лишь гипотетически: это должна быть территория к северо-востоку от Ассирии, где могли сохраняться пережиточные культурные традиции Хеттского царства. С учетом того, что ряд типологических соответствий изображенному на стелах оружию происходит из Северо-Западного Ирана, географически регион может локализоваться в окрестностях озера Урмия. Еще одним свидетельством в пользу этого предположения являются бляхи с перегородчатой инкрустацией (*cloisonné work*) из п. 14 Мурзихинского I могильника⁹, относящиеся к числу наиболее ранних импортов в Волго-Камье. Техника их изготовления своим происхождением связана с Северным Ираном (Рябкова, 2014, с. 167).

⁹В статье эти бляхи отнесены к п. 9 IV Мурзихинского могильника в соответствии с публикацией К.А. Руденко (2010, с. 229, рис. 3, 2). На самом деле они происходят из п. 14 IV (I) Мурзихинского могильника (Чижевский, 2006, рис. 1, 1; Кузьминых, Чижевский, 2014, рис. 7, 3)

ЛИТЕРАТУРА

- Белинский А.Б.* К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Кавказе // СА. 1990. № 4. С. 190–195.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Богатое погребение со шлемом ассирийского типа из могильника Нарзанный-2 // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. XI: Археология, краеведение, музееведение / Гл. ред. А.Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2013. С. 181–216.
- Белинский А.Б., Дударев С.Л.* Могильник Клин-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. М.: Дизайн студия Б, 2015. 446 с.
- Гарни О.Р.* Хетты. Разрушители Вавилона / Пер. с англ. А.И. Блейз. М.: Центрполиграф, 2002. 267 с.
- Горелик М.В.* Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). М.: Вост. лит., 1993. 349 с.
- Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавир. полиграф. предприятие, 1999. 400 с.
- Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н.* История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья. К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак, 2009. 262 с.
- Клейн Л.С.* Формула Монтелиуса (шведский рационализм в археологии Мальмера). Донецк: ДонНУ, 2010. 259 с.
- Ковалев А.А.* О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии / Отв. ред. В.С. Ольховский. М.: Геос, 2000. С. 138–179.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры: Западный вариант (систематизация и хронология) / САИ; Вып. В2-5. М.: Наука, 1995. 166с.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнотурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
- Коренюк С.Н.* К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья // Известия Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11. Вып. 2. С. 265–270.
- Кристиансен К.* Война в эпоху бронзы // Бронзовый век: Европа без границ. Четвертое — первое тысячелетия до н.э. – Bronzezeit: Europa ohne Grenzen. IV–I. Jahrtausend v. Chr. Каталог выставки / Отв. ред. Ю.Ю. Пиотровский. СПб.: Чистый лист, 2013. С. 194–205.
- Кузьминых С.В.* Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.: ММНК / Отв. ред. Р.Д. Голдина. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2000. С. 104–113.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: Школа, 2009. С. 29–55.
- Кузьминых С.В., Чижевский А.А.* Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3 (9). С. 101–137.
- Магомедов Р.Г., Эрлих В.Р.* Луткунский клад киммерийской эпохи из Южного Дагестана (предварительное сообщение) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: ММНК, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой / Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Куланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 155–161.
- Меликишвили Г.А.* Урартские клинообразные надписи. Введение // ВДИ. 1953. № 1. С. 241–324.
- Ольховский В.С.* Монументальная скульптура населения западной части евразийских степей эпохи раннего железа. М.: Наука, 2005. 299 с.
- Патрушев В.С., Халиков А.Х.* Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 277 с.
- Патрушев В.С.* Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени / АПУ; Вып. 2. Казань: Фолиант, 2011. 276 с.
- Пикуль М.И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1967. 175 с.
- Погребова М.Н., Раевский Д.С.* Скифы и Древний Восток. К истории становления скифской культуры. М.: Вост. лит., 1982. 260 с.
- Руденко К.А.* Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: ММНК, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1 / Ред. В.А. Алёхин и др. СПб.: ИИМК РАН, “Периферия”, 2012. С. 226–232.
- Рябкова Т.В.* Изделия с перегородчатой инкрустацией в предскифских и раннескифских памятниках // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. II / Отв. ред. А.П. Деревянко и др. Казань: Отечество, 2014. С. 163–168.
- Савинов Д.Г.* Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб.: СБГУ, 1994. 209 с.

Сазонов А.А. О хронологии протоомеотских погребений Закубанья // J. Chochorowski (red.). *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci: Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2004. С. 389–407.

Скаков А.Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008. № 1. С. 15–27.

Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1975. С. 3–34.

Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 222 с.

Тереножкин О.И. Киммерийські стели // Археологія. 1978. Вип. 27. С. 12–22.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 196–200.

Халиков А.Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // СА. 1963. № 3. С. 180–189.

Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н. э.). М.: Наука, 1977. 262 с.

Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 268–300.

Чижевский А.А. Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: III Международная конференция, посвященная 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000): ТД / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 55–57.

Чижевский А.А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // РА. 2009. № 1. С. 81–90.

Членова Н.Л. Северокавказские оленные камни и новомордовские стелы // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство / Отв. ред. Р.С. Васильевский. Новосибирск: Наука, 1987. С. 133–149.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протоомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Aruz J., Wallenfels R. (eds.). *Art of the First Cities: The Third Millennium B.C. from the Mediterranean to the Indus*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2003. 540 p.

Aruz J., Rakic Y., Graff S. (eds.). *Assyria to Iberia at the Dawn of the Classical Age*. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2014. 448 p.

Barnett R.D. *Assyrian Sculpture in The British Museum*. Toronto: McClelland and Stewart Limited, 1975. 179 p.

Khorasani M.M. *Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period*. Tübingen: Legat Verlag Printed, 2006. 780 p.

Macqueen J.G. *The Hittites: and their Contemporaries in Asia Minor*. London: Thames & Hudson Ltd., 2013. 176 p.

Maxboubian H. *Art of Ancient Iran. Copper and Bronze. The Houshang Maxboubian Family Collection*. London: Philip Wilson, 1997. 345 p.

Moorey P.R.S. *Catalogue of the Ancient Persian Bronzes in the Ashmolean Museum*. Oxford: At the Clarendon Press, 1971. 341 p.

Orthmann W. *Untersuchungen zur späthethitischen Kunst / Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde*. Bd. 8. Bonn: Rudolf Habelt Verlag, 1971. 565 S.

Reade J. *Assyrian Sculpture*. London: The British Museum Press, 2014. 96 p.

SCULPTURES OF THE NEW MORDOVIAN TYPE IN THE VOLGA-KAMA REGION

T.V. Ryabkova

The recent additions to the source base of the New Mordovian type of sculptures, as well as the changes in the understanding of the Ananyino cultural phenomenon have allowed to readdress the issue of the genesis of a tradition consisting in the erection of the stelae in the Volga-Kama region. The stelae of Novomordovsky I burial ground, which are the most homogeneous ones in terms of dimensional characteristics and stylistic attributes, correspond to the earliest group of the sculptures. Two of them feature counter-relief images of downward facing equilateral triangles resembling tapered signs in terms of shapes, which were used in Assyrian and Urartian

stone inscriptions. The frequent occurrence of this element on the stelae from Murzikhinsky II and Tetyushsky burial mounds demonstrates its significance for the authors of the stelae, and the changes signify the distortion and loss of their original value. Considering the results of planigraphy and iconography, as well as the presence of 'cuneiform' signs and the results of a typological analysis of armament items, stela No. 1 from Novomordovsky I burial ground can be considered the earliest sculpture of a tradition which should be classified as foreign to the Volga-Kama region. The earlier stelae feature ideal armament reproducing the Central Asian models, and the later ones contain recognizable items with counterparts discovered at the archaeological sites of the Northwestern and Central Cis-Caucasus, Trans-Caucasus and the Volga-Kama region. Hammer images on the side faces of the stelae demonstrate the influence of the deer stone tradition from western territories. The Akkadian tradition of enclosing images in a cartouch represented by an arcuate frame blended with the Hittite tradition of honouring huvasi stelae featuring the images of a deity's attributes (a sword and an axe) within the tradition of the New Mordovian type of sculptures. 'Cuneiform' signs, although they seem to represent not a coherent text, but an imitation thereof, reflect the possible influence of the New Assyrian or Urartian cuneiform writing systems. All this testifies to the migration of a significant group of population - representatives of this tradition in the Volga-Kama region - as early as at the initial stage of development of the Ananyino culture, which dates back to the late 10th-9th centuries B.C., or the 9th - the first half of the 8th century B.C. Besides, due to the fact that the New Mordva type of stelae were influenced by the deer stone tradition as late as at the final stage of their development, the migration cannot be associated with the 'Cimmerian campaigns', but rather corresponds to an earlier historical period. It should be recognized that at the moment the initial migration region can only be defined hypothetically: it must be a territory to the northeast of Assyria, which could have preserved the surviving cultural traditions of the Hittite kingdom. Considering that a number of typological matches of the armament depicted on the stelae originated in North-Western Iran, the region can be geographically localized in the vicinity of Lake Urmia. Another evidence in favour of this assumption are the plates with cross-shaped incrustation (*cloisonné work*) from burial 14 of Murzikhinsky I burial mound related to the earliest imports of the Volga-Kama region.

Keywords: statues (stelae) of the New Mordovian type, Volga-Kama region, Ananyino cultural and historical region, migrations, cuneiform writing systems.

About the author:

Ryabkova Tatyana V. Candidate of Historical Sciences. The State Hermitage Museum. Palace Square, 2, St. Petersburg, 190000, Russian Federation.



Рис. 1. Карта-схема могильников с изваяниями новомордовского типа; 1 – Новомордовский I; 2 – Новомордовский VIII; 3 – Измерский VII; 4 – Мурзихинский I (IV); 5 – Мурзихинский II; 6 – Тетюшский; 7 – Пустоморквашинский.

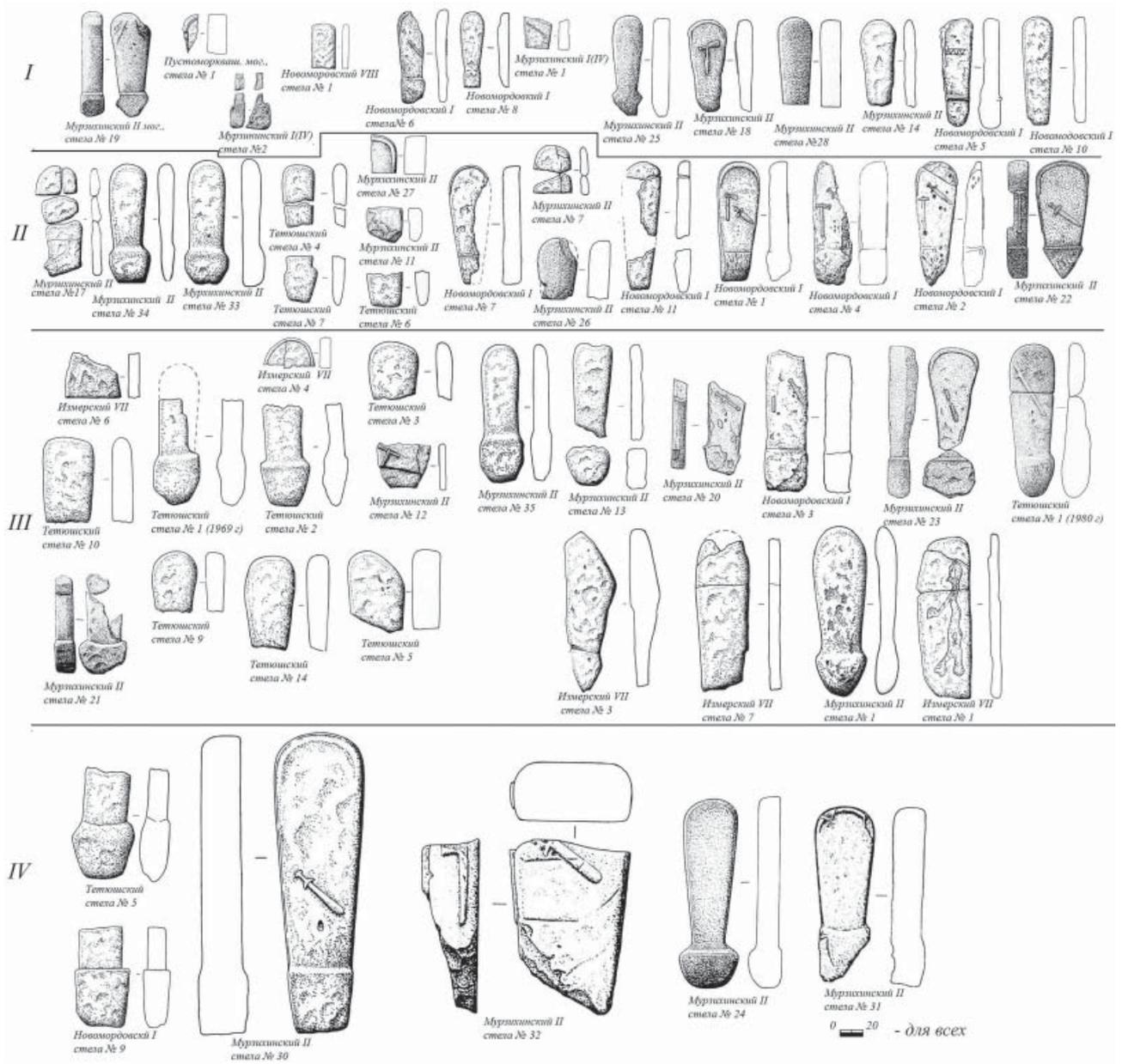


Рис. 2. Размерные группы стел новомордовского типа; I – 1-я; II – 2-я; III – 3-я; IV – 4-я.

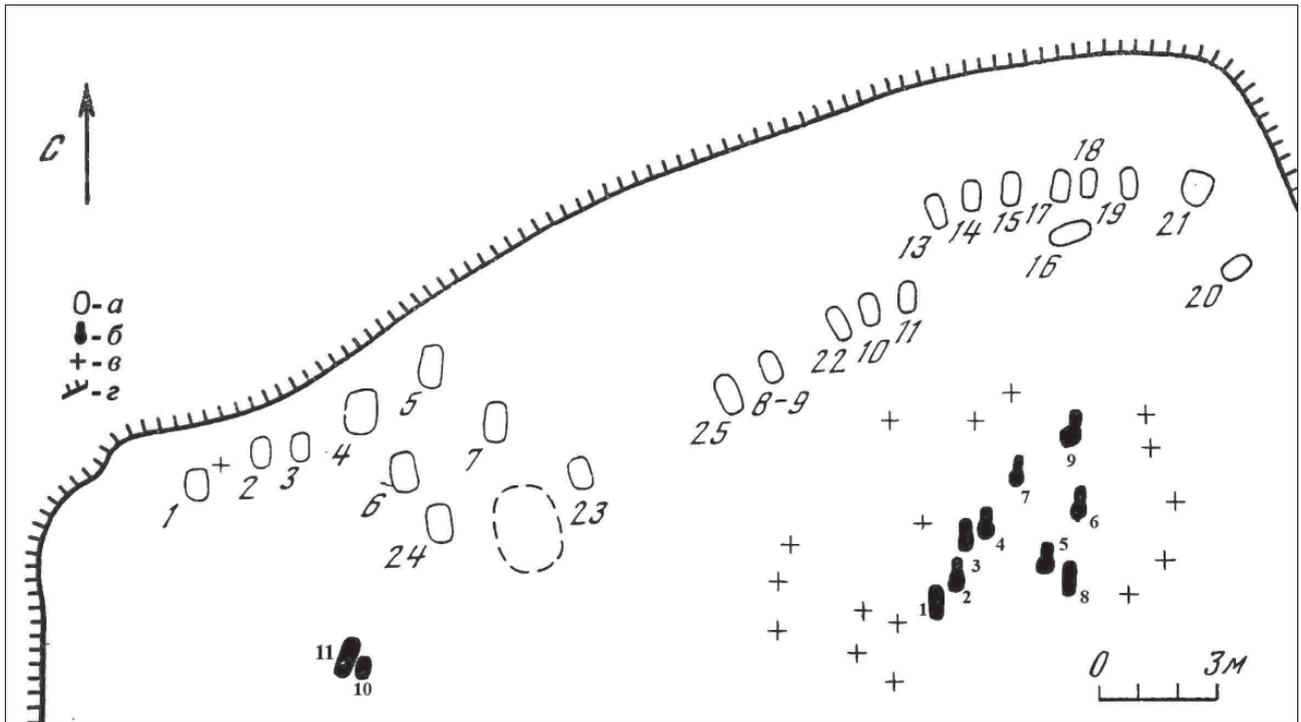


Рис. 3. План Новомордовского I могильника (по: Халиков, 1977, рис. 35, б).
Условные обозначения: а – могила; б – стела; в – отдельная находка; г – край террасы.

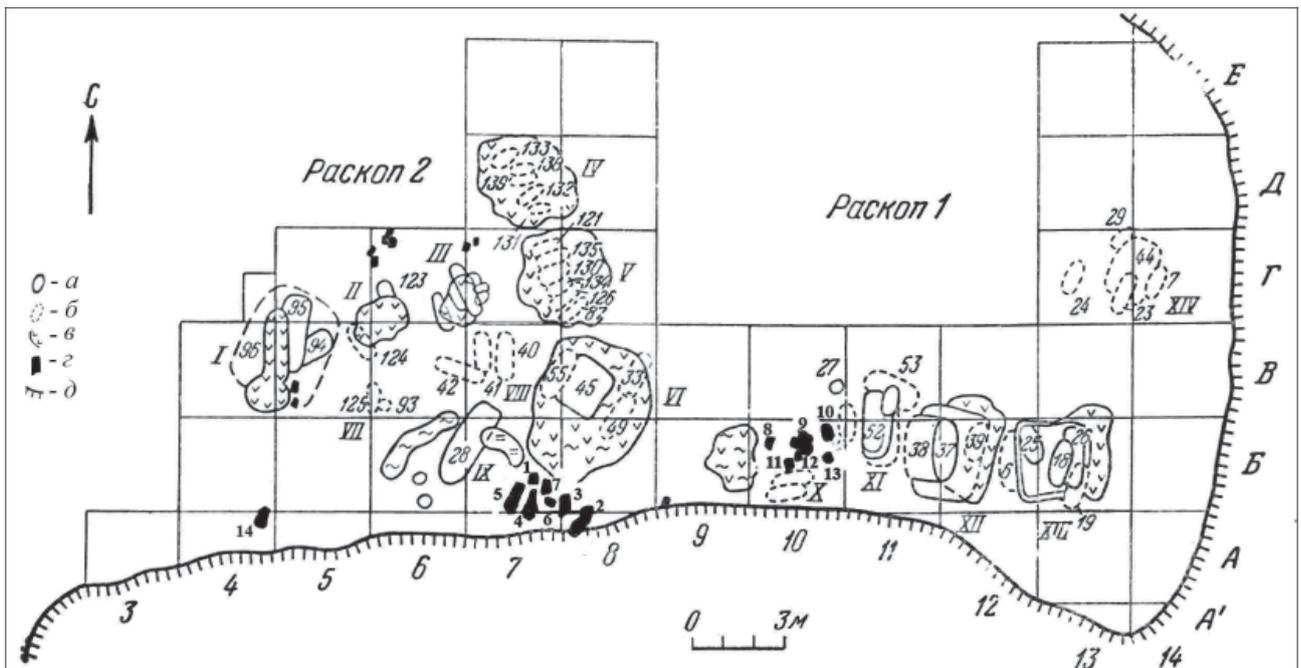


Рис. 4. План Тетюшского могильника (раскоп II 1969 г/) (по: Халиков, 1977, рис. 20).
Условные обозначения: а – могилы с выявленными контурами, б – могилы с предполагаемыми контурами;
в – пятна проколов; г – камни; д – контуры обрыва.

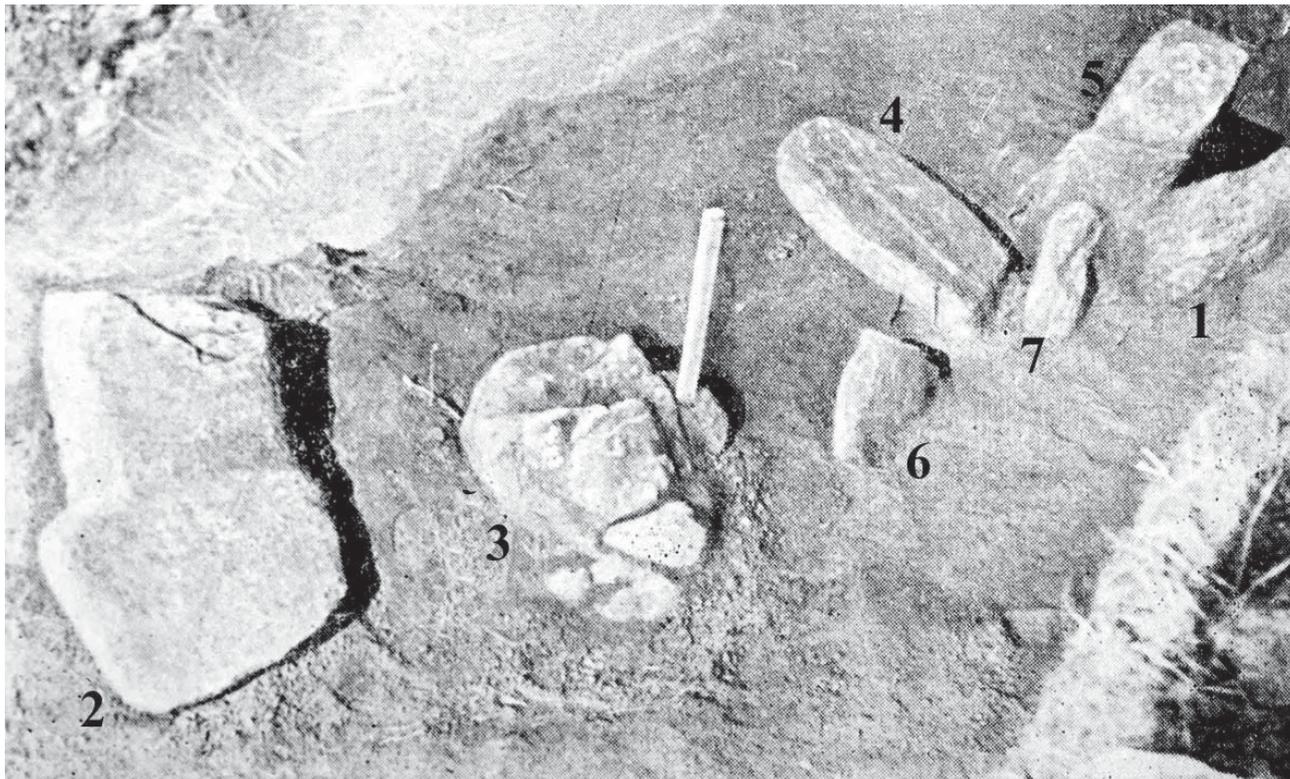


Рис. 4а. Первый комплекс каменных стел Тетюшского могильника (1969 г.). Вид с северо-востока (по: Халиков, 1977, рис. 25).

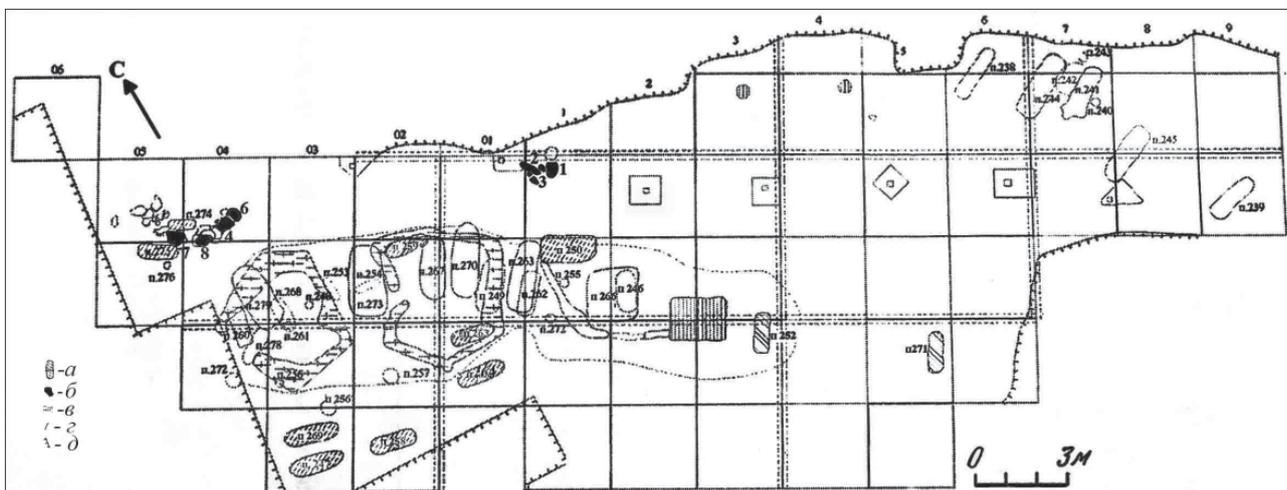
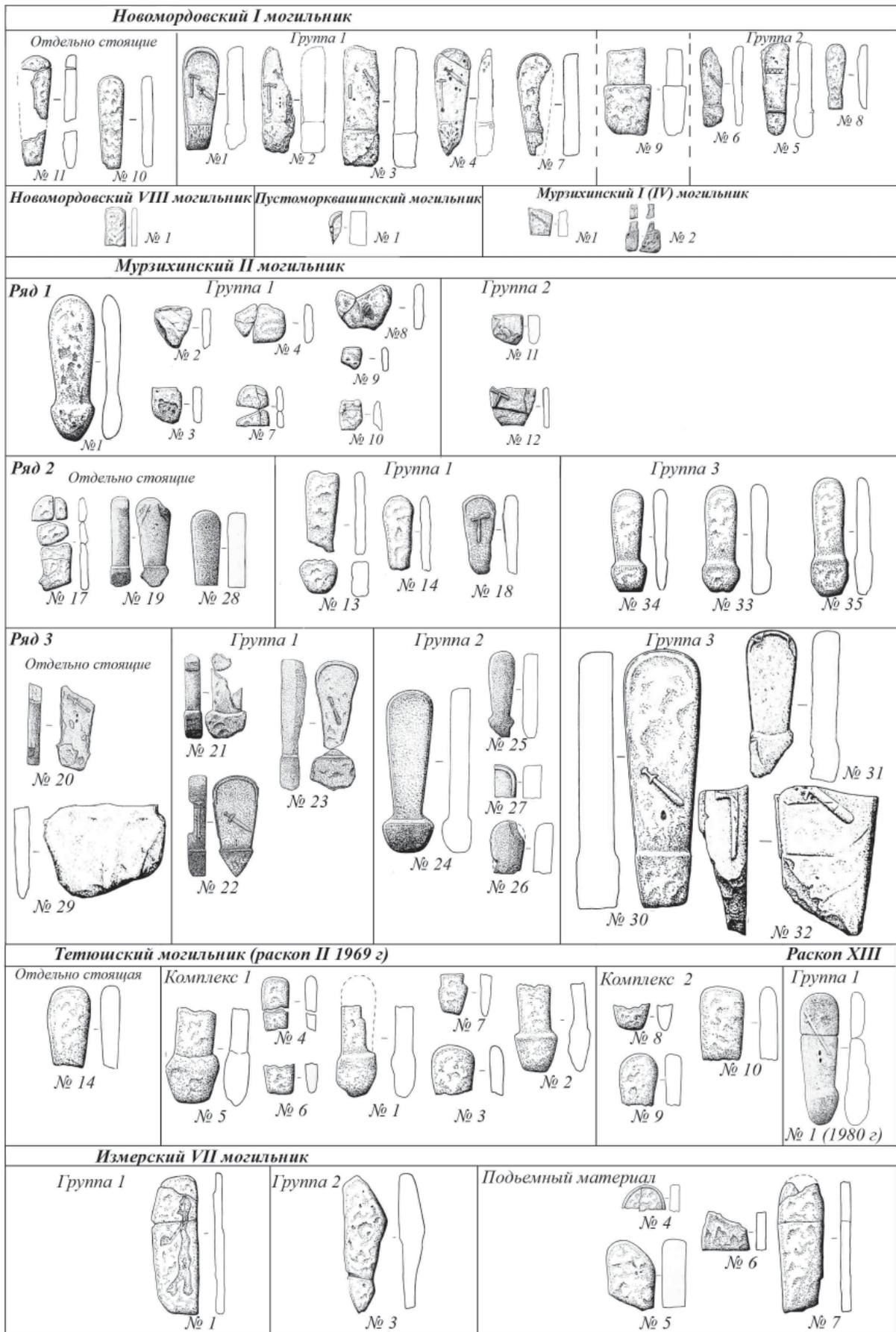


Рис. 5. План Тетюшского могильника (раскоп XIII 1980 г.) (по: Патрушев, 2011, рис. 63, 74).
Условные обозначения: а – контуры погребения, б – стелы, в – зола, г – границы комплексов, д – край раскопа.



0 — 20 - для всех

Рис. 6. Группировка стел новомордовского типа в рядах и группах могильников.

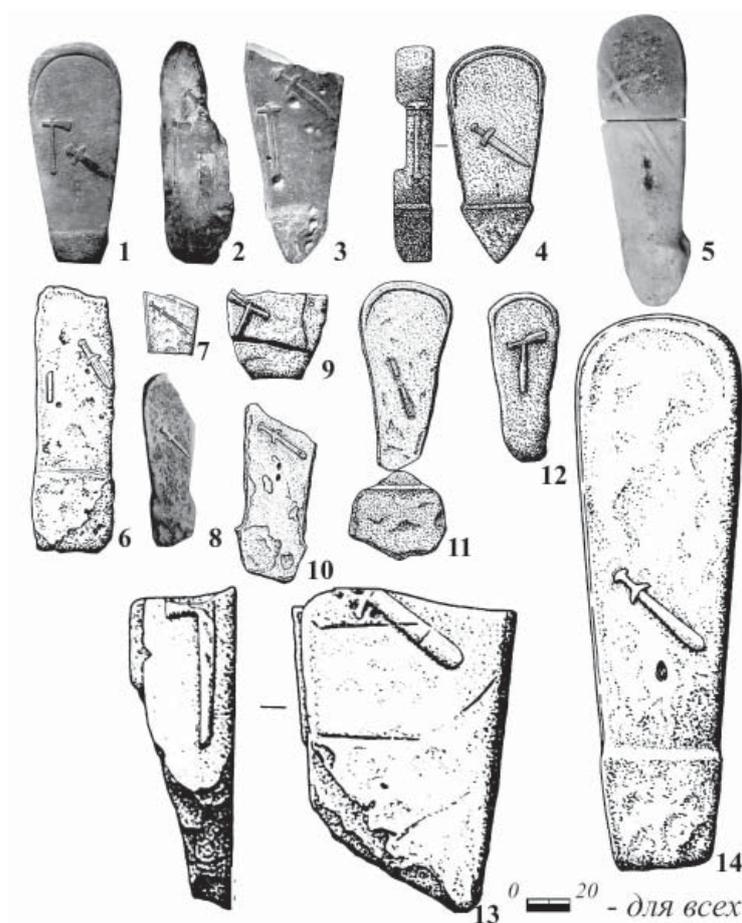


Рис. 7. Стелы новомордовского типа с изображениями оружия; 1 – Новомордовский I, стела № 1; 2 – Новомордовский I, стела № 2; 3 – Новомордовский I, стела № 4; 4 – Мурзихинский II, стела № 22; 5 – Тетюшский, раскоп XIII, стела № 1; 6 – Новомордовский I, стела № 3; 7 – Мурзихинский I (IV), стела № 1; 8 – Новомордовский I, стела № 6; 9 – Мурзихинский II, стела № 12; 10 – Мурзихинский II, стела № 20; 11 – Мурзихинский II, стела № 23; 12 – Мурзихинский II, стела № 18; 13 – Мурзихинский II, стела № 32; 14 – Мурзихинский II, стела № 30; 1–3, 5 – фото автора; 4, 6, 7, 9–14 – по: Чижевский, 2009, рис. 4, 3; 2, 5; 4, 1–5; 5, 3–5); 8 – по: Халиков, 1963, рис. 1, 4.

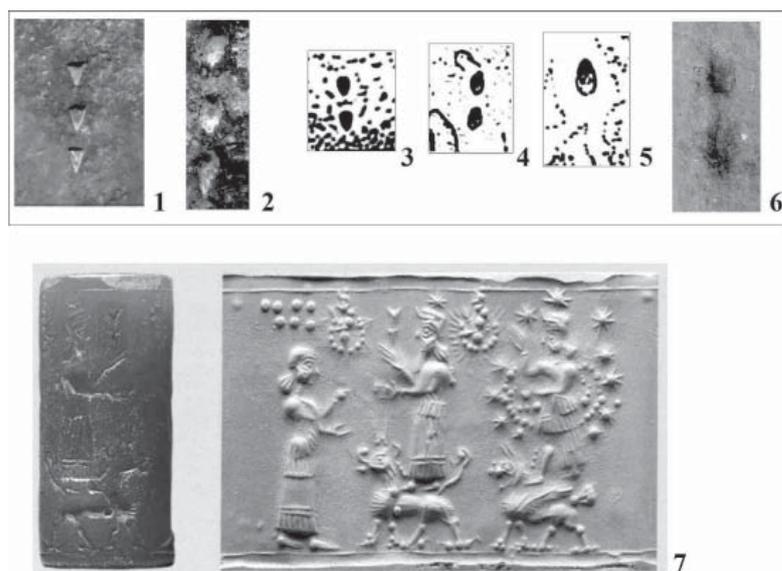


Рис. 8. Контррельфные знаки на стелах и клинописные знаки; 1 – Новомордовский I, стела № 1; 2 – Новомордовский I, стела № 2; 3 – Мурзихинский II, стела № 22; 4 – Мурзихинский II, стела № 20; 5 – Мурзихинский II, стела № 30; 6 – Тетюшский, раскоп XIII, стела № 1; 7 – цилиндрическая печать и современный оттиск: молящийся перед божеством (по: Aguz, Rakic, 2014, p. 67, kat. 18).

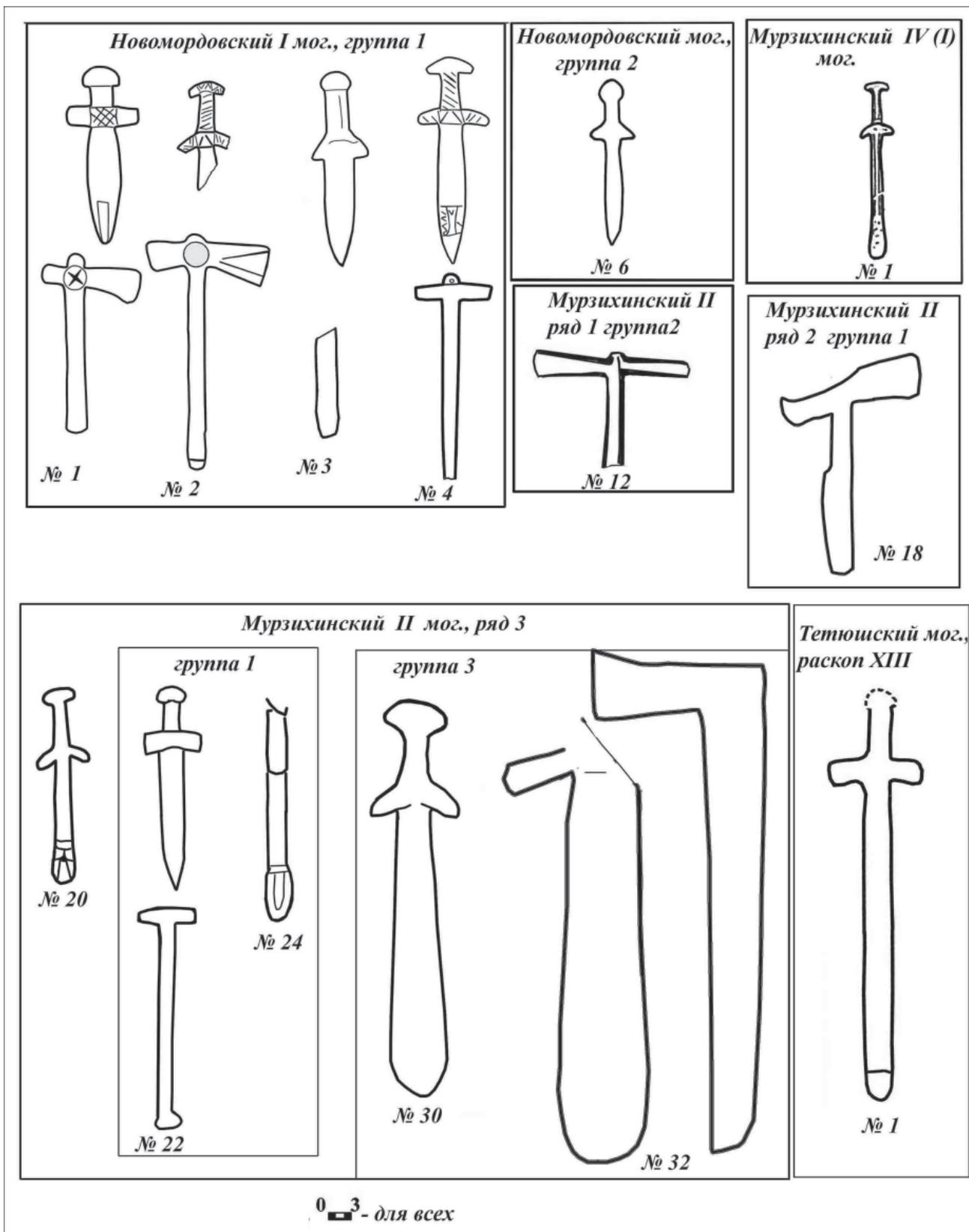


Рис. 9. Прорисовка оружия, изображенного на стенах.

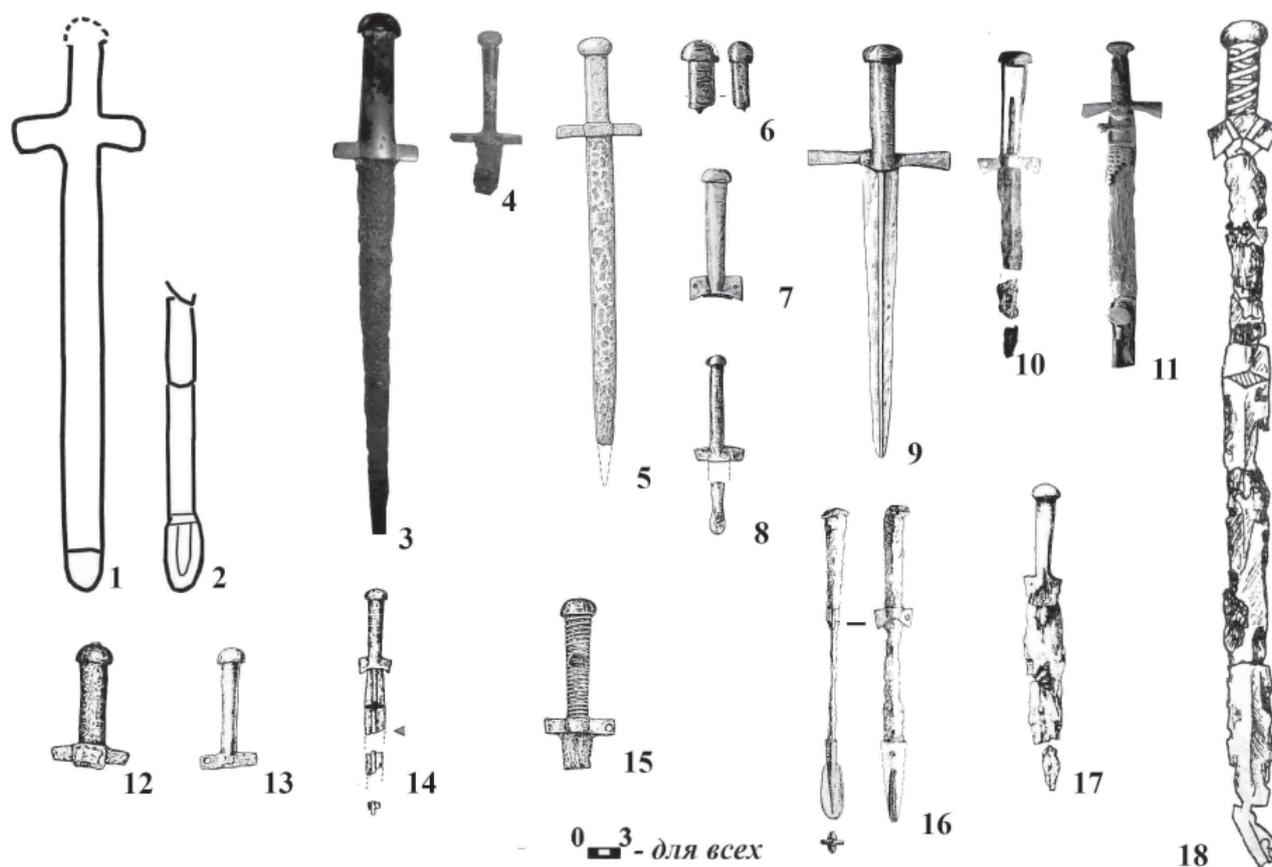


Рис. 10. Кинжалы (кабардино-пятигорский тип); 1 – Тетюшский, раскоп XIII (1980 г.), стела № 1; 2 – Мурзихинский II, стела № 24 (по: Чижевский, 2009, рис. 5, 4); 3 – Киевский музей (Поднепровье) (по: Тереножкин, 1975, рис. 7); 4 – с. Головятино (по: Тереножкин, 1975, рис. 6); 5 – Билярск (по: Халиков, 1977, рис. 59, 4); 6 – Терезе, кв. Б-2 (по: Козенкова, 1995, табл. X, 12); 7 – Хабазский, сл. находка (по: Козенкова, 1995, табл. X, 8); 8 – Баксанское ущелье, погр. (по: Козенкова, 1995, табл. X, 6); 9 – Мебельная фабрика 1, п. 6 (по: Козенкова, 1995, табл. X, 5); 10 – Березовский, п. 3 (1946 г.) (по: Козенкова, 1995, табл. X, 4); 11 – Сиргичский (по: Дударев, 1999, рис. 22, 6); 12 – Николаевский, п. 83 (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 2); 13 – Псекупс, сл. находка (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 1); 14 – Псекупс, п. 56 (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 6); 15 – у хут. Чернышов, сл. находка (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 4); 16 – Нарзанный -2, п. 1 (по: Белинский, Дударев, 2013, рис. 14); 17 – Клин-Яр III, п. 186 (по: Белинский, 1990, рис. 3, 2); 18 – Клин-Яр III, разруш. погр. 1987 г. (по: Дударев, 1999, рис. 126, 2).

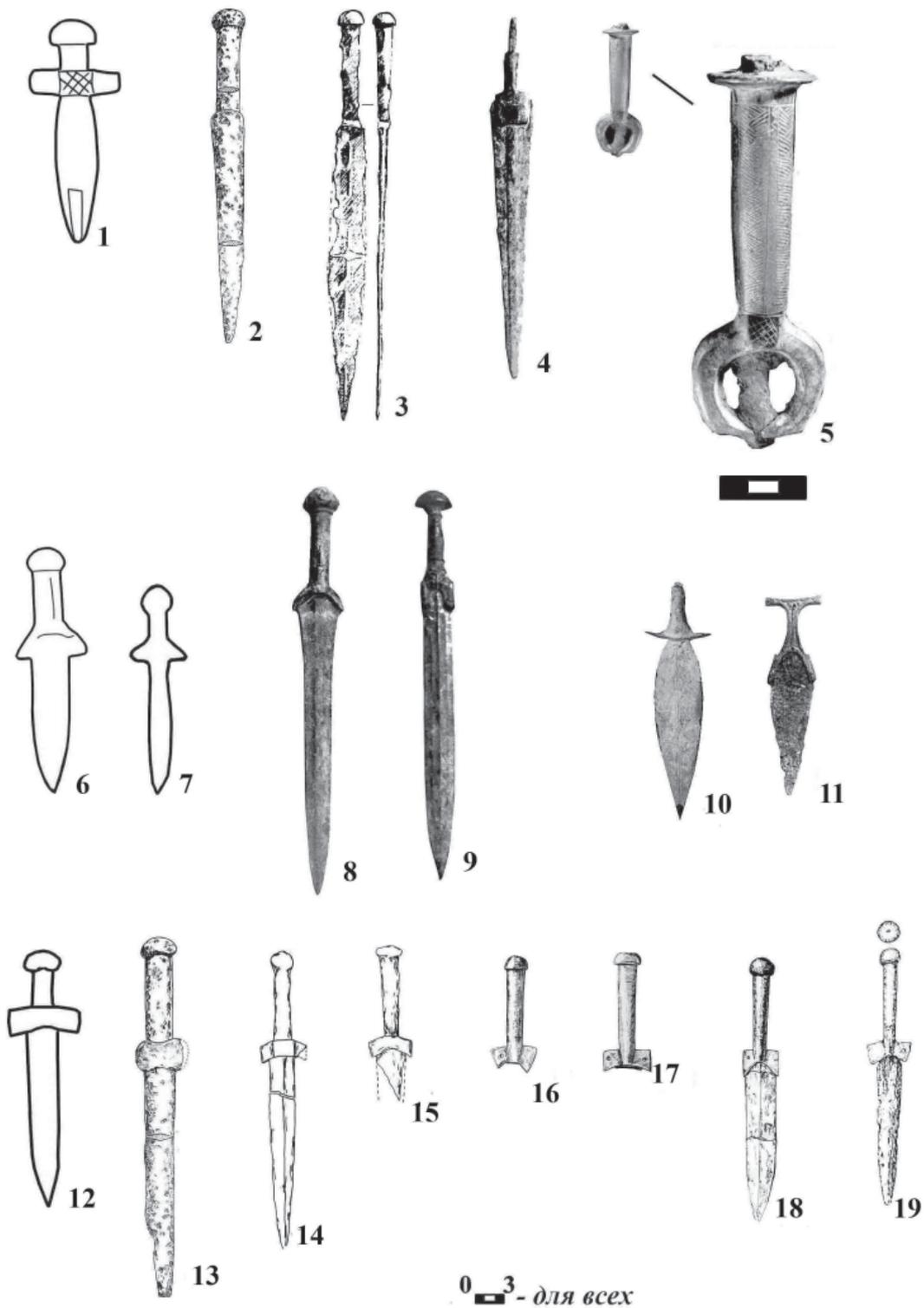


Рис. 11. Кинжалы с грибовидными навершиями и листовидными клинками на стелах новомордовского типа и их аналогии; 1 – Новомордовский I, стела № 1; 2 – Ст. Ахмыловский, п. 273 (по: Патрушев, Халиков, 1982, табл. 47, 1); 3 – Псекупс, п. 130 (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 8); 4 – Северный Иран (по: Waele, 1982, fig. 37, № 44); 5 – Луристан (по: Khorasani, 2006, cat. 18); 6 – Новомордовский I, стела № 3; 7 – Новомордовский I, стела № 6; 8 – Северный Иран (по: Waele, 1982, fig. 37, № 45); 9 – Луристан (по: Waele, 1982, fig. 34, № 39); 10 – Луристан (по: Khorasani, 2006, cat. 2); 11 – Черноречье, разруш. погр. (г. Грозный) (по: Козенкова, 2013, рис. 49, 4); 12 – Мурзихинский II, стела № 22 (по: Чижевский, 2009, рис. 4, 3); 13 – Ст. Ахмыловский, п. 250 (по: Патрушев, Халиков, 1982, табл. 44, 1); 14 – Пшиш I, п. 95 (по: Эрлих, рис. 149, 9); 15 – Пшиш I, п. 103 (по: Сазонов, 2004, рис. IV); 16 – Каменноостский, п. 1 1928 г. (по: Козенкова, 1995, табл. X, 9); 17 – Хабазский, сл. находка (по: Козенкова, 1995, табл. X, 8); 18 – у с. Дубовая роща (Александровское), погр. (по: Козенкова, 1995, табл. X, 7); 19 – Фарс, п. 25 (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 7).



Рис. 12. Рельефы хеттского и новохеттского периодов. Масштаб изображений произвольный; 1 – Кархемиш, Е/9 (по: Orthmann, 1971, taf. 27, d); 2 – Вавилон I (по: Orthmann, 1971, taf. 5, b); 3 – Арслан Таш 2 (по: Orthmann, 1971, taf. 4, e); 4 – Кархемиш, К/28 (по: Orthmann, 1971, taf. 35, g); 5 – Зинджирили, В/14 (по: Orthmann, 1971, taf. 58, d); 6 – Кархемиш, Е/3 (по: Orthmann, 1971, taf. 26, b); 7 – Панкарли (Pancarli) 1 (по: Orthmann, 1971, taf. 48, h); 8 – Кутул (Kütül) 1 (по: Orthmann, 1971, taf. 38, e); 9 – Аладжа-хююк (Alaca, Sphinx Gate) (по: Macqueen, 2013, fig. 136–141); 10 – Алеппо, цитадель, храм бога грозы (по: Assyria to Iberia..., 1971, fig. 1, 3).

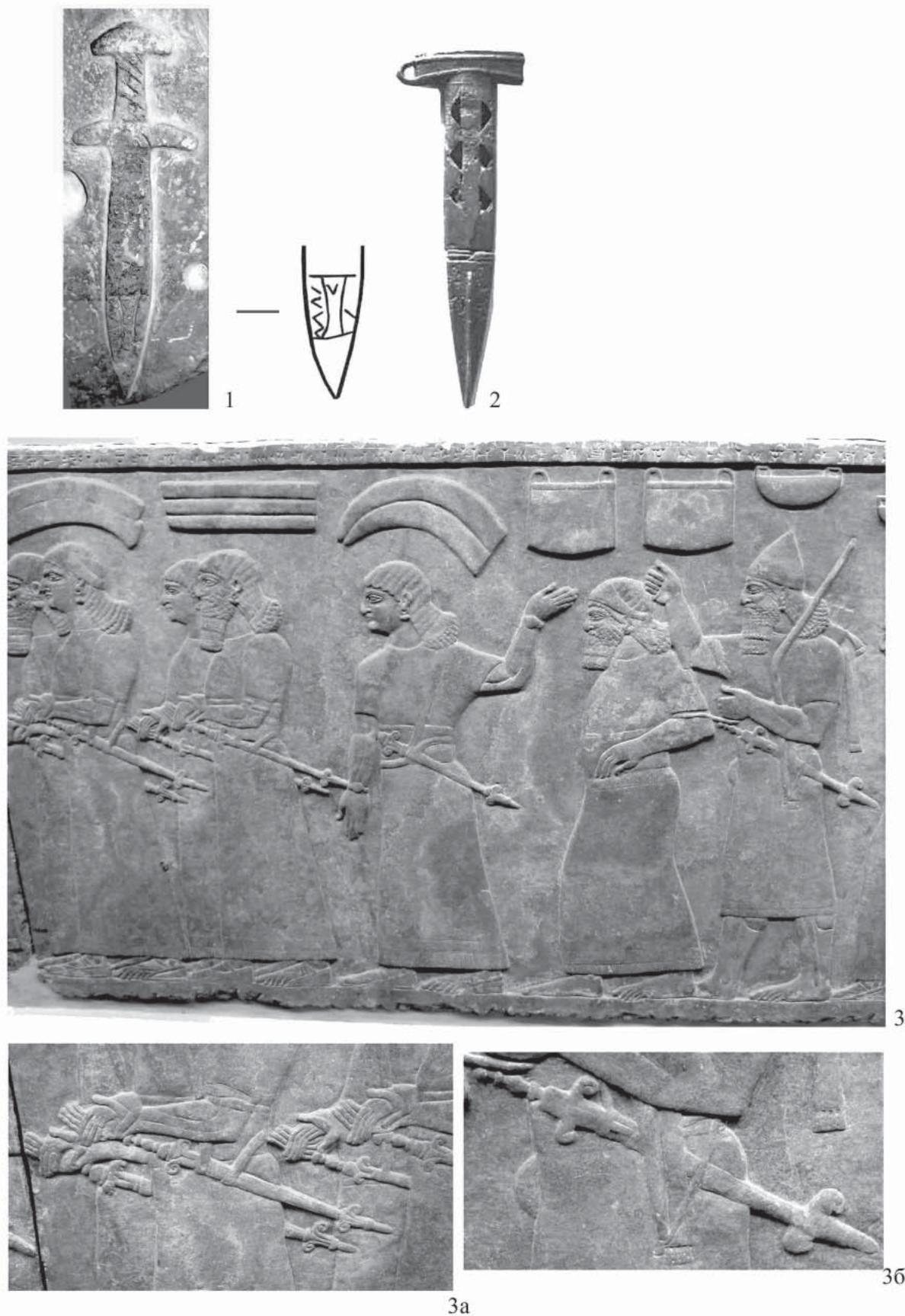


Рис. 13. Изображения мечей в ножнах; 1 – Новомордовский I, стела № 4; 2 – Мурзихинский I (по: Национальный музей РТ, экспозиция); 3 – рельеф с изображением введения пленных, Нимруд, северо-западный дворец, тронный зал В (по: Barnett, 1975, pl. 31); 3а, 3б – детали изображения.

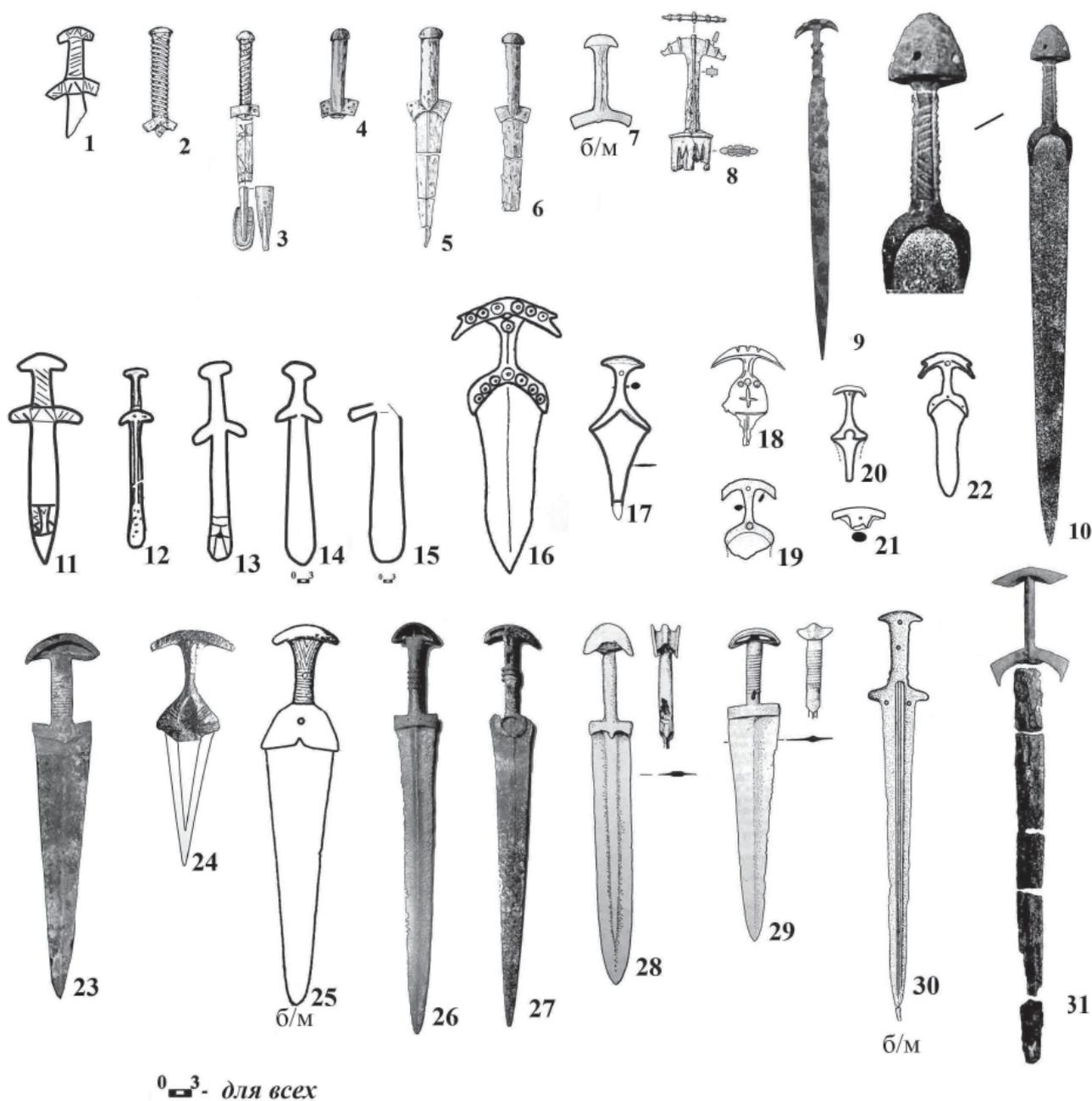


Рис. 14. Кинжалы с серповидными и грибовидными навершиями на стелах новомордовского типа и их аналогии; 1 – Новомордовский I, стела № 2; 2 – Краснодарский музей (по: Эрлих, 2007, рис. 149, 5); 3 – Эжчивашский, п. 4 (по: Козенкова, 1995, табл. X, 10); 4 – Каменноостский, случ. находка (по: по: Козенкова, 1995, табл. X, 1); 5 – Мебельная фабрика 1, п. 14 (по: Козенкова, 1995, табл. X, 2); 6 – Каменноостский, п. 1 1914 г. (по: Козенкова, 1995, табл. X, 3); 7 – Мугерганский (по: Пикуль, 1967, рис. 5, 20); 8 – Кубанский, п. 39 (по: Эрлих, 2007, рис. 151, 3); 9 – Вар-Кабуд (Pusht-I Kuh) (по: Khorasani, 2006, cat. 28); 10 – Северный Иран (Gheshlag Mazandaran) (по: Khorasani, 2006, cat. 34); 11 – Новомордовский I, стела № 4; 12 – Мурзихинский IV (I), стела № 1; 13 – Мурзихинский II, стела № 20; 14 – Мурзихинский II, стела № 30; 15 – Мурзихинский II, стела № 32; 16 – Шубара (по: Скаков, 2008, рис. 5, 9); 17 – Черноморское побережье России (по: Скаков, 2008, рис. 5, 8); 18 – Абгархук (по: Скаков, 2008, рис. 5, 6); 19 – Эшерское городище (по: Скаков, 2008, рис. 5, 7); 20 – Ленджери (по: Скаков, 2008, рис. 5, 4); 21 – Верхнебаксанский клад (по: Скаков, 2008, рис. 5, 5); 22 – Чобанлук (по: Скаков, 2008, рис. 5, 8); 23 – Северный Иран (Amarlu) (по: Khorasani, 2006, cat. 38); 24 – Верхняя Рутха, кам. ящик № 1 (по: Козенкова, 2013, рис. 50, 3); 25 – Ингушетия, случ. находка (по: Козенкова, 2013, рис. 50, 5); 26 – Западный Иран, Луристан (по: Махбoubian, 1997, cat. 384 a); 27 – Северо-Западный Иран (по: Моореу, 1971, fig. 15, 56); 28 – Северо-Западный Иран (по: Моореу, 1971, fig. 14, 55); 29 – Иалусос (Ialysos) (по: Кристиансен, 2013, ил. 5, 4); 30 – Луткунский клад (по: Магомедов, Эрлих, 2016, рис. 2, 4).

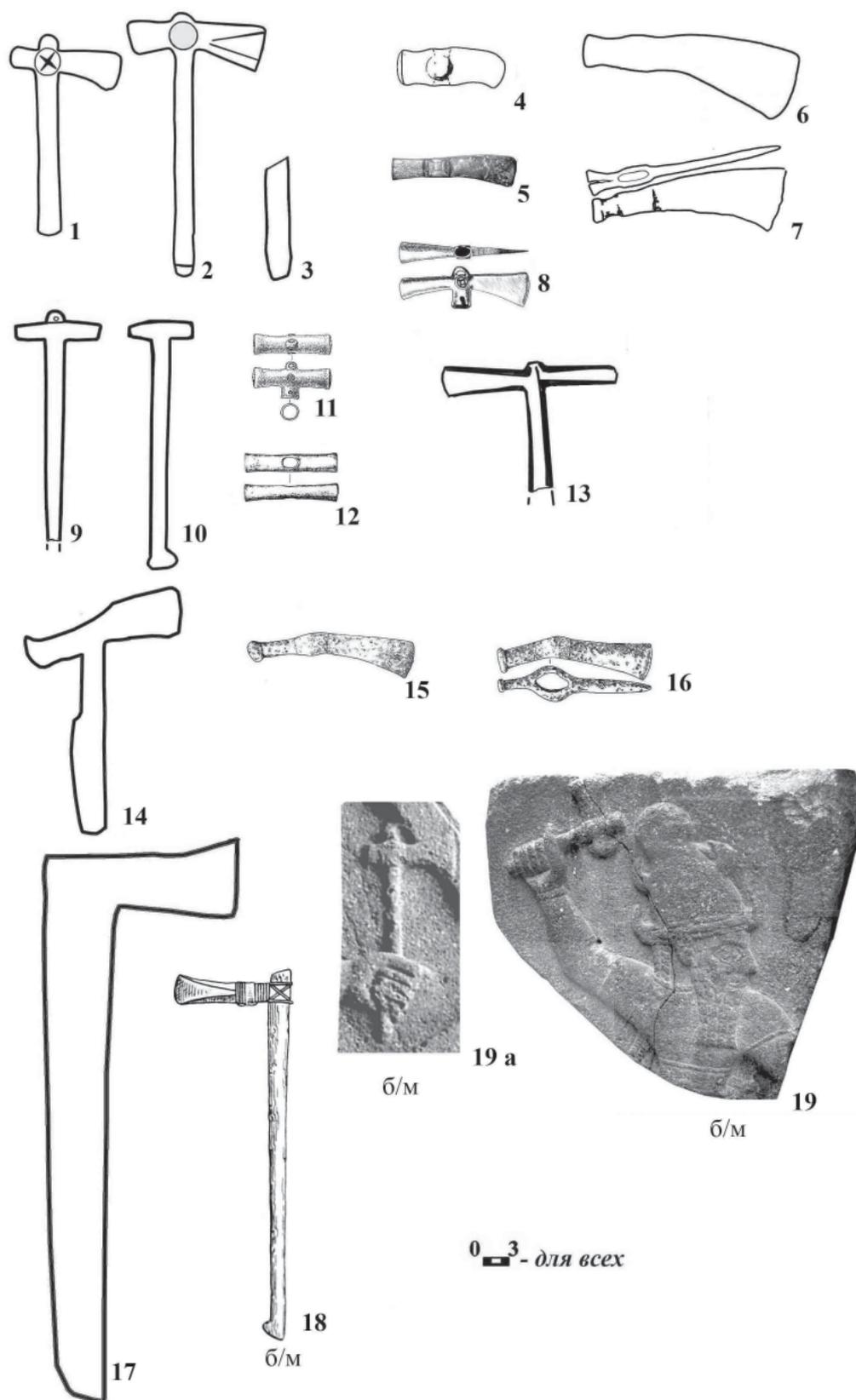


Рис. 15. Изображения топоров и молотов на стенах новомордовского типа и аналогии к ним; 1–3, 9 – Новомордовский I, стелы №№ 1–4; 4 – Пшиш, п. 102 (по: Сазонов, 2004, рис. IV); 5 – Билярск (по: Халиков, 1977, рис. 68, 1); 6 – Пшиш, п. 107 (по: Сазонов, 2004, рис. II, 107); 7 – Пшиш, п. 77 (по: Сазонов, 2004, рис. II, 77); 8 – Кубанский, п. 50 (по: Эрлих, 2007, рис. 165, 10); 10, 13–15 – Мурзихинский II, стелы №№ 22, 12, 18, 32; 11 – Казово, случ. находка (по: Эрлих, 2007, рис. 163, 1); 12 – Фарс, п. 9 (по: Эрлих, 2007, рис. 163, 2); 16 – Ст. Ахмыловский, п. 421 (по: Патрушев, Халиков, 1982, табл. 66, 2 з); 17 – Ст. Ахмыловский, кв. Г'3 (по: Патрушев, Халиков, 1982, табл. 80, 19); 18 – реконструкция крепления кельта аозинско-меларского типа (по: Халиков, 1977, рис. 40, 2); 19, 19а – Кархемиш, Е/3 (детали) (по: Orthmann, 1971, taf. 26, b).



Рис. 16. Рельефные изображения Передней Азии. Масштаб изображений произвольный; 1 – фрагмент стелы Гудеа (по: *Aguz, Wallenfels, 2003, p. 437, cat. 311*); 2 – стела Шамши-Адада V, Нимруд (по: *Reade, 2014, p. 46*); 3 – стела Саргона II, Кипр (по: *Aguz, Rakic, 2014, p. 187, cat. 74*); 4 – погр. стела Син-зер-ибни, Нейраб (по: *Aguz, Rakic, 2014, p. 103, cat. 43*); 5 – стела с изображением правителя, Зинджирли (по *Aguz, Rakic, 2014, p. 102, cat. 41*); 6 – стела с изображением божества, Тиль-Барсиб, В/1 (по: *Orthmann, 1971, taf. 53, c*); 7 – стела с изображением божества, Адиаман, 2 (по: *Orthmann, 1971, taf. 67, g*); 8 – рельеф с изображением бога-меча, Язылыккая, камера В (по: *Masqueen, 2013, fig. 119*); 9 – пьедестал со сценой поклонения хуваси, Богазкёй (по: *Masqueen, 2013, fig. 105*).

УДК 903.2

АНАНЬИНСКИЙ МИР И КАВКАЗ: КОНТАКТЫ И ИМПОРТ

© 2017 г. А.Ю. Скаков

В статье анализируется характер и механизм взаимодействия между культурами Кавказа эпохи раннего железного века (кобано-колхидская культурно-историческая общность и др.) и ананьинской культурно-исторической областью. Определяется набор предметов, свидетельствующих о подобных связях, выделяются ареалы их бытования на Кавказе. Важно, что эти ареалы не ограничиваются Центральным (кобанская культура) или Северо-Западным (протомеотская группа памятников) Кавказом. На конкретных примерах рассматриваются: предметы импорта с Кавказа в Волго-Камье; надкультурные феномены; изделия, выполненные по образцу кавказских прототипов; предметы, имеющие отдаленные и, нередко, обманчивые аналогии на Кавказе. Особое внимание уделяется некоторым типам наконечников ножен и ремней, ворворок, блях. Учитывая интенсивность связей между Кавказом и Волго-Камьем, наличие на территории ананьинской КИО высокостатусных культоворитуальных предметов, изготовленных на Кавказе, а также аксессуаров одежды, вероятное воздействие со стороны Кавказа на ананьинское искусство и погребальный обряд, делается вывод о вероятности перемещения в данный регион с Кавказа некоторых групп населения. Возможно, такое перемещение имело неоднократный характер. Наиболее вероятно, что маршрут торговых связей и перемещения групп населения проходил через низовья Дона и Средний Дон с его левыми притоками.

Ключевые слова: ананьинская культурно-историческая область, кобано-колхидская культурно-историческая общность, протомеотская группа памятников, предскифский период, раннескифский период

Проблематика, связанная со взаимодействием культур Кавказа и ананьинской культурно-исторической области (АКИО), уже более полувека находится в поле зрения специалистов по археологии Волго-Камья и кавказоведов. Значительное внимание этому вопросу уделили такие ведущие специалисты по археологии Среднего Поволжья, как А.В. Збруева, А.Х. Халиков, В.С. Патрушев, С.В. Кузьминых. Обобщающей работой по данной тематике стала недавняя статья С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского (2014), сводящая воедино практически весь материал, маркирующий кавказские и северопричерноморские контакты с Волго-Камьем в раннем периоде существования АКИО. Исследователи сгруппировали материал по двум этапам, датированным, соответственно, IX – серединой VIII и серединой VIII – первой четвертью / первой половиной VII в. до н.э. Здесь можно только заметить, что авторы по понятным причинам обошли вниманием не затухающую до сих пор дискуссию сторонников «длинной» и «короткой» хронологии предскифских древностей (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 108).

В целом, выводы С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского представляются в должной мере фундированными и серьезных возражений не вызывают. При этом задачей их работы было, как представляется, использование

«южных» импортов (или подражаний им) для уточнения хронологии ананьинских древностей. Попробуем посмотреть на данную ситуацию несколько иначе, задумавшись о механизме этих контактов, в частности о том, какая культурная группа или группы на Кавказе выступали в качестве участника процесса взаимодействия. При этом целесообразно сосредоточиться не на тех предметах (к примеру, элементах конской узды или кинжалах т.н. «кабардино-пятигорского типа»), которые свойственны для широкого круга древностей предскифского времени Восточной Европы (тем более, что эта работа уже в значительной степени выполнена в той же статье С.В. Кузьминых и А.А. Чижевского), а на таких материалах, которые имеют, безусловно, кавказское происхождение и связаны даже не со степными регионами Предкавказья, а с Большим Кавказом.

Основной проблемой здесь является определение механизма проникновения кавказских изделий на территорию Волго-Камья. Можно выделить два основных подхода к решению этого вопроса. Согласно первому из них, сформулированному, в общих чертах, еще А.В. Збруевой, речь идет о проникновении вещей и идей, то есть о дальнейшем подражании предметам, происходящим с Кавказа. «В некоторых случаях можно установить прямое проникновение

кавказских вещей на территорию расселения ананьинских племен, например, кавказского пояса», но «в других случаях, вероятно, имело место подражание кавказским образцам», и, в качестве примера такого подражания, приводятся мелкие ступенчатые бляшки (Збруева, 1952, с. 169). Более того, с Кавказа, приходили не только образцы вещей, но и декоративные мотивы, в частности, отсюда «были получены образцы спирального орнамента» (Там же). При этом, однако, объяснения такому заимствованию не дается, говорится только лишь о «более или менее тесной связи между собой» очагов древней металлургии (Там же, с. 170). В качестве одного из вариантов ответа следует отметить, что А.В. Збруева усматривала «особенно тесные связи» «между ананьинскими племенами и древним населением окрестностей Частых курганов и с. Мастюгина Воронежской области» (Там же, с. 177).

По сути, из аналогичных представлений о механизмах взаимодействия культур исходят С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский, говоря о «включении ананьинского мира в систему международной торговли и обмена с югом Восточной Европы» (2014, с. 101). Как ранее подчеркивал С.В. Кузьминых (1983, с. 175), «не отрицая возможности отдельных включений» (т.е. переселения некоторых групп населения), «обилие кавказских вещей» объясняется «значительным внешним товарным обменом», в том числе, многоступенчатым. По мнению В.С. Патрушева (1984, с. 118), «импортные изделия на Среднюю Волгу попали не вместе с их владельцами, а в результате обмена». О предметах импорта, «полученных в результате торговых и военных взаимоотношений ананьинцев с южными соседями», говорит и А.А. Чижевский (2008, с. 80, 81).

Второй подход исходит из того, что материал раннеананьинских памятников Средней Волги «отражает не случайное проникновение сюда отдельных скифских вещей, а какие-то исторические обстоятельства» (Погребова, Раевский, 1992, с. 206). Видеть в этих находках исключительно «скифский импорт» не позволяет «значительная удаленность рассматриваемого региона от основной зоны распространения древностей скифского облика и разительное отличие его по уровню концентрации подобных находок от городского ареала. Крайне маловероятно, что существование торговых связей, оставивших столь заметный след в раннеананьинских комплексах, могло никак не отразиться в памятниках промежуточной территории» (Там же, с.

207). Следуя этой логике, М.Н. Погребова и Д.С. Раевский связали появление на Средней Волге как раннескифских, так и кобанских предметов с упоминанием Геродота об отложившихся скифах. При этом, по их словам, «нет никаких оснований приписывать отложившимся скифам ананьинскую культуру как таковую» (Там же, с. 205).

Версия об «отложившихся скифах» не стала общепринятой, некоторыми исследователями она принимается (Медведев, 1999, с. 135), некоторыми, иногда после колебаний (Смирнов, 1999), отвергается (Смирнов, 2000). Некоторые авторы в своих работах явно колеблются между представлением об интенсивных торговых связях и предположением о миграции какой-либо группы населения. Так, Г.Н. Вольная говорит то об «усилении внешнего товарного обмена» и «устойчивых торговых связях» населения Волго-Камья с Кавказом в IX–VII вв. до н.э. (2009, с. 262; 2015, с. 27), то о «миграции с Кавказа на северо-восток представителей кобанской культуры в X–VII вв. до н.э.» (2009, с. 265).

Н.Л. Членова (1988), абсолютно не воспринявшая действительно весьма спорную гипотезу об «отделившихся скифах», считала возможным, тем не менее, говорить о походе или походах киммерийцев и скифов, обитавших на Северном Кавказе, на Среднюю Волгу. Для подтверждения этого, кроме инвентаря погребений и отдельных находок, использовались стелы I Новомордовского могильника: «одно из доказательств того, что с Северного Кавказа на Среднюю Волгу проникали не только вещи, но и люди – это Новомордовские стелы» (Там же, с. 5). По мнению Н.Л. Членовой, стелы, «восходящие к северокавказским оленным камням», созданы «людьми, пришедшими с Северного Кавказа, или их потомками» (Там же). Соответственно, «Старший Ахмыловский могильник нужно рассматривать не как кладбище пришедших с Северного Кавказа скифов и их жен из среды местного населения, а как могильник местного, ананьинского населения, в котором погребены и потомки пришедших с Северного Кавказа скифов, ассимилируемых ананьинцами». (Там же, с. 7). Получалось, что речь идет о нескольких, как минимум, двух походах, связываемых, соответственно, с условными скифами и с предполагаемыми киммерийцами. Этому несколько противоречило проведенное Н.Л. Членовой выделение в Старшем Ахмыловском могильнике трех групп погребений (кроме чисто ананьинских) – «смешан-

ных киммерийско-ананьинских комплексов: киммерийские кинжал и удила, ананьинские кельты и бронзовое копье», «чистые скифо-кавказские комплексы с акинаками, боевым топориком и наконечником ножен», «смешанные скифо-кавказско-ананьинские комплексы: скифо-кавказские топорик и удила, ананьинские кельт и сосуды» (Там же, рис. 1). Таким образом, «чистые» «киммерийско-кавказские» комплексы в отличие от «чистых» «скифо-кавказских» отсутствовали.

Отметим также в этой связи, что А.А. Чижевский, создавший свод известных к настоящему времени ананьинских стел, выделяет как признаки их сходства с синхронными оленными камнями, так и признаки существенных отличий между ними, и делает вывод о том, что «вопросы преемственности и заимствования традиции установки каменных изваяний целиком, вероятно, не могут рассматриваться» (2005, с. 290). В то же время характер изображения оружия на изваяниях свидетельствует о влиянии «рисунков на оленных камнях раннего железного века» (Там же, с. 291). То есть однозначно согласиться с тезисом Н.Л. Членовой о создании Новомордовских стел выходцами с Северного Кавказа или их потомками не представляется возможным.

В обоих случаях, и у М.Н. Погребова и Д.С. Раевского, и у Н.Л. Членовой, речь идет не о перемещении вещей, не о торговых связях, а о перемещении людей, по крайней мере, некой их группы. Изучение кузнечных изделий из раннеананьинских памятников привело Н.Н. Терехову и Л.С. Розанову (2009, с. 200) к выводу о том, что «либо с Кавказа поступали не только вещи, но и сырьевой полуфабрикат, либо в ананьинскую среду были привнесены знания о возможности получения такого сырья. Но в этом случае логично предположить, что здесь находились ремесленники с соответствующими навыками – выходцы с Кавказа». Или же: «наши данные позволяют присоединиться к мнению Н.Л. Членовой и добавить, что, видимо, с миграционным потоком с Кавказа на Среднюю Волгу в раннескифское время попадают и мастера по обработке черных металлов, наладившие здесь железопроизводство. В пользу этого свидетельствуют технологические особенности изделий не только кавказского типа, но и местных форм, выполненных в чисто кавказских традициях» (Терехова и др., 1997, с. 77). Данную гипотезу признал обоснованной и А.А. Чижевский (2012, с. 390). Таким образом, и здесь речь идет о проникновении в

Волго-Камье группы выходцев с Кавказа, хотя причины и механизм перемещения группы ремесленников остаются неясными.

Набор предметов из памятников Волго-Камья, связанных, согласно М.Н. Погребовой и Д.С. Раевскому, с ранними скифами, достаточно весом и представлен в большинстве случаев, сериями находок. Это бронзовые втульчатые стрелы, акинаки, железные наконечники копий, железные топоры, предметы конской узды, произведения скифского звериного стиля (хотя бляха с изображением свернувшегося в кольцо хищника, по их мнению, «производит впечатление несколько более поздней» и «попавшей в этот район самостоятельно»: Погребова, Раевский, 1992, с. 240), навершие в виде головы животного (Там же, с. 205, 206).

Если А.В. Збруева и ряд других авторов суммарно говорили о «кавказских вещах» или «кавказских образцах», В.С. Патрушев – об аналогиях на Северном Кавказе, преимущественно, в памятниках кобанской культуры (1984, с. 111–118)¹, то М.Н. Погребова и Д.С. Раевский конкретизировали область происхождения этих находок, связав ее с Центральным Закавказьем, ареалом центрально-кавказских бронзовых поясов, где сочетаются урартские и кобано-колхидские культурные элементы (1992, с. 207, 212, 213). Эти элементы, по их мнению, сочетаются и на самих изделиях, в частности, в декоре фрагмента пояса из п. 362 Ст. Ахмыловского могильника (Там же, с. 212).

Однако возникала достаточно странная ситуация, когда в исследованных комплексах практически отсутствовали иные (кроме фрагментов поясов) предметы центрально-кавказского (или центрально-закавказского) происхождения. К немногим исключениям относились железный топор с территории Ст. Ахмыловского могильника, хотя в кобанском ареале он имеет всего одну прямую аналогию – топор из Верхней Рутхи (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 18, 8в; Крупнов, 1960, табл. X, 4), бронзовый наконечник ножен из п. 336 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 56, 4в) (Рис. 1, 4) – и, по большому счету, всё.

Аналоги наконечнику ножен, в самом деле, хорошо известны в регионе Центрально-

¹ Н.Л. Членова связывала эти находки с выделенной ею т.н. «каменноостско-березовской культурой», которая в значительной степени идентична выделяемой мною и рядом других авторов западно-кобанской культуре.

го Кавказа. Неполнота или противоречивость имеющихся сводок этих предметов (наиболее полная из них предложена Д.А. Топалом: 2015, с. 63–70, рис. 4, 5; см. также Зимовец, 2016) вынуждает нас привести здесь известные нам находки². Они происходят из могильника Фаскау в Дигории (4 экз.) (Уварова, 1900, табл. СХV, 4, 5; Крупнов, 1960, табл. LXXV, 2–4; Motzenbäcker, 1996, taf. 7, 7; Мошинский, 2006, с. 17, 18, рис. 8, 1; 2010, № 235, с. 176) (Рис. 1, 5, 7, 13), Кобанского могильника (2 экз.) (Уварова, 1900, с. 83, рис. 80; Доманский, 1984, илл. 28, 29; Погребова, Раевский, 1992, с. 127, рис. 19, а, б) (Рис. 1, 2, 3), п. 2 и 7 Нижне-Чегемского могильника в Кабардино-Балкарии (Акритас, 1961, табл. II, 15, III, 9; Багчаев, 1972, табл. I, 7, 12) (Рис. 1, 8, 9), в качестве случайной находки из Кабардино-Балкарии³ (Гуважоков, 2015, рис. 35, 3), п. 28 Кливанского могильника (Козенкова, 2007, с. 268, рис. 9, 3) (Рис. 1, 10), п. 495 могильника Нацаргора (Georgien ..., 2001, № 374, s. 407⁴) (Рис. 1, 6), п. 4 Дванского могильника (Макалатия, 1949, рис. 6) (Рис. 1, 11) и Патардзеули (Кахетия, музей г. Сигнахи: Maisuradze, Pirtskhalava, 2010, p. 200, pl. I, 1, 2; Майсурадзе, Пирцхалава, 2011, с. 71–77, рис. 1; 2, 1) (Рис. 1, 1)⁵ в Центральном Закавказье. За пределами данного региона, но в непосредствен-

ной близости к нему бронзовые зооморфные наконечники ножен этого типа найдены на Пашковском городище № 5 на Кубани (Пьянков, 2005, рис. 1) (Рис. 1, 15), в п. 55 Владимирского могильника возле Новороссийска (Шишлов, Федоренко, 2006, с. 66, рис. 4, 4; Новичихин, 2006, с. 51, 52, рис. 61, 2) (Рис. 1, 14), в районе Майкопа (Краснодарский музей: Іллінська, 1963, с. 35, рис. 2, 5).

Большинство происходящих из собственно Скифии и с территории предгорий Крыма наконечников ножен – экземпляры из п. 2 Репяховатой могилы близ Матусова (Ильинская и др., 1980, с. 41, 42, рис. 11, 5–7, 12, 2) (Рис. 1, 12), с острова Левке (Змеинового) (Одесский музей: Островерхов, Охотников, 1989, с. 55, рис. 3, 6; Топал, 2015, рис. 4, 24), из Ниспоренского района Молдовы (Топал, 2014, с. 23, рис. 2, 4; 2015, рис. 4, 25), из экспозиции Харьковского музея (Зимовец, 2016, с. 77, рис. 2) и из горного массива Агармыш и урочища Алан-Тепе в районе г. Старый Крым и монастыря Сурб-Хач (Топал, 2015, рис. 14, 22, 23; Зимовец, 2016, с. 77, рис. 1, 1, 2) – достаточно далеко отстоит от этой серии, лишь отдаленно напоминая центрально-кавказские экземпляры⁶. Все они входят в одну группу с бутеролью с Пашковского городища 5, хотя и отличаются от нее по ряду деталей, в том числе, величине глаза. К «кавказским» бутеролям ближе два других наконечника ножен из предгорий Крыма – из с. Александровка и из района горного массива Кубалач Белогорского района (Топал, 2015, с. 67, рис. 4, 19, 20; Зимовец, 2016, с. 77, 78, рис. 1, 3, 4).

Г.Н. Вольная (2015, с. 19–31) выделила два типа⁷ бутеролей с изображением хищной птицы (беркута, по её мнению), первый из которых (с небольшим глазом, кольцевидным клювом и заостренным слегка вытянутым языком) является наиболее ранним и связан, по ее мнению, с Дигорским ущельем, а второй (с более крупным глазом, сильно загнутым клювом из двух полос или полосы с поперечными отверстиями, полукольцевидным языком) – с Кобанским ущельем. Соответственно, и здесь можно согласиться с исследователем, находки с территории

² Г.Н. Вольная, без ссылок, приводит две находки наконечников ножен данного типа из Белореченского могильника (какого из трех, он не один?) и Верхнего Аула в Кабардино-Балкарии (Вольная, 2002, рис. 3, 5, 6; 2009, с. 265). Вслед за ней (и ссылаясь на нее) об этих же находках говорят А.В. Пьянков (2005, с. 448) и Ю.Б. Полидович (2015, с. 157). Отметим, что Белореченский могильник (Кисловодская котловина) ни в коем случае не может быть отнесен к центральному варианту кобанской культуры, несмотря на утверждение Г.Н. Вольной (2009, с. 265). Нам эти предметы и их публикации неизвестны. Парадоксальным образом в своей более поздней статье 2015 г. Г.Н. Вольная упоминает одну из этих находок (Верхний Аул) в аннотации, но не приводит её ни в тексте, ни на иллюстрациях. При отсутствии ссылок на публикации, отчеты или музейные фонды использовать эти предполагаемые находки мы не можем.

³ Данный экземпляр находит ближайшую аналогию в могильнике Фаскау (Motzenbäcker, 1996, taf. 7, 7).

⁴ В подписи к публикации отнесен, вероятно, ошибочно к комплексу п. 469.

⁵ Учитывая находку из Патардзеули, мы никак не можем согласиться с Г.Н. Вольной в том, что «все наконечники с головой птицы происходят из памятников кобанской культуры» (2015, с. 21). Также есть упоминание о находке бутеролей данного типа в могильнике Брили (Майсурадзе, Пирцхалава, 2011, с. 71).

⁶ Хотя отметим, что бутероль из Алан-Тепе, согласно анализу металла, «была изготовлена по северокавказской рецептуре и, скорее всего, их северокавказского сырья» (Зимовец, 2016, с. 86).

⁷ Хотя на её таблице (с. 22) странным образом появляется тип 3 (вероятно, это более поздние бутероли, выполненные под влиянием кавказских образцов), о котором в тексте статьи не говорится.

Кабардино-Балкарии связаны с «дигорским» типом, а находки с южной части Центрального Закавказья (Двани, Нацаргора, Кливан, Патардзеули) и экземпляр из Фаскау (Motzenbäcker, 1996, taf. 7, 7) – с «кобанским» типом (Вольная, 2015, с. 26). Д.А. Топал несколько скорректировал построения Г.Н. Вольной, выделив три разновидности или типа – дигорский (тип Фаскау), кобанский (тип Кобань), причерноморский (тип Матусов) (2015, с. 70)⁸. Д.А. Топал, за отсутствием данных, не поднимает вопроса о хронологическом первенстве кобанского или дигорского типов⁹, но отмечает, что дальнейшее развитие сначала на Кубани и в Крыму, а потом в Причерноморье (тип Матусов) получил именно кобанский тип (аналогичного, по сути, мнения придерживается Р.В. Зимовец: 2016, с. 78, 85, 86). Выделяются промежуточные звенья – «гибридный» вариант в Крыму и «тип Фирминиш» (Трансильвания) с клювом хотя пока еще ажурным, но вытянутым и спиралевидным (Топал, 2015, с. 70; Topal, 2015, Fig. 6). Для причерноморского типа характерны вытянутый овальной формы и приплюснутый клюв, расположенный в одной плоскости с условной головой и шеей, имеющей не коническую, а цилиндрическую форму, большой глаз и короткий язык (Зимовец, 2016, с. 79). При этом Крым рассматривается как очаг производства бутеролей типа «Репяховатая могила» (Там же, с. 85).

⁸ Видимо, одновременно с ним, те же типы выделил Р.В. Зимовец (2016, с. 77–79) – 1-й Кавказский (Дигорско-Чегемский), 2-й Кавказский (Кобанский) и тип «Репяховатая Могила».

⁹ Отметим, в частности, что В.Б. Виноградов считал древнейшим «кобанский» вариант бутероли, считая его прототипом наконечник ножен из Жемталинского клада (1972, с. 146). Аналогичной точки зрения придерживается А.П. Мошинский, относящий к таким прототипам и, видимо, несколько более ранние богато орнаментированные изогнутые наконечники ножен без зооморфных завершений из могильника Фаскау (2006, с. 17). Они, кроме того, покрыты декором из ажурных треугольников («бегущая волна»), что также сближает их с наконечниками ножен «кобанского» типа (Мошинский, 2010, №№ 234, 236, с. 176, 177, 198). Декор из ажурных треугольников украшает и наконечник ножен из Жемталы. Иного мнения придерживается Г.Н. Вольная (2015, с. 22), не усматривающая здесь стилистического сходства и, по непонятной причине, допускающая, что предмет из Жемталы являлся не наконечником ножен, а навершием. Излишне, видимо, говорить, что такие «навершия» на Кавказе неизвестны, а мотив декора из треугольников на некоторых наконечниках ножен восходит, безусловно, к кобанскому искусству.

Абсолютная датировка кавказских бутеролей с изображением головы хищной птицы достаточно затруднительна, поэтому сложно уверенно говорить об одновременном бытовании всех трех типов (Там же, с. 82, 84, 86). Д.А. Топал (как и В.Г. Майсурадзе и М.С. Пирцхалава) склоняется к датировке кавказских бутеролей второй половиной VII–VI в. до н.э., с чем в принципе можно согласиться¹⁰ (Майсурадзе, Пирцхалава, 2015, с. 74, 75; Топал, 2015, с. 67; Зимовец, 2016, с. 81, 82). Также не вызывает серьезных сомнений датировка «причерноморского» типа около конца VII – начала VI в. до н.э. (Топал, 2015, с. 70, 74), а переходного «типа Фирминиш» – второй половиной VII в. до н.э. (Там же, с. 63, 70), на что указывает хотя бы принадлежность меча из Фирминиш к типу Посмуш (Козубова, Скаков, 2016). Противоречит данной хронологии находка подобного наконечника ножен в п. 28 Кливанского могильника в Южной Осетии, но его датировка V в. до н.э. (или даже серединой – второй половиной V в. до н.э.) основана у В.И. Козенковой преимущественно на том, что расположенная рядом могила № 32 по набору стрел датируется именно V в. до н.э., хотя встреченная в п. 28 пряжка с кругами относится к типу, появляющемуся уже в конце VI в. до н.э. (Козенкова, 2007, С. 268, 270, 273). Видимо, датировка погребений Кливанского могильника пока остается спорной. И уж, конечно, абсолютно безосновательной и неприемлемой выглядит постулируемая Г.Н. Вольной датировка меча (и наконечника ножен) из Фирминиша VI–V вв. до н.э. (Вольная, 2015, с. 27; Топал, 2015, с. 70). Нельзя согласиться и с отнесением Г.Н. Вольной «кавказских» типов бутеролей с головой хищной птицы к середине VI – началу V в. до н.э., и с датировкой ею комплекса из Репяховатой могилы то концом VII–VI, то концом VI–V в. до н.э. (Вольная, 2015, с. 26–28; подробнее о дате п. 2 Репяховатой могилы: Гречко, 2012, с. 77–79; Топал, 2014, С. 24, 25)¹¹.

¹⁰ С той поправкой, что, вопреки мнению Д.А. Топала (2015, с. 67), В.Б. Виноградов датировал п. 4 Нижнего Чегема не второй половиной VII в. до н.э., а VI или первой половиной VI в. до н.э., или же «временем, приближающимся к середине VI в. до н.э. (Виноградов, 1972, с. 101, 145).

¹¹ После работ этих авторов и М.Н. Дараган, опирающихся на датировку античного импорта, ссылаются на суммарную датировку ряда акинаков VI–V вв. до н.э., предложенную Е.В. Черненко (1984, с. 47, рис. 24, 11), вряд ли имеет смысл (Пьянков, 2005,

Наконечник из Ст. Ахмыловского могильника вполне соответствует параметрам основной серии «кавказских» бутеролей, сочетая некоторые черты как «кобанского», так и «дигорского» типов, но никак не «причерноморского». То есть данная серия предметов, относясь к раннескифскому времени и возникнув в кобанской (центрально-кавказской) среде под воздействием звериного стиля, не стала неким надкультурным феноменом в отличие от, к примеру, биметаллических клевцов с головкой хищной птицы под бойком, не являющихся (или переставших быть) этническим маркером (Балахванцев, 2011; 2015; Папуашвили, Балахванцев, 2016, с. 202, 203, 205) и т.д. Поэтому находка этого наконечника в ананьинских древностях, пусть и единичная, но наряду с центрально-кавказскими поясами, действительно может считаться показательной. Напротив, резко отличающаяся от основной серии бутеролей из Скородумского могильника (Вольная, 2015, рис. 3, 2) не может считаться импортом и выполнена в Волго-Камье как реминисценция кавказских прототипов (Зимовец, 2016, с. 78).

В то же время необходимо признать, что в настоящее время «определенного типа бронзовые пояса» уже нельзя считать специфичными исключительно для центрально-закавказского ареала (Погребова, Раевский, 1992, с. 213). В недавнее время эта серия пополнилась находками из могильника Джантух в Абхазии (Скаков, Джопуа, 2016), поясами с зооморфными изображениями из верховьев р. Подкумок в районе Кисловодска (Дударев, Фоменко, 2009; Dudarev, Fomenko, 2012) и с. Красный Восток в Карачаево-Черкесии (Гуважиков, 2015, рис. 37), фрагментированным поясом с изображениями животных из погребальной ямы 5 могильника Эргета I (Mikeladse, 1995, abb. 4, 42; 17; Папуашвили, 2011, табл. IV, 55), фрагментами двух поясов с зооморфными изображениями из погребальной ямы 1 могильника Цаиши (Papushvili, 2012, fig. 3; 6, 6–10). Таким образом, ареал данного («центральнокавказского») типа орнаментированных поясов расширился к западу по обе стороны от Большого Кавказа.

В то же время после, в первую очередь, работы М.Н. Погребовой и Д.С. Раевского (1997) нельзя говорить о том, что «на территории Закавказья пояса распространялись в культурно гомогенной среде», признавая при этом (по стилистическим отличиям) «несколько центров их производства (восточнозакав-

казский, южнозакавказский и центральнокавказский)» (Вольная, 2009, с. 265). Каждый из этих предполагаемых центров производил пояса, становящиеся уже в границах своего распространения надкультурным феноменом: к примеру, пояса «центральнокавказского» центра распространены, как мы видим, по территории кобанской (центрально-кобанской, южно-кобанской, западно-кобанской) культуры, колхидской (ингури-рионской колхидской), т.н. «восточногрузинской» культуры. Связать фрагменты бронзовых гравированных поясов из Волго-Вамья с «какой-то конкретной территорией Кавказа», на мой взгляд, в отличие от мнения Г.Н. Вольной (2009, с. 262), не сложно. Другое дело, что на территории ананьинской КИО встречены фрагменты поясов, изготовленных в различных центрах Кавказа, хотя «центральнокавказские» пока что доминируют¹².

Принципиальным здесь кажется и другой момент, а именно: отсутствие в кавказских комплексах с бронзовыми орнаментированными поясами данного типа предметов раннескифского культурного облика. Объяснить данную ситуацию «различием погребенных по полу» (иноэтничные воины вступали в брак с местными женщинами, которые изготавливали для себя головные уборы из принесенных с далекого юга бронзовых поясов), как это делает Г.Н. Вольная (2009, с. 265), не представляется оправданным. Во-первых, аналогичную картину мы видим и в Волго-Камье, и в центрально-кавказском регионе, а в последнем орнаментированные пояса присущи именно мужским погребениям. Во-вторых, представить себе ситуацию, когда мужчина-воин отдавал престижный и дорогой культово-ритуальный предмет, насыщенный мужской символикой, для использования не по назначению своей супруге, местной уроженке, достаточно сложно.

То есть население, имевшее в своей культуре раннескифские черты и изготавливавшее, вероятно, наконечники ножен рассмотренного

¹² Происхождение и хронология фрагментов кавказских гравированных поясов Волго-Камья, а также круг аналогий им являются темой отдельной работы, осуществление которой предполагается мною в дальнейшем. При этом использовать в подобном анализе в качестве аналогий изображения животных на бронзовых поясах, пряжках и т.д., как это делает Г.Н. Вольная (2009, с.262) следует крайне осторожно, так как на Кавказе ареалы бронзовых гравированных поясов различных типов, орнаментированных топоров нескольких вариантов графического стиля и орнаментированных пряжек не совпадают в полной мере.

выше типа, не использовало в своей практике ни закавказские бронзовые пояса с изображениями животных, ни урартские орнаментированные пояса (типа поясов из тлийских погребений 406, 215а и 425). И это при том, что пояса указанных типов доживают до этого времени, так, у нас не возникает сомнений в датировке Б.В. Теховым VII в. до н.э. тлийских погребений 350 и 425 с богато украшенными зооморфными изображениями местным центрально-закавказским и урартским поясами. В тлийских материалах маркером очень кратковременного хронологического отрезка переиспользования поясов является погребение (что характерно, женское) 437 с ромбовидными бляшками, изготовленными из богато орнаментированного пояса с зооморфными изображениями (Техов, 2002, табл. 109, 23–33) (Рис. 2). В этой же связи можно вспомнить и упоминаемую М.Н. Погребовой и Д.С. Раевским (1992, с. 240), но, к сожалению, до сих пор не опубликованную бляху из с. Хирса в Кахетии, вырезанную из урартского бронзового пояса с изображением бегущих львов. То есть здесь мы видим, как мужской престижный, дорогостоящий и, очевидно, наполненный весомым культово-ритуальным содержанием предмет абсолютно утрачивает свою ценность, используется как полуфабрикат для изготовления дешевых и ничего не стоящих женских украшений. Для такой трансформации было необходимо физическое исчезновение носителей культурной традиции данных поясов. С той же самой ситуацией мы сталкиваемся в ананьинских погребениях Волго-Камья.

В.С. Патрушев (2010, с. 278) переиспользование кавказских изделий или предметов, восходящих к кавказским образцам не по назначению или с иной функциональной нагрузкой (пояса, наконечники ремней) объясняет тем, что «импортные изделия на Среднюю Волгу попали не вместе с их владельцами, а в результате обмена». Возразим, что торговля такими дорогостоящими и насыщенными ритуальным значением предметами, как орнаментированные пояса, вряд ли возможна. Можно предполагать наличие системы обмена дарами, но в этом случае получатель «дара» должен был прекрасно отдавать себе отчет в его семантике, в его особом мифо-ритуальном значении. Переиспользование таких предметов возможно только после ухода из жизни носителей подобной информации.

Что же касается бронзовых топоров кобано-колхидского типа – в Волго-Камье все они были найдены не в комплексах и, не имея гравированного декора, с трудом поддаются

датировке. Можно только отметить, что топор из с. Чувашские Отары (Марий Эл) по своей форме и особенностям оформления сближается с топором из Новочеркасскогоклада и не может сильно отстоять от него по времени (Халиков, 1977, рис. 69, 3; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 113, 114, рис. 6, 16).

Почти столь же затруднительна дробная датировка большинства типов кобано-колхидских бронзовых фибул. Напомним, что фибула с высокой заметно утолщенной в средней части дужкой, украшенной елочным декором, известна из п. 14 Акозинского могильника (Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 107, рис. 2, 5). С.В. Кузьминых и А.А. Чижевский приводят ей в качестве аналогий кобанские фибулы из Гижгида (дата, по В.И. Козенковой, X–IX вв. до н.э.) и Гунделена.

Комплекс 1925 г. из Гунделена может быть датирован только в достаточно широких рамках: В.И. Козенкова относит бытование браслетов имеющегося в нем типа к IX–VIII вв. до н.э. (1998, с. 52), но делает это «по сопутствующим предметам». Кроме того, в этом комплексе, судя по описанию, имеется бронзовая булава «с навершием в виде 8-лепестковой розетки с крестом в центре» (Козенкова, 1989, с. 22). Такие булавы (тип XIII, по В.И. Козенковой, хотя для него характерны 6-лепестковые навершия) свойственны именно для Баксанского ущелья, появляются в наиболее ранних кобанских памятниках (Былымский клад, Аманколское погребение), но большинство известных экземпляров представлено случайными находками, поэтому говорить об их датировке затруднительно (Козенкова, 1998, с. 68).

Несколько иная ситуация с комплексом из Гижгида (склеп 1928 г.). Согласно А.А. Иессену (1941, табл. II, 2–4), в него входили орнаментированный топор с клиновидным обухом и две фибулы – с высокой немного утолщенной в середине дужкой и с сильно утолщенной дужкой, имеющей два утолщения по краям. Но далее начались некоторые недоразумения. Недавно В.И. Козенкова обвинила меня в связи с упоминаниями об этом комплексе в «поверхностном знакомстве с её текстами», найдя у меня «дискредитирующие» её безапелляционные утверждения, перепутанные страницы в ссылке и т.д. (2013, с. 63). На самом деле в имеющихся у меня ссылках (Скаков, 2008, с. 86) не перепутаны страницы и абсолютно точно указана дата (по В.И. Козенковой): дело в том, что в монографии 1998 г. она на с. 73 датирует найденный с фибулами

топор X–IX вв. до н.э., а на с. 75 – началом I тыс. до н.э., но главное не это: в монографии 1989 г. В.И. Козенкова относит эти находки к иному, чем склеп 1928 г., комплексу (с. 22), а в монографии 1998 г. – к склепу 1928 г. (с. 75, 154, табл. XXIV, 16, XXV, 2). Видимо, у автора закралась некоторая путаница. Если исходить из первоисточника (публикация А.А. Иессена), фибула интересующего нас типа была найдена вместе с фибулой, имеющей кольцевидные утолщения на высокой сильно утолщенной в средней части дужке, датирующейся на территории западнокобанской культуры второй половиной VIII – первой половиной VII в. до н.э., и с орнаментированным топором, относящимся, по моей классификации, к VII в. до н.э. (Мошинский, Скаков, 2000, с. 210). Таким образом, фибула в этом случае должна считаться хронологическим маркером второго этапа раннего периода АКИО.

Заключительный этап кавказско-ананьинских связей маркируется, вероятно, двумя находками ажурных катушкообразных подвесок: в п. 83 Акозинского могильника (Халиков, 1977, рис. 8, 2) и в Сенгилее в Ульяновском Поволжье¹³. В кобанских памятниках, преимущественно, в Кабардино-Пятигорье, такие подвески датируются в рамках VI в. до н.э., в памятниках Джантухско-Лариларского локального варианта бзыбской колхидской культуры – V–IV вв. до н.э. (Скаков, 2009, с. 163, рис. 6, 1–16; 2014, рис. 10).

Здесь, впрочем, необходимо отметить другое: находки таких предметов как кобано-колхидские фибулы, катушкообразные привески или другие атрибуты костюма за пределами кобано-колхидской культурно-исторической общности крайне редки, практически единичны. Как правило, такие находки могут свидетельствовать о проникновении самих носителей культур этой общности. Вторым регионом Евразии, где также хорошо представлен кобанский или кобано-колхидский «импорт» в виде семантически насыщенного набора украшений и гравированных изделий культово-ритуального значения является Днепровское Правобережье, где в кладе из Триполья представлены 3 фибулы и 2 брас-

лета кавказских типов, в Подгорцах (Обуховский район Киевской области: Тереножкин, 1976, с. 80, рис. 46) найден гравированный пояс, а из Винницы происходит орнаментированный топор (Махортых, 1998, с. 24, рис. 1, 3, 7–11).

Как справедливо отметили в свое время М.Н. Погребова и Д.С. Раевский (1992, с. 207), специалисты по ананьинской культуре (следует ссылка на В.С. Патрушева) зачастую не отграничивают вещи, имеющие несомненно кавказское происхождение, «от предметов, которым удастся найти лишь весьма приблизительные кавказские аналогии». Кроме того, ряд изделий, выделенных в свое время А.В. Збруевой как «предметы, иллюстрирующие связи с Кавказом» (1952, табл. XXIX, XXX), в настоящее время уже не могут считаться таковыми. Это, к примеру, очковидные привески с завернутыми внутрь спиральями, черешковые двулезвийные ножи, пронизи или наконечники с рельефным и резным орнаментом.

В то же время серия предметов, по меньшей мере, один из которых имеет кавказское происхождение, а остальные, видимо, восходят к кавказскому образцу (Коренюк, 2000, с. 75), как правило, выпадает из сферы внимания исследователей, хотя в свое время была отмечена еще А.В. Збруевой. Это бронзовая бляха диаметром 17,8 см с четырьмя кругами (один из них помещен в центре), оформленными ступенчатым рельефным декором, и рельефными изображениями трех ромбов, найденная в п. 8 Пустоморквашинского могильника (Збруева, 1952, с. 314, табл. XXIX, 5). Аналогичная бляха происходит из Бештаугорского клада (Козенкова, 1995, с. 97, табл. XXIV, 7; 2013, с. 117, 118). Это, как считается, или обивка щита, или деталь комбинированного доспеха. Единственное отличие, кроме большего диаметра (у бештаугорской он составляет 26 см), – рельефное изображение большего количества кругов и ромбов (не 4-х и 3-х, а, соответственно, 5 и 4-х). Но это не единственная аналогия. Из клада в Чабарухи известен аналогичный предмет диаметром 24,2 см, украшенный рельефными изображениями пяти кругов, и не имеющий ромбов. Он трактован как обивка щита и, как указано в каталоге, аналогии ему неизвестны (Unterwegs ..., 1995, № 229, s. 284). Наконец, несколько лет назад аналогичная бляха, также с пятью рельефными изображениями кругов, обнаружена при археологическом надзоре ГП КБР «Наследие» (И.А. Васюков) за строительством напорного бассейна Зарагижской Малой ГЭС

¹³ Случайная находка. Информация из стендового доклада М.Р. Гисматуллина и Ю.В. Крылова «Новые находки ананьинского времени на территории Ульяновского Предволжья» на конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации» 28–30 ноября 2016 г., Болгар, 2016. Благодарю авторов доклада за разрешение упомянуть их находку.

на памятнике «Псыгансуевские Третьи курганы» (р. Черек) в Кабардино-Балкарии¹⁴.

Типологически сходные округлые рельефные ступенчатые бляхи различного размера хорошо известны на других ананьинских памятниках, в частности, в п. 3 Луговского могильника (диаметр 10 см: Збруева, 1952, с. 32, 165, табл. XXX, 13), в п. 13 раскопок П.В. Алабина в Ананьинском могильнике (диаметр 11 см: Там же, с. 36, 77, 165, табл. II, 16), в п. 164 и в раскопе 1963 г. Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 29, 3з; 40, 22), а в п. 19 Луговского могильника диаметр аналогичных блях (размещенных и в составе головного убора, и на поясе) значительно меньше (Збруева, 1952, с. 83, 165, табл. II, 17). Такие бляхи также находят аналогии в кобанских памятниках, в частности, накладная бляха («фалар») из п. 297 могильника Клинь-Яр III диаметром 9,5 см имеет ступенчатый рельеф, передающий концентрические круги (Белинский, Дударев, 2015, с. 172, 354, рис. 152, 3, 256, 1). Показательно, что все упомянутые выше кавказские комплексы датируются в пределах второй половины VIII – первой половины VII в. до н.э.

Еще одним, как правило, не учтенным аналогом кавказским образцам, являющимся, вероятно, импортом, представляется ворворка из п. 383 Ст. Ахмыловского могильника в виде относительно вытянутого усеченного полого цилиндра с выделенным шайбообразным основанием с округлыми боками большего диаметра (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1и) (Рис. 3, I, 1и)¹⁵. Она находит аналогии в памятниках предскифского времени как западнокобанского ареала (третий тип, по В.И. Козенковой: 1995, с. 115, табл. IV, 25), так и протомеотской группы памятников (Эрлих, 2007, с. 141, рис. 203, 18–20, 22). Это экземпляры с относительно вытянутым верхним цилиндром из п. 35 могильника Ахтырский Лиман I (Беглова и др., 1997, с. 71, 79, рис. 2, 8) (Рис. 3, II, 4), п. 24 Березовского I могильника (Виноградов и др., 1980, с. 193, рис. 6, 20) (Рис. 3, II, 5), п. 58 и 87 Эльхотовского могильника (Скаков, Чшиев, 2017, с. 289), п. 167 могильника Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015, с. 343, рис. 252, 1) (Рис. 3, II, 2), п. 38 Зандак-

ского могильника (Марковин, 2002, рис. 52, 9) (Рис. 3, II, 1). Несколько отличаются экземпляры с укороченным нижним цилиндром из п. 9 и 19 могильника Фарс (Лесков, Эрлих, 1999, с. 59, рис. 12, 6, 19, 4) (Рис. 3, II, 9, 11), п. 32 Эльхотовского могильника (Скаков, Чшиев, 2017, с. 289), п. 4 могильника «Индустрия»-1 (Виноградов и др., 1980, рис. 7, 5) (Рис. 3, II, 8), п. 14 Аллероевского I могильника (Там же, рис. 7, 30) (Рис. 3, II, 7), п. 82 (раскопки В.С. Флерова) и 184 могильника Клинь-Яр III (Флеров, Дубовская, 1993, с. 267, 268, рис. 4, 14; Белинский, Дударев, 2015, с. 343, рис. 252, 11) (Рис. 3, II, 3, 10), Березовского 4 могильника (Козенкова, 1995, табл. IV, 25) (Рис. 3, II, 6), п. 2 могильника Ахкинчу-Барзой (Дударев, 1976, с. 260, рис. 2, 12) (Рис. 3, II, 12).

В качестве аналога В.Р. Эрлих (2007, с. 141) упоминает также ворворку из погребения у с. Чечелиевка на Украине, но она, на наш взгляд (на что уже обращалось внимание другими авторами: Белинский, Дударев, 2015, с. 345, прим. 12), относится к несколько другому варианту (тип II, по В.И. Козенковой: 1982, с. 32), имея не округлые, а четко выраженные биконические бока у нижнего цилиндра (Бокий, Горбул, 1985, с. 227, рис. 2, 2). К этому же варианту относятся ворворки из п. 38 и 51 Зандакского могильника (Марковин, 2002, рис. 52, 4, 8, 66, 8) (Рис. 3, II, 13–15) и п. 220 могильника Клинь-Яр III (Белинский, Дударев, 2015, с. 343, рис. 252, 10) (Рис. 3, II, 16). К иному варианту относятся и ворворки из п. 2 могильника «Индустрия»-1 (Козенкова, 1995, табл. IV, 26) (Рис. 3, II, 19), п. 34 могильника № 1 на Кисловодской мебельной фабрике (Виноградов и др., 1980, с. 191, рис. 4, 3, 12) (Рис. 3, II, 17, 18): их нижний цилиндр имеет вертикальные, а не округлые или скошенные под конус края. Отметим, что В.И. Козенкова относит ворворки с вертикальными боками нижнего цилиндра к тому же типу (тип III), что и ворворки с округлыми боками у нижнего цилиндра (1995, с. 115, табл. IV, 25, 26). Как видим, ворворка из Ст. Ахмыловского могильника относится к не самому распространенному варианту (или типу) этой категории инвентаря и может лишь подтверждать хронологическую принадлежность данного погребения, которое, похоже, является одним из позднейших в серии комплексов с ворворками этого типа.

В некоторых случаях мы не можем с уверенностью говорить о том, имел ли место импорт со стороны кавказских/кобанских племен, или источником этого импорта были

¹⁴ Предмет осмотрен при проведении экспертизы по линии ИА РАН по приглашению Следственного управления СК РФ по КБР в июне 2015 г.

¹⁵ Отметим, что в этот комплекс входит пронизывающая привеска, также имеющая аналогии в кобанских памятниках (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 63, 1з) (Рис. 3, I, 1з).

носители культур АКЮ. Это касается пряжек с диаметральной перемычкой и орнаментом на рамке (Смирнов, 2015). Из имеющихся в наличии находок одна принадлежит кургану Аржан-1, другая – т.н. «кладу» из могильника Клин-Яр III, две – ананьинским памятникам (п. 21 Першинского могильника и п. 95 Тетюшского могильника). Все они приблизительно синхронны, а иные кобанские аналогии им относятся к несколько более позднему времени и функционально явно отличаются.

Практически аналогична ситуация с упомянутыми выше пронизиями-привесками типа найденной в п. 383 Ст. Ахмыловского могильника (Рис. 3, I, 1з). Две типологически близких пронизи-привески найдены также в п. 149 и 161 (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 27, 3д, 29, 1). Их аналоги, бронзовая и костяная, названные В.И. Козенковой бусинами или пронизиями в форме параллелепипеда» (или, что более вероятно, застежкой-цуркой), известны из п. 13 могильника Сержень-Юрт (Козенкова, 2002, с. 20, 114, табл. 9, 10; 2013, с. 36, 37, рис. 16, 19, 20, 23) и гробницы 3 в Терезе (Козенкова, 2004, с. 64, 110, рис. 68, 8, табл. 41, 2). По мнению В.И. Козенковой, в Поволжье они «скорее всего попали из ареала кобанской культуры в конце новочеркасского периода» (Козенкова, 2004, с. 114)¹⁶. Кобанские и ананьинские комплексы практически синхронны, а аргумент о том, что «первоначальный импульс происходил со стороны Северного Кавказа, а не наоборот, о чем свидетельствует наличие и других поздних модификаций вещей кобанского облика у волжских ананьинцев (топоры, кинжала, фрагменты бронзовых поясов и т.п.)» (Козенкова, 2013, с. 36, 37), конечно, может быть учтен, но не является определяющим.

Сложно определить источник импорта, да и вообще говорить об импорте, и для наконечников поводов или ремней (часть конского снаряжения) в виде муфты подтрапецевидной формы, иногда с валиками по нижнему и верхнему краю, завершающейся у основания петлей в виде кольца (в единичных случаях – подпрямоугольной рамки). На Кавказе их, вроде бы, несколько меньше, чем в Волго-Камье, но, тем не менее, их находки здесь не единичны (Рис. 4)¹⁷.

¹⁶ Что странно, так как по приводимой в том же издании хронологической схеме п. 13 относится к концу черноговровско-камышевахского этапа (Козенкова, 2002, с. 128, табл. VI), а на с. 130 оно связывается с белозерским периодом.

¹⁷ По мнению А.М. Новичихина, кавказские находки

В ареале протомеотских древностей они найдены в могильниках у Фальшивого Геленджика и Атмачева щель у с. Сукко (Новичихин, 1995, с. 63, рис. 1, 5; 2006, с. 50, 51, рис. 61, 1) (Рис. 4, 1), в местонахождении «Фундучный сад» напротив аула Хаджико на левом берегу р. Аше (2 экз.: Кудин, Кизилов, 2016, с. 140, рис. 2, 23, 24) (Рис. 4, 9, 10), комплексе VII кургана 1 Ястребовского могильника (Эрлих, 2007, с. 140, рис. 27, 1, 203, 8) (Рис. 4, 8), один экземпляр известен в фондах Краснодарского музея (Там же, с. 140, рис. 203, 7) (Рис. 4, 7). В кобанских древностях (исключительно регион Кабардино-Пятигорья) наконечники ремней этого типа известны из п.4 Эчкивашского могильника (Виноградов и др., 1980, рис. 7, 17; Козенкова, 1995, с. 111, табл. XXIX, 16) (Рис. 4, 2), гробницы 3 (конский набор № 1) могильника Терезе (Козенкова, 1995, с. 111, табл. XXIX, 13; 2004, с. 105–107, табл. 19, 5) (Рис. 4, 3) и могильника Заюково-1 (Козенкова, 1995, с. 111, табл. XXVIII, 20) (Рис. 4, 4). В гробнице 3 могильника Терезе (конский набор № 4) найден аналогичный наконечник из кости или рога, тыльная сторона которого была отломана в древности (Козенкова, 2004, с. 105, табл. 21, 2) (рис. 4, 11). Недавно в научный оборот был введен клад предскифского времени, обнаруженный в 1981 г. в с. Луткун Ахтынского района Южного Дагестана и включающий целую серию (не менее 5 экз.) наконечников этого типа различных модификаций (Магомедов, Эрлих, 2005, с. 158, 159, рис. 7, 3–7).

В памятниках Волго-Камья наконечники в виде муфты с кольцом происходят из п. 139 (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 25, 1к) (Рис. 4, 14), 220 (Там же, табл. 37, 1б) (Рис. 4, 16), 240 (Там же, табл. 42, 2а), 279 (Там же, табл. 48, 2а), 421 (Там же, табл. 66, 2б) (Рис. 4, 15), 461 (Там же, табл. 73, 5в) и квадрата А/16 (Там же, табл. 1, 14) (Рис. 4, 13) Ст. Ахмыловского могильника, п. 20 (1975 г.: Халиков, 1977, рис. 19, г, 3а), 36 (Патрушев, 1990, с. 37, рис. 13, 10), 42 (Там же, с. 41, рис. 17, 11), 46 (Там же, с. 45, рис. 22, 9), 47 (Там же, с. 46, рис. 23, 1) и квадрата Е/5 (Там же, с. 37, рис. 10, 12) Пустоморквашинского могильника, Тетюшского могильника (Халиков, 1977, с. 70, рис. 28, А, 4), Мурзихинского I могильника (Беговатов и др., 1991, с. 34, рис. 7, 15), Мурзихинского

этих предметов, трактованных им как «наконечники ножен «ананьинского» типа», являются импортом ананьинского происхождения (2006, с. 50, 51). На наш взгляд, для такой уверенности нет достаточных оснований.

2 могильника (Беговатов, Марков, 1992, с. 64, рис. 4, 11) (Рис. 4, 17), Акозинского могильника (Патрушев, 1994, с. 61, 62, рис. 96).

В предскифских памятниках вне Кавказа и Волго-Камья такой наконечник известен из кургана в с. Квитки в Поросье (Иванчик, 2001, с. 218, рис. 106, 62) (Рис. 4, 5), костяное изделие данного типа найдено в Зольном кургане близ Симферополя (Тереножкин, 1976, с. 44–46, рис. 17, 12) (Рис. 4, 6). Поздняя реплика (муфта не закрыта, размеры уменьшены) известна из кургана 10 (конь 9) 1982 г. Ульских курганов, и датируется она второй половиной VI в. до н.э. (Ульские курганы, 2007, № 256, с. 52, 157, табл. 17; Эрлих, 2007, с. 140) (Рис. 4, 12).

Таким образом, достаточно четко фиксируются несколько ареалов распространения наконечников ремней или поводов данного типа: протомеотская группа памятников (преимущественно, приморско-абинский вариант), Кабардино-Пятигорье (западно-кобанская культура), Восточный Кавказ, Северное Причерноморье, Волго-Камье. Экземпляр из Зольного кургана обнаруживает наибольшую близость к наконечнику из Эчкивашского могильника, экземпляр из Квитков – к наконечникам из Терезе. Обособленно выглядят три протомеотских наконечника с петлями на кольце. К ним, видимо, восходят два волго-камских наконечника, у одного из которых петли выражены хорошо (из Мурзихинского 2 могильника), а у второго (из п. 139 Ст. Ахмыловского могильника) – уже достаточно рудиментарно. Вероятно также, что волго-камские наконечники с серповидной переключиной между муфтой и кольцом восходят к наконечнику из Заюково-1.

Можно выделить три варианта ананьинских наконечников этого типа – с конической муфтой и кольцом, с прямой или серповидной переключиной между муфтой и кольцом, с петлями между муфтой и кольцом. При этом бросается в глаза высокая вариабельность кавказских наконечников и стандартизация ананьинских. Отметим и то, что в ананьинских памятниках функция наконечников несколько меняется, они, очевидно, больше не используются в составе конской узды, становясь исключительно частью поясного набора. Все это (стандартизация, упрощение форм, изменение функции и т.д.) дает основания предполагать, что волго-камские наконечники восходят к кавказским прототипам, но не являются импортом и изготовлены на месте. То же самое относится и к другому типу на-

конечников ремней – в виде закрытой с одной стороны цилиндрической обоймы с боковым отверстием для шпенька (Эрлих, 2007, с. 139, 140, рис. 203, 1–4; Магомедов, Эрлих, 2016, с. 158, рис. 7, 2).

Во многих случаях необходимо говорить не о присутствии кавказского импорта, а о подражании, более или менее тщательном, кавказским образцам. В свое время С.В. Кузьминых сделал вывод о присутствии, кроме прямого импорта, «подражания и переработки привозных моделей» (1983, с. 175). Подражательность кавказским образцам ряда кинжалов предскифского периода, обнаруженных в Волго-Камье, при наличии здесь кинжалов-прототипов, «не отличающихся морфологически от северокавказских экземпляров», отмечает С.Б. Вальчак (2005, с. 153, 154). В свое время А.И. Тереножкин считал даже, что почти все (известные на тот момент) «киммерийские» кинжалы Волго-Камья настолько своеобразны, что в них нельзя видеть импорт из Причерноморской степи или Северного Кавказа» (1975, с. 23). Как предполагается сейчас, Волго-Камье «являлось одним из центров производства биметаллических кинжалов киммерийского времени» (Шрамко и др., 1977, с. 66–72, 74; Чижевский, 2012, с. 387; Кузьминых, Чижевский, 2014, с. 111). Важно, что технология изготовления местных подражаний кавказским кинжалам «заметно отличается от кавказских образцов» (Чижевский, 2011; 2012, с. 387), а для изготовления рукоятей биметаллических кинжалов и цельнобронзового кинжала из д. Татарское Бурнашево использовался цветной металл волго-камского происхождения (Кузьминых, 1983, табл. 71).

Формальное сходство предметов может иной раз ввести в заблуждение. В частности, уже отмечалась «чрезвычайная близость по форме и орнаментации», но отличие по технологии бляхи из клада у с. Упорной конца II тыс. до н.э. и бляхи из п. 281 Ст. Ахмыловского могильника VII в. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 118). В то же время не вызывает сомнений хронологическая и типологическая близость (хотя и не идентичность) блях из склепа 1928 г. в Гижгиде в Баксанском ущелье (Козенкова, 1998, с. 62, табл. XX, 12; 2013, с. 38, 39, рис. 17, 1) и бляхи из п. 1000 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 137, 1б). Несмотря на это, я бы не стал считать кавказским импортом бляху из п. 1000 Ст. Ахмыловского могильника¹⁸, поскольку

¹⁸ Кроме того, нахождение петли не в центральной части бляхи, а ближе к ее краю, не характерно для

очевидно формирование на основе, видимо, кавказских образцов в Волго-Камье собственной традиции изготовления бронзовых блях округлой формы (Патрушев, 1984, с. 117; 2010, с. 277; 2014). Аналогии, хотя и немногочисленные, на Кавказе находит такая редкая особенность некоторых ананьинских блях, как наличие в центре оборотной стороны двух параллельно размещенных петель (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 12, 2б; Кудрявцев, Галаева, 2010, с. 31, рис. 4).

Кавказским импортом можно, с должной осторожностью, назвать конусовидную бляху с гвоздевидным навершием из п. 281 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 49, 2б)¹⁹, несмотря на не находящиеся полных аналогий особенности её декора (Патрушев, 2012, с. 235). Дело в том, что все близкие по форме кавказские бляхи уникальны по своему декору и особенностям формы. В качестве аналогов можно назвать бляхи из Мингечаурских курганов I-IV (Асланов и др., 1959, с. 93, 97, 105, 177, 180, 181, табл. XXI, 19-21; XXXVIII, 4) и кургана 2 (раскопки Э. Реслера 1897 г.) в Ходжалы Шушинского у. Елисаветпольской губ. (ныне Нагорный Карабах; Мошинский, 2010, №№ 227, 228, с. 171, 198). Но ближайшим аналогом следует считать бляху из Луткунского клада (Магомедов, Эрлих, 2016, с. 158, рис. 7, 1). Приводимые обычно в качестве аналогов этим бляхам (и ахмыловской, и луткунской) бляшки из Бзыбской Абхазии (Патрушев, 2014, с. 190; Магомедов, Эрлих, 2016, с. 158) отличаются как размерами и пропорциями, так и отсутствием какого-либо рельефного декора. При этом очевидно, что бляха из п. 281 Ст. Ахмыловского могильника относится не к кобано-колхидской, а к восточно-кавказской традиции. На восточно-кавказские культурные связи (возможно, при посредничестве ранних кочевников) указывают и бляхи из Мурзихинского IV (I) могильника с золотыми вставками и инкрустацией (Чижевский, 2006, с. 55, рис. 1, 1; Руденко, 2012, с. 229, рис. 3, 2).

Парадоксальным образом, кавказским импортом считаются и бляхи, не имеющие прямых аналогий на Кавказе (Патрушев, 2014, с. 189, рис. 1, 4), с кавказскими мотивами сближается декор блях, не имеющих ни малейшего сходства с изображениями на кобано-колхидских изделиях (к примеру, бляхи из Козьмодемьянского могильника: Патрушев, 1994, с. 50,

кобанских, да и в целом для кавказских экземпляров.

¹⁹ А также, возможно, из п. 908 Ст. Ахмыловского могильника (Патрушев, Халиков, 1982, табл. 126, 6г).

рис. 53; 2014, с. 191). Видимо, это связано с отсутствием более близких аналогий.

С чисто внешним сходством, обусловленным, вероятно, восхождением к кавказским прототипам, связаны кобано-колхидские аналогии коническим и конусовидным украшениям из п. 32 Мурзихинского IV (I) могильника и других ананьинских комплексов (Чижевский, 2006, с. 55Ю 56, рис. 1, 4, 5). Здесь важно отметить, что многочисленные и разнообразные колхидские конусовидные бляхи и бляшки (на которые здесь ссылается А.А. Чижевский) практически всегда имели петлю в центре оборотной стороны (Скаков, 2008, с. 22, 23, рис. 6, 3-10). У предметов из Мурзихинского IV (I) могильника такой петли нет. Тем не менее, в кобанских материалах выделяется серия дисковидных выпукловогнутых и конусовидных блях (в том числе орнаментированных) без петли на обороте, с 2-4 отверстиями по краям для крепления (Козенкова, 1998, с. 61, табл. XX, 1-4; Белинский, Дударев, 2015, рис. 258, 6). Возможно, именно они послужили прототипами для тех волго-камских блях, которые не имеют петли на обороте. Стоит еще обратить внимание на высокую вариативность волго-камских дисковидных блях, заметно более разнообразных, чем кобано-колхидские. Как правило, такая вариативность является показателем независимого и конвергентного развития.

Внешнее сходство бывает весьма обманчивым. К примеру, сходство с кавказскими проявляют булавки с антенновидными головками (п. 1000, 1003, 1007 Ст. Ахмыловского могильника: Патрушев, 1984а, с. 23, рис. 12, 13; 2010, с. 277), но их аналогии на Кавказе относятся либо к значительно более раннему (протокобанская эпоха, первая половина - третья четверть II тыс. до н.э.: Мошинский, 2010, №№ 20-22, с. 38, 39, 192), либо к более позднему (бзыбская колхидская культура V-IV вв. до н.э.: Скаков, Джоуа, 2004, с. 35, 36, рис. 4, 3, 6, 1-5, 9) времени. Не меньшее сходство с кавказскими находками проявляют, к примеру, булавки с ажурным листовидным навершием раннего железного века (IV-II вв. до н.э.) Восточной Европы (верхнеокская и, возможно, юхновская культуры: Чубур, 2012), но строить здесь какие-либо последовательные цепочки культурных влияний, импортов и подражаний пока нет никаких оснований. В некоторых случаях кобанские аналогии приводились и для булавок, вообще не имеющих даже косвенного отношения к Кавказу (Беговатов, Марков, 1992, с. 64, рис. 4, 9).

Наконец, необходимо учитывать предметы, являющиеся надкультурными феноменами, к примеру, упомянутые выше биметаллические клевцы с головкой хищной птицы под бойком или же без подобной головки. Учитывая всю серию этих предметов и ареал находок, нет должных оснований говорить именно об «ананьинском происхождении» (Виноградов, 1972, с. 125; Кузьминых, 1983, с. 142; Дударев, Фоменко, 2011, с. 200; Козенкова, 2013, с. 102–106, рис. 54) биметаллических клевцов из Перкальского могильника в Пятигорске и Гунделена (Кенделена) в Баксанском ущелье (Балахванцев, 2011; Козенкова, 2014; Фоменко, 2014, с. 124).

Судя по тем же бляхам, кавказское воздействие затрагивает сферу изобразительного искусства, в первую очередь, орнаментами племен АКЮ. Аналогичным образом, как считается, именно «контакты с Кавказом способствовали возникновению у населения правобережной Киевщины и соседних территорий подгорцевского ажурного стиля» (Махортых, 2005, с. 286). Имело ли место обратное воздействие со стороны Волго-Камья на декоративное искусство племен Предкавказья? Мне оно представляется сомнительным, как и попытка В.Б. Виноградова увидеть «некоторые параллели» секире из Новогрозненского могильника в форме втулок и «принципе зооморфного оформления обушка» в отдельных ананьинских секирах и клевцах (Виноградов, 1974, с. 262; Козенкова, 2013, с. 134).

Притом что кавказские (или кажущиеся таковыми) находки в Волго-Камье заметны и многочисленны, достаточно хорошо представлены и предметы волго-камского/ананьинского происхождения в памятниках эпохи раннего железа Кавказа. Ранний этап маркируется бронзовыми наконечниками копий с прорезями на лопастях пера, хорошо известными в раннекобанских древностях²⁰ и соответствующими (по крайней мере, экземпляры из клада в Упорной и п. 3 Майртупского могильника) по составу металла т.н. волго-камской группе (Пелих, Фоменко, 2005, с. 68; Козенкова, 2013, с. 86, 87, рис. 41, 1–4, 8–10). Кроме того, в состав разнородного по своему облику клада из Упорной входил кельт, безусловно, волго-камского происхождения (Аптекарев, Козенкова, 1986, с. 125, 130, 131, рис. 2, 4, 4, 1). Еще один кельт, связываемый

с Волго-Камьем, поступил в собрание ГИМ, будучи куплен в Майкопе (Иессен, 1951, с. 87, рис. 13)²¹. На Северном Кавказе отсутствуют аналогии волго-камским по своему происхождению наконечникам стрел из п. 4 могильника «Мачты» (западная окраина г. Кисловодска), датированным в рамках VII–VI или VIII–VII вв. до н.э. (Дударев, Фоменко, 2011, с. 198, рис. 2, 2, 3, 5, 6, 8; Махортых, 2014, с. 472, 475). К волго-камскому импорту относится также рукоять кинжала из окрестностей Кисловодска, что подтверждается как типологическим, так и спектральным анализом (Дударев, 1999, с. 109, 110, рис. 26, 4; Дударев, Фоменко, 2011, с. 200).

Таким образом, связи между Волго-Камьем и Северным и Центральным Кавказом имели достаточно устойчивый характер, прослеживаясь на протяжении весьма длительного времени и сформировавшись еще до наступления ананьинской эпохи. Попытаемся предложить свои ответы на два основных вопроса – были ли это торговые связи или имела место миграция некой части населения, и по какому маршруту могли преимущественно проходить эти связи?

Преимущественно, как представляется, речь должна идти именно о торговых связях, но, как минимум, одномоментное (а вероятнее всего – случившееся дважды) перемещение некой группы населения представляется очевидным. И это вряд ли военный поход, это именно приход некоторого сообщества, включающего воинов и ремесленников, но при вероятном отсутствии женщин, что следует из практически полного отсутствия в Волго-Камье аксессуаров женского костюма, которые можно было бы связать с Северным и Центральным Кавказом. Единственным, хотя и многообещающим исключением является недавняя находка кобанского бронзового пластинчатого браслета с тремя рельефными ребрами на лицевой стороне у пос. Сюктерка на берегу Волги в Чувашии (Мясников, 2014, с. 279, рис. 1, 5). О вероятном перемещении населения, кроме ремесленных технологий, свидетельствуют предметы костюма и стелы. По крайней мере, «северокавказское влияние на иконографию постмаклашевских стел» (Чижевский, 2008, с. 59) не вызывает сомнений, а объяснить его торговыми контактами затруднительно.

²⁰ Упорная, п. 3 Майртупского могильника № 2, Краснодарский музей, плато Бийчесын, Дунаевка, Терекли-Мектеб, Чечено-Ингушетия (Пелих, Фоменко, 2005, с. 68).

²¹ Ред. Все перечисленные вещи не имеют отношения к ананьинским древностям – они относятся к финалу ПБВ.

Кроме того, вполне вероятно кавказское (кобано-колхидское) влияние на маклашеевский и постмаклашеевский погребальный обряд. По мнению А.А. Чижевского, «не исключено, что истоки обряда вторичного погребения необходимо искать на Северном Кавказе» (Там же, с. 47), что кажется нам более обоснованным, чем другое предположение этого же автора: «происхождение обряда вторичных захоронений связано, скорее всего, с наследием срубного мира, влияние которого было опосредованным» (Там же, с. 79). Кроме того, именно в постмаклашеевское время, а также в ананьинской классической культуре шнуговой керамики, «появляется новый вид погребальных сооружений – каменные ящики» (Там же, с. 45, 63), что также, возможно, связано с влиянием со стороны Кавказа, а именно: кобанских племен. При этом вполне закономерно, что эти два элемента погребального обряда (вторичные погребения и каменные ящики) появляются независимо друг от друга, «максимальная распространенность вторичных погребений приходится на эпоху финальной бронзы, а в раннем железном веке они встречаются значительно реже и представляют собой пережиточное явление» (Там же, с. 79). В свою очередь, погребения в каменных ящиках появляются в конце VII–V вв. до н.э. (Там же, с. 78). Наконец, кавказские аналогии находит и встречающийся у племен акозинской культуры и ананьинской культуры шнуговой керамики обряд кремации на стороне (Коренюк, 2000, с. 69; Чижевский, 2008, с. 35, 64, 84). Очевидно, заимствование элементов погребального обряда вряд ли возможно без инфильтрации групп использующего его населения.

В вопросе о маршруте, по которому могли осуществляться торговые и иные связи, в силе, скорее всего, остается вывод Н.Л. Членовой: «путь этот проходил не по Волге, так как на Нижней Волге нет подобных находок, а по Дону, Хопру и Сура, откуда и выходил на Среднюю Волгу» (1988, с. 5). Еще ранее об этом же маршруте пути писал В.И. Гуляев (1962, с. 115, 116): «начиная с VI в. до н.э. и вплоть до сарматского завоевания бассейн Среднего Дона и смежные савроматские земли служили постоянным направлением для проникновения южных влияний в Поволжье», то есть путь шел через бассейн Среднего Дона и далее по его левым притокам Вороне, Хопру и Медведице. Практически аналогично этот путь представляли себе М.Н. Погребова и Д.С. Раевский (1992,

с. 197), которых поддержали С.Л. Дударев и В.А. Фоменко (2011, с. 200), приводящие в качестве дополнительного аргумента находку бронзового топора типа II (с прямым корпусом и асимметричным лезвием) из района Таганрога, «совершенно идентичного экземпляру из бывшей Пермской губернии» (Там же, с. 200, рис. 3). Топор, отличающийся почти невыделенной обушной частью, но отогнутым со стороны спинки лезвием и наличием ребер на гранях проуха находит аналогии, в первую очередь, в западнокобанских древностях и на смежных территориях Западного Кавказа (Козенкова, 1995, табл. XVIII, 3; Сазонов, 2006, рис. 5, 2, 9, 1; Эрлих, 2007, рис. 165, 2).

Этому маршруту не противоречит предположение А.Н. Ворошилова о перемещении групп населения (носителей раннескифской культуры, по его мнению) с юга на север, в Среднее Поволжье, по водоразделу бассейнов Волги и Дона (2007, с. 57–59). В этой связи он обращает внимание на находки биметаллических акинаков²² и двух кобанских бронзовых топоров (Тамбовский областной краеведческий музей). Отметим также и неоднократно отмечаемое исследователями культурное воздействие на ананьинцев со стороны племен среднедонской лесостепи в скифское время (Гуляев, 2016, с. 28). В.С. Патрушев отмечает активизацию связей между ананьинцами и скифами Верхнего Подонья (район Воронежа) начиная с первой половины VI в. до н.э. (1984, с. 122), но такое взаимодействие могло идти по уже проторенному маршруту.

Иным видит маршрут пути, связывающего кобанские и ананьинские племена, В.И. Козенкова. По ее мнению, он шел вдоль побережья северо-западного берега Каспия к низовьям Волги в район современного Орска (?) и далее по правобережью Волги в Волго-Камье (2013, с. 99, 132). Поступление кавказских импортов на Среднюю Волгу и Каму преимущественно по Волжскому пути предполагают также Р.М. Мунчаев и С.В. Кузьминых (2006, с. 49). «Донской» же маршрут пути в Волго-Камье, согласно В.И. Козенковой, «не кажется достаточно доказательным только по ссылке на находку кобанского топора в районе Таганрога. Находка его сделана значительно дальше от устья Дона, фактиче-

²² См.: (Ворошилов, 2006). Обратим также внимание на серию находок предскифской узды с территории Среднего Дона (Березуцкий, Золотарев, 2006). О находках предскифской узды в Саратовском Поволжье см.: (Тихонов, 1998; Тихонов, Якубовский, 1999; Тихонов, 2000).

ски, в северо-западной части побережья Азовского моря и вполне может маркировать путь на запад» (2013, с. 99, 132). Отметим в этой связи, что находка кобано-колхидского топора из района Таганрога не одинока, достаточно напомнить о бронзовых топорах из Новочеркасского клада и ст. Сиротинской (Лукьяшко, 1999, с. 101, 146, 147, рис. 98, 4), связанной своим происхождением с регионом Северного Кавказа и Предкавказья керамике из памятников Нижнего Дона (Там же, с. 127, 177, 179, 180, 182, 184, рис. 112, 1, 4, 5, 113, 2, 114, 4). Как отмечает С.И. Лукьяшко, по технологическому признаку к керамике центральнокавказского производства может быть отнесена большая группа лощеных сосудов» (Там же, с. 198). Наконечники же копий с прорезями в пере из Саркела и Хапров либо являются волго-камским импортом, либо восходят к образцам из того региона (по мнению С.И. Лукьяшко, наконечник из Саркела «является кавказским подражанием наконечникам Волго-Камья», что сомнительно) (Там же, с. 148, рис. 99, 5, 6). Выделяются и северокавказские черты в погребальном обряде предскифского времени на Нижнем Дону, а именно: «значительное количество погребений на правом боку в левобережном Подонье» (Там же, с. 140, 193). При этом количество предметов кавказского происхождения доскифского и раннескифского периодов в районе нижнего течения Волги минимально.

Отметим в этой связи любопытный вывод С.И. Лукьяшко, применимый, с некоторыми поправками, и для кавказско-волго-камских связей: «картографирование кобанских изделий позволяет заметить, что чем дальше на запад в степи Украины, тем более увеличивается количество кобанских изделий, увеличивается и их ассортимент. Межплеменным обменом невозможно объяснить этот факт. Ведь если признать межплеменной обмен ведущей формой обмена с населением Центрального Предкавказья, то следует признать закономерным уменьшение импортных изделий, чем дальше от центра производства исследуемая зона» (Там же, с. 198).

Попытки объяснить этот парадокс применительно к соседним регионам Евразии трудно признать вполне убедительными. К примеру, как отмечал К.А. Смирнов, очевидное различие в количестве находок «южного происхождения» между анабинскими памятниками, с одной стороны, и городецкими и дьяковскими, с другой, не позволяет сделать вывод о большей интенсивности связей анабинских племен со степью. Анабинские могильники, по сравнению с анабинскими городищами, дали богатейший материал, в то время как дьяковская культура представлена только материалами поселений, а городецкая – «в основном поселениями и только на поздней стадии – частично материалами могильников». То есть «если сравнивать только материал городищ, исключая могильники, то он будет примерно одинаков с поселениями анабинской, дьяковской и городецкой культур, что, по-видимому, свидетельствует об одинаковой интенсивности контактов с населением степей» (Смирнов, 1991, с. 54, 55). Но тот же автор признавал: «трудно сказать, чем обусловлено то, что на территории городецкой культуры известно несколько скифских мечей и кинжалов, а на памятниках дьяковской культуры, несмотря на большие раскопки, они пока не найдены. Возможно, это следует объяснить близостью городецких племен к степи» (Там же, с. 58). Как бы там ни было, объяснения, исходящие из географической близости или характера погребального обряда «работают» далеко не всегда.

Применительно к Северному Причерноморью этот парадокс разрешается на сегодняшний день следующим образом: концентрация (в данном случае, находок двуколычатых удил разных модификаций) «обусловлена наличием в Лесостепи кавказского (кобанского или протомеотского?) анклава мастеров, изготовлявших подобный тип узды для местного населения» (Козенкова, 2013, с. 122). Таким образом, мы снова встаем перед необходимостью признать наличие не только торговых путей, но и возможности перемещения некоторых групп кавказского населения.

ЛИТЕРАТУРА

Акритас П.Г. Археологическое исследование Чегемского ущелья в 1959 году // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии. Вып. 9. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1961. С. 177–192.

Аптекарев А.З., Козенкова В.И. Клад эпохи поздней бронзы из станицы Упорной (Краснодарский край) // СА. 1986. № 3. С. 121–135.

Асланов Г.М., Ваидов Р.М., Ионе Г.И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку: АН АССР, 1959. 190 с.

Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и некоторые проблемы раннескифской истории // Древность: историческое знание и специфика источника: ММНК, посвященной памяти Э.А. Грантовского и Д.С. Раевского. Вып. V / Отв. ред. А.С. Балахванцев, Г.Ю. Колганова. М.: ИВ РАН, 2011. С. 44–49.

Балахванцев А.С. Биметаллический клевец из Бугуруслана и проблема становления раннескифской культуры // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26-29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 22–25.

Батчаев В.М. Позднекобанские погребения у сел. Нижний Чегем // Вестник Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института при Совете Министров КБАССР / Глав. ред. В.К. Тлостанов. Вып. 5. Нальчик: Эльбрус, 1972. С. 32–50.

Беглова Е.А., Орловская Л.Б., Сорокина И.А. Протомеотские древности в Закубанье // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы / МИАР. № 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев, В.С. Ольховский. М.: ИА РАН, 1997. С. 71–80.

Беговатов Е.А., Марков В.Н., Патрушев В.С. Первый Мурзихинской могильник // Проблемы археологии Среднего Поволжья / Науч. ред. А.Х. Халиков. Казань: КГУ, 1991. С. 20–29.

Беговатов Е.А., Марков В.Н. Мурзихинский II могильник // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада / Отв. ред. П.Н. Старостин. Казань: ИЯЛИ, 1992. С. 57–72.

Белинский А.Б., Дударев С.Л. Могильник Клинь-Яр III и его место среди древностей Кавказа и Юго-Восточной Европы начала раннего железа. М.; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. 446 с.

Березуцкий В.Д., Золотарев П.М. Новые находки предметов предскифского периода с территории Среднего Дона // Археологическое изучение Центральной России: ТД МНК, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 г.) / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 199–202.

Бокий Н.М., Горбул Г.П. Могила киммерийского всадника у села Чечелиевка Кировоградской области // СА. 1985. № 4. С. 224–228.

Вальчак С.Б. Классификация, вопросы происхождения, развития и хронология некоторых кинжалов и мечей предскифского периода // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского. М.: ИА РАН, 2005. С. 138–160.

Виноградов В.Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII–IV века до н.э.): (Вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чеч.-Ингуш. кн. изд-во, 1972. 389 с.

Виноградов В.Б. Новые находки предметов скифо-сибирского звериного стиля в Чечено-Ингушетии // СА. 1974. № 4. С. 258–263.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., Рунич А.П. Киммерийско-кавказские связи // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 184–199.

Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 145 с.

Вольная (Керцева) Г.Н. К вопросу о параллелях в зооморфном искусстве ананьинской и кобанской культур // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 261–272.

Вольная Г.Н. Наконечники ножен с изображением головы птицы из памятников раннего железного века Центрального Кавказа и их аналогии в скифо-сибирском зверином стиле // РА. 2015. № 1. С. 19–31.

Ворошилов А.Н. О некоторых особенностях изготовления мечей скифского времени с бронзовыми деталями рукояти из Доно-Волжского региона // Археологическое изучение Центральной России: ТД МНК, посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (13-16 ноября 2006 года) / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПУ, 2006. С. 210–213.

Ворошилов А.Н. О начальном этапе освоения лесостепного междуречья Дона и Волги в раннем железном веке // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Международная Нижневолжская археологическая конференция (Волгоград, 12-15 ноября 2007 г.): ТД / Отв. ред. А.В. Кияшко, А.С. Скрипкин. Волгоград: ВолГУ, 2007. С. 57–59.

Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории // Stratum plus. 2012. № 3. С. 75–106.

Гуважиков Д.Х. Кабардино-Балкария в эпоху поздней бронзы и раннего железа (по материалам археологии). Курсовая работа студента 5-го курса КБГУ: Рукопись. Нальчик, 2015.

Гуляев В.И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII–IV вв. до н.э. // Историко-археологический сборник / Отв. ред. Д.А. Авдусин, В.Л. Янин. М.: МГУ, 1962. С. 114–120.

Гуляев В.И. Зооморфные металлические крючки скифского времени в Евразии: каталог и описание. М.: ИА РАН, 2016. 104 с.

Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 240 с.

- Дударев С.Л.* Раскопки могильника у сел. Ахкинчу-Барзой (Чечено-Ингушетия) // СА. 1976. № 1. С. 257–261.
- Дударев С.Л.* Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предскифскую эпоху (IX – первая половина VII в. до н.э.). Армавир: Армавир. полиграф. предприятие, 1999. 406 с.
- Дударев С.Л., Фоменко В.А.* Новая находка закавказского бронзового пояса на Северном Кавказе (предварительное сообщение) // Пятнадцатые чтения по археологии Средней Кубани (краткое содержание докладов) / Ред. П.В. Соков. Армавир: Армавир. полиграф. предприятие, 2009. С. 7–15.
- Дударев С.Л., Фоменко В.А.* Новые данные о связях Центрального Предкавказья с Поволжьем в эпоху раннего железа // Сборник научных трудов С.Л. Дударева. Статьи, материалы, рецензии. К 60-летию со дня рождения. М.: Илекса, 2011. С. 197–203.
- Збруева А.В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 328 с.
- Зимовец Р.В.* О локальных особенностях бронзовых бутеролой в виде головы хищной птицы // Археологія і давня історія України. Вип. 2 (19). Старожитності раннього залізного віку / Гол. ред. С.А. Скорий. Київ: ІА НАНУ, 2016. С. 76–88.
- Иванчик Аскольд И.* Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени / Степные народы Евразии. Т. II. М.: Палеограф, 2001. 324 с.
- Иессен А.А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии / МИА. № 3 / Отв. ред. М.И. Артамонов. М.-Л.: АН СССР, 1941. С. 7–50.
- Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа / МИА. № 23 / Отв. ред. Е.И. Крупнов. М.-Л.: АН СССР, 1951. С. 75–124.
- Ллінська В.А.* Про скіфські навершники // Археологія. 1963. Т. XV. С. 33–60.
- Ильинская В.А., Мозолевский Б.Н., Тереножкин А.И.* Курганы VI в. до н.э. у с. Матусов // Скифия и Кавказ / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1980. С. 31–63.
- Козенкова В.И.* Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры: Восточный вариант. Ч. 2 / САИ; Вып. В2-5. М.: Наука, 1982. 176 с.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура: Западный вариант. Т. 4 / САИ. Вып. В2-6). М.: Наука, 1989. 196 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология): Западный вариант / САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1995. 166 с.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант. Т. 4 / САИ; Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1998. 200 с.
- Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня / МИИКНСК; Вып. III. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с.
- Козенкова В.И.* Биритуализм в погребальном обряде древних «кобанцев». Могильник Терезе конца XII – VIII вв. до н.э. / МИИКНСК. Вып. V. М.: Памятники исторической мысли, 2004. 220 с.
- Козенкова В.И.* Специфика некоторых атрибутов костюма древних «кобанцев» как показатель процесса миграций // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой / МИАР. № 8 / Отв. ред. В.И. Козенкова и др. М.: Таус, 2007. С. 258–294.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
- Козенкова В.И.* Хронология Перкальского могильника в контексте новых материалов скифского облика в Предкавказье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа / XXVIII Крупновские чтения: ММНК / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 160–162.
- Козубова А., Скаков А.Ю.* Проблема датировки кинжалов типа Posmuş и их кавказские аналоги // РА. 2016. № 3. С. 84–101.
- Кореньюк С.Н.* Ананьинская культура в трудах А.П. Смирнова и новые данные в её изучении // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК ТГИМ; Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 68–79.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кудин М.И., Кизилов А.С.* Случайные находки колхидо-кобанских древностей на территории г. Сочи и прилегающей части Туапсинского района // Проблемы изучения погребального обряда народов Западного Кавказа в древности и средневековье: VI Анфимовские чтения по археологии Западного Кавказа: ММНК / Ред. Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: ИП Смородин, 2016. С. 139–147.

Кудрявцев А.А., Галаева В.Н. Грунтовой погребение кобанского времени могильника № 2 Татарского городища // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V Минаевские чтения по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа: ТД межрегион. науч. конф. / Отв. ред. В.А. Шаповалов. Ставрополь: СтавГУ, 2001. С. 30–37.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Кузьминых С.В., Чижевский А.А. Хронология раннего периода ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2014. № 3. С. 101–137.

Лесков А.М., Эрлих В.Р. Могильник Фарс/Клады. Памятник перехода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на Северо-Западном Кавказе. М.: ГМВ, 1999. 163 с.

Лукьяшко С.И. Предскифский период на Нижнем Дону / Донские древности. Вып. 7. Азов: АКМ, 1999. 240 с.

Магомедов Р.Г., Эрлих В.Р. Луткунский клад киммерийской эпохи из Южного Дагестана: (Предварительное сообщение) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: ММНК, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. – М.: ИВ РАН, 2016. С. 155–161.

Майсурадзе В.Г., Пирцхалава М.С. Бутероль из села Патардзеули (Кахетия, Восточная Грузия) // ВДИ. 2011. № 3. С. 71–77.

Макалатия С.И. Раскопки Дванского могильника // СА. 1949. Т. XI. С. 225–240.

Марковин В.И. Зандакский могильник эпохи раннего железа на реке Ярык-су (Северо-Восточный Кавказ). М.: Наука, 2002. 154 с.

Махортых С.В. О северокавказских бронзах X–VIII вв. до н.э. с Левобережной Украины // Археологічний літопис Лівобережної України. № 1-2 / Гол. ред. О.Б. Супруненко. Полтава: Археологія, 1998. С. 23–25.

Махортых С.В. Киммерийцы Северного Причерноморья. Киев: Шлях, 2005. 380 с.

Махортых С.В. Киммерийцы и население Волго-Камья в раннем железном веке // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 455–477.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья: Археология и этнокультурная история I тыс. до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мошинский А.П. Древности Горной Дигории. VII–IV вв. до н.э.: Систематизация и хронология / ТГИМ. Вып. 154. М.: ГИМ, 2006. 208 с.

Мошинский А.П. Древние бронзы Кавказа. М.: ГИМ, 2010. 200 с.

Мошинский А.П., Скаков А.Ю. Новые исследования по кобанской культуре // РА. 2000. № 2. С. 205–212.

Мунчаев Р.М., Кузьминых С.В. Волжский путь в древности // Историко-археологические исследования Поволжья и Урала: Материалы III Халиковских чтений (г. Болгар, 27-30 мая 2004 г.). Казань: Школа, 2006. С. 38–54.

Мясников Н.С. Новые находки ананьинского времени с территории Чувашии // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 276–280.

Новичихин А.М. Материалы первой половины I тыс. до н.э. из долины Сукко // Историко-археологический альманах. Вып. 1 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. М.: ИА РАН; Армавир: АрмКМ, 1995. С. 63–68.

Новичихин А.М. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н.э. (по материалам погребальных памятников). Анапа: СГУТКД, 2006. 220 с.

Острроверхов А.С., Охотников С.Б. О некоторых мотивах звериного стиля на памятниках из собрания Одесского археологического музея // ВДИ. 1989. № 2. С. 50–67.

Папуашвили Р. К вопросу об абсолютной хронологии могильников Колхиды эпохи поздней бронзы – раннего железа // Вопросы древней и средневековой археологии Кавказа / Отв. ред. Х. М. Мамаев. М.; Грозный: ИА РАН, 2011. С. 82–94.

Папуашвили Р.И., Балахванцев А.С. Биметаллические клеветы из могильников Колхиды (Эргета II, Цаиши) // Кавказ и степь на рубеже эпохи поздней бронзы и раннего железа: ММНК, посвященной памяти Марии Николаевны Погребовой (Москва, 25-27 апреля 2016 г.) / Отв. ред. А.С. Балахванцев, С.В. Кулланда. М.: ИВ РАН, 2016. С. 199–206.

Патрушев В.С. Марийский край в VII–VI вв. до н.э.: (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1984. 230 с.

Патрушев В.С. Булавки Старшего Ахмыловского и Акозинского могильников // КСИА. 1984а. Вып. 178. С. 21–24.

Патрушев В.С. Новые исследования Пустоморквашинского могильника // Новые источники по этнической и социальной истории финно-угров Поволжья I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Отв. ред. Ю.А. Зеленев. Йошкар-Ола: МарГУ, 1990. С. 25–74.

Патрушев В.С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до нашей эры. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 80 с.

Патрушев В.С. Сравнительная хронология металлических изделий памятников Северного Кавказа и Марийского Поволжья // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников и культур Северного Кавказа: XXVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД МНК / Отв. ред. М.Б. Мужухоев. Магас: Археолог. центр им. Е.И. Крупнова, 2010. С. 275–279.

Патрушев В.С. Параллели в искусстве ираноязычных племен и финно-угров Волго-Камья (эпоха железа) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: ММНК, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1 / Отв. ред. Г.В. Длужневская. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 232–237.

Патрушев В.С. Северокавказские бляхи с соляными символами в Марийском Поволжье // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа / XXVIII Крупновские чтения: ММНК (Москва, 21–25 апреля 2014 г.) / Отв. ред. Д.С. Коробов. М.: ИА РАН, 2014. С. 189–192.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы: (Старший Ахмыловский могильник). М.: Наука, 1982. 278 с.

Пелих А.Л., Фоменко В.А. Новые металлические предметы позднебронзового времени с территории Центрального Предкавказья // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 5 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2005. С. 66–72.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. М.: Вост. лит., 1992. 260 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Закавказские бронзовые пояса с гравированными изображениями. М.: Вост. лит., 1997. 152 с.

Полидович Ю.Б. Структура и символика декора ножен мечей раннескифского времени // Война и военное дело в скифо-сарматском мире: ММНК, посвященной памяти А.И. Мелюковой (Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.) / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2015. С. 153–161.

Пьянков А.В. Бронзовый зооморфный наконечник ножен акинака из фондов Краснодарского музея-заповедника // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 448–450.

Руденко К.А. Декоративно-прикладное искусство раннеананьинского времени (по материалам IV Мурзихинского могильника в Татарстане, предварительный анализ) // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями: ММНК, посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Кн. 1 / Отв. ред. Г.В. Длужневская. СПб.: ИИМК РАН, Периферия, 2012. С. 226–232.

Сазонов А.А. Бронзовые скипетры протогеотских вождей // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6 / Отв. ред. Е.И. Нарожный. Армавир: ЦАИ АГПУ, 2006. С. 33–59.

Скаков А.Ю., Джошуа А.И. Комплексы V–IV вв. до н.э. с бронзовыми «эгретками» из Абхазии // Боспорские исследования. Вып. VII. Симферополь, Керчь: Крым. отд-ие Ин-та востоковедения НАНУ, 2004. С. 27–46.

Скаков А.Ю. Фибулы древней Колхиды: происхождение, типология, хронология // Revista Arheologică. Serie noua. Vol. IV, nr. 2. Chişinău, 2008. С. 74–99.

Скаков А.Ю. Погребальные памятники Бзыбской Абхазии X–VII вв. до н.э. // РА. 2008а. № 1. С. 15–27.

Скаков А.Ю. Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.

Скаков А.Ю. Транскавказские связи на Западном и Центральном Кавказе в эпоху раннего железа // Древняя и средневековая культура адыгов: ММНК (Нальчик, 16–20 октября 2013 г.) / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: КБИГИ, 2014. С. 151–172.

Скаков А.Ю., Джошуа А.И. Новые находки памятников кобано-колхидского графического искусства в Абхазии // КСИА. 2016. Вып. 245. Ч. I. С. 154–167.

Скаков А.Ю., Чисиев В. Т. Новый комплекс с орнаментированным кобано-колхидским топором (погребение 45 могильника Эльхотова) // КСИА. 2017. Вып. 246. С. 280–297.

Смирнов К.А. К вопросу о связях племен городецкой и дяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4. С. 53–61.

Смирнов К.А. Еще раз о проблеме «отделившихся» скифов // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Сборник тезисов докладов конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.П. Смирнова / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 1999. С. 37–39.

Смирнов К.А. Погребения всадников в Старшем Ахмыловском могильнике // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: МНК / ТГИМ. Вып. 122 / Отв. ред. И.В. Белоцерковская. М.: ГИМ, 2000. С. 80–82.

- Смирнов Н.Ю. Курган Аржан-1, Волго-Камье и Северный Кавказ: неочевидные связи // Поволжская археология. 2015. № 2. С. 104–113.
- Тереножкин А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1975. С. 3–34.
- Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М.: Металлургия, 1997. 318 с.
- Терехова Н.Н., Розанова Л.С. Истоки производственных традиций в технологии изготовления кузнечных изделий из раннеананьинских памятников на Средней Волге (к проблеме высоких технологий) // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника) / Археология евразийских степей. Вып. 8 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Елабуга: ИИ АН РТ, ИА РАН, ЕИАХМЗ, 2009. С. 196–203.
- Техов Б.В. Тайны древних погребений. Владикавказ: Проект-Пресс, 2002. 512 с.
- Тихонов В.В. О распространении бронзовых удил в киммерийское и раннесавроматское время в Саратовском Поволжье // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: ТД VII Донской археологической конференции / Ред. В.Я. Кияшко и др. Ростов-на-Дону: Открытое общество, 1998. С. 114–115, табл. XXXIII.
- Тихонов В.В., Якубовский Г.Л. Новые памятники и отдельные находки киммерийского времени из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1997 году. Вып. 3 / Отв. ред. А.И. Юдин. Саратов: СГПИ, 1999. С. 158–74.
- Тихонов В.В. Новый комплекс киммерийского времени из Саратовской области // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: ММНК, посвященной 100-летию со дня рождения И.В. Сеницына / Ред. Е.К. Максимов и др. Саратов, Энгельс: СГУ, 2000. С. 149–150.
- Топал Д.А. Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia*. Vol. VIII (XXIII). Chişinău, 2014. С. 7–43.
- Топал Д.А. Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // Материалы по археологии Северного Причерноморья. Вып. 13 / Отв. ред. И.В. Бруяко. Одесса: СМІЛ, 2015. С. 54–79.
- Уварова П.С. Могильники Северного Кавказа / МАК. Вып. VIII. М.: Тип. Мамонтова, 1900. 381 с.
- Ульские курганы. Культурно-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / Степные народы Евразии. Т. VI / Под ред. А.И. Иванчика, А.М. Лескова. М., Берлин, Бордо: Палеограф, 2015. 222 с.
- Флеров В.С., Дубовская О.Р. Мужские погребения кобанского могильника Клин-Яр III в г. Кисловодске // Вестник Шелкового пути. Археологические источники. Вып. I / Отв. ред. И.С. Каменецкий, С.А. Узянов. М.: Центр «Шелковый путь», 1993. С. 262–303.
- Фоменко В.А. Памятники предскифского и скифского времени на территории Пятигорска // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 3 / Отв. ред. Б.Х. Бгажноков, В.А. Фоменко. Нальчик: КБИГИ, 2014. С. 120–132.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.
- Черненко Е.В. Скифо-персидская война. Киев: Наукова думка, 1984. 118 с.
- Чижевский А.А. Ананьинские (постмаклашеевские) стелы IX–VI вв. до н.э. // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти В.С. Ольховского / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2005. С. 268–300.
- Чижевский А.А. Комплекс вещей кавказского происхождения из Мурзихинского IV (I) могильника (вопросы хронологии и происхождения) // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: ТД III МНК, посвященной 75-летию со дня рождения Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000) / Отв. ред. В.В. Мурашева. М.: Нумизматическая литература, 2006. С. 55–57.
- Чижевский А.А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового – раннем железном веках (предананьинская и ананьинская культурно-исторические области) / Археология евразийских степей. Вып. 5. Казань: Школа, 2008. 172 с.
- Чижевский А.А. Начало раннего железного века в Волго-Камье // Переход от эпохи бронзы к эпохе железа в Северной Евразии: Материалы Круглого стола (Санкт-Петербург, 23-24 июня 2011 г.) / Отв. ред. В.А. Алёшкин, В.С. Бочкарев. СПб.: ИИМК, Гос. Эрмитаж, 2011. С. 41–45.
- Чижевский А.А. К вопросу о начале раннего железного века в Волго-Камье // Российский археологический ежегодник. № 2 / Отв. ред. Л.Б. Вишняцкий. СПб.: С.-Петербург. ун-т, 2012. С. 383–399.
- Членова Н.Л. О культурной принадлежности Старшего Ахмыловского могильника, Новомордовских стелах и «отделившихся скифах» // КСИА. 1988. Вып. 194. С. 3–11.
- Чубур А.А. Булавки с ажурным листовидным навершием в раннем железном веке Восточной Европы: типология, ареал, семантика // Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего Средневековья

(к 80-летию со дня рождения А.И. Пузиковой) / Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск: Курск. город. тип., 2012. С. 117–135.

Шишлов А.В., Федоренко Н.В. Погребальный обряд племен северо-западного побережья Кавказа в конце VII–V вв. до н.э. (по материалам Владимирского могильника) // *Аргонавт. Черноморский исторический журнал.* № 2 (3). Новороссийск, 2006. С. 63–73.

Шрамко Б.А., Фомин Л.Д., Солнцев Л.А. Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) // *СА.* 1977. № 1. С. 57–74.

Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.

Dudarev Sergei L., Fomenko Vladimir A. A new transcaucasian bronze belt in the Northern Caucasus // A. Mehnert ua. (Hrsg.). *Austausch und Kulturkontakt im Sudkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spatbronze-/Fruheisenzeit.* Langenweissbach: Beier & Beran, 2012. S. 3–8.

Gambaschidze I., Hauptmann A., Slotta R., Yalçin Ü. Georgien. Schätze aus dem Land des Goldenen Vlies. Ausstellungskatalog des Deutschen Bergbau-Museums Bochum. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum, 2001. 476 S.

Maisuradze Besarion, Pirtskhalava Marine. The Bronze Scabbard Chape from Patardzeuli // *Iberia-Colchis. Researches on the Archaeology and History of Georgia in the Classical and History of Georgia in the Classical and Early Medieval Period.* № 6. Tbilisi, 2010. Pp. 5–12, 200. (на груз.яз.)

Mikeladse Teimuras. Grosse kollektive Grabgruben der Frühen Eisenzeit in Kolchis // *Archäologischer Anzeiger.* Heft 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1995. S. 1–22.

Motzenbäcker Ingo. Sammlung Kossnierska. Der digorische Formenkreis der kaukasischen Bronzezeit / *Museum für Vor- und Frühgeschichte Staatliche Museen zu Berlin. Bestandskataloge.* Bd. 3. Berlin: Staatliche Museen zu Berlin, 1996. 294 S.

Papuashvili Revaz. The Late Bronze / Early Iron Age burial grounds from Tsaishi // A. Mehnert ua. (Hrsg.). *Austausch und Kulturkontakt im Sudkaukasus und seinen Angrenzenden Regionen in der Spatbronze-/Fruheisenzeit.* Langenweissbach: Beier & Beran, 2012. S. 65–78.

Topal Denis. The use of bronze in making the early Scythian akinakai // *Tiragetia. Serie nouă.* Vol. IX (XXIV), nr. 1. Chişinău, 2015. Pp. 29–50.

Miron A., Orthmann W. (Hrsg.). Unterwegs zum goldenen Vlies. Archäologische Funde aus Georgien. Ausstellungskatalog. Stuttgart: Konrad Theiss Verlag GmbH & Co., 1995. 343 S.

Информация об авторе:

Скаков Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела бронзового века, Институт археологии РАН (г. Москва, Россия); skakov09@gmail.com

THE ANANYINO WORLD AND THE CAUCASUS: CONTACTS AND IMPORTS

A.Yu. Skakov

The paper presents an analysis of the nature and mechanism of interactions between Caucasian cultures of the Early Iron Age (Kobano-Kolkhid cultural and historical community, etc.) and the Ananyino cultural and historical region. The authors determine a series of items testifying to such interactions, and establish the areas of their distribution across the Caucasus. It should be noted that the areas are not limited to the Central (Koban culture) or the Northwest (Proto-Meot group of sites) Caucasus. Individual specimens are used in order to investigate the imports from the Caucasus to the Volga-Kama region; supracultural phenomena; articles crafted on the model of Caucasian prototypes; items with remote and frequently misleading counterparts in the Caucasus. Particular attention is paid to certain types of sheath and belt tips, pendants and plaques. Considering the intensity of relations between the Caucasus and the Volga-Kama region, the presence of high-status cult and ritual items crafted in the Caucasus, as well as clothing accessories, coupled with the possible impact of the Caucasus on the Ananyino art of and funerary rite, it is concluded that certain population groups migrated to the region from the Caucasus. Perhaps, the migration had a repetitive nature. Most probably, the route of trade relations and migration of the population passed through the lower reaches of the Don and the Middle Don with its left tributaries.

Keywords: Ananyino cultural and historical region, Kobano-Kolkhid cultural and historical community, Proto-Meot site group, Pre-Scythian period, Early Scythian period

About the Author:

Skakov Alexander Yu. Candidate of Historical Sciences, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Dmitry Ulyanov St., 19, Moscow, 117036, Russian Federation; skakov09@gmail.com

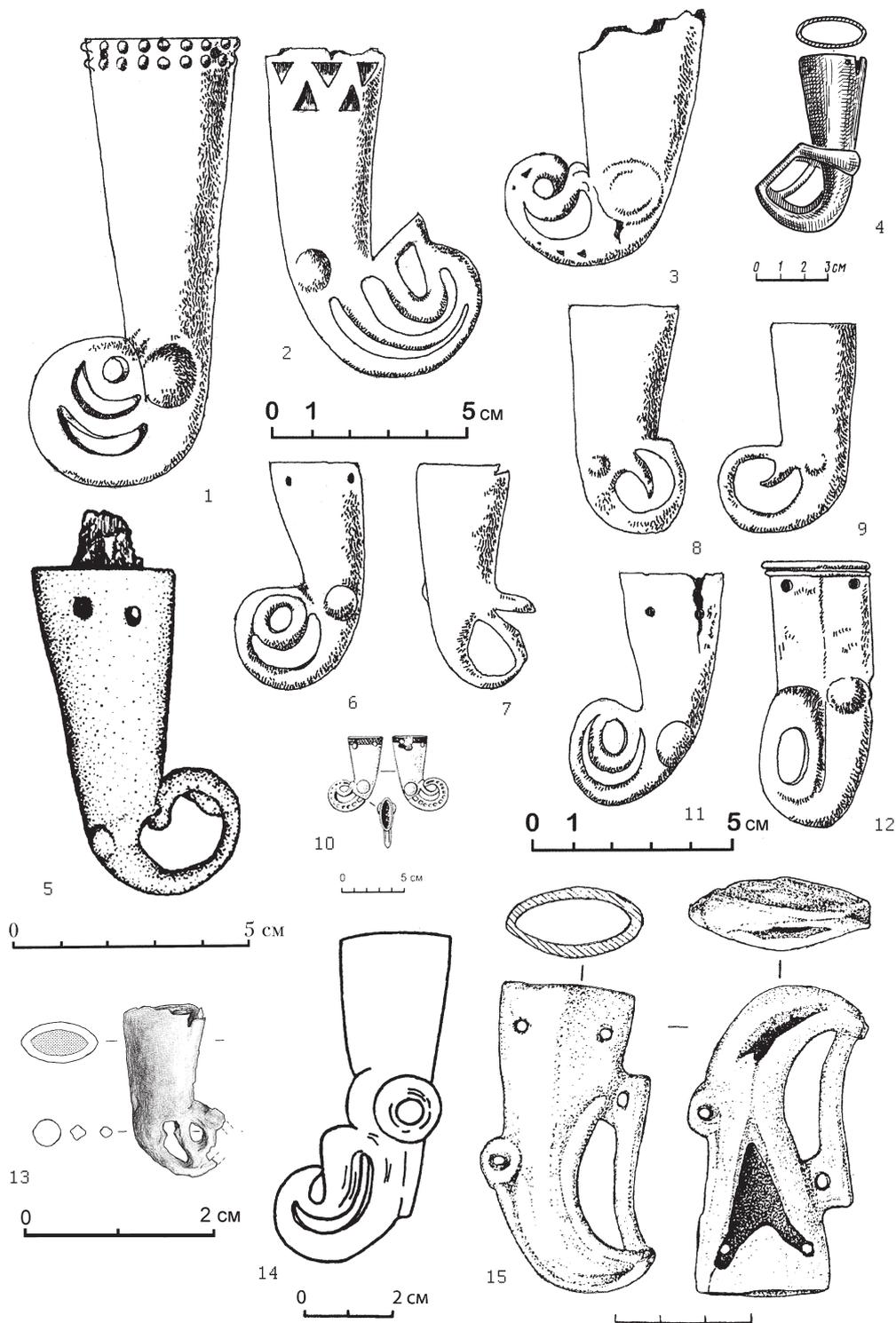


Рис. 1. Кавказские наконечники ножей с изображением головы хищной птицы и их аналоги в Северном Причерноморье и Волго-Камье. 1 – Патардзеули; 2, 3 – Верхний Кобан; 4 – Ст. Ахмыловский, п. 336; 5, 7, 13 – Фаскау; 6 – Нацаргора, п. 495; 8, 9 – Нижний Чегем, п. 2, 7; 10 – Кливанский, п. 28; 11 – Двани, пр.4; 12 – Репяховатая могила; 14 – Владимировский, п. 55; 15 – Пашковское городище № 5.

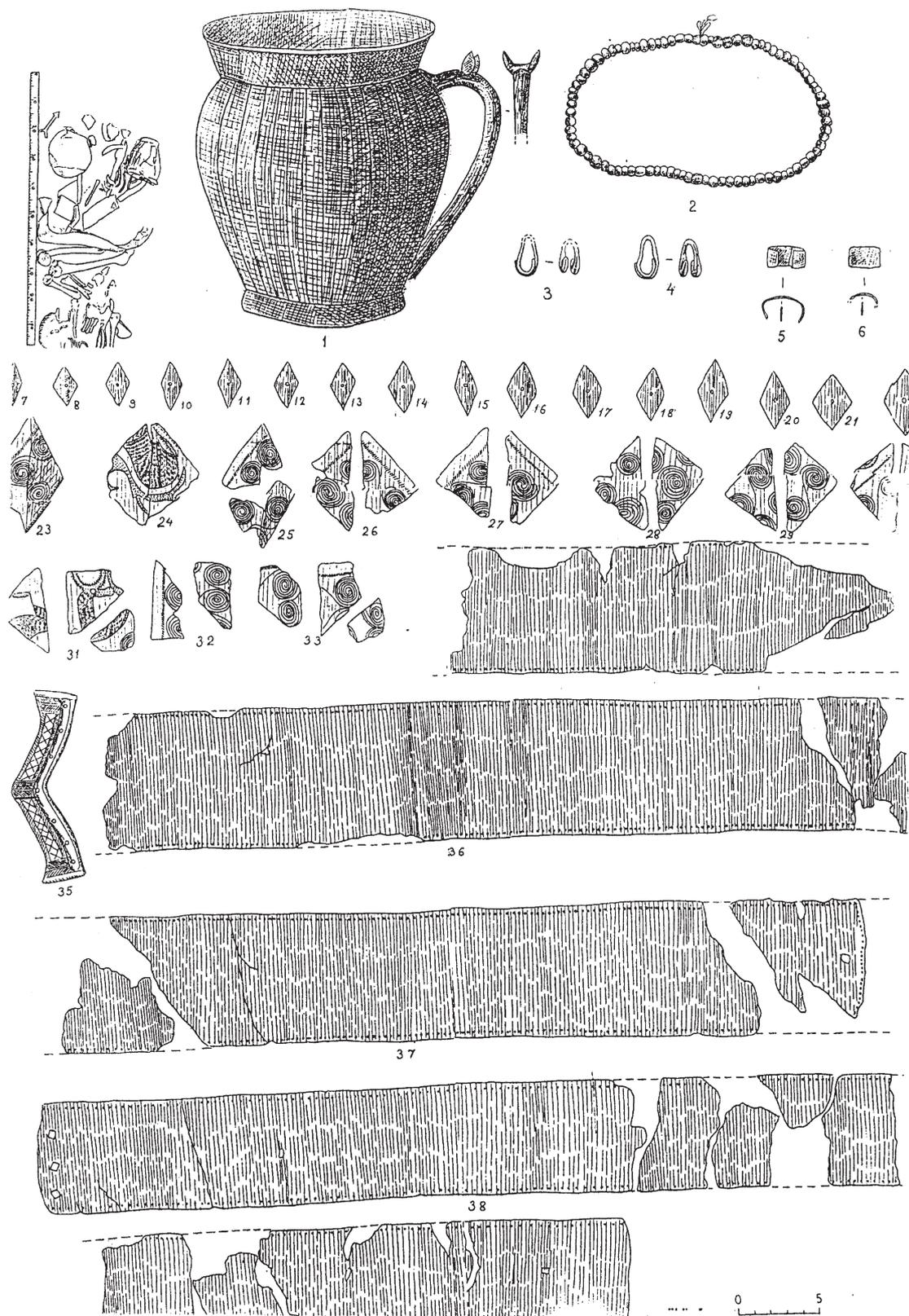


Рис. 2. Комплекс погребения 437 Тлийского могильника (по Б.В. Техову).

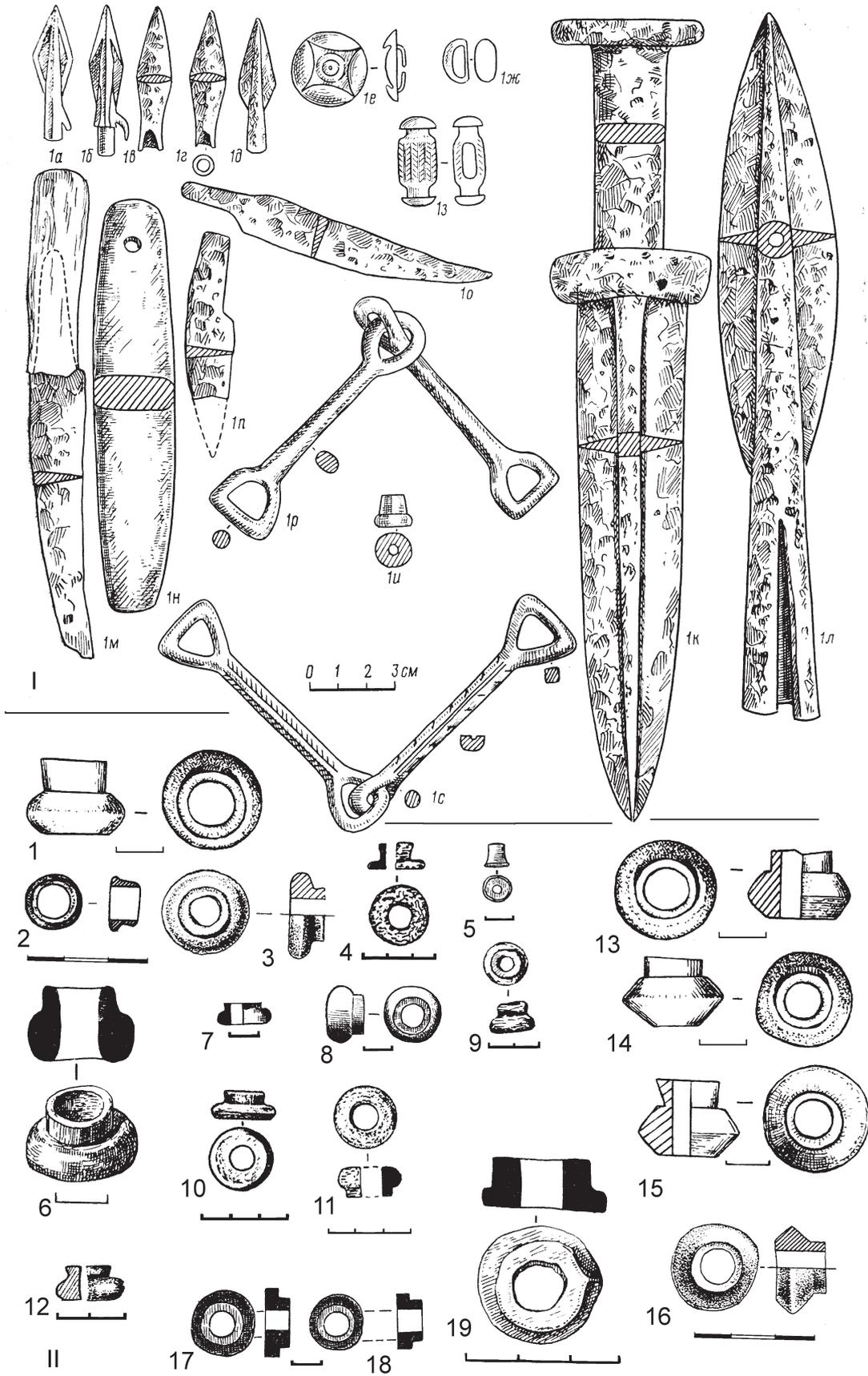


Рис. 3. Комплекс п. 383 Ст. Ахмыловского могильника и аналогии бронзовой ворворке. I – инвентарь п. 383. II – аналогии ворворке: 1, 13, 14 – Зандак, п. 38; 2, 3, 10, 11, 16 – Клинь-Яр, п. 167, 184, 82, 9, 220; 4 – Ахтырский Лиман-I, п. 35; 5 – Березовский-1, п. 24; 6 – Березовский-4; 7 – Аллероевский-1, п. 14; 8, 19 – Индустрия-1, п. 4, 2; 9 – Фарс, п. 19; 12 – Ахкинчу-Барзой, п. 2; 15 – Зандак, п. 51; 17, 18 – Кисловодская мебельная фабрика-1, п. 34.

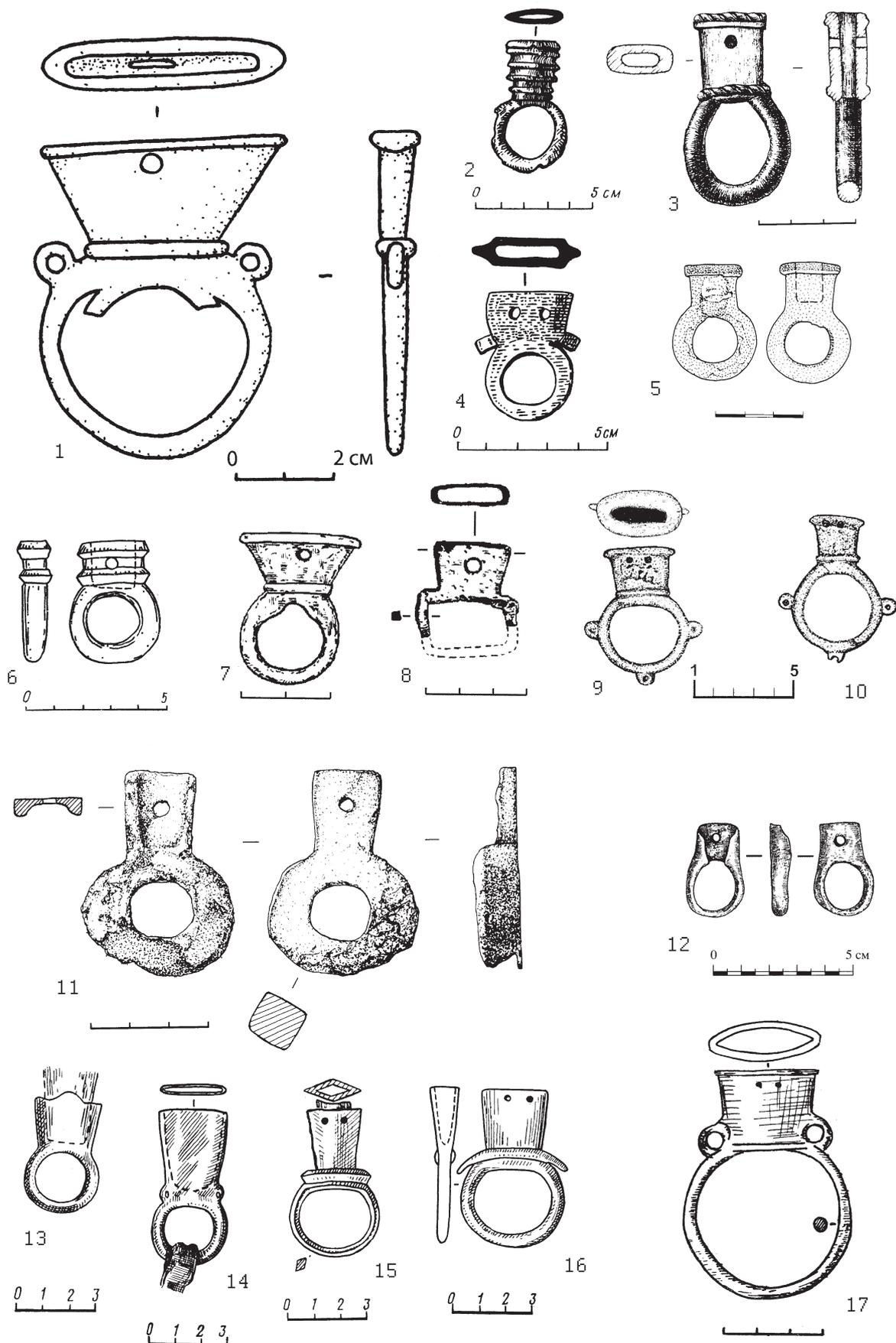


Рис. 4. Наконечники ремней Кавказа, Северного Причерноморья и их аналоги в Волго-Камье. 1 – Атмачева щель (Сукко); 2 – Эчкиващ, п. 4; 3, 11 – Терезе, п. 3; 4 – Заюково-1; 5 – Квитки; 6 – Зольный; 7 – Краснодарский музей; 8 – Ястребовский, курган 1, VII; 9, 10 – Фундучный сад (Хаджико); 12 – Ульские, курган 10; 13–16 – Ст. Ахмыловский, кв. А/16, п. 139, 421, 220; 17 – Мурзихинский II.

УДК 902.01

АНТЕННЫ СКИФСКИХ АКИНАКОВ. ИСТОКИ И ЭВОЛЮЦИЯ

© 2017 г. Д. А. Топал

Необычное оформление навершия акинаков в виде антенн или волют довольно рано обратило на себя внимание исследователей скифского клинкового оружия. Кроме того, именно форма навершия является основой практически всех известных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. Исследователи давно обратили внимание на удивительную схожесть этого типа украшения акинаков с теми, что изготавливались в эпоху поздней бронзы и гальштата в Средней Европе. Однако для самих центральноевропейских кинжалов антенное навершие – явление довольно позднее и фиксируется не ранее HaB. А у черногоровско-новочеркасских мечей и кинжалов антенные навершия все еще неизвестны. Время появления антенного навершия – вторая половина VII в. до н.э. С этого момента простые антенные навершия появляются независимо в трех регионах – на Северном Кавказе, Приднепровской лесостепи и Карпато-Подунавье. Для раннескифского времени антенное навершие является скорее экспериментальным исключением, а не оформленной традицией. Амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские и гудермесские акинаки с антеннами или волютами. В среднескифский период антенны нам известны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечях типа Ноград. Время широкого распространения антенных наверший – финал среднескифской эпохи (вторая половина VI – V в. до н.э.). С середины VI в. на территории Европейской Скифии появляются акинаки с орнитоморфным навершием, не связанные с раннескифскими центрами производства акинаков. По всей видимости, появление орнитоморфных и зооморфных наверший укладывается в рамки общей евразийской традиции – грифовые кинжалы в это время распространяются в Волго-Уралье, Семиречье, Саяно-Алтае и Северном Китае. Реалистичное орнитоморфное навершие типа Гэйчана появляется на широкой серии мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем. Начиная с V в. до н.э. начинается упрощение орнитоморфного навершия, отход от реалистичности. И уже в конце V в. до н.э. орнитоморфное оформление окончательно схематизируется, превращаясь в орнаментальный прием. Со временем типологическая серия антенных наверший в виде головок хищных птиц, начиная с крупных реалистичных форм, постепенно эволюционирует в сторону минимизации и схематизма, возможно, связанного с утерей изначального представления об образе.

Ключевые слова: акинак, антенное навершие, волюты, грифовый кинжал, меч, Евразия, Причерноморье, Сибирь, скифское время

Необычное оформление навершия акинаков в виде антенн или волют довольно рано обратило на себя внимание исследователей скифского клинкового оружия. Кроме того, именно форма навершия является основой практически всех известных классификационных схем скифских мечей и кинжалов. М.И. Ростовцев очертил типохронологические различия южнорусских мечей и «оренбургских» и выделил три разновидности антенновидных наверший – «волютообразное», «орнитоморфное» и «серповидное» (Ростовцев, 1918, с. 57). Отделив, исходя из формы перекрестья, «скифские» мечи и кинжалы (с сердцевидным перекрестьем) от «сарматских» (с прямым), В. Гинтерс выделил несколько групп скифских мечей по форме навершия – мечи «с овальным и стержневидным навершием» (mit ovalem und querstabartigem Knauf), «плоским овальным» (mit flachovalem Knauf) и «антенновидным» (mit Antennenknauf) (Ginters,

1928, s. 40). Скифские мечи и кинжалы, по А.И. Мелюковой, составляют два отдела по форме навершия – с «прямым» (брусковидным или овальным) и «антенным» (простым или зооморфным). Клинковое оружие с антенным навершием, в свою очередь, делится на два подотдела – «мечи и кинжалы с простым антенным навершием» и «мечи и кинжалы с антенными навершиями, трактованными в зверином стиле». Первый подотдел разделен на три типа по форме перекрестья – с «почковидным», «бабочковидным» и «сегментовидным», второй – на два, с «бабочковидным» и «ложнотреугольным» (Мелюкова, 1964, с. 53–56). Таким образом, отделы выделены А.И. Мелюковой на основании формы навершия, тогда как типы внутри отделов определяются формой перекрестья. Типологическая схема А. Вулпе основана на эпонимическом принципе (т.е. название типа определяется наиболее характерным экземпляром). При

этом он разделил весь массив акинаков на пять «морфологических групп» (Formengruppe): I – «с прямым навершием, ребристой рукоятью и полусердцевидным перекрестьем» (типы Посмуш, Фериджиле-Лэчень и Делений); II – «с прямоугольным навершием, сердцевидным перекрестьем и утолщенным по краям стержнем рукояти» (типы Орбяска, Сусень-Мэчишень, Пилинь); III – «с овальным навершием, плоской рукоятью и профилированным¹ перекрестьем» (тип Козия и отдельная находка из Тигвень); IV – «с простым антенновидным навершием» (типы Фрата, Бырсесть, Нэнешть) и V – «с зооморфным навершием» (тип Гэйчана и отдельная находка из Доболлий де Жос) (Vulpe, 1990, s. 22–62). На основе корреляции выделенных 54 «черт»-признаков, А.Ю. Алексеев выявил пять устойчивых групп, которые, по его мнению, отражают культурные типы. Правда, основным признаком, который отражает эволюцию акинака и, соответственно, представлений, связанных с этим видом вооружения, исследователь считал оформление перекрестья. Тем не менее, «мечи с антенным навершием и узким бабочковидным перекрестьем» он выделяет в отдельный 4 тип (Алексеев, 1991а, с. 276). Одна из самых свежих классификационных схем основана на анализе изделий с территории причерноморской Лесостепи и разработана А.В. Шелеханом (Шелехань, 2016, с. 361). Киевский исследователь, как и большинство его предшественников, выстраивает типологическое деление также на основе изменчивости оформления рукояти. Так, среди выделенных им подразделений как минимум три так или иначе связаны с антенным навершием – «с простым волотовидным, прошивным или накладным» (II.4), «грацильным накладным зооморфным волотовидным» (II.5) и «ажурным волотовидным» (II.6).

«Антенные традиции»: в поисках прототипа

Что касается происхождения антенного навершия в скифской среде, еще Э. Ленц, Э. Миннс, а позднее М.И. Ростовцев и В. Гинтерс обратили внимание на удивительную схожесть этого типа украшения акинаков с теми, что изготавливались в эпоху поздней бронзы и гальштата в Средней Европе (Ленц, 1905, с. 62; Minns, 1913, p. 70; Ростовцев, 1918,

¹ Очевидно, под «профилированным перекрестьем» (profilierter abschließende Heft) имеется ввиду устоявшийся в русскоязычной литературе термин «бабочковидное перекрестье».

с. 58; Ginters, 1928, s. 40). М. И. Ростовцев, к примеру, возникновение антенного навершия («волотного набалдашника») представлял как возможный результат сочетания «западных» (гальштатских?) и «восточных звериных» форм (Ростовцев, 1918, с. 60). В. Гинтерс рассматривал антенное навершие скифских мечей как явление, в целом, более позднее, по сравнению с остальными типами наверший. Он заметил, что акинаки с антенным навершием на поздних этапах сосуществуют с брусковидным и овальным, при этом оформление стержня рукоятей и перекрестья у этих разновидностей часто бывает идентичным (Ginters, 1928, s. 44, 45). Однако в отличие от М.И. Ростовцева, В. Гинтерс со всей осторожностью отнесся к идее о гальштатском происхождении скифских антенн, ссылаясь на тот факт, что состояние источника на время написания его работы не позволяет доказать степень влияния гальштатских и латенских мечей на скифский акинак² (Ibid, s. 90). А.И. Мелюкова (1964, с. 60), а вслед за ней и Б.А. Шрамко (1984, с. 33) настаивали на местном появлении антенновидной формы навершия, независимом от гальштатских традиций.

А. Вулпе в 1967 г. предположил, что антенные навершия являются инновацией местного населения Карпато-Подунавья, сложившейся под влиянием «центральноевропейских антенных кинжалов» (mitteleuropäische Antennendolche), которая затем распространилась на восток, в скифский мир (Vulpe, 1967, s. 61). Позднее он подтвердил свои выводы, мотивируя отсутствием надежных сведений о более ранних акинаках с антенным навершием в Северном Причерноморье (Vulpe, 1990, s. 52, 53). Действительно, восточные влияния на центральноевропейские образцы практически исключены (Sievers, 1982, s. 10), более того, начиная со ступени НаА₁ в Карпатском бассейне среди определяющих традиций в металлообработке на первый план выходят именно западные – среднедунайские (Дергачев, 1997, с. 57). Для самих центральноевропейских кинжалов антенное навершие – явление довольно позднее и фиксируется не ранее НаВ (Sprockhoff, 1934, s. 34, 71; Müller-Karpe,

² Кроме того, В. Гинтерс полагал, что самые ранние мечи с антенными навершиями относятся ко времени не ранее V в. до н.э. (Ginters, 1928, s. 40). И хотя уже А.И. Мелюкова подвергла сомнению данное утверждение, понизив дату до VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 60), для нее культурный и хронологический разрыв в традициях гальштатских и скифских мечей по-прежнему оставался слишком значительным.

1961, s. 53–55, 57, 65, 88), при этом даже к NaV_1 достоверно можно отнести лишь семь экземпляров (Stockhammer, 2004, s. 68). Основная масса датированных изделий относится к NaV_3 и распространена главным образом на территории Восточной Германии и Польши, для NaC – это уже Восточно-альпийский регион и Центральная Италия (Ibid, s. 69). Мечи с антенным навершием не слишком распространены в раннегальштатских кладах Югославии, Венгрии, Закарпатья и Румынии, однако, начиная с NaV_2 , немногочисленные экземпляры появляются в Трансильвании (Petrescu-Dîmbovița, 1977, pl. 343, 14; 350, 13; 354, 1, 2; 379, 8). Единственная близкая по времени находка в Причерноморье – центральноевропейский импорт в составе клада из с. Валя Русулуй (Дергачев, 1975, рис. 3, 1). Синхронные экземпляры с антенновидными навершиями из Прикарпатья считаются местными по происхождению (Клочко, 2006, с. 203) – мечи из Яблоньки-Язловца (Там же, рис. 95, 10) и Вороны (Малеев, 1992, рис. 2). Меч из Валя Русулуй относится скорее к NaV_2 и, несмотря на то, что этот клад рассматривался в рамках культур каннелированного гальштата Кишинэу-Корлэтеу (Левицкий, 1993, с. 65), вероятно его отнесение к следующему по времени горизонту древностей – Козия-Сахарна IX в. до н.э. (Бруяко, 2005, с. 104).

Среди кобанских древностей Центрального Кавказа известен один кинжал с антенным навершием, оформленным в виде противопоставленных голов хищников (Curtis, Kruszyński, 2002, p. 10, 11, fig. 6, pl. 2a, 1), изготовленный, судя по аналогиям, не позднее VIII в. до н.э. (Дударев, 2011, с. 223–225) или даже X в. до н.э. (Козенкова, 2013, с. 97). Тем не менее, несмотря на все попытки представить этот кавказско-переднеазиатский кинжал в качестве предшественника скифских акинаков (Curtis, Kruszyński, 2002, p. 11; Дударев, 2011, с. 225), уникальный характер данного изделия и его хронологическая отдаленность не позволят связать его со скифскими древностями. Кроме того, иконографические традиции грифона-птицезверя отсутствуют в предскифском горизонте степной Евразии конца II – начала I тыс. до н.э. (Канторович, 2010, с. 195), хотя Г.Н. Вольная обнаруживает киммерийское влияние в изображении глаза хищной птицы в виде ромба в круге, как, например, на привеске из Комаровского могильника (Вольная, 2002, с. 92, рис. 12: 1). Тем не менее, у черноморско-новочеркасских мечей и кинжалов антенные навершия все еще неизвестны.

В европейской части скифского мира обладают навершием, оформленным в виде антенн или трактованном в зверином стиле около трети акинаков (31%). Распространены акинаки с антенновидным навершием от Урала до Карпат сравнительно однородно, кроме, пожалуй, самых отдаленных регионов – южного (Закавказье) и северо-западного³ (Альфелд, Моравия, Силезия) (рис. 1, II). В ареале культуры Векерзуг мечей и кинжалов с антенными навершиями почти нет. Своеобразное исключение составляет однолезвийный меч из погребения второй половины VI в. до н.э. у Батмоноштора на юге Венгрии (несколько в стороне от основного ареала культуры Векерзуг), навершие которого состоит из волют (Guyscha et al., 2015, p. 118, fig. 4, 3). Столь же необычно оформление однолезвийных экземпляров из Пенца (Patay, 1955, XVII) и погребения 120 Сентеш-Векерзуга (Parducz, 1955, fig. 3) – в виде загнутого клюва птицы. В Закавказье известно всего несколько экземпляров – из п. 139 Тлийского могильника (Техов, 1972, с. 310), Степанакертского музея (Есаян, Погребова 1985, с. 49, табл. 1, 26). В Западном Закавказье акинаки с антенным навершиями известны по материалам могильника Джантух (Шамба, Шамба, 1990, с. 19) и Сухумской горы (Воронов, 1975, рис. 5, 7).

Что касается хронологии, оформление наверший в виде антенн появляется, судя по всему, ненамного позже возникновения самого акинака, при этом широкое распространение этого способа оформления начинается со второй половины – конца VI в. до н.э. (рис. 1, I). Весьма показательны, что изображения акинаков с антенным навершием (как и любым другим, отличным от прямого брусковидного) в монументальной скульптуре скифов относятся главным образом к V в. до н.э. и появляются не ранее второй половины VI в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 73, табл. 18). При этом основная часть изображений акинаков с антеннами происходит с территории Северного Причерноморья, с правого берега Днепра (рис. 5). Они есть на стелах из Первомайска, Терновки, Медерова, Кировограда⁴ и,

³ Совсем недавно стало известно о среднескифском кинжале с антенным навершием, обнаруженном в результате грабительских раскопок неподалеку от Брно (Topal, Golec, 2017, fig. 1).

⁴ На изваянии из Кировограда изображено два меча, при этом акинак на левом боку обладает выраженным кольцевым навершием (Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 43). Учитывая безусловную редкость кольцевого навершия у мечей и кинжалов скифского времени

возможно, Любомировка (Там же, кат. 9, 11, 62, 76, 77) (рис. 6, 2–6). И лишь одно из таких изваяний было найдено на территории Предкавказья – возможно, в окрестностях станицы Преградной (экземпляр из Краснодарского музея)⁵ (Там же, кат. 119) (рис. 6, 1).

Антенные навершия в раннескифское время

Неудивительно, что самые ранние комплексы, в которых присутствуют скифские акинаки с антенным навершием связаны с тремя основными регионами – Северным Кавказом, Приднепровской Лесостепью и Карпато-Подунавьем (рис. 2). Именно эти культурные анклавы по сути стали генераторами новых форм клинкового вооружения в раннескифское время, в частности, гудермесского и келермесского типов (Топал, Бруяко, 2012, с. 141; Топал, 2015, с. 74). В Трансильвании кинжалы с антенным навершием были найдены в погребении 2 1969 г. могильника Теюш (Buzdugan, 1976, fig. 2, 6) (рис. 4, А) и 9 могильника Кристешть (Vasiliev, 1980, pl. 10, 5) (рис. 4, С) – древнейших в группе Чумбруд. Железные длинновтульчатые наконечники стрел, напоминающие новочеркасские бронзовые прототипы позволяют отнести погребение у Теюш чуть ли не к предскифскому времени (Chochorowski, 1998, s. 480). Тем не менее, по келермесским наконечникам стрел, погребение 2 у с. Теюш, вероятнее всего, датируется серединой VII в. до н.э. (Бруяко, 2005, с. 248). Тем же временем датируется и погребение 9 у Кристешть – по железным трехдырчатым псалям, аналогичным экземплярам из клада Фюгед (Kemeneczei, 1994, s. 81; Бруяко, 2005, с. 249). А. Вулпе выделил кинжалы из Теюш и Кристешть в отдельный тип, присовокупив находки из погребений у с. Фрата 1944 г. (рис. 4, F), Батош 1964 г., Чипэу-«Гара» 1913 г. и, возможно, кинжал из погребения у Аркиты 1871 г. (данный экземпляр лишен навершия) (Мелюкова, 1964, с. 59), возможно предположить, что таким образом мастер попытался передать навершие в виде антенн – на другой известной прорисовке это более заметно (Бокий, Могилов, 2014, с. 51, рис. 16, 1). Похоже, трудности изображения антенн на каменных рельефах, подтолкнули также и резчика медеровской стелы к изображению кольца (Ольховский, Евдокимов, 1994, илл. 44).

⁵ Антенны у меча, изображенного на стеле из Краснодарского музея весьма специфичны и указывают, скорее, на классический период. Представляется возможным интерпретировать эту деталь как изображение акинака типа Солоха, который проник на территорию Кавказа из Северного Причерноморья.

шия) (рис. 4, H). Этот тип – *тип Фрата* (рис. 4, 1–5), по его мнению, относится ко второй половине VII в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 50–52). К раннескифскому времени относится меч с антенным навершием из кургана 44 могильника Фериджиле (Vulpe, 1967, pl. XV, 4) (рис. 4, B). Для четвертой фазы этого могильника конца VII – VI вв. до н.э. характерна местная вариация типа Келермес – *тип Фериджиле-Лэчень* (по А. Вулпе) с выраженной трехчастной рукоятью, брусковидным навершием и массивным бабочковидным перекрестьем (Vulpe, 1990, s. 33). Хотя экземпляр из кургана 44 кроме антенн снабжен также плоской рукоятью с поперечными насечками, сам факт обнаружения антенного навершия в могильнике раннескифского времени Южного Прикарпатья весьма показателен. Раннескифским временем датируется всего один комплекс с акинаком (и он тоже украшен антеннами) из Нижнего Подунавья – погребение 2 сектора II могильника Челик-дере (Simion, 1992, fig. 1) (рис. 4, L), которое А.И. Мелюкова считает одновременным погребению из Сабанджии и относит ко второй половине – концу VII в. до н.э. (Мелюкова, 2001, с. 22).

В свою очередь, северокавказские экземпляры считаются связанными с предскифскими из кобанских могильников горного Кавказа и представляют самостоятельную традицию, отличную от центральноевропейской (Махортих, 1995, с. 115). Одним из наиболее ранних северокавказских экземпляров считается однолезвийный кинжал из кургана в местности Карабашево (Любин, 1964, с. 254, рис. 2) (рис. 4, K), отнесенный по бронзовым двухлопастным стрелам, удилам и железным трехпетельчатым псалям ко времени не позднее VII в. до н.э.⁶ (Махортих, 1995, с. 112) или по катушковидной подвеске – к концу VII – первой половине VI вв. до н.э.⁷ (Козенкова, 1998, с. 47). Особый интерес представляет кинжал из погребения 4 могильника Сержень-юрт II (Kozenkova, 1992, Taf. 82, 9) – его пропорции и форма навершия сближают его с акинаками типа Фрата, выделенными на материалах Румынии А. Вулпе. Кроме того, наличие у него лезвия односторонней заточки и небольшие размеры делает аналогию с трансильванской серией еще более убедительной. Близок кара-

⁶ В свою очередь, В.И. Козенкова датировала двухлопастные стрелы из этого комплекса серединой – второй половиной VI в. до н.э. (Козенкова, 1995, с. 63).

⁷ При этом, А.Ю. Скаков считает, что дата этих подвесок может быть ограничена только VI в. до н.э. (Скаков, 2009, с. 163).

башевскому акинаку кинжал из Нестеровского могильника (Крупнов, 1960, с. 482, табл. LXII, 2), который В.И. Козенкова датировала временем не позднее VI в. до н.э. (Козенкова, 2002, с. 89). При этом, на территории Центрального Кавказа погребение 139 могильника Тли (рис. 4, D), в котором был обнаружен кинжал с антенным навершием, было отнесено автором раскопок к группе погребений второй половины VII – VI вв. до н.э. (Техов, 1972, с. 310). Это вызвало возражения Ю.Н. Воронова, который, в своем стремлении омолодить хронологические выкладки Б.В. Техова, повысил нижнюю хронологическую границу данной группы (и особенно погребения 139) до конца VII в. до н.э. (Воронов, 2006, с. 35).

В Левобережной Днепровской лесостепи к раннескифскому времени относится погребение в кургане 3 у с. Поповка (рис. 4, E), в котором был обнаружен меч с архаичным келермесским перекрестьем (Бобринский, 1894, табл. XXV, 11). К сожалению, из-за коррозии сложно судить о точной форме навершия, но, вероятнее всего, оно было волнитообразным. Кроме него, в погребении были обнаружены остатки защитного вооружения, железный трехпетельчатый псалий, бронзовые навершия. Железные трехпетельчатые псалии хорошо известны в раннескифских комплексах Северного Кавказа, а основное время их бытования в украинской лесостепи «вторая половина VII – первые десятилетия VI в. до н.э.» (Махортых, 2014, с. 184). Навершия из Поповки также находят аналогии в Келермесском кургане 1 (Ильинская, 1968, с. 158). К эпохе скифской архаики также следует отнести меч из кургана 5 могильника Скоробор из раскопок 1906 г. В.А. Городцова (Шрамко, 1987, рис. 70, 10).

Кроме того, нельзя не обратить внимания на оформление антеннами или волнотами наверший акинаков, относящихся к келермесскому типу (рис. 4, 16–22). Так, известно, по меньшей мере, четыре акинака келермесского типа с антенным навершием – из Борисоглебского музея (Мулкиджанян, 1983, с. 137–139), из собрания А.А. Бобринского (Мелюкова, 1964, рис. 20, 1), южной Башкирии – из окрестностей с. Берлячево (Смирнов, 1961, с. 20, рис. 3, 7) и с. Иванча Оргеевского района Республики Молдова (не опубликован). Исходя из наличия трехчастной в сечении рукояти, к келермесскому типу можно отнести акинак с антеннами из с. Губари Борисоглебского района Воронежской области (Журавлев, 2002, с. 96, 98, кат.

437). Также известны два акинака марычевского типа с антенным навершием – из Петровского района Тамбовской области и с. Тынково (Клоков, Моисеев, 1999, рис. 11, 1–2). Для данного типа характерны массивные бабочковидные перекрестья, украшенные головами грифонов со спирально загнутыми клювами геометрический орнамент на рукояти. При этом, марычевский тип, несмотря на отсутствие достоверных комплексов, был отнесен Р.Б. Исмагиловым ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (Исмагилов, 1989, с. 91).

В дальнейшем, простое антенное навершие сопровождает изделия начала среднескифского периода. Основные изменения в морфологии акинаков Средней Скифии отчетливо прослеживаются на церемониальных экземплярах из кургана Шумейко (Древности Приднепровья, 1900, с. 17, табл. XLV, 461) и комплекса из Феттерсфельде (Furtwaengler, 1883, Taf. III). Если для основной массы раннескифских акинаков преобладает форма клинка с параллельными лезвиями, то уже к концу периода появляются треугольные и узкие вытянутые клинки. Перекрестья становятся еще более массивными, округлыми, а навершия напротив – тонкими, вытянутыми (Ginters, 1928, s. 11–12; Мелюкова, 1964, с. 60). При этом рукоять по-прежнему сохраняет «рамочность», хотя стержень рукояти теряет ромбовидный валик, характерный для келермесской традиции. По меньшей мере два экземпляра, близких шумейковскому типу, но оснащенных антеннами, происходят из комплексов – из погребения 5 1931 г. Таманского некрополя (Гайдукевич, 1959, с. 158–159) и погребение в кургане 21 у с. Купьеваха (Бойко, 2008, с. 209, рис. 1, 1). Оба погребения относятся к самому началу среднескифского периода (или переходного периода по Д.С. Гречко) около середины VI в. до н.э. (Гречко, 2016, с. 160). Килик из таманского погребения принадлежит типу В2 по Вилляр-Вале и датируется второй четвертью – серединой VI в. до н.э. (Гречко, 2012, с. 83). Погребение в кургане 21 у с. Купьеваха первоначально было продатировано авторами раскопок последней четвертью VI – первой четвертью V вв. до н.э. (Берестнев, Бойко, 2005, с. 5–6). Д.С. Гречко такую датировку считает слишком завышенной и предварительно предлагает интервал «540–520 гг. до н.э.» (Гречко, 2012, с. 82). Случайных находок акинаков типа Шумейко с антенным навершием гораздо больше и связаны они главным образом с Приднепровской

лесостепью (Мелюкова, 1964, табл. 20, 4, 5, 7) и Прикубаньем (Новичихин, 2006, рис. 54, 2, 3; 55, 3, 4; 56, 7), хотя отдельные находки встречаются в румынской Молдове (Vulpe, 1990, Taf. 14, 68, 70), Крыму (Скорый, Зимовец, 2014, с. 37, кат. 28), Приволжской лесостепи (Полесских, 1961, рис.1) и Приуралье (Исмагилов, 2001, табл. 1, 1, 2).

По всей видимости, именно на основе формы, представленной мечом из кургана Шумейко, возникает следующая вариация скифских акинаков. От мечей и кинжалов типа Шумейко, кинжалы типа Феттерсфельде отличает более широкий, но менее вытянутый клинок, расширенное почковидное перекрестье, удлиненное узкое навершие. Также исключительной особенностью кинжалов типа Феттерсфельде можно считать украшение клинка продольными насечками-желобками (Топал, 2016, с. 279). Исходя из такого набора признаков, к данному типу можно отнести несколько экземпляров с антенным навершием – из г. Харькова (Бабенко, 2009, с. 19, рис. 1, 2), Красного Лимана Донецкой области (Кравец, Швецов, 1987, рис. 1) и разрушенного кургана у с. Нэвырнец (Dopici, 1928, p. 323, fig. 1). Таким образом, амбивалентность в оформлении наверший была свойственна скифским акинакам начиная с раннескифского периода – эксперименты с антенным навершием отчетливо прослеживаются на примере келермесских мечей и кинжалов. При этом, среди биметаллических акинаков типа Гудермес, появившихся в первой половине VII в. экземпляры с антенным навершием пока не известны⁸. Антенны сопровождают мечи и кинжалы начала среднескифского периода,

⁸ Весьма своеобразное исключение составляет меч из кургана 13 могильника «Славянка» у с. Шолохово Никопольского района Днепропетровской области (Волкобой, Лихачев, Шалобудов, 1979, с. 50, рис. 8, 3). Однако стержень бронзовой рукояти этого экземпляра украшен группами поперечных насечек, поэтому, несмотря на архаичную биметаллическую технологию изготовления, этот акинак все же ближе к типу Шумейко. Другой биметаллический экземпляр с антенным (серповидным) навершием и вовсе уникален. Бронзовая рукоять однолезвийного меча орнаментирована гравировкой: навершие – шахматным орнаментом, рукоять – параллельными зигзагами и поперечными линиями (Vulpe, 1967, pl. XVI, 2, fig. 19). Комплекс с мечом из Куртя-де-Арджеш относится ко второй половине VI в. до н.э. (Popescu, Vulpe, 1982, p. 88, 107; Vulpe, 1984, p. 54) а сам меч – к такому локальному явлению финала среднескифской культуры Карпато-Подунавья как однолезвийные акинаки типа Тисадоб-Чепарь (по А. Вулпе) (Vulpe, 1990, s. 92–95).

однако резкий взлет популярности акинаков с антенными навершиями приходится уже на вторую половину VI в. до н.э. Кроме того, именно в это время антенны начинают оформляться в соответствии с канонами скифского звериного стиля, в реалистичной манере, свойственной для этой эпохи.

Зооморфизация навершия. Тип Гэйчана

Мечи и кинжалы с антенными навершиями, трактованными в зверином стиле, А.И. Мелюкова отделила от мечей с простым антенным навершием, отметив также, что первые более характерны для Скифии (Мелюкова, 1964, с. 55). При этом, мечи с навершиями в виде птичьих голов рассматривались отдельно от экземпляров с когтевидными навершиями, вынесенных в 1-й (с бабочковидным перекрестьем) и 2-й типы (с ложнотреугольным) II-го подотдела. Среди акинаков, выпавших из классификации (возможно, из-за специфической реалистичности) А.И. Мелюкова, а вслед за ней и В.Г. Петренко называют мечи из кургана 401 у с. Журовка, случайную находку у с. Гамарня и беспаспортный экземпляр из Киевского Государственного музея (Петренко, 1967, с. 43). Также отдельно рассматривал мечи и кинжалы с зооморфным навершием и А. Вулпе (Vulpe, 1990, s. 57–64). Румынский археолог поместил в последнюю типологическую группу (Formengruppe V) мечи «типа Гэйчана» и датировал второй половиной VI – первой половиной V в. до н.э. (Ibid., s. 60). Помимо характерного навершия в зверином стиле, *тип Гэйчана* за некоторыми исключениями отличает оригинальное перекрестье, полукруглое (в форме «фракийского щита» – по А. Вулпе) (Ibid., s. 58) (рис. 8). Относительная редкость акинаков с сегментовидным перекрестьем в 1950-е гг. не позволила А.И. Мелюковой аргументированно их датировать (Мелюкова, 1964, с. 55). Однако со временем время существования этого типа перекрестий была определено в рамках VI–V (Фодор, 1969, с. 253) или V в. до н.э. (Евдокимов, Мурзин, 1984, с. 78). Внушительную серию мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем (55 экземпляров) недавно детально рассмотрели украинские авторы, уточнив ее датировку до «второй половины VI – первой половины V в. до н.э.» (Бабенко, Шелехань, 2015, с. 83, 88). При этом характерно, что акинаки с сегментовидным перекрестьем из погребенный характерны для степного Причерноморья и Крыма, в то время как случайные находки подобных изделий происходят главным обра-

зом из лесостепи Донецко-Бугского междуречья и Восточных Карпат (Бабенко, Шелехань, 2015, с. 79–86).

Погребение кургана 401 у Журовки с мечом, навершие которого трактовано в виде птичьих голов (Ленц, 1905, с. 61–63, рис. 10), по мнению В.Г. Петренко, убедительно датируется началом V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 43). А.Ю. Алексеев отнес данный комплекс к I-й группе памятников конца VI–V вв. до н.э. и на основании хиосской амфоры сужает датировку до 480–470 гг. до н.э. (Алексеев, 1991, с. 47) или даже до времени «около 475 г. до н.э.» (Алексеев, 2003, с. 296). Из разрушенного погребения кургана у с. Кирово Полтавской области происходит кинжал с сегментовидным перекрестьем и антенным навершием (Супруненко, 2002, с. 248, рис. 1). Концы волют этого кинжала оформлены в виде головок грифонов с массивными клювами. Стержень рукояти украшен зооморфным изображением (возможно, лошади) в фас. Подобные чеканные изображения известны и на рукоятях других мечей – двух экземплярах из Волковцев, Таганчи (Махортых, Иевлев, 2001, рис. 1, 2; 4, 1, 2), Девене (Николов, 1965, обр. 11) и Канищево (Воронина, 1962, рис. 1, 11). Изображения животных в фас не слишком распространены в скифском мире. При этом, они появляются еще в раннескифское время, хотя, по мнению Ю.Б. Полидовича, основное время их бытования определяется в рамках V–IV вв. до н.э. (Полидович, 2008, с. 44). Несмотря на наличие в погребении лепной полусферической миски, хронологические выводы были сделаны на основе морфологических особенностей акинака, который был датирован по сумме аналогий второй половиной VI – началом V в. до н.э. (Супруненко, 2002, с. 249). Схожий по конструкции перекрестья и зооморфному орнаменту на стержне рукояти кинжал (антенное навершие которого оформлено, правда, в виде простых волют) хранится в Национальном музее истории Украины. Данный экземпляр поступил в фонды в 1906 г. из курганных из раскопок С.А. Мазараки у с. Волковцы Роменского района Сумской области (Махортых, Иевлев, 2001, с. 102, рис. 4, 2).

Еще один комплекс с мечом типа Гэйчана происходит из Румынии – из трупосожжения в каменном ящике из кургана 5 у с. Чепарь (Vulpe, 1977, Abb. 1, 1). На основе инвентаря, характерного для 4 типа фазы Ferigile-Nord (детали узды, керамика, изогнутый топор), А. Вулпе датировал данный комплекс концом VI или самым началом V в. до н.э. (Vulpe,

1984, p. 54). Вероятно, к типу Гэйчана можно отнести и кинжал с большим антенновидным навершием и узким клинком из погребения 37 могильника Равна в болгарской Добрудже (Мирчев, 1962, с. 118, табл. XXX, 1). Это погребение, подобно чепарьскому, было совершено по обряду трупосожжения в каменном ящике и сопровождалось богатым инвентарем (семь сосудов, два ножа и перстень из железа). Могильник периода Равна-II, по всей видимости, существовал недолго (Там же, с. 125), скорее всего в рамках конца VI – V в. до н.э. (Vulpe, 1970, p. 142). Погребение 37, судя по кратеровидному сероглиняному сосуду, можно датировать первой половиной V в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 60). Еще один комплекс с мечом, навершие которого оформлено в зверином стиле, происходит с территории Болгарии – из кургана 1 у с. Правенцы (Атанасов, 1988, с. 21–22, табл. III, 3). Найденный вместе с мечом, опорновтульчатый наконечник стрелы позволяет отнести данный комплекс к V в. до н.э.

Внушительная серия мечей и кинжалов типа Гэйчана (свыше 10⁹, по информации А.М. Новичихина, представленная, в основном, случайными находками, происходит с территории Закубанья. Автор обобщающей публикации отнес их по морфологическим признакам к V в. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 47). Лишь один из этих предметов (из погребения 29 из могильника у хутора Рассвет) уверенно датируется по поддону чернолакового килика (вторично использованному в качестве солонки) концом V в. до н.э. (Там же, с. 41). Еще два акинака с орнитоморфным навершием были обнаружены в комплексах могильника Уляп II – погребении 27 кургана 12 и погребении 43 кургана 15 (Лесков и др., 2006, рис. 89, 1; 198, 1). Оба погребения относятся к первой хронологической группе второй половины VI – конца V вв. до н.э., при этом, комплексы кургана 15 авторы раскопок сочли наиболее древними (середины VI в. до н.э.), другие – не ранее конца VI в. до н.э. (Там же, с. 76). Кроме того, меч типа Гэйчана был также найден в одном из погребений Краснодарского могильника, датированных V в. до н.э. (Анфимов, 1949, с. 257, рис. 9). Кроме

⁹ Однако на основе изображений в монографии А.М. Новичихина, к типу Гэйчана достоверно можно отнести лишь четыре экземпляра – упоминавшийся меч из погребения 29 у с. Рассвет, из погребения 1 кургана 4 Воскресенского могильника и случайные находки из Анапской и Саук-дере (Новичихин, 2006, рис. 56, 1, 2, 4–5).

того, в Центральном Предкавказье известна серия железных кинжалов с ажурными бронзовыми рукоятями, навершия которых украшены противопоставленными симметричными головами хищников. Речь идет о крайне специфических экземплярах из погребений могильника Гастон-Уота, отнесенных к концу V – IV в. до н.э. и рукояти из Ани-Ирзо начала – первой половины V в. до н.э. (Прокопенко, 2014, с. 191).

Другие экземпляры представлены случайными находками. Эпонимный меч из Гэйчаны (Румыния, жудец Бакэу) был обнаружен случайно на склоне у деревенской церкви (Mihăilescu-Bîrliba, 1976, с. 109–110, fig. 1). К западу от гэйчанского акинака, схожий предмет был найден у с. Девене (Болгария, Врачанская область), в разрушенном погребении под небольшой курганной насыпью (Николов, 1965, с. 171, обр. 11). Часть находок акинаков типа Гэйчана связана с Поднепровьем. Меч из с. Гамарня (Корсунь-Шевченковский район, Черкасская область) отличается навершие с выразительными орлиными головками с проработанной восковицей и большим глазом (Мелюкова, 1964, табл. 20, 13). К рассматриваемому типу, по мнению А. Вулпе, относится и меч, найденный в «Староселецкой Экономии» (с. Староселье Смелянского района Черкасской области) (Бобринский, 1887, с. 147, табл. VII, 5). К сожалению, по рисунку в публикации не совсем ясно, чем являются утолщения на кончиках антенн – результатом коррозии или изображениями птичьих голов. Тем не менее, с типом Гэйчана данный экземпляр сближает сегментовидное перекрестье. Антенны у меча из Киевского музея упрощены, однако на одной из волют заметны следы округлости, вероятно, служившей для изображения глаза (Петренко, 1967, табл. 33, 15). У кинжала из с. Яблоновка Киевской области навершие также оформлено в виде высоко загнутых волют, концы которых выполнены в виде головок хищных птиц (Шрамко, Фомін, Солнцев, 1970, с. 46, рис. 7, 3). К типу Гэйчана, скорее всего, следует отнести фрагмент навершия, найденный на левобережье Днепра, у с. Лихачевка Полтавской области (Там же, с. 50, рис. 7, 8).

Схожие фрагментированные навершия (правда, отлитые из бронзы), оформленные в виде ушастых грифонов, происходят из Волго-Камья – в частности, случайные находки из Ананьинского могильника (Кузьминых, 1983, табл. LIII, 17). С. В. Кузьминых считает эти экземпляры местными изделия-

ми ананьинских мастеров, переработавших образцы восточноевропейского оружия в V–IV вв. до н.э. (Там же, с. 132). В Волго-Камье известен еще один необычный кинжал, обнаруженный в разрушенном погребении Мурзихинского могильника (Беговатов, 1989, с. 247). У данного железного кинжала литая бронзовая рукоять, навершие которой состоит из антенн, заканчивающихся головками ушастых грифонов, уши которых переданы округлыми ямками (Там же, с. 248, рис. 1: 2). Для большей прочности навершие разделено вертикальной перемышкой, что нехарактерно для цельножелезных кинжалов типа Гэйчана. С кинжалами типа Гэйчана данный экземпляр сближает также сегментовидное перекрестье (правда, перевернутое). На основе сопутствующего инвентаря, автор находки датировал этот предмет концом VI – началом V в. до н.э., склоняясь к V в. до н.э. исходя из особенностей стилистики (уши грифона переданы округлостями) (Там же, с. 249).

Кроме мечей, антенны которых образуют почти правильную округлость и украшены головками птиц, следует упомянуть уникальные орнитоморфные навершия мечей, оформленные в исключительно реалистичной манере. К числу таких принадлежит случайная находка из окрестностей с. Большой Толкай Похвистневского района Самарской области (Исмагилов, 1980, рис. 1, 4). Р.Б. Исмагилов отнес его по типологическим особенностям, главным образом, по форме перекрестья, ко времени не позднее VI в. до н.э. (Там же, с. 223). Среди близких по оформлению (но не тождественных) акинаков, К.Ф. Смирнов называет случайные находки из Озерков близ Аткарска (Максимов, 1959, рис. 1, 1) и Соловки под Бузулуком (Смирнов, 1961, рис. 4, 1, 2). Однако эти изделия отличает принципиальная деталь – «глаза» птиц показаны не в верхней части навершия, а в нижней, примыкающей к стержню рукояти. К реалистичным зооморфным относится навершие однолезвийного меча из Пенца (Patay, 1955, XVII). Навершие этого экземпляра оформлено в виде загнутого в полтора оборота клюва хищной птицы, в верхней части которого показан ребристым орнаментом «гребешок» или восковица и длинное овальной формы ухо (грифон?). Оригинально также и перекрестье, повторяющее изображение головы «грифона» на навершии с загнутым клювом и длинным ухом. Примечательно, что навершие и перекрестье симметрично противопоставляются друг другу (т.е. в любом положении меча, одно из

изображений оказывается перевернутым). Такое противопоставление аналогично способу оформления зооморфных антенн на вершиях скифских мечей.

Если суммировать хронологические наблюдения по кинжалам типа Гэйчана, окажется, что подтверждается предварительная датировка А. Вулпе в рамках «второй половины VI – первой половины V в. до н.э.» (Vulpe, 1990, s. 60). Повышая эту датировку до конца V в. до н.э., следует отметить, что большая часть комплексов тяготеет, все-таки, к началу – первой половине V в. до н.э. Географически, находки кинжалов типа Гэйчана практически не выходят за пределы лесостепной зоны, концентрируясь в трех регионах – Карпато-Подунавье, Днепровской лесостепи (главным образом, правобережной) и Предкавказье (Закубанье) (рис. 7). В связи с реалистичными навершиями акинаков типа Гэйчана следует упомянуть чрезвычайно распространенные на территории Евразии «грифовые кинжалы» (реже – «грифовые»). Навершия этих кинжалов, подобно гэйчанским представляют собой противопоставленные изображения ушастых грифонов, выполненных в реалистичной манере. Особо выделяется несколько регионов, где подобные кинжалы были наиболее популярны: Волго-Уралье, Семиречье, Западная Сибирь и Северный Китай (рис. 10).

Восточные параллели – «грифовые» кинжалы Евразии

В степях Южного Урала (рис. 11) известно несколько погребальных комплексов с кинжалами, навершие которых в виде противопоставленных грифонов¹⁰, среди них: курган 1 могильника Сынтас (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 142, рис. 4, 2), курган 5 и 9 могильника Бесоба (Васильев, 2001, рис. 5, 7–9), разрушенный курган у с. Котлик (Таиров, 2000, рис. 53: 1) и курган у Филипповки с парадным мечом (Золотые олени, 2003, кат. 7). Все они, кроме последнего экземпляра,

¹⁰ Возможно, к «грифовым» акинакам следует отнести экземпляры (испорченные коррозией) из кургана 7 у с. Сара рубежа VI–V вв. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 17, рис. 2, 5) и кургана 2 у ст. Павловская Оренбургской области (Нефедов, 1899, с. 30, рис. 6), на что указывалось ранее (Дэвлет, 1968, с. 33; Исмагилов, 1980, с. 221). Кроме того, близка к описываемым экземплярам бронзовая рукоять железного кинжала из погребения 98 Аозинского могильника VI в. до н.э. (Халиков, 1977, с. 170, рис. 60, 9), навершие которого также состоит из протом обращенных друг к другу голов животных (по А.Х. Халикову – собачьих).

датируются в пределах конца VI–V вв. до н.э. (Денисов, 2010, с. 229), Филипповский курган относится уже к IV в. до н.э. (Пшеничнюк, 2001, с. 37)¹¹. Комплекс предметов из разрушенного кургана у с. Котлик (нож и крючок в зверином стиле, наконечники стрел) позволяют отнести его к V в. до н.э. (Таиров, 1995, с. 115; 2007, с. 26). Большая серия случайных находок происходит с территории Башкортостана – пещеры Алиант-тау у с. Абзаново Зианчуринского района, д. Нарбутово и Мукачехо Кугарчинского района (Исмагилов, 1980, рис. 1, 1–3), д. Малое Ибраево Аургазинского района, Новоданиловка Миякинского района, г. Стерлитамак (Исмагилов, 2001, табл. I, 5–7) и с. Верхний Авзян Белорецкого района (Otchir-Goriaeva, 2000, fig. 8, 3). В Зауралье случайная находка кинжала с зооморфным навершием¹² была обнаружена у с. Долгодеревенское Сосновского района Челябинской области (Таиров, 2007, рис. 2, 2). Из Костанайской области Казахстана происходит еще один экземпляр (L'Uomo d'oro, 1998, p. 202, cat. 388). В Поволжье, на территории Самарской области такие кинжалы известны по случайным находкам из с. Большой Толкай (Денисов, 2010, с. 229, рис. 2, 4) и г. Самары (Денисов, Мышкин, 2008, с. 66, рис. 4, 11). В Волго-Камье, на территории ананьинской культуры рукояти с навершием в виде грифонов были обнаружены на городище Грахань (Нефедов, 1899а, с. 53, рис. 7) и в бывшем Ядринском уезде Казанской губернии (Tackenberg, Sidorov, Tallgren, 1931, s. 178). Обращает на себя внимание необычное перекрестье ядринского акинака, также трактованное в зверином стиле. Подобные перекрестья сопровождают акинаки т.н. марычевского типа, которые относят к раннескифскому времени. Для данного типа характерны массивные бабочковидные перекрестья, украшенные головами грифонов со спирально загнутыми клювами геометрический орнамент на рукояти. Еще К.Ф. Смирновым был отмечен ряд «кавказских» черт в оформлении самого марычевского акинака – кольчатый орнамент,

¹¹ В настоящее время курган 1, как и весь Филипповский могильник, датируется (по переднеазиатскому импорту и западным аналогиям) концом V — серединой IV в. до н.э. (Трейстер. Яблонский, 2012: 268, 284).

¹² Автор первой публикации не без оснований считает, что на навершии размещены изображения кошачьих хищников (Таиров, 2007, с. 36), однако остальные признаки (форма перекрестья, оформление навершия) не оставляют сомнений в том, что данный экземпляр был выполнен в соответствии с канонами «грифовых» кинжалов.

форма навершия с опущенными концами и т. д. (Смирнов, 1961, с. 13). Р.Б. Исмагилов развил эти положения и также пришел к выводу о кавказском происхождении акинаков типа Марычевка и отнес их ко второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. (Исмагилов, 1989, с. 91). Тем не менее, достоверно датированных комплексов с марычевскими акинаками пока неизвестно. Однако, сравнительно недавно меч марычевского типа был обнаружен на Кавказе – в грабительских отвалах, связанных с погребением у северо-западного подножья горы Верблюды в Пятигорье, на Кавказских Минеральных Водах (Прокопенко, 2014, с. 188, рис. 90а, 9; 91б, 55). Ю.А. Прокопенко датировал меч «IV–III вв. до н.э.» по найденным рядом «одноколычатый железный удилам с крестообразной насадкой и двумя короткими двудырчатым псалиям» (Там же, с. 189). Принимая во внимание все сложности, связанные с обнаружением данного экземпляра, для меча эта датировка все же кажется слишком завышенной. Хотя, не скрою, это создает некоторые предпосылки для «омоложения» марычевских акинаков, к примеру, в рамках «второй половины VI – начала V вв. до н.э.», тем более, что у северо-западного подножья горы Верблюды функционировало святилище этого времени.

Несмотря на очевидную связь грифовых кинжалов Приуралья с восточными, сибирскими образцами, Р.Б. Исмагилов настаивал на их местном производстве (Исмагилов, 1980, с. 221). На это указывает, по мнению автора, тот факт, что они изготовлены исключительно из железа, тогда как тагарские кинжалы сделаны из бронзы. Экземпляры из Волго-Камья, по всей видимости, были также изготовлены местными ананьинскими ремесленниками – этому не противоречат данные спектрального анализа (Кузьминых, 1983, с. 130) и оформление перекрестья ядринского кинжала, аналогичное акинакам марычевского типа. По мнению А.К. Акишева «навершия в виде двух голов грифонов широко распространены только в Южной Сибири, на Алтае, Семиречье, а по мере удаления от этих районов заменяются антенными и когтевидными» (Акишев, 1978, с. 35). При этом сам курган Иссык, предметы из которого анализировал исследователь (включая грифовый меч с золотой инкрустацией), датируется им V в. до н.э. (Там же, с. 39). Тем не менее, мечи и кинжалы с простым антенным навершием в Азиатской Скифии в предскифское и раннескифское время не получают широкого распространения. Кроме

того, кинжалы с навершием в виде противопоставленных голов ушастых грифонов или кошачьих хищников являются доказательством связей южноуральских племен с населением Казахстана и более восточных областей Евразии и Приаралья, Семиречья и Алтая (Таиров, 2000, с. 163, рис. 49, 2). В Юго-Восточном Казахстане, подобный кинжал был найден в окрестностях Алма-аты (Акишев, 1973, табл. II, 2). Также с территории Семиречья (Жетысу) происходит еще одна случайная находка (Чотбаев, 2013, с. 52, кат. 31). В Центральном Казахстане железный кинжал с грифовым навершием был недавно обнаружен у горы Темирши в Каркаралинском районе Карагандинской области (Бейсенов 2014, с. 103, рис. 1). Из Восточного Казахстана происходит еще два экземпляра, один из которых найден у с. Славянка (совр. с. Кайынды Куршимского района Восточно-Казахстанской области) (Stöllner, Samašev, 2013, Kat. 351), точное местонахождение другого неизвестно (Самашев, 2013, с. 132, рис. 276) (рис. 12).

С территории казахского Алтая (рис. 12), в малом кургане 2 Берельского могильника¹³, раскопанном в 1865 г. В.В. Радловым среди прочего был найден фрагмент рукояти меча, обложенной золотой фольгой и увенчанной противопоставленными головками грифонов (Сорокин, 1969, рис. 21, 1, 3). Это пока самая восточная находка церемониального грифового акинака после Иссыка и Филипповки. На востоке скифского мира (например, в савроматской, пазырыкской культуре) образ «мифического орла» появляется не ранее середины VI в. до н.э., в это же время вырабатывается и дуговидная форма перекрестья. Подавляющее большинство кинжалов с противопоставленными головками грифонов или мифических орлов относится ко второй половине VI – первой половине V вв. до н.э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 21). Грифовые кинжалы пазырыкской культуры, в частности, обнаруженный в комплексе в местности Кумуртук (Киселев, 1951, табл. XXX, 11). С.В. Киселев связывал с Минусинской котловиной (Там же, с. 334). В.Д. Кубарев, напротив, не исключает обратного процесса – из

¹³ Не совсем ясно, как именно следует датировать Малый курган 2, однако Большой Берельский курган усилиями Л.С. Марсадолова был помещен между 1-2 Туэктинским и 2-1 Пазырыкским или в рамках «конца VI – первой четверти V в. до н.э.» (Марсадолов, 2015, с. 59). Ранее для Берельской группы предлагалась радиоуглеродная дата «IV–III вв. до н.э.» (Самашев, 2011, с. 198).

Западного Казахстана на Алтай, Туву и затем, в Минусинскую котловину, т.к. обилие находок, по его мнению, свидетельствует о популярности грифовых кинжалов в Центрально-азиатском регионе (Кубарев 1987, с. 57–58). При этом, курган 1 могильника Уландрык-III, в котором был обнаружен оригинальный кинжал (с грифонами как на навершии, так и на перекрестье) (Там же, рис. 20, 1, табл. LVIII, 8) В.Д. Кубарев датировал IV в. до н.э. Хотя сам кинжал, по мнению исследователя, относится скорее к V–IV вв. до н.э. (Там же, 1987, с. 58, 132). Другие экземпляры с противопоставленными головками грифонов были найдены в кургане 4 могильника Тыткескень VI и кургане 2 могильника Кайнду (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, рис. 36, 1, 2) конца VI – начала V вв. до н.э. В ареале каменной культуры, среди комплексов Новотроицкого могильника был обнаружен кинжал, сочетающий черты рожкового и грифового навершия (Шульга, Уманский, Могильников, 2009, с. 148, рис. 108, 7). В ареале каменной культуры известна случайная находка неподалеку от могильника Рогозиха-I, возможно, из разрушенного могильника или культового места (Уманский, Шамшин, Шульга 2005, с. 21, рис. 56, 8). Погребение 26 могильника Староалейка-2, в котором был найден бронзовый кинжал с грифовым навершием датируется VI или, возможно, началом V в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 72). Грифовые акинаки также известны по находкам из могильника Клепиково-I (Фролов, 1996, с. 135) и Белоярского (Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 4). В кургане 19 могильника Новый Шарап-1 (Шульга, 2015, с. 175, рис. 69, 13) был также обнаружен железный кинжал со схематичным грифовым навершием, который относится к раннему этапу каменной культуры – V в. до н.э. (Там же, с. 41). Кроме того, у кинжалов из Горного Алтая – из могильников Майма, Майма-4, Боротал и Чендек-ба (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 63, 10; 65, 1, 2, 4, 6), навершия в зверином стиле также отличаются определенным схематизмом.

Обилие подобных изделий известно в ареале тагарской культуры в Хакасско-Минусинской котловине и на Среднем Енисее (рис. 13), возможно, оттого, что с VI–V вв. до н.э. в декоре наверший тагарских кинжалов геральдические головки грифонов вытесняют все остальные изображения (Бобров, Моор, 2011, с. 150). Большая коллекция из сборов Д.А. Клеменца, В.В. Радлова и И.А. Лопатина состоит из случайных нахо-

док у с. Луговское, с. Табат, с. Новокопенское, с. Аскызское (Клеменц, 1886, табл. IV, 3, 8; XIV, 2, 7), д. Таскино, с. Седельниково, с. Батени, оз. Ишимского, с. Знаменка, с. Бородино, р. Абакана, с. Биря, Тесинской волости, с. Батой, с. Кордачина (Радлов, 1891, табл. XII, 1, 3, 4, 6, 8–10; XIII, 4, 7–9), с. Казанцево, с. Каптырево (Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 1, 2). С территории тагарской культуры аналогичные кинжалы известны по многим другим экземплярам из Минусинской котловины и Красноярского края без точного адреса (Радлов, 1891, табл. XII, 2, 12; Tallgren, 1919, Pl. II, 3; Boroffka, 1928, s. 121, 3; Членова, 1967, табл. 4, 9; 11, 12; Kossack, 1992, s. 98, Abb. 56, 1, 2, 5, 7; Бобров, Моор, 2011, рис. II, 9, 11; Макаров, 2012, рис. 1, 4–7). Их главное отличие от остальных грифовых кинжалов заключается в перекрестье, украшенном симметричными фигурами припавших хищников (Богданов, 2006, с. 90). При этом, перекрестья в виде развернутых в разные стороны голов хищных млекопитающих встречаются только восточнее – на севере Центрального Китая (Янва, Хоучжуан), а перекрестья в виде хищных птиц или грифонов – и на востоке (Лаолунчи, Ордос, Маоцингоу), и на западе (Ядрино, Филипповка). Н.Л. Членова считала, что т.к. эти кинжалы украшены в алтайском зверином стиле и не встречаются в тагарских курганах – они, вероятнее всего, попали в Минусинскую котловину из Западной Сибири, где такие изделия известны, кроме Алтая, в бассейне Оби (Членова, 1981, с. 10). При этом, в самых ранних биметаллических тагарских кинжалах (часть из которых – с изображениями грифонов), железо употреблялось в декоративных целях (Дэвлет, 1968, с. 30). Кроме того, биметаллические кинжалы почти не известны за пределами Хакасско-Минусинской котловины, а на тагарских древностях можно проследить процесс «постепенного превращения бронзовых изделий в железные». Это, по мнению М.А. Дэвлет, указывает на местный характер этих изделий (Дэвлет, 1968, с. 31).

Среди комплексов с грифовыми кинжалами Тувы – курган 18 могильника Темир-Суг-I второй половины VI в. до н.э. (Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151, рис. 3, 3; Шульга, 2015, с. 39, рис. 90, 11). Кроме того, известен экземпляр из могильника саглынской культуры Догээ-Баары-2 второй половины – начала V в. до н.э. (Кубарев, Шульга, 2007, с. 91, рис. 64, 19). Кроме того, в кургане В-3 у г. Казылган был найден кинжал, выполненный в менее реалистичной манере (вместо головок

грифонов – волноты) (Маннай-Оол, 1970, с. 47, рис. 6, 4), аналогичный кинжалу из Маймы на Алтае (Кубарев, Шульга, 2007, рис. 65, 4). В центральной Туве грифовые акинаки известны по находке в могильнике Аймырлыг позднего этапа уюкской культуры V–III вв. до н.э. (Мандельштам, 1992, с. 178, 186, табл. 78, 34). На левобережье Енисея бронзовый кинжал с орнитоморфным навершием был обнаружен на древней поверхности кургана поминального характера (№ 6) могильника Аргалькты I (Трифонов, 1968, с. 176, рис. 1). На территории Монголии, миниатюрный кинжал с противопоставленными фигурками грифонов на навершии был обнаружен в погребении 26 могильника Улангом (Цэвээндорж, 1980, 63-р, 3, 66-р, 5), нижняя дата которого – V в. до н.э. (Novgorodova, Volkov, 1980, p. 39). На территории Синцзяна грифовые кинжалы известны по случайной находке в Джунгарии (Шульга, 2010, рис. 79: 4) и железному экземпляру, найденному на поверхности кургана Сяотунгоу в районе Хами (Кан Ин Ук, 1998, рис. 1, 5). П.И. Шульга оба изделия датировал в рамках второй половины VI – первой половины V вв. до н.э. (Шульга, 2010, с. 77).

В Северном Китае кинжалы с навершиями в зверином стиле встречаются в памятниках культур юйхуанмяо, маоцингоу, таохунбала и янлан (Jin, 2009, p. 137, 152–154) (рис. 14). П.И. Шульга считает, что в эпонимном могильнике Юйхуанмяо кинжалы с навершием в виде двух противопоставленных существ появились намного раньше, чем на Алтае и Туве (Шульга, 2013, с. 385; Шульга, 2015а, с. 123). При этом, они характерны для середины третьего этапа функционирования могильника первой половины VI в. до н.э. (Шульга, 2015а, с. 115, рис. 74). Больше всего комплексов с кинжалами с орнитоморфным навершием Северного Китая происходит из эпонимного могильника Маоцингоу, погребений 45, 58, 59 и 70 (Маоцингоу, 1992, Taf. 23, 1; 27, 1; 29, 4; 36, 4). Все комплексы первоначально были отнесены к ранней фазе могильника: погребения 58 и 45 – к первой половине VI в. до н.э., а погребения 59 и 70 – даже ко второй половине VII в. до н.э. (Rhi, 1992, s. 29; Чжун Сук-Бэ, 1998а, с. 8¹⁴). Однако, по мнению российских исследователей, такая датировка неоправданно занижена, т. к. найденные, к примеру, в

погребении 70 удила с большими кольчатymi окончаниями вряд ли могли появиться ранее конца VI в. до н.э. (Кушакова, Чугунов, 2010, с. 151). Инвентарь погребения 1 могильника Гунсухао культуры таохунбала (Хангин-Ци, округ Ордос) во Внутренней Монголии содержал оригинальный кинжал с «грифовым» навершием (Schimmelpfennig, Kossack, 1992, s. 26, Abb. 12, 1). Кинжалы с навершием в виде хищных птиц происходят главным образом из Ордоса (Salmony, 1933, pl. XXXIX, 1, 2, 4; Loehr, 1949, p. 72, pl. IV, 13). Южнее, в провинции Нинся, в погребении 3 могильника Самэнь (уезд Гуюань, Нинся) культуры янлан бронзовый кинжал с навершием в виде противопоставленных головок птиц был найден вместе с клевцом «гэ» позднего периода Чуньцю VI – первой половины V в. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, рис. 1, 2). Короткие мечи с антропоморфными навершиями также известны и по случайным находкам в провинции Нинся – Сяньма (Yang, Qi, 1999, p. 33, fig. 4, 14), Нидин (Zhong, 1987, p. 774, fig. 3, 1), Янва (Zhong, Nan, 1983, p. 204, fig. 1, 1), Гуюань (Ibid., p. 206, fig. 4), Мачжуан (NXY et al., 1993, p. 29, fig. 16, 1) и провинции Ганьсу – Хоучжуан (Liu, Xu, 1988, p. 415, fig. 5, 6), Лигоу (Ibid., p. 420, fig. 17, 1), Ванцзя (Xu, Guo, 1986, p. 40, Fig. 1, 1).

Суммируя хронологические наблюдения, можно заключить, что «грифовые» кинжалы появляются на широких пространствах скифского мира не ранее середины VI в. до н.э. и известны еще около столетия. При этом, самые поздние экземпляры, датированные V и даже IV вв. до н.э. оказываются парадными формами, для которых обычно характерно некоторое запаздывание. Парадные формы, что интересно, связаны с тремя регионами: Волго-Уральским, Семиреченским и Южно-сибирским. Поэтому определить источник такой инновации как «грифовое навершие» непросто. Несмотря на многочисленные попытки удревнения северокитайских образцов, решить вопрос с китайской прародиной в рамках данной работы пока не представляется возможным. Крайнюю западную периферию в виде Волго-Уралья можно рассматривать как источник дальнейшей эволюции грифовых кинжалов и их последующего проникновения в Причерноморье и Подунавье. Семиречье, в котором грифовые кинжалы не слишком распространены, похоже, также отпадает. Вероятнее всего, роль исходной территории, где формировались каноны изображения и морфология грифового кинжала, более всего

¹⁴ Погребения 45, 58 и 70 могильника Маоцингоу (а также Самэньцунь и Таохунбала) с кинжалами рассматриваемого типа Чжун Сук-Бэ отнес к позднему периоду Чуньцю, к VI или VI–V вв. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998а, с. 8).

подходит центральноазиатскому источнику культуругенеза, включающему Алтай, Туву и Хакасско-Минусинскую котловину. На это может указывать обилие и разнообразие видов грифовых кинжалов (железных и биметаллических), среди которых есть разновидности, характерные исключительно для Саяно-Алтая – изделия с перекрестьями в виде фигур припавших хищников. Кроме того, есть основания считать такое оформление перекрестья более ранним по сравнению с украшенными «мордами» хищников или головками птиц или грифонов, т.к. у последних железные экземпляры преобладают над бронзовыми и биметаллическими (Дэвлет, 1966, с. 8).

Стилизация навершия. Тип Грищенцы

Очевидно, что образ хищной птицы¹⁵ сопутствовал скифскому искусству с момента появления, в том числе и в оформлении оружия архаического периода (например, на ножнах, бутеролях (Топал, 2015, с. 63–70). Однако со второй четверти VI в. до н.э. на архаическую иконографию наложились греческое влияние (мотив волюты), что привело к появлению нового популярного, скифо-греческого мотива (Канторович, 2015, с. 31). При этом, сам скифский звериный стиль эволюционирует с течением времени от четких, но реальных образов к их орнаментальной схематизации (Мелюкова, 1989, с. 101). А.И. Мелюкова считала антенные навершия, трактованные в зверином стиле более характерными для Скифии, нежели простые. При этом, большая часть из них, по мнению исследовательницы, было оформлено в виде когтей хищной птицы и лишь три экземпляра – в виде птичьих или грифоновых голов (Мелюкова, 1964, с. 55). В антенных навершиях поначалу видели лишь стилизованное изображение голов грифонов, хищных птиц или даже тельцов (Бобринский, 1894, с. 164; Миллер, 1910, с. 115; Ростовцев 1925, с. 419). Б.Н. Граков и Н.Я. Мерперт считали, что антенны трактованы как когти хищной птицы («удар меча подобен удару орлиного когтя»), при этом изображения глаз в основании навершия связаны со вторым

мотивом – «зоркости и меткости» (Граков, 1947, с. 70, 71; Мерперт, 1948, с. 78).

В Причерноморье мечи со стилизованным орнитоомфным навершием концентрируются в Днепровской лесостепи, тяготея к Левобережью (рис. 15). Из Перещепинского курганного могильника происходит пара мечей с зооморфным навершием – из погребения 1 кургана 3 2002 г. и погребения 1 кургана 13 (Махортых, 2011, с. 12–13, рис. 1, 1, 2). Навершие первого оформлено в виде загнутых антенн, выступы на поверхности которых позволяют определить его как «клювовидное». А.Б. Супруненко датировал погребение с этим мечом первой половиной – серединой V в. до н.э. (Кулатова, Супруненко, 2010, с. 135). С.В. Махортых также отнес данное погребение к средней (IIa) хронологической группе первой половины V в. до н.э., при этом, ограничив дату комплекса второй-третьей четвертью V в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 150). Навершие меча из погребения 1 кургана 13 также трактовано в зверином стиле, антенны сильно загнуты, а в основании навершие – окружности в виде пары глаз. Стержень рукояти вертикально пересекают два желобка, на одном из бортиков сохранилось желобчатое рифление, имитирующее проволочную обмотку. Этот комплекс С.В. Махортых отнес к поздней (III) группе погребений и датировал его в пределах последней четверти – конца V в. до н.э. (Там же, с. 152).

Из ограбленного погребения кургана 323 у с. Пилипчичи Переяславского уезда Полтавской области происходит обломок рукояти с клинком меча, украшенной в зверином стиле (Приймак, 1994, с. 126–127). Автор публикации датировал его V в. до н.э. В кургане у Спасо-Преображенского монастыря у с. Мгарь Лубенского района Полтавской области был обнаружен меч со фигурным антенным навершием без перемычки между волютами, и окружностями-«глазками» в основании (Ильинская, 1968, с. 90). Рисунок этого меча в монографии В.А. Ильинской (Там же, табл. XLVII, 12) удивительным образом напоминает рисунок А.И. Мелюковой меча из кургана 2 у с. Волковцы (Мелюкова, 1964, табл. 20, 9). А тот факт, что этот рисунок имеет мало общего с мечом из Волковцов, изображенным на фотографии в «Древностях Приднепровья» (Древности Приднепровья, 1899, табл. VII, 59) дополнительно усложняет и без того непростую задачу идентификации. В.А. Ильинская датировала курган из Мгарского монастыря V в. до н.э., а сам меч отнесла к группе

¹⁵ По мнению А.Р. Канторовича, «тема грифона, пришедшая из древнегреческого и переднеазиатского искусства, оказалась в скифской среде VII–VI вв. до н.э. недостаточно популярной «в чистом виде», замещаясь синкретическими образами». Тем не менее, образ грифона повлиял на широкое распространение образа ушастой птицы – «скифского грифона» (Канторович, 2015, с. 34).

мечей начала – первой половины V в. (Ильинская, 1968, с. 79, 90). На Полтавщине схожий меч был обнаружен в кургане 13 у с. Мачехи (Мачухи) Полтавского района (Ковпаненко, 1961, с. 76, рис. 5, 10). Курган, судя по колчанному набору, датируется не ранее 400 г. до н.э. (Rau, 1929, s. 20–21).

Из Правобережной лесостепи происходят два массивных акинака с навершием, оформленным в виде когтей птицы (Древности Приднепровья, 1900, табл. LV: а, б). Эти мечи (один из которых, меньшего размера, не сохранился) были обнаружены в кургане 4 у с. Берестняги. Данный комплекс содержал богатый инвентарь – чернолаковый килик, лекиф, и, по мнению В.Г. Петренко, датируется второй половиной – концом V в. до н.э. (Петренко, 1967, с. 43). Согласно новым данным, этот курган можно отнести ко второй четверти V в. до н.э. (Полин, 1987, с. 31). Кроме мечей из Берестняг, по мнению В.Г. Петренко, к этому же типу принадлежит кинжал из кургана 24 у с. Куриловка, навершие которого дополнено изображениями круглых орлиных глаз (Петренко, 1967, табл. 33, 10). По всей видимости, к данному типу можно отнести меч из кургана 393 у с. Ковали бывш. Каневского уезда (Галанина, 1977, с. 17, табл. 5, 1). А.И. Мелюкова включила этот меч в группу мечей с бабочковидным перекрестьем и «навершием в виде когтей хищной птицы» V – начала IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56, табл. XVI, 1).

В степи, в погребении 1 кургана 2 у с. Новофедоровка (Голопристанский район Херсонской области) был найден меч с треугольным клинком, две трети которого покрыты каннелюрами, а антенное навершие украшено волютами, закругленными так, что образуют замкнутые кольца (Куприй, 1991, с. 114, рис. 4, 7). Погребение интересно наличием чешуйчатого панциря и наборного шлема, характерных, в основном, для V в. до н.э., хотя мендейские амфоры из погребения С.А. Куприй датировал по И.Б. Брашинскому IV в. до н.э. Могильник суммарно датирован автором публикации первой четвертью IV в. до н.э., по всей видимости, на основе клейм Сотера и Архестрата на амфорных фрагментах из насыпи кургана 1 (Там же, с. 117). По данным С.Ю. Монахова, эти клейма относятся к раннефабрикантской группе гераклеяского клеймения конца V – начала IV вв. до н.э. (Монахов, 2003, с. 128–129), причем Архестрат – к 90–80-м гг. IV в. (Там же, с. 141). К данному типу часто

относят и меч из кургана 1G Марицинского могильника у с. Аджиголь в степном Побужье (Ebert, 1913, Abb. 10) конца VI–V вв. до н.э. Сам курган по античному импорту датируется второй четвертью V в. до н.э. (Гречко, 2010, с. 120).

В грунтовом погребении у с. Пыржолтены в Центральной Бессарабии был обнаружен меч с антенновидным навершием, концы которого обломаны. У его основания прослеживаются два выпуклых кружка, на рукояти и клинке – продольные желобки (Лапушнян, 1979, с. 116, рис. 4: 6). Несмотря на первоначальную датировку комплекса из Пыржолтен VI в. до н.э. (Там же, с. 119), большинство исследователей относят его к первой половине V в. до н.э. (Gawlik, 1998, с. 66; Бруяко, 2005, с. 163).

В Восточном Крыму, в погребении кургана 43 Акташского могильника был найден длинный меч с навершием в виде сильно изогнутых волнот. На рукояти под навершием – кружочки, символизирующие глаза. Перекрестье у этого экземпляра бабочковидное, а верхняя часть клинка с двух сторон украшена каннелюрами (Бессонова, Скорый, 1986, с. 161–162, рис. 4, 1). В погребении также был обнаружен детали конской узды характерных для V в. до н.э. В частности, у нащечников есть прямые аналогии в погребении некрополя Нимфея середины – второй половины V в. до н.э. (Силантьева, 1959, с. 83, 84, рис. 47, 7), что позволило авторам публикации продатировать данный комплекс второй половиной V в. до н.э. (Бессонова, Скорый, 1986, с. 165). А.Ю. Алексеев отнес курган 48 Акташского могильника к третьей четверти V в. до н.э., к поздним погребениям второй группы комплексов V в. до н.э., для которых характерно появление подвесок в виде «замочков» и длинных ворворок (Алексеев, 1991, с. 51, рис. 2, 22).

Из кургана 7 Елизаветовского могильника (из раскопок 1954 г.) происходит уникальный меч с когтеобразным бронзовым навершием и сердцевидным перекрестьем (Шилов, 1959, с. 14; Граков, 1961, рис. 4). В.П. Шилов на основании формы перекрестья и особенностей навершия предложил датировать данный экземпляр IV в. до н.э.¹⁶, а также – по аналогии с мечом из кургана 5 группы Пятибратних курганов второй-третьей четверти IV в. до н.э. (Шилов, 1959, с. 20). Иного мнения придерживалась А.И. Мелюкова, считая, что меч из кургана 7 – один из немногих доживших до

¹⁶ Хотя, в целом, курган 7 у станицы Елизаветовской датируется концом V – началом IV в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56).

конца V – начала IV в. до н.э., поскольку широкое бабочковидное перекрестье не характерно для других типов, употреблявшихся позднее V в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 56). Технология изготовления железного акинака с бронзовым навершием из кургана 5 Елизаветовского могильника находит аналогии в некрополе Артющенко-2 в южной части Таманского полуострова. В 2010 г. биметаллический акинак¹⁷ схожей конструкции, с массивным бабочковидным перекрестьем и зооморфным бронзовым навершием был обнаружен в погребении 32 (Ворошилов, Кашаев, 2011, с. 29–33, рис. 2). По погребальному инвентарю данный комплекс был датирован второй четвертью – первой третью V в. до н.э. Уникальная форма навершия позволила авторам отнести его к группе антенновидных, хотя и с оговоркой, что по общим очертаниям оно напоминает не столько волюты, сколько бронзовую петлю. Сами волюты представляют собой стилизованное изображение хищной птицы или грифона, с подчеркнутыми глазами и ушными отверстиями. Подобный синкретизм в оформлении рукояти и необычной форме бронзового навершия (обычно повторяющего железные аналоги) авторы связывают с греческим влиянием, и, возможно, с адаптацией данного экземпляра в инокультурной среде (Там же, 2011, с. 32). Также, в кургане 36 Елизаветовского могильника был обнаружен меч с антенным навершием, одна из сохранившихся волют передает форму когтя хищной птицы (Копылов, 1980, с. 26, рис. 1: 5). Кроме того, у основания навершия хорошо различимы контуры двух глаз. На основе амфорного материала (находка фасосской амфоры), погребение было датировано второй половиной или, скорее, третьей четвертью V в. до н.э. К тому же типу автор отнес и меч из кургана 45, также относящегося к третьей четверти V в. до н.э. Несмотря на плохую сохранность данного экземпляра, «троекратная угловатость» волют позволила В.В. Копылову сделать вывод об оформлении навершия в виде когтей хищной птицы.

¹⁷ Другой железный меч с бронзовым навершием был обнаружен в Северо-Западном Крыму, в погребении 2 кургана 4 между селами Славное и Рылеевка (Колтухов, 2012, с. 73, рис. 60, 13). По мнению С.Г. Колтухова, технология изготовления и крепления навершия меча характерна больше для греческих мастеров, нежели для скифских, поскольку таким же образом крепилось навершие у некоторых экземпляров махайр. Погребение датировано по фасосским амфорам серии I-A серединой V в. до н.э. (Там же, с. 73).

Схож по пропорциям меч, найденный при строительстве Большого Терско-Кумского канала в Ставропольском крае (Лукьяшко, 2011, с. 155). Кроме фрагментированного ажурного навершия, которое может быть трактовано в виде двух птичьих голов, его, как и пыржолтенский меч, отличает необычно высокое бабочковидное перекрестье. Автор публикации датировал его V в. на основании сходства с мечом из кургана 3 в урочище «Стайкин верх», однако существуют и другие основания. Так, кроме пропорционального сходства с клинком из Пыржолтен, у необычного перекрестья есть убедительная аналогия – перекрестье меча из погребения 13 1931 г. Таманского некрополя, которое по совокупности чернолакового импорта датируется третьей четвертью – второй половиной V в. до н.э. (Гайдукевич, 1959, с. 162).

На немногочисленную кавказскую серию акинаков с антенным навершием, трактованным в виде пары когтей хищной птицы, в основании которых изображены глаза, обратил внимание В.Б. Виноградов. В эту группу исследователь включил десяток мечей и кинжалов, происходящих из окрестностей Нальчика, погребения 4 Белореченского могильника (Виноградов, 1972, рис. 22, 9). Зооморфизм наверший передан с различной степенью детализации – от «реалистичного» навершия из станицы Николаевской (Там же, рис. 3, 3), более схематичного белореченского к условным формам двух кисловодских, алероевского и лугового, мескер-юртовского, двух закутинских мечей до полностью стилизованных шалушкинского и нальчикского акинаков (Там же, с. 107). Из станицы Николаевской и погребения 1 кургана 1 у Мескер-юрта (отнесенного к V в. до н.э.) происходит два меча, антенные навершия которых украшены изображениями глаз (Там же, рис. 3, 3; 5, 2), причем рукоять николаевского экземпляра также оранментирована в центральной части продольными насечками, а по краям – поперечными. Из Шалушкинских курганов VI–V вв. в Кабардино-Балкарии известно не менее трех экземпляров данного типа, среди которых один (без номера) с кружками в основании навершия, плоской в сечении рукоятью, украшенной продольными и поперечными насечками (Махортых, 1991, с. 58, рис. 23, 7). В погребении 4 Белореченского могильника был обнаружен короткий меч с изображениями глаз в основании (Виноградов, 1972, с. рис. 22, 9). Погребение датировано по аналогии с другим комплексом из этого

памятника началом V в. до н.э. (Виноградов, 1976, с. 106; Прокопенко, 2014, с. 190). Кроме того, мечи с аналогично оформленным навершием были открыты в грунтовых погребениях Лугового могильника¹⁸ позднекобанского времени (Крупнов, 1960, рис. 40, 7), Шалинского могильника (Шрамко, Солнцев, Фомин, 1963, с. 48–49, рис. 4, 8), разрушенном погребении из Ялхой-Мохка (Махортых, Петренко, 1987, рис. 4, 1) и с. Магас и курганных кочевнических погребениях из Нальчика (Махортых, 1991, рис. 23, 7) и Лечинкая (Вольная, 2002, рис. 1, 6), погребении в г. Пятигорске (Виноградов 1972, рис. 19, 16), могильнике Алерой-1 (Там же, рис. 44, 3). На территории могильника Энергетик-3 (в окрестностях г. Железноводска Ставропольского края), среди разрозненных материалов разрушенных погребений был обнаружен меч прекрасной сохранности (Березин, Маслов, 2012, с. 32, рис. 1, 1). Подобно экземпляру из Лечинкая, меч из Энергетика был богато украшен: рукоять покрыта насечками и валиками, в основании навершия в виде стилизованных когтей нанесено изображение глаз. К местным кавказским подражаниям рассматриваемого типа, вероятно, следует отнести мечи из могильника Гастон-Уота и Урус-Мартана (Мошинский, 2006, с. 16, рис. 7, 4–5).

Одним из первых опубликованных акинаков с орнитоморфным оформлением навершия, бабочковидным перекрестьем и треугольным клинком было случайное приобретение А.А. Бобринского в с. Грищенцы Каневского уезда Киевской губернии (Бобринский, 1914, с. 105, рис. 27). Учитывая этот факт, можно считать данный экземпляр эпонимным, а всю описываемую группу мечей – *типом Грищенцы* (рис. 16–18). Одной из отличительных особенностей данного экземпляра является рукоять, изготовленная из бронзы. В Киевском Государственном историческом музее хранится серия безадресных акинаков, происходящих, вероятно из Среднего Поднепровья (Шрамко, Фомин, Солнцев, 1970, рис. 2, 1, 8; 5). Их отличает наличие бортиков у рукояти и фигурные навершия с изображением пар глаз либо на самих антеннах, либо на основании навершия. Еще один меч неизвестного происхождения находился в античном отделе ГМИИ им. А.С. Пушкина (Мерперт, 1948,

с. 74, рис. 20; 22, 1). С территории Екатеринославской губернии происходит длинный меч с антенным навершием, в основании которого – изображение пары глаз (Мелюкова, 1964, табл. 20, 11). В Днепропетровском музее находится меч, найденный на территории Софиевского парка в г. Умань Черкасской области. Перекрестье уманьского меча бабочковидное, навершие – антенное с волютами, примыкающими к основанию, снабженному орнаментом в виде кружков-глаз (Голубчик, 1986, с. 79, рис. 1, 3).

В 1981 г. в Одесский археологический музей поступил меч, случайно обнаруженный на окраине г. Котовск (*сейчас* – г. Подольск Одесской области) (Охотников, 1984, с. 112). Антенное навершие котовского экземпляра трактовано в виде когтей хищной птицы, а в основании навершия – углубления, связанные с изображением глаз. По сумме аналогий, автором публикации был сделан вывод о датировке данного экземпляра V в. до н.э., вероятнее всего, первой его половиной (Там же, с. 113). На границе степи и лесостепи, в пойме Южного Буга в 1957 г., возможно, неподалеку от г. Вознесенска Николаевской области, был обнаружен меч с антенным навершием в виде птичьих когтей и бабочковидным перекрестьем (Гребенников, Недопако, 1984, с. 126–127, рис. 1). Волюты навершия смыкаются с его основанием, украшенным округлыми выпуклостями, имитирующими глаза. Два экземпляра грищенецкого типа известны по случайным находкам в Западном Закубанье – у станицы Раевской и с. Су-Псех (Новичихин, 2006, с. 46, 47, рис. 53, 5; 54, 1).

В Карпатском бассейне, одна из самых ярких находок была обнаружена случайно в 1869 г. на р. Олт у с. Доболий-де-Жос (Альдобой) в жудеце Ковасна (Orbán, 1869, о. 36). Отличительная особенность данного экземпляра – выдающиеся размеры, общая длина 112,5 см при длине клинка 97,5 см. Навершие выполнено в виде двух пар симметрично расположенных когтей, нижняя пара снабжена окружностями-«глазками». Кроме того, в зверином стиле оформлено не только навершие, но и перекрестье – в виде двух хищников (львов, по А. Вулпе) с открытой пастью. И если интерпретация изображений на перекрестье не вызывала дискуссий, то навершие в разное время трактовалось как пара дельфинов (Pârvan, 1926, p. 387; Ginters, 1928, s. 42), птичьих (Fettich, 1928, p. 144; Nestor, 1933, p. 145) или грифоньих голов (Ростовцев, 1925, с. 607). А. Вулпе на основе аналогий из кургана 401 у Журовки предложил датировку экзем-

¹⁸ Погребение 64 Лугового могильника кроме акинака содержало набор уздечных бляшек в скифском зверином стиле, в том числе, крыловидный нашечник, который можно отнести к середине – третьей четверти V в. до н.э. (Алексеев, 1991, с. 51, рис. 2).

пляра из Доболий-де-Жос в рамках первой половины V в. до н.э. (Vulpe, 1990, s. 63; 2000, p. 229). Обломанный меч с навершием в виде волют и «глазками» в основании был обнаружен и к югу от Дуная, у с. Гозница Ловечской области Болгарии (Попов, 1929, с. 280, обр. 138, 6; 143).

В бассейне Верхнего и Среднего Дона известна серия случайных находок мечей данного типа. Так, в Добровском районе Липецкой области, у с. Малый Хомутец был обнаружен кинжал с ложнотреугольным перекрестьем, когтевидным навершием и орнаментом в виде пары глаз на основании навершия (Клоков, 1996, с. 131, рис. 2, 12; 5, 12). Меч из с. Пиликовка Елецкого района, опубликованный Н.Я. Мерпертом, практически идентичен предыдущему, за исключением того, что концы антенн навершия примыкают к основанию, а излом антенн более резкий, трехколенчатый (Мерперт, 1948, с. 77, рис. 22, 2). В Воронежской области кинжал грищенецкого типа был найден у пгт Анна (Медведев 1999, рис. 51, 14), в Курской области – у с. Канищево Тимского района (Воронина, 1962, рис. 1, 11) и с. Афанасьевка Советского района (Апальков, 1995, рис. 2, 11).

Восточные такие мечи и кинжалы известны по находкам в г. Пенза (у Татарского моста) (Гуляев, 1961, рис. 1, 2), с. Озерки (близ г. Актарска) Саратовской области (Максимов, 1959, рис. 1, 1), с. Красные Дубки Сергиевского района Самарской области (Мышкин, Скарбовенко, 2000, рис. 11, 2). На территории Волго-Камья оригинальный меч аналогичной схемы был найден у г. Свияжск¹⁹ Зеленодольского района Татарстана. Фрагмент железного кинжала с навершием в виде схематично изображенных птичьих голов-когтей известен из Ананьинского могильника (Tallgren, 1916, fig. 8). В Предуралье мечи типа Грищенцы были случайно обнаружены в имении Соловка (сейчас – с. Саловка Бугурусланского района Оренбургской области) (Смирнов, 1961, с. 20, рис. 4, 1) и г. Стерлитамак, в Башкортостане (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 239, 240, рис. 1, 8).

Интересно, что «глазки» в основании навершия появляются и на акинаках совершенно другого типа, возникшего, вероятно, также на базе грифовых кинжалов. К этому типу относится яркая, но пока немногочисленная серия изделий с навершием в виде противопоставленных фигур или голов хищников,

формирующих прямое навершия. Она локализована на территории Волго-Уральского региона и представлена случайными находками из Истамгула, Висимской дачи, Ильинского, Белебея, Измайлово, Янгискаина, Дёмы, Верхнего Алыштана, Уршака и Варны. На навершии последних двух экземпляров – из Уршака в Башкортостане (Там же, рис. 1, 11; Otchir-Gogiaeva, 2000, fig. 8, 14) и Варны Челябинской области головы птиц повернуты затылками друг к другу, и одна пара глаз расположена в верхней части рукояти (Горбунов, Исмагилов, 1976, с. 241, рис. 1, 11).

Схожие по оформлению мечи встречаются и намного восточнее. Длинный парадный меч с «глазками» под навершием был найден в 2008 г. на Алтае, у с. Ключи Тюменцевского района (Фролов, 2016, с. 57, 58, рис. 1, 1, 2) Из окрестностей Красноярска происходит экземпляр, который в данный момент хранится в Красноярском музее (Макаров, 2012, с. 69, рис. 1, 4). Его рукоять также увенчана двумя птичьими головами, клювы которых задраны почти вертикально, а глаза помещены в основании навершия. По такой же схеме выстроено навершие бронзового кинжала из Малой Ини Минусинского района Красноярского края (Бобров, Моор, 2011, рис. II, 10). При этом данный экземпляр снабжен двумя парами «глазков» в основании. Биметаллический меч (с железным клинком и бронзовой рукоятью) грищенецкого типа был случайно обнаружен в Якутии, на берегу р. Лены, в окрестностях г. Киренска (Окладников, 1955, с. 190). В основании навершия, правда, отсутствуют изображения глаз, однако общая форма позволяет поместить этот экземпляр между относительно реалистичными грищенецкими и сильно стилизованными солошскими. Интересен факт обнаружения кинжала с антенновидным навершием с «глазками» у основания в северном Китае. Бронзовый кинжал «скифского облика» из погребения М1 могильника Бэйсиньбао (уезд Хуайлай, провинция Хэбэй), был найден вместе с бронзовыми сосудами Чуньцю и клевцом «гэ» раннего Чжаньго, т.е. V – начала IV в. до н.э. (Чжун Сук-Бэ, 1998, с. 24, рис. 1, 5). Хотя А.А. Ковалев предлагает более высокую дату: IV–III вв. до н.э. (Ковалев, 2002, с. 120, 183), П.И. Шульга считает этот кинжал характерным для позднего этапа культуры юйхуанмяо VI–V вв. до н.э. (Шульга, 2015а, с. 110–111, 117). Другие кинжалы с «глазками» в основании навершия из Северного Китая были обнаружены в районе Ордо-са и также отличаются значительной степе-

¹⁹ Опубликовано С.А. Васильевым в кандидатской диссертации на основе информации и рисунка С.В. Кузьминых (Васильев, 2002, с. 396, Кат. II-244).

нюю схематичности (Kossack, 1992, s. 99, Abb. 57, 1, 7).

Итак, комплексы с акинаками типа Грищенцы концентрируются главным образом в двух основных регионах: в лесостепной части Среднего Днепра (тяготея к Левобережью) и Северном Кавказе. Судя по хронологии рассмотренных комплексов, тип Грищенцы не выходит за пределы V в. до н.э., при этом, тяготея, скорее, к середине – третьей четверти столетия. Отмечается и другая тенденция – степные комплексы, как правило, позднее лесостепных (за исключением Кавказа). Случайные находки также характерны для лесостепи, и, образуя традиционное скопление в междуречье Десны и Волги, следуют восточнее – в Прикамье и Волго-Уральский регион. Западное направление менее представительно, самые западные находки обнаруживают себя в Северной Болгарии и южной Трансильвании (уникальный меч из Альдобоя). Нельзя не отметить, что отдельные случайные находки попадают в степное пространство, впрочем, эта тенденция полностью себя раскроет уже в классический период.

Тип Солоха и эволюция антенного навершия в классический скифский период

Очевидно, что в классический скифский период ажурное навершие в виде стилизованных птичьих голов или когтей хищной птицы с глазом в основании (Мерперт, 1948, с. 78) является стилистическим развитием более ранних типов наверший, оформленных в реалистичной манере (Мелюкова, 1964, с. 56; Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 80–81). Не вдаваясь в дискуссии о семантической нагрузке такого способа оформления наверший, уместнее перейти к вопросу о функциональных особенностях этого типа акинаков, имеющих и хронологическое значение. Так, к примеру, Р.Б. Исмагилов отмечает исключительно утилитарный характер перекладки между волютами, и считает это поздним признаком наверший, сформировавшихся как тип, по его мнению, к концу V в. до н.э. (Исмагилов, 1978, с. 232–233). Р.Б. Исмагилов объясняет появление перекладки между волютами необходимостью в жесткой конструкции навершия для последующей обкладки его золотой фольгой. По мнению исследователя, данное новшество появилось в греческих мастерских для изготовления парадных «царских» форм, а затем спустя время было воспринято собственно скифами (Там же, с. 232). Следует, правда, учесть, что речь идет не о парадных формах

в общепринятом смысле, а скорее, об элементах похоронной обрядности, т.к. на золотых обкладках «парадных мечей» как правило, отсутствуют царапины, вмятины, потертости, и, следовательно, золотые пластины накладывали на рукояти непосредственно перед похоронами (Черников, 1965, с. 124; Гуляев, 2009, с. 151). Что интересно, такие навершия характерны не только для мечей – нижняя часть железной рукояти зеркала из северо-восточной камеры кургана Чертомлык также оформлено и трактовано в виде «стилизованных когтей хищной птицы» (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 197–198, кат. 118). Оно, по всей видимости, было изготовлено в первой половине IV в. до н.э. (Там же, 1991, с. 126). В солошском стиле оформлена рукоять зеркала из погребения 2 кургана 2 у с. Вишнополь (Григорьев, Скорый, 2011, с. 195, рис. 23). Кроме когтевидного навершия, рукоять орнаментирована рифлеными бортиками по краю и вертикальными углублениями по центру (т.е. имитацией проволоочной обмотки). Чернолаковая мисочка из погребения относится к третьей четверти IV в. до н.э., а могильник в целом датируется последней четвертью – концом IV в. до н.э. (Там же, с. 210). Возможно, так же была оформлена железная рукоять бронзового зеркала из погребения 1 кургана 18 Песочинского могильника на Харьковщине (Бабенко, Чижова, 2005, с. 132, рис. 1, 4). Погребение датируется на основании чернолакового канфара и херсонесского варианта амфоры типа Солоха I третьей четвертью IV в. до н.э. (Бабенко, 2005, с. 165).

А.И. Мелюкова акинаки с навершием, трактованном в зверином стиле объединила в отдельный таксон (II-й подраздел II-го отдела), выделив мечи и кинжалы с когтевидным навершием во второй тип (Мелюкова, 1964, с. 55–59). Однако, представляется, что этому типу акинаков (с сильно стилизованным навершием, оформленным в виде голов птиц/грифонов, волютами с изломами и перекладной) гораздо лучше подойдет эпонимическая номенклатура. А именно, название по одному из первых обнаруженных и одному из самых известных памятников – *тип Солоха*²⁰

²⁰ В общих чертах наблюдения по данному типу были сформулированы автором в процессе сбора аналогий к мечу из погребения 3 кургана 7 у с. Пуркарь (Агульников и др., 2013) и развиты в ряде других статей (Топал, 2014, с. 198–207; Topal, Terna, Popovici, 2014, p. 33–57). Термин «солохский тип» употреблялся, правда и ранее – например в статье В.И. Гуляева (Гуляев, 2004, с. 14). На эту серию мечей ранее обращала внимание

(рис. 20–24). Кроме характерного навершия, данный тип отличают желобки по краям рукояти – имитация проволочной или веревочной обмотки²¹ и относительно частое украшение перекрестья изображениями животных или геометрическим орнаментом.

Собственно, сам меч из Солохи А.П. Манцевич датировала концом V в. до н.э., а боковое погребение, где он был найден, по «чернолаковому килику из Олинфа» и амфорам – рубежом V–IV вв. до н.э.²² (Манцевич, 1987, с. 69, 121). Датировка бокового погребения кургана Солоха, совершенного после возведения кургана и основного погребения менялась от «первой половины – середины IV вв. до н.э.» (Брашинский, 1965, с. 97–98) до «первой четверти IV вв. до н.э.» (Алексеев, 1991, с. 52; 2003, с. 228). Однако А.Ю. Алексеевым отмечается, что большинство вещей из погребения (включая известный меч в ножнах с золотой обкладкой) много старше этой даты, и они могли накапливаться на протяжении долгой жизни их владельцев (Алексеев, 2003, с. 228, 231). Килик же из бокового погребения С.Ю. Монахов датирует ранним IV в. до н.э., а амфорный комплекс – 380-ми гг. до н.э. (Монахов, 1999, с. 240–243).

Курган 2 у с. Гладковщина, в котором был обнаружен аналогичный меч, автор раскопок датирует серединой – второй половиной V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 77). Погребение 1 кургана 6 у с. Тимофеевка с мечом, навершие которого оформлено виде «загнутых внутрь когтей с “глазками”» датируется концом V – самым началом IV в. до н.э. по клейменной хиосской амфоре (Гребенников, 2008, с. 85). Погребение с мечом из кургана 2 у с. Аксютинцы (Бобринский, 1894, табл. XXII, 4) на основании чернолакового килика (Онайко, и И.Б. Шрамко, предположившая, что центром их производства было Бельское городище (ввиду значительной концентрации в бассейнах Ворсклы и Сулы) (Шрамко, 1992, с. 222).

²¹ Еще В. Гинтерс обратил внимание на наличие такой орнаментации меча, по его мнению, для препятствия скольжению рукояти меча в руке (Ginters, 1928, s. 39).

²² Редакция издания «Кургана Солоха» 1987 г. (в лице А.Ю. Алексеева), правда, поспешила не согласиться с этими хронологическими наблюдениями, сетуя на то, что А.П. Манцевич не учла аналогии с Афинской агоры, неправильно определила центр изготовления чернолаковой посуды, а раздел, посвященный амфорной таре вообще был написан в 50-е гг. без учета работ И.Б. Брашинского. В примечаниях предлагается дата для античного импорта «начало – первая половина IV в. до н.э.» (Манцевич, 1987, с. 121, от редакции).

1966, с. 61), наиболее распространенного во второй четверти V в. до н.э. (Sparkes, Talcott, 1970, p. 268, no. 469–472), датируется не позднее середины V в. до н.э. (Григорьев, 1994, с. 75). Курган 3 Перещепинского могильника, во 2-ом погребении которого был обнаружен меч со схематичным антенным навершием, рукоятью обтянутой золотым листом (Шрамко, 1994, с. 124, рис. 7, 1; 8). С.В. Махортых отнес к поздней (III) группе комплексов могильника, которая датируется «последней четвертью – концом V и/или началом – первой половиной IV в. до н.э.» (Махортых, 2011, с. 14). Наконечники стрел из колчанного набора из этого погребения, при этом, надежно датируются концом V – первой третью IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). В правобережном Поднепровье, на Жаботинском поселении, в погребении конца V – начала IV в. до н.э. был также обнаружен меч с «когтевидным навершием и ложнотреугольным перекрестьем» (Петренко, 1967, с. 43, табл. 33, 18). Погребение в кургане 3 в урочище Стайки Верх у с. Аксютинцы – вероятно, одно из самых ранних, и датируется по зеркалу античной работы второй половиной VI – началом V в. до н.э. Однако, исходя из сильной потертости зеркала, свидетельствующей о сравнительно долгом употреблении, напрашивается вывод о более поздней датировке, вероятно, укладывающейся в первую половину или в самое начало V в. до н.э. (Ильинская, 1968, с. 75). Меч из кургана у с. Софиевка Бориспольского района Киевской области А.И. Мелюкова отнесла к I-му отделу (3-й тип), т.е. с прямым навершием, указав в описании, правда, что навершие не сохранилось (Мелюкова, 1964, с. 51, рис. 18, 10). Однако В.А. Ильинская, опубликовавшая этот меч позже, отметила «волотовидное навершие» и привела более точный рисунок, исходя из которого можно отнести этот меч к *типу Солоха* (Іллінська, 1968, с. 160, рис. 10, 1). Сам комплекс по фигурным бронзовым удилам и бляшкам с изображением хищников В.А. Ильинская датировала V в. до н.э. (Там же, с. 160), однако бляха типа Тузла-Бобрица может датироваться не позднее рубежа V–IV вв. (Канторович, 2012, с. 24). Исходя из стрелкового набора меч в золотой обкладке типа Солоха из кургана 4 могильника Осняги (Городцов, 1911, табл. III: 4) был отнесен к IV в. до н.э. (Ковпаненко, 1967, с. 148; Шрамко, 1976, с. 197) или, по последним данным – к концу V – первой трети IV в. до н.э. (Махортых, 2012, с. 153). На основе сходства ножен парадного меча из

тайника кургана 30 у с. Большая Белозерка с ножнами из Куль-Обы, В.В. Отрощенко датирует данный экземпляр последней третью IV в. до н.э. (Отрощенко, 1984, с. 126).

К типу мечей с когтевидным навершием и ложнотреугольным перекрестьем А.И. Мелюкова отнесла меч из кургана 2 у с. Волковцы. Она же выразила сомнения по поводу принадлежности данного экземпляра этому курганному погребению, т.к. остальной инвентарь (костяные псалии, крестовидная бляха, керамика) указывает на время не позднее VI в. до н.э. (Мелюкова, 1964, с. 58). По мнению В.А. Ильинской, керамика также была бесосновательно отнесена к этому комплексу – раннескифский кубок с резным орнаментом и сосуд эпохи бронзы (Ильинская 1968, с. 49). Вероятно, и крестовидная бляха²³ также была ошибочно приписана к этому погребению, уздечные принадлежности которого находят аналогии в комплексах второй-третьей четверти V в. до н.э. (Гречко, 2012, с. 86–88). Если вернуться к морфологическим особенностям меча, окажется, что рисунок А.И. Мелюковой (Мелюкова, 1964, табл. 20, 9) далек от изображения на фотографии в «Древностях Приднепровья» (Древности Приднепровья, 1899, табл. VII, 59), скорее, он напоминает меч из кургана у Мгарского монастыря у г. Лубны (Ильинская, 1968, табл. XLVII, 12). А экземпляр на фотографии из коллекции Б.Н. и В.И. Ханенко близок по оформлению к мечам *типа Солоха*.

Кроме знаменитых ножен меча, в склепе кургана Куль-Оба были обнаружены фрагменты рукояти (Antiquités, 1892, tabl. XXVII). Несмотря на то, что навершие меча не сохранилось, по другим признакам – широкое бабочковидное перекрестье, имитация обмотки на стержне рукояти, насечки на клинке можно предположить о принадлежности этого меча к *типу Солоха*. Ядро вещевого комплекса кургана Куль-Оба, по мнению А.Ю. Алексеева, относится ко второй половине IV в. (Алексеев, 2003, с. 229). Погребение из склепа, из которого происходит меч, синхронизируют по времени с Чертомлыком, в отличие от погребения под склепом, которое по времени близко впускному погребению из Солохи (Там же, с. 262). По

²³ Хотя исключение крестовидной бляхи из данного комплекса, возможно, и преждевременно. Дело в том, что в данном погребении она обнаружена среди уздечных принадлежностей, что может указывать на вторичное использование этого изделия и, соответственно, на более позднюю дату, чем та, что принята для большинства таких изделий.

клейму и форме фасосской амфоры из насыпи И.Б. Брашинский датировал куль-обинский курган концом третьей – последней четвертью IV в. до н.э. (Брашинский, 1965, с. 104; 1975, с. 37). А.Ю. Алексеев в качестве опорной даты предлагает 330-е гг. до н.э., отмечая, впрочем, тенденцию к понижению хронологии некоторых находок в первую половину IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 262). При этом С.Ю. Монахов датирует одну из позднебиконических амфор с клеймом Аретона 330-ми гг. (Монахов, 2003, с. 70, табл. 46, 1). По всей видимости, это один из самых поздних комплексов с мечом типа Солоха (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 125). Поразительно, что бронзовая пластина с изображением, идентичным тому, что присутствует на ножнах из Куль-Обы была относительно недавно обнаружена в частной коллекции на западе Германии в г. Карлсруэ (Мец, 2006, с. 43, рис. 1; Трейстер 2017, с. 205).

Из центрального погребения (могила 1) кургана 5 у с. Нагорное происходит фрагмент «рифленной» рукояти меча с навершием, на котором отчетливо прослеживается кружок с точкой посередине (Мозолевский, 1973, с. 192, рис. 6, 9). Автор реконструировал навершие как овальное, однако теперь очевидно, что оно было антенновидным орнитоморфным. Курганная группа у с. Нагорное в целом были продатированы концом IV – началом III вв. до н.э. (Там же, с. 234). Уточнить эту дату для кургана 5 практически не представляется возможным ввиду его сильного ограбления, хотя котел²⁴, происходящий из того же кургана и, возможно, рукоять меча могут датироваться более ранним временем. Центральное погребение 3 кургана 11 у пгт Акимовка Запорожской области, содержащее меч с ажурной рукояткой типа Солоха (Болтрик, Фиалко, 2010, с. 117, рис. 6, 2), было отнесено авторами раскопок ко второй половине V в. до н.э. (Там же, с. 120). Основой для датировки стали уздечные наборы с псалиями Г-образной и S-видной формы, ременными обоями с ромбовидным щитком (Там же, с. 118–120). Курган 2 у с. Петровка Новоайдарского района Луганской области, в тайнике которого был обнаружен меч с антенной рукоятью в зверином стиле, по совокупности инвентаря был датирован IV в. до н.э. (Братченко, Швецов, Дубовская, 1989, с. 176). Однако наносники и ряд блях из погребения обнаруживают аналогии в памятниках конца V – начала IV в. до н.э. и, вероятно,

²⁴ С.В. Полин отнес бронзовый котел из могилы 4 к группе миниатюрных, первой половины IV в. до н.э. (Полин, 2014, с. 119–121).

позволяют сдвинуть дату погребения если не к концу V в. до н.э., то к началу – первой половине IV в. до н.э. В 2011 г. меч *типа Солоха* был обнаружен в хорошо датированном комплексе конца V в. до н.э. (Агульников и др., 2013, с. 274, рис. 6, 7) – погребении 3 кургана 7 у с. Пуркарь. Погребение датировано этим временем на основании клейма фабриканта Эвридама (РФГ) на гераклеийской амфоре и аттической чернолаковой солонки (Там же, с. 279). Среди нижнеднестровских курганов известен комплекс с фрагментом меча с ажурной рукоятью – погребение 1 кургана 9 у с. Талмаза (Синика, 2007, с. 171, рис. 1, 6; Топал 2014а, рис. 1, 2). Это погребения по наконечникам стрел датировано автором публикации концом V – началом IV в. до н.э. (Синика, 2007, с. 178). Возможно, к *типу Солоха* относится экземпляр из аристократического кургана Блинец-2, от которого практически полностью сохранился сохранился клинок с продольными желобками-каннелюрами (Ромашко, Скорый, 2009, с. 33–34, рис. 10, 20). По внешнему виду клинка, авторы раскопок реконструируют его как меч с навершием, «стилизированным в виде когтей хищной птицы» (Там же, с. 33). Курган датируется по совокупности сопровождающего инвентаря (определяющим, в данном случае, стал колчаный набор) последними двумя десятилетиями V в. до н.э. (Там же, с. 87).

Серия из четырех мечей типа Солоха происходит с Нижнего Дона. В 1901 г. у станицы Елизаветовской (Азовского района Ростовской области) учителем церковноприходского училища И.И. Ушаковым был раскопан курган, впоследствии получивший его имя. В Ушаковском кургане, кроме меча, рукоять и ножны которого были покрыты золотой аппликацией, был обнаружен античный импорт, в частности – арибалический лекиф конца V – начала IV в. до н.э. и позднехиосские амфоры IV в. до н.э. Несмотря на серьезную разницу в предлагаемых исследователями датировках от VI–V вв. до н.э. (Kieseritzky, 1902, p. 44–45; Minns, 1913, p. 270; Borovka, 1928, p. 97; Сокольский, 1954, с. 138) и даже VII вв. до н.э. (Tallgren, 1917, s. 77), наиболее вероятной представляется следующая: первая половина IV в. до н.э. (Ростовцев, 1925, с. 531, 532; Шилов 1966, с. 174). И.Б. Брашинский датировал данный комплекс началом IV в. до н.э. на основании фрагментов чернолаковой керамики (Брашинский, 1980, с. 124). С такой датировкой, правда, не согласилась Е.В. Власова, датирующая основное погребение Ушаковского кургана последней четвертью V в., кроме того, она

отмечает, что обкладка ножен была изготовлена раньше этого времени, т.к. ее дважды набивали на ножны (Власова, 1997, с. 37). В погребении кургана 10 1909 г. у ст. Елизаветовской был обнаружен меч, рукоять которого также была обтянута золотой фольгой. Навершие меча украшено «известной стилизацией голов грифонов» (Миллер, 1910, с. 115, табл. V). Н.И. Сокольский, датирует его (по аналогии с мечами из Солохи и Куль-Обы) IV в. до н.э., отмечая, что это «не противоречит остальному инвентарю» (Сокольский, 1954, с. 141). Клейменные гераклеийские амфоры из этого кургана относятся к типу I-4 по и датируются концом V – началом IV в. до н.э. (Монахов, 2003, с. 129), хотя сам комплекс С.Ю. Монаховым ранее был датирован 90-ми гг. IV в. (Монахов, 1999, с. 171). Два других меча, из кургана 4 1910 г. (Сокольский, 1954, с. 139, табл. III, 5) и 34 1911 г. (Миллер, 1914, с. 244, рис. 57) Н.И. Сокольский также датирует IV в. до н.э. «по аналогии с находками из соседних могил» (Сокольский, 1954, с. 181). Возможно, к типу Солоха относится еще один меч из Елизаветовского могильника – кургана 6 1911 г. (Миллер, 1914, с. 229–230, рис. 22) с треугольным клинком и необычно массивным сердцевидным перекрестьем. Навершие состоит из двух волнот, однако из-за сильной ржавчины сложно судить, было ли оно простым или оформленным в виде птичьих (грифоньих) голов (Сокольский 1954, с. 139, табл. III, 2). Погребение датируется аттической чернофигурной котилой второй половиной IV в. до н.э. (Там же, с. 139).

Также к *типу Солоха* можно отнести меч из аристократического комплекса Прикубанья Семибратних курганов. Речь идет о фрагменте клинка из 2-го Семибратнего кургана (Черненко, 1973, с. 68, рис. 2, 12), являющегося полностью идентичным и по пропорциям, и по оформлению (продольные бороздки, формирующие треугольник в верхней трети клинка) мечу *типа Солоха* из поселения Ораное на Киевщине. Этот курган относится к группе «старших» и датируется третьей четвертью V в. до н.э.²⁵ или 460–425 гг. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 296; Горончаровский, 2011, с. 122).

Мечи подобного типа известны также и в савроматских комплексах. Например, из кургана 11 могильника Кара-Оба у с. Джангала (Синицын, 1952, с. 67, рис. 27, 1).

²⁵ Правда, по мнению А.Н. Новичихина, колчаный набор из 2-го Семибратнего кургана позволяют датировать его первой половиной V в. до н.э. (Новичихин, 2006, с. 54; Власова, 2001, с. 130).

К.Ф. Смирнов предположил, что подобным образом оформленные мечи появляются в савроматской среде с Нижнего Дона, где происходил контакт савроматов со скифами и меотами (Смирнов, 1961, с. 21). Что касается датировки, савроматские комплексы с мечами этого типа исходя из сопровождающего инвентаря, по мнению В.Н. Васильева, убедительно датируются IV в. до н.э. (Васильев, 2001, с. 39), Н.Е. Берлизов отнес погребение к фазе B_2 общесарматской хронологии (последняя четверть V – первая четверть IV вв. до н.э.), а сам комплекс по аналогии с мечом из Солохи (sic!) датирует в пределах первой четверти IV в. до н.э. (Берлизов, 2011, с. 186–187). «Убедительно» в пределах IV в. до н.э. В.Н. Васильевым датируются и остальные погребения содержащие «мечи и кинжалы типа III подтипа А отдела I» (мечи и кинжалы с узким бабочковидным (крыловидным) перекрестьем и когтевидным навершием) – погребение 1 кургана 18 из Нового Кумака; погребение 3 кургана 5 из Муракаево; погребение из кургана у с. Ибрагимово (Васильев, 2001, с. 39); погребение 7 кургана 16 могильника Лебедевка VII (Железчиков, Клепиков, Сергацков, 2006, рис. 73, 4); курган 7 (Васильев, 2001, рис. 6, б), погребение 3 кургана 15 (Яблонский, 2008, рис. 2) и курган 13 (Яблонский, 2012, рис. 1) Филипповского могильника; погребение 2 кургана 7 Новоорского могильника (Васильев, 2001, рис. 6, 9). Позже В.Н. Васильев отнес серию мечей с когтевидным навершием из этих погребений (по трем кинжалам этого типа из коллективного погребения кургана 1 могильника Сибайский I²⁶) ко второй половине или концу IV в. до н.э. (Васильев, 2001а, с. 171). Однако А.С. Скрипкин настаивает на датировке этой группы мечей второй половиной V – первой половиной IV в. до н.э. (Скрипкин, 2007, с. 41). Возможно, исходя из этих соображений, погребение 20 кургана 9 Кировского I-го могильника было продатировано концом V – началом IV в. до н.э. (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65; Мышкин, Скарбовенко, 2010, с. 93). Следует также упомянуть меч из Сарапулского музея, найденный на могильнике Малые Чеганды (Тальгрэн, 1917, с. 20, рис. 2), отнесенный Б.Н. Граковым к числу скиф-

ских мечей IV–III вв. до н.э. (Граков, 1961, с. 144–146, рис. 3). Кинжал из кургана 7 могильника Сарытау в Западном Казахстане – вероятно, самый восточный комплекс с мечом типа Солоха, датируется С.Ю. Гуцаловым концом V – рубежом V–IV вв. до н.э. (Гуцалов, 2006, с. 248).

Симптоматично, что комплексы, содержащие мечи с когтевидным навершием и перекладиной типа Солоха, датированные IV в. до н.э., либо сами содержат парадные формы мечей, украшенные золотом, либо датируются по аналогии с богатыми погребениями. Для парадных форм особенно справедливо действие механизма хронологического «запаздывания» вещи, т.к. ценные экземпляры вооружения могли храниться долгое время, передаваться из поколения в поколение. Т.е. теоретически погребения могли совершаться и в то время, когда тип уже вышел из употребления. Яркий пример – рукоять ахеменидского меча V в. до н.э. (Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 92–102, 130–131, рис. 67, кат. 192) в кургане Чертомлык конца третьей четверти IV в. до н.э. (Алексеев, 2003, с. 268–269). Тем не менее, тип Солоха, по всей видимости, появляется на рубеже VI–V и существует до конца IV в. до н.э. Хронологически комплексы с акинаками типа Солоха можно разделить на три группы, которые датируются: второй-третьей четвертью V в. до н.э.; концом V – первой третью IV вв. до н.э. и второй половиной IV в. до н.э. Ранние комплексы концентрируются в Левобережной лесостепной Украине, единственный комплекс известен в Прикубанье. Кроме того, в это время изображение акинака типа Солоха появляется на монументальной скульптуре – стеле из Краснодарского музея (возможно, из станицы Преградной) (Миллер, 1925, с. 109, рис. 7) и с. Терновка Николаевской области (Елагина, 1959, рис. 3–6). На краснодарской стеле навершие акинака изображено в типично солошском стиле, детально переданы волюты. Дата краснодарского изваяния уточняется по изображениям грифона и оленя на панцире (Попова, 1976, с. 111) и не выходит за пределы первой половины V в. до н.э. (Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 34). Перекрестье у акинака на терновской стеле подтреугольное, на рукояти выделена продольная полоса (и, по всей видимости, горизонтальное рифление), а навершие трактовано в виде когтей обращенных. Наиболее предпочтительной датировкой данного изваяния, исходя из особенностей изображения навершия лука (в виде орлиной головы), считается вторая половина или

²⁶ Определяющими эту датировку стали обнаруженные в этом погребении зеркала с умбоном в центре диска (тип 5.3 по А.С. Скрипкину), характерные для раннепрохоровского инвентаря. Верхняя дата – рубеж IV–III вв. до н.э. определяется также по этим зеркалам, в III в. до н.э. неизвестным (Васильев, 2001а, с. 171).

даже конец V в. до н.э. (Елагина, 1959, с. 193; Шульц, 1976, с. 220; Петренко, 1986, с. 170; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 18).

Временем самого широкого распространения мечей этого типа стало последнее десятилетие V в. – первая треть IV в. до н.э., с этим хронологическим интервалом связано подавляющее число датированных комплексов. Это также период наибольшего количества парадных форм, рукоять которых, а зачастую и ножны плакированы золотом, правда встречаются они только на левом берегу Днепра и низовьях Дона. Акинаки *типа Солоха* проникают на правый берег Днепра, на юг, в степную часть, на западе доходят до нижнего Днестра, на востоке попадают в Волго-Уральском междуречье. По-видимому, с этим периодом связаны и многочисленные случайные находки в Волго-Донской лесостепи. На завершающей стадии развития во второй половине IV в. до н.э., акинаки *типа Солоха* появляются в Крыму, а также в погребениях Южного Приуралья и Зауралья. Интересно, что именно в этот период появляются зеркала, рукоять которых оформлена в солошском стиле.

На территории украинской Лесостепи случайных находок акинаков типа Солоха немного по сравнению с другими регионами, расположенными восточнее. Один из таких мечей паспортизован как случайная находка из Роменского уезда и, вероятно, происходит из собрания А. А. Бобринского (в ГКИМ) (Мелюкова, 1964, с. 58, табл. XVIII, 10, рис. 20, 8). Два акинака типа Солоха происходят из Черкасской области, с. Вязовок, в обвале берега р. Ольшанка. Несмотря на разную сохранность, орнаментация у них в целом схожая, однако у первого (от него сохранилась рукоять) ручка украшена широким S-видным оранментом (Мурзін, Шлайфер, 2011, с. 30, рис. 2). Еще один акинач солошского типа из Черкасской области происходит из окрестностей сел Самовицы и Дубинка Чернобаевского района (Сиволап, Шелехань, 2014, рис. 1, 4, 4a). В фондах Львовского музея хранится акинач, предположительно, происходящий с территории Подолья или Побужья (Косиков, Павлик, 1992, с. 113, рис. 1, 2). Как и у меча из Вязовок, рукоять украшена меандрическим орнаментом, что позволило авторам публикации произвести довольно смелый вывод о северо-кавказском происхождении этого экземпляра и его возможной связи с киммерийскими традициями (Там же, с. 115). Меч с когтевидным антенновидным навершием был обнаружен в разрушенном кургане у

с. Волосская Балаклея на Левобережье Северского Донца (Бандуровский, Буйнов, 2000, с. 77, рис. 58, 8). И, наконец, самая западная находка акинака *типа Солоха* была обнаружена у с. Агатово в северной Болгарии (Милчев, Ковачев, 1962, с. 40, рис. 2). На основе этой находки, и некоторых других аргументов А.П. Манцевич даже попыталась обосновать фракийское происхождение²⁷ меча из Солохи (Манцевич, 1969, с. 117–118), хотя эта точка зрения впоследствии была подвергнута развернутой критике (Златковская, Мелюкова, 1969, с. 5).

Значительная серия случайных находок происходит из Волго-Донской лесостепи. Короткий акинач длиной с навершием *типа Солоха* происходит из с. Садовка Терновского района Воронежской области (Максимов, Полесских, 1971, рис. 2, 4), по аналогиям авторы датируют его концом V – IV в. до н.э. (Там же, с. 241). К *типу Солоха* можно также отнести и другие случайные находки из Воронежской области – у хут. Вязники Острогожского района и с. Хлебное Новоусманского района (Медведев, 1999, рис. 51, с. 18, 19), из поселения у с. Мастюгино (Ворошилов, Золотарев, 2006, рис. 2, 3). Из Саратовской области происходят мечи, найденные у с. Шняево Базарнокарабулакского района (Скрипкин, 2007, рис. 4, 3, 6), с. Пилюгино Балтайского района (Моржерин, 2004, с. 183), пос. Яблочный Лысогорского района (Ворошилов, 2008, с. 91). В связи с распространением акинаков типа Солоха в данном регионе особый интерес представляет уникальная рукоять биметаллического меча, найденного на территории городецкой культуры, в окрестностях Муром (Aspelin, 1877, р. 191). По наблюдениям Б.Н. Гракова, данный экземпляр восходит к савроматским длинным мечам (Граков, 1961, с. 147), хотя широкое перекрестье и узкий длинный клинок с параллельными лезвиями, скорее напоминают меч из Альдобоя (Vulpe, 1990, s. 63, Taf. 16, 78). Сюжет ажурного навершия, характерного для акинаков типа Солоха в виде когтистой лапы или птичьих голов, вероятнее всего, не был близок создателю меча, и потому не совсем правильно понят. А потеря зооморфности данного навершия красноречиво указывает на факт изготовления не в ананьинской среде, привычной к звериному стилю, а непо-

²⁷ В контексте отождествления бокового погребения кургана Солоха с погребением Октамасада (Алексеев, 1994, с. 14), известного тесными родственными связями с фракийскими династами, эта точка зрения может предстать в интересном свете.

средственно в городецкой (Граков, 1961, с. 147). Аналогичный меч, техника изготовления в деталях совпадает с муромским, был обнаружен в разрушенном погребении в Пьяноборской волости Елабужского уезда (Розенфельд, 1965, рис. 1).

В Нижнем Поволжье, в развеенном погребении в ур. Исикай Красноярского района Астраханской области был найден акинак, фактически аналогичный мечу из могильника Кара-Оба, который можно отнести к типу *Солоха* (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, 4). Из Среднего Поволжья, с территории Самарской области, происходит серия случайных находок акинаков типа *Солоха*. Кинжал из с. Ахрат Похвистневского района сильно корродирован, потому неясно, были ли изображения глаз в основании навершия, а его перекрестье изготовлено из раскованной части клинка (Денисов, 2010, с. 228, рис. 2, б). Известен кинжал с территории г. Самара, найденный в Студенном овраге (Мышкин, Скарбовенко, 2000, рис. 11, 3) и меч из с. Безречье Кинель-Черкасского района (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 8). Из Южного Приуралья известно еще несколько экземпляров мечей и кинжалов, которые можно отнести к типу *Солоха*, в частности, из с. Новая Богдановка (Ростовцев, 1918, табл. VII, 14). На полное совпадение оформления навершия с мечом из *Солохи* и Аксютинец обратил внимание еще М.И. Ростовцев (Там же, с. 58). Следует упомянуть и относительно свежую находку из с. Ивановка Оренбургской области (Денисов, Мышкин, 2008, с. 65, рис. 4, 10). Вероятно, самой северной находкой в лесной зоне может считаться акинак из Пермского Прикамья, найденный в окрестностях поселка Усть-Качка Пермского района (Коренюк, Денисов, 2000, с. 40, рис. 1, 2). Навершие этого экземпляра трактовано в виде пары когтистых лап в три изгиба, соединенных между собой перемычкой, а в основании каждой лапы изображены глаза в виде едва заметных кружочков.

Необходимо отметить, что акинаки типа *Солоха* встречаются и в Зауралье. Так, в Чебаркульском краеведческом музее хранится фрагмент кинжала, найденный на юге Чебаркульского района Челябинской области (Таиров, 2007а, с. 27, рис. 4). Кроме того, есть информация об аналогичном кинжале такого типа из этого района – из пос. Мисяш²⁸. Из Аргаяшского района Челябинской области

происходит акинак с когтевидным навершием и несохранившимся перекрестьем, вероятно, бабочковидной или ложнотреугольной формы (Таиров, Ульянов, 1996, с. 141, рис. 2). Серия случайных находок коротких кинжалов типа *Солоха* были обнаружены в Башкирии – у с. Дадановка недалеко от Стерлитамака, на пашне у с. Тляумбетово Кугарчинского района, с. Акназарово (Байзигиткино) и кинжал, который хранится в Уфе, местонахождение которого неизвестно (Исмагилов, 1978, с. 229–234, рис. 1, 1–4). Еще один беспаспортный кинжал такого типа также хранится в Уфе в Музее археологии и этнографии (Исмагилов, 2001, с. 121, табл. I, 8). Из Стерлитамакского района происходят два схожих акинака с навершием «в виде когтистых лап», отличающихся лишь размерами – из д. Талачево и д. Вязовки (Горбунов, Исмагилов, 1979, рис. 1, 9–10). Вероятно, одной из самых восточных находок мечей типа *Солоха*, может считаться акинак, найденный у с. Воскресенское²⁹ (Смирнов, 1961, с. 22, рис. 4, б). Примечательно, что у этого экземпляра навершие стилизовано до неузнаваемости и «когтевидное» оформление сведено к трем отверстиям в навершии. Это свидетельствует о том, что оформление мечей типа *Солоха* «не законсервировалось, а продолжало эволюционировать в сторону примитизации декора» (Гаврилюк, Таиров, 1993, с. 80). Кроме того, в Зауралье, среди материалов могильника Воробьево I (Шадринский район Курганской области) гороховской культуры известны два акинака с навершием типа *Солоха* из погребений 1 и 4 кургана V (Могильников, 1992, с. 289, табл. 119, 60, 61). На основе наконечников стрел, с учетом аналогий акинакам, эти погребения были датированы V–IV вв. до н.э. (Стоянов, Фролов, 1962, с. 66).

Довольно красноречиво выглядит распространение находок мечей и кинжалов типа *Солоха*. Показательно полное отсутствие в Трансильвании, Алфёльде, румынской Молдове, Крыму и почти полное отсутствие солошских акинаков на Кавказе. Исключение составляет случайная находка (подъемный материал) из 3-го Ялхой-мохкского могильника из Юго-Восточной Чечни (Махортых, 1987, с. 58, рис. 2, 7). Погребения с мечами и кинжалами типа *Солоха* тяготеют к двум основным регионам – междуречью Днестра и Северского Донца и Приуралья. Концентрация мечей в ворсклин-

²⁸ Сообщение об этом сделал В.В. Велитченко на Научной конференции аспирантов и докторантов в апреле 2011 г. в Челябинске.

²⁹ Акинаки типа *Солоха* встречаются и восточнее – к примеру, в окрестностях Тюмени (Матвеева, Матвеев, Зах, 1994) и Петропавловского Приишимья (Хабдулина, Плешаков, 2003, с. 216–218, рис. 1, 2).

ско-посульском регионе навела И.Б. Шрамко на идею о локализации центра их производства. Им, по ее мнению было Бельское городище, кузнецы которого в совершенстве владели обработкой черных металлов и золота (Шрамко, 1992, с. 222). Интересно, что савроматские комплексы с мечами типа Солоха охватывают, в основном, Южное Приуралье. Между Доном и Уралом – огромная масса случайных (реже – плохо документированных) находок. Поэтому карту распространения мечей и кинжалов типа Солоха можно считать прекрасной иллюстрацией к этно-культурной ситуации рубежа V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии (рис. 19).

Уже в позднейшее классическое время, когда с середины IV в. до н.э. центры производства клинкового оружия смещаются в южном направлении, антенное навершие практически исчезает из набора орнаментальных приемов скифских оружейников. Так, тип Солоха формируется, по всей видимости, еще на Лесостепном Левобережье Днепра – для раннего периода его развития (первой половины V в. до н.э.) характерны лишь лесостепные комплексы, к тому же подавляющее большинство «парадных» форм происходит с левого берега Днепра (Топал, 2014, с. 389, рис. 1). Распространение позднейших акинаков типа Чертомлык и, тесно с ними связанных мечей типа Шульговка³⁰, проходило в противоположном (по сравнению с солошским типом) направлении, вероятно с юга на север, из Правобережья Среднего Днепра. Показательно, что лесостепные комплексы с однолезвийными мечами типа Шульговка появляются гораздо позже степных, и располагаются они уже исключительно на правом берегу Днепра. Продолжая сравнение с типом Солоха, можно отметить значительное сужение ареала чертомлыкских мечей и кинжалов, к тому же, восточная граница погребальных комплексов с акинаками типа Чертомлык проходит по Дону. А вторая по значимости концентрация погребений с клинковым оружием занимает уже не Нижнее, а Среднее Подонцовье. Траектория этой финальной линии развития скифских акинаков безусловно является отражением определенных тенденций в скифской культуре конца IV в. до н.э., приведших, в частности, и к исчезновению самого акинака как некой культурной традиции, несмотря

³⁰ Хронология комплексов с мечами типа Чертомлык охватывает весь IV в. до н.э., при этом время наибольшего распространения – третья четверть IV в. до н.э., тип Шульговка не выходит за пределы второй половины IV в. до н.э. (Топал, 2014б, с. 136, 150, рис. 7).

на расхожее утверждение, что к IV–III вв. до н.э. число скифских погребений с клинковым оружием заметно увеличивается (Мелюкова, 1964, с. 46). Поэтому особый интерес представляет недавно опубликованный меч типа Чертомлык из Чигиринского музея (Сиволап, Шелехань, 2014, рис. 1, 5, 5а), обнаруженный у с. Куриловка Каневского района Черкасской области. Стержень рукояти и ложно-треугольное перекрестье украшены рельефными изображениями кошачьих хищников и грифона (?), характерных для чертомлыцкого типа. Этот предмет отличает волнообразное навершие, что для данного типа необычно. Несмотря на убежденность авторов публикации в принадлежности меча «солошской серии» первой половины IV в. до н.э. (Там же, с. 214), аналогии рельефу и форма перекрестья уверенно позволяют отнести меч из Куриловки к типу Чертомлык.

Заключение

Подведем некоторые итоги. Итак, время появления антенного навершия – вторая половина VII в. до н.э. С этого момента простые такие навершия появляются независимо в трех регионах – на Северном Кавказе, Приднепровской лесостепи и Карпато-Подунавье. При этом, не покидает чувство, что для раннескифского времени, антенное навершие является скорее экспериментальным исключением, а не оформленной традицией.

Кроме того, на мой взгляд, подход, при котором выделение таксонов в типологии акинака происходит лишь на основе типа навершия, безнадежно устарел. Амбивалентность в оформлении навершия демонстрирует сама история скифского клинкового оружия на протяжении всех периодов, начиная с раннескифского. Так, нам известны келермесские и гудермесские акинаки с антеннами или волнотами. В среднескифский период нам известны антенны на акинаках типа Шумейко, Феттерсфельде, однолезвийных мечах типа Ноград.

Время широкого распространения антенных наверший – финал среднескифской эпохи (вторая половина VI – V в. до н.э.). Во второй половине VI в. на территории Европейской Скифии появляются акинаки с орнитоморфным навершием, не связанные с раннескифскими центрами производства акинаков с простыми антенными навершиями. По всей видимости, появление орнитоморфных и зооморфных наверший укладывается в рамки общей евразийской традиции – грифовые кинжалы в это время распространены в Волго-

Уралье, Семиречье, Саяно-Алтае, Северном Китае. Тем не менее, орнитоморфное навершие типа Гэйчана появляется на широкой серии мечей и кинжалов с сегментовидным перекрестьем.

Начиная с V в. до н.э. начинается упрощение орнитоморфного навершия, отход от реалистичности. И уже в конце V в. до н.э. орнитоморфное оформление окончательно схематизируется, превращаясь в орнаментальный прием. Со временем, типологическая серия антенных наверший в виде головок хищных птиц, начиная с крупных реалистич-

ных форм, постепенно эволюционирует в сторону минимизации и схематизма, возможно, связанного с утерей изначального представления об образе. Несмотря на широкое распространения схематических орнитоморфных наверший типа Солоха, в рамках данной серии присутствует ряд изделий, исполненных явно в этом же стиле, но снабженные при этом вытянутым овальным навершием. Такие исключения сопровождают и выделенный для финала классической эпохи типа Чертомлык.

ЛИТЕРАТУРА

- Агульников и др. 2013: Агульников С.М., Попович С.С., Церна С. В., Топал Д.А.* Скифский курган № 7 у с. Пуркарь на Нижнем Днестре // *Stratum plus*. 2013. № 3. С. 257–284.
- Акишев К.А.* Саки азиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // *Археологические исследования в Казахстане* / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1973. С. 43–58.
- Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: Искусство, 1978. 132 с.
- Алексеев А.Ю.* Хронология и хронография Причерноморской Скифии V в. до н.э. // *АСГЭ*. 1991. Вып. 31. С. 43–56.
- Алексеев А.Ю.* Этюд об акинаках. // *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л.: ЛФ ЦНТД, ЛНИАО, 1991а. С. 271–280.
- Алексеев А.Ю.* Большие «царские» курганы V–IV вв. до н.э. в Европейской Скифии: хронология и толкования // *Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху: Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г. в Санкт-Петербурге* / АИ; Вып. 18 / Отв. ред. А.Ю. Алексеев и др. СПб.: ИИМК, ГЭ, 1994. С. 12–17.
- Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2003. 417 с.
- Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р.* Чертомлык. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.
- Анфимов Н.В.* К вопросу о населении Прикубанья в скифскую эпоху // *СА*. 1949. Т. XI. С. 241–260.
- Апальков А.Н.* Находки предметов вооружения скифского времени в междуречье Сейма и Сосны // *РА*. 1995. № 2. С. 149–152.
- Атанасов Г.* Късен халщатски некропол при село Правенци, Шуменско // *Годишник на музеите от Северна България*. Вып. XIV. Варна, 1988. С. 21–35.
- Бабенко Л.И., Шелехань О.В.* Кинджали з сегментоподібним перехрестям у зібранні Харківського історичного музею // *Археологія*. 2015. № 4. С. 77–91.
- Бабенко Л.И.* Песочинский курганный могильник скифского времени. Харьков: Райдер, 2005. 284 с.
- Бабенко Л.И.* Новые находки скифских кинжалов на Харьковщине // *Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого* / Отв. ред. С.С. Бессонова. Киев, Полтава: ИА НАНУ, 2009. С. 19–29.
- Бабенко Л.И., Чижова Ю.А.* Зеркала из погребений Песочинского курганного могильника. // *Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України: Матеріали II-ї Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої 85-річчю Луганського обласного краєзнавчого музею*. Луганськ, 2005. С. 131–134.
- Бандуровский А.В., Буйнов Ю.В.* Курганы скифского времени (северскодонецкий вариант). Киев: ИА НАНУ, 2000. 284 с.
- Беговатов Е.А.* Биметаллический кинжал с зооморфной рукояткой из Мурзихинского могильника // *СА*. 1989. № 2. С. 247–249.
- Бейсенов А.З.* Кинжал с зооморфным декором сакского времени из Центрального Казахстана // *Вестник ТГУ. История: Проблемы археологии*. 2014. № 5 (31). С. 103–107.
- Березин Я.Б., Маслов В.Е.* Скифский меч из могильника «Энергетик-3» // *Историко-археологический альманах*. 2012. Вып. 11 / Отв. ред. Р.М. Мунчаев. Армавир: АКМ, Краснодар, М.: ИА РАН, 2012 Армавир-Краснодар-Москва. С. 32–36.
- Берестнев С.И., Бойко Ю.Н.* Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха (препринт). Харьков, 2005. 22 с.
- Берлизов Н. Е.* Ритмы Сарматии. Савромато-сарматские племена Южной России в VII в. до н.э. – V в. н.э. Ч. 1. Краснодар: КГУКИ, Парабеллум, 2011. 320 с.
- Бессонова С.С., Скорый С.А.* Погребение скифского воина из Акташского могильника в Восточном Крыму // *СА*. 1986. № 4. С. 158–169.
- Бобринский А.А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. В 3-х т. Т. 1. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1887. 170 с.

- Бобринский А.А.* Курганы и случайные находки близ местечка Смелы. В 3-х т. Т. 2. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1894. 232 с.
- Бобринский А.А.* Отчет о раскопке в Киевской губернии в 1912 году // ИАК. 1914. Вып. 54. С. 99–108.
- Бобров В.В., Моор Н.Н.* Звериный стиль в декоре тагарских кинжалов // Археология Южной Сибири. Вып. 25. К 80-летию Я. А. Шера / Отв. ред. Л.Н. Ермоленко. Кемерово: КемГУ, 2011. С. 146–151.
- Богданов Е.С.* Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. 240 с.
- Бойко Ю.Н.* Новые исследования курганного могильника у с. Купьеваха // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2008. Вып. 7. С. 204–225.
- Бокий Н.М., Могилко А.Д.* Новое о Мельгуновском кургане // Наукові записки КДПУ. Серія: Історичні науки, Вип. 21: Актуальні проблеми археології та історії раннього залізного віку. Кіровоград: КДПУ ім. В. Винниченка: КДПУ, 2014. С. 26–51.
- Болтрик Ю.В., Фиалко Е.Е.* Скифский курган с ранней уздой из Северо-Западного Приазовья // Боспорские исследования. Вып. XXIII. Симферополь–Керчь, 2010. С. 104–132.
- Братченко С.Н., Швецов М.Л., Дубовская О.Р.* Курган IV в. до н.э. в бассейне Северского Донца // СА. 1989. № 1. С. 170–177.
- Брашинский И.Б.* Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья // Eirene: studia Graeca et Latina. Vol. IV. Praha, 1965. С. 89–109.
- Брашинский И.Б.* Фасосская амфора с клеймом из кургана Куль-Оба // СГЭ. 1975. Вып. XL. С. 36–38.
- Брюяко И.Б.* Ранние кочевники в Европе X–V вв. до Р. Х. Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.
- Васильев В.Н.* Вооружение и военное дело кочевников Южного Урала в VI–II вв. до н.э. Уфа: Гилем, 2001. 153 с.
- Васильев В.Н.* К хронологии раннепрохоровского клинкового оружия и «проблеме» III в. до н.э. // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001а. С. 169–179.
- Васильев С.А.* Искусство древнего населения Волго-Камья в ананьинскую эпоху (истоки и формирование). Дисс. ... канд. ист. наук. СПб.: СПбГУ, 2002. 513 с.
- Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1972. 389 с.
- Виноградов В.Б.* К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова М.: Наука, 1976. С. 147–163.
- Власова Е.В.* Об Ушаковском кургане. // Боспор и античный мир. Сборник научных трудов в честь проф. Е.А. Молева. Нижний Новгород: ННГУ, 1997. С. 29–38.
- Волкобой С.С., Лихачев В.А., Шалобудов В.Н.* Скифский могильник «Славянка» у с. Шолохово на Днепропетровщине // Курганные древности Среднего Поднепровья (III–I тыс. до н.э.). 1979. Вып. 3. Днепрпетровск: ДГУ, 1979. С. 45–60.
- Вольная Г.Н.* Прикладное искусство населения Притеречья середины I тысячелетия до н.э. Владикавказ: Иристон, 2002. 186 с.
- Воронина Р.Ф.* О некоторых кинжалах и акинаках Курской области // Лесостепные культуры скифского времени / МИА № 113 / Отв. ред. А.И. Мелюкова. М.-Л.: АН СССР, 1962. С. 130–133.
- Воронов Ю.Н.* Вооружение древнеабхазских племен в VI–I вв. до н.э. // Скифский мир / Отв. ред. Тереножкин А.И. Киев: Наукова думка, 1975. С. 218–234.
- Воронов Ю.Н.* Научные труды. Т. I. Колхида в железном веке. Сухум: АН Абхазии, 2006. 456 с.
- Ворошилов А.Н.* Случайные находки архаических акинаков как источник по истории лесостепного Подонья в раннескифскую эпоху // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. Материалы тематической научной конференции 16–19 декабря 2008 г. / Ред. Савинов Д.Г. и др. СПб., 2008. С. 91–96.
- Ворошилов А.Н., Золотарев П.М.* Новые находки оружия скифского времени на территории лесостепного Дона // Новик. Вып. 11. Сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета ВГУ / Ред. Ю.В. Селезнев. Воронеж: Истоки, 2006. С. 27–33.
- Ворошилов А.Н., Кашаев С.В.* Уникальный биметаллический акинак из некрополя Артющенко-2 // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии / Материалы и исследования по археологии Юга России. Вып. III. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2011. С. 54–62.
- Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д.* Эволюция некоторых форм савромато-сарматских мечей // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. С. 73–88.
- Гайдукевич В.Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х годов) // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 154–238.
- Галанина Л.К.* Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) / САИ; Вып. Д1-33. М.: Наука, 1977. 68 с.
- Голубчик Л.М.* Скифські мечі та кинджали у збірниках Дніпропетровського історичного музею // Археологія. 1986. № 56. С. 78–81.

- Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 229–247.
- Городцов В. А. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии в 1906 г. // Труды XIV Археологического съезда в Чернигове 1908 г. Т. III / Под ред. П.С. Уваровой. М., 1911. С. 93–161.
- Горончаровский В.А. Синдика в период возведения Семибратних курганов // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 10 / Отв. ред. Э.Д. Фролов. СПб.: СПбГУ, 2011. С. 116–140.
- Граков Б. М. Скифы. Київ: АН УРСР, 1947. 96 с.
- Граков Б.Н. Бронзовая рукоять меча из-под Муромы // СА. 1961. № 4. С. 139–147.
- Гребенников Ю.С. Киммерийцы и скифы Степного Побужья (IX–III вв. до н.э.). Николаев: Илион 2008. 192 с.
- Гребенников Ю.С., Недопако Д.П. Скифский меч из Нижнего Побужья // Вооружение скифов и сарматов / Ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 126–128.
- Гречко Д.С. Курганы конца VI – середины V вв. до н.э. Нижнего Побужья: греки или скифы? // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. Харьков, 2010. С. 116–135.
- Гречко Д.С. О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н.э.) скифской истории // Stratum plus. 2012. № 3. С. 75–106.
- Гречко Д.С. Классическая Скифия: начало (последние десятилетия VI – первая четверть V в. до н.э.) // РА. 2016. Вып. XII (1–2). С. 145–168.
- Григорьев В.П. Захоронение тяжеловооруженного скифского воина у с. Гладковщина // Древности скифов / Ред. Л.П. Ващенко. Киев: Наукова думка, 1994. 63–79.
- Григорьев В.П., Скорый С.А. Скифские курганы у с. Вишнополь на юге Днепровской Правобережной Лесостепи // Stratum plus. 2011. № 3. С. 175–214.
- Гуляев В.И. Мечи скифского типа с территории городищ культуры // СА. 1961. № 4. С. 262–265.
- Гуляев В.И. Еще раз к вопросу об этнокультурной ситуации в Среднем Подонье в скифское время (V–IV вв. до н.э.) // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху / Труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН, 2001–2003 гг. / Отв. ред. В.И. Гуляев. М.: ИА РАН, 2004. С. 7–24.
- Гуляев В.И. «Парадные» мечи V–IV вв. до н.э. из курганов Скифии // Археологические памятники Восточной Европы / Отв. ред. В.В. Килейников. Вып. 13. 2009. Воронеж: ВГПУ, 2009. С. 147–151.
- Гуцалов С.Ю. Могильник Сарытау-1. Курган 7 (скифская эпоха) // Археология Южного Урала. Степь: проблемы культурогенеза / Ред. С.Г. Боталов. Челябинск: Рифей, 2006. С. 246–250.
- Денисов А.В. Случайные находки клинкового оружия раннего железного века с территории Самарского Поволжья. // 40 лет Средневожской археологической экспедиции: Краеведческие записки. Вып. XV. Самара: Офорт, 2010. С. 222–229.
- Денисов А.В., Мышкин В.Н. Клинковое оружие кочевого населения бассейна реки Самары в VII–IV вв. до н.э. // НАВ. 2008. № 9. С. 62–75.
- Дергачев В.А. Бронзовые предметы XIII–VIII вв. до н.э. из Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975. 95 с.
- Дергачев В.А. Металлические изделия к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Нордпонтитского региона. Кишинев: ИА АН Молдовы, 1997. 104 с.
- Древности Приднепровья. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко / Вып. II. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. Киев, 1899. 85 с.
- Древности Приднепровья. Собрание Б.Н. и В.И. Ханенко. Вып. III. Эпоха предшествующая Великому переселению народов. / Ч. 2. Киев, 1900. 62 с.
- Дударев С.Л. Новые данные о кавказском генезисе скифских акинаков. // Сборник научных работ С.Л. Дударева. М.: Илекса, 2011. С. 223–227.
- Дэвлет М.А. Племена бассейна Среднего Енисея в раннем железном веке. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М.: АН СССР, 1966. 23 с.
- Дэвлет М.А. Из истории освоения металлургии железа на Среднем Енисее // СА. 1968. № 1. С. 28–38.
- Евдокимов Г.Л., Мурзин В.Ю. Раннескифское погребение с оружием из Херсонской области // Вооружение скифов и сарматов / Ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 75–82.
- Елагина Н.Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // СА. 1959. № 2. С. 187–196.
- Есаян С.А., Погребова М.Н. Скифские памятники Закавказья. М.: Наука, 1985. 152 с.
- Железчиков Б. Ф., Клепиков В. М., Сергацков И. В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М.: Вост. лит., 2006. 159 с.
- Журавлев 2002: Журавлев Д.В. (ред.). На краю ойкумены. Греки и варвары на северном берегу Понта Эвксинского. Каталог выставки в Государственном Историческом музее. М.: ГИМ, 2002. 144 с.
- Златковская Т.Д., Мелюкова А.И. От редакции. // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / МИА / Ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. 1969. № 150. М.: Наука, 1969. С. 3–6.
- Золотые олени 2003: Золотые олени Евразии / Ред. М.Б. Пиотровский, Кузеев Р.Г. СПб.: Славия, 2003. 62 с.
- Лліньська В.А. Из неопублікованих матеріалів скіфського часу в Лівобережному Лісостепу // Археологія. 1968. Вип. XXI. С. 147–153.

- Ильинская В.А.* Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья). Киев: Наукова думка, 1968. 267 с.
- Исмагилов Р.Б.* Кинжалы позднесавроматского времени из Башкирии // СА. 1978. № 4. С. 229–238.
- Исмагилов Р.Б.* Приуральские акинаки с навершием в виде ушастого грифона и хищного животного // СА. 1980. № 1. С. 219–228.
- Исмагилов Р.Б.* Меч скифского типа: истоки происхождения. // Скифо-сибирское культурно-историческое единство / Материалы I Всесоюзной археологической конференции. / Отв. ред. А.И. Мартынов. Кемерово, 1989. С. 85–95.
- Исмагилов Р.Б.* Клинковое оружие эпохи ранних кочевников из Южного Приуралья (случайные находки) // УАВ. 2001. № 3. С. 117–147.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам / Отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1976. С. 137–156.
- Кан Ин Ук.* Кинжалы скифского времени из Восточного Туркестана // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. Вып. IV / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1998. С. 240–244.
- Канторович А.Р.* Истоки и вариации образов грифона и грифоноподобных существ в раннескифском зверином стиле VII–VI вв. до н.э. // Археологический альманах. Вып. 12. Симферополь, 2010. С. 189–224.
- Канторович А.Р.* Изображения обособленных конечностей хищников в искусстве скифского звериного стиля Восточной Европы: типология, хронология, анализ истоков и эволюция // Stratum plus. 2012. № 3. С. 17–71.
- Канторович А.Р.* Скифский звериный стиль Восточной Европы. Классификация, типология, хронология, эволюция. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. М.: ИА РАН, 2015. 69 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А.* Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: АлтГУ, 2003. 234 с.
- Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951. 643 с.
- Клеменц Д.А.* Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. Томск: Тип. Сибирской газет», 1886. 22 с.
- Клоков А.Ю., Моисеев Н.Б.* Находки скифских мечей и кинжалов в лесостепи. // Записки Липецкого областного краеведческого общества. Вып. 2. Липецк, 1999. С. 26–42.
- Клоков А.Ю.* Находки скифских мечей и кинжалов в бассейне Верхнего Дона. // Археологические памятники лесостепного Придонья. Вып. 1 / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк: ЛГПИ, 1996. С. 122–132.
- Клочко В.І.* Озброєння та військова справа давнього населення України (5000–900 рр. до Р. Х.). Київ: Артек, 2006. 337 с.
- Ковалёв А.А.* Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга / Отв. ред. Г.С. Лебедев. СПб.: СПбГУ, 2002. С. 150–194.
- Ковпаненко Г.Т.* Пам'ятки скіфського часу в басейні р. Ворсклі // Археологія. 1961. Вип. XIII. С. 62–79.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наукова думка, 1967. 188 с.
- Козенкова В.И.* Оружие, воинское и конское снаряжение племен кобанской культуры (систематизация и хронология). Западный вариант / САИ. Вып. В2–5. М.: ИА РАН, 1995. 166 с.
- Козенкова В.И.* Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант / САИ. Вып. В2-5. М.: Наука, 1998. 200 с.
- Козенкова В.И.* У истоков горского менталитета. Могильник эпохи бронзы – раннего железа у аула Серженьюрт, Чечня / МИИКНСК. Вып. 3. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 232 с.
- Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следа разнокультурных инфильтраций в местной среде). М.: Таус, 2013. 252 с.
- Колтухов С.Г.* Скифы Северо-Западного Крыма в VII–IV вв. до н.э. (погребальные памятники) / Археологический альманах. Вып. 27. Донецк: Донбасс, 2012. 268 с.
- Копылов В.В.* Мечи из погребений V в. до н.э. Елизаветовского курганного могильника // КСИА. 1980. Вып. 162. С. 24–27.
- Кореньюк С.Н., Денисов В.П.* Находки мечей ананьинского времени в Пермском Прикамье. // Пермское Прикамье в истории Урала и России (материалы Всероссийской научной конференции). Березники: ПГУ, 2000. С. 39–42.
- Косиков В.А., Павлик А.А.* Скифские мечи из коллекции Львовского исторического музея // Донецкий археологический сборник. 1992. Вып. 2. Донецк: Аверс. С. 113–118.
- Кравец Д.П., Швецов М.Л.* Скифский кинжал из Донбасса // СА. 1987. № 2. С. 253–254.
- Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М.: АН СССР, 1960. 520 с.
- Кубарев В.Д.* Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.
- Кубарев В.Д., Шульга П.И.* Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: АлтГУ, 2007. 282 с.
- Кузьминых С.В.* Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 255 с.
- Кулатова І.М., Супруненко О.Б.* Кургани скіфського часу Західної округи Більського городища. Київ: Гротеск, 2010. 200 с.
- Куприй С.А.* Скифский курганный могильник у с. Нововедоровка на юге Херсонщины. // Курганы степной Скифии / Отв. ред. Ю.В. Болтрик, Е.П. Бунятян. Киев: Наукова думка, 1991. С. 108–117.

Кушакова Н.А., Чугунов К.В. Погребальный комплекс с черепами животных в Центральной Тыве // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы международной научной конференции (Улан-Удэ, 20-24 сентября 2010 г.) / Ред. А.В. Цыбиктаров. Улан-Удэ, 2010. С. 148–156.

Лапушняк В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев: Штиинца, 1979. 142 с.

Левецкий О.Г. Бронзовые изделия раннегалльстатской культуры с каннелированной керамикой Восточно-Карпатского региона (к вопросу о связях) // РА. 1993. № 1. С. 54–82.

Ленц Э.Э. Заметки о предметах вооружения из раскопок 1903 г. близ с. Журовки, Киевской губернии // ИАК. 1905. Вып. 14. С. 54–68.

Лесков и др. 2006: Лесков А.М., Беглова Е.А., Ксенофонтова И.В., Эрлих В.Р. Меоты Закубанья в середине VI – начале III в. до н.э. Некрополи у аула Уляп: погребальные комплексы. М.: Наука, 2006. 192 с.

Лукьяшко С.И. Скифский меч из коллекции Ростовского областного музея краеведения // Вестник ВГУ. 2011. № 1 (19). Волгоград: ВГУ. С. 155–156.

Любин В.П. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // ТКЧНИИ. 1964. Вып. 6. С. 253–261.

Макаров Н.П. Художественная бронза раннего железного века в фондах Красноярского Краевого краеведческого музея // АЮС. 2012. Вып. 26. С. 68–76.

Максимов Е.К. Меч и копье из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1. С. 261–265.

Максимов Е.К., Полесских М.Р. Заметка об акинаках // СА. 1971. № 2. С. 238–242.

Малеев Ю.Н. Галльстатские элементы вооружения в междуречье Днестра и Прута. // *Ziemia polskie we wczesniej epoce zelaza i ich powiazania z innymi terenami* / Red. S. Czopek Rzesów: Muzeum Okręgowego w Rzeszowie, 1992. С. 191–198.

Мандельштам А.М. Ранние кочевники скифского времени на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Маннай-оол М.Х. Тува в скифское время. Уюкская культура. М.: Наука, 1970. 122 с.

Манцевич А.П. Парадный меч из кургана Солоха. // Древние фракийцы в Северном Причерноморье / МИА. 1969. № 150 / Ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1969. С. 96–118.

Манцевич А.П. Курган Солоха. Публикация одной коллекции. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

Марсадолов Л.С. Археологическая дата большого Берельского кургана (к 150-летию начала исследования). // Материалы международной научно-практической конференции «VII Оразбаевские чтения». Алматы: Казак университеті, 2015. С. 55–60.

Матвеева Н.П., Матвеев А.В., Зах В.А. Археологические путешествия по Тюмени и ее окрестностям. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. 101 с.

Махортых С.В. Про кинджали скифського типу з простим антенним навершям // Археологія. 1995. Вип. 4. С. 111–116.

Махортых С.В., Петренко В.А. Новий могильник скифського часу в Чечено-Інгушетії // Археологія. 1987. Вип. 59. С. 52–60.

Махортых С.В. Новые данные о скифо-кавказских контактах. // Скифы Северного Причерноморья. Киев: Накова думка, 1987. С. 53–62.

Махортых С.В. Скифы на Северном Кавказе. Киев: Наукова думка, 1991. 136 с.

Махортых С.В. Мечи и кинжалы из погребений Перещепинского курганного могильника // История оружия. 2011. № 2–3. Запорожье. С. 10–15.

Махортых С.В. Хронология Перещепинского курганного могильника близ Бельска // *Stratum plus*. 2012. № 3. С. 145–160.

Махортых С.В. Конское снаряжение всадников Предкавказья и Украинской лесостепи в VII–VI вв. до н.э. // Всадники Великой степи: традиции и новации / Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. / Отв. ред. Б.М. Хасенова / Т. IV. Астана: ИА им. А. Х. Маргулана, 2014. С. 174–187.

Махортых С.В., Иевлев С.М. Скифские мечи и кинжалы из собрания Национального музея истории Украины // Древности Северского Донца. 2001. Вып. 5. Луганск: Шлях. С. 100–107.

Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1999. 160 с.

Мелюкова А.И. Вооружение скифов / САИ. Вып. Д1-4. М.: Наука, 1964. 113 с.

Мелюкова А.И. Оружие, конское снаряжение, повозки, навершия. // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1989. С. 92–100.

Мелюкова А.И. Новые данные о скифах в Добрудже (к вопросу о «Старой Скифии» Геродота) // РА. 2001. № 4. С. 20–32.

Мерперт Н.Я. Акинак с когтевидным навершием // КСИА. 1948. Вып. 22. С. 74–79.

Мец Ф. О недавней находке в Баден-Вюртемберге // Современные проблемы археологии России. Материалы Всероссийского археологического съезда. Т. II. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2006. С. 43–45.

Миллер А.А. Раскопки в районе древнего Танаиса // ИАК. 1910. Вып. 35. С. 86–130.

Миллер А.А. Раскопки у станицы Елизаветовской в 1911 году // ИАК. 1914. Вып. 56. С. 220–247.

- Миллер А.А.* Новый источник к изучению связи Скифии с Кавказом // ИРАИМК. 1925. № 4. С. 96–114.
- Милчев А., Ковачев Н.* Необнародованы паметници от Севлиево // Археология (София). 1967. № 2. С. 39–46.
- Мирчев М.* Раннотракийският могилен некропол при с. Равна // Известия на Археологическия институт. 1962. Кн. XXV. С. 97–164.
- Могильников В.А.* Ранний железный век лесостепи Западной Сибири. // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время / Археология СССР / Отв. ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 283–291.
- Мозолевский Б.Н.* Скифские курганы у с. Нагорное близ г. Орджоникидзе на Днепропетровщине. // Скифские древности / Отв. ред. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. С. 187–234.
- Монахов С.Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М., Саратов: Киммериды, 2003. 352 с.
- Моржерин К.Ю.* Новые данные о находках вооружения савроматского времени в саратовском Поволжье // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. 1-ая Международная Нижневолжская археологическая конференция. ТД. Волгоград: ВолГУ, 2004. С. 182–186.
- Мошинский А.П.* Древности горной Дигории. VII–IV вв. до н.э. / ТГИМ. Вып. 154. М.: ГИМ, 2006. 208 с.
- Мулкиджанян Я.П.* Новые находки мечей скифо-сарматского времени в лесостепном Подонье // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж: ВГУ, 1983. С. 137–142.
- Мурзин В.Ю., Шлайфер В.Г.* Два акинаки з Черкаської області // История оружия. № 2–3. Запорожье, 2011. С. 30–33.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Кочевники Самарского Поволжья в раннем железном веке // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и Средневековье. М.: Наука, 2000. С. 9–63.
- Мышкин В.Н., Скарбовенко В.А.* Ранние кочевники Самарского Поволжья: история и итоги изучения // Краеведческие записки / Ред. Э.Л. Дубман, Ю.Н. Смирнов. № 15. Самара, 2010. С. 87–100.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Южном Приуралье, произведенных летом 1887 и 1888 гг. // МАВГР. 1899. Вып. 3. С. 1–41.
- Нефедов Ф.Д.* Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. // МАВГР. 1899а. Вып. 3. С. 42–74.
- Николов Б.* Тракийски паметници във Врачанско // ИАИ. 1965. № 28. С. 163–202.
- Новичихин А.М.* Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э (по материалам погребальных памятников). Анапа: РИО СГУТ и КД, 2006. 220 с.
- Окладников А.П.* Якутия до присоединения к Русскому государству. / История Якутской АССР. Т. 1 / Отв. ред. А.П. Окладников. М., Л.: АН СССР. 1955. 440 с.
- Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л.* Скифские изваяния VII–III вв. до н.э. М.: Метео, 1994. 188 с.
- Онайко Н.А.* Античный импорт в Приазовье и Побужье в VII–V вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–27. М.: Наука, 1966. 128 с.
- Отрощенко В.В.* Парадный меч из кургана у с. Великая Белозерка // Вооружение скифов и сарматов. / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 121–126.
- Охотников С.Б.* Скифский меч из г. Котовска Одесской области // Северное Причерноморье (материалы по археологии) / Ред. Г.А. Дзис-Райко. Киев, 1984. С. 112–113.
- Петренко В.Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э. / САИ. Вып. Д1–4. М.: Наука, 1967. 147 с.
- Петренко В.Г.* О юго-восточной границе распространения скифских каменных изваяний. // Новое в археологии Северного Кавказа / Отв. ред. В.И. Марковин. М.: Наука, 1986. С. 158–157.
- Полесских М.Р.* Находка скифского меча в Пензенской области // СА. 1961. № 1. С. 257–259.
- Полидович Ю.Б.* Об одной изобразительной традиции в искусстве народов скифского мира // Номады казахских степей: этносоциокультурные процессы и контакты в Евразии скифо-сакской эпохи / Отв. ред. З. Самашев. Астана: ПЦК РК, 2008. С. 39–59.
- Полін С.В.* Хронологія ранньоскіфських пам'яток // Археологія. 1987. № 59. С. 17–36.
- Полін С.В.* Скифский Золотобалковский курганный могильник V–IV вв. до н.э. на Херсонщине / Курганы Украины. Т 3. Киев: Олег Филюк, 2014. 774 с.
- Попов Р.* Новооткрыти паметници от желязната епоха // Известия на Българския археологически институт. 1929. № 5. С. 273–290.
- Попова Е.А.* Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // СА. 1976. № 1. С. 108–121.
- Приймак В.В.* Уламок меча // ПАЗ. 1994. № 2. С. 126–127.
- Прокопенко Ю.А.* Скифы, сарматы и племена кобанской культуры Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. Ставрополь: СКФУ, 2014. 446 с.
- Пшеничнюк А.Х.* Филипповские курганы в центре скифского мира: открытие и исследования. // Золотые олени Евразии. Каталог выставки в Государственном Эрмитаже, Санкт-Петербург, 18 октября 2001 г. – 20 января 2002 г. / Ред. М.Б. Пиотровский, Кузеев Р.Г. СПб.: Славия, 2001. С. 26–37.
- Радлов В.В.* Сибирские древности. Т. 1. Вып. 2 / МАР. № 5. СПб.: Типография ИАН, 1891. 102 с.
- Розенфельд Р.Л.* Бронзовая рукоять из Пьяного Бора // Новое в советской археологии / МИА. № 130 / Отв. ред. Е.И. Круппнов. М.: Наука, 1965. С. 236–237.

- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепропетровском правобережном Надпорожье. Днепропетровск: Пороги, 2009. 251 с.
- Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма / МАР. Вып. 37. Пг., 1918. 124 с.
- Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л.: РАИМК, 1925. 621 с.
- Самашев З.* Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.
- Самашев З.* Казахское искусство. / Т. 1. Древнее искусство. Алматы: Елнур, 2013. 240 с.
- Сиволап М., Шелехань О.* Клинок зброя скіфського часу в зібранні Черкаського краєзнавчого музею // Наукові записки. 2014. Вип. 21. Серія Історичні науки. Кіровоград, 2014. С. 209–217.
- Силантьева Л.Ф.* Некрополь Нимфея // Некрополи боспорских городов / МИА. № 69 / Отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 5–107.
- Синика В.С.* Скифский курганный могильник у пгт Суворово на правобережье нижнего Днестра // РА. 2007. № 4. С. 170–179.
- Синицын И.В.* Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане // КСИИМК. 1952. Вып. XLV. С. 62–73.
- Скаков А.Ю.* Некоторые проблемы истории Северо-Западного Закавказья в эпоху поздней бронзы – раннего железа // КСИА. 2009. Вып. 223. С. 143–172.
- Скорый С.А., Зимовец Р.В.* Скифские древности Крыма. Материалы одной коллекции. Киев: Олег Філюк, 2014. 180 с.
- Скрипкин А.С.* Клинковое оружие ранних кочевников Нижнего Поволжья VII–IV вв. до н.э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск, 2007. С. 38–50.
- Смирнов К.Ф.* Вооружение савроматов / МИА. № 101. М.: АН СССР, 1961. 168 с.
- Сокольский Н.И.* Боспорские мечи // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. II / МИА. № 33 / Отв. ред. М.М. Кобылина. М.: АН СССР, 1954. С. 123–196.
- Сорокин С.С.* Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 г.) // ТГЭ. 1969. Вып. X. Л.: Советский художник. С. 208–236.
- Стоянов В.Е., Фролов В.Н.* Курганные могильники у д. Воробьево // ВАУ. 1962. Вып. 4. С. 53–87.
- Супруненко О.Б.* Кинджал скіфського часу з-під Полтави. // Археологічні відкриття в Україні 2000–2001 рр. Київ, 2002. С. 247–249.
- Таиров А.Д.* Курган у села Котлик в Южном Зауралье. // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул: АлтГУ, 1995. С. 115–119.
- Таиров А.Д.* Древняя история Южного Зауралья. Т. 2. Челябинск: ЮУрГУ, 2000. 294 с.
- Таиров А.Д.* Некоторые образцы клинкового оружия раннего железного века из Южного Зауралья. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии» / Отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск. 2007. С. 24–29.
- Таиров А.Д., Ульянов И.В.* Случайные находки ближнего боя из коллекции лаборатории археологических исследований Челябинского университета // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск: Аркаим, 1996. С. 139–147.
- Тальгрэн А.М.* Два железных меча в Сарапульском музее // Известия общества изучения Прикамского края. Вып. 1. Сарапул, 1917. С. 20–24.
- Техов Б.В.* Тлийский могильник и проблема хронологии эпохи бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // СА. 1972. № 3. С. 18–37.
- Топал Д.А.* Акинаки классической Скифии: тип Солоха // Война и военное дело в скифо-сарматском мире / Отв. ред. С.И. Лукьяшко. Ростов на-Дону: ЮНЦ РАН, 2014. С. 380–406.
- Топал Д.А.* Акинаки на западных рубежах Скифии. Находки скифских мечей и кинжалов на территории Республики Молдова // *Tyragetia*. Vol. VIII (XXIII), 2014a. С. 7–43.
- Топал Д.А.* Финальная линия развития мечей классической Скифии. Соотношение типов Чертомлык и Шульговка // *Stratum plus*. 2014b. № 3. С. 129–156.
- Топал Д.А.* Биметаллические акинаки типа Гудермес и использование бронзы в изготовлении раннескифского клинкового оружия // МАСП. 2015. № 13. С. 54–79.
- Топал Д.А.* Два среднескифских акинака из Бессарабской лесостепи // *Culturi, procese și contexte în arheologie* / Ed. L. Sîrbu et al. Chișinău: AȘM, 2016. С. 278–285.
- Топал Д.А., Бруяко И.В.* Находки клинкового оружия ранних кочевников из Оргеевского района // *Stratum plus*. 2012. № 3. С. 133–144.
- Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т.* (ред.) Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.). М.: Таус. 2012. 1140 с.
- Трейстер М.Ю.* Бронзовая матрица, найденная в пойме р. Трубезь (об использовании бронзовых матриц с рельефными изображениями в Причерноморье в VI–IV вв. до н.э.). // Старожитності раннього залізного віку. Археологія і давня історія України / Ред. С.А. Скорий. Вип. 2 (23). Київ: ІА НАНУ, 2017. С. 200–207.

- Трифонов Ю.И.* Новые памятники у подножия хребта Аргалыкты // АО - 1967 / Отв. ред. Б.А. Рыбаков. М.: Наука, 1968. С. 174–176.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И.* Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: АлтГГУ, 2005. 204 с.
- Фодор И.* Скифские и сарматские мечи с сегментовидным перекрестьем // СА. 1969. № 3. С. 251–254.
- Фролов Я.В.* Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая / Ред. Ю.Ф. Кирюшин, К.Л. Кунгуров. Барнаул: АлтГУ, 1996. С. 135–143.
- Фролов Я.В.* Меч скифского времени – новая находка с территории лесостепного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 44 (3). С. 56–62.
- Хабдулина М.К., Плеваков А.А.* Случайные находки кинжалов с Приишимья // Степная цивилизация Восточной Евразии. Т. 1. Древние эпохи / Отв. ред. К.А. Акишев. Астана: Култегін, 2003. С. 215–218.
- Халиков А.Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII–VI вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. 262 с.
- Цэвэндорж Д.* Чандманийн соёл (Чандаманьская культура) // Археологийн судлал. 1980. № IX. Улаанбаатар, 1980. С. 34–105. (на монгольск. яз.)
- Черненко Е.В.* Оружие из Семибратних курганов // Скифские древности / Отв. ред. А.И. Тереножкин. Киев: Наукова думка, 1973. 64–81.
- Черников С.С.* Загадка золотого кургана. М.: Наука, 1965. 190 с.
- Чжун Сук-Бэ.* Кинжалы эпохи раннего железа из Северного Китая // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы археологического семинара. Ч. 1 / Отв. ред. Б.А. Раев. Краснодар: КГАК, 1998. С. 23–29.
- Чжун Сук-Бэ.* Проблема взаимоотношений племен Северного Китая с племенами Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа (на основе сравнительного изучения кинжалов и ножей). Автореф. дис... канд. ист. наук. М.: МГУ, 1998а. 24 с.
- Членова Н.Л.* Происхождение и ранняя история племён тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.
- Членова Н.Л.* Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в концеэпохи бронзы и в начале раннего железного века. // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа / Отв. ред. Т.Н. Троицкая. Новосибирск: Наука, 1981. С. 4–42.
- Чотбаев А.* Вооружение древних кочевников казахских степей. Астана: ИА им. А. Х. Маргулана, 2013. 200 с.
- Шамба Г.К., Шамба С.М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга (Джантух). Тбилиси: Мецниереба, 1990. 90 с.
- Шелехань А.В.* Скифские мечи и кинжалы в Причерноморской лесостепи (вариант классификации). // Актуальные проблемы археологии Евразии / Отв. ред. Б.А. Байтанаев. Алматы: ФИА им. А. Х. Маргулана, 2016. С. 355–368.
- Шилов В.П.* Раскопки Елизаветовского могильника в 1954 и 1958 годах // ИРОМК. 1959. № 1 (3). С. 13–28.
- Шилов В.П.* Ушаковский курган // СА. 1966. № 1. С. 174–191.
- Шрамко Б.А.* Новые находки на Бельском городище и некоторые вопросы формирования и семантики образов звериного стиля. // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / Ред. А.И. Мелюкова, М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 194–209.
- Шрамко Б.А.* Из истории скифского вооружения. // Вооружение скифов и сарматов / Отв. ред. Е.В. Черненко. Киев: Наукова думка, 1984. С. 22–38.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наукова думка, 1987. 183 с.
- Шрамко Б.А.* Розкопки курганів VII–IV ст. до н. е. поблизу Більска // Археологія. 1994. № 4. С. 117–133.
- Шрамко Б.А., Солнцев Л.А., Фомин Л.Д.* Техника обработки железа в лесостепной из степной Скифии // СА. 1963. № 4. С. 36–57.
- Шрамко Б.А., Фомін Л.Д., Солнцев Л.О.* Техніка виготовлення скіфської наступальної зброї із заліза й сталі // Археологія. 1970. № 23. С. 40–59.
- Шульга П. И.* Синцзян в VIII–III вв. до н.э. (Погребальные комплексы. Хронология и периодизация). Барнаул: АлтГГУ, 2010. 238 с.
- Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо и кочевнические культуры Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XIX / Отв. ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодин. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. С. 382–386.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Часть II (VI–III вв. до н.э.). Новосибирск: НГУ, 2015. 320 с.
- Шульга П.И.* Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII–VI века до нашей эры). Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2015а. 304 с.
- Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А.* Новотроицкий некрополь. Барнаул: АлтГГУ, 2009. 329 с.
- Шульц П.Н.* Скифские изваяния. // Художественная культура и археология античного мира / Отв. ред. И.Б. Брашинский. М.: Наука, 1976. С. 218–231.
- Яблонский Л.Т.* Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. ММНК«Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 170–177.

Яблонский Л.Т. Прохоровка и Филипповка I – опорные памятники раннесарматской эпохи Южного Приуралья. // Кадырбаевские чтения. Материалы III Международной научной конференции. Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2012. С. 236–241.

Antiquités 1892: Antiquités du Bosphore Cimmérien (1854); réédités avec un commentaire nouveau et un index général des comptes rendus par S. Reinach. Paris: Librairie de Firman-Didot. 1892. 432 p.

Aspelin J.P. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Vol. II. Helsinki: G.W. Edlund, 1877. 72 p.

Boroffka G. Kunstgewerbe der Skythen // Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker. Bd. 1. Berlin: Ernst Wasmuth A. G., 1928. S. 101–157.

Borovka G.E. Scythian art. Translated by V. G. Childe / Hrsg. H.T. Bossert London: Ernest Benn, 1928. 111 p.

Buzdugan C. Pumnale hallstattiene tírzii pe teritoriul României // Cercetări arheologice. 1976. № 2. P. 239–273.

Chochorowski J. Die Vekerzug-Kultur und ihre östliche Beziehungen. Das Karpatenbecken und die osteuropäische Steppe // PAS. 1998. № 12. S. 473–491.

Curtis J., Kruszyński M. Ancient Caucasian and Related Material in The British Museum / The British Museum Occasional Paper. № 121. London: The British Museum, 2002. 128 p.

Donici A. Contribution à l'étude anthropologique des Scythes // Archives suisses d'Anthropologie générale. 1928. № 1 (5). Pp. 321–327.

Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Süd-Russland) // PZ. 1913. № 5. S. 1–80.

Fettich N. Das Tiermotiv der Parierstange des Schwertes aus Aldoboly, Siebenbürgen // PZ. 1928. 19. S. 144–152.

Furtwaengler A. Der Goldfund von Vetttersfelde. Winckelmannsfeste der archäologischen Gesellschaft zu Berlin, Program 43. Berlin: G. Reimer, 1883. 64 s.

Gawlik A. Znaleziska scytyjskie na Wyżynie Mołdawskiej i Besarabskiej // Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. 1998. № 19. S. 53–77.

Ginters W. Das Schwert der Skythen und Sarmaten in Südrussland. Berlin: W. de Gruyter, 1928. 94 s.

Gyucha A., Gulyás G., Török B., Barkóczy P., Kovács A. Connected regions, shared traditions: A unique Middle Iron Age burial from the Danube-Tisza Interfluvium // An der Grenze der Bronze- und Eisenzeit / Hrsg. I. Szathmári. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2015. Pp. 179–198.

Jin J. Chronological and Cultural Framework of Bronzes in Northern China during the 4th to the 3rd Millennia B. P. PhD Thesis. Eberhard-Karls-Universität Tübingen, 2009. 584 p.

Kemenczei T. Pfeilspitzen von Früh-Skythentyp aus Ostungarn // FA. 1994. № 43. S. 79–96.

Kieseritzky G.E. Funde in Südrussland // Archäologische Anzeiger. 1902. № 2. S. 44–46.

Kossack G. Dolche und Gürtelzubehör aus Maoqinggou im Vergleich zu anderen Fundverbänden // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 97–106.

Liu Dezhen 刘得祯, Xu Shuzhen 许淑珍. Gansu Qingyang chunqiu zhanguo muzang de qingli 甘肃庆阳地区春秋战国墓葬的清理 (The Excavation of the Spring and Autumn and Warring States period burials in the Qingyang region, Gansu) // Kaugu 考古. 1988. № 5. Pp. 413–424.

Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology. First part: daggers // Artibus Asiae. 1949. № 12 (1–2), Pp. 23–83.

L'Uomo d'oro 1998: Arbore-Popescu G., Silvi Antonini C., Baïpakov K. M. (ed.). L'Uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni. Milano: Electa, 1998. 253 p.

Maoqinggou 1992: Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. 126 s.

Mihăilescu-Bîrliba V. Akinakai from Moldavia. A new discovery // Thraco-Dacica. 1976. № I. Pp. 109–116.

Minns E.H. Scythians and Greeks. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge: University Press, 1913. 806 p.

Müller-Karpe H. Die Vollgriffschwerter der Urnenfelderzeit aus Bayern / Münchner Beiträge zur Vor- und Frühgeschichte VI. München: Beck, 1961. 134 s.

Nestor I. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1933. № 22. S. 11–181.

Novgorodova E. A., Volkov V. V. Ulangom – ein Gräberfeld der skythischen Zeit aus der Mongolei. // Ulangom. Ein skythenzeitliches Gräberfeld in der Mongolei / Asiatische Forschungen, 76. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982. S. 1–118.

NXY et al. 1993: Ningxia wenwu kaogu yanjiusuo 宁夏文物考古研究所 et al. Ningxia Guyuan Yanglang qingtong wenhua mudi 宁夏固原杨郎青铜文化墓地 (Bronze culture cemetery at Yanglang, Guyuan, Ningxia) // Kauguxuebao 考古学报. 1993. № 1. Pp. 13–56.

Orbán B. A Székelyföld leírása. III. Pest, 1869. 162 o.

Otchir-Goriaeva M.A. A Comparative Study of the Early Iron Age Cultures in the Southern Volga and the Southern Urals Regions // Kurgans, Ritual Sites, and Settlements: Eurasian Bronze and Iron Age / BAR 890. Oxford: Archeopress, 2000. Pp. 194–206.

Parducz M. Le cimetière hallstattien de Szentes-Vekerzug III // AAASH. 1955. № 6. Pp. 1–22.

Pârvan V. Getica: o protoistorie a Daciei. București: Cultura națională, 1926. 964 p.

- Patay P.* Szkíta leletek a nógrádi dombvidéken // FA. 1955. № 7. O. 61–74.
- Petrescu-Dîmbovița M.* Depozitele de bronzuri din România. București: EARPR, 1977. 390 p.
- Popescu E., Vulpe A.* Nouvelles découvertes du type Ferigile // Dacia. 1982. № 26. Pp. 77–114.
- Rau P.* Die Gräber der frühen Eisenzeit im Unteren Wolgagebiet. Studien zur Chronologie der Skythische Pfeilspitze. Pokrowsk: Volkskommissariat für Bildungswesen der Wolgadeutschen Republik, 1929. 112 s.
- Rhi C. S.* Maoqinggou-Kultur und ihre Zeitstellung // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 28–45.
- Salmony A.* Sino-siberian art in the collection of C. T. Loo. Paris: C. T. Loo Publisher, 1933. 120 p.
- Schimmelpfennig M., Kossack G.* Datierung durch die Ausgräber // Maoqinggou: ein eisenzeitliches Gräberfeld in der Ordos-Region (Innere Mongolei) / MAVA 50. Mainz am Rhein: von Zabern, 1992. S. 15–28.
- Sievers S.* Die mitteleuropäischen Hallstattdolche / PBF. Ab. VI. Bd. 6. München: Beck, 1982. 160 s.
- Simion G.* Geții și sciții dinspre gurile Dunării // Carpica. 1992. № 23 (1). Pp. 92–105.
- Sparkes B.A., Talcott L.* Black and plain pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B.C. / The Athenian Agora, V. XII. Princeton, New Jersey: The American school of Classical studies at Athens, 1970. 500 p.
- Sprockhoff E.* Die germanischen Vollgriffschwerter der jüngeren Bronzezeit / Römisch-Germanische Forschungen 9. Berlin, Leipzig: de Gruyter, 1934. 142 s.
- Stockhammer P.* Zur Chronologie, Verbreitung und Interpretation urnenfelderzeitlicher Vollgriffschwerter / Tübinger Texte. Materialien zur Ur- und Frühgeschichtlichen Archäologie. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf, 2004. 300 s.
- Stöllner, Samašev 2013:* Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). Unbekanntes Kasachstan – Archäologie im Herzen Asiens. Katalog zur Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Bd. II. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum Bochum, 2013. 532 s.
- Tackenberg K., Sidorov A., Tallgren A.M.* Miscellanea archaeologica // ESA. 1929. № VI. S. 175–180.
- Tallgren A.M.* Collection Zaoussaïlov au Musée historique de Finlande à Helsingfors 1. Catalogue raisonné de la collection de l'âge du bronze. Helsingfors: Édité par la Commission des collections Antell, 1916. 45 p.
- Tallgren A.M.* Collection Tovostine des antiquités préhistoriques de Minoussinsk conservées chez le dr. Karl Hedman à Vasa: chapitres d'archéologie sibérienne. Helsingfors: K. F. Puromiehen kirjapaino o.-y., 1917. 93 p.
- Tallgren A.M.* Trouvailles isolées sibériennes préhistoriques au Musée National de Finlande. Helsinki, 1919. 276 p.
- Topal D., Golec M.* Vekerzug culture and new finds of Scythian akinakai in Moravia // Tyragetia 2017. Vol. XI (XXVI), P. 7–22.
- Topal D., Țerna S., Popovici S.* Akinakai de tip Soloha în contextual unei noi descoperiri de la Nistrul de Jos // Peuce. 2014. № XII. Pp. 9–67.
- Vasiliev V.* Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca: Dacia, 1980. 186 p.
- Vulpe A.* Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică / Biblioteca de arheologie 9. București: Editura ARSR, 1967. 208 p.
- Vulpe A.* Archäologische Forschungen und historische Betrachtungen über das 7. bis 5 Jh. Im Donau-Karpatenraum // MA. 1970. Vol. II. S. 115–214.
- Vulpe A.* Zur Chronologie der Ferigile-Gruppe // Dacia. 1977. № Vol. XXI. S. 81–111.
- Vulpe A.* Descoperirile hallstattiene din zona Aiudului // Thraco-Dacica. 1984. № 5. Pp. 26–63.
- Vulpe A.* Die Kurzschwerter, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien / PBF. Ab. 4. Bd. 9. München: Beck, 1990. 145 s.
- Vulpe A.* Spada de fier de la Dobolii de Jos (Aldoboly) // Angustia. 2000. № 5. Pp. 227–233.
- Xu Yongjie 许永杰, Guo Chenhui 郭晨辉.* Qinanxian linian chutu de beifangxi qingtongqi 秦安县历年出土的北方系青铜器 (The northern bronzes discovered from Qinan county over the years) // Wenwu 文物. 1986. № 2. P. 40–42.
- Yang Ningguo 杨宁国, Qi Yuezhong 祁悦章.* Ningxia Pengyangxian jinnian chutu de beifangxi qingtongqi 宁夏彭阳县近年出土的北方系青铜器 (The Northern bronzes recently found in Pengyang county, Ningxia) // Kaugu 考古. 1999. № 12. Pp. 28–37.
- Zhong Kan 钟侃, Han Kongle 韩孔乐.* Ningxia nanbu chunqiu zhanguo shiqi de qingtong wenhua 宁夏南部春秋战国时期的青铜文化 (Bronze cultures during Spring and Autumn and Warring States period in South Ningxia) // Zhongguo kaogu xuehui di ba ci nianhui lunwenji 中国考古学会第一次年八次年会论文集. Beijing, 1983. Pp. 203–213.
- Zhong Kan 钟侃.* Ningxia Zhongningxian qingtong duanjian mu qingli jianbao 宁夏中宁县青铜短剑墓清理简报 (Excavational report of the burials with short bronze swords in Zhongning county, Ningxia) // Kaugu 考古. 1987. № 9. Pp. 773–777.

Информация об авторе:

Топал Денис Афанасьевич, заместитель редактора журнала *Stratum plus* (Железный век – античность), Университет Высшая антропологическая школа (г. Кишинев, Республика Молдова); denis.topal@gmail.com

ANTENNAE POMMELS OF SCYTHIAN AKINAKAI. ORIGINS AND EVOLUTION.

D. A. Topal

The unusual 'antenna' design of the pommels of the akinakai (in the form of antennae or volutes) drew the attention of researchers of the Scythian blade weaponry quite early. In addition, the shape of the pommel lies on the basis of all known classification schemes of Scythian swords and daggers. Researchers have long paid attention to the amazing similarity of this type of decoration with those that were made in the Late Bronze and Hallstattian time in Central Europe. However, for the Central European daggers, the antenna pommel is a rather late phenomenon and is fixed not earlier than in HaB period. Moreover, Early Nomadic (e.g. Chernogorovka-Novocherkassk) swords and daggers with the antennae pommels are still unknown. Due to chronological observations, the time of the appearance of the antenna pommel is the 2nd half of the 7th century BC. During this period, the simple antennae pommels are independently connected with the three main regions: the North Caucasus, the Dnieper Forest-steppe and the Carpathian-Danube. In the Early Scythian period, the antenna pommel is more of an experimental exception than a formal tradition. Ambivalence in the design of the pommel is demonstrated by the history of the Scythian blade weapon during all periods, beginning with the Early Scythian. So, there are known the Kelermes and Gudermes akinakai with antennae or volutes. In the Middle Scythian period, the antennae are known for such types of akinakai like Shumeyko, Vetersfelde and single-edged swords of the Nógrád type. The time of the wide distribution of antennae pommels is the end of the Middle Scythian period (550-425 BC). From the mid 6th century akinakai with ornithomorphic pommels appear on the territory of European Scythia, but these items are not associated with the Early Scythian production centers. Apparently, the appearance of ornithomorphic and zoomorphic pommels fit within the framework of the common Eurasian tradition, e.g. griffin daggers spread in the Volga-Ural, Semirechye, Sayano-Altai and Northern China at this time. A realistic ornithomorphic pommel of the Găiceana type appears on a wide series of swords and daggers with a hilt in a form of the Thracian shield. Since the 5th century BC, the simplification of the ornithomorphic pommels begins, taking the evolution away from the realism. Already at the end of the 5th century BC ornithomorphic design is finally schematized, turning into an ornamental approach. Over time, a typological series of antenna pommels in the form of heads of birds of prey, starting with the big realistic forms, gradually evolves towards minimization and schematism, possibly connected with the loss of the original image.

Keywords: akinakes, antennae pommel, volutes, griffin dagger, sword, Eurasia, Pontic region, Siberia, Scythian period

About the Author:

Topal Denis A. Deputy Editor of the Stratum plus journal (Iron Age – Antiquity), High Anthropological School University (Kishinev, Republic of Moldova); denis.topal@gmail.com

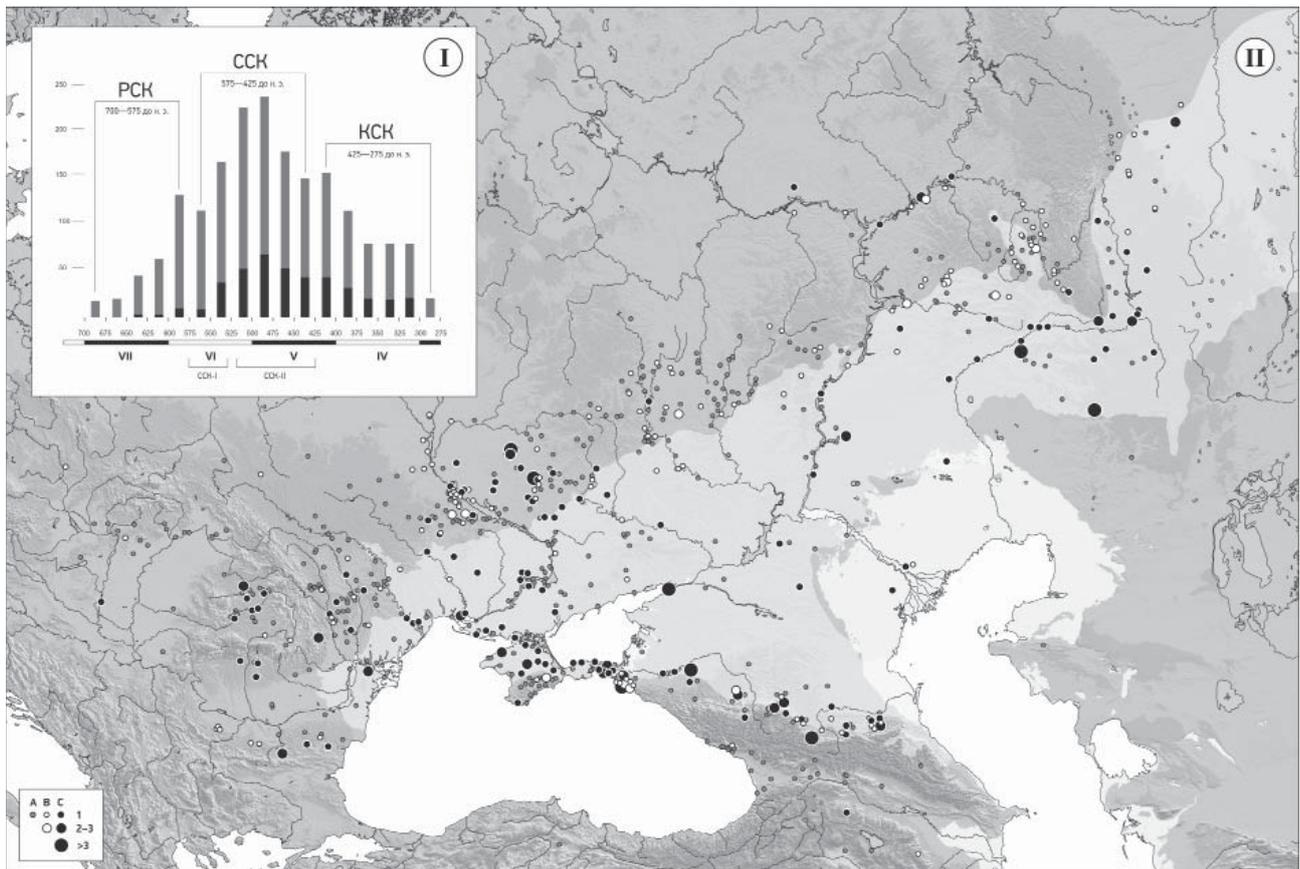


Рис. 1. Распространение мечей и кинжалов (А) на западе Евразии. Акинаки с антенными навершиями в комплексах (С) и случайные находки (В).



Рис. 2. Распространение мечей и кинжалов с антенным навершием (А) на западе Евразии в раннескифское (В) и начале среднескифского периода (С). Сплошным контуром показаны ареалы ранне- и среднескифских антенн, пунктирным – ареалы орнитоморфных антенн финала среднескифского периода.

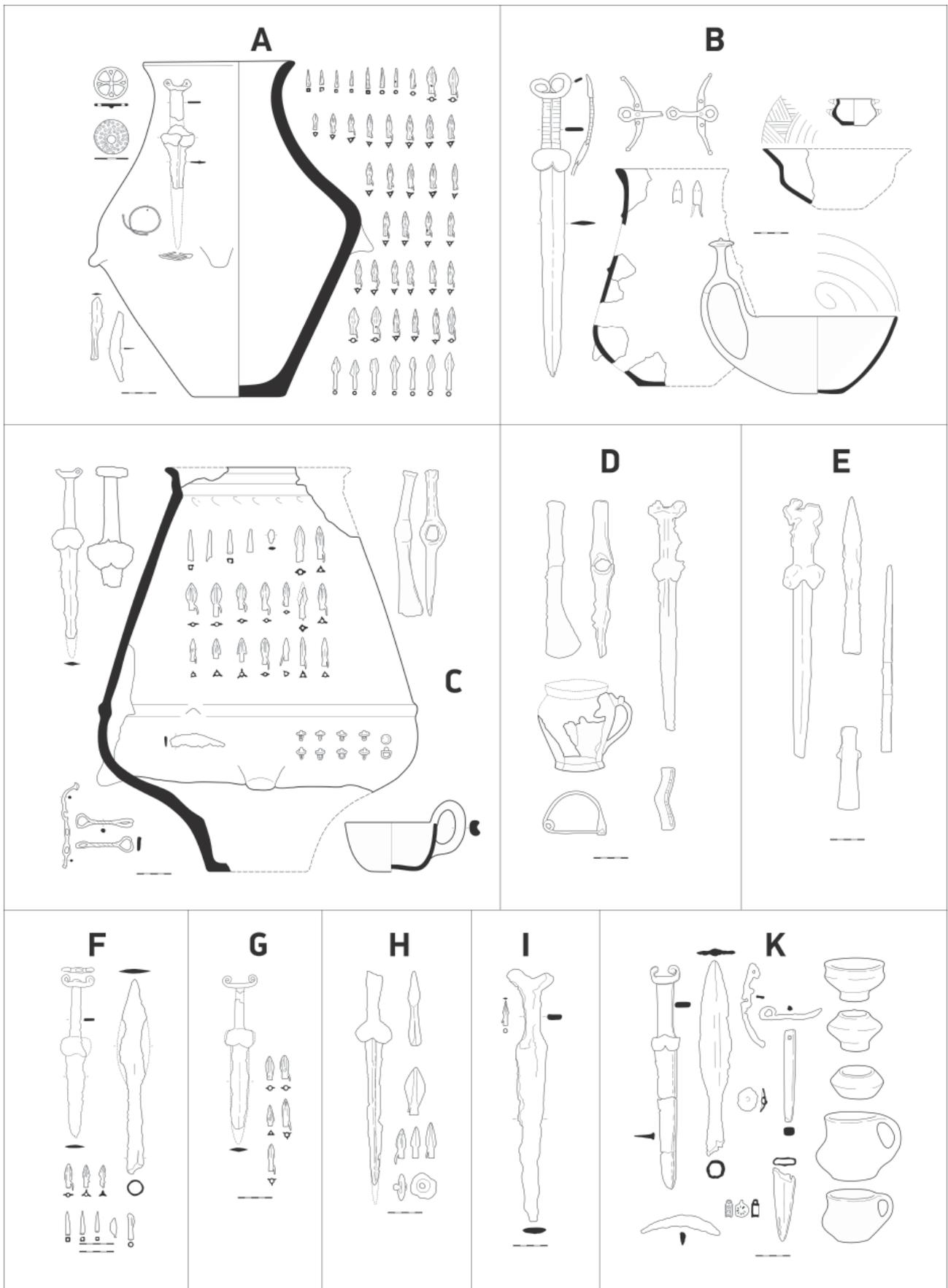


Рис. 3. Акинаки с антенным навершием в раннескифских комплексах: А – Теюш, п. 2; В – Фериджиле, к. 44; С – Кристешть, п. 9; D – Тли, п. 139; Е – Поповка, к. 3; F – Фрага; G – Багош; H – Аркита; I – Челик-дере, п. 2; K – Карабашево.

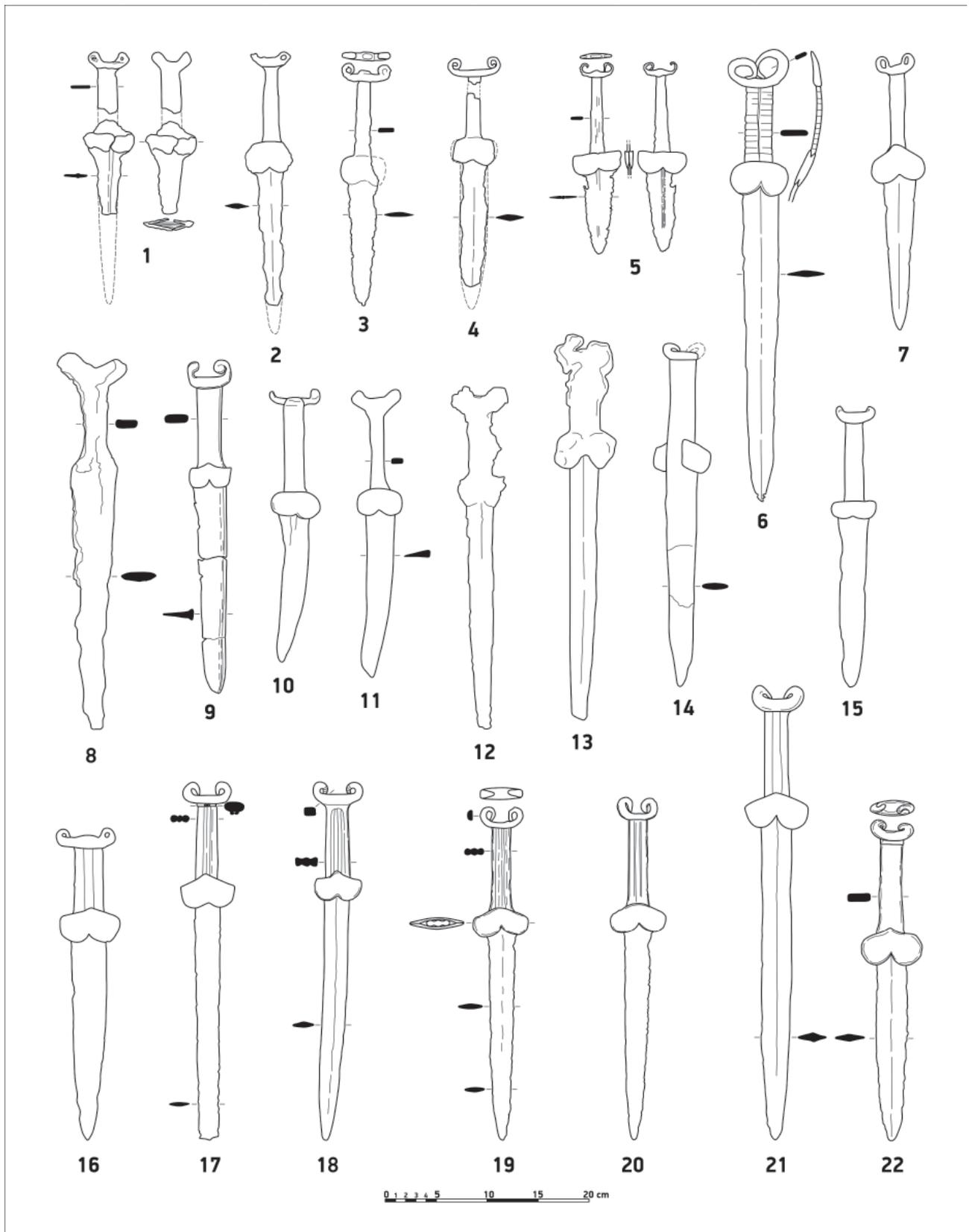


Рис. 4. Раннескифские акинaki с антенным навершием: 1 – Теюш, п. 2 (1969 г.); 2 – Кристешть, п. 9; 3 – Фрата; 4 – Багош, п. 3; 5 – Чипэу, погр.; 6 – Фериджиле, к. 44; 7, 15 – Кубалач; 8 – Челик-дере, п. 2; 9 – Карабашево; 10 – Нестеровский могильник; 11 – Сержень-юрт; 12 – Тли, п. 139; 13 – Поповка, к. 3; 14 – Скоробор, к. 5; 16 – Иванча; 17, 19 – Борисоглебск; 18 – Берлячево; 20 – Губари; 21 – коллекция Бобринского; 22 – Журавлиха.

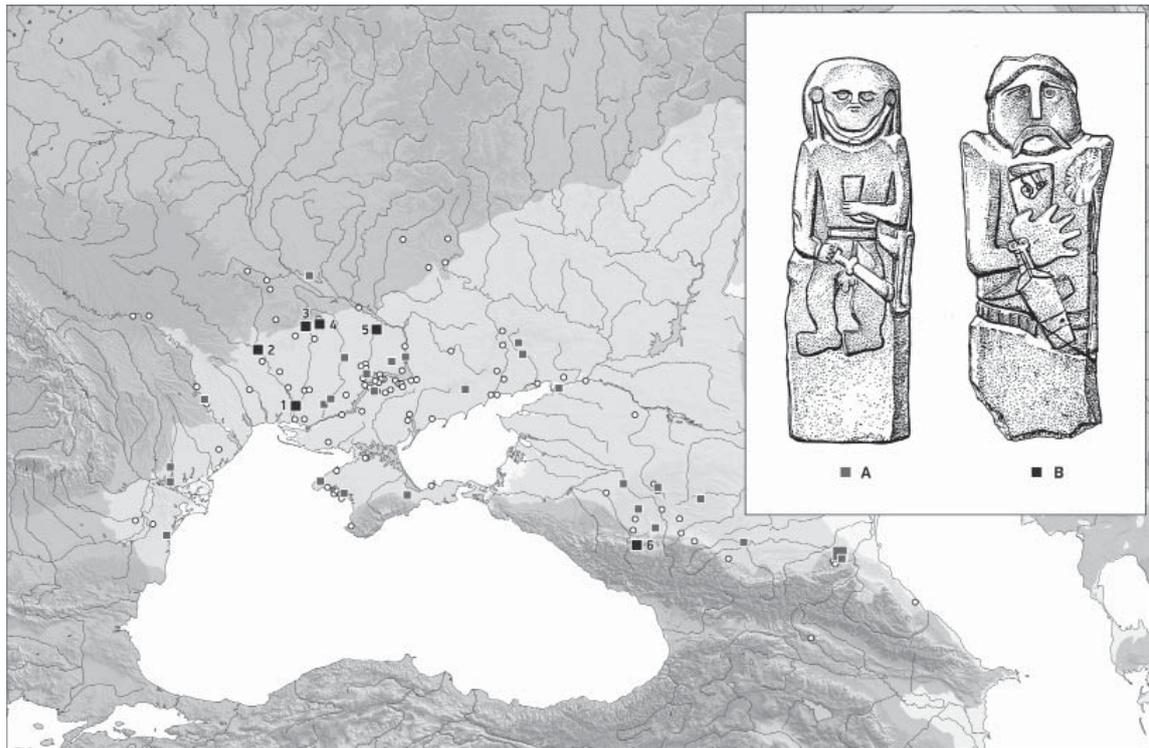


Рис. 5. Распространение скифских изваяний в Причерноморье с изображениями клинкового оружия (А) и акинаков с антеннами (В): 1 – Терновка, 2 – Первомайск, 3 – Кировоград, 4 – Медерово, 5 – Любомировка, 6 – Преградная.

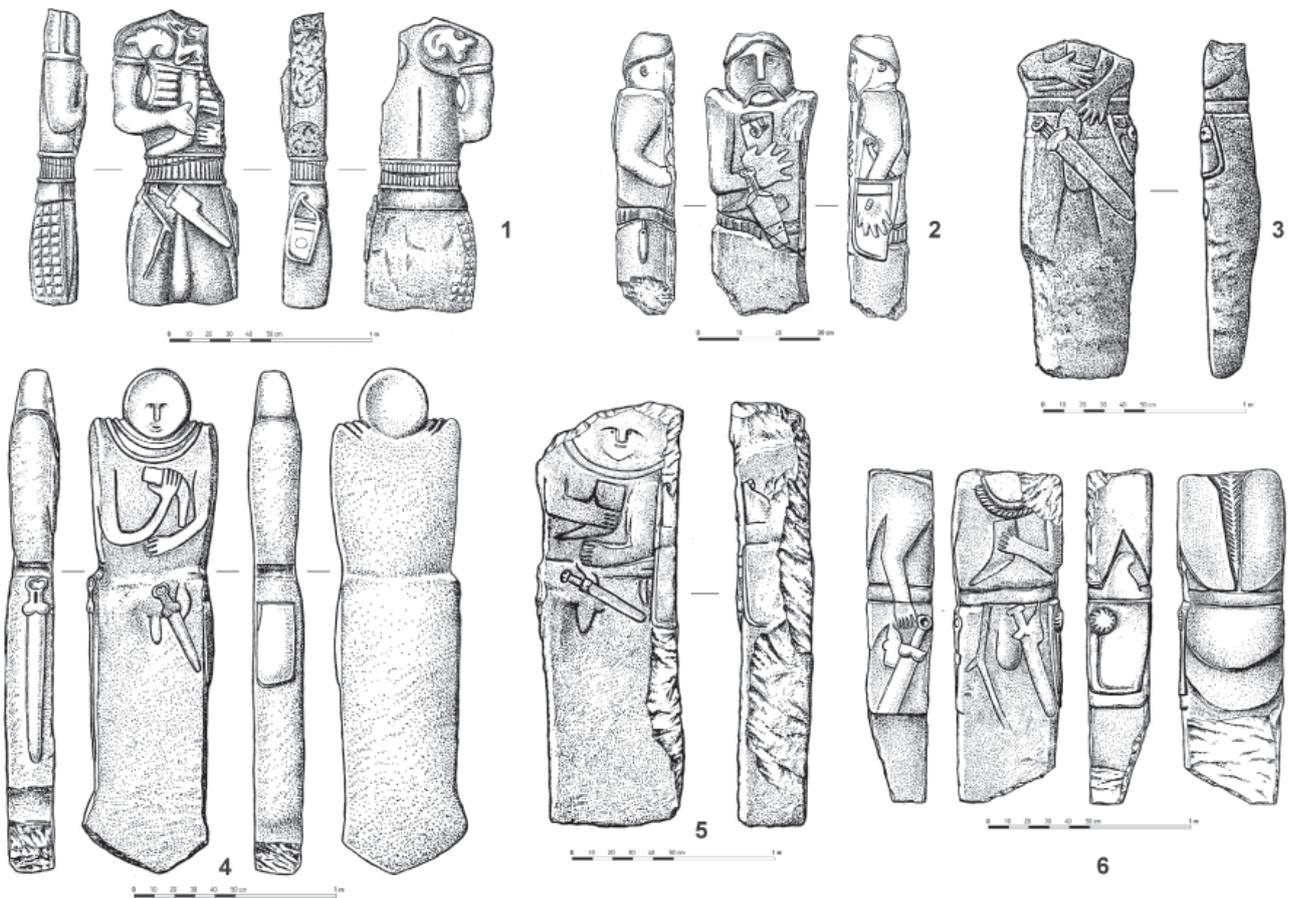


Рис. 6. Скифская антропоморфная скульптура с изображениями акинаков с антенными навершиями (и близким к ним): 1 – Краснодарский музей (Преградная?); 2 – Терновка; 3 – Первомайск; 4 – Медерово; 5 – Любомировка; 6 – Кировоград.

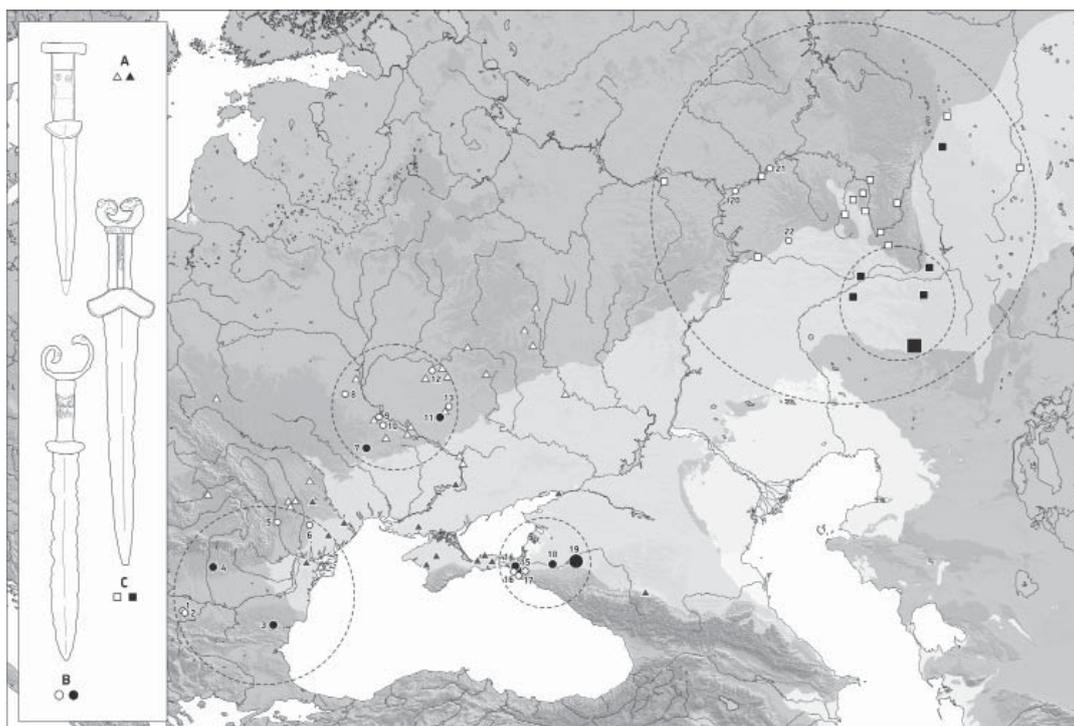


Рис. 7. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Гэйчана (В), мечи и кинжалы с сегментовидным перекрестьем (А) и «грифовые» акинаки (С). (Пунктиром показаны основные ареалы акинаков с орнитоморфными навершиями, черной заливкой – комплексы, белой – случайные находки):
 1 – Девене, 2 – Галатин, 3 – Равна, 4 – Чепарь, 5 – Гэйчана, 6 – Капакля, 7 – Журовка, 8 – Яблоновка, 9 – Гамарня, 10 – Староселье, 11 – Кирово, 12 – Низы, 13 – Лихачевка, 14 – Воскресенский, 15 – Анапская, 16 – Рассвет, 17 – Саук-дере, 18 – Краснодар, 19 – Уляп, 20 – Мурзиха, 21 – Ананьино, 22 – Большой Толкай.

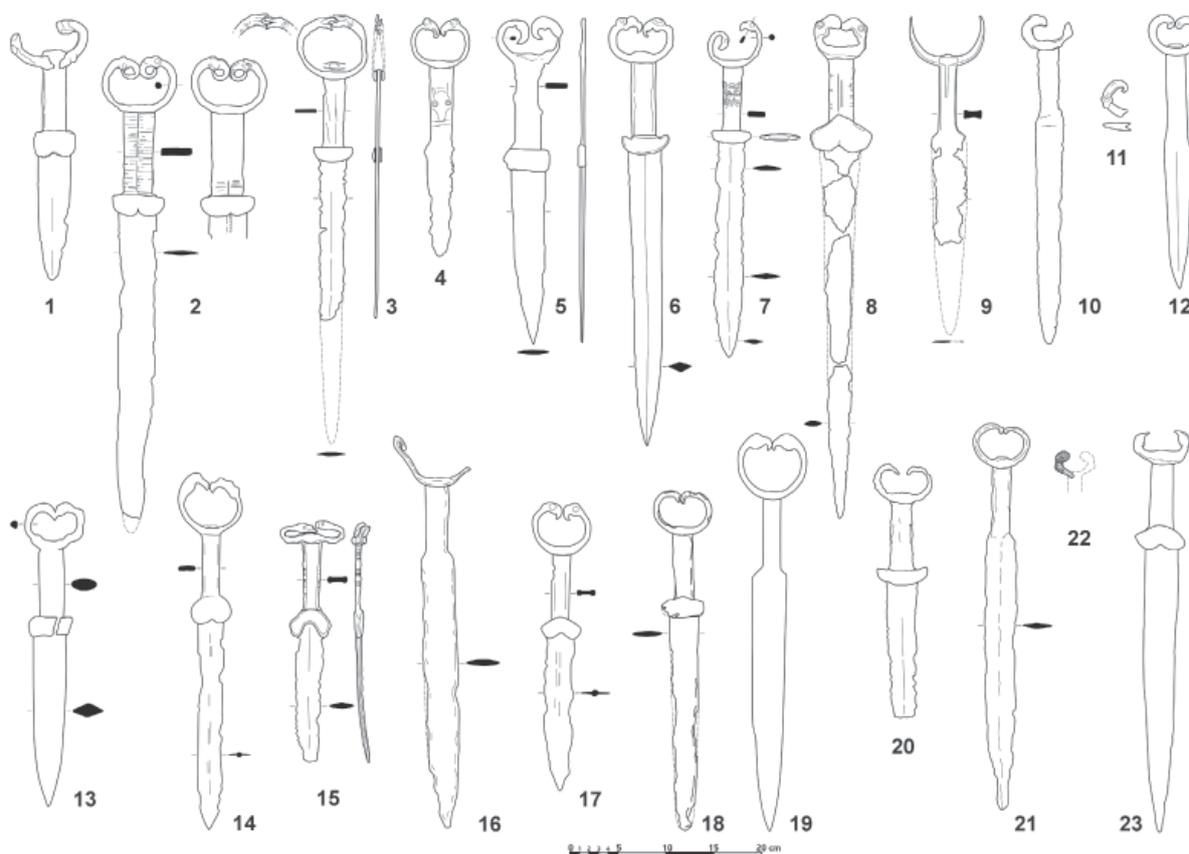


Рис. 8. Акинаки типа Гэйчана: 1 – Капакля; 2 – Чепарь, к. 5; 3 – Гэйчана; 4 – Девене; 5 – Низы; 6 – Гамарня; 7 – Кирово; 8 – Журовка, к. 401; 9 – Галатин; 10 – Равна, п. 37; 11 – Лихачевка; 12 – Яблоновка; 13 – Воскресенский, к. 1, п. 4; 14 – Рассвет, п. 29; 15 – Рассвет; 16 – Уляп, к. 12, п. 26; 17 – Анапская; 18 – Уляп, к. 15, п. 43; 19 – Саук-дере; 20 – Староселье; 21 – Уляп, к. 12, п. 27; 22 – Ананьино; 23 – Краснодар.

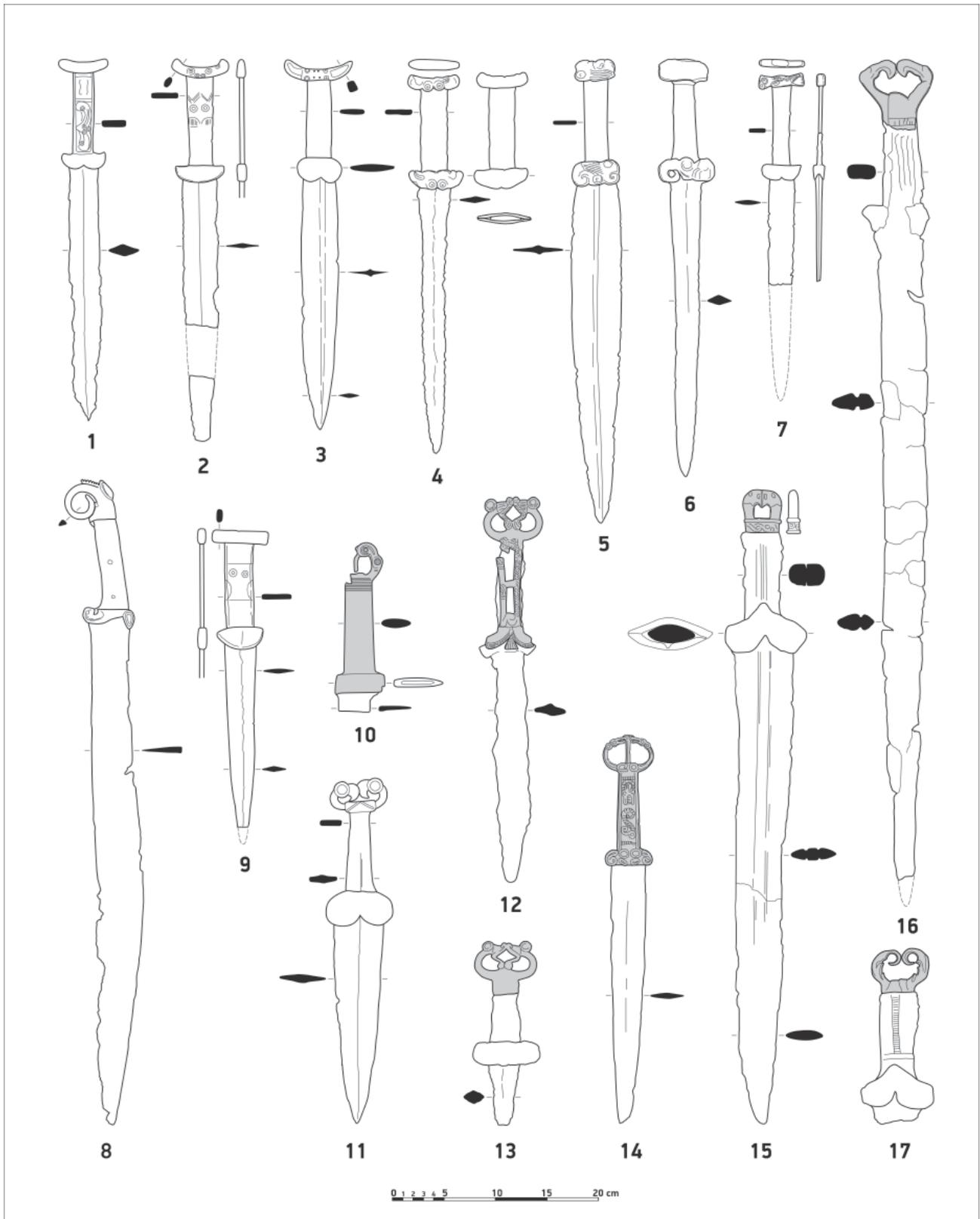


Рис. 9. Мечи и кинжалы в скифском зверином стиле VI–V вв. до н.э.: 1 – Челик-дере; 2 – Волковцы; 3 – Тудорово-Паланка; 4 – Липецкая область; 5 – Веспрем; 6 – Каневский уезд; 7 – Петрикань; 8 – Пенц; 9 – Таганча; 10 – Ананьино; 11 – Большой Толкай; 12, 13 – Гастон-Уота, п. 19; 14 – Мурзиха; 15 – Аргющенко-2, п. 32; 16 – Славное, к. 4, п. 2; 17 – Елизаветовская.

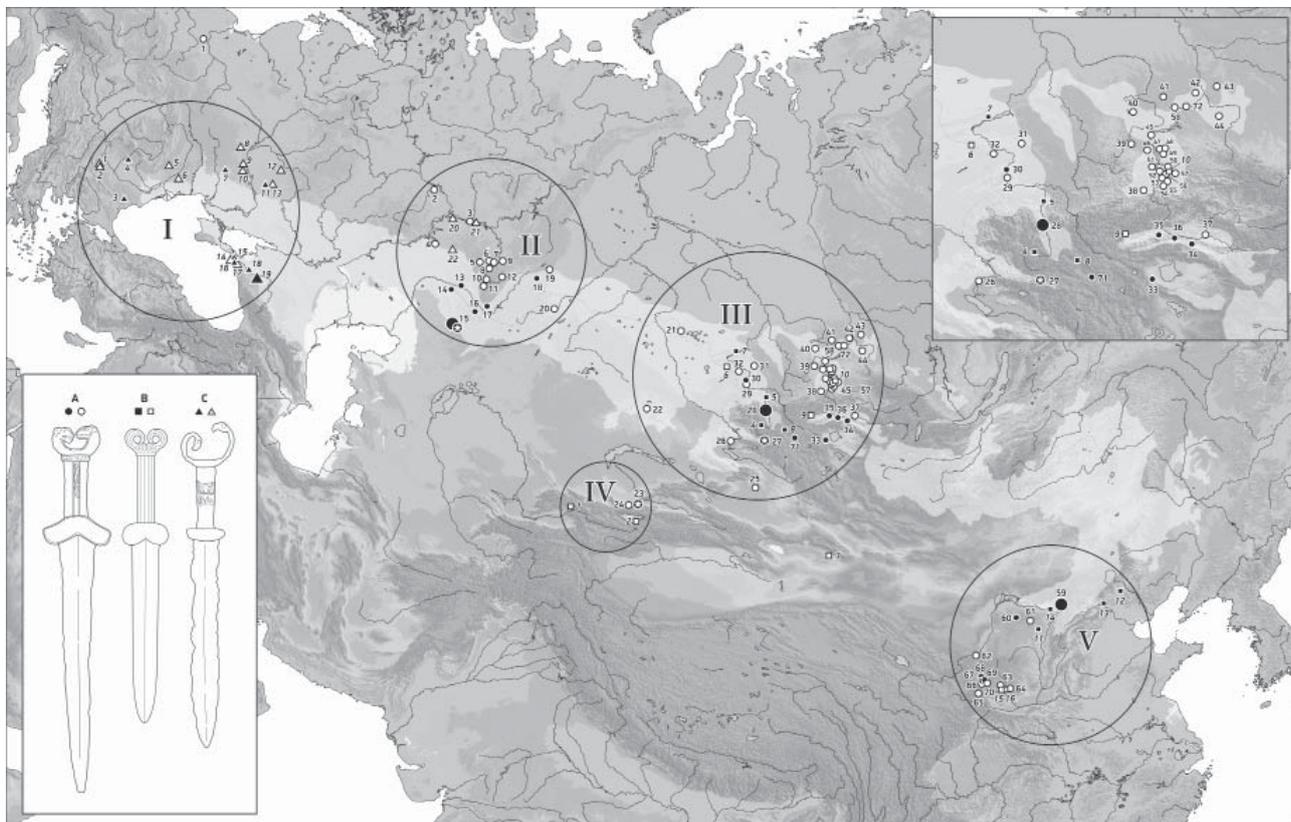


Рис. 10. Распространение орнитоморфных акинаков в Евразии (черная заливка – комплексы, белая – случайные находки). *I* – Северное Причерноморье, *II* – Волго-Уралье, *III* – Южная Сибирь, *IV* – Семиречье, *V* – Северный Китай. *A* – грифовые кинжалы и мечи (1–72): 1 – Бодзаново, 2 – Ядрино, 3 – Грохань, 4 – Самара, 5 – Новоданиловка, 6 – Уршак, 7 – Малое Ибраево, 8 – Стерлитамак, 9 – Абзаново, 10 – Нарбутово, 11 – Мукачево, 12 – Верхний Авзян, 13 – Павловская, 14 – Филипповка, 15 – Бесоба, 16 – Сынтас, 17 – Сара, 18 – Котлик, 19 – Долгодеревенское, 20 – Костанай, 21 – Ишимское озеро, 22 – Темирши, 23 – Иссык, 24 – Алматы, 25 – «Джунгария», 26 – Славянка, 27 – Берель, 28 – Тыткескен, Кайнду, 29 – Клепиково, 30 – Староалейка, 31 – Белоярское, 32 – Рогозиха, 33 – Улаангом, 34 – Аргалыкты, 35 – Аймырлыг, 36 – Темир-Суг, 37 – Догээ-Баары, 38 – Табат, Аскиз, 39 – Цветногорск, 40 – Андроново, 41 – Кордачина, 42 – Седельниково, 43 – Батой, 44 – Бородино, 45 – Анаш, 46 – Батени, 47 – Абаканское, 48 – Белоярск, 49 – Биря, 50 – Тесь, 51 – Абакан, 52 – Минусинск, 53 – Лугавское, 54 – Каптырево, 55 – Казанцево, 56 – Знаменка, 57 – Таскино, 58 – Новокопенское, 59 – Маоцингоу, 60 – Гунсухао, 61 – «Ордос», 62 – Нидин, 63 – Лигоу, 64 – Хоучжуан, 65 – Ванцзя, 66 – Гуюань, 67 – Самэнь, 68 – Мачжуан, 69 – Янва, 70 – Сяньма, 71 – Уландрык, 72 – Красноярск; *B* – стилизованные грифовые кинжалы и мечи (1–16): 1 – Кетмень-Тюбе, 2 – Дархан, 3 – Сяютунгоу, 4 – Чендек, 5 – Майма, 6 – Ключи, 7 – Новый Шарап, 8 – Боротал, 9 – Кызылган, 10 – Малая Иня, 11 – Лаолунчи, 12 – Лишоугоумэнь, 13 – Бэйсинбао, 14 – Фаньцзяоцзы, 15 – Юаньцзя, 16 – Сигоупань; *C* – акинаки типа Гэйчана (1–22): 1 – Девене, 2 – Галатин, 3 – Равна, 4 – Чепарь, 5 – Гэйчана, 6 – Капаклия, 7 – Журовка, 8 – Яблоновка, 9 – Гамарня, 10 – Староселье, 11 – Кирово, 12 – Низы, 13 – Лихачевка, 14 – Воскресенский, 15 – Анапская, 16 – Рассвет, 17 – Саук-дере, 18 – Краснодар, 19 – Уляп, 20 – Мурзиха, 21 – Ананьино, 22 – Большой Толкай.

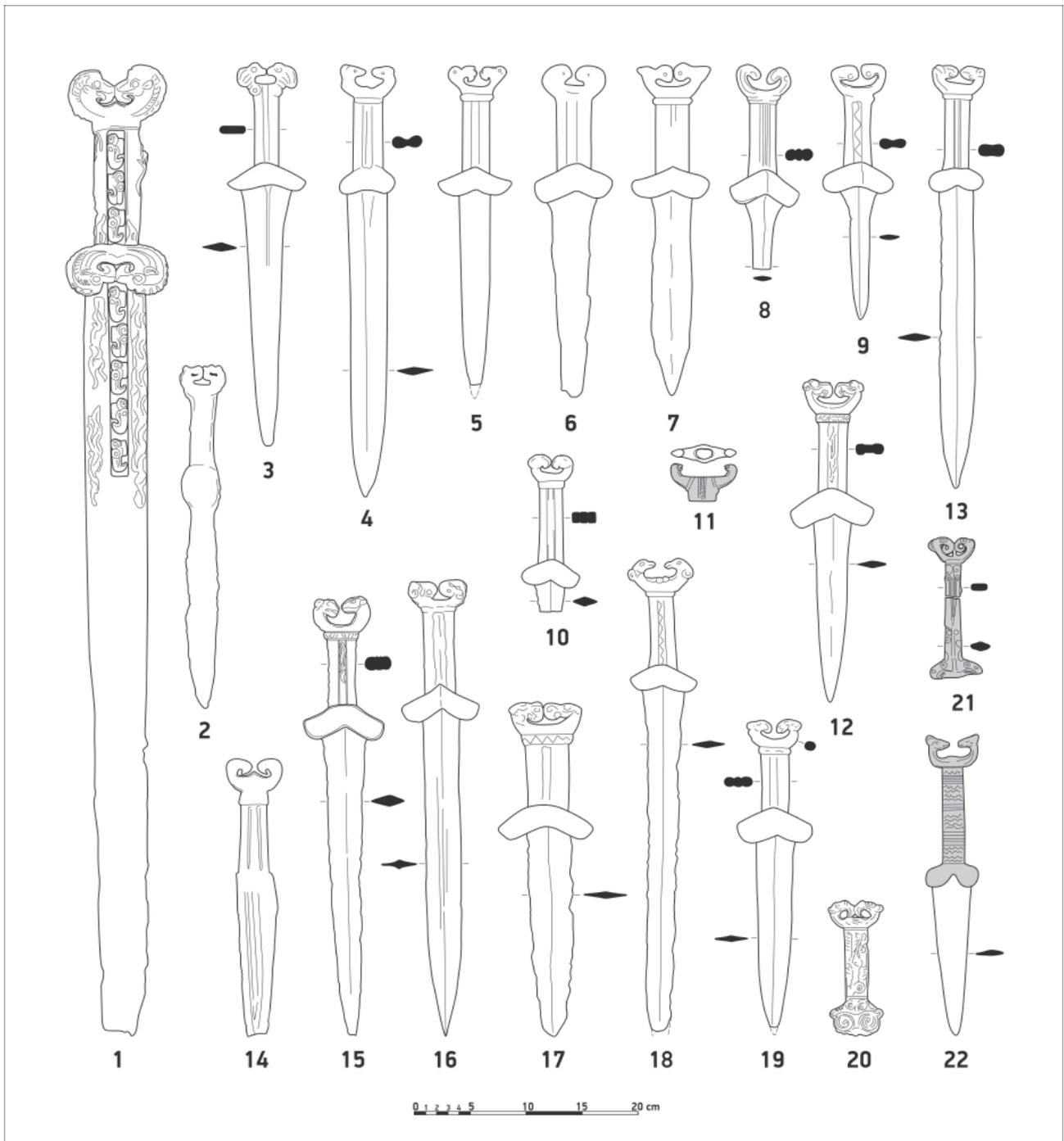


Рис. 11. «Грифовые» кинжалы Евразии. Волго-Уралье (1–10, 12–21) и Центральная Европа (11):
 1 – Филипповка; 2 – Павловская, к. 2; 3 – Уршак; 4 – Верхний Авзян; 5, 7 – Бесоба, к. 5; 6 – Бесоба, к. 9;
 8 – Нарбутово; 9 – Мукачево; 10 – Большой Толкай; 11 – Бодзаново; 12 – Самара; 13 – Алиант-гау;
 14 – Костанай; 15 – Долгодеревенской; 16 – Котлик; 17 – Малое Ибраево; 18 – Новоданиловка;
 19 – Стерлитамак; 20 – Ядрино; 21 – Акозино.

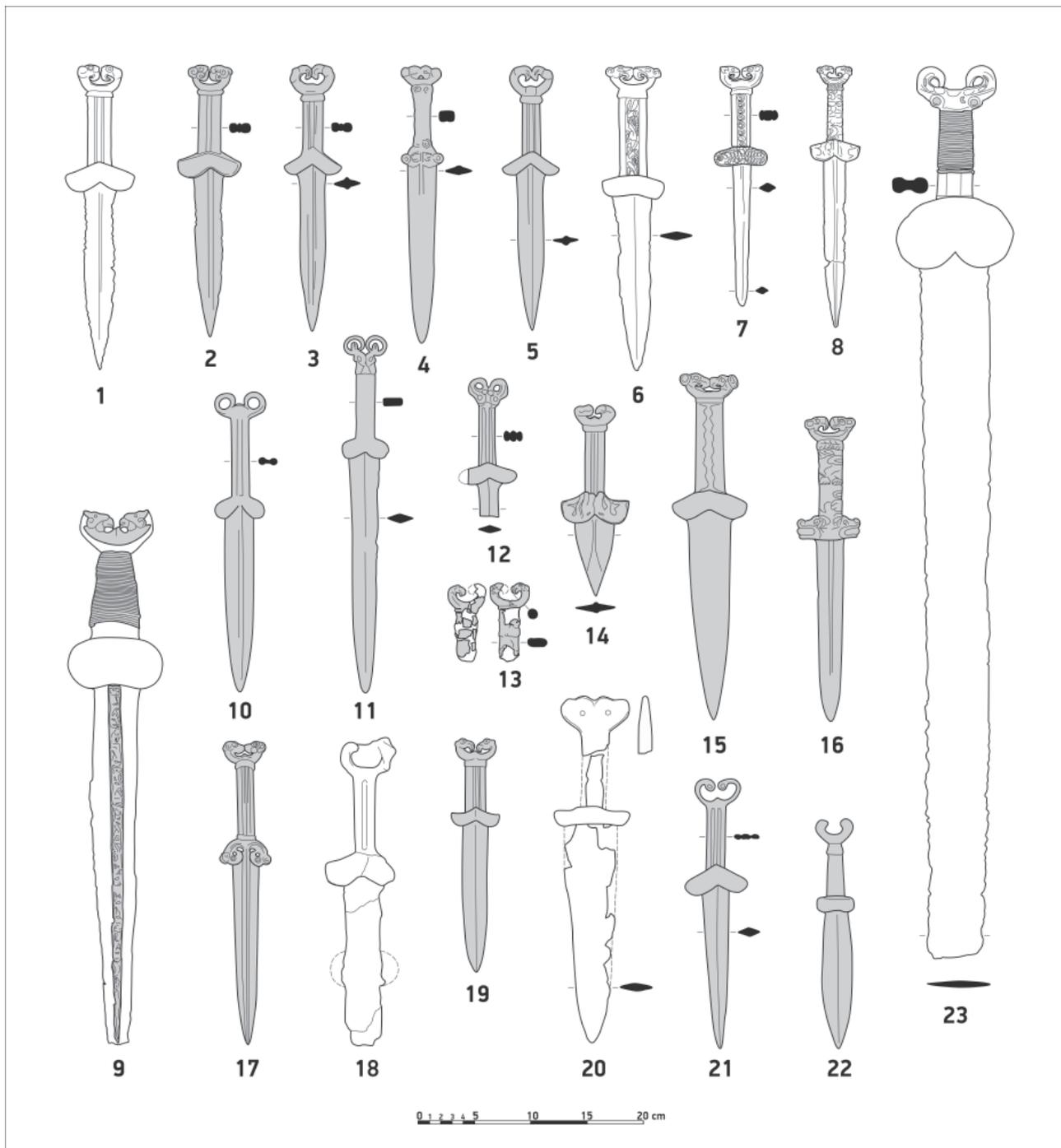


Рис. 12. «Грифовые» кинжалы Евразии. *Семиречье* (1, 2, 9–12) и *Алтай* (3–8, 13–22): 1, 10 – Семиречье; 2 – Алматы; 3 – Тьткескень IV, к. 4; 4 – Кайнду; 5 – Кайнду, к. 2; 6 – Рогозиха; 7 – Темирши; 8 – Славянка; 9 – Иссык; 11 – Кетмень-Тюбе; 12 – Дархан; 13 – Берель, к. 2; 14 – Староалейка; 15 – Белоярское; 16 – Восточный Казахстан; 17 – Уландрык III, к. 1; 18 – Боротал; 19 – Клепиково; 20 – Новый Шарап I, к. 19; 21 – Майма; 22 – Чендек-6а; 23 – Ключи.

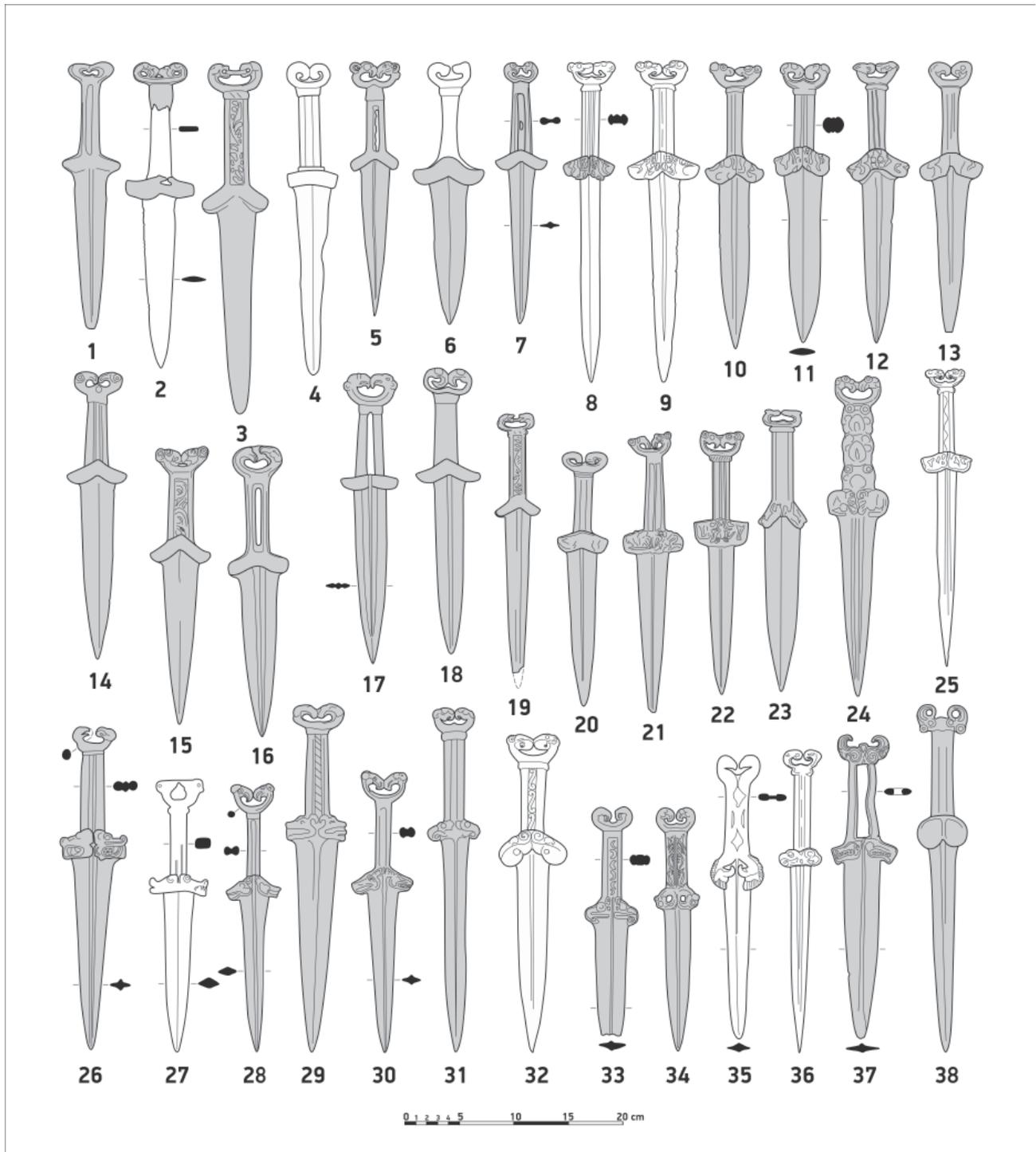


Рис. 13. «Грифовые» кинжалы Евразии. Южная Сибирь: 1 – Ишимское оз.; 2 – Цветногорск; 3 – Белоаярк; 4 – Тесинская волость; 5 – Табат; 6 – Биря; 7, 8, 11, 15, 16, 20, 23, 24, 31, 35 – Минусинск; 9 – Батой; 10 – Знаменка; 12, 26 – Батени; 13 – Седельниково; 14 – Таскино; 17 – Анаш; 18 – Каптырево; 19 – Лугавское; 21 – Бородино; 22 – Абакан; 25 – Новокопенское; 27 – Абаканское; 28 – Андропова; 29, 30, 33, 37 – Красноярск; 32 – Кордачина; 34 – Казанцево; 36 – Аскызское; 38 – Малая Иня.

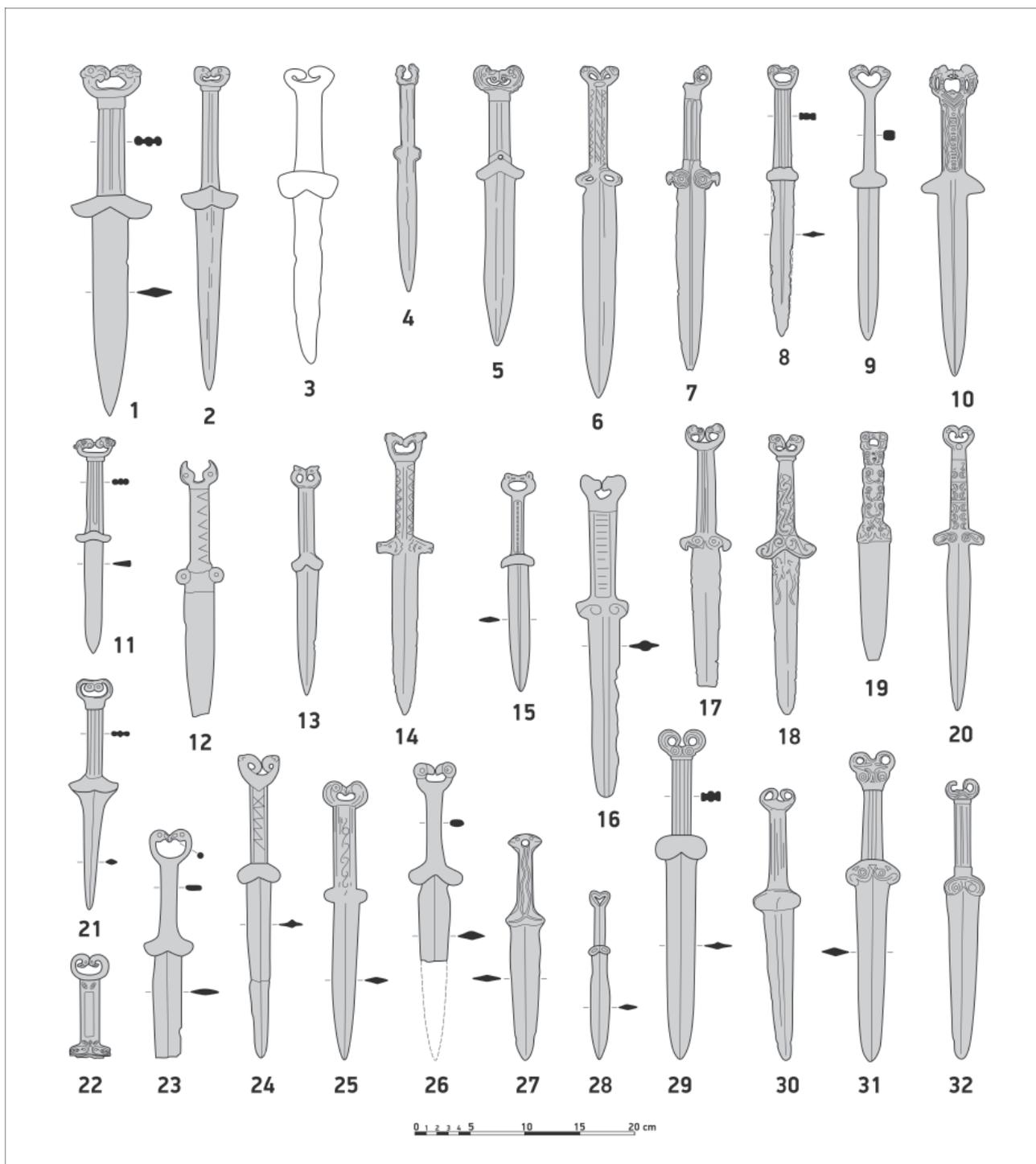


Рис. 14. «Грифовые» кинжалы Евразии. Южная Сибирь (1, 2, 4, 11, 13, 21) и Северный Китай (3, 5–10, 12, 14–20, 22–32): 1 – Темир-Суг I, к. 18; 2 – Догээ-Баары-2; 3 – Сяогунгоу; 4 – Аргалькты I, к. 6; 5–8 – Маоцингоу (5 – п. 59, 6 – 70, 7 – п. 58, 8 – п. 45); 9 – Гунсухао; 10 – Самэнь, п. 3; 11 – Улангом, п. 26; 12 – Джунгария; 13 – Аймырлыг; 14 – Янва; 15 – Мачжуан; 16 – Гуюань; 17–20 – Ордос; 21 – Казылган, к. В-3; 22 – Хоучжуан; 23 – Ванцзя; 24 – Лигоу; 25 – Сяньма; 26 – Нидин; 27 – Сигоупань; 28 – Юаньцзя; 29 – Бейсинбао, п. 1; 30 – Фанцзяоцзы; 31 – Лаолунчи; 32 – Северный Китай.



Рис. 15. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Грищенцы (А – случайные находки, В – находки в комплексах).

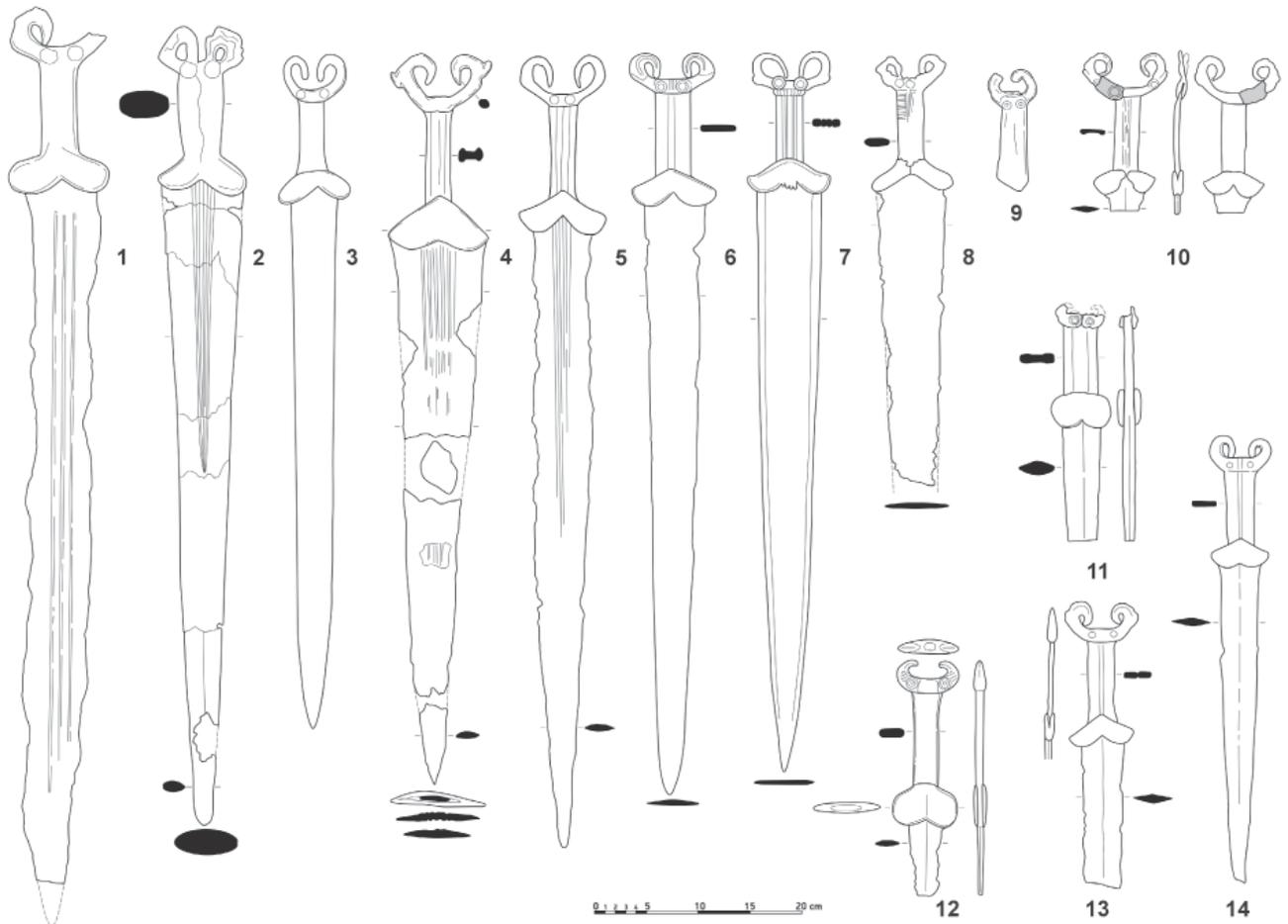


Рис. 16. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Берестяги; 2 – Акташ, к. 48, п. 3; 3 – Нальчик; 4 – Перещепино, к. 3 2002 г., п. 1; 5 – Екатеринославская губерния; 6 – Грищенцы; 7 – Красные Дубки; 8 – Вознесенск; 9 – Мескер-юрт; 10, 13 – ГКИМ; 11 – Алебастрова Гора, к. 3; 12 – Аозинский могильник, случ.; 14 – Котовск.

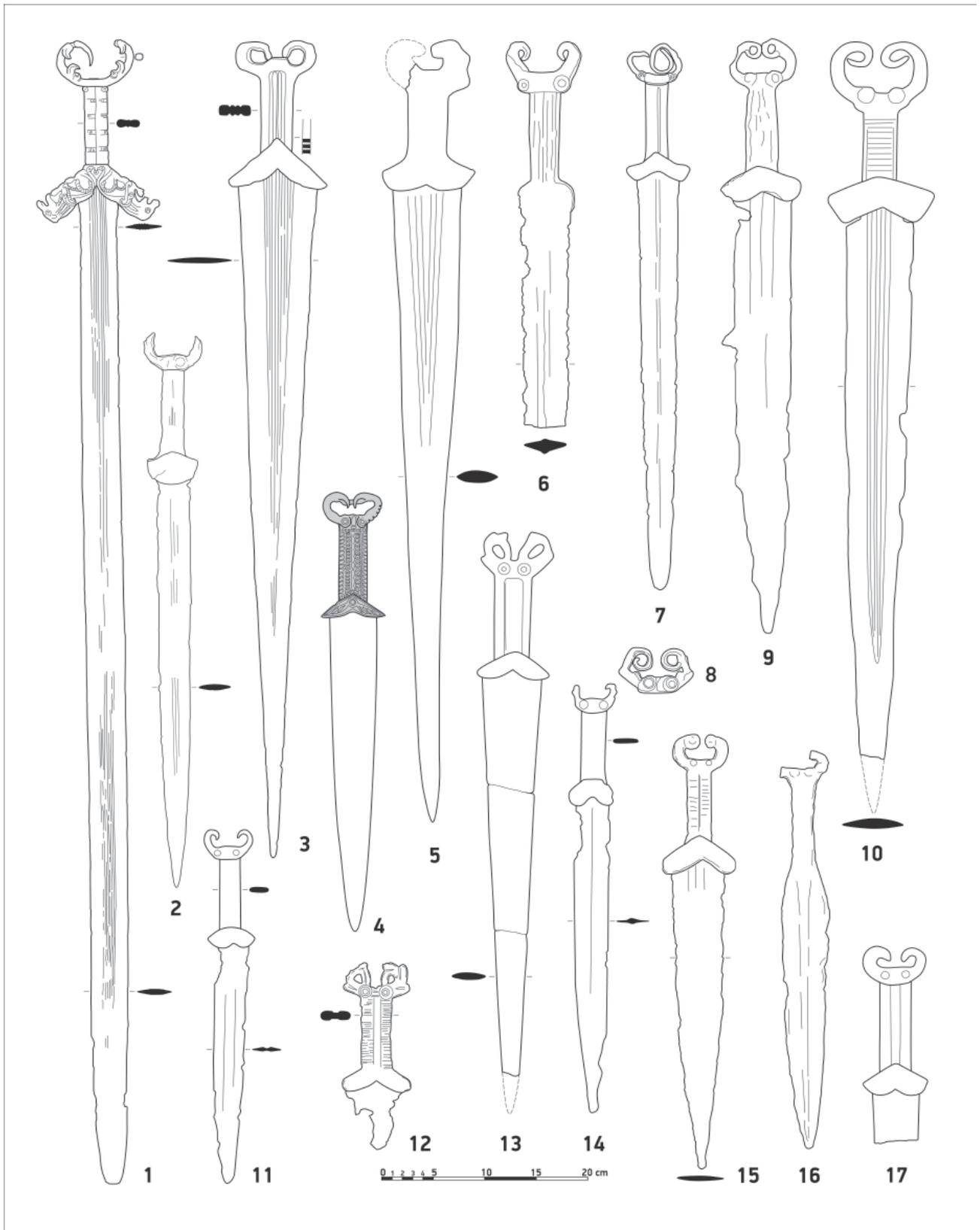


Рис. 17. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Доболий-де-Жос; 2 – Пыржолтены; 3 – Ораное; 4 – Пенза; 5 – Новоедоровка, к. 2, п. 1; 6 – Гозница; 7 – Озерки (Актарск); 8 – Бельское городище; 9 – Луговой могильник; 10 – Ялхой-Мохк; 11 – Раевская; 12 – Пилипчичи, к. 323; 13 – Мгарь; 14 – Су-псех; 15 – Аллерой; 16 – Пятигорск; 17 – Николаевская.

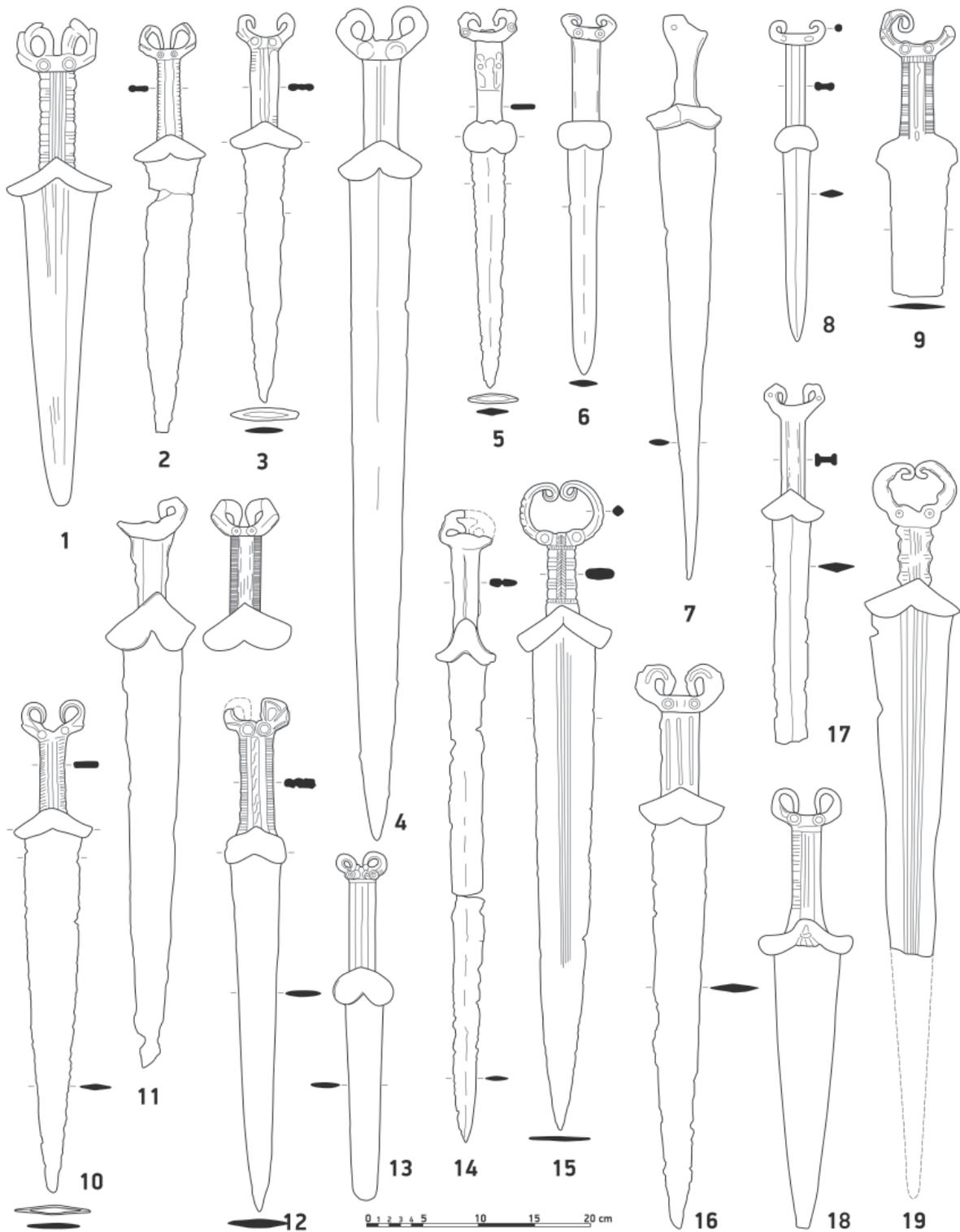


Рис. 18. Акинаки типа Грищенцы: 1 – Пиликовка; 2 – Анна; 3 – Малый Хомулец; 4 – Рышканский район; 5 – Канишево; 6 – Шали; 7 – Ковали, к. 393; 8 – Стерлитамак; 9 – Свяжск; 10 – Афанасьевка; 11 – ГМИИ; 12 – Аргаяшский район; 13 – Соловка; 14 – Терско-кумский канал; 15 – Энергетик; 16 – Умань; 17 – ГКИМ; 18 – Ивановка; 19 – Лечинкай.



Рис. 19. Распространение орнитоморфных акинаков на западе Евразии. Акинаки типа Солоха (А – случайные находки, В – находки в комплексах; звездочками обозначены «парадные» формы).

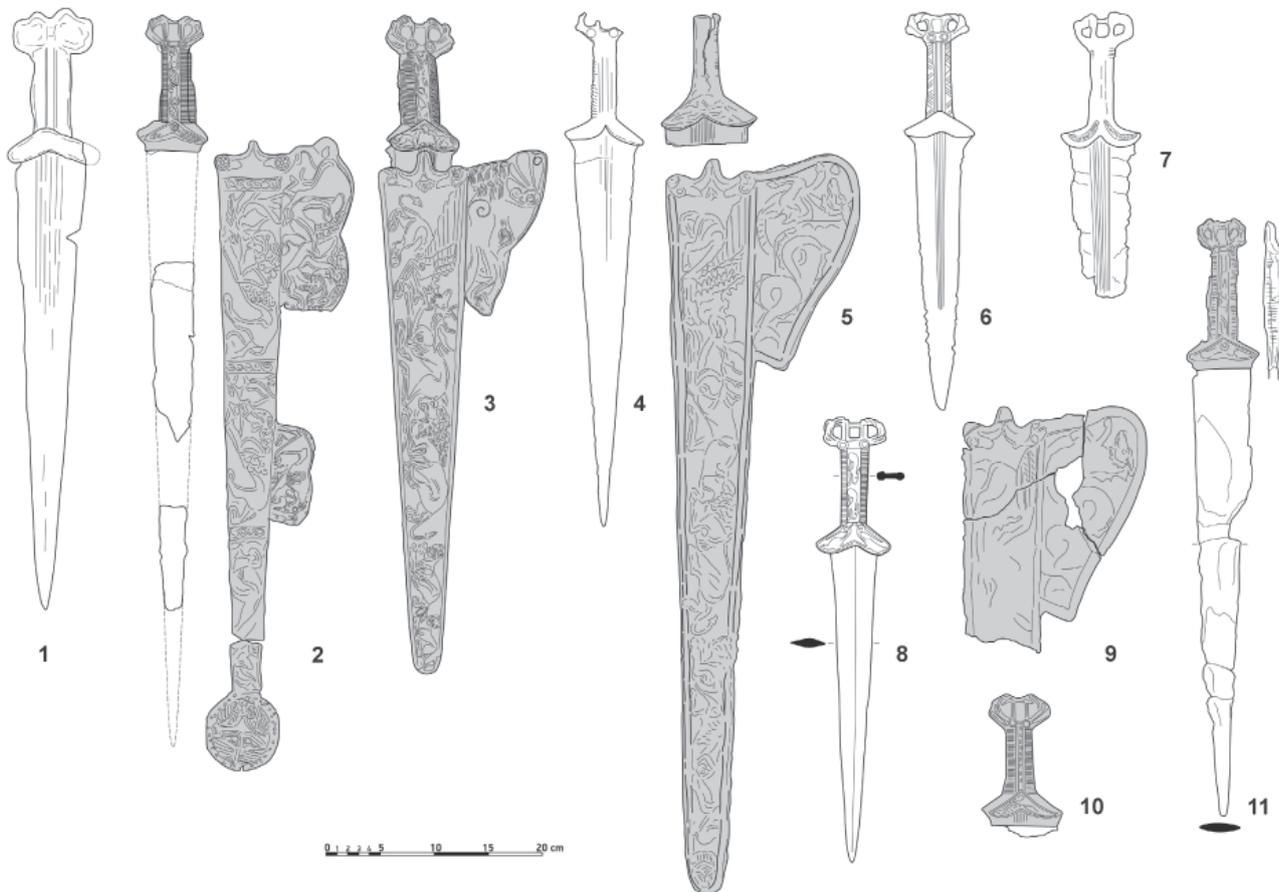


Рис. 20. Акинаки типа Солоха: 1 – Тимофеевка, к.6, п. 1; 2 – Солоха; 3 – Большая Белозерка; 4 – Безречьё; 5 – Куль-Оба; 6 – Садовка; 7 – Вязники; 8 – Новая Богдановка; 9 – Грюнвинкель; 10 – Аксютинцы, к. 2; 11 – Перещепино, к. 3, п. 2.

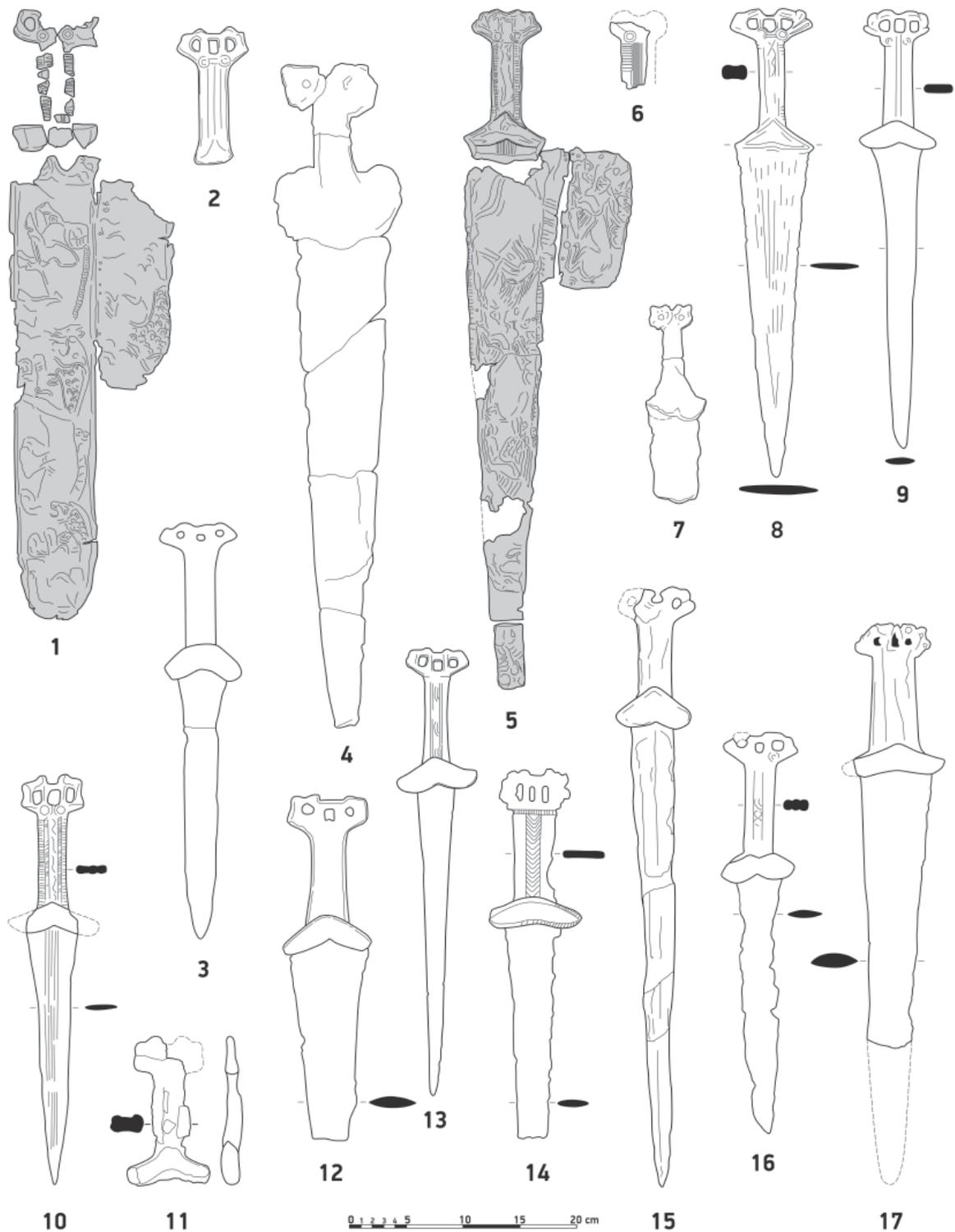


Рис. 21. Акинаки типа Солоха: 1, 4–5, 7 Елизаветовская (1 – Ушаковский курган, 4 – к. 6 1911 г., 5 – к. 10 1909 г., 7 – к. 34 1910 г.); 2 – Стайкин Верх, к. 3; 3 – Муракаево, к. 5, п. 3; 6 – Нагорное, к. 5, п. 1; 8 – Мисящ; 9 – Вязовка; 10 – Акназарово; 11 – Талмаза, к. 9, п. 1; 12 – Жаботин; 13 – Тюмень; 14 – Воскресенское; 15 – Филипповка, к. 7; 16 – МАЭ; 17 – Кара-Оба, к. 11, п. 1.

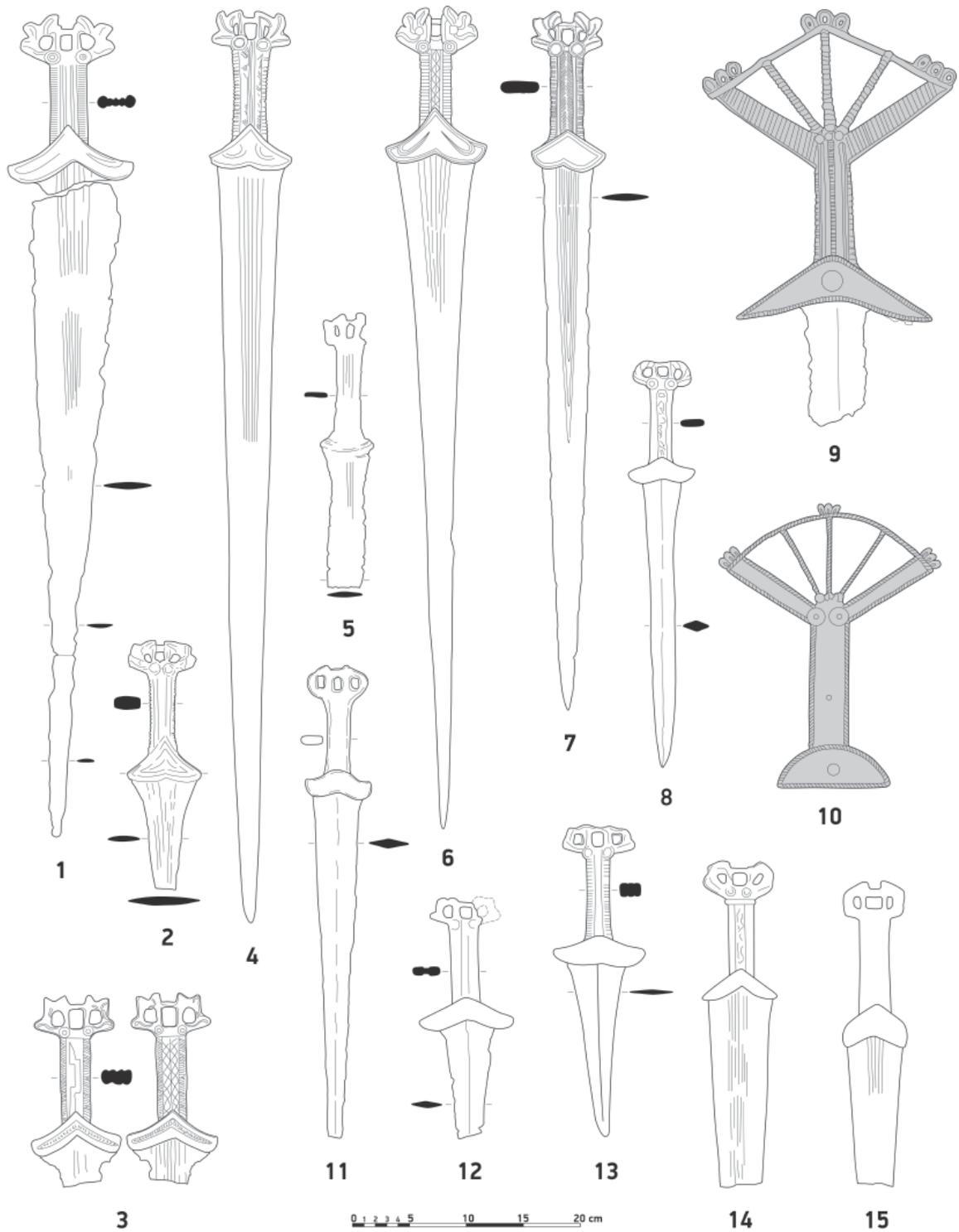


Рис. 22. Акинати типа Солоха: 1, 3 – Вязивки; 2 – Шабунино; 4 – Чегандинский могильник; 5 – Хлебное; 6 – Агагово; 7 – Шняево; 8 – Ивановка; 9 – Муром; 10 – Пьяный Бор; 11 – Пилюгино; 12 – Дадановка; 15 – Самара; 16 – Волосская Балаклея; 17 – Ялхой-Мохк.

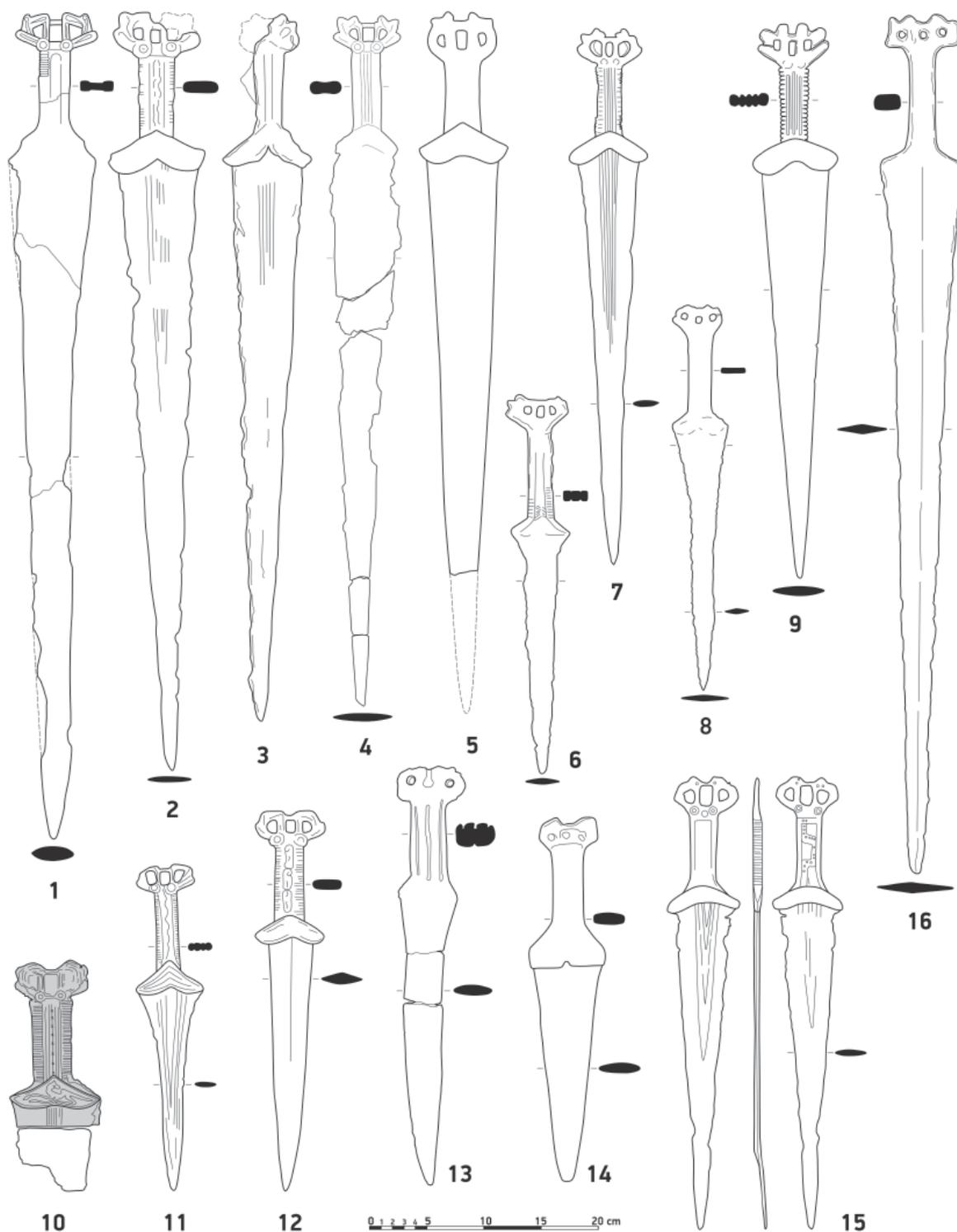


Рис. 23. Акинаки типа Солоха: 1 – Петровка, к. 2; 2 – Самовица; 3 – Софиевка; 4 – Пуркары, к. 7, п. 3; 5 – Елизаветовская, к. 4 1910 г.; 6 – Ахрат; 7 – ГКИМ; 8 – Мастогино; 9 – Гладковщина, к. 2; 10 – Осняги, к. 4; 11 – Уфа; 12 – Талачево; 13 – Исикай; 14 – Кировский могильник, к. 9, п. 20; 15 – Львовский музей; 16 – Яблочный.

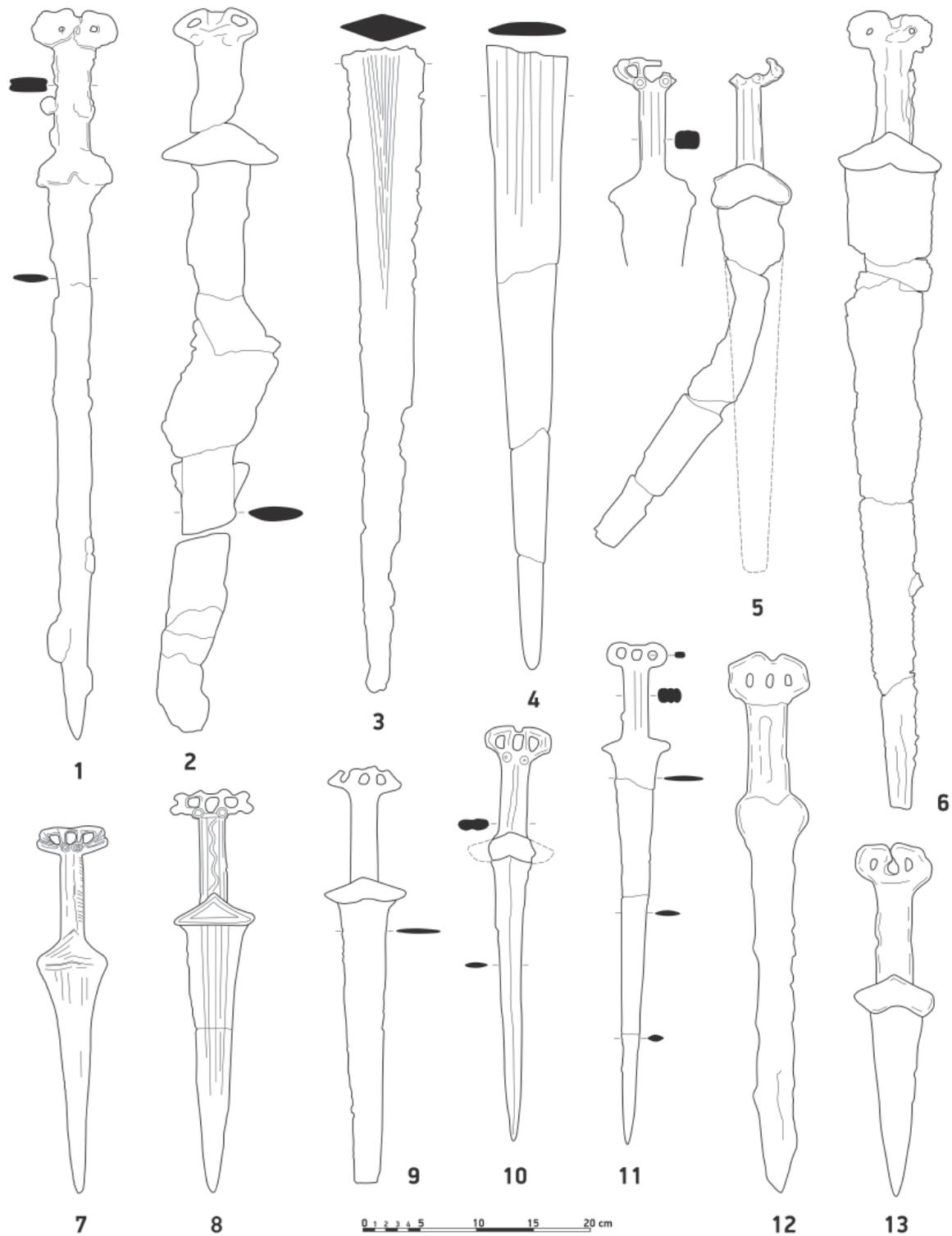


Рис. 24. Акинаки типа Солоха: 1 – Новый Кумак, к. 18, п. 1; 2 – Сары-тау, к. 7; 3 – Семь братьев, к. 2; 4 – Близнец-2; 5, 11 – Филипповка (5 – к. 13, 11 – к. 15, п.3); 6 – Волковцы, к. 2; 7 – Похвистнево; 8 – НМРБ; 9 – Усть-Качка; 10 – Тляумбетово; 12, 13 – Воробьево.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВ – Археологические вести. СПб.
 АИ – Археологические изыскания. СПб.
 АИАПМЗ – Азовский историко-археологический и палеоэтнологический музей-заповедник
 АКМ – Азовский краеведческий музей
 АКККМ – Архив Красноярского краевого краеведческого музея
 АлтГУ – Алтайский государственный университет
 АлтГТУ – Алтайский государственный технический университет
 АМУ – Архив Марбургского университета
 АН СССР/РАН – Академия наук СССР / Российская академия наук
 АО – Археологические открытия
 АО – МВ – Археологический отдел Музейного ведомства Финляндии
 АОЦИЭА – Актюбинский областной центр истории, этнографии и археологии
 АПУ – Археология Поволжья и Урала: Материалы и исследования. Казань
 АрмКМ – Армавирский краеведческий музей
 АС – Археологический съезд
 АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
 АЭАЕ – Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
 АЮС – Археология Южной Сибири. Кемерово
 БГУ – Белорусский государственный университет
 БНЦ УрО АН СССР – Башкирский научный центр УрО АН СССР/РАН
 БЭК – Башкирский экономико-юридический колледж
 ВАУ – Вопросы археологии Урала. Свердловск
 ВГПУ – Воронежский государственный педагогический университет
 ВГУ – Воронежский государственный университет
 ВолГУ - Волгоградский государственный университет
 ВУАК – Воронежская ученая архивная комиссия
 ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
 ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры
 ГИМ – Государственный исторический музей
 ГМИИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина
 ГМИР – Государственный музей истории религии
 ГПИ – Государственный педагогический институт
 ГЭ – Государственный Эрмитаж
 Дальгиз – Дальневосточное государственное издательство
 ДАЭ – Донская археологическая экспедиция Института археологии РАН
 ДГУ – Днепропетровский государственный университет
 ДонНУ – Донецкий национальный университет
 ДТМАО – Древности. Труды Московского археологического общества. М.
 ЕИАХМЗ – Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
 ЗНУ – Запорізький національний університет
 ЗРАО – Записки Русского Археологического Общества. СПб.
 ИАИ – Известия на Археологический Институт. София
 ИАК – Известия Императорской Археологической комиссии. СПб.
 ИА МОН РК – Институт археологии им. А.Х. Маргулана Министерства образования и науки Республики Казахстан
 ИАН – Императорская Академия наук
 ИА НАНУ – Институт археологии Национальной академии наук Украины
 ІА НАНУ – Інститут археології Національної академії наук України
 ИАП – Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск
 ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
 ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
 ИВ РАН – Институт востоковедения РАН
 Изд. – Издание
 ИИ АН РТ – Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан
 ИИ АН ЭССР – Институт истории Академии наук Эстонской ССР
 ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской Академии наук
 ИИЯЛ БФАН СССР – Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР
 ИИЯЛ ДФ АН СССР – Институт истории языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР
 ИРАИМК – Известия Российской академии истории материальной культуры. Л.
 ИЯЛИ – Институт истории, языка и литературы им. Г. Ибрагимова КФАН СССР
 ИЯЛИ КНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
 ІУ НАНУ – Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України

КБГУ – Кабардино-Балкарский государственный университет
КБИГИ – Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
КБНИИ – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КГОМА – Курский государственный областной музей археологии
КГПИ – Куйбышевский государственный педагогический институт
КГПУ – Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
КГУКИ – Краснодарский государственный университет культуры и искусств
КДПУ – Кировоградський державний педагогічний університет
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
КНЦ УрО РАН – Коми научный центр Уральского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН – Казанский филиал АН СССР/РАН
ЛГПУ – Липецкий государственный педагогический университет
ЛНИАО – Ленинградское научно-исследовательское археологическое объединение
ЛФ ЦНТД – Ленинградский филиал Центра научно-технической деятельности АН СССР
МАНВГР – Материалы по археологии восточных губерний России. М.
МАР – Материалы по археологии России. СПб., Пг.
МарНИИ – Марийский научно-исследовательский институт
МАСП – Материалы по археологии Северного Причерноморья. Одесса.
МАЭ – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
МВФ – Музейное ведомство Финляндии
МГУ – университет им. М.В. Ломоносова
МГОУ – Московский государственный областной университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
МИИКНСК – Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа
МИ КВАЭ – Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции
МИЦАИ – Международный Институт Центральноазиатских исследований
МК – Материалы конференции
ММНК – Материалы Международной научной конференции
НАВ – Нижневолжский археологический вестник. Волгоград
НМЗУГ – Национальный музей-заповедник украинського гончарства
ННГУ – Нижегородский государственный университет
НПЦ – Научно-производственный центр
НТМТ – Науково-творче мистецьке товариство
НТЦ – Научно-технический центр
НФ МАРТ ИА АН РТ – научный фонд музея археологии Республики Татарстан Института археологии Академии наук Республики Татарстан
НЦАИ – Национальный центр археологических исследований ИИ АН РТ
ОГПУ – Оренбургский государственный педагогический университет
ОИРИМ – Отчеты Императорского Российского Исторического музея. М.
ПА – Поволжская археология. Казань
ПАЗ – Полтавський археологічний збірник. Полтава.
ПГУ – Пермский государственный университет
РА – Российская археология. М.
РАТ – Рабочий архив А.М. Тальгрена в Музейном ведомстве Финляндии
РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
РГПУ – Ростовский государственный педагогический университет
РОНБФ – Рукописный отдел Национальной библиотеки Финляндии
СА – Советская археология. М.
САИ – Свод археологических источников. М.
САИР – Свод археологических источников России. М.
СГПУ – Самарский государственный педагогический университет
СГУ – Саратовский государственный университет
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа. Ленинград, СПб.
СГПИ – Саратовский государственный педагогический институт
СГУТиКД – Сочинский государственный университет туризма и курортного дела
СКФУ – Северо-Кавказский федеральный университет
СМАЭ – Сборник Музея антропологии и этнографии. СПб.
СНЦ РАН – Самарский научный центр Российской Академии наук
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
СтавГУ – Ставропольский государственный университет

СЭ – Советская этнография. М.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
 ТД – Тезисы докладов
 ТДНК – Тезисы докладов научной конференции
 ТГИМ – Труды ГИМ. М.
 ТГОМ – Тверской государственный объединённый музей
 ТГУ – Томский государственный университет
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа. Л., СПб
 ТД МНК – Тезисы докладов Международной научной конференции
 ТДС – Тезисы докладов семинара
 Тип. – Типография
 ТМАЭ – Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола
 ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. М.
 ТЧНИИ – Труды Черкесского научно-исследовательского института. Черкесск
 УАВ – Уфимский археологический вестник. Уфа
 УдГУ (УдмГУ) – Удмуртский государственный университет
 УЗ ПГУ – Ученые записки Пермского государственного университета
 УрГУ – Уральский государственный университет
 УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР/РАН
 ФИА/ФИАА – Филиал института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана
 ХГУ – Харьковский государственный университет
 ХГУ – Херсонский государственный университет
 ЦАИ АГПУ – Центр археологических исследований Армавирского государственного педагогического университета
 ЧИГУ – Чечено-Ингушский государственный университет им. Л. Н. Толстого
 ЮНЦ РАН – Южный научный центр РАН
 AAASH – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
 BAR – British Archaeological reports. Oxford
 EARPSR – Editura Academiei Republicii socialiste Romania
 ESA – Eurasia Septentrionalis Antiqua. Helsinki
 FA – Folia Archaeologica. Budapest
 FM – Finskt Museum. Helsingfors
 FUF – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki
 FUF, Anzeiger – Finnisch-ugrische Forschungen, Anzeiger. Helsinki
 MA – Memoria Antiquitatis. Piatra-Neamţ
 MAVA – Materialien zur Allgemeinen und Vergleichenden Archäologie. Mainz am Rhein
 MSROA – Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego. Rzeszow
 PAS – Prähistorische Archäologie in Südosteuropa. München
 PBF – Prähistorische Bronzefunde. Stuttgart
 PZ – Prähistorische Zeitschrift. Berlin
 RA – Revista arheologică. Chişinău
 SMYA – Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. Helsinki

Журнал основан в мае 2017 г.
 Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
 № ФС77-696450 от 2 мая 2017 г.
 выдано Роскомнадзором

Оригинал-макет – *А.А. Сайфуллин*
 420012 г. Казань, ул. Бутлерова, 30
 Подписано в печать 25.12.2017 г. Формат 60×84 ¹/₈
 Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 41,4.
 Общий тираж 1000 экз. Первый завод 150 экз. Заказ №

Отпечатано в ЗАО «Издательский дом Казанская недвижимость»
 420066, г. Казань, ул. Декабристов, д. 2.